КРИМИНАЛЬНЫЕ СЕНСАЦИИ

ГЮНТЕР ПРОДЬОЛЬ

ГЮНТЕР
ПРОДЬОЛЬ

КРИМИНАЛЬНЫЕ СЕНСАЦИИ

Минск «Беларусь» 1994

ББК 84(4Г)
П78
УДК 830-3

Перевод подготовлен по изданию:
Günther Prodöhl. Kriminalfälle ohne Beispiel.—
Berlin: Verlag Das Neue Berlin.— 1971

Перевод с немецкого и составление
А. А. ПОДЗЯРЕЯ и С. А. ПОДЗЯРЕЯ

П 8300000000—026 / М301(03)—94 БЗ 155—93

ISBN 5-338-01111-5

БАНДА ДИЛЛИНДЖЕРА

Ист-Чикаго, штат Индиана, 15 января 1934 года.

Середина дня... Через какие-нибудь полчаса филиал Национального банка в Ист-Чикаго закроется на обед. К нему медленно подъезжает темно-синий шестиместный «крайслер» и останавливается метрах в четырех от каменных ступеней ведущей к центральному входу лестницы. Из лимузина выходят пять молодых людей. Несмотря на холодную пору года, они только в костюмах и шляпах, у каждого через правую руку, как летом, перекинут плащ.

Редкие прохожие, спешащие по своим делам, не обращают на них особого внимания: просто пять человек, возможно члены правления, идут себе спокойно в банк. Никто из проходящих мимо и не подозревает, что у каждого под плащом наготове 32-зарядный автомат — из тех, что на вооружении у американской федеральной полиции.

Водитель «крайслера» вытаскивает из-под соседнего сиденья такой же автомат, снимает его с предохранителя и кладет рядом на кожаную обивку. Затем щелчком выбивает сигарету из пачки и чиркает универсальной спичкой о приклад автомата. Тем временем остальные уже исчезают за массивной входной дверью. Один из них остается на посту у дверей. Он достает из кармана картонную табличку и изнутри прикрепляет ее к дверному стеклу. Теперь снаружи каждый может прочесть, что кассовый зал временно не работает. Пожилому господину, который не замечает таблички, молодой человек предупредительно разъясняет, что, к сожалению, деньги пока выдаваться не будут.

Четверо других уже прошли вестибюль и входят в помпезный кассовый зал, где около сотни посетителей занимаются своими банковскими вопросами.

И снова один из них остается у входа, а трое других, вежливо извиняясь, пробираются к барьеру, за которым находится большой сейф с широко раскрытой сейчас

бронированной дверцей. Вдруг, как по команде, все четверо сдергивают плащи, и теперь можно видеть тонкие черные стволы, круглые магазины и коричневые деревянные приклады автоматов. Однако пока на это никто не обращает внимания. Люди в кассовом зале очень заняты своими денежными делами.

Но вот оставшийся у входа поднимает автомат, нажимает на курок, и в тот же миг тонкий ствол с пронзительным прерывистым визгом изрыгает в потолок веер пуль. Они попадают в лепные украшения, светильники — и небольшой дождь из штукатурки, кусков гипса и стекла сыплется на паркетный пол. Там уже, вытянувшись во весь рост и не смея поднять головы, как курсанты на ученьях, лежат клиенты банка, которые только что так усердно занимались своими финансовыми вопросами. Им совсем не обязательно смотреть на то, что происходит: они и так все прекрасно понимают. Уже года два, по крайней мере раз в неделю, они читают в газетах о подобных происшествиях.

Так что, когда мужчина у входа направляет на них еще дымящийся автомат и кричит: «Ограбление! Никому не двигаться, не то стреляем! Оставайтесь на местах, и мы никого не тронем!» — это уже излишние церемонии.

За предупреждением на твердом чикагском сленге наступает гнетущая тишина. Люди словно приклеились к полу, их тела застыли в неподвижности, они даже боятся дрожать от страха. У некоторых в карманах есть оружие, и они лихорадочно соображают, нельзя ли его незаметно вытащить и пустить в ход. В конце концов, ведь их здесь человек сто. Не могут же четверо гангстеров держать всех в поле зрения. Стоит только одному начать...

Многие уже подумывают об этом — но тут у них перед глазами всплывает броский заголовок в недавних газетах: «При ограблениях банков погибло 262 человека!»

И у всех появляется только одно желание: не стать двести шестьдесят третьим!

Кассир в черных нарукавниках, сидящий рядом с открытым сейфом, тоже сначала думает о сопротивлении и о белой кнопке тревоги, которая спрятана изнутри под кассовым окошком и до которой всего каких-нибудь полметра, тогда как до ближайшего автоматчика по ту сторону барьера добрых метров пять. Он представляет себе, как в завтрашних газетах на первых страницах напечатают его фотографию с подписью: «Отважный

кассир сорвал ограбление!», а директор назначит его главным кассиром. Ему только нужно незаметно протянуть руку — и через несколько минут полиция будет здесь! Но тут же в голову приходит мысль, что пули из автомата преодолеют пять метров быстрее, чем он дотянется до кнопки, и тогда в газетах, вероятно уже в черной рамке, можно будет прочитать: «За свою преданность Национальному банку он заплатил жизнью...»

Так и не нажимает кнопку кассир, сидящий перед открытым сейфом. Когда мужчина у входа кричит: «Эй, ты, там, у сейфа! Ну-ка открой дверь и помоги сложить деньги! Да пошевеливайся, а не то пришлепну!» — он покорно поднимает руки и идет к маленькой двери в барьере.

Трясущимися руками держит он серый почтовый мешок, используемый банками для перевозки денег, и пытается считать летящие в мешок пачки долларовых купюр, однако вскоре отказывается от этого.

Мужчина, который достает из сейфа деньги, видимо, тоже не обеспокоен проблемой подсчета. Он и его сообщники полностью полагаются в этом на американскую прессу — уже сегодня вечером она сообщит с точностью до цента сумму похищенного.

Когда грабитель с набитым мешком проходит через дверь в вестибюль, его «коллега», простоявший все время на посту у входа в зал, снова «дает слово» своему автомату. Только на этот раз он пускает очередь над головами лежащих на полу и нагоняет такого страху, что ни у кого и мысли не появляется преследовать убегающих бандитов.

Человек за рулем «крайслера» удивленно поднимает брови, когда от выстрелов в банке из нескольких окон на фасадной стороне здания сыплются стекла. Испуганные прохожие бегут к стоящему на углу «копу» — патрульному полицейскому,— чтобы обратить на это его внимание. Он идет сюда! Сначала медленно, потом вдруг переходит на бег.

В то время как полицейский на ходу вытаскивает из кожаной кобуры револьвер, человек в машине хватает автомат. Он кладет ствол на опущенное стекло правой дверцы и прикрывает его выставленным локтем; это выглядит так, будто скучающий водитель такси коротает время в ожидании клиента. Чтобы не промахнуться, он ждет, пока «коп» взбежит на верхнюю ступеньку лестницы. Однако когда полицейский, пробегая мимо витрины

магазина-закусочной, выхватывает свисток и тянет его ко рту, он нажимает на курок.

Визг короткой очереди сменяется звоном разбитого пулями витринного стекла. «Коп», будто споткнувшись на полном ходу, падает лицом вниз, на мостовую. И уже не поднимается. Видно, убит наповал.

Линкольн-авеню, на которой стоит банк, пуста, словно ее вымело. Пятеро мужчин с автоматами и мешком денег без помех садятся в машину. Последний, как бы из озорства, хлещет очередью по входу в банк — сыплются дверные стекла. Взревывает мотор, и «крайслер» исчезает...

Вечером газеты не только Ист-Чикаго, но и всей Америки сообщают, что ужасная банда Диллинджера совершила очередное, пятьдесят шестое, ограбление, похитив из филиала Национального банка в Ист-Чикаго 263 954 доллара и убив при этом «всего лишь» одного полицейского О'Мэллея. Не только жестокость при нападении, но и, прежде всего, пули, извлеченные из стен и потолка кассового зала, а также из тела застреленного сержанта О'Мэллея, доказывают, что речь действительно идет о самой опасной американской банде.

А ведь несколько месяцев назад оружие гангстеров принадлежало федеральной полиции штата Индиана. Оно попало в руки людей Диллинджера в ночь с 14 на 15 октября 1933 года. Тогда Джон Диллинджер с членами своей банды Хомером ван Метером и Фрэнком Нэшем внезапно напали на уединенный полицейский пост в Оберне, застрелили постовых и забрали два пулемета, шесть автоматов, дюжину винтовок, десятки револьверов, четырнадцать ящиков патронов и несколько пуленепробиваемых жилетов. Все это они увезли на двух машинах, которые украли тут же, во дворе полицейского поста. Тогда они оставили на месте преступления столько отпечатков пальцев, что было совсем нетрудно установить давно уже прописанного в дактилоскопической картотеке инициатора налета Джона Диллинджера. Однако большего сотрудникам ФБР добиться не удалось, хотя все последующее время Диллинджер почти каждую неделю заставлял говорить о себе убийствами и ограблениями.

Американские газеты использовали последнее ограбление как повод в который уже раз рассказать читателям о жизненном пути этого знаменитейшего преступника. Во всех деталях они расписали, что Джон Диллинджер,

прозванный Джоном-убийцей, родился в 1903 году в городке Мурсвилл штата Индиана в семье почтенного коммерсанта Чарльза Диллинджера, который одно время был даже членом правления «церкви истинных христиан», и что в двадцать один год он средь бела дня в городском парке совершил свое первое, правда неудачное, нападение на гражданина Мурсвилла Моргана.

Уже тогда Диллинджер применил огнестрельное оружие, хотя обращаться с подобным орудием производства еще толком не умел. Поэтому его выстрелы попали в спинку парковой скамейки; торговец колониальными товарами Морган отделался испугом, а шериф Мурсвилла определил это как попытку убийства с целью ограбления. Местный мировой судья уже тогда, видимо, почувствовал, какой из него вырастет гангстер, и отнес его преступление к статье, которая предусматривала тюремное заключение от десяти до двадцати лет. Отбывать срок Диллинджера отправили в исправительное заведение штата Индиана в Пендлтоне. Практикуемые там методы исправления сделали из молодого преступника не законопослушного гражданина, а кошмар Америки, безжалостного бандита, которого через десять лет официально назвали врагом № 1 американского общества. Диллинджера и его банду объявили вне закона, поскольку даже трехтысячная спецкоманда шефа ФБР Гувера, членов которой прозвали «джименами»*, так и не смогла, пользуясь традиционными методами, положить конец его преступной деятельности.

После четырех лет пребывания в исправительной колонии Диллинджер был амнистирован губернатором штата и выпущен на свободу под честное слово никогда больше не нарушать закон. В знак «благодарности» первые свои ограбления он вместе со сколоченной еще в заключении бандой совершал только в штате Индиана. Позднее стал грабить банки и в соседних штатах Огайо, Мичиган, Иллинойс. Его «работа» отличалась такой жестокостью, что даже в годы «великой депрессии», когда ограбления банков были делом привычным, он быстро стал знаменитым. Диллинджера не устраивал старый метод грабителей: «Руки вверх и давай деньги!» — нет, он часто стрелял без предупреждения, он убивал каждого, кто стоял на его пути к банковскому

---

* g-man *(англ.)* — сокр. от «government man» («правительственный человек»).— *Здесь и далее прим. пер.*

сейфу, независимо от того, сопротивлялся тот или нет. Такая безграничная жестокость наводила ужас, а ему это и было необходимо для осуществления дальнейших планов. Никто не отваживался на сопротивление, когда люди Диллинджера с плащами через руку внезапно появлялись в кассовых залах.

Правда, в 1933 году, когда Диллинджер ограбил уже сорок пять банков на пять с лишним миллионов долларов, судьба, как сначала показалось, настигла его при весьма странных обстоятельствах.

Во время обычной прогулочной поездки в местечке Блафтон он переехал гуся. Преступник, для которого человеческая жизнь не стоит ломаного гроша, вдруг выходит из машины и начинает сокрушаться о несчастной судьбе погибшей под колесами птицы. Хозяйка гуся требует возмещения убытков, Диллинджер платить не хочет.

Начинается перебранка, зовут шерифа Блафтона Джесса Сабера, и он с первого взгляда узнает человека, портрет которого с объявлением о розыске давно висит у него в бюро. Он задерживает ошарашенного босса гангстеров, сажает в местную тюрьму и срочно сообщает об этом по телефону в Вашингтон, в центральное управление ФБР.

И тут происходит то, что выплывет на поверхность лишь много лет спустя, да и то в виде осторожных намеков. В Блафтоне появляется бронированный автомобиль, но не машина ФБР для перевозки арестантов, а... темно-синий «крайслер»! В нем сидят члены банды Диллинджера — Пирпонт, Кларк, Маклей и Коуплэнд.

Время близится к десяти вечера, Джесс Сабер в бюро с беспокойством ожидает обещанного эскорта «джименов», и в этот момент в кабинет заходят Пирпонт, Кларк, Маклей и Коуплэнд. Шериф, конечно, принимает их за агентов ФБР, но, больше для проформы, просит показать служебные удостоверения; Пирпонт вытаскивает из кобуры под мышкой пистолет и стреляет в шерифа. Затем они обыскивают бюро, находят ключи от тюрьмы — если можно назвать тюрьмой две камеры в подвале здания полицейского поста — и освобождают своего шефа.

Местные газеты позже дали сообщение под заголовком «Таинственное убийство шерифа Блафтона», но ни словом не упомянули об аресте Диллинджера и его

последующем освобождении сообщниками. Так что никто и не ломал себе голову над тем, откуда гангстеры узнали об аресте своего босса. Об этом мог бы поведать только шериф Блафтона и... кое-кто из руководства ФБР.

Итак, Диллинджер продолжал без особых помех грабить банки, и 15 января 1934 года, совершив налет в Ист-Чикаго, как было сказано, добился «рекордного» показателя — 264 тысячи долларов; такой добычи у банды еще не было.

Все розыски полиции после налета результатов не дали. Был блокирован весь город, обшарены все предполагаемые тайники и укрытия, но темно-синий «крайслер», за рулем которого сидел сам Диллинджер, так же как и его пассажиры — ван Метер, Фрэнк Нэш, Лэстер Маклей, Джон Кларк и Мак Пирпонт,— будто сквозь землю провалился. В то время когда «джимены» прочесывали притоны, бордели и игорные дома, в которых Джонни — так звали Диллинджера его дружки — в свободное от «работы» время был постоянным клиентом, банда устроила себе двухнедельный отпуск. Разбившись на мелкие группы и разделив по справедливости 264 тысячи, они разъехались по лучшим курортным местам Соединенных Штатов. Сам Диллинджер с тремя закадычными друзьями Пирпонтом, Маклеем и Кларком отправился сначала во Флориду, на побережье, а затем, когда там стало слишком оживленно, перебрался в горы Аризоны. Они остановились на несколько дней в небольшом местечке под Тусуном, поселились в «Конгресс-отеле» и предавались отдыху как представители «высшего света». И вот здесь, в этом уединенном уютном гнездышке, об отдыхе в котором никто из боровшихся с Диллинджером «джименов» и мечтать не смел, опаснейший грабитель и убийца в результате стечения необычных обстоятельств опять попал в руки простого местного шерифа.

В ночь с 25 на 26 января 1934 года из-за короткого замыкания в «Конгресс-отеле» начинается сильный пожар. Диллинджер и трое его друзей после хорошей выпивки беспробудно спят. Они на волосок от того, чтобы превратиться в кучку пепла, и тогда ни ФБР, ни кто другой никогда не узнал бы об их бесславном конце. В последнюю минуту всех четверых спасает отважный пожарник Джеймс Фримэн и, поскольку они не только пьяны, но и отравлены дымом, отправляет в тусонский госпиталь.

После того как пожар потушен, Джеймс Фримэн продолжает дежурство; листая лежащие в пожарной части журналы, он случайно натыкается на большой фотопортрет гангстера Джона Диллинджера, совершившего десять дней назад разбойное нападение на банк, и — о боже! — бледнеет от испуга и неожиданности. Он вспоминает лицо одного из тех четверых, которых несколько часов назад вытащил из горящего отеля. Фримэн внимательно всматривается в журнальный снимок... Да, теперь он уверен, что не ошибся: мужчина, который лежит сейчас без сознания в госпитале, безусловно, Джон Диллинджер.

Шериф Тусона громко хохочет, когда Фримэн в крайнем возбуждении сообщает ему по телефону, что государственный преступник № 1 лежит в тусонском госпитале пьяный и угоревший от дыма. Пожарнику приходится несколько раз прокричать в трубку шерифу, словно глухому: «Это точно он, поверьте же мне! Я абсолютно уверен!», прежде чем Хантер нехотя посылает своих подчиненных в госпиталь. То, что шериф Хантер все еще считает неудачной шуткой или, в крайнем случае, досадной ошибкой, оказывается — невероятно, но факт! — правдой. Два провинциальных полицейских делают то, чего не смог до этого сделать весь многотысячный специально подготовленный и вооруженный до зубов аппарат ФБР. Имея при себе всего лишь резиновые дубинки и наручники, они скручивают в госпитале Джона Диллинджера и его опасных спутников и доставляют, словно безобидных бродяг, в бюро к потерявшему дар речи шерифу. На этот раз местное управление ФБР, чтобы предотвратить повторение истории с освобождением, немедленно присылает группу «джименов». Теперь уже, действительно, похоже на то, что Диллинджеру приходит конец. Чтобы усадить арестованных бандитов на электрический стул, а при разноголосице законов в различных штатах это совсем не просто, их передают туда, где преступникам гарантирована смертная казнь. К смерти же приговаривают во всех без исключения штатах за убийство полицейского. Поэтому Диллинджера самолетом переправляют в Индиану, так как в Ист-Чикаго он застрелил сержанта О'Мэллея; Пирпонта, Маклея и Кларка везут в Огайо — там был убит шериф Сабер из Блафтона. Вся Америка вздыхает с облегчением: наконец-то банда Диллинджера, по крайней мере самые опасные ее члены, обезврежена.

Джона Диллинджера содержат в Краун-Пойнте, как смертника за день до казни,— руки и ноги в кандалах, камера в виде клетки, днем и ночью освещенной со всех сторон несколькими прожекторами. Три часовых с пистолетами наготове стерегут каждое движение. Место его содержания хранится в глубокой тайне. Охрана живет в тюрьме, в полной изоляции от внешнего мира. Если бы сейчас кто-нибудь посмел утверждать, что через несколько дней Диллинджер снова будет на свободе и, прежде чем прокурор успеет подготовить обвинительное заключение, ограбит очередной банк, того, без сомнения, высмеяли бы как ненормального или неудачного шутника.

И тем не менее через четырнадцать дней после водворения Диллинджера в Краун-Пойнт случается то, чего никто не может себе представить.

Камера Диллинджера расположена в крыле IVб, в части здания, предназначенной для «кандидатов» в смертники и абсолютно изолированной от остального тюремного корпуса. Кроме него здесь находится уже приговоренный убийца Гарри Джаунгблад, так же зорко охраняемый. Наряды сменяются каждые четыре часа. Смене их предшествует развод караула, церемония которого происходит в специальном помещении. Таким образом, оба «претендента» на смертную казнь остаются на несколько минут без присмотра.

И вот 14 февраля происходит следующее.

Во время смены второй и третьей дневных вахт взревела тюремная сирена тревоги. Длинный гудок, короткий, длинный, короткий, длинный, короткий... Сигнал общей тревоги, который дается только при коллективном побеге, бунте или пожарной опасности. По этому сигналу весь персонал обязан немедленно собраться во дворе тюрьмы. И оба караульных наряда, послушные приказу, бросаются туда!

Внизу, во дворе, все в растерянности смотрят друг на друга. Никто не знает, почему объявлена тревога. В тюрьме ведь царит полнейший порядок и покой! Остается только предположить, что сирена сработала из-за каких-то технических неполадок. Наряды караульных возвращаются на место. Когда охранники Диллинджера входят в коридор, где расположена его освещенная клетка, они останавливаются как вкопанные и быстро поднимают вверх руки. Джон Диллинджер стоит перед дверью клетки, без цепей, и делает недвусмысленные жесты

крупнокалиберным пистолетом-автоматом. Рядом с ним стоит Гарри Джаунгблад, тоже без цепей, нагло ухмыляется и затем осторожно, по дуге, чтобы в случае чего не попасть под пули Диллинджера, подходит к тюремщикам.

С тремя напуганными до смерти охранниками происходит то же самое, что много раз до этого происходило с банковскими служащими. Они вооружены, но так же, как и те, думают: вот если бы кто-нибудь из нас решился выхватить пистолет,— но никто не хочет играть со смертью. Они слишком много наслышаны о том, как быстро и метко стреляет Диллинджер; все они отцы семейств и обыкновенные, рядовые служители закона, а вовсе не герои.

Так что Гарри Джаунгблад быстро разоружает их, отбирает ключи и запирает в освободившихся клетках. Из крыла IVб есть переход в помещение для казней, а оно соединено с административным корпусом, откуда можно выйти прямо на улицу, минуя многочисленные посты внутри тюрьмы. По этому пути Диллинджер и Джаунгблад добираются до здания управления, перед которым стоит готовый к отправлению автомобиль директора тюрьмы Лилиан Холли,— и, прежде чем открывается их побег, они уже в безопасности.

Газеты выходят специальными выпусками, возмущению общественности нет предела. Волей-неволей правительство в Вашингтоне вынуждено заняться этим невероятным происшествием. Через несколько дней представителям прессы демонстрируют деревянный макет пистолета-автомата, который был якобы брошен бандитами по дороге из тюрьмы. Этим макетом их хотят убедить, будто супергангстер совершил побег на свой страх и риск, без посторонней помощи: мол, вырезал оружие в камере из табуретки и с его помощью одурачил надзирателей. Кто попроще, мог и поверить в эту версию, но солидные газеты называют это не внушающим доверия спектаклем.

Как мог Диллинджер, будучи в клетке-камере днем и ночью на глазах, не имея ножа, вырезать макет? Как сумел он без ключа снять кандалы, и не только свои, но и соседа Джаунгблада? Кто поднял эту в высшей степени загадочную общую тревогу, если во всем штате Индиана это могли сделать только два человека — директор тюрьмы и губернатор штата? Почему вдруг в это время перед воротами тюрьмы оказался автомобиль? Такие вопросы задают газеты и... сами же вынуждены на них отвечать.

На следующий день в американской прессе с разной степенью откровенности, но вполне определенно намекают, что́ на самом деле скрывается за этим невероятным побегом: у Диллинджера должны быть сообщники, которых надо искать не в банде, а в правительственных кругах и полицейском руководстве. Наконец, правительство открыто обвиняют в том, что оно вместе с полицией продалось преступному миру и организовало побег Диллинджера, чтобы избежать собственного разоблачения.

Только так определенные круги могут с выгодой для себя помочь преступнику уйти от открытого судебного процесса.

Насколько справедливы были эти упреки и подозрения, показывают действия вашингтонских властей.

Они официально не отвергают предъявленных им обвинений, а пытаются свалить все на персонал тюрьмы в Краун-Пойнте. Директора тюрьмы Лилиан Холли и всех охранников Диллинджера за его побег арестовывают. Но общественность, конечно, никогда не узнает ни о суде над ними, ни о вынесенном приговоре, поскольку на самом деле им и не предъявляют никакого обвинения. Их арест — всего лишь успокаивающий и отвлекающий маневр.

Однако 16 марта побег Диллинджера из тюрьмы Краун-Пойнта снова у всех на устах!

«В городке Порт-Гурон в Мичигане сотрудники полиции на улице опознали сообщника Диллинджера по побегу Гарри Джаунгблада. В завязавшейся перестрелке он был убит» — так сообщили все крупные газеты Америки.

Прочитав это, читатель мог подумать, что Джаунгблад при угрозе ареста схватился за оружие и полиции ничего не оставалось, как стрелять.

Совсем по-другому представлено это событие на страницах местной печати. «Мичиган ньюс» 17 марта 1934 года пишет:

«Сотрудники ФБР получили секретную информацию, что Диллинджер и Джаунгблад договорились встретиться 16 марта в приграничном Порт-Гуроне. Туда послали две сотни агентов. Двое из них наконец обнаружили Джаунгблада прямо на улице, среди прохожих, и незаметно последовали за ним. Когда он вышел на свободное от людей место, они, не долго думая, пустили в ход свою «артиллерию». Джаунгблад получил пулю, но ему все же удалось укрыться в переулке, откуда, невзирая на прохо-

жих, он открыл пальбу по преследовавшим его полицейским. Завязался настоящий бой. Прохожие в страхе разбежались, но тем не менее двое мужчин на мостовой были ранены. Когда Джаунгблад появился возле витрины магазина и сектор обстрела стал чист от людей, полицейские ни секунды не колебались... Джаунгблад рухнул на землю и через минуту умер».

В таком описании картина перестрелки с Джаунгбладом предстает совсем в ином, весьма странном, виде. ФБР, все усилия которого в это время были направлены на поимку сбежавшего Диллинджера, получает сведения, что главарь гангстеров собирается в Порт-Гуроне встретиться с Джаунгбладом. «Джимены» обнаруживают Джаунгблада и незаметно следуют за ним, но вместо того, чтобы продолжать слежку — ведь только так они могут выйти на Диллинджера,— используют первую возможность, чтобы сзади застрелить Джаунгблада. Что за бестолковые детективы! Убить единственного человека, который мог бы указать, где скрывается Диллинджер!

Неужели люди ФБР на самом деле настолько глупы? В это трудно поверить. Гораздо правдоподобнее другое объяснение: высокопоставленным покровителям Диллинджера очень хотелось навсегда заткнуть рот единственному свидетелю его побега. С их возможностями им было нетрудно установить, где Джаунгблад скрывался после бегства из тюрьмы, и, когда это стало известно, они просто позволили «джименам» застрелить его. Таким бесхитростным способом был устранен опасный свидетель.

Затем срывается еще одна попытка местной полиции схватить Диллинджера. 30 марта в прокуратуре Сент-Пола появляется владелица одного из пансионов и сообщает, что в ее доме с недавних пор стали появляться люди, которые, по ее предположению, принадлежат к банде Диллинджера. Перед ней раскладывают фотографии и выясняют, что Джон Диллинджер и его подруга, танцовщица варьете Эвелин Фричитт, живут в пансионате под видом супругов Хэллмэн; их регулярно навещают члены банды Хомер ван Метер, Эдвард Грин и Фрэнк Нэш, чаще всего в сопровождении дам, которые раньше уже бывали здесь с другими мужчинами. Прокурор Сент-Пола направляет по адресу группу полицейских, чтобы захватить бандитов, но Диллинджеру под огневым прикрытием ван Метера удается улизнуть по крыше. Ван Метера и двух девиц из банды — Бэсси Скиннер и Люси

Джексон — задерживают. По требованию ФБР ван Метера, который так усердно палил по полицейским Сент-Пола, переводят в тюрьму Краун-Пойнта в соседний штат Индиана, и 19 мая губернатор штата отпускает его на свободу «под честное слово».

Но еще до этого в Сент-Поле прокурор принимается за подружек бандитов Бэсси Скиннер и Люси Джексон. Так называемый допрос третьей степени проводится в комнате с ослепительно белыми стенами, полом и потолком, без окон, но ярко освещенной дюжиной прожекторов. Прокурор и его помощник сидят здесь в солнцезащитных очках. Тот, кого приводят в эту комнату, очень скоро начинает говорить, не дожидаясь других, насильственных, методов, которые, как известно, категорически запрещены законом.

Не проходит и двух часов, как Бэсси и Люси начинают, выражаясь принятым в их кругах языком, «петь». Бэсси признается, что она подружка Эдварда Грина и что 3 апреля Грин должен навестить ее дома. Люси рассказывает о своей связи с Фрэнком Нэшем. Еще два часа допроса — и она пишет адрес, где Фрэнки-бой, как она его нежно называет, время от времени скрывается: Хот-Спрингс, штат Арканзас, одинокая ферма. Прокурор Сент-Пола с гордостью сообщает о добытых сведениях шефу ФБР Гуверу и просит для захвата членов банды направить специально обученных людей. Гувер соглашается, и 3 апреля квартира Бэсси Скиннер в Сент-Поле обложена «джименами». Эдвард Грин действительно появляется. Он не знает, что подружка его предала. Два сотрудника ФБР поджидают его на лестничной площадке и, как только он показывается на лестнице, открывают огонь из автоматов...

Через несколько дней в Хот-Спрингсе задерживают Фрэнка Нэша. Его при аресте не застрелили, а «всего лишь» тяжело ранили. Поскольку в Хот-Спрингсе нет тюремного госпиталя, его приходится везти в Канзас-Сити, ближайший крупный город. Из соображений безопасности везут не на автомашине, а по железной дороге.

Когда поезд подъезжает к центральному вокзалу Канзас-Сити, на перроне его встречает группа мужчин в светлых летних костюмах. У каждого на руке плащ. Едва локомотив останавливается, под плащами начинают трещать автоматы. Несколько мужчин под прикрытием огня бросаются к вагону, в котором находится Фрэнк Нэш. Через мгновение вокзал превращается в поле сра-

жения. Из вагонов стреляют фэбээровцы, снаружи — люди Диллинджера, а из здания вокзала — находящаяся там железнодорожная охрана. Такое превосходство в силе банде Диллинджера не по плечу, она вынуждена отступить и отказаться от попытки освободить сообщника. Однако весь этот бой оказывается бессмысленным: как только бандиты открыли огонь, лежавший на носилках Фрэнк Нэш был застрелен одним из сотрудников ФБР. Жертвами сумасшедшей пальбы стали начальник полиции Оулин Рид, сотрудник уголовной полиции Рэймонд Кэффри и два полицейских из охраны вокзала.

В тот же день банда Диллинджера нападает на банк в Канзас-Сити и убивает при этом трех случайных прохожих, а в течение следующих нескольких недель совершает еще четыре наглых ограбления банков, во время которых лишает жизни двенадцать человек. Диллинджер и его бандиты ведут себя так, как будто в Америке вообще нет полиции!

Пресса возмущена и все более открыто критикует власти. Президент Рузвельт больше не может оставаться в бездействии. Он поручает генеральному прокурору США Каммингсу принять чрезвычайные меры для разгрома банды Диллинджера. Каммингс созывает совещание, в котором кроме него и шефа ФБР Гувера принимают участие самые известные и компетентные криминалисты Соединенных Штатов. Это совещание, однако, больше похоже на капитуляцию государственной власти перед преступным миром.

Генеральный прокурор открыто признает: «В течение последних двенадцати месяцев в стране было совершено двенадцать тысяч убийств, полтора миллиона разбойных нападений, покушений на убийство и других тяжких преступлений. Двенадцать с половиной тысяч гангстеров поименно известны полиции, и тем не менее никто не может положить конец их деятельности. Полиция и административный аппарат настолько срослись с уголовным миром, что с гангстерами практически невозможно бороться. Преступники через своих людей своевременно узнают о намечаемых полицией акциях, и даже если из-за непредвиденной случайности кто-то из них попадает в руки полиции, его через короткое время или выпускают «под честное слово», или освобождают какимнибудь загадочным образом. Победить коррупцию можно, только разгромив банды, но разгромить банды нельзя, не покончив с коррупцией».

После небольшой паузы Каммингс заканчивает свое выступление следующими словами: «Господа! Я не хотел бы, чтобы Соединенные Штаты и наша полиция стали посмешищем в глазах всего мира и собственного народа. Мы должны вернуть нашим гражданам чувство уверенности и покоя. Так или иначе надо положить конец бесчинствам гангстеров, и особенно этой наглой банде Диллинджера».

Генеральный прокурор хочет «так или иначе» положить конец бесчинствам банд. И поэтому принимается решение, которое покроет позором американскую юстицию.

Каммингсу отвечает Эдгар Гувер: «Мы уже не в состоянии восстановить порядок в стране только средствами, предписанными законом. Нам удастся это сделать лишь тем методом, который взял на вооружение преступный мир и против которого мы пока бессильны,— методом безжалостного террора!»

В итоге пресловутое совещание заканчивается тем, что Диллинджера называют «первым врагом государства» и его банду объявляют вне закона. Всем полицейским приказано принять участие в «no quarter-hunt» — «беспощадной охоте» — на банду Диллинджера.

Другими словами, теперь полицейский может без особых церемоний и объяснений, просто так, застрелить человека, если тот покажется ему похожим на Диллинджера или кого-нибудь из его банды. Этот приказ в последующие недели и месяцы превратил многих полицейских... в убийц ни в чем не повинных сограждан!

«Беспощадная охота» на банду Диллинджера начинается для «джименов» новой неудачей. 22 апреля руководство ФБР получает секретное сообщение, что Диллинджер с несколькими особо приближенными членами банды скрывается на берегу озера Мичиган в дачной местности под названием Малая Богемия.

Мелвис Пурвис, лучший из детективов Гувера, шеф чикагского отделения ФБР, который только что разгромил банду Келли, бросается во главе отряда полицейских на четырех бронированных машинах в Малую Богемию. С потушенными фарами, на малых оборотах автомобили подъезжают к отелю, в котором остановился Диллинджер и его дружки. С оружием в руках полицейские окружают здание. Внезапно в дверях отеля появляются трое мужчин. Один из полицейских в волнении говорит: «Тот, который пониже, похоже, Диллинджер!..» И в то

же мгновение вечернюю тишину разрывают револьверные выстрелы. Полицейские стреляют с остервенением, до последнего патрона в обойме, словно каждый стремится непременно первым прикончить Диллинджера. Но через несколько секунд им самим приходится искать укрытия. Правда, трое мужчин перед отелем уже не подают ни малейших признаков жизни, зато с крыши двухэтажного отеля на полицейских обрушивается шквал пулеметного огня — они едва успевают спастись в бронированных машинах.

Пулеметная стрельба длится всего пару минут, но полицейские уже не рискуют в темноте высовываться из машин. Только когда начинает светать и становится видно, что на крыше никого нет, они решаются на штурм отеля. Их ожидает жестокое разочарование: трое мертвых, изрешеченных пулями мужчин, тела которых лежат перед входом в отель, оказываются обыкновенными постояльцами отеля. Они совершенно случайно вышли подышать свежим воздухом. А Диллинджер с Хомером ван Метером, Лестером Джиллсом и Томми Кэроллом улизнули под прикрытием пулеметного огня. В руки Пурвиса попадают только три подружки бандитов, которые скрашивали им отдых в отеле и которые в решающий момент, видимо, не успели сбежать вместе с ними. Их подвергают жесткому допросу, и они выдают, где могут скрываться их друзья. Обещанием не возбуждать уголовного дела Пурвису удается уговорить одну из девиц — Джин Делэни — сыграть роль подсадной утки.

Она готова выдать полиции Томми Кэролла. 7 июня Джин встречается с ним в городке Уотерлу штата Айова, в кафе, название которого она заранее передала Пурвису по телефону. Когда Кэролл с Джин выходит из кафе и направляется к своему элегантному автомобилю, Джин отстает на несколько шагов и делает вид, будто что-то забыла и ей надо вернуться. Благодаря этому два снайпера ФБР — Стеффен и Уоллер — получают свободу действий. Они стоят в подъезде одного из домов и лишь ждут момента, когда им удобнее всего будет стрелять в Кэролла — они и не собираются брать его живым!

Как только Кэролл берется за ручку дверцы, а на улице как раз никого нет, они пускают в ход автоматы. Кэролл, не проронив ни слова, падает на подножку своего автомобиля.

При перестрелке в Малой Богемии одному из бандитов — Джону Гамильтону — в легкое угодила пуля. Диллинджер забрал его с собой на ферму, которая иногда использовалась как временное убежище. Однако через несколько часов после прибытия туда Гамильтон умер. Диллинджер один, без посторонней помощи, закопал его в пустынной местности, чтобы никто ни узнал о его смерти. Не смог узнать об этом от невесты бандита и Пурвис.

В результате ФБР еще несколько месяцев гоняется за давно умершим Джоном Гамильтоном. «Джимены» за это время убили семнадцать человек, вся «вина» которых заключалась в том, что они чем-то напоминали этого бандита.

После этой последней схватки с полицией Диллинджер исчезает, будто проваливается сквозь землю. Пурвис следит за всеми его убежищами и «норами»; тысячи полицейских шпиков и осведомителей крутятся среди уголовников, пытаясь выудить сведения о его местопребывании; из тюрем выпускают преступников в надежде, что они знают, где он скрывается, и выведут на него... Охота на Диллинджера идет уже по всему американскому континенту. Тысячи и тысячи полицейских, не чуя под собой ног, работают круглосуточно — и все напрасно!

А в это время Джон Диллинджер живет всего в нескольких кварталах от штаб-квартиры Пурвиса, как говорится, почти в пасти льва,— в центре столицы гангстеров Чикаго.

За шестьдесят долларов в день, при полном пансионе, он нашел прибежище на Норт-Кроуфорд-авеню, 2309, у Джеймса Прохазко, бывшего члена его банды, который отошел от преступной деятельности по возрасту. Здесь, в похожей на маленькую крепость квартире, осуществляется величайший в американской уголовной истории гангстерский трюк. За десять тысяч долларов Джон Диллинджер, физиономия которого в Америке знакома не хуже лица какой-нибудь голливудской кинозвезды, а отпечатками пальцев, известными каждому провинциальному полицейскому, уже украшают носовые платки, кашне и почтовые открытки, превращается в совершенно другого человека!

Сделать это ему посоветовал адвокат Луис Пикет, юридический консультант банды; он же нашел двух нужных врачей — доктора Лёзера и доктора Касседи. Оба они в свое время потеряли хирургическую практику — первый из-за пристрастия к наркотикам, второй из-за

совершенного им убийства — и лишь недавно вышли из тюрьмы.

Среди расчехленных пулеметов и мешков с песком, при помощи которых Диллинджер сделал квартиру почти неприступной, они сооружают маленькую примитивную операционную. Для изменения внешности и папиллярных линий на пальцах необходимо провести целую серию операций. Доктор Лёзер берется хирургическим путем придать узкой и угловатой голове Диллинджера новую форму и изменить его лицо. Он хочет укоротить нос, расширить скулы и подбородок, что сделает голову более круглой, а лицо — широким. Задача доктора Касседи не менее важна, так как ему необходимо изменить папиллярные линии на пальцах рук, которые до сих пор считались абсолютно точным признаком при опознании преступника,— от них зависела его судьба.

Предвкушение того, что он сможет оставить полицию в дураках таким невиданным приемом, помогает Диллинджеру преодолеть страх перед болью. Он почти с удовольствием ложится под наркоз на шаткий домашний стол, который с трудом удалось переделать в операционный, и... едва не умирает!

Оказывается, Диллинджер не переносит эфира, о чем никто из врачей и не подумал. Немало часов тратят они на то, чтобы вернуть его к жизни. В дальнейшем все операции делаются только под местной анестезией.

Пока на лице и руках заживают послеоперационные раны, Диллинджер отпускает небольшую бородку и красит волосы. В результате о прежней внешности главаря гангстеров напоминают только большие уши и черные колючие глаза. Даже его ближайшие друзья, которые знали об операциях, недоверчиво качают головами, когда видят его в первый раз. Если бы не хорошо знакомые им взгляд и сутулая фигура, они никогда не поверили бы, что перед ними Джон Диллинджер.

Со своей задачей доктор Лёзер справился блестяще. Насколько удачно прошли операции на кончиках пальцев, предстоит еще выяснить.

Чтобы проверить это на полиции, а заодно и пополнить опустевшую кассу, Диллинджер с ван Метером, Чэйзом и Джиллсом 30 июня 1934 года обчищают банк в Саут-Бенде, в штате Индиана. Выручка составляет девяносто тысяч долларов, но налет проходит не так гладко, как раньше. В кассовом зале на посту стоит полицейский. Он оказывает сопротивление, и его приходится застрелить. В суматохе одному из кассиров удается нажать на кнопку тревоги. Диллинджер с добычей, правда, успевает скрыться, прежде чем появилась полиция, но жестокость при нападении сразу показывает, что в деле была именно его банда.

Вся Америка снова в крайнем возбуждении! Налет не оставляет камня на камне от заверений полиции о «беспощадной охоте», подключении лучших сил и жесточайших методах борьбы с преступниками. Как будто специально, чтобы окончательно унизить и высмеять полицию, Диллинджер с группой гангстеров освобождает из тюрьмы Хантсвилл в Техасе бывшего члена своей банды Клайда Бэрроу. Бэрроу и его подруга Бонни Пастэр за двенадцать убийств были приговорены к смерти. На следующий день назначена казнь, и тут им удается бежать. Совершенно необъяснимым образом Бэрроу, точно так же, как и Диллинджер в тюрьме Краун-Пойнта, получает пистолет-автомат и освобождается от кандалов. Точно так же, как тогда Диллинджер, угрожая оружием охране, он освобождает свою подругу из камеры смертников и запирает туда тюремщиков. Дальнейший путь на свободу ему очищают гангстеры. На двух бронированных машинах они подъезжают к воротам тюрьмы и пулеметным огнем не дают шевельнуться охране...

Тем не менее в этом случае ФБР удается достичь частичного успеха. Через несколько дней на границе между Техасом и Арканзасом целый отряд снайперов-«джименов» под командованием инспектора Фрэнка Харпера в упор расстреливает машину, в которой едут Клайд Бэрроу и Бонни Пастэр. Кузов автомобиля становится похожим на сито.

Гордое успехом, руководство ФБР демонстрирует сплошь продырявленную автомашину на всемирной выставке, которая как раз открылась в Чикаго. И Фрэнку Харперу, упакованному в элегантную полицейскую форму, приходится по многу раз за день рассказывать посетителям — ведь они потратили по два с половиной доллара на входной билет,— как он со своими людьми убил Клайда Бэрроу — опаснейшего члена банды Диллинджера*.

О скором и гораздо более сенсационном конце самого главаря банды в тот момент еще никто не подозревал...

* Авторская версия истории Бонни и Клайда во многом расходится с общепризнанной. См., напр., «Интерпол — Москва». 1991. № 3.

Однако заслуга в этом принадлежит не сверхопытным и сверххитрым криминалистам, не отлаженному поисковому аппарату ФБР, а маленькой, неприметной и... ревнивой женщине.

20 июля в кабинете Мелвиса Пурвиса появляется владелица пансиона Анна Заге и с бесхитростной, любезной улыбкой сообщает о том, что через день вечером перед кинотеатром «Байогрэф» на Линкольн-авеню она встречается с Джоном Диллинджером, чтобы вместе посмотреть фильм «Манхаттанская мелодрама». Там будет еще одна дама, подруга Диллинджера, но полицию это пусть не беспокоит. В общем, если есть желание увидеть Диллинджера, с ней можно было бы договориться... За информацию она требует назначенную за его голову награду и «почетное сопровождение» до нью-йоркского порта, где она собирается как можно быстрее сесть на пароход и отбыть к себе на родину, в Европу.

Мелвис Пурвис в растерянности. Он не может поверить в то, что ему рассказала женщина. Годами самые лучшие, самые хитрые ищейки ФБР разыскивают Диллинджера, а он снова и снова оставляет их с носом, месяцами агенты подстерегают его за каждым дорожным столбом, за каждым углом, в каждом подозрительном кабаке, они проглядели все глаза, высматривая Диллинджера,— и ничего! А тут приходит маленькая рыжая бабенка и говорит: «Если вам нужен Диллинджер, подойдите в воскресенье вечером к кинотеатру «Байогрэф». Нет, Пурвис не может в это поверить. Ему даже хочется, чтобы это было какой-нибудь уловкой, хитростью или, наконец, нелепицей.

Однако все, что Анна Заге сказала Пурвису, соответствует действительности, и она ему это доказывает. Много лет она была постоянной любовницей Диллинджера. Из-за него она отказалась от брака и нормальной семейной жизни; ей все время приходилось прятать его в своем пансионе, буквально в двух кварталах от бюро ФБР, когда полиция садилась ему на хвост; она постоянно прощала ему бесчисленных подружек, с которыми он ей изменял... Но больше прощать уже не может. Из своей последней поездки, в которую он отправился после ограбления банка в Саут-Бенде, чтобы замести следы, Диллинджер опять привез подружку — двадцатилетнюю! И на этот раз требует, чтобы она эту любовницу признала, так сказать, официально, поскольку, мол, сама уже

слишком стара. Это чересчур! С нее хватит такой проклятой жизни! Она хочет с ней покончить и начать новую — у себя на родине, в Румынии. И путь ей откроет награда за его голову...

Вот почему Анна Заге пришла в ФБР. Теперь Пурвис убежден, что женщина сказала правду. Он гарантирует ей вознаграждение, освобождение от уголовной ответственности и сопровождение до порта. Он даже хочет взять ее под арест, чтобы защитить от всякой случайности. Но женщина отрицательно качает головой: «Я должна быть там, иначе вам его не узнать. Он ведь теперь выглядит совсем по-другому!»

Так Пурвис впервые услышал об операциях на лице и пальцах Диллинджера.

Он немедленно информирует шефа ФБР Гувера, сообщает ему о предстоящем аресте Диллинджера и получает из Вашингтона распоряжение, которое заставляет его в растерянности покачать головой.

Диллинджер придет в этот вечер один. Впервые появляется реальная возможность взять его живым. Он предстанет перед судом, и наконец можно будет узнать, какие преступления у него на совести, кто состоит в его банде... Возможно, выплывет даже, кто из администрации и полиции находится у него на содержании, кто покрывает его преступления и кто организовал побег из тюрьмы Краун-Пойнта. А это значит, можно будет наконец-то очистить правительственные и полицейские структуры от коррумпированных элементов...

Однако распоряжение из Вашингтона гласит: Диллинджера уничтожить на месте!

Пурвис выходит из себя. «Но это же нелепо! — говорит он Гуверу.— У нас в запасе два дня, мы все тщательно подготовим. Привлечем военных, чтобы оцепить весь район. На этот раз Диллинджеру не удастся улизнуть!» Однако Гувер стоит на своем: Диллинджера расстрелять на месте! И, опасаясь новых возражений Пурвиса, тут же добавляет: «Я вам пришлю самолетом двух человек для усиления — Холлиса и Каули. Вы их знаете».

Да, Мелвис Пурвис их знает — это лучшие стрелки ФБР!

22 июля 1934 года вечерний сеанс в кинотеатре «Байогрэф» заканчивается в половине девятого. Еще светло как днем. Пурвис сидит за рулем неприметного спортивного автомобиля метрах в тридцати от выхода из киноте-

атра. На заднем сиденье Холлис и Каули готовят к стрельбе автоматические пистолеты. Когда из кинотеатра показываются первые зрители, оба вылезают из машины. Пурвис остается и включает двигатель. Чем больше зрителей выходит из кинотеатра, тем больше появляется среди них переодетых агентов ФБР, выдающих себя за гуляющих прохожих. Анну Заге Холлис и Каули знают: она была представлена им заранее в той одежде, в которой должна была идти в кино. Чтобы исключить всякую случайность, договорились, что, если с ней будет Диллинджер, она уронит перчатку. Каули первым замечает плоскую красную шляпу Анны Заге, а затем и белокурые волосы двадцатилетней Полли Гамильтон, слева от Диллинджера. Но самого Диллинджера не узнаёт. Между двумя женщинами он видит мужчину, своей желтой соломенной шляпой, золотыми очками без оправы, дорогой сигаретой в углу рта и неброским костюмом напоминающего какого-нибудь почтенного бухгалтера. Каули и Холлис, который теперь тоже увидел всех троих, разочарованно переглядываются. Это же не Диллинджер... каналья, он надул нас, думают они. Но тут Холлис видит, как Анна Заге вдруг наклоняется, поднимает перчатку и постепенно отстает. Холлис тотчас вытаскивает из кармана полицейский свисток и дает пронзительный сигнал.

Последний акт «беспощадной охоты» начинается.

Не только патрулирующие улицу агенты ФБР, но и Диллинджер сразу понимают, что означает этот резкий свист. Не оглядываясь, он бросается к ближайшему переулку. В его руке мгновенно появляется пистолет, но стрелять ему уже не приходится.

Диллинджер хочет скрыться в боковой улочке, но в это время воздух разрывают первые выстрелы. Каули с двух метров разряжает всю обойму. Холлис стреляет чуть позже и выпускает не все пули. Диллинджер на бегу выпрямляется, вскидывает руку с пистолетом, но, прежде чем нажать на курок, навзничь падает на мостовую.

Стрельба вызывает на улице панику. Прохожие мечутся, налетают друг на друга, забиваются в подъезды... Однако через несколько минут они уже чуть ли не дерутся на углу улицы за возможность посмотреть на пробитое пулями тело Диллинджера.

Часом позже радио сообщает, что «врагу № 1» американского общества пришел конец.

Обоим снайперам ФБР было приказано в ту же ночь явиться в Вашингтон к своему шефу. Гувер приезжает за ними на аэродром и, пожимая им руки перед фотокамерами репортеров, растроганно произносит: «Я благодарю вас от имени американской полиции. Вы вернули ей доброе имя!»

В ту же ночь Мелвис Пурвис, шеф чикагского отделения ФБР, пишет заявление об отставке и удаляется от дел.

Итак, 22 июля 1934 года на Линкольн-авеню Джона Диллинджера настигло сто... тысячу раз заслуженное им наказание, так же как и матерых гангстеров из его банды, которые жили лишь до тех пор, пока их просто посреди улицы, как бешеных собак, не пристрелили полицейские.

Эта беззаконная «беспощадная охота», которая опиралась только на один закон — закон джунглей, имела непредвиденные последствия. Не попадись Диллинджер полиции, он в один прекрасный день умер бы и был забыт. Пули же ФБР, положив конец его злодеяниям, заодно способствовали возникновению легенды о нем. «Беспощадная охота» не уничтожила преступность, а придала гангстеризму оттенок героического. Это показали уже похороны Диллинджера.

В его родном городе Мурсвилле при попустительстве властей с ним прощались, как с национальным героем. Тридцать тысяч человек, прибывших воскресными автобусами, прошествовали мимо его открытого гроба. Само захоронение тоже напоминало похороны крупного государственного деятеля. В присутствии уважаемых людей Мурсвилла пел мужской квартет и преподобный Филмор, который когда-то крестил Джона Диллинджера, окурил фимиамом его тело...

БАНКНОТЫ ДЛЯ ПОРТУГАЛИИ

«Poor's Cemetery of Whitechapel» — самое большое и одновременно самое убогое кладбище Лондона: небольшой морг, полуразрушенная церквушка с маленьким, невнятно тренькающим погребальным колоколом и сарай с инструментами могильщиков — все это тоскливо сиротеет в окружении попорченных временем фаянсовых табличек, на которых не везде можно разобрать фамилии. «Highgate Cemetery» — его антипод в северной части Лондона; здесь обретают вечный покой наиболее богатые и уважаемые жители многомиллионной столицы. Эти два кладбища отличаются друг от друга, как Букингемский дворец от знаменитых лондонских трущоб.

31 декабря 1958 года на «poor's Cemetery» состоялось довольно необычное погребение: кроме привычных двух могильщиков и кладбищенского распорядителя на нем присутствовал репортер с фотоаппаратом и вспышкой. Благодаря его снимку жители Лондона узнали, кто именно в этот день был предан земле на кладбище для бедных.

Покрытая эмалью табличка, установленная на свежем могильном холмике, имела следующую надпись: «Сэр Уильям А. Уотерлоу, род. 18.06.1870 — ум. 27.12.1958». Фотография таблички появилась в газете «Дейли экспресс», выходящей миллионным тиражом. Редакционный текст к снимку гласил:

«В задних рядах кладбища для бедных в Уайтчэпле вчера были преданы земле бренные останки 88-летнего человека, когда-то первого гражданина Лондона и одного из богатейших людей Англии — сэра Уильяма А. Уотерлоу, лорд-мэра Лондона с 1925 по 1929 год. Сэр Уотерлоу, которому в свое время принадлежала известная печатная фабрика по изготовлению денежных знаков и которому в 1920 году было пожаловано дворянство, умер в полной нищете в одном из приютов для бездомных. Если прежде он был одним из самых авторитетных

представителей британских деловых кругов, то сейчас у него не осталось никого из родных и друзей, кто мог бы устроить ему хотя бы более достойные похороны. Несколько лет назад, после тянувшегося десятилетиями судебного разбирательства, сэр Уотерлоу был приговорен высшим британским гражданским судом, Палатой лордов, к возмещению убытков в размере 610 392 фунта стерлингов Португальскому национальному банку в Лиссабоне...»

Что заставило «Дейли экспресс», напомнившую читателю о судьбе несчастного Уотерлоу, не сказать ни слова о подлинных причинах его падения — дань уважения бывшему мэру Лондона, незнание подоплеки дела или просто нехватка места? Во всяком случае история величайшей аферы с банкнотами осталась читателю неизвестной. Смерть сэра У. А. Уотерлоу поставила в ней завершающую точку.

Криминалистика не знала более изощренной манипуляции с денежными знаками: банкноты одной из серий были и подлинными, и фальшивыми одновременно. Так что из оборота пришлось изымать всю серию.

17 декабря 1924 года в отделанном дубом кабинете директора печатной фабрики по изготовлению денежных знаков Уильяма Уотерлоу появился доктор **К.** Маранг ван Исселвеере из Гааги, коммерческий директор и совладелец голландской полиграфической фирмы «Маранг и Коллигнон» в Харлеме. Много лет они с Уильямом Уотерлоу поддерживали деловые контакты. Обе фирмы принадлежали тогда к тем немногим частным предприятиям, которые обладали всем необходимым техническим оборудованием и достаточно безупречной репутацией своего руководства для того, чтобы правительства небольших государств размещали у них заказы на печатание своих платежных средств, ценных бумаг, почтовых марок...

Доктор Маранг попросил сэра Уотерлоу, чтобы их разговор оставался строго конфиденциальным, и, получив заверения в этом, показал своему лондонскому коллеге многостраничный нотариально заверенный контракт, который уполномочивал его по заданию португальского правительства организовать секретный выпуск шестисот тысяч банкнот по пятьсот эскудо общей стоимостью шестьдесят миллионов золотых марок.

При чтении приложенного перевода, также заверен-

ного нотариусом, мистер Уотерлоу удивленно задвигал кустистыми бровями: ведь изготовление денег не является секретным делом, к тому же всего лишь два года назад его типография отправила в Португальский национальный банк такое же количество банкнот именно этой серии. Маранг ждал подобных возражений, и его ответы представили ситуацию в еще более странном виде. Он объяснил, что эта серия должна быть выпущена вторым тиражом, с использованием старых печатных матриц и такой же бумаги, что и два года назад, и с теми же серийными номерами.

— Но тогда банкноты по пятьсот эскудо будут в двух экземплярах,— попробовал возразить Уотерлоу.

В ответ Маранг достал из портфеля еще один документ. Это было распоряжение Португальского государственного банка, в котором черным по белому подтверждалось то, о чем он только что говорил. Пока Уотерлоу в раздумье вертел в руках этот документ государственной важности, голландский предприниматель пытался объяснить ему мотивы столь необычной финансовой операции:

— В настоящее время Португалия находится в экономическом кризисе. Залогом ее благосостояния являются колонии в Африке и Индии, но вы, англичане, сами прекрасно знаете, как сегодня обстоят дела в колониальной политике. Колониальные товары почти не находят сбыта, мировой рынок переполнен продуктами тропических регионов. Кофе сжигают в топках паровозов, хлопок идет по минимальной цене, а тростниковый сахар перестал быть конкурентоспособным с тех пор, как немцы наводнили рынок свекловичным сахаром. Конечно, в Гвинее, Мозамбике, и прежде всего в Анголе, есть еще несметные полезные ископаемые, но, чтобы их добыть, нужны деньги. Другими словами, если Португалия хочет выбраться из теперешнего кризиса, ей необходимо обеспечить миллионные инвестиции. Однако сейчас, в условиях острого дефицита денежной массы в португальской казне, это очень сложно. Теперь вы, наверное, понимаете смысл акции?

Уильям Уотерлоу сдержанно кивнул и подумал: «Да уж, конечно, понимаю, что затеяли эти господа. Они хотят с помощью такого трюка залатать дыру в своем государственном бюджете, как это уже не раз делал бывший министр финансов, скрытно увеличивая объем денежного обращения. Если бы стало известно об официальном

увеличении количества банкнот, доверие к национальной валюте было бы подорвано и ее курс упал бы. А так, тайно запущенные в оборот, да еще в колониях, шестьсот тысяч купюр по пятьсот эскудо дадут находящейся в застое экономике новые живительные импульсы. Правда, это обман, но разве какое-нибудь правительство, в том числе и португальское, будет беспокоиться по таким пустякам?»

Сэр Уотерлоу был достаточно опытным финансистом, чтобы разгадать мотивы странного поручения. Да и как коммерсант он сразу почувствовал всю несолидность, даже противоправность аферы: ведь то, в чем его просили оказать помощь, было откровенным мошенничеством. И все же Уотерлоу был прежде всего бизнесменом, а поэтому его мало волновали побудительные мотивы даже столь необычного контракта, если при этом гарантировалась легальность сделки. В данном случае такие гарантии были: выполнение заказа официально признанного правительства — вполне законный бизнес.

Поэтому Уотерлоу в конце концов удовлетворился данными ему объяснениями и не стал больше возражать.

— Ну, ладно,— проговорил он,— все это интересует меня постольку поскольку. Правда, я опасаюсь, что в португальском банковском производстве могут возникнуть трудности, когда станут всплывать купюры с одинаковыми номерами. Это будет выглядеть так, будто в обращении находятся фальшивые банкноты.

Доктор Маранг невозмутимо пожал плечами, словно хотел сказать: «Ну а мне-то что до этого? Пусть об этом болит голова у моих заказчиков!» Вслух же он ответил:

— Мистер Уотерлоу, я выступаю только посредником. Господа из Португальского национального банка обратились сначала в нашу фирму. Но, к сожалению, у нас нет производственных мощностей для выполнения такого заказа. А поскольку вы печатали предыдущую серию банкнот, я счел за лучшее передать вам этот заказ. Меня попросили быть посредником, так как дело требует строжайшей секретности.

Кружный путь через конкурирующее голландское предприятие, пусть даже с мерами предосторожности, был не совсем понятен сэру Уотерлоу. Государственный банк Португалии давно печатал свои банкноты в его типографии, почему же вдруг португальцы решили в данном случае обратиться в другую фирму? Смутное подозрение зародилось в душе мистера Уотерлоу, хотя он и не

мог толком себе объяснить причину возникшего недоверия. Что еще могло стоять за всей этой историей, кроме бедственного положения в экономике Португалии, о котором писали все газеты? Мысль о чрезвычайно утонченном мошенничестве при наличии правительственных документов казалась слишком абсурдной, чтобы сэр Уотерлоу мог принять ее всерьез. Доктора Маранга он знал двадцать лет как солидного бизнесмена. Бумаги, которые тот ему предъявил, были заверены известным лондонским нотариусом, и подлинность их не вызывала сомнений. И наконец, мошенничество такого масштаба, если допустить эту возможность, вряд ли под силу частным лицам: даже если банкноты будут отпечатаны, то каким образом они перевезут такое их количество из Англии в Португалию, минуя таможенный контроль, да и потом, как можно будет их пустить в оборот, не привлекая к себе всеобщего внимания? Нет, такую возможность Уотерлоу полностью исключал.

Тем не менее, чтобы застраховать себя от всяких неожиданностей, он написал письмо президенту-управляющему Португальского государственного банка Камахо Родригесу:

«Конфиденциально! Лондон, 17 декабря 1924 года.

Сэр! Сегодня я принял с визитом мистера Маранга ван Исселвеере из Гааги. Он обратился к моей фирме с предложением напечатать банкноты, которые должны быть пущены в обращение в Анголе в соответствии с контрактами от 6 ноября 1924 года Португальского национального банка с администрацией Анголы в лице мистера Артура Алвеса Рейса. Контракты были мне предъявлены, так же как и подтверждения полномочий доктора Маранга мистером Рейсом. Среди прилагаемых к контрактам образцов находится купюра в 500 эскудо, которую наша фирма печатала для Вашего банка. Таким образом, для нового тиража мы вынуждены будем использовать уже изготовленные ранее клише. Надеюсь, Вы согласитесь, что для владельца печатной фабрики невозможно приступать к производству банкнот, не получив прямых полномочий от соответствующего банка, и поэтому я буду Вам очень благодарен, если Вы подтвердите свое намерение заказать нам изготовление упомянутых банкнот с разрешением использовать для этого клише прежних тиражей. Я был бы очень рад получить также от Вас инструкции относительно доставки банкнот. Предписания, переданные мистером Марангом, гласят, что на купюрах должны быть проставлены те же номера, то же серийное обозначение и та же дата, что и в предыдущем тираже. Будьте любезны это также подтвердить.

С глубоким уважением *У. А. Уотерлоу*».

Это письмо не было послано в Лиссабон по почте, так как доктор Маранг, ввиду секретности поручения, настоятельно не советовал прибегать к прямой переписке. По счастливой случайности сразу же после Лондона Маранг как раз отправлялся в Лиссабон и был готов лично доставить письмо.

6 января доктор Маранг возвратился из Португалии и привез сэру Уотерлоу ответ президента-управляющего. Письмо на гербовой бумаге с печатью Португальского национального банка имело следующее содержание:

«Конфиденциально! Фирме «Уотерлоу и сыновья». Лондон.

Уважаемые господа! Я подтверждаю получение Вашего письма, за которое Вас благодарю. Договорные положения, которые Вы упоминаете в своем письме, уполномочивают доктора Маранга в качестве законного представителя мистера Артура Рейса по организации выпуска банкнот, указанных в соответствующих контрактах.

Хотя следует признать, что представленные господином Марангом контракты являются документами, освобождающими изготовителей банкнот от всякой ответственности, я все же крайне признателен Вашей фирме за внимательность и особую добросовестность, которые побудили Вас справиться у меня о возможности использования имеющихся у Вас клише; и я рад сообщить Вам, что Вы вполне можете принять предложение господина Маранга и использовать клише для изготовления новых банкнот.

Вы, конечно же, приняли во внимание, что дело это является строго конфиденциальным и что, согласно контрактным положениям, мне запрещено вести об этом прямые переговоры с Вашей фирмой; однако, учитывая наличие у Вас веских оснований, чтобы опасаться принимать предложение непосредственно от господина Маранга без моего подтверждения, я чувствую себя обязанным направить Вам настоящее письмо. Если от меня требуются еще какие-либо указания, то прошу сообщить об этом в конфиденциальном письме господину Марангу

или мне через посредство этого господина, также в конфиденциальной форме.

Готовые банкноты могут быть переданы в Лондоне господину Марангу.

Что касается номеров, дат, подписей и т. п. на банкнотах, то этому господину предоставлены полномочия заказывать такое оформление купюр, какое он сочтет нужным и соответствующим полученному им поручению.

В ближайшие дни я пошлю этому господину список подписей и пр., и во время работы над заказом Вы сможете придерживаться этих данных.

Я пользуюсь возможностью, чтобы сообщить Вам, что специальные обозначения для провинции Ангола будут печататься по распоряжению Верховного комиссара колонии.

Подписано: *И. Камахо Родригес*

Президент Банко де Португал».

С получением этого письма У. Уотерлоу поручил своему лондонскому адвокату проверить подпись под ним, а также под контрактами и разрешениями. После этого у него исчезли последние сомнения, и в тот же день фабрика приступила к изготовлению банкнот.

В феврале и марте 1925 года доктору Марангу в Лондоне были вручены первые пакеты с готовой продукцией. Чтобы не привлекать внимания, он решил обойтись без столь заметной для внешнего наблюдателя полицейской охраны и, словно грязное белье, затолкал пакеты миллионной стоимости в два обшарпанных кожаных чемодана. Для их транспортировки у Маранга был наготове дипломатический паспорт, а также удостоверение, выданное португальским консулом в Гааге, которое подтверждало, что он является курьером дипломатической почты португальского правительства. Это давало ему право провозить чемодан с банкнотами через контрольные пункты на границах, не подвергаясь полицейскому и таможенному досмотрам.

29 июля Маранг в третий раз прибыл в Лондон, теперь уже с простым письмом, в котором содержался дополнительный заказ на триста восемьдесят тысяч банкнот. Уотерлоу уже настолько доверял ему, что без каких-либо расспросов приступил к выполнению заказа, хотя это наполовину превышало оговоренную контрактами сумму.

В то время, как в Лондоне печатались банкноты, в Лиссабоне разворачивалось второе действие этой крупномасштабной аферы.

В португальской столице появился 47-летний горный инженер Артур Виргилио Алвес Рейс, который до недавнего времени находился на государственной службе и занимался геологическими изысканиями в Анголе. Он принялся хлопотать о лицензии на открытие банковской конторы; его компаньоном был человек с документами на имя Адольфа Хеньеса, который называл себя адвокатом. Цель создаваемого банка оба учредителя определили так: привлечение капитала для экономического освоения колонии Ангола.

Подобные намерения португальское правительство могло только приветствовать. Поэтому разрешение на открытие банка было получено быстро. Уже в марте 1925 года на дверях пустующего помещения бывшего универсального магазина Рейс и Хеньес вывесили табличку «Банко Ангола э Метропола».

Хотя у бывшего горного инженера, как, впрочем, и у мнимого адвоката, не было никаких наличных средств, в сейфах «Банко Ангола» вскоре начали накапливаться пачки купюр по 500 эскудо: доктор Маранг каждую неделю чемоданами привозил их из Лондона. Затем появился многочисленный управленческий персонал, и теперь каждый, кто входил в помещение конторы, был убежден, что имеет дело с солидным банкирским домом.

В последующие недели агенты «Банко Ангола» развернули активную деятельность на бирже. Но скупали они только акции «Банко де Португал», которые в дни экономического кризиса котировались на рынке ценных бумаг не выше прокисшего пива. Кому из португальцев в то время пришло бы в голову приобретать акции своих государственных предприятий? Те, у кого были деньги, покупали иностранные, в первую очередь американские, ценные бумаги.

Поэтому на бирже сначала смотрели на действия агентов «Банко Ангола», лишь скептически покачивая головой, однако затем насторожились. За этой упорной скупкой акций стали подозревать какой-то неожиданный ход правительства. Вскоре распространился слух, что правительство при помощи этой операции хочет предотвратить банкротство государственного банка, предоставив большую часть акционерного капитала для продажи частным предприятиям.

В «Банко Ангола» стали видеть преемника Португальского государственного банка!

Эти предположения почти в точности раскрывали цель деятельности представителей новоиспеченного банка на бирже. Директора Рейс и Хеньес действительно скупали акции государственного банка, чтобы завладеть большей частью его акционерного капитала. Но делали они это совсем не потому, что хотели спасти «Банко де Португал» от банкротства, а для того лишь, чтобы получить доступ к руководству государственным банком. Ведь если пятьдесят один процент его капитала перейдет в сейфы «Банко Ангола», то Рейс и Хеньес, если пожелают, смогут стать директорами государственного банка и в этом качестве сделать так, чтобы никто никогда не узнал об афере с банкнотами, отпечатанными в лондонской типографии Уильяма Уотерлоу.

Разумеется, пока, так сказать на переходной стадии, Рейс и Хеньес еще не могли предотвратить появления в отдельных местах купюр в 500 эскудо с одинаковыми серийными обозначениями и номерами, причем даже опытнейшие эксперты не могли определить, какие из этих банкнот были фальшивыми.

Вместе с банкнотами-близнецами стали циркулировать слухи о большом количестве фальшивых денег. Репутация национальной валюты упала еще ниже.

Естественно, банкноты-двойники были предъявлены государственному банку. Однако у дирекции были связаны руки: если бы государственный банк официально признал, что в обращении находятся фальшивые деньги, вспыхнула бы паника, которую хотели предотвратить любым путем! Так что, волей-неволей, слухи приходилось опровергать. Во всех португальских газетах появилось постановление совета директоров «Банко де Португал», в котором сообщалось, что все слухи о находящихся в обращении фальшивых деньгах лишены каких бы то ни было оснований, и содержался призыв к деловым людям и всем гражданам с доверием отнестись к платежным средствам своей страны.

Сеньоры Рейс и Хеньес, а также доктор Маранг, исправно совершавший челночные поездки между Лондоном и Лиссабоном, довольно потирали руки. Однако вскоре произошло событие, которое не было предусмотрено их гениальным планом.

Президент-управляющий Португальского государственного банка Камахо Родригес решил тайно изъять из

обращения всю серию пресловутых банкнот, чтобы дать возможность экспертам отсортировать фальшивые купюры.

Но сделать это было труднее, чем сказать, так как даже лучшие эксперты не могли отличить настоящие банкноты от фальшивых. Бумага, водяные знаки, красители, печать, то есть те признаки, по которым специалисты определяют фальшивку,— все в данном случае было идентичным.

Оставалась единственная надежда, что печатное предприятие, выпустившее эту серию, сможет опознать собственные купюры по какому-нибудь особому, не заметному для непосвященного, признаку.

Сэр Уильям Уотерлоу, удостоенный к тому времени звания лорд-мэра, удивился, узнав, что с ним снова хочет встретиться уполномоченный Португальского государственного банка. Когда же человек из Лиссабона под глубочайшим секретом сообщил о появлении фальшивых банкнот-близнецов, он едва не упал в обморок.

И тем не менее эта встреча чуть ли не в последнюю минуту сорвала замысел мошенников. Если бы фабрика Уотерлоу полностью выполнила заказ, они смогли бы скупить большую часть акций государственного банка, что дало бы им возможность определять его политику, и в первую очередь воспрепятствовать наведению справок в фирме «Уотерлоу и сыновья».

Контракты, разрешения и прочие документы, которые имелись у сэра Уотерлоу и которые, кстати, спасли его от ареста, быстро указали уголовной полиции дорогу в Лиссабон, в офис «Банко Ангола». В сфабрикованном ответном письме президента-управляющего Камахо Родригеса и одном из контрактов мошенники выдали себя: они назвали свои полные имена, объявили, что являются полномочными представителями Верховного комиссара Анголы и указали получателя изготовленных банкнот — только что основанный ими «Банко Ангола».

В тот же день в Лиссабоне перед входом в банк остановилось несколько машин, и в мгновение ока все входы и выходы были перекрыты вооруженными до зубов агентами тайной полиции. Это произошло настолько бесшумно и стремительно, что находившиеся в кассовом зале посетители и служащие банка сначала подумали, будто происходит ограбление по американскому образцу. Присутствующие с позеленевшими от страха лицами бросились на пол, а кассир, прохрипев сдавленным голо-

сом: «Полиция!» — включил предусмотренное для таких случаев сигнальное устройство. Все попытки сотрудников тайной полиции в создавшейся суматохе растолковать, что проводится санкционированная властями операция и поэтому никакой опасности нет, результатов не дали. В таком хаосе, казалось, даже настоящим грабителям вряд ли удалось бы добиться успеха. Несколько минут спустя прибыли полицейские в форме, но неразбериха от этого только усилилась.

Занявшие двери агенты тайной полиции получили строгий приказ никого не впускать и не выпускать; полицейские в форме приняли «тайных» за грабителей — иначе с какой бы еще стати людям в гражданском с автоматами в руках охранять входы банковского здания. Следствием всего этого стала полная путаница. Полицейские в форме пытались арестовать агентов тайной полиции, последние отбивались; началась общая потасовка, перешедшая в стрельбу. Прежде чем командиры противостоящих подразделений разобрались в обстановке, у тех и у других было по одному раненому.

Впрочем, все эти события уже никак не могли повлиять на исход аферы. Бывший горный инженер Артур Виргилио Алвес Рейс и его партнер Адольф Хеньес, называвший себя адвокатом, были арестованы в своих помпезных кабинетах. Улизнуть удалось лишь голландцу, доктору Марангу. К этому моменту он с двумя чемоданами, полными банкнот, находился где-то между Лондоном и Лиссабоном. Прежде чем полиция напала на его след, Маранг уже узнал из газет, что его разыскивают. Преимущество во времени и полученные в результате предыдущих операций с банкнотами средства позволили ему скрыться от полиции. До сегодняшнего дня о Маранге больше никто ничего не слышал. Его след оборвался в багажном отделении крупного морского порта Хук-ван-Холланд.

Именно здесь несколько месяцев спустя полиция обнаружила два кожаных чемодана, набитых свежеотпечатанными банкнотами в 500 эскудо, от которых Маранг, очевидно, избавился перед бегством. В тот момент банкноты уже стоили не больше бумаги, на которой были напечатаны: на следующий день после раскрытия аферы португальское правительство вывело из обращения всю серию, так как было невозможно различить нелегально изготовленные купюры и подлинные. Скандал был настолько велик, что не оставалось ничего другого, как заказать новую серию банкнот уже в другой фирме по производству денежных знаков. Разумеется, Португальский банк должен был выкупить все банкноты злополучной серии по полной курсовой стоимости, в том числе, конечно, и те, которые незаконно пустили в обращение мошенники Рейс, Хеньес и Маранг. В будущем эти затраты предстояло как-то возместить.

Лишь пять лет спустя, когда история была основательно забыта, Рейс и Хеньес предстали перед судом присяжных заседателей в Лиссабоне. Процесс проходил при закрытых дверях, потому что обсуждение деталей мошенничества могло якобы стать своеобразным учебным пособием для желающих повторить подобный трюк. Действительной же причиной секретности было желание скрыть подлинное имя того, кто предстал на суде в качестве обвиняемого Адольфа Хеньеса.

Итак, не привлекая к себе особого внимания, в мае 1930 года начался закрытый процесс. Газеты если и писали о нем, то весьма лаконично. Таким же кратким было и сообщение о вынесенных приговорах. Рейс и Хеньес получили по восемь лет каторжной тюрьмы и двенадцать лет ссылки или — по выбору — двадцать пять лет ссылки. Ссылка означала депортацию в малонаселенные районы португальских колоний, в один из лагерей трудовой повинности.

Несколько второстепенных обвиняемых — из тех, кто не был с самого начала посвящен в детали преступления,— в том числе и португальский консул в Голландии Антонио Карлос дос Сантос Бандейра, были приговорены к меньшим срокам.

Португальцы, которые к этому времени уже основательно подзабыли события пятилетней давности, и теперь не слишком много узнали о процессе и его подоплеке. Лишь десятилетия спустя эксперты, принимавшие участие в судебном разбирательстве, в журналах для специалистов приоткрыли тайну, связанную с именем одного из главных обвиняемых — Адольфа Хеньеса. Сегодня уже известно, что Хеньес на самом деле был бывшим португальским министром финансов Франческо да Костой, который занимал этот пост в 1920—1922 годах. Тогда он вынужден был уйти в отставку, так как попал в скандальную историю, связанную с коррупцией. Из своей прошлой финансовой деятельности да Коста заимствовал для «нового дела» метод повторного печатания

банкнот: сразу после первой мировой войны ему не раз «в интересах отечества» приходилось тушить экономические кризисы этим сомнительным способом.

После скандального ухода с поста министра финансов да Коста вынырнул в Анголе, где стал директором допотопного горнодобывающего предприятия. Здесь он познакомился со своим будущим сообщником Артуром Рейсом. Там, в забытой богом глуши черного континента, родилась идея грандиозной аферы с банкнотами.

Осенью 1924 года Рейс и да Коста возвратились в Лиссабон, чтобы подготовиться к реализации своего замысла. Бывший министр финансов, естественно, не стал действовать под своим настоящим именем, а назвался адвокатом Адольфом Хеньесом. Необходимые для этого документы он купил в Анголе за две бутылки виски у заболевшего малярией горнорабочего незадолго до его смерти. Годы, проведенные в тропиках, настолько изменили внешность да Косты, что даже близкие друзья с трудом узнавали его.

Одним из таких друзей был голландец доктор Маранг ван Исселвеере, владелец печатной фабрики, которого да Коста знал еще по тому времени, когда был министром, и которого теперь посетил в Гааге. Фирма «Маранг и Коллигнон» раньше изготавливала для Португальского государственного банка банкноты, как легальные, так и нелегальные. Поэтому Маранг был подходящей кандидатурой для задуманного мошенничества. Во всяком случае так планировал да Коста в Анголе. Однако он не учел, что Маранг был только формальным совладельцем предприятия, а само предприятие находилось на грани банкротства: оборудование было заложено, и адвокаты кредиторов контролировали ведение дел. Таким образом, изготовить здесь сотни тысяч фальшивых банкнот не представлялось возможным.

Тем не менее у Маранга сохранились связи с другими фирмами этой отрасли, и он с готовностью их использовал, чтобы осуществить намеченный план. Маранг связался с сэром Уотерлоу и добился того, что уважаемый британский бизнесмен взялся за выпуск повторного тиража серии банкнот в 500 эскудо.

Важнейшим условием успеха аферы было наличие большого количества фальшивых документов, которые предъявил Маранг. Да Коста и Рейс изготовили их с предельной тщательностью. У да Косты от министерского прошлого остались фирменные бланки, на которых

«Банко де Португал» оформлял свои контракты и доверенности. С другой стороны, Рейс обладал необходимыми графическими навыками и мог с поразительной точностью подделывать различные подписи и печати.

Во время судебного расследования голландский судебный эксперт-химик доктор В. Ф. Хесселинк многие недели исследовал упомянутые документы и затем представил лиссабонскому суду объемное, более чем на ста страницах, заключение. Лишь тридцать лет спустя этот эксперт рассказал о результатах своей работы в одном из номеров западногерманского специализированного журнала «Архив криминологии».

Вот некоторые отрывки из этой публикации:

«Я пришел к выводу, что контракты были подделаны следующим образом. Рейс в двух экземплярах на двойном листе гербовой бумаги составлял какой-нибудь незначительный документ, причем таким образом, что третья страница начиналась словами, пригодными для любого договора: «Исполнено и подписано в двух экземплярах...» и т. п. Затем он подписывал эти документы в присутствии нотариуса, который и заверял его подпись. После этого Рейс разрезал двойной лист на два отдельных листа и первый заменял другим, с нужным ему текстом. Эти листы он скреплял с помощью белых бумажных полос и сургучной печати с португальским гербом. Таким образом, в его руках оказывался вполне законный контракт, но уже с другим содержанием, правда пока еще подписанный только им самим. Однако свою подпись Рейс ставил на странице как можно ниже, так что оставалось достаточно места, чтобы добавить нужные подписи. Нотариальное подтверждение, которое относилось лишь к подписи Рейса, за счет добавления буквы «s»* становилось действительным и для «вышестоящих подписей»...

Исследование под микроскопом подделанных на контрактах подписей членов правления банка обнаружило в различных местах рядом с чернилами и под чернилами фиолетовые частицы, оставленные, по-видимому, фиолетовой копировальной бумагой. Это указывает на то, что подписи сначала были калькированы. Кроме того, на всех подписях вдоль следов пера заметна узкая бороздка,

* Речь идет об образовании множественного числа. После добавления буквы «s» текст нотариуса подтверждал уже не одну подпись, а несколько.

возникшая в результате того, что они целиком обводились узким штифтом... Следовательно, в распоряжении Рейса были настоящие подписи. Я сравнил подделанные подписи с подписями членов правления банка на купюрах и получил решение этой загадки. Рейс в качестве образца взял подписи на банкнотах и скопировал их на нотариально заверенные страницы контрактов. Это объясняет, например, почему подпись президента банка Камахо Родригеса в действительности, как было установлено в ходе процесса, выглядит более размашистой, чем на фальшивых документах. Директору банка, когда он подписывает новый тираж, приходится экономить место, так как для подписи на банкноте предусмотрен лишь небольшой прямоугольник; поэтому он не может позволить себе расписываться так размашисто, как обычно. А поскольку Рейс взял в качестве образца подпись на банкнотах, то скопированный вензель Родригеса и на поддельных документах выглядел немного куцым, хотя все же вполне достоверным, что и ввело в заблуждение сэра Уотерлоу.

Таким образом фальсификатором были успешно преодолены технические трудности, связанные с подделкой подписей.

Теперь остается только объяснить, где злоумышленники достали, не привлекая к себе при этом внимания, печать с гербом Португальской республики. Рейс заказал у гравировщика печать якобы для дипломов некоего гимнастического общества. В центре печати должен был находиться португальский герб, а вокруг — название этого общества. Гравировщик так и сделал. Затем Рейс убрал напильником круговую надпись, которая находилась на достаточно большом расстоянии от герба, и получил необходимую печать.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в ходе совершения преступления во всех его деталях злоумышленниками были проявлены поистине незаурядные смекалка и находчивость, которые пока не имеют себе равных в этой области преступной деятельности и могут быть названы почти гениальными...»

Таково было мнение судебного эксперта доктора Хесселинка. Действительно, афера с банкнотами была задумана гениально, ведь не зря одним из мошенников значился бывший министр финансов да Коста, который достаточно поднаторел в подобных махинациях. Но как во всяком преступлении, в этом тоже была допущена ошибка, которая в конце концов привела к провалу. Во

время прежних финансовых манипуляций Адольф Хеньес по поручению своего правительства обманывал «маленьких людей», чтобы предотвратить банкротство в масштабах государства. Теперь же он попытался теми же методами извлечь выгоду лично для себя. И тут его интересы не совпали с интересами его прежних сообщников по кабинету министров; единственное, что они смогли для него сделать,— это затянуть и засекретить судебное разбирательство.

Как было установлено лиссабонским судом, обвиняемые пустили в обращение 580 тысяч незаконных банкнот... А убытки пришлось нести невиновному — одураченному владельцу лондонской печатной фабрики сэру Уильяму Уотерлоу. «Банко де Португал», который был вынужден выплатить эквивалентную стоимость изъятых из обращения банкнот, начал в английском гражданском суде процесс против фирмы «Уотерлоу и сыновья», требуя возмещения нанесенного ущерба. Это дело прошло через все существующие в Англии судебные инстанции. Мнения британских судей разошлись. Окончательное решение оставалось за пятью высшими гражданскими судьями Палаты лордов. Двое из них считали, что Уотерлоу должен возместить Португальскому государственному банку только стоимость изготовления новой серии банкнот, поскольку необходимость этого была вызвана его невольным соучастием в афере. В этом случае затраты оценивались в 8922 фунта стерлингов. Трое остальных членов суда, то есть большинство, стояли за то, чтобы Уотерлоу покрыл все убытки. Таким образом, он был приговорен к выплате 610 392 фунтов стерлингов и судебных издержек, которые, с учетом продолжительности судебного разбирательства, составили почти треть суммы, установленной для возмещения ущерба.

Почти миллион фунтов стерлингов заплатил Уильям Уотерлоу, прежде чем умер в полной нищете. Он стал главной жертвой этого уникального уголовного дела, о котором десятилетия спустя напоминает только неприметная табличка на могиле кладбища для бедных в Уайтчэпеле.

КРУШЕНИЕ СКОРОГО ПОЕЗДА № 10

Все начиналось как глупая мальчишеская выходка! Поздним вечером под новый, 1931 год железнодорожник, возвращавшийся домой вдоль насыпи между станциями Анцбах и Унтер-Оберндорф — это менее чем в часе езды от Вены,— обнаружил две соединительные накладки. Они были отвинчены от рельсов и небрежно брошены между путями. Железнодорожник устранил неисправность, насколько это было возможно без инструментов, и сообщил о происшествии в местный полицейский участок.

На следующее, новогоднее, утро полицейский комиссар Анцбаха провел первоначальное расследование, пытаясь найти свидетелей содеянного. Однако у кого в суматохе новогодней ночи найдется время и желание следить за железнодорожным полотном? Так что усилия комиссара не дали никакого результата. Поэтому он решил не информировать о случившемся вышестоящую инстанцию, как предписано уставом. Ради порядка он завел тонкую папку, которая получила название «Возбуждение дела против неизвестного лица по факту злостного хулиганства». Последняя отметка в деле была такой: «...поскольку не возникло какого-либо существенного ущерба и расследование не имеет шансов на успех, оно прекращается».

Полицейский комиссар из Анцбаха в то хмельное новогоднее утро и не подозревал, что так опрометчиво оставленное им без внимания «злостное хулиганство» на самом деле было диверсией, которая должна была привести к крушению скорого поезда Вена — Пассау. Мог ли он предположить, что его нерадивость будет одной из причин катастрофы, в результате которой двадцать два человека погибнут, а почти сто пятьдесят будут тяжело ранены.

Ровно через месяц, 30 января 1931 года, на том же месте и в тот же час на рельсах были закреплены две

пары параллельных тисков, соединенных железной перекладиной длиной более полутора метров. На этот раз ни один из железнодорожников не использовал случайно рельсовый путь в качестве кратчайшей дороги домой; и ровно в ноль часов сорок четыре минуты скорый поезд Вена — Пассау наехал на тиски. Диверсия была подготовлена технически несовершенно: с рельсов сошли только локомотив и почтовый вагон. Два проводника почтового вагона получили легкие ранения.

Здесь уж анцбахский полицейский комиссар сообщил наконец об имевших место инцидентах в Вену. Согласно действовавшим правилам, в Унтер-Оберндорф была послана следственная комиссия. Но чрезвычайные комиссары венского управления полиции смогли установить только то, что тиски и железная перекладина были куплены в одном из венских магазинов скобяных товаров месяц назад мужчиной лет сорока, бледным, темноволосым, среднего роста — такое описание внешности подходило к каждому третьему мужчине в Австрии и не продвинуло следствие ни на шаг. Так что и эти попытки расследования не дали результатов.

Прошло более шести месяцев.

В Вене уже осела пыль на папке «Анцбах», когда последовала третья диверсия неизвестного железнодорожного преступника.

8 августа 1931 года в 21 час 45 минут в Германии сошел с рельсов скорый поезд Франкфурт-на-Майне — Берлин. Между станциями Ютербог и Клостер Цинна под проносившимся на большой скорости поездом лопнули рельсы. С оглушительным треском разорвалась цепь вагонов. Как смертельно раненная змея, состав из восьми пассажирских вагонов и вагона-ресторана скатился под десятиметровый откос, срезая, словно спички, телеграфные столбы и сигнальные мачты, и уткнулся в противоположный лесистый склон. Несмотря на размеры катастрофы, можно назвать почти чудом то, что в результате ее не было погибших и пострадало «всего» сто девять человек, часть из которых получили тяжелые ранения.

Уже первый беглый осмотр места происшествия показал, что причиной крушения была диверсия с использованием взрывчатого вещества. В уголовной полиции объявили аврал, и расследование поручили известнейшему тогда немецкому криминалисту, советнику уголовной полиции Геннату.

Девятипудовый специалист по расследованию дел об убийствах сформировал чрезвычайную комиссию из двадцати пяти экспертов, работа которых обошлась более чем в сто двадцать тысяч марок. Эта сумма в четыре раза превысила материальный ущерб от самого крушения, составивший, по оценке управления железной дороги, 31 700 рейхсмарок. Однако Геннат вместе со всем своим штабом получил не больше сведений, чем мог бы выявить любой дилетант в криминалистике. От места взрыва на путях к зарослям кустарника за железнодорожной насыпью был проложен медный провод длиной сто семьдесят два метра. Валявшиеся в кустах окурки сигарет, обрывки изоляционной ленты и другие предметы указывали на то, что именно здесь преступник готовил взрыв и отсюда, должно быть, убедился в «успехе» своей деятельности, прежде чем скрыться. Здесь нашлась даже бумага, в которую были завернуты отдельные части адской машины. На ней стояло название фирмы, в которой покушавшийся купил необходимые для осуществления своего плана принадлежности: «Мастерская по выполнению монтажных работ А. Рупперта. Берлин, Фридрихштрассе, 9».

В этой мастерской Геннат получил описание внешности покупателя, не представлявшее, правда, особой ценности, поскольку было слишком поверхностным. Больший интерес у советника уголовной полиции вызвало сообщение о том, что покупатель якобы упомянул в разговоре, будто он бывший ирландский офицер и уже четыре года как живет где-то поблизости от Берлина. Впрочем, один из учеников в мастерской заметил, что в немецком языке того человека слышался скорее австрийский, чем ирландский акцент, но Геннат не придал этому значения.

Закрепленная на телеграфном столбе рядом с местом крушения страница газеты нацистской партии «Angriff», на полях которой печатными буквами были написаны слова «покушение», «революция», «победа», укрепила Генната и его людей в убеждении, что в основе диверсии скорее всего лежат политические мотивы анархистского толка. Иностранный офицер прекрасно вписывался в эту схему. Поэтому никто в чрезвычайной комиссии не обратил внимания на показания одного шофера, который, как оказалось гораздо позже, действительно встретил преступника, когда тот возвращался с места взрыва, и через двое с половиной суток после случившегося дал полиции

точное описание внешности, подчеркнув, что человек этот говорил с венским акцентом.

Вместо этого был организован розыск ирландского офицера с привлечением всех имеющихся средств. Полиции стало известно место его проживания — Рингштрассе, 14, в местечке Капут под Потсдамом, а также фамилия — Карнелл. Однако когда посланный для его задержания комиссар Вехтер оцепил с помощью роты полицейских земельный участок предполагаемого преступника, оказалось, что в небольшом садовом домике уже несколько месяцев никто не жил. Это поставило советника Генната в безвыходное положение.

Чтобы хоть как-то продвинуть вперед расследование, Геннат в дополнение к уже истраченным на расследование ста двадцати тысячам марок налогоплательщиков назначил еще сто тысяч в качестве вознаграждения за предоставление ценных сведений о злоумышленнике.

Насколько разочарована была общественность в Германии и за ее пределами действиями криминалистов, показывают многочисленные письма протеста из разных концов Европы, поступавшие в берлинское управление полиции на Александерплац. В одном письме, например, советника Генната по-английски обозвали «старым добрым жирным парнем», а тогдашнего начальника берлинской полиции Гречински поставили в известность, что «немецкая полиция — самая тупая в мире». Однако ни сказочно высокое вознаграждение, ни крик о помощи чрезвычайной комиссии, обращенный ко всем европейским полицейским службам с просьбой содействовать розыску, не помогли обезвредить преступника или — как в то время предполагали — преступников, поскольку все расследование шло в ложном направлении.

А тем временем настоящий преступник смог спокойно подготовить свою следующую диверсию и... сообщить соответствующим полицейским органам о серии готовящихся покушений! Главы управлений полиции Милана, Марселя, Брюсселя, Амстердама и Будапешта получили в течение нескольких недель после известных событий анонимные, склеенные из фрагментов газетных текстов, письма, в которых они ставились в известность, что в ближайшее время, как и в Ютербоге, но с использованием большего заряда взрывчатки, в воздух будут взлетать скорые поезда.

Не стоит и упоминать, что после стольких упущений письма эти были сочтены плодом воображения каких-то

шутников и нашли свое место в корзине для бумаг.

Так поступили и в Венгрии, которую коварный преступник выбрал местом следующего ужасного злодеяния. Здесь — особенно в Будапеште — у королевского правительства во главе с графом Карольи были совсем другие заботы, нежели реагировать на подобного рода угрозы. Оно было занято тем, как обуздать инфляцию, экономический кризис и безработицу. Массовые увольнения выгоняли тысячи людей на улицы, по стране прокатилась волна демонстраций и митингов. Судьба правительства висела на волоске...

Чтобы предотвратить падение кабинета, граф Карольи подготовил закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, с помощью которого он надеялся в зародыше задушить всякую политическую оппозицию и демонстрации. Чтобы провести этот закон через парламент, ему нужны были голоса социал-демократов. В середине августа 1931 года правительство ввело в денежное обращение так называемый «золотой пенге»*, условную расчетную единицу, с помощью которого предполагало ликвидировать государственный долг, составлявший почти два миллиарда. Однако иностранные кредиторы разгадали этот трюк и отказали в доверии золотому пенге, как и венгерской валюте вообще. Ожидавшиеся кредиты не поступили, а выплата уже предоставленных была досрочно прекращена. Кризис, социальное обнищание невозможно было остановить с помощью подобных уловок.

Тут, естественно, было не до того, чтобы всерьез заниматься анонимными угрозами одного или нескольких преступников, якобы готовивших взрывы.

Наступило 12 сентября 1931 года. Был поздний вечер. Стрелка больших часов на будапештском Восточном вокзале прыгнула с двадцать девятой минуты на тридцатую, когда дежурный по вокзалу поднял в руке сигнальный диск и хриплым голосом объявил по перрону: «Заканчивается посадка на скорый поезд, следующий в Вену, с вагонами прямого сообщения до Рима, Парижа, Остенде, Лондона. Отправление по расписанию в 23 часа 30 минут Просьба зайти в вагоны и закрыть двери».

Захлопали двери, по краю перрона пополз пар от вагонного отопления, в клубах которого почти исчезла

* Пенге — денежная единица в Венгрии с 1926 по 1946 г.

фигура продавца сосисок; продавец газет в последний раз пробежал вдоль поезда, заглядывая в окна вагонов и выкрикивая заголовки последних вечерних газет: «Смертный приговор отравительнице Липке! Полиция разогнала демонстрацию рабочих в центре Будапешта! Революция в Австрии! Ополчение занимает Штирию!»

Неожиданно на перрон вылетел маленький пожилой человек с гигантским чемоданом и, забавно подпрыгивая, помчался за медленно отъезжающим поездом, стремясь догнать спальный вагон второго класса. Он несся так, словно спасал свою жизнь.

Это был венский адвокат, доктор права Отто Герцог-Якубовски. В Будапеште он успешно провел гражданский процесс, защищая права одного австрийского землевладельца, и избавил своего клиента от необходимости выплачивать алименты в течение шестнадцати лет. Он охотно остался бы еще на выходной в прекрасном Будапеште, чтобы немного насладиться ночной жизнью, но его жена не понимала шуток в таких вещах и слишком хорошо знала, что и в Венгрии по воскресеньям в судах не проводится слушание дел. Из последних сил адвокат догнал-таки спальный вагон.

Проводник вагона, державший открытой дверь, услужливо помог ему взобраться по ступеням.

— Осторожно, ваше сиятельство! — сказал он при этом добродушным тоном.— Не угодите между буферами, а то у меня будут неприятности с начальством.— И, подхватив чемодан, повел венского адвоката в его двухместное купе.

Еще не отдышавшись от быстрого бега, адвокат бормотал под аккомпанемент все усиливающегося стука колес:

— Этого мне еще не хватало — отстать от поезда... Моя старуха задала бы мне трепку, если бы я остался на воскресенье в Будапеште... А виноваты опять эти красные со своими демонстрациями. Трамваи не ходят, даже пролетку и то не мог взять.

Больше из вежливости, чем из любопытства, проводник спросил:

— Что вы говорите? Опять демонстрация? И где же теперь?

— На площади Героев был митинг безработных. Да и в других местах толпился народ.— Отдышавшись, адвокат добавил: — Потом, правда, подошли конные жандармы и начали разгонять толпу саблями.

Проводник сокрушенно покачал головой:

— Ну что это за дело, сразу сабли в ход пускать. Не думаю, что это хорошо...

Однако адвокат был другого мнения:

— А как же, порядок ведь должен быть. Эти безработные в последнее время совсем распоясались. По их милости мне пришлось пешком тащить тяжеленный чемодан через полгорода.

Скорее по долгу службы, чем сочувствуя, проводник выразил ему свое сожаление:

— Да, да, что творится в мире. В Будапеште бунтуют безработные, в Австрии — ополченцы. Чем все это кончится?

Наконец они дошли до расположенного в другом конце вагона купе адвоката. Дав проводнику двадцать филлеров на чай, тот закрыл за собой дверь купе, где уже расположился на покой второй пассажир — инженер Леопольд из Нойштадта.

Доктор Герцог-Якубовски, обстоятельно готовясь к семичасовому сну, надел старомодную ночную рубашку и, вооружившись кипой будапештских газет, лег, вежливо осведомившись у соседа:

— Вам не помешает, если я еще на несколько минут оставлю гореть свет? Видите ли, без газет я не могу уснуть.

Человек рядом не возражал:

— Чувствуйте себя как дома. Я все равно не могу спать в поезде.

И господин адвокат почувствовал себя как дома: он стал читать вполголоса, как своей жене перед сном, заголовки и статьи из газет соседу по купе. Например, о том, что Муссолини наградил премьер-министра Карольи большим крестом ордена святых Маврикия и Лазаря; что регент Хорти дал в замке Геделе прием для итальянского посольства, где угощали паштетом из гусиной печенки, ветчинным рулетом, русским мясным салатом, филе косули, бутербродами с черной икрой и холодным ростбифом; что в венгерском футбольном чемпионате «Хунгария» сыграла с «Ференцварошем» вничью — 2:2; что в Токайской области перед судом предстали виноградари, дети которых ежедневно приходили в школу пьяными, так как их родители давали им на завтрак вместо недоступного по цене молока не находившее сбыта токайское вино; что ночью ожидается температура около нуля.

Инженер хотел спросить: «А какая погода ожидается завтра?», но не успел.

Внезапно раздался невообразимый треск, скрежет и грохот, словно разверзлись врата ада. Одновременно погасло освещение, и из темноты донесся ужасающий шум.

Позже у инженера Леопольда неоднократно спрашивали о том, как все это случилось, но он не мог дать ответа, его мысли и чувства в тот момент словно исчезли. Он был как бы под наркозом.

Когда инженер снова пришел в себя, первое, что он почувствовал, был ночной холод, подобравшийся к телу. Он вспомнил последние слова своего попутчика, и ему показалось, что он на какое-то мгновение заснул и увидел страшный сон.

Но когда инженер испуганно воскликнул: «Эй, господин Герцог!» — и не получил ответа, когда заметил, что полки рядом с ним больше нет, когда он спустил ноги, чтобы встать и включить свет, и неожиданно почувствовал, что нет ни пола, ни выключателя, ни всего остального вагона, он начал понимать, что́ произошло! Откуда-то из глубины доносились стоны и крики о помощи. Постепенно его глаза привыкли к темноте и стали различать во мраке очертания железнодорожного виадука, над которым словно призрак торчала секция спального вагона вместе с половиной купе, где он и находился. Другая половина купе со второй полкой вместе с большей частью спального вагона, да и всего скорого поезда, обрушилась с виадука в пропасть!

Инженеру сейчас было не до того, чтобы выяснять, как все это могло произойти. Страх перед тем, что оставшаяся часть вагона тоже может упасть вниз, заставил его прижаться к задней стенке купе. Он боялся даже дышать, как будто мог этим предотвратить падение. Четыре полных часа, каждую минуту, каждую секунду ожидая, что раскачиваемый поднявшимся сильным ветром обрубок вагона упадет-таки в пропасть, провел инженер Леопольд в этом положении, прежде чем его сняла оттуда бригада спасателей.

Что касается самой катастрофы, ее причин и последствий, то в секретном сообщении главной следственной группы политического отделения Управления венгерской государственной полиции за номером 2343/1931, которое лежит в основе нашего повествования, приводятся следующие факты: «12 сентября 1931 года скорый поезд

№ 10 «Будапешт — Вена» отбыл по расписанию в 23 часа 30 минут с будапештского Восточного вокзала. В 0 часов 12 минут поезд выехал на расположенный между участками 299 и 301 линии Будапешт — Хедьешхалом железнодорожный виадук близ Биаторбади. Когда локомотив прошел половину путевода, на рельсовом полотне произошел взрыв. Поезд сошел с рельсов. Локомотив с тендером и багажным вагоном, бельгийский пассажирский вагон 3-го и 4-го класса, остенденский спальный вагон, французский спальный вагон и венский спальный вагон, кроме последней секции, упали с виадука. Падение произошло с высоты 25 метров 58 сантиметров. При этом 22 пассажира погибли и 117 получили тяжелые ранения».

Первым на месте катастрофы оказался Йозеф Андьял, начальник расположенной в семи километрах станции Торбадь.

Зловещий обрубок спального вагона, висящий на виадуке, пронзительные крики из котловины внизу и остатки закрепленного на рельсах взрывного устройства, которое он бегло осмотрел,— вот все, что в первые минуты увидел и услышал железнодорожник. Помощь он оказать не мог, поэтому, вернувшись на станцию, по телефону оповестил о крушении полицейское управление в Будапеште. В два часа пятьдесят минут на место катастрофы прибыли первые команды жандармерии и полиции. За ними последовали кареты скорой помощи, пожарные команды, жители окрестных деревень, а также саперная часть. Однако, собираясь в спешке, команды спасателей приехали без факелов, не говоря уже о прожекторах. Вместо того чтобы извлекать из-под обломков тяжелораненых, им пришлось сначала собирать дрова, валить деревья и разводить костры с помощью бензина из своих автомобилей. При их свете место катастрофы явило собой еще более ужасную картину. Словно растоптанные капризным ребенком части игрушечной железной дороги, валялись около уходящих в небо опор виадука вагоны скорого поезда. Стоны придавленных обломками рененых смешивались с отчаянными криками уцелевших, пытавшихся найти среди крошева из дерева и металла своих близких. Лишь к полудню следующего дня были вызволены из-под обломков и отправлены в больницы все раненые и подобраны большей частью обезображенные до неузнаваемости трупы.

Сразу же после получения известия о катастрофе заместитель начальника Главного управления полиции Хетени сформировал следственную комиссию, руководство которой было поручено советнику уголовной полиции доктору Йозефу Швейнитцеру. В состав комиссии вошли сотрудники уголовной полиции доктор Антал, доктор Хивеши и Оскар Здеборски.

В четыре часа пятьдесят минут следственная комиссия начала работу на виадуке Биаторбади. Причина крушения была распознана опытными криминалистами с первого взгляда. На разломах взорванных рельсов были хорошо видны зеленовато-желтые прогары, указывающие на использование взрывчатого вещества, на внутренней стороне одного рельса были закреплены две связанные вместе батарейки от карманного фонарика, расплющенная металлическая линейка и обуглившиеся части чемоданного замка. Доктор Антал лишь несколько мгновений рассматривал это устройство, освещая его карманным фонариком, после чего ему стало ясно, как взлетел в воздух скорый поезд.

— Все очень просто,— сказал Антал и попросил советника Швейнитцера присесть на корточки, чтобы продемонстрировать ему принцип действия устройства.

Он показал карандашом на металлическую линейку.

— Линейка и чемоданный замок были использованы в качестве контактных элементов. Тормозной обод первого же наехавшего на них колеса локомотива прижал линейку вниз, она, в свою очередь, защелкнула чемоданный замок. В результате этого замкнулась цепь соединенных с замком батареек от карманного фонаря, что вызвало искру и привело к детонации заложенного под рельсы взрывчатого вещества.

Советник уголовной полиции не успел толком осмыслить принцип работы адской машины, когда, с трудом переводя дыхание и спотыкаясь о рельсы, подбежал его ассистент доктор Хивеши, показывая еще издали клочок бумаги, вероятно, чрезвычайной важности. Взяв у доктора Антала карманный фонарик, советник, сдвинув на лоб очки и сощурив глаза, прочитал написанную от руки записку: «Рабочие, у вас нет прав, поэтому мы должны отвоевать их у капиталистов. Вы будете слышать о нас каждый месяц, потому что наши товарищи есть везде. Если нет условий для получения работы, значит, мы должны создать их. Капиталисты расплатятся за все».

Глухим голосом, с трудом сохраняя спокойствие, Швейнитцер спросил:

— Где вы это нашли?

Еще не успев отдышаться, маленький, энергичный доктор Хивеши ответил:

— Записка была закреплена на телеграфном столбе там, в конце виадука.

Советник уголовной полиции осторожно положил записку в бумажник и обратился к сотрудникам:

— Господа, на этом наша работа закончена. Здесь налицо не уголовное, а политическое преступление, расследовать которое мы не полномочны. Мы должны передать это дело государственной полиции. Прошу позаботиться о том, чтобы место происшествия было надежно оцеплено. Я тотчас же иду звонить в министерство внутренних дел.

Напрасно комиссары Антал и Хивеши пытались возражать против принятого им решения. Швейнитцер уже шагал по закопченным шпалам на станцию, чтобы позвонить оттуда в Будапешт. Несколько часов спустя на место катастрофы прибыла находившаяся под командованием полковника Имре Фаркаша главная следственная группа Управления венгерской государственной полиции. После переговоров с советником Швейнитцером было составлено официальное сообщение о ходе расследования, которое газеты опубликовали еще в первой половине дня 13 сентября 1931 года в специальных выпусках.

После перечисления деталей и ужасных последствий катастрофы близ Биаторбади сообщение завершалось лапидарной фразой: «Начавшееся сразу же расследование и произведенные допросы свидетелей, а также оставленное на месте преступления политическое воззвание злоумышленников однозначно указывают на коммунистический характер покушения».

Вечером европейские буржуазные газеты распространили сенсационное сообщение: «Коммунисты взорвали скорый поезд!»

В Германии из этого сделали непреложный вывод, что и диверсия под Ютербогом была делом рук коммунистов. Усердные писаки навострили перья и принялись запугивать ужаснувшуюся бесчеловечным покушением публику тем, что неминуемо надвигается «большевистская мировая революция».

Правительству Карольи развернувшаяся в мировом масштабе антикоммунистическая кампания пришлась

очень кстати. Страшная диверсия близ Биаторбади потрясла венгерское общество. Чтобы сколотить себе на этом политический капитал, правительству нужно было лишь умело использовать народное возмущение. Все снова и снова перед глазами читателей и слушателей рисовались кошмарные картины роковой ночи, людям постоянно вдалбливалось в сознание: «Коммунисты — убийцы двадцати двух пассажиров скорого поезда № 10, коммунисты — выродки-садисты, коммунисты должны быть обезврежены, иначе все свободные граждане однажды могут кончить так же, как жертвы крушения возле Биаторбади».

По всей стране был объявлен траур, призванный придать катастрофе значение национальной трагедии.

Регент Хорти прервал свой отпуск в замке Геделе и прибыл в Будапешт, чтобы заслушать отчет премьер-министра Карольи, министра внутренних дел и министра обороны о принятых мерах. Для двадцати двух погибших в катастрофе были подготовлены торжественные похороны на одном из самых престижных городских кладбищ. Послушная правительству пресса целыми полосами живописала ужасные подробности несчастья. Выдвигались требования о введении чрезвычайного положения и интернировании всех коммунистов. Принятие парламентом закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, казалось, было гарантировано. Учитывая накал страстей в стране, социал-демократы вряд ли осмелились бы проголосовать против этого закона.

Однако то, что именно коммунисты совершили покушения в Ютербоге и Биаторбади, оставалось пока лишь голословным утверждением. Отсутствовали доказательства, отсутствовали имена и признания преступников и их подстрекателей. Без таких сведений поддерживать версию на плаву было невозможно. Правительство это очень хорошо понимало. Гнев и возмущение довольно быстро могли повернуться в другую сторону, если в ближайшее время не появятся доказательства предполагаемой политической подоплеки покушений.

Граф Карольи заявил об этом лично руководителю следственной комиссии, подчеркнув серьезность ситуации.

Руководствуясь этим, полковник Фаркаш организовал в Венгрии настоящую охоту на всех, кто подозревался в принадлежности к коммунистической партии или сим-

патиях к коммунистам. Все пограничные пункты и аэродромы были взяты под усиленную охрану. На шахтах проводились повальные облавы, на заводах разыскивались подозрительные элементы. Проверке подвергались безработные, лица, имевшие судимость по политическим статьям, и находившиеся в стране иностранцы. За неполных два дня команды тайной полиции задержали 3174 подозреваемых. Их допрашивали день и ночь. И без малейшего успеха! Две сотни сотрудников перерыли картотеки, тайные досье и донесения агентов в архиве государственной полиции. Безрезультатно! Каждые два часа премьер-министр звонил в штаб-квартиру полковника, чтобы узнать имена покушавшихся. И каждый раз его просили подождать еще немного.

Никто не подозревал, что к этому времени фотография настоящего преступника уже появилась во всех газетах Венгрии, и ни один человек не обратил на нее особого внимания. Человек, который сделал этот снимок, репортер газеты «Пешти Хирлап» Янош Коша, указал полковнику Фаркашу на этого подозрительного человека уже на следующее утро после катастрофы. В секретном сообщении следственной группы по этому поводу сказано: «Газетный репортер Янош Коша явился вскоре после прибытия следственной группы и обратил внимание на показавшегося ему подозрительным человека, который, будучи на месте катастрофы, выделялся своим странным поведением. Подозреваемый попросил репортера сфотографировать его и сообщить в своей газете о его счастливом спасении. Затем этот человек подробно рассказал, в каком вагоне и купе ехал, а затем — упал в пропасть. Он также попросил занести его в список пострадавших во время катастрофы, хотя у него была лишь небольшая царапина на лице, а костюм выглядел только что отглаженным. У репортера создалось впечатление, что этот человек искал алиби, чтобы подтвердить, будто он был в потерпевшем крушение поезде. Чрезвычайно странным показалось репортеру обстоятельство, что человек, якобы переживший падение с почти тридцатиметровой высоты, остался целым и невредимым, а его костюм отличался безупречной чистотой. Указания репортера были приняты к сведению и проверены, однако высказанное подозрение не подтвердилось. Представителям следствия удалось выяснить, что подозреваемый Сильвестер Матушка проживал в Вене и был директором завода. Его самого допросить не представилось возможным, поскольку он

в тот момент находился в расположенной поблизости церкви и в молитве, очевидно, благодарил бога за свое чудесное спасение. Судя по имевшимся сведениям, представлялось абсурдным включать его в круг возможных преступников. Поэтому дальнейшая отработка этого следа была прекращена».

Сам полковник Фаркаш уделил предположению газетного репортера еще меньше внимания. Молившийся директор завода был для него, с учетом политической подоплеки преступления, наименее подозрительным пассажиром во всем поезде. Полковник громко засмеялся, когда услышал, что предполагаемый преступник отправился молиться.

— Нет, мой дорогой, надеюсь, вы и сами не верите в то, что коммунисты стали бы за что-либо благодарить господа,— возразил он репортеру «Пешти Хирлап» и посоветовал ему лучше заниматься своей писаниной, чем пытаться выступать в роли Шерлока Холмса.

Наконец широко задуманные розыскные действия следственной группы дали желаемый результат. Пока по остаткам адской машины устанавливали ее происхождение и искали отпечатки пальцев, было гектографировано рукописное воззвание террориста и эксперты сравнили его с зарегистрированными государственной полицией почерками всех проживавших в Венгрии коммунистов. Эксперт доктор Керекеш установил, что почерк злоумышленника по высоте, длине и наклону букв имеет поразительное сходство с зарегистрированным почерком жившего в Будапеште электротехника Мартина Лейпника, считавшегося коммунистом.

Этого оказалось достаточно для полковника Фаркаша, чтобы заявить премьер-министру и прессе: «Главным виновником катастрофы близ Биаторбади является известный коммунист Мартин Лейпник».

Однако арестовать его не удалось, так как некоторое время спустя оказалось, что он уже много месяцев не живет в Венгрии. Впрочем, Фаркаша это не смутило, и он стал утверждать, что Лейпник сразу же после диверсии убежал за границу, использовав стоявший наготове автомобиль.

В ходе розыскных действий в отношении Лейпника стало известно, что менее года назад он выполнял электромонтажные работы в деревне Торбадь и в свободное

время часто играл в карты в деревенском трактире с начальником станции Андьялом.

Хозяин трактира подтвердил это.

Значит, в качестве соучастника выступал хорошо знакомый с железнодорожным делом начальник станции! Вот она, желанная разгадка!

Начальника станции тут же арестовали. Простодушный, не обладавший особо живым умом пятидесятичетырехлетний Йозеф Андьял не понимал, что ожидало его впереди. Он думал, что его будут допрашивать как начальника станции, рядом с которой произошло крушение, надеялся даже, что заслужит похвалу, поскольку так быстро поднял по тревоге команды спасателей. Поэтому и не поверил своим ушам, когда полковник Фаркаш в резкой форме заявил ему, что только искреннее признание может спасти его от расстрела по приговору военно-полевого суда. Андьял, испуганно заикаясь, пробормотал:

— Признание? Военно-полевой суд? Да ради бога, в чем же я должен признаваться? Ведь я за всю свою жизнь не совершил ни одного неправедного поступка!

Полковник не добился ничего и тогда, когда, грозно закричав на начальника станции, потребовал от него не прикидываться глупее, чем тот был на самом деле. Не помогла и ложь Фаркаша, будто сообщник Андьяла Лейпник уже схвачен. Так же мало изменила поведение железнодорожника и очная ставка с владельцем деревенского трактира, который еще раз подтвердил, что Лейпник и начальник станции часто играли в его заведении в карты. Андьял не отрицал этого факта, однако упрямо добавлял при этом:

— Ну хорошо, господин комиссар, хоть я и играл с ним в карты, но мы так и не стали друзьями. Как это я мог быть его сообщником? Приведите его сюда, и пусть он сам подтвердит это.

Йозеф Андьял продолжал стоять на своем после многочасовых, продолжавшихся до полного физического изнеможения перекрестных допросов, во время которых полковник и трое других офицеров следственной группы сменяли друг друга. Наконец Андьяла перевели в Будапешт, в государственную тюрьму, в надежде, что одиночное заключение сделает его более сговорчивым. Однако наивный и недалекий начальник станции был непоколебим. Он упрямо продолжал утверждать, что не был соучастником преступления и что вообще не имел к нему никакого отношения.

Но тут всплыло такое, на что полковник Фаркаш уже и не надеялся, а начальнику станции не могло присниться и в страшном сне: в результате криминалистического анализа следов, оставленных на месте преступления, появилось косвенное доказательство того, что Андьял участвовал в покушении на скорый поезд № 10.

Дактилоскопическое исследование двух закрепленных на рельсе батареек от карманного фонарика обнаружило отпечатки пальцев, по всем необходимым для идентификации признакам точно совпадавшие с отпечатками пальцев, взятыми у начальника станции Йозефа Андьяла по его прибытии в государственную тюрьму.

Второе веское доказательство его вины дала проверка расписания движения поездов на этом участке в ночь катастрофы. Перед сошедшим с рельсов скорым поездом № 10 по расписанию в 23 часа 53 минуты по виадуку должен был пройти порожний товарный состав № 1358. Таким образом, ему предназначалось стать жертвой покушения. То, что на его месте оказался наполненный сотнями людей скорый поезд, без сомнения, было делом рук Андьяла. Как было записано им самим в журнале станции Торбадь, он по собственной инициативе с помощью стоп-сигнала задержал товарняк на станции и после катастрофы направил его по запасному пути.

Кто же теперь будет сомневаться в виновности начальника станции? Запись в станционном журнале бесспорно доказывала, что Андьял задержал товарный состав, чтобы дать возможность осуществить диверсию со скорым поездом. Его отпечатки пальцев на батарейках адской машины подтверждали то, что он установил взрывное устройство на виадуке, а игра в карты с Лейпником в трактире деревни Торбадь замыкала круг. Он был знаком с человеком, который оставил на месте преступления письменное свидетельство политических мотивов диверсии. Так была замкнута цепь доказательств, роковая для начальника станции Йозефа Андьяла.

Хотя премьер-министр Каройи с великой радостью воспринял сообщение полковника Фаркаша, он тем не менее стал настаивать, чтобы от начальника станции как можно скорее было получено признание, поскольку это даст возможность на открытом процессе в военно-полевом суде разоблачить его связи с коммунистами и предать гласности имена его «хозяев». Со всей настойчивостью он втолковывал полковнику:

— Этот жалкий начальник станции и гроша ломаного не стоит, если не скажет, кто за ним стоит. Мне нужны имена, он должен признаться, кто его купил и сколько он получил за свое участие. Если этот человек не расскажет обо всем публично и по собственной воле, мы осрамимся на весь свет. Вы это понимаете?

В ответ полковник щелкнул каблуками. На его тонких губах промелькнула надменная усмешка, которая выражала примерно следующее: «Если дело только за признанием, то уж я тебе его добуду».

Однако вслух он со сдержанным подобострастием государственного чиновника произнес:

— Ваше превосходительство, я сделаю все, что в моих силах. Он сломается под тяжестью улик. Это лишь вопрос времени.

Когда Фаркаш попрощался, еще раз щелкнув каблуками, и почти дошел до высокой двери огромного кабинета, премьер-министр окликнул его и цинично проговорил:

— Относительно того, что он «сломается», я не хотел бы понять вас слишком буквально, полковник. Подумайте о том, что этому человеку предстоит еще выступать на открытом процессе. Другой исход может оказаться для вас весьма неприятным...

Полчаса спустя начальник станции Йозеф Андьял был подвергнут полковником Фаркашем и его адъютантом обер-лейтенантом Ковачем усиленному перекрестному допросу. Около полуночи заспанного Андьяла отвели в расположенную в подвале комнату без окон, с голыми стенами. Меблировка ее состояла из простого стола, стула с кожаными ремнями для пристегивания к спинке и ножкам и двух рефлекторов, точно таких, которые, как известно было Андьялу, использовались для ночных ремонтных работ на путях.

До сих пор его допрашивали только в рабочем кабинете полковника. Новая обстановка возбудила в нем страх. Андьял с опаской сел на стул.

Полковник остался на заднем плане, допрос начал Ковач. Почти дружеским тоном он спросил:

— Ну что, Андьял, как насчет того, чтобы сказать теперь правду?

Начальник станции тряхнул головой и ответил усталым голосом:

— Но ведь я же вам сказал правду. Я не имею никакого отношения к этому преступлению. Поверьте мне наконец!

Словно он и ждал подобного ответа, обер-лейтенант повернулся к своему начальнику и полным иронии голосом сказал:

— Наш друг Андьял разговаривает так, будто он очень устал. Не добавить ли мне немного праздничного освещения, господин полковник, чтобы приободрить его?

— Да, включите-ка оба рефлектора, Ковач. Что-то здесь темновато. При ярком свете лучше говорится.

Ковач нагнулся, подсоединил силовой кабель, и в то же мгновение зажглись оба прожектора. Как фотограф, он направил свет на лицо начальника станции.

Чтобы укрыться от яркого света и невыносимого зноя, Андьял нагнулся вперед и оперся локтями на бедра. И тут обер-лейтенант сильно ударил его кулаком в лицо, попав по губам и носу, так что голова откинулась назад и из ноздрей потекла кровь. Ковач с издевкой крикнул железнодорожнику:

— Только не надо изображать усталость, мой милый, сиди прямо, чтобы мы видели, говоришь ли ты правду!

Андьял больше не осмеливался хоть немного наклонить голову. Сощурив глаза, он наблюдал за тем, как полковник разложил на столе фотографии его отпечатков пальцев и батарейки от карманного фонарика и выжидательно посмотрел на него. Начальник станции догадался, какие доводы собирались привести офицеры, и стал быстро говорить:

— После катастрофы я первым оказался на виадуке. Я увидел батарейки между рельсами и поднял их. Конечно, на них могут быть мои отпечатки пальцев. Но ведь я не приносил взрывчатку. Спросите у советника Швейнитцера, я ему рассказывал, что нашел остатки адской машины и трогал их. Так что все это лишь случайность, роковое стечение обстоятельств.

На какое-то мгновение в комнате воцарилась мертвая тишина, лишь тихо гудели прожекторы. Полковник кусал губы и вопросительно смотрел на своего адъютанта. Утверждение Андьяла полностью обесценивало как улику отпечатки пальцев.

Охваченный внезапной яростью, Ковач вдруг схватил железнодорожника за ворот кителя и стал трясти так, что тот несколько раз ударился головой о стену. При этом он кричал ему в лицо:

— Ты называешь это случайностью, свинья? А то, что ты задержал на станции порожний товарный состав, чтобы на воздух взлетел скорый поезд,— тоже случай-

ность? И здесь ты невиновен? Так, что ли?

Ковач продолжал трясти его, но тут Андьял неожиданно взвился, вскочил со стула и в отчаянии завопил:

— Да вы с ума сошли! Я задержал товарный состав, потому что скорый поезд шел с опозданием на три минуты. Вы можете это проверить. Если бы скорый стал ожидать, пока товарняк пройдет виадук, то добавилось бы еще пять минут опоздания. На всех железных дорогах мира в таких случаях право преимущественного проезда всегда получает международный скорый поезд. Я невиновен. Уберите же наконец эти прожекторы!

Энергичным движением Ковач вернул вскочившего начальника станции на место. Он не знал, как ему быть дальше, и беспомощно посмотрел на полковника. Андьял, завалившись, сидел на стуле; потоки горячего пота бежали по лицу, губы высохли от зноя прожекторов. Полковник коротко кивнул Ковачу. Обер-лейтенант без дальнейших пояснений понял значение кивка: допрос на износ! То есть обрабатывать до тех пор, пока человек окажется не в состоянии сопротивляться.

После более чем двенадцати часов напрасных попыток получить признание допрос был прерван «из-за полной неспособности давать показания», как было записано в протоколе. От жары и побоев Андьял потерял сознание! Ему дали лишь несколько часов на то, чтобы прийти в себя. Затем снова подвергли, как говорится в официальном сообщении следственной группы, усиленному перекрестному допросу. На этот раз он продолжался восемь часов, и опять до полного физического истощения. Признания Андьял так и не сделал. Каждый день и каждую ночь таскали его на допросы, все ужесточая их новыми мучениями. Его уже не спрашивали о подробностях покушения, а стремились лишь к одному: сломать его физически и морально, пока он наконец не признается во всем, что от него захотят услышать.

В это время произошло событие, на которое никто не обратил внимания, в том числе и в следственной группе, хотя оно привело к сенсационному повороту дела и весьма причудливому объяснению одного из самых загадочных преступлений в истории криминалистики.

25 сентября 1931 года, почти через две недели после катастрофы, в управление Венгерской государственной железной дороги поступило заявление от проживавшего в Вене владельца завода Сильвестера Матушки, в котором он требовал две с половиной тысячи пенге в качестве компенсации за материальный ущерб, причиненный ему в результате железнодорожной катастрофы.

Как принято в подобных случаях, железнодорожное управление предприняло действия по проверке обоснованности требования о возмещении ущерба. Для этого у него было заключено что-то вроде краткосрочного договора с одним будапештским частным детективом по имени Йозеф Хабли, бывшим полицейским служащим, который с грехом пополам кормился тем, что наблюдал за подозреваемыми в супружеской измене мужьями и женами.

Частный детектив Хабли по ходатайству следственной группы тайной государственной полиции немедленно получил задание навести справки. Как и прежде, считалось, что переживший катастрофу директор завода, который пошел затем молиться в церковь, никак не может быть преступником.

Йозеф Хабли даже не подозревал, какие сюрпризы ожидали его впереди. Он лишь хотел установить, действительно ли требовавший две с половиной тысячи пенге компенсации за причиненный ущерб директор завода Матушка ехал в потерпевшем крушение поезде. Если бы он нашел этому подтверждение, его задача была бы выполнена. Хабли сделал единственно возможное в данной ситуации: просмотрел составленные командами спасателей списки раненых во время крушения и нашел там запись, что директор завода Матушка получил помощь и зарегистрирован как легкораненый. Тем самым, казалось, подтверждалось, что он ехал в скором поезде № 10. Хабли мог бы этим и удовлетвориться. Но какое-то странное чувство, необъяснимое сомнение заставило его искать дальше. В списке раненых было также записано, что директор Матушка ехал в венском пассажирском вагоне. Тут Хабли удивился. Продолжительность поездки из Будапешта в Вену составляла свыше семи часов. Скорый поезд ехал ночью и имел в своем составе два спальных вагона. Не странно ли, что хорошо обеспеченный директор и владелец завода вместо удобного спального вагона воспользовался общим пассажирским вагоном?

При дальнейшем изучении документов Хабли обратил внимание еще на две странности. Венский пассажирский вагон при падении с виадука полностью разрушился. Его пассажиры были извлечены из-под обломков либо мерт-

выми, либо тяжело раненными. Как же сумел господин Матушка отделаться легкими повреждениями? Более того, газетная вырезка, которая лежала в деле, была снабжена фотографией так счастливо спасшегося директора завода. И на этом, сделанном вскоре после катастрофы, снимке Матушка выглядел настолько элегантно, будто только что сошел со страниц журнала мод, а не выбрался из разрушенного вагона скорого поезда.

Сомнение, которое появилось у Хабли сначала чисто интуитивно, вероятно в силу профессии, получило теперь более веское подтверждение. У него возникло убеждение, что этот «директор Матушка» был всего лишь бедным жуликом, который использовал благоприятную возможность, чтобы урвать пару тысяч пенге в виде компенсации. Гипотеза Хабли сводилась к следующему: Матушка ехал в оставшемся на виадуке вагоне и обманным путем зарегистрировался как пассажир упавшего вагона, поскольку учуял возможность получить денежную компенсацию. Он выдал себя за директора завода, чтобы исключить всякие подозрения. Кто же может заподозрить директора завода в подобных вещах?

Детектив Йозеф Хабли очень гордился этими криминалистическими выводами и, охваченный охотничьим азартом, на свой страх и риск начал новое расследование, которое выходило за пределы его компетенции. Он затребовал в венском управлении полиции конфиденциальную характеристику Матушки. Если он рассчитывал узнать из нее что-либо предосудительное об образе жизни предполагаемого мошенника, то полученные сведения повергли его в уныние. Венская полиция характеризовала Матушку как уважаемого, преуспевающего человека, которого многие называли миллионером и который, как было известно из достоверных источников, владел четырьмя жилыми домами, чугунолитейным заводом и каменоломней. Он изображался заботливым отцом семейства, благочестивым христианином и гражданином с незапятнанной репутацией, который за всю свою жизнь никогда не вступал в конфликт с законом. При чтении этой справки детектива Хабли сначала охватило глубокое разочарование. Но когда он прочитал ее второй и третий раз, его внимание вдруг привлекло слово, вызвавшее прямо-таки фантастические ассоциации. Полиция писала о том, что Матушка владел каменоломней! А в каменоломнях использовались взрывчатые вещества. Скорый поезд был пущен под откос с помощью взрывчатки. Было назначено

вознаграждение в пятьдесят тысяч пенге за сведения, которые помогли бы привести к поимке преступника. А что, если этот Матушка взорвал скорый поезд только ради компенсации?

Мысль о возможности получить пятьдесят тысяч пенге вознаграждения привела Хабли в крайнее возбуждение. Но когда он снова успокоился и стал рассуждать логически, то быстро понял всю нелепость своего предположения. Неужто миллионер станет взрывать набитый людьми поезд, чтобы получить жалких две с половиной тысячи пенге? Немыслимо! Скрепя сердце Йозеф Хабли отбросил эту гипотезу.

Среди всех сведений и предположений, противоречивших друг другу, одно оставалось неясным, как и прежде: имел ли этот Матушка право на возмещение ущерба, или он, несмотря на все свое богатство, был мошенником?

Поскольку задание детектива состояло в том, чтобы прояснить эти сомнения, и поскольку его на это толкало собственное чутье, Йозеф Хабли за свой счет, что ни в какое сравнение не шло с общей суммой причитавшегося за выполнение этого задания гонорара, отправился в Вену, чтобы лично увидеть владельца завода Сильвестера Матушку.

Хабли не повезло. В доме № 9 на Хофгассе, в котором жил Матушка, была только его десятилетняя дочь Габриелла! Ее отец в каменоломне, сказала она и назвала адрес: местечко Традигист близ Санкт-Пельтена.

Детектива ожидали новые сюрпризы. Оказалось, что каменоломня уже несколько лет не функционировала, и принадлежала она совсем не Матушке, а некой баронессе Форго-Юнг. По каким-то причинам, не известным баронессе, Матушка в апреле арендовал этот заброшенный карьер, за что платил каждый месяц сто пятьдесят шиллингов. На вопрос, для чего это нужно, не мог ответить и мастер-взрывник Вейнерт. Матушка нанял его тоже в апреле, хотя никаких взрывов не производилось. Тем не менее мастер исправно получал жалованье, и ему этого было достаточно. Он принялся обстоятельно рассказывать Хабли:

— Сначала все выглядело так, будто он собирался возобновить работы на каменоломне. Из окружного управления в Санкт-Пельтене господин директор получил журнал регистрации взрывных работ и другие необходимые для этого бумаги. Да, я даже привез ему из

Веллерсдорфа, с завода взрывчатых материалов, двадцать килограммов экразита и сотню запалов. Но камень мы здесь не подрывали, так, только немного пошумели.

Хабли в волнении спросил:

— Как это пошумели? Расскажите подробнее.

С наивным простодушием мастер-взрывник ответил:

— Ну да, господин директор сказал мне, что ему на своем чугунолитейном заводе нужно взорвать старую фабричную трубу, которая находится в аварийном состоянии. Я специально для этого достал газовые трубы, затем распилил на метровые куски и наполнил экразитом. Потом мы их взрывали в каменоломне. Господин директор хотел с помощью пробных взрывов установить, сколько экразита ему нужно, чтобы взорвать фабричную трубу.

Йозеф Хабли был слишком взволнован, чтобы слушать дальше этого размеренно говорящего человека. Мысли лихорадочно проносились в его голове. Криминалистическое расследование крушения возле Биаторбади определило, что рельсы взорвали посредством метровых железных труб, похожих на газовые, наполненных экразитом. А этот странный, в высшей степени подозрительный арендатор каменоломни Матушка втихомолку изготавливал здесь такие заряды и даже опробовал их действие.

С трудом сохраняя спокойствие, Хабли с деланным равнодушием спросил у мастера-взрывника:

— Ну и что же? Взорвал-таки господин директор трубу?

Мастер Вейнерт и не подозревал, насколько важным могло быть то, что он собирался ответить. Он сначала не спеша набил свою трубку, закурил ее, подумал какое-то время и наконец сказал:

— А вы знаете — нет, мне только сейчас пришло это в голову. Десятого сентября я должен был поехать на чугунолитейный завод, чтобы помогать при выполнении взрывных работ. Однако за день до этого господин директор позвонил и попросил передать мне, что он должен срочно поехать в Будапешт, и с тех пор он больше не давал о себе знать...

У Хабли теперь оставался один-единственный вопрос к мастеру-взрывнику:

— Скажите, господин Вейнерт, эти трубы, наполненные экразитом, еще здесь? Мог бы я на них взглянуть?

Мастер покачал головой:

— Их господин директор еще раньше захватил с собой...

Было три часа утра, когда частный детектив Йозеф Хабли вернулся в Будапешт. И хотя он уже более шестидесяти часов был на ногах, не сомкнув за это время глаз, он тут же сел за свой старомодный письменный стол, чтобы зафиксировать на бумаге объяснение катастрофы близ Биаторбади. Написанное им той ночью и направленное префекту полиции Будапешта заявление гласило:

«Касательно поиска злоумышленника, устроившего крушение скорого поезда № 10 в ночь с двенадцатого на тринадцатое сентября 1931 года на железнодорожном виадуке Биаторбадь.

В соответствии с опубликованными в прессе обращениями позволю себе назвать имя злоумышленника, одновременно претендуя на назначенное вознаграждение в размере 50 000 пенгё. Речь идет о проживающем в Вене, Хофгассе, 9, Сильвестере Матушке, владельце чугунолитейного завода и жилых домов. Матушка родился 29 января 1892 года в городе Чантавеш (Венгрия), женат и имеет десятилетнюю дочь. В доказательство моего утверждения, что Матушка является разыскиваемым преступником, привожу следующие факты: М. в своем заявлении в управление Венгерской государственной железной дороги по поводу возмещения материального ущерба утверждает, что ехал в потерпевшем крушение венском пассажирском вагоне скорого поезда № 10. Соответствующее сообщение было сделано также и в прессе. М. был бы тяжело ранен, а возможно, и мертв, если бы действительно был в этом вагоне, так как вагон был полностью разрушен. Отсюда следует сделать вывод, что М. был не в поезде, а на месте катастрофы, и именно потому, что сам заложил подрывной заряд.

Чтобы не вызвать подозрений, он выдал себя за попавшего в катастрофу пассажира. В пользу того, что это он заложил адскую машину и вызвал крушение скорого поезда № 10, говорят следующие факты: Матушка арендовал в апреле этого года в Традигисте близ Санкт-Пельтена каменоломню, судя по всему, только с целью отработки плана диверсии, так как каменоломня давно уже не функционировала и он тоже не возобновил работы на ней. Однако в качестве арендатора каменоломни он мог обеспечить себя взрывчаткой и запалами, что в иных условиях было бы для него проблематично. С помощью

своего мастера-взрывника Вейнерта (проживающего в Традигисте) М. добыл двадцать килограммов экразита, сто запалов и железные газовые трубы, из чего затем изготовил использованные им для диверсии взрывные устройства. Чтобы скрыть свое намерение, он сказал мастеру-взрывнику, что якобы собирается с помощью этих зарядов взорвать находившуюся в аварийном состоянии кирпичную трубу своего чугунолитейного завода. Но труба до сих пор стоит, потому что в действительности Матушка поехал 10 сентября в Будапешт, занялся там приготовлениями к диверсии и взорвал два дня спустя железнодорожный путь на виадуке, когда по нему проезжал скорый поезд № 10».

Со всей тщательностью Хабли еще раз проверил написанное, он помедлил, прежде чем поставить свою подпись. У него было такое чувство, что в его доводах отсутствовал самый важный аргумент, заключавшийся в ответе на вопрос: «Зачем Матушка совершил это преступление?» Он не мог найти никакого объяснения и с чувством неудовлетворенности подписал этот важнейший документ в деле расследования крушения скорого поезда.

В то же самое утро, когда частный детектив Хабли ехал со своим заявлением в префектуру полиции, катастрофа близ Биаторбади унесла двадцать третью человеческую жизнь! Вот что говорится об этом в секретном сообщении следственной группы венгерской государственной полиции: «В ночь с 29 на 30 сентября 1931 года подследственный Андьял, подозреваемый в диверсии, в перерыве между допросами покончил жизнь самоубийством. Из разорванного на полосы носового платка и из ручки сломанной ложки он соорудил себе удавку, посредством которой, лежа на нарах своей камеры, совершил самоудушение, причем тюремный персонал не смог своевременно предотвратить это. Самоубийство обвиняемого может быть истолковано только как косвенное подтверждение его причастности к преступлению».

Еще несколько часов полковник Фаркаш мог отстаивать подобное толкование событий и скрывать правду, заключавшуюся в том, что Андьял покончил жизнь самоубийством, не выдержав бесчеловечных методов допроса. Но только до тех пор, пока заявление частного детектива Хабли не попало на стол испуганного премьер-министра графа Карольи. В результате нескольких кратких телефонных разговоров следственная группа государственной полиции была распущена и советнику уголовной полиции доктору Швейнитцеру было вторично поручено расследование крушения скорого поезда № 10. Целая неделя потребовалась советнику и его сотрудникам, чтобы проверить данные частного детектива Хабли. Затем пришло время действовать. То, что могло случиться уже утром 13 сентября, через несколько часов после катастрофы, произошло теперь.

7 октября 1931 года в девять часов утра Сильвестер Матушка был задержан в своей квартире сотрудниками венского отделения общественной безопасности и подвергнут первоначальному допросу прибывшими в Вену будапештскими криминалистами. Сначала Матушка категорически все отрицал. Однако поскольку он вынужден был признать, что обладал всеми материалами, использованными во время диверсии близ Биаторбади, то руководитель венского отделения общественной безопасности советник Воль тут же санкционировал предварительное заключение его под стражу. Пункт за пунктом на допросе Матушке предъявлялись многочисленные отягчающие обстоятельства и улики. Венская утренняя газета «Дер морген» дала сообщение об этом допросе 12 октября 1931 года под аршинным заголовком:

«По следу железнодорожного преступника!

...Он равнодушно выслушивает все вопросы, обращенные к нему, затем довольно неопределенно смотрит в небо, и каждый раз ему требуется немало времени, чтобы ответить на вопрос. Ответ, который редко что-либо проясняет. Матушка пытается избежать разговора на конкретную тему и за счет более или менее искусных уловок уйти от точных определений... После ареста Матушки полиция конфисковала в его квартире и тот костюм, который был на нем 13 сентября, когда он — по его же собственным словам — удивительным образом спасся в Биаторбади от смерти. Речь идет о спортивном костюме с брюками-гольф, на карманах которого обнаружены странные желтые пятна. По мнению специалистов, эти пятна, без сомнения, являются следами экразита, который применялся при диверсии...»

С каждым новым вопросом положение Матушки становилось все безнадежнее. Уже давно были проверены совершенные в Австрии и Германии диверсии и вызваны в Вену занимавшиеся этим криминалисты. 16 октября 1931 года в восемнадцать часов Матушка в присутствии криминалистов доктора Швейнитцера и доктора Антала

из Будапешта, советника Воля и доктора Брандта из Вены, а также советника Генната и доктора Берндорфа из Берлина полностью признался в содеянных преступлениях. Это признание, проверенное полицейскими учреждениями трех стран, подтвердило результаты расследования. Оно не оставляло больше сомнений в том, что Матушка один, без соучастников и чьего бы то ни было подстрекательства, совершил диверсии в Анцбахе, Ютербоге и Биаторбади и планировал еще три — в Милане, Париже и Амстердаме.

Итак, цепь ужасных преступлений была выявлена, и кошмар, висевший над людьми, рассеялся. Однако пока царила полная неясность в отношении мотивов преступлений. Материальные или политические причины отпадали сразу. Был ли Матушка душевнобольным? Когда его спрашивали о том, что было поводом к совершению преступления, он возбужденно вскакивал, бросался на пол и, всхлипывая, бормотал сдавленным голосом:

— Мир, услышь меня; мир, пойми; мир, знай: я, Сильвестер Матушка, преступник, самый грешный человек.

Когда проводившие допрос служащие энергично призывали его к порядку, он тут же вставал, виновато улыбался и говорил:

— Простите, пожалуйста. Я знаю, что должен умереть. Я даже хочу этого. Но дайте мне еще несколько дней отсрочки, тогда я все скажу. И пожалуйста, верните мне статуэтку, которую у меня отобрали при аресте...

Матушка воспитывался в строгих религиозных традициях. Он должен был стать священником, но его исключили из семинарии, так как поймали во время посещения борделя. Между двумя этими полюсами, видимо, и следует искать действительные, до сих пор не выясненные до конца мотивы его преступлений. Сам Матушка сказал, когда ему наконец вернули небольшую статуэтку святого Антония Падуанского, которую он постоянно носил с собой как талисман:

— На рождество 1930 года я был на торжественной мессе в своем родном городе. Я подарил церкви прекрасные ясли работы скульптора Бартолотти. Они стоили четыреста шиллингов. Когда ч увидел, какую радость они доставили людям, в том числе и тем, кто обычно не ходил в церковь, я захотел их всех, неверующих и сомневающихся, обратить в веру в господа. Я чувствовал себя призванным к этому, но знал, что смогу достигнуть этого

только в том случае, если заставлю людей слушать. Поэтому и решил устроить в течение года крушения поездов по всей Европе, а потом заявить о себе.

От этой версии мотивов, приведших его к преступлениям, Матушка никогда не отступал. Впоследствии он тешил себя мыслью, что мог бы стать основателем новой религиозной секты. И даже такие аргументы, как: «Но ведь люди, узнав о ваших ужасных злодеяниях, прокляли бы вас, вместо того чтобы поклоняться вам», не могли разубедить его.

Он упрямо отвечал:

— Каждая новая идея требует жертв. Этому учит история. Меня, конечно же, не прокляли бы. Люди увидели бы во мне их истинного поводыря в земной жизни.

После таких заявлений напрашивался вывод о том, что Матушка просто невменяемый религиозный фанатик, который не в состоянии отвечать за свои поступки. Однако медэксперты, которые неделями обследовали его, два венских психиатра, профессор Хевель и профессор Бишоф, были совсем другого мнения. Профессор Хевель в своем заключении среди прочего написал: «В поведении Матушки привлекает внимание его гипертрофированное тщеславие, склонность к фантазированию и притворству. Хотя он воспитывался в строгом религиозном духе, именно это продолжавшееся все детство и юность воспитание в закрытых школах и семинариях сделало его моральным уродом с явно выраженными садистскими наклонностями. Позже, в супружеской жизни, он разыгрывал из себя заботливого отца семейства, в действительности же обманывал свою жену почти ежедневно с проститутками и прочими женщинами сомнительного поведения. Его садистские наклонности толкали Матушку ко все более извращенным эксцессам, венцом которых стала серия террористических актов на железной дороге.

«Для меня было бы величайшей радостью и высшим наслаждением увидеть темной ненастной ночью большой взрыв...» — писал Матушка в восемнадцать лет в своем дневнике. Двадцать один год спустя он осуществил юношескую мечту самым кошмарным образом».

Профессор Бишоф к этому прибавил: «Все приведенные им доводы о якобы религиозных мотивах его преступлений являются лживыми. Но его нравственно-моральная ущербность ни в коей мере не является следствием душевной болезни. Техническая изощренность,

с которой он действовал, и четко продуманная тактика, направленная на то, чтобы замаскировать свои акции политическими воззваниями и направить следствие в другом направлении, доказывают, что он полностью отдавал себе отчет о масштабе своих преступлений и их ужасных последствиях. Матушка целиком несет ответственность за свои деяния!»

Какую же ответственность понес Матушка? История его осуждения достойно вписывается в ряд его беспримерных преступлений.

Сначала вокруг него развернулась дипломатическая возня. Венгрия, Германия, Австрия — каждая из этих стран хотела провести у себя сенсационный процесс. Но поскольку Матушка был в Австрии, его там и оставили. 16 июня 1932 года венский окружной суд приговорил его за подготовку и осуществление диверсий в Анцбахе к шести годам каторжной тюрьмы с отбыванием 31 января и 31 декабря каждого года в карцере с лишением пищи.

Два года спустя Матушку «одолжили» будапештскому военно-полевому суду для формального осуждения. Приговор гласил: расстрел, однако он не мог быть приведен в исполнение, так как окружной суд в Вене поставил условие, чтобы Матушка, прежде чем будет расстрелян, сначала отсидел свой срок в Австрии. Его быстро отослали обратно в Австрию, в тюрьму Штейн под Веной. Здесь Матушка чувствовал себя, судя по всему, совсем неплохо, потому что за шесть лет заключения написал полдюжины романов и сценариев фильмов о своих преступлениях и изобрел различные устройства для предотвращения железнодорожных катастроф.

Когда он отсидел свой первый срок, Гитлер как раз осуществил «аншлюс» — присоединение Австрии к «великогерманскому рейху». Матушка попал в концентрационный лагерь и вскоре после этого был убит «при попытке к бегству».

О человеке, который «вычислил» Сильвестера Матушку, частном детективе Йозефе Хабли, в деле сообщается лишь, что он не мог претендовать на назначенное вознаграждение, так как получил задание от управления Венгерской государственной железной дороги собрать сведения о Матушке и его работа была соответствующим образом оплачена. Гонорар, полученный Хабли, составлял в целом пятьдесят пенге, и его не хватило даже на покрытие путевых расходов, возникших в ходе расследования.

О том, кто же получил пятьдесят тысяч пенге вознаграждения, сообщила венская газета «Нойе Винер Абендблатт» в своем номере от 15 декабря 1931 года:

«ПРЕМИЯ ЗА ПОИМКУ В ДЕЛЕ МАТУШКИ ВЕНСКАЯ ПОЛИЦИЯ ПОЛУЧАЕТ 3000 ПЕНГЕ

Будапешт, 15 декабря. Министр внутренних дел принял сегодня окончательное решение о распределении назначенной Венгерской государственной железной дорогой премии за поимку преступника, совершившего диверсию в Биаторбади, в размере 50 000 пенге. В соответствии с этим решением политическое отделение будапештского управления полиции получает из этой суммы 40 000 пенге, о распределении которых в своих подразделениях примут решение шеф полиции Хекеньи и его заместитель Швейнитцер. 5000 пенге получат гражданские лица, 2000 пенге жандармерия и 3000 пенге — венская полиция».

УБИЙЦА НА БОРТУ

«SOS... SOS... морро касл... местонахождение... двадцать миль южнее скотлэнд лайт... на борту пожар... требуется неотложная помощь... SOS... SOS...»

Трижды прозвучал в эфире утром 8 сентября 1934 года международный сигнал бедствия. Радисты североамериканской береговой станции Такертон, пассажирского парохода «Монарх Бермудов» и грузового судна «Андреа С. Люкенбах» приняли его в три часа двадцать одну минуту и, желая подробнее узнать о масштабах пожара, попытались связаться с «Морро Касл». Но ничего, кроме атмосферных помех, в наушниках слышно не было. Похоже, передатчик на терпящем бедствие корабле вышел из строя.

Прошло две минуты... три... И тогда береговая станция передала сигнал тревоги на пост аварийно-спасательной службы; офицер-навигатор, ориентируясь на полученные координаты, вычислил и нанес на карту точку предполагаемого бедствия. «Монарх Бермудов» и «Андреа С. Люкенбах» поспешили на помощь...

Но шансов на удачу было немного. Уже двадцать часов над Атлантикой, вздымая огромные волны, бушевал ураган. И хотя машины работали в полную силу, шторм не давал кораблям идти на максимальной скорости.

Турбины двигателей вращались на предельных оборотах, но... еще быстрее радиостанции и телеграфы разносили по свету сообщения о кораблекрушении. Раньше, чем идущие на помощь корабли достигли «Морро Касл», вся Америка узнала, что крупнейшее — длина корпуса 156 метров, водоизмещение 11 250 тонн,— самое современное и самое роскошное пассажирское судно Соединенных Штатов, на строительство которого судоходная компания израсходовала пять миллионов долларов, беспомощно дрейфует невдалеке от берега, охваченное пожаром.

Экстренные выпуски утренних газет и специальные сообщения радиостанций подали сенсацию уже к завтраку: триста восемнадцать пассажиров могут погибнуть в огне!

На первых полосах газет зазвучали мотивы ответственности за происшедшее. Как могло случиться, что такое современное, оснащенное всеми мыслимыми системами безопасности судно загорелось? Почему так поздно и всего один раз был передан сигнал бедствия? И что же все-таки послужило причиной пожара на «Морро Касл»?

Эти вопросы возникли еще тогда, когда о самой катастрофе было известно только то, что содержалось в принятой радиограмме. Однако быстро разгоревшиеся страсти дали пищу для сенсационных заголовков в газетах и интригующих сообщений в радиопередачах, что, конечно, было весьма выгодно газетным концернам и радиокорпорациям. Трагическим и позорным следствием этой лихорадочной и нездоровой сенсационной шумихи стало то, что спасательные работы, которые, безусловно, могли бы уменьшить количество жертв, самым безответственным образом затягивались.

И все же газетчикам не хватило фантазии и сообразительности, чтобы догадаться об истинной причине самой крупной морской катастрофы после гибели в 1912 году «Титаника».

Серым и сумрачным было позднее утро 8 сентября 1934 года на побережье Нью-Джерси. Осень пришла необычно рано и принесла с собой невиданной силы ураганы. Купальный сезон завершился еще в последние дни августа. Отели, пансионы, новомодные рестораны и бары будто вымерли. Только в курортном местечке Асбери-Парк, расположенном в семидесяти пяти милях от Нью-Йорка, царило оживление, какого не наблюдалось даже в середине лета. По улицам сновали автомобили с нью-йоркскими номерами, гостиницы были переполнены, а на берегу толпились тысячи людей. Бок о бок стояли они часами с полевыми биноклями и подзорными трубами, вглядываясь в штормящее море и не обращая внимания на то, что прибой раз за разом перехлестывал через причальную стенку и обдавал их фонтанами брызг. Они терпеливо сносили капризы погоды ради возможности стать очевидцами крупнейшей катастрофы в истории американского флота.

Сначала охваченный пламенем и дымом корабль уви-

дели репортеры, полетевшие к месту происшествия на нанятых газетными компаниями самолетах. Машины, как стервятники, на бреющем полете кружили над судном, а репортеры тем временем делали снимки для очередного специального выпуска. На обратном пути они уже готовили эксклюзивные репортажи, в которых старались передать читателям свои впечатления об увиденном: раскаленный стальной остов корабля и отчаянная борьба спасателей со стихией. Мир во всех подробностях узнал о гибели гордого судна, которое всего четырнадцать дней назад отправилось в свой первый рейс на Багамские острова, приняв на борт в качестве пассажиров богатейших людей Америки. Из этих репортажей жителям Нью-Йорка стало известно, что выгоревший корпус корабля во второй половине дня выбросит на берег где-то в районе городка Асбери-Парк.

Бездельники «высшего света», падкие на щекочущие нервы зрелища, устремились на автомобилях в Асбери-Парк, чтобы стать свидетелями трагического события. Длинным караваном, словно паломники в Мекку, потянулись машины в опустевший уже курортный городок. Кто не знал, по какому печальному поводу здесь собирается столько людей, мог предположить, что Асбери-Парк стал местом проведения большого народного гулянья.

Через двадцать два года, когда недалеко от Нью-Йорка в тумане столкнулись итальянский первоклассный пароход «Андреа Дориа» и шведское пассажирское судно «Стокгольм», ротозеям уже не понадобилось утруждать себя ездой на автомобилях, чтобы подобраться поближе к месту несчастного случая. В 1956 году телевизионная техника сделала возможным передать изображение морской катастрофы прямо в гостиные.

Как и предсказывали сведущие в морском деле журналисты, остов «Морро Касл» действительно пригнало к берегу в районе Асбери-Парка, и он сел на мель прямо перед набережной.

И тут произошло нечто довольно странное: на причале появился бургомистр городка во главе отряда местных полицейских и конфисковал еще дымящиеся останки в пользу Асбери-Парка. С этой целью он приказал на лестнице к причалу — это был единственный путь, ведущий к судну,— соорудить большой щит с заметной издали надписью: «Этот корабельный корпус 8 сентября 1934 года приобретен в собственность города Асбери-Парк на благо и в пользу общины Асбери».

Этот маленький местный бизнес — не единственная и далеко не самая худшая из тех операций, которые провернули вокруг злополучного корабля ловкие и беззастенчивые дельцы. Более двух лет пролежал корпус перед причалом городка, привлекая тысячи туристов в это ранее не очень популярное место. Еще и сейчас кое-кто из здешних жителей втайне мечтает о втором, таком же прибыльном, кораблекрушении.

Но прежде чем туристы стали выкладывать свои доллары за осмотр погибшего судна, здесь появилась комиссия морского управления, чтобы установить причины возникновения пожара. Однако всем троим ее членам сразу пришлось отказаться от своего намерения. Корпус корабля был заполнен дымом, железные плиты перекрытий и переходов оставались по-прежнему раскаленными, так что любое расследование в таких условиях больше походило бы на самоубийство.

То же самое пришлось сделать и агентам нескольких страховых компаний, которые прибыли, чтобы установить размеры понесенного ущерба. Пассажирами первого рейса «Морро Касл» были богатейшие люди Америки, и компании понимали, что возмещение убытков выльется в огромную сумму. За одни только украшения, взятые с собой дамами «высшего света», чтобы достойно выглядеть, необходимо было выплатить миллионы долларов. Однако... бриллианты ведь не могли сгореть, золото и платина, если и расплавились, тоже не превратились в золу и пепел... В общем, страховые компании рассчитывали на то, что в стенных сейфах, которыми были оборудованы каюты люкс, сохранились значительные ценности. Для обеспечения их сохранности и послали агентов. Однако им тоже пришлось быстро повернуть назад. Даже среди многочисленных репортеров, которые не раз рисковали головой ради удачного снимка, не нашлось смельчаков.

И все же один человек 8 сентября побывал в полностью задымленном чреве «Морро Касл». Лица его никто не видел, так как он был в огнеупорном асбестовом костюме и кислородной маске. Почти час провел он на судне, затем снова показался на трапе, тяжело ступая, спустился на причал и исчез в толпе так же неожиданно, как и появился.

На следующий день газеты опубликовали его снимок, но кто это был и что он искал или делал на судне, никто толком объяснить не мог.

Предполагали, что речь шла или о находчивом агенте ФБР, или о представителе одной из страховых компаний, или, в крайнем случае, о хитром репортере, который хотел опередить своих коллег.

Следующий день, 9 сентября, принес новый зловещий сюрприз. На берег возле Асбери выбросило два трупа: юношу в форме матроса и мужчину в белой офицерской тужурке. Для опознания их доставили в морг городского кладбища. Было совершенно точно установлено, что офицер утонул, а вот матроса, оказывается, застрелили. На его затылке обнаружили два входных пулевых отверстия — он умер еще до того, как упал с «Морро Касл». При вскрытии пули извлекли. Когда одежду офицера обыскивали в поисках документов, в правом кармане брюк нашли револьвер того же калибра, что и пули в голове матроса. В барабане не хватало двух патронов.

Полиция Асбери полагала, что расследование происшествий, связанных с пожаром на «Морро Касл», их не касается. Ведь для этого в Нью-Йорке существовало морское управление. А поскольку у полиции городка никто и не требовал объяснения этого случая, она воздержалась от комментариев и выводов. Протокол осмотра, разумеется, был составлен, подшит в папку и отправлен в Нью-Йорк. Морское управление в те дни получало горы протоколов различных допросов, осмотров и расследований, которые производились в связи с катастрофой «Морро Касл». Все просмотреть, а тем более оценить, было просто невозможно. Поэтому протокол из Асбери перекочевал на полки, так никем и не читанный.

В первые часы и дни после трагедии морское ведомство главным образом было озабочено тем, чтобы опознать выловленные трупы и зарегистрировать тех пассажиров и членов команды, которым удалось спастись. В результате прояснились размеры катастрофы: из трехсот восемнадцати пассажиров погибло сто тридцать четыре — в основном женщины и дети. Среди членов экипажа жертв было гораздо меньше. Из ста восьми офицеров и матросов смерть от стихии приняли только шестеро. Остальные своевременно покинули судно, заняв места в тех немногих уцелевших спасательных шлюпках, которые были спущены на воду.

Следующий скандальный пример говорит о том, что творилось на горящем корабле: единственная спасательная шлюпка, которая была оснащена мотором и могла без труда вместить пятьдесят человек, достигла спасительного берега, имея на борту всего шесть пассажиров — старшего инженера «Морро Касл» Эббота, мексиканского миллионера, короля олова, Дорреза, его жену, дочь и двух матросов, необходимых для обслуживания шлюпки. Оставшиеся в живых пассажиры рассказывали, что, когда тонущие цеплялись за борт и пытались вскарабкаться в шлюпку, Эббот абордажным крюком сталкивал их обратно в воду. Шлюпка причалила к берегу в полумиле от Асбери в семь часов утра, то есть когда с момента передачи сигнала бедствия не прошло еще и четырех часов. Свидетели рассказывали, что главный инженер Эббот вышел на берег в белой парадной форме, надетой им по случаю большого прощального бала, который проводился на «Морро Касл» накануне вечером.

«Было такое впечатление, будто он прибыл с морского парада, а не с горящего корабля»,— говорили позднее те, кто видел, как шлюпка приставала к берегу.

Вскоре поползли слухи, будто то, что на самом деле произошло на «Морро Касл», в интересах судовладельцев стараются скрыть. Правда, морское управление сразу же начало расследование причин катастрофы, но все детали случившегося хранились, как государственная тайна. Пресса не получала никакой информации. Федеральная полиция и прокуратура вели себя очень сдержанно. В коротком сообщении они лишь отметили, что нет никаких оснований вмешиваться в расследование, проводимое морским управлением.

Только 12 сентября, через четыре дня после катастрофы, смогли попасть на выгоревшее судно два агента страховой компании. Им было поручено выяснить, что стало с алмазными украшениями 73-летней мультимиллионерши Кэтлин Моррисон, которая, судя по всему, погибла во время пожара. Украшения были застрахованы на два с половиной миллиона долларов. Экзальтированная миллионерша не захотела даже на время увеселительной поездки расстаться со своими бриллиантами. Родственники, увидев фамилию своей богатой тетки в списках погибших, не нашли ничего более срочного, как потребовать выплаты страховой суммы.

Агенты, вооружившись газовым резаком, пробрались сквозь нагромождение частично выгоревшего, частично обуглившегося корабельного оборудования на нижнюю палубу к апартаментам, где во время путешествия жила Кэтлин Моррисон.

Дверь в маленький салон была открыта и зловеще

раскачивалась на петлях в ритм прибою, приподнимавшему и опускавшему остов судна.

В первом помещении они ничего не увидели, кроме голых, покрытых копотью металлических стен. Панели из дорогих пород дерева, которыми была обшита каюта, мягкая мебель, другие предметы обстановки — все сгорело, остались только металлические части и грязно-серый пепел.

Рядом с салоном находилась спальня. Здесь была такая же картина: голые почерневшие стены, иллюминаторы без стекол, слой пепла на полу и покореженные металлические остатки какой-то мебели. Под потолком тихо раскачивался железный каркас бывшего абажура. Под прямым углом к внутренней стенке лежали спиральные пружины от матраса. Кучки золы, оставшиеся от деревянных частей кровати, создавали впечатление какого-то необычного коврового узора.

Сейф, вмонтированный в двойную наружную стенку корабля и приваренный к ней, казался неповрежденным. Однако когда агенты подошли ближе, чтобы вскрыть его при помощи газового резака, то обнаружили, что он не заперт — от одного движения руки дверца легко открылась.

Сейф был пуст. Они не увидели даже золы, не говоря уже о бриллиантах, изумрудах и рубинах.

Не надо было быть детективами, чтобы понять, что содержимое сейфа не погибло в огне, а кем-то изъято. Этот кто-то пользовался ключом, так как оба мощных засова были открыты, а на дверце сейфа отсутствовали какие-либо следы взлома.

Может быть, сейф открыла владелица украшений, когда начался пожар? Миллионерша могла взять с собой драгоценности на верхнюю палубу, а потом утонуть вместе с ними. Сначала оба агента так и подумали, но тут одна ужасная находка убедила их, что украшения, застрахованные на два с половиной миллиона долларов, украдены.

Между пружинами матраса, на которые агенты сначала глянули лишь мельком, лежали слегка присыпанные пеплом остатки не сгоревшего полностью человеческого скелета. Тут же находился зубной протез, благодаря которому впоследствии стала возможна идентификация останков.

Мультимиллионерша Кэтлин Моррисон не утонула, как это вначале предполагалось, а сгорела в своей каюте

люкс. Вернее, сгорел ее труп, так как, будь она жива в момент возникновения пожара, она ни в коем случае не погибла бы в огне — ведь ее каюта находилась непосредственно под верхней палубой и, как все каюты на корабле, имела автоматическую противопожарную сигнализацию. Кроме того, должно было пройти несколько часов, прежде чем огонь распространился бы по всему судну и достиг кают высшего класса. Так что у пожилой леди времени было вполне достаточно, чтобы добраться до спасительной верхней палубы.

Может быть, Кэтлин Моррисон была убита грабителем перед пожаром, когда застала его перед открытым сейфом?

Страховые агенты не могли ответить на этот вопрос, но у них возникло новое, еще более ужасное предположение: что, если вообще все происшедшее на «Морро Касл» — дело рук убийцы? Ведь он мог сам устроить пожар, чтобы скрыть следы преступления, и обречь тем самым на смерть почти полторы сотни человек.

В тот же день, 12 сентября 1934 года, почти в то же самое время, когда агенты страховой компании сошли с выгоревшего корпуса «Морро Касл» на причал курортного городка Асбери-Парк, в Нью-Йорке состоялось заседание суда американского морского управления, на котором рассматривался вопрос о причинах катастрофы.

Это был не суд в привычном значении этого слова, с предъявлением обвинения и вынесением приговора, а заседание комиссии по расследованию из четырех авторитетных морских офицеров, которым предстояло определить, было ли несчастье результатом случайного стечения обстоятельств, или же оно произошло по вине людей. Только после того как в этом вопросе разберутся специалисты, полиция и прокуратура смогут начать официальное следствие и искать виновных.

Четыре представительных седовласых господина в синих, расшитых золотом капитанских кителях сидели в небольшом зале морского управления за длинным столом, заваленным папками, блокнотами и морскими картами. Звездно-полосатый флаг и портрет Авраама Линкольна были единственным украшением на обитых деревянными панелями стенах.

Около двадцати человек расположились в зале на жестких стульях и с нетерпением поглядывали на небольшую дверь в деревянной стене, из которой должен

был показаться первый и самый важный свидетель — капитан «Морро Касл».

Наконец, подволакивая ноги, в зал вошел высокий худощавый человек с большим крючковатым носом. Среди присутствующих пробежал невнятный ропот. Вся Америка за эти дни сотни раз видела в газетах фотографию капитана «Морро Касл», и поэтому здесь ждали коренастого мужчину с широким, обветренным за тридцать лет плаваний лицом.

Человек же, который сейчас, пугливо озираясь, подошел к столу с четырьмя капитанами, не имел ни малейшего сходства с мужчиной на фотографиях. Вид его не внушал ни доверия, ни симпатии. Трудно было предположить, чтобы этот мужчина являлся капитаном. И звали его не Уилмотт, как было написано во всех газетах под фотографиями, а Уильям Уормс.

И тем не менее это был последний капитан «Морро Касл»! Человек с фотографий в газетах, которого звали Уилмотт, командовал «Морро Касл» только до того момента, когда на судне возник пожар. Более того, Уормс даже утверждал, что он принял командование уже за несколько часов до появления огня.

7 сентября, около девяти часов вечера, когда корабль находился еще в сотне миль от Нью-Йорка, а триста восемнадцать пассажиров собрались в большом зале на прощальный бал, судовой врач доктор де Витт обнаружил капитана в его каюте мертвым. Он лежал в ванной комнате, перегнувшись через край ванны; рот и глаза его были широко раскрыты, колени касались кафельного пола, а рука судорожно вцепилась в хромированный кран.

Опытный врач сразу понял, что смерть Уилмотта вызвана отнюдь не естественными причинами. Налицо были все признаки отравления быстродействующим ядом.

Когда Уильям Уормс вполголоса, скупыми словами рассказывал это суду, в зале царила напряженная тишина. Только когда он сделал небольшую паузу, чтобы взять стакан с минеральной водой, напряжение разрядилось покашливанием и несколькими невнятными фразами.

Итак, уже первые минуты заседания морского суда выявили в этом деле новые, но далеко не последние сенсационные подробности.

Когда Уормс поставил стакан на стол, сразу же опять стало тихо. Никто не хотел пропустить ни одного слова

из того, что говорил сейчас этот человек, сменивший морскую форму на светлый гражданский костюм.

Однако до того как Уормс открыл рот, один из офицеров задал ему вопрос, который тотчас превратил судебное заседание в допрос обвиняемого:

— Мистер Уормс, вы ведь были первым помощником капитана, не так ли?

Уормс лишь слегка кивнул и хотел продолжить рассказ.

Но офицер снова не дал ему говорить:

— А где были вы, когда капитан Уилмотт находился в своей каюте?

— На мостике. Когда капитан был у себя в каюте, я, как первый помощник, естественно, дежурил на капитанском мостике,— ответил Уормс; в его словах сквозило раздражение, как будто он хотел сказать: «Да перестаньте же наконец меня перебивать!»

Тем не менее его снова перебили:

— Это вовсе не естественно, мистер Уормс. Дежурство на мостике несут не только капитан и его первый помощник, но и второй помощник, и третий... В противном случае вам пришлось бы стоять на мостике по двенадцать часов в сутки.

Уормс был вынужден согласиться:

— Да, это так. Но когда доктор де Витт нашел капитана, я был на мостике и все время перед этим — тоже.

— Это кто-нибудь может подтвердить?

— Да, конечно, рулевой, второй помощник, радист, еще пару человек из команды... Я ведь был у всех на виду!

— Вы полагаете, что после всего случившегося сегодня это кто-то сможет вспомнить? Что вы, например, стояли на мостике с восьми до девяти, а не с полдевятого до девяти?

Уормс беспомощно пожал плечами и растерянно проговорил:

— Не знаю... Да и какое это имеет значение? До этого времени ведь ничего не произошло.

— Вы забываете, что, как вы только что сами рассказали, в девять часов капитан Уилмотт был найден отравленным. Ведь на корабле далеко не каждый имеет возможность отравить капитана! Поэтому нам важно знать, где в это время находились люди, которые имели постоянные контакты с капитаном, и есть ли у них алиби.

На эту неприкрытую угрозу Уормс, казалось, не обратил никакого внимания:

— Ну, что касается меня, то это легко установить. Когда доктор обнаружил капитана...

Офицер снова перебил его:

— Уормс, вы долго плавали под началом Уилмотта?

— Двадцать лет.

— И все время первым помощником?

— Да, только в самом начале несколько рейсов был вторым, а потом — все время первым.

— Так распорядилось пароходство?

— Нет, на этом настаивал Уилмотт. Капитан может выбирать первого помощника по своему усмотрению. Уилмотт мною был очень доволен.

Следующий вопрос последовал после небольшой паузы, как будто офицер хотел этим подчеркнуть его особое значение:

— Получается, что, пока капитан Уилмотт был жив, вы сами не могли стать капитаном, не так ли, мистер Уормс? Ведь ему вы все время были нужны в качестве первого помощника!

Лицо Уормса стало белым как мел, он запнулся в поисках нужного слова, а затем сказал:

— Ну-у... в служебной жизни ведь всегда так — кто-то должен ждать, пока освободится место...— Он посмотрел на членов морского суда в ожидании других вопросов и, поняв, что их пока нет, продолжил: — Значит, как я уже сказал, вызов доктора де Витта застал меня на капитанском мостике. Я оставил за себя второго помощника и немедленно спустился в каюту капитана...

На этот раз Уормсу уже никто не мешал рассказывать о событиях на «Морро Касл».

Капитанская каюта находилась на одну палубу ниже мостика. Войдя в нее, Уормс увидел, что кроме доктора там находится старший инженер Гарри Эббот. Он был в белой парадной форме — видно, уже оделся к прощальному балу.

— Я случайно проходил мимо... шел на бал и вижу — открыта дверь,— объяснил он Уормсу свое присутствие.

Когда Уормс зашел в ванную комнату, доктор де Витт, стоявший на коленях возле капитана, поднялся.

— Он мертв,— сказал он тихо,— я появился слишком поздно.— Доктор подошел к иллюминатору, посмотрел в него и, сдерживая волнение, добавил: — Я могу поспорить, что это очень странная смерть. Черт его знает, что за ней кроется!

Уормс и Эббот молчали. Врач повернулся и сделал знак Уормсу:

— Давайте перенесем его на кровать. Как только завтра прибудем в Нью-Йорк, труп надо будет отдать на вскрытие. Здесь, на борту, я этого не могу делать, да и не имею права. Пусть разбирается полиция.

Говоря это, де Витт повернул мертвеца и подхватил под мышки. Уормс молча взял его за ноги. Им пришлось потрудиться, пока они перенесли массивное тело в соседнее помещение и положили на кровать.

Старший инженер Эббот, прислонившись к бойлеру, следил за их действиями. Он покинул ванную комнату только тогда, когда судовой врач снова заговорил.

— Вот, заберите ключи,— сказал де Витт Уормсу и протянул ему небольшую связку ключей, которую вытащил из кармана брюк капитана,— и как следует закройте каюту. До появления полиции сюда никто не должен заходить.

Уормс в нерешительности посмотрел на ключи:

— Не лучше ли вам как врачу... В конце концов, вы ведь его нашли...

Врач накрыл труп простыней, которую вытащил из стопки постельного белья:

— Нет, так не пойдет. Как первый помощник вы теперь становитесь капитаном. Выполнение на борту функций полиции — это ваше дело. Так что возьмите ключи и сделайте, как я вам советую. Иначе у вас будут серьезные неприятности.

Уормс нехотя взял ключи. Он отыскал на связке ключ от каюты и пошел к двери. Эббот стоял в проходе к ванной комнате и, когда врач направился туда, чтобы помыть руки, посторонился.

Вдруг — это было настолько неожиданно, что де Витт остановился,— Эббот проговорил:

— Я думаю, он это предчувствовал...

— Что предчувствовал? — ничего не понимая, спросил де Витт.

— Ну, что что-то такое должно случиться. Два часа назад я встретился с ним, когда он выходил из радиорубки. Он был прямо вне себя, бормотал, что все это плохо кончится... У него был очень странный вид, на меня он почти не обратил внимания.

Уормс от двери шагнул назад в каюту:

— Он был обеспокоен штормовым предупреждением. Должно быть, прочитал его в рубке...

Эббот покачал головой:

— Нет, это исключено. Предупреждение пришло на-

много позже. Роджерс сразу поставил меня в известность. Еще и часа не прошло...

Доктору де Витту, вероятно, пришла в голову какая-то неожиданная мысль: он вернулся к кровати, стянул простыню и, расстегнув одежду на капитане, стал внимательно рассматривать обнаженные участки тела. Казалось, будто он ищет следы какого-нибудь повреждения. Не прерывая осмотра, он произнес:

— Говорите, два часа назад он был в радиорубке? Этого не может быть. Уже видны первые трупные пятна. Он мертв по крайней мере три часа.

Эббот только пожал плечами:

— Неужели я так ошибся? У радиста я был в семь часов. Старик меня там и встретил...

Доктор закончил осмотр трупа и снова накрыл его простыней:

— Пусть ломает себе голову полиция. Это не наше дело.— И он скрылся в ванной комнате.

Через несколько минут все трое покинули каюту капитана. Уормс тщательно запер дверь и положил ключ в наружный карман форменного кителя. Переход и лестница к капитанскому мостику были безлюдны — пассажиры давно уже развлекались в большом зале. Услышав приглушенные звуки оркестра, доктор де Витт сказал:

— Они там, внизу, скоро спросят о капитане. Что вы им будете говорить, Уормс? Вы ведь не собираетесь рассказать, что произошло на самом деле?

Уормс остановился и прислушался. Снаружи доносились завывания усиливающегося ветра — шторм надвигался. Но корабль шел пока по-прежнему ровно.

— Скоро начнется шторм,— сказал Уормс и, уже поднимаясь по лестнице, ответил врачу: — Нет, доктор, конечно, не расскажу. А вот бал я отменю. Штормовое предупреждение дает мне такое право. Тогда и на отсутствие капитана никто не обратит внимания.

Старший инженер сразу же согласился с этим:

— Хорошо, тогда я сейчас пойду в зал и скажу, что у капитана много работы... Дадим людям часок повеселиться, а потом закроем бал. Ведь погода пока довольно сносная...

Не дожидаясь ответа, Эббот повернулся и направился в обратную сторону по проходу между каютами. Доктор де Витт, качая головой, посмотрел ему вслед:

— Ну и ветрогон! Ему бы только часок повеселиться,

вот уж не знаю... Старик ведь сегодня утром устроил ему выволочку за то, что он опять провел ночь в пассажирских каютах. Радист Роджерс видел его там. Женщины его погубят... А теперь, когда он знает, что капитан ему уже больше ничего не сможет сделать, он наверняка хочет еще кого-нибудь подцепить на ночь.

Уормс не поддержал этой темы. Он поднялся по крутой лестнице и остановился, только когда взошел на капитанский мостик. Вслед за ним поднялся врач. Некоторое время они молча стояли рядом. Доктор де Витт тяжело дышал; Уормс смотрел через окна капитанского мостика на переднюю часть корабля.

Ночь почти наступила. Шторм набирал силу; ветер завывал между надстройками верхней палубы, рвал ванты, сотрясал грузовые стрелы и спасательные шлюпки. Бушприт нырял в кипящее море, и набегающие волны все чаще перехлестывали через бортовой леер, покрывая слоем воды носовую часть корабля.

— Да-а, ну и танцы у нас будут сегодня ночью,— проговорил, отдышавшись наконец, судовой врач.— Так быстро усиливается ветер... Похоже на настоящий ураган.

— Так и есть, доктор. Береговые станции передали предупреждение об урагане. Я только не хотел раньше времени пугать людей...

Уормс повернулся к врачу. Тот испытующе посмотрел на него; в глазах доктора застыл немой вопрос: «Ну и как, не боишься ты этого теперь, когда стал капитаном?» Ответа он не получил. Уормс снова заговорил о смерти капитана:

— Знаете, доктор, я думаю, что если Уилмотт умер от яда, то вряд ли это самоубийство. Я, во всяком случае, не вижу причин, которые могли бы толкнуть его к этому.

— А у него их и не было. Он ведь очень любил жизнь. Нет, Уормс, сам он этого не мог сделать.

— Тогда кто же? Ведь какие-то мысли на этот счет у вас есть?

— Я врач, а не полицейский. Что толку, если мы будем сейчас ломать себе над этим голову!

И все же Уормс хотел во что бы то ни стало заставить врача высказаться:

— Но ведь речь, собственно говоря, идет об очень ограниченном круге лиц. Кто имел доступ в его каюту? Кто вообще имел возможность принести туда яд?

— Тот, Уормс, кто сегодня вечером пил с ним виски.

На столе стояли два стакана — один из них с остатками какого-то порошка на дне. Стаканы я на всякий случай припрятал и завтра передам полиции. Думаю, по отпечаткам пальцев они смогут быстро установить, кто с ним пил.

Уормс схватил врача за руки:

— На стакане были отпечатки? Доктор, это же важнейшая улика! Вы стаканы надежно спрятали? Нельзя допустить, чтобы они пропали!

— Я их закрыл в письменный стол капитана... в присутствии Эббота.

— При этом был Эббот?

— Да, он как раз проходил мимо каюты, прежде чем спустились вы. Я вообще-то даже обрадовался, что появился свидетель. Ведь мои отпечатки теперь тоже есть на стаканах; а Эббот может подтвердить, как и когда они появились. Иначе я тоже попаду в подозреваемые.

Доктор слегка улыбнулся. Уормс засунул руки в карманы и снова посмотрел на бушующее море. Если бы сейчас был ясный день, он уже смог бы, пожалуй, в бинокль разглядеть берег. Но за окнами угрожающе ревело ночное штормовое море. Дальше бушприта ничего не было видно, и казалось, что между «Морро Касл» и нью-йоркской гаванью пролегла бесконечность.

На борту было двадцать два часа пятьдесят минут, когда ураган навалился на судно со всей силой. Палубные надстройки вырвало из креплений, как картонные декорации, и их обломки выбросило за борт. Пятнадцатиметровая грузовая стрела, которая была закреплена четырьмя вантами толщиной с руку, сломалась, как спичка, и при падении разбила спасательный бот.

Прощальный бал завершился даже раньше, чем Уормс хотел его закрыть. Пассажиры лежали в кроватях, страдая от страха и тошноты. Уормс раз за разом передавал по бортовой радиосети успокаивающие сообщения: «Для «Морро Касл» нет никакой опасности. Корабль устоит даже перед более сильным ураганом». С капитанского мостика в машинное отделение один за одним шли приказы увеличить скорость. Необходимо было постоянно менять курс, чтобы волны и ветер не захватили врасплох и не ударили в борт.

В двадцать три часа десять минут корабль находился в сорока милях южнее плавучего маяка «Скотлэнд лайт»; машины по-прежнему работали на предельных оборотах, а ураган продолжал бушевать с неослабевающей силой.

Дверь на капитанский мостик резко распахнулась. В проеме в непромокаемой накидке стоял один из вахтенных матросов. За его спиной взвыл ветер и с треском захлопнул дверь. Матрос подошел к Уормсу и проревел в ухо:

— Капитан, на борту дым!

Уормс не сразу понял:

— Дым? Какой дым? Где?

Вахтенный сделал из ладоней что-то вроде рупора и поднес ко рту:

— На левом борту, сэр, в надстройке дымовой трубы, из малого вентилятора!

Теперь Уормс понял все, но не знал, как должен поступить. Надо было бы послать кого-нибудь из офицеров проверить, однако на мостике каждый находился при деле. Он схватил телефонную трубку, чтобы вызвать старшего инженера — в данном случае он был самым подходящим человеком. Но Эббот не отзывался. Уормс вызвал машинное отделение, однако ни там, ни в котельной Эббот не появлялся.

Пока Уормс безрезультатно звонил по телефону, уходили драгоценные минуты. Наконец, взбешенный, он бросил трубку и крикнул второму помощнику:

— Пэттерсон, сходите посмотрите, что там случилось!

Второму помощнику понадобилось семь минут, чтобы обнаружить запах гари возле одного из помещений под кормовой палубой. Еще три минуты он потратил, взламывая запертую дверь. Навстречу вырвались клубы густого желтого дыма с запахом серы. Дышать стало нечем. Прижав ко рту носовой платок, он бросился на пол и по-пластунски подполз к противоположной стене. Дым клубился из стенного шкафа. Но как только Пэттерсон, выпрямившись, распахнул его дверцы, в лицо ему ударило голубое пламя, какое обычно возникает, когда в огонь попадают химикалии. От невыносимой жары, едкого дыма и смрада офицер едва не потерял сознание. Собрав последние силы, он дополз до входной двери; огромным усилием воли закрыл ее и без сил рухнул на пол. Однако огонь с той стороны двери уже нашел богатую пищу: мягкую мебель, ковры, гардины, обитые шелком стены. Нашелся и путь, по которому он стал распространяться,— через вентиляционную систему, ведущую в большой и обеденный залы, а также в бары. Персонал и пассажиры давно уже ушли из этих помещений, так что пожар

продолжал расширяться, в то время как корабельное руководство об этом ничего не знало.

Бесспорно, на «Морро Касл» была установлена самая современная противопожарная сигнализация, которая автоматически поднимала тревогу при температуре свыше семидесяти градусов; но высокочувствительная аппаратура не выдержала многочасового испытания урагания. Так что она либо вообще не сработала, либо подала сигнал тревоги тогда, когда металлические стены большого зала уже раскалились.

Огонь между тем настолько распространился по «Морро Касл», что уже не было никакой возможности бороться с ним имеющимися на судне средствами тушения.

Лишь в ноль часов пятьдесят минут прозвучал первый сигнал: «Пожар на судне!» Как и на любом другом корабле, это означало: офицеры и команда немедленно по своим местам! пассажиры в спасательных жилетах на верхнюю палубу! спасательные шлюпки на воду! первыми спасать женщин и детей!

На «Морро Касл» этот сигнал вызвал неописуемую всеобщую панику. Подгоняемая страхом смерти толпа катилась вверх по переходам и лестницам. Разгорелась жестокая схватка за места в спасательных шлюпках. Каждый боролся с каждым. Мужчины в вечерних костюмах, пассажиры, выскочившие из кают в нижнем белье,— все бросились к шлюпкам и, забравшись в них, защищали захваченные места веслами, досками, ногами и кулаками... Женщины цеплялись за борта, кричали и умоляли, чтобы их спасли. Набегающая волна уносила их в море и освобождала место следующим...

Для членов экипажа, казалось, уже больше не существовало ни приказов, ни служебных обязанностей. Все побросали свои места, каждый думал только о спасении своей жизни. А на мостике стоял новоиспеченный капитан, не в силах навести порядок. Его приказы или не слышали, или не выполняли.

Вдруг, как привидение, на капитанском мостике в белоснежной форме появился старший инженер Эббот. Рядом с собой, угрожая пистолетом, он вел офицера-радиста Аланью.

Уормс закричал на Эббота:

— Отправляйтесь в машинное отделение, ваше место там! Где вы вообще пропадали все это время?!

Эббот, неистово размахивая пистолетом, заорал:

— Аланья хотел смыться! Прикажите ему немедленно передать сигнал SOS, или я заберу мотобот!

Из котельной позвонил механик и сообщил об опасности взрыва котлов. Уормс приказал ему использовать пенные огнетушители, перекрыть подачу масла и остановить турбины.

Эббот, услышав об угрозе взрыва, как полоумный, рванулся с капитанского мостика. Через окно Уормс видел, как он по верхней палубе с пистолетом в руке пробивался к мотоботу. За ним следовали два матроса, мужчина во фраке, женщина в вечернем туалете и молоденькая девушка в пижаме. Офицер-радист Аланья все еще, как вкопанный, стоял на капитанском мостике:

— Это неправда, сэр, я только хотел найти старшего радиста Роджерса — его не видно уже несколько часов... Ну так что? Передавать SOS?

Такого приказа Уормс дать не мог. В соответствии с инструкцией пароходства, при аварии вблизи берега он должен был испросить разрешения на передачу сигнала SOS. Судовладельцы старались обойтись без помощи посторонних кораблей и поэтому разрешали пользоваться международным сигналом бедствия только в исключительных случаях.

Из-за нескольких тысяч долларов Уормс вынужден был поставить на карту жизни сотен людей. Он уже двадцать лет исправно служил пароходству и не отважился нарушить его предписание:

— Идите, Аланья, и попытайтесь связаться с пароходством, а потом сообщите мне.

Радист, пожав плечами, покинул капитанский мостик и, послушный приказу, вернулся в радиорубку. Он сел за стол, зашифровал радиограмму и затем в течение сорока минут пытался установить связь с управлением пароходства в Нью-Йорке.

Однако на его морзянку никто не отзывался. Пароходство в целях экономии сократило персонал своей радиостанции, и она теперь в ночное время не работала.

Сорок бесконечно долгих минут просидел Аланья, скорчившись над ключом передатчика. Столбик термометра на стене маленькой, без окон, радиорубки добрался до отметки семьдесят градусов. Рубка находилась непосредственно над большим залом, где бушевал огонь. Вентиляция, которая должна была снабжать эту каморку в несколько квадратных метров свежим воздухом, изрыгала только клубы густого дыма. Чтобы не задохнуться,

Аланья обвязал нос и рот мокрым платком. Из глаз, разъедаемых едким дымом, непрерывно катились слезы. Но он мог покинуть свой пост, только получив ответ на радиограмму или дождавшись смены.

Старший офицер-радист Джордж Роджерс, у которого с двух часов дня до десяти часов вечера было свободное от вахты время, обязан был прийти в радиорубку хотя бы тогда, когда начался пожар. Но он не пришел...

Сейчас, правда, Аланье некогда было размышлять над тем, куда мог подеваться Роджерс. Он снова и снова выстукивал морзянку телеграфным ключом и в который раз вслушивался в эфир, ожидая ответа... Внезапно рядом с ним возник Роджерс: его шатало из стороны в сторону, ворот кителя был распахнут, растрепанные волосы падали на глаза — он был пьян. Поверх совершенно мокрой одежды — спасательный жилет, в руке — пистолет.

С трудом ворочая языком, он напустился на Аланью:

— Что здесь происходит? В конце концов, кто-нибудь думает о спасении судна? Или мы должны все здесь передохнуть?! Ну-ка, пусти меня!

Он попытался силой оттащить Аланью от передатчика, но тот, защищаясь, оттолкнул его в сторону:

— Капитан не может дать приказ. Это должно решить пароходство. Но я никак не могу связаться.

Роджерс стал сзади Аланьи и уткнул пистолет в спину:

— Пароходство? Вы что, все здесь с ума посходили?!

Он перегнулся через Аланью и переключил тумблер рода работ вниз — из положения «прием» в положение «передача»:

— Передавай SOS. Пошевеливайся, или я пущу тебе пулю в затылок.

Аланья больше не сопротивлялся. Его рука работала почти автоматически: название корабля, координаты, пожар на борту, требуется неотложная помощь... Он только трижды передал радиограмму — и взрыв наполнил дымом радиорубку. Батареи передатчика не выдержали высокой температуры. В лицо Аланье брызнула серная кислота. Потеряв сознание, он обмяк на стуле. Роджерс схватил его и потащил к двери. Снаружи, на палубном переходе, он оставил его лежать, а сам бросился прочь...

Жгучая боль в лице вернула Аланье сознание. Он вскочил на ноги и стал на ощупь пробираться вдоль палубного пояса. Однако ему никак не удавалось найти лестницу на верхнюю палубу. Освещение на судне уже

давно не работало. Аланья был близок к отчаянию: где же эта лестница?! Он ее не находил... он ее потерял! В лабиринте темного задымленного перехода он обо что-то споткнулся и упал. Пошарив вокруг себя руками, Аланья нащупал тело человека и по галунам понял, что это морской офицер, видимо, кто-то из команды. Он тащил за собой бесчувственное тело, пока не наткнулся на лестницу. Напрягая последние силы, он выволок его наверх, и здесь при свете пламени, которое теперь полыхало повсюду, пожирая оставшиеся еще на верхней палубе надстройки, с ужасом увидел, что хотел спасти труп. Корабельный врач де Витт, который лежал сейчас перед ним, был мертв. Когда Аланья укладывал его на палубу, голова откинулась в сторону, и на виске стала видна маленькая дырочка, из которой струилась кровь.

Какой-то матрос схватил его за руку и оттащил от мертвеца, говоря: «Пойдемте, сэр, мы уже спускаем последнюю шлюпку!»

Нос корабля был пуст. Суетившиеся здесь недавно люди исчезли. В отблесках пожара впереди, на поверхности воды, видны были многочисленные темные точки, которые раскачивались на гребнях волн, словно резиновые мячи.

Два матроса подняли Аланью в полупустую шлюпку, и она медленно и плавно, будто на ученьях, заскользила вниз в каких-нибудь двух метрах от раскаленного борта «Морро Касл». Жар был настолько сильным, что сидевшим в шлюпке приходилось прикрывать лицо чем-нибудь из одежды, чтобы не получить ожоги.

Только когда матросы освободили шлюпку от канатов и сильными гребками отогнали ее метров на пятьдесят от судна, Аланья смог разобраться, кто последним покинул «Морро Касл». Здесь были только члены экипажа. Капитан Уормс и старший офицер-радист Роджерс тоже сидели в шлюпке.

Жертвами катастрофы стали 134 пассажира, преимущественно женщины, и шесть членов команды. Кто утонул, кто задохнулся, кто сгорел, а кого и затоптали во время паники...

Подведением этих печальных итогов в морском суде закончился первый этап расследования. В течение трехдневного заседания были обстоятельно допрошены капитан Уормс, офицеры-радисты Роджерс и Аланья, старший инженер Эббот, спасшийся второй помощник капитана Пэттерсон, инженер машинного отделения и часть

уцелевших пассажиров; они рассказали о том, что видели и пережили во время пожара на судне. Однако ни один из свидетелей не смог или не захотел ответить на важнейшие для расследования вопросы.

Был ли капитан Уилмотт отравлен? У кого имелись мотивы, чтобы его отравить? Застрелился ли доктор де Витт во время катастрофы или его устранили, потому что он обнаружил и спрятал стаканы с отпечатками пальцев человека, который последним пил виски с отравленным впоследствии капитаном Уилмоттом? Возник ли очаг пожара, обнаруженный вторым помощником в стенном шкафу, самопроизвольно или его кто-то устроил, чтобы замести следы преступления? Можно ли на основании более чем странного поведения некоторых офицеров «Морро Касл» до и во время катастрофы сделать вывод, что один из них убил мультимиллионершу, капитана, судового врача и поджег корабль?

Американцы, которые читали все сообщения о событиях до и после пожара на «Морро Касл», давно уже догадывались, что речь идет не о случайности или действии потусторонних сил, а о тщательно продуманном, незаурядном преступлении. Правда, никто с уверенностью не мог сказать, кто же стоял за тройным убийством, кражей драгоценностей и поджогом корабля: последний капитан злополучного судна Уильям Уормс, старший инженер Эббот, второй помощник капитана Пэттерсон, старший офицер-радист Роджерс или... незнакомец в огнеупорном костюме и кислородной маске, который первым, сразу же после катастрофы, посетил сгоревший корабль.

Морской суд в Нью-Йорке тоже не смог ответить на вопрос о преступнике. Для этого, пожалуй, и в самом деле не хватало доказательств, да к тому же кое-кто не хотел, чтобы дело о пожаре на «Морро Касл» переросло в уголовную сенсацию. Все четыре члена морского суда были служащими крупных американских судовладельческих компаний. Два из них занимали руководящие посты в пароходстве «Уорд-лайн», которому принадлежал погибший корабль. Все судовладельцы, конечно, были заинтересованы, чтобы состоятельные любители туризма и впредь продолжали путешествовать на дорогих пароходах экстра-класса. Поэтому надо было всеми средствами

подкреплять их убежденность в том, что плавают они на самых красивых и самых безопасных кораблях под опекой сверхобразцового персонала. Авария произошла, и здесь уже ничего не поделаешь—потерянного не вернешь, а вот успокоить общественность надо было обязательно. Руководство компаний не без оснований опасалось, что многие пассажиры откажутся от туристических поездок на таких пароходах, где среди офицеров скрываются убийцы, грабители и поджигатели.

Поэтому решение морского суда должно было всех убедить, что катастрофа на «Морро Касл» произошла по воле случая, а не в результате чьих-то умышленных действий...

Как раз в то время, когда морской суд собирался закрыть дело и положить его под сукно, в прокуратуру поступило заявление страховой компании, которая просила выяснить судьбу исчезнувших украшений миллионерши Кэтлин Моррисон. Следственные работники прокуратуры и детективы федеральной полиции посетили морское управление, потребовали показать им протоколы суда и в конце концов забрали с собой все материалы по делу «Морро Касл».

Американские газеты успели еще в тот же день сообщить в специальных выпусках о сенсационном повороте событий: «Делом «Морро Касл» занялись ФБР и прокуратура! Что же на самом деле произошло на корабле? Капитан Уормс на перекрестном допросе в ФБР!»

Когда Уормс в здании федеральной полиции во второй раз рассказывал историю пожара на «Морро Касл», два десятка сотрудников ФБР спешно выехали в Асбери-Парк, чтобы тщательно обследовать останки корабля. Руководитель следственной группы майор Кауфхолд с тремя лучшими детективами первым делом направился к каюте капитана.

В морском суде Уормс и старший офицер Эббот показали, что перед пожаром они закрыли труп капитана Уилмотта в его каюте. Впоследствии уже ни у кого не было времени думать о сохранности тела. Значит, там можно было найти остатки костей, поскольку человеческое тело в огне полностью, без следов, не сгорает. А по костям уже нетрудно будет установить, был ли капитан на самом деле отравлен. Такое доказательство могло стать важнейшим — ведь единственный сведущий в этом свидетель, доктор де Витт, был мертв.

Путь к капитанской каюте вел сотрудников ФБР

через безжизненный, призрачный мир запустения: зола, пепел, обуглившиеся доски, покрытые сажей и ржавчиной металлические стены... Дверь каюты они нашли неповрежденной и все еще запертой. Один из детективов вынул из кармана связку отмычек, осмотрел замок и без труда открыл дверь.

Вошедшим предстала неожиданная, почти невероятная картина. Огонь, который уничтожил на корабле все, что могло гореть, оставил каюту капитана почти нетронутой. Это было трудно объяснить, но здесь сгорел только пол и обуглились ножки у мебели. Кровать в целости и сохранности стояла у стены. Даже в иллюминаторах не потрескались стекла. Вероятно, в каюте было недостаточно кислорода, и огонь загас. Однако фэбээровцы искали не объяснений этому странному явлению, а труп капитана. Уормс сказал, что он вместе с врачом положил его на кровать. Но сейчас кровать была пуста и застелена покрывалом! Майор Кауфхолд бросился в ванную комнату — она тоже, как и каюта, не пострадала от пожара. Однако и здесь не было никакого трупа. Даже многочасовой тщательнейший осмотр всего корабля не дал результата: мертвый капитан Уилмотт бесследно исчез!

Загадки, которые плотным слоем таинственности покрывали историю с пожаром на «Морро Касл», продолжали множиться. Лишь вопрос о возникновении огня стал понемногу проясняться. Специалисты обследовали пол и стены комнаты, в которой второй помощник Пэттерсон обнаружил очаг возгорания. Они нашли мельчайшие частицы химического вещества, характерные пятна на стене и осколки, видимо, медного цилиндра, в котором находилась зажигательная смесь. В лаборатории были воссозданы условия возникновения пожара. Преступник, должно быть, подключил металлический цилиндр к электророзетке, а нагревательная спираль создала температуру, необходимую для загорания зажигательной смеси. Следственная комиссия пришла к выводу, что поджигателем мог быть только человек, хорошо разбирающийся в технике и химии.

Это сразу заставило подумать о старшем инженере Эбботе, который к тому же из-за своего халатного отношения к работе и скандальных похождений в каютах пассажирок был не в ладах с капитаном Уилмоттом и являлся кандидатом на увольнение сразу же после первого рейса. Он присутствовал также, когда доктор де Витт обнаружил мертвого капитана и спрятал стаканы

с изобличающими убийцу отпечатками пальцев. Сразу же после этого Эббот исчез и появился лишь тогда, когда катастрофу уже нельзя было предотвратить. Таким образом, у него было достаточно времени, чтобы произвести поджог и убить корабельного врача. Он вполне мог также убить миллионершу Кэтлин Моррисон и украсть ее драгоценности.

Правда, Эббот категорически отвергал все обвинения, а свидетелей, которые видели бы его в комнате со стенным шкафом, в каюте миллионерши или рядом с доктором де Виттом, не нашлось. Вместе с тем его алиби представлялось в высшей степени несостоятельным. Эббот утверждал, что на балу он сильно выпил и поэтому, закрывшись у себя в каюте, спал. Проснулся он лишь тогда, когда на судне была объявлена пожарная тревога, и по этой причине, мол, потерял самообладание. Испугавшись за свою жизнь и понимая, что в данной ситуации положение уже исправить нельзя, он бросился к спасательному мотоботу. Никто, конечно, не поверил в этот рассказ Эббота, однако и опровергнуть его тоже никто не мог.

В круг подозреваемых попал и Уормс, который благодаря смерти Уилмотта стал капитаном. Детектив, наводивший справки о его прошлом, установил, что он имел много долгов, а один из векселей, на десять тысяч долларов, ему нужно было оплатить сразу после возвращения из плавания. Уормс, так же как и Эббот, знал, что на борту находятся очень состоятельные пассажиры. Разве он не мог украсть драгоценности? И вполне возможно, что при этом его застала миллионерша.

Уормс тоже присутствовал, когда доктор де Витт констатировал отравление капитана Уилмотта, и он знал, что врач обнаружил стаканы с отпечатками пальцев. Подозрения подкреплялись еще и тем, что Уормс имел специальность электромонтера. Правда, рулевой говорил, будто Уормс во время пожара был на капитанском мостике, но утверждать, что он вообще никуда не отлучался, не мог.

Третий подозреваемый появился тогда, когда детективы узнали, что старший офицер-радист Роджерс в свободное от работы время мастерил небольшие приспособления для подогрева воды в аквариуме; прибор состоял из медного корпуса, нагревательной спирали и включался в электросеть. У Роджерса тоже не было алиби на время преступления. Его дежурство 7 сентября закончи-

лось в два часа дня. Через восемь часов он должен был снова заступить на вахту.

Радисты работали в три смены: с шести до четырнадцати часов дежурил третий офицер-радист Дойл, с четырнадцати до двадцати двух — Аланья и с двадцати двух до шести утра — Роджерс.

Роджерс, однако, появился в радиорубке лишь незадолго до трех часов ночи. Вот какое он представил алиби:

«До восьми часов вечера я сидел в офицерской кают-компании и писал письмо, а потом пошел в свою каюту спать. На смену я проспал, потому что перед этим дежурил четырнадцать часов подряд: Дойла накануне вечером положили с аппендицитом в лазарет. Поэтому он и не смог, как обычно, меня разбудить. Проснулся я только тогда, когда объявили пожарную тревогу, на верхней палубе помог пассажирам сесть в спасательные шлюпки. Я полагал, что обеспечить порядок на палубе в то время было важнее, чем дежурить в радиорубке».

Таким образом, подозрительных моментов в поведении Роджерса выявилось более чем достаточно, но опять же, не было никаких доказательств его вины.

Два других загадочных события, которые произошли уже тогда, когда остов корабля прибило к берегу, вскоре получили довольно неожиданное объяснение.

Сотрудники ФБР напали на след того таинственного человека в огнеупорном костюме и кислородной маске, который в первый вечер после катастрофы посетил «Морро Касл». Их поиски были прерваны американской секретной службой ЦРУ. Детективам сообщили: «правительство США не заинтересовано в том, чтобы стало известно имя этого человека и чем он занимался на сгоревшем судне». Только сегодня, когда стали проясняться некоторые детали дела «Морро Касл», можно сказать о той, в общем-то второстепенной, роли, которую сыграло ЦРУ в этих событиях.

Отдельные каюты корабля, в которых путешествовали люди, не внушающие доверия правительству, были тайно оборудованы подслушивающими устройствами. Поскольку никто не знал, уничтожил ли пожар эти устройства, ЦРУ послало агента на судно, чтобы устранить все следы своей деятельности: существовала опасность, что уцелевшие приборы могут обнаружить при расследовании катастрофы.

Получил также объяснение эпизод с застреленным матросом и утонувшим офицером, у которого в кармане

брюк нашли пистолет без двух патронов. Пассажиры, которых после спасения направили в больницы и поэтому сразу не могли допросить, показали позднее, что видели, как офицер застрелил матроса, который мародерствовал на палубе. Офицера потом смыло за борт, и он утонул. Океанская волна выбросила оба трупа на берег, и зловещая находка внесла впоследствии некоторую путаницу в ход расследования.

Однако все остальное пока оставалось загадкой. Прилежные газетные писаки вовсю упражнялись в создании различных предположений, версий, догадок, но расследование ФБР так и окончилось ничем. Возмущенную общественность успокоили показательным процессом по делу «Морро Касл». Капитану Уормсу и старшему инженеру Эбботу было предъявлено обвинение в небрежном отношении к своим служебным обязанностям... Уормса приговорили к двум годам тюремного заключения, Эббота — к четырем...

Но приговор оставался в силе менее недели. Тут же было начато производство по пересмотру дела, в результате чего как Уормс, так и Эббот оказались оправданными за недостаточностью доказательств.

Тем не менее даже оправдательный приговор означал для них конец карьеры, Морское управление, которое во время первого расследования, в своих стенах, не высказало им никаких претензий, теперь лишило их офицерских патентов. Уормс стал работать портовым рабочим, а затем, во время второй мировой войны, погиб. Эббот закончил свои дни через два года после катастрофы на «Морро Касл» в лечебнице для алкоголиков.

Только третий из подозреваемых, старший офицер-радист Роджерс, в чисто американской манере извлек из этого несчастья выгоду. Несколько недель он выступал в нью-йоркском театре «Риальто» на Бродвее и по шпаргалке, написанной каким-то бойким литератором, рассказывал переполненному залу о пережитом во время большого пожара на «Морро Касл». За это он получил десять тысяч долларов гонорара и был провозглашен зрителями «героем «Морро Касл».

Однако эта призрачная слава скоро поблекла. Так же, как из газет постепенно исчезало название погибшего корабля, растворялась бродвейская популярность офицера-радиста. История «Морро Касл» погружалась в забвение. Папки с документами покрывались пылью, а у детективов ФБР не было больше ни времени, ни возможно-

сти охотиться за убийцей и поджигателем с «Морро Касл». Америку держали в страхе банды Аль-Капоне и Диллинджера. За три с половиной года о катастрофе не было сказано ни слова. Затем, совершенно неожиданно, 4 марта 1938 года название корабля снова появилось у всех на устах, а фамилия старшего офицера-радиста Роджерса — на первых страницах газет.

Теперь, правда, его уже не превозносили за геройство, каким он похвалялся на Бродвее, а изобличали как преступника: «Роджерс поджег «Морро Касл»!.. Старший офицер-радист «Морро Касл» — убийца!»

Почему же вдруг бывшего «героя» стали клеймить как убийцу и поджигателя? Может быть, он признался? Или нашли наконец доказательства?

Ничуть не бывало.

После гибели «Морро Касл» Роджерс осел в Нью-Джерси, в маленьком городке Бэйонн, где устроился работать в полицию. После года патрульной службы его перевели в радиоцентр, и здесь он встретил своего бывшего коллегу по «Морро Касл», офицера-радиста Дойла. Но теперь уже Дойл был его начальником. Это привело к ссорам, которые стали происходить все чаще и чаще. Дойл не скрывал своей точки зрения по поводу случившегося на «Морро Касл». Он считал, что убийцей и поджигателем являлся Роджерс.

Однажды, после очередной такой перепалки, на Дойла было совершено покушение. В полицейской канцелярии ему передали пакет от какого-то незнакомца. В нем было устройство для подогрева воды в аквариуме и отпечатанная на машинке записка: «Дорогой лейтенант, мой прибор испортился. Вы ведь хорошо разбираетесь в таких вещах, почините мне его, пожалуйста». Это не вызвало у Дойла особого удивления: коллеги часто обращались к нему с просьбой о каком-нибудь небольшом ремонте. Поэтому, ничего не подозревая, он развернул прибор и вставил вилку в электророзетку, чтобы определить неисправность. В тот же миг взрыв швырнул его на пол. С тяжелым ранением Дойл был доставлен в больницу и тут же прооперирован. Ему повезло: ранение оказалось не смертельным. Через три дня он уже мог отвечать на вопросы. Первое, что сказал Дойл капитану Макграту, шефу уголовной полиции, было: «Это мне подстроил Роджерс... Точно так же он поджег «Морро Касл». Он хотел меня прикончить, потому что я это знал...»

Роджерса тут же арестовали, а его домик, который он

купил за свой гонорар, обшарили от подвала до стропил. В маленькой мастерской полицейские нашли листовую медь, нагревательные спирали и остальные материалы, необходимые для изготовления аквариумных обогревателей. Роджерс все отрицал, утверждая, что такие приборы он уже много лет делает для продажи. Так что любой его покупатель мог быть отправителем этой адской машины. Он даже утверждал, что покушение было направлено против него: если бы он в это время находился на службе, то непременно взялся бы ремонтировать прибор.

У капитана Макграта эти объяснения вызывали только зевоту.

Вскоре к расследованию подключилось ФБР и попыталось связать покушение на Дойла с катастрофой на «Морро Касл». Девять месяцев длилось следствие. На все обвинения Роджерс отвечал одинаково: «Если бы те преступления на «Морро Касл» совершил я, то у меня были бы драгоценности и я не сидел бы здесь радистом, чтобы в поте лица зарабатывать себе на кусок хлеба».

Ему возражали: «Вы просто хотели несколько лет переждать. Если бы вы сразу продали драгоценности и начали жить в свое удовольствие, мы бы уже давно на вас вышли».

Конечно, это звучало логично и убедительно, но главного доказательства — украшений — не было. У Роджерса их не нашли.

В ноябре 1938 года ФБР опять приостановило расследование и передало Роджерса властям Бэйонна. Местный суд присяжных заседателей приговорил его к двенадцати годам тюремного заключения за покушение на убийство своего коллеги. Однако обвинительный приговор опирался только на косвенные доказательства. Роджерс на суде до последней минуты все отрицал и утверждал, что покушение было подготовлено подлинным поджигателем «Морро Касл» именно против него, чтобы так или иначе поставить на нем точку.

Четыре года провел Роджерс в тюрьме, а затем вдруг, совершенно неожиданно, был амнистирован Верховным судом Соединенных Штатов, причем амнистирован на основании прошения о помиловании, которое на самом деле Роджерс никогда не подавал. Это была довольно странная амнистия.

Через несколько месяцев Роджерса призвали на военную службу и он ушел воевать. Служил он простым радистом на грузовом судне, которое доставляло военное

оборудование в Англию. Когда война закончилась, в 1945 году, он вернулся в Бэйонн, открыл маленький магазинчик-мастерскую и еле-еле сводил концы с концами ремонтом радиоаппаратуры и бытовых приборов. Круг его клиентов состоял из людей, новых в городе. Старожилы сторонились его магазина. Для них он был убийцей с «Морро Касл» и человеком, ранившим радиста Дойла; однако никто из них не задумывался над тем, почему этот мужчина, у которого якобы были драгоценности на миллионы долларов, вернулся в Бэйонн, почему с такими деньгами он не захотел поселиться в каком-нибудь другом месте.

К числу немногих знакомых Роджерса принадлежал 83-летний Уильям Хамл, который вместе с незамужней дочерью Альмой жил в соседнем доме. Между Хамлом и Роджерсом установились сердечные, дружеские отношения, которые зашли так делеко, что Хамл одолжил ему семь с половиной тысяч долларов для расширения мастерской.

С годами то, что когда-то произошло, начало забываться, и казалось, что в глазах жителей городка Роджерс должен был стать если и не уважаемым, то вполне добропорядочным гражданином.

И вдруг 20 июня 1953 года произошло новое ужасное преступление. Соседи Роджерса, старый Уильям Хамл и его дочь, были обнаружены в своем доме убитыми. Следственная комиссия, которая начала расследование преступления, нашла в одной из комнат магнитофон и пленку с записью перепалки между Роджерсом и стариком Хамлом. Ссора началась из-за семи с половиной тысяч долларов, которые Хамл одолжил Роджерсу и теперь настоятельно требовал вернуть. Роджерс обещал завтра возвратить деньги, а Хамл угрожал судом, если он этого не сделает.

Но до завтра Хамл не дожил.

Роджерс уже имел судимость за покушение на убийство, а вся Америка к тому же считала его убийцей и поджигателем с «Морро Касл»... Естественно, следственная комиссия решила, что только он мог совершить это двойное убийство, и его арестовали.

Опять бывший офицер-радист «Морро Касл» все отрицал, и опять все обвинение строилось на косвенных уликах. Прямых доказательств его вины и свидетелей преступления не было. Записанная на магнитофон ссора и его прошлое — вот единственное, что говорило против Роджерса.

24 сентября 1954 года за двойное убийство его дважды приговорили к пожизненному заключению. Но наказание, в точном смысле этого слова, так и не наступило. Во время судебного процесса у Роджерса на фоне нервного истощения помутился рассудок.

Последующие четыре года он провел в больничном отделении тюрьмы в Трентоне. Все эти годы его не оставляли в покое многочисленные журналисты в надежде получить признание в совершенных на «Морро Касл» преступлениях. Но они не вытащили из Роджерса ни слова. Он уже просто не понимал, чего от него хотят.

10 января 1958 года он умер от кровоизлияния в мозг. Газеты писали: «Он выглядел как добродушный старичок, но был дьяволом в образе человека». Один из известнейших американских журналистов, Томас Галлахер, выпустил книгу о жизни Роджерса под названием «Огонь на море». В ней он охарактеризовал Роджерса как самого выдающегося убийцу в истории криминалистики. Приписывая Роджерсу убийства капитана, врача, миллионерши и поджог судна, он тем не менее ничего не смог доказать... потому что, скорее всего, Джордж Роджерс был не тем человеком, за которого его принимал журналист.

12 января 1959 года в Венесуэле умер человек, который утверждал, что именно он является настоящим поджигателем и убийцей с «Морро Касл». Свидетельство о его смерти было выписано на имя Кирка Стивенсона, но его американский паспорт оказался фальшивым. Этот таинственный мистер Стивенсон в 1934 году с секретной миссией ЦРУ путешествовал на «Морро Касл». На судне он завязал знакомство с миллионершей Кэтлин Моррисон, и бриллианты пожилой дамы вскоре стали занимать его больше, чем секретное спецзадание. На обратном пути он украл драгоценности из сейфа, но был замечен миллионершей, когда выходил из ее каюты. Она поставила в известность капитана корабля и потребовала от него, чтобы он незаметно поговорил со Стивенсоном и вынудил его вернуть драгоценности. Очевидно, она хотела избежать скандала.

В своем признании, оставленном у венесуэльского нотариуса, этот бывший агент ЦРУ писал: «Я не был уверен, что капитан не сообщит обо мне в полицию, поэтому мне пришлось устранить всех свидетелей моего преступления. Я отравил Уилмотта, застрелил Кэтлин Моррисон, а позднее и судового врача, который опреде-

лил, что капитан был отравлен. Чтобы уничтожить все следы, я подложил адскую машину, которая предназначалась для выполнения моего задания, и вызвал на судне пожар...»

Можно ли верить этому признанию? А вдруг это всего лишь произведение какого-нибудь шутника, хвастуна или просто сумасшедшего?

Многие, очень многие детали преступления и в этом признании остаются необъясненными... А как быть с Роджерсом? Возможно, преступления против Дойла и Хамлов совершил не он? Может быть, это тоже работа спецслужб? Впрочем, вполне вероятно, что эти два комплекса преступлений вообще не имеют ничего общего и оказались связанными между собой по чистой случайности.

В пользу венесуэльского признания, во всяком случае, говорит тот факт, что американские газеты о нем упорно молчат. Да и преступления, надо сказать, были «выполнены» с таким знанием дела, что сразу появляется мысль не о каком-то дилетанте-радисте, а о профессионале, прошедшем специальную подготовку...

Пусть благосклонный читатель простит, что ему в заключение не дают готового ответа, да еще заставляют самого решать, кто же здесь все-таки преступник. Однако реальная жизнь не детективный роман, в котором на последней странице все получает свое объяснение.

СЕКРЕТНОЕ ДЕЛО БРУНО ЛЮДКЕ

Необходимое предисловие:

В этой истории речь идет о судьбе некоего Бруно Людке с берлинской окраины Кепеник, который якобы совершил в период с 1924 по 1943 год в Германии восемьдесят четыре зверских убийства. Так, во всяком случае, утверждалось в 1956 году в публикации западногерманского журнала «Мюнхнер Иллюстрирте» и снятом год спустя на ее основе фильме. И публикация и фильм носили название «Ночью, когда пришел дьявол» и были призваны создать впечатление, будто в их основе лежали неопубликованные до той поры секретные документы бывшей фашистской организации — Главного имперского управления безопасности (РСХА).

В годы второй мировой войны РСХА было высшей командной инстанцией наиболее зловещей фашистской террористической организации — СС. Ему были подчинены тайная государственная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), уголовная полиция, полиция общественного порядка и все соединения СС. В Главном имперском управлении безопасности организовывались акции по уничтожению еврейского населения Германии и оккупированных стран и разрабатывалась технология умерщвления шести миллионов человек.

Опубликование секретных документов этого управления, безусловно, добавило бы новую главу в книгу преступлений СС, однако подобных разоблачений еще долго придется дожидаться беспристрастному читателю.

Совсем иначе обстоит дело с рассматриваемым здесь случаем. Неизвестное до сих пор большинству людей преступление эсэсовских блюстителей порядка в упомянутых публикации и фильме не только не раскрывается, а, наоборот, фальсифицируется, ставится с ног на голову и в конечном счете оправдывается. Причем начинается это с предисловия к публикации в мюнхенском журнале и со вступительных титров к одноименному фильму.

Первоначально в РСХА не было никакого секретного дела Бруно Людке, а лишь следственное дело уголовной полиции, на котором стояло имя Бруно Людке и соответствующий индекс. Это дело как раз и лежит в основе нашего рассказа. И лишь когда обросшее несколькими томами расследование было завершено, из него создали «секретное дело имперского значения», которое предназначалось для уничтожения, чтобы спасти репутацию «непогрешимых» следователей в Главном имперском управлении безопасности.

Внимательное изучение этого дела привело нас к совершенно иным выводам, чем те, которые были сделаны западногерманскими авторами, и со всей очевидностью показало, почему РСХА было заинтересовано в сокрытии от общественности результатов расследования. «Секретное дело Бруно Людке» вовсе не крупнейший в истории криминалистики случай многочисленных убийств, совершенных одним преступником, как утверждается в журнале и фильме, а подлинное свидетельство крупнейшей фальсификации признаний. Однако в опубликованных ранее работах о деле Бруно Людке это либо умалчивалось, либо представлялось в искаженном виде.

«Четыре раза в году животноводческая ярмарка, один раз суд присяжных — вот и все события в идиллической жизни небольшого городка Реетц близ Арнсвальде в Померании. Ничто не нарушает размеренного быта его граждан. Два раза в неделю они ходят в трактир, один раз—в церковь. Их будни не знают сенсаций. Но сегодня, 24 октября 1930 года,— необычайное, невероятное, жуткое исключение...

Речь идет о страшном для человека, но юридически повседневном преступлении. Речь идет об убийстве!

Человек, который должен предстать перед судом присяжных, мал ростом и хил телосложением. Контраст с двумя полицейскими, между которыми он сидит, делает его еще более тщедушным.

Речь идет о его голове — голове двадцатишестилетнего подмастерья каретника Германа Ферха из деревни Альтенведель. Четыре месяца назад его тридцатидвухлетняя любовница Эльза Ладвиг была найдена мертвой в пруду. Она была убита — убита с особой жестокостью. Женщина ждала от Ферха ребенка. Прокурор видит в этом мотив преступления, и Ферх для него — убийца.

Совещание присяжных заседателей длится недолго, всего сорок минут. «Виновен в убийстве»,— решают они. Меру наказания определяют судьи. Они тоже долго не раздумывают. Председательствующий провозглашает «от имени народа»: «Подсудимый Герман Ферх за убийство при отягчающих обстоятельствах приговаривается к поражению в гражданских правах и смертной казни».

В это мгновение обвиняемый падает в обморок. Ни один человек не знает, сколько раз «умирает» Герман Ферх в камере смертников перед своей казнью. Кассационная жалоба отклоняется. Подается ходатайство о помиловании. Ответа нет. И тут он совершенно неожиданно получает известие, что смертная казнь заменена пожизненным заключением в каторжной тюрьме. Он остается убийцей, но получает право на жизнь, пусть даже и в каторжной тюрьме, пока через десять лет его опять совершенно неожиданно, безо всякого помилования, не выпускают на свободу.

Лишь три года спустя Герман Ферх узнает, почему так произошло, услышит о том, что он угодил в историю, связанную с серией убийств, равной которой нет в криминалистике. Впрочем, историю, о которой еще никто не знает, потому что еще никто не знает о Бруно Людке...»

Так начинается в мюнхенском журнале «сообщение на основе фактических данных», то есть документальная повесть «Ночью, когда пришел дьявол» — история о восьмидесяти четырех убийствах, совершенных Бруно Людке.

В этом эффектном прологе нет ни слова правды. В городке Реетц близ Арнсвальде 24 октября 1930 года не заседал суд присяжных. Никогда двадцатишестилетний подмастерье каретника Герман Ферх из Альтенведеля не обвинялся в убийстве и уж, конечно же, не приговаривался к смертной казни, которая потом была заменена пожизненным заключением в каторжной тюрьме, за убийство, совершенное другим человеком, как утверждал журнал «Мюнхнер Иллюстрирте».

О Ферхе в деле Людке сказано следующее: «Из протокола допроса явствует, что Герман Ферх попал под подозрение в убийстве Эльзы Ладвиг и был взят под стражу. По поступившим сведениям, он состоял с Л. в интимных отношениях и она ждала от него ребенка. Ферх категорически отрицал, что совершил убийство. После того как он пробыл длительное время в предварительном заключении, его пришлось освободить за недостаточностью улик. Но и в последующее время жители

деревни и родственники убитой продолжали называть Ф. убийцей (том II, с. 56).

Таким образом, Герман Ферх всего несколько месяцев находился в предварительном заключении. Тем не менее журнал «Мюнхнер Иллюстрирте» сделал из этого громкий процесс со смертным приговором исключительно для того, чтобы придать сенсационность своему сообщению.

В предисловии к нему главный редактор журнала заявляет: «Убийца в течение двадцати лет разъезжал по Германии. Свои жертвы он разыскивал повсюду. На его счету было восемьдесят четыре жизни, в большинстве своем женских. Когда я впервые услышал об этой истории, я не хотел верить. Но потом мне принесли дело...»

В деле (том VI, с. 176) названо общее число якобы совершенных Людке убийств. Речь здесь идет о пятидесяти четырех убийствах и трех покушениях на убийство, в которых Людке признался.

Почему же факты поставлены с ног на голову? Зачем главный редактор журнала с миллионным тиражом, подписываясь своим именем, идет на то, чтобы предлагать читателям под видом документально подтвержденной правдивой истории такую грубую фальшивку? Почему были потрачены миллионы марок на экранизацию подобной подделки и за что этому фильму ужасов была присуждена премия Федерального союза кинематографистов? Только ли за то, что уж больно сенсационной была история? Или потому, что это позволило увеличить тираж и дало возможность заполнить залы кинотеатров? Однако истинная история Бруно Людке не менее сенсационна, и на ней и без фальсификаций можно было бы сделать неплохой бизнес.

Итак, не это было подлинной причиной.

Почему фальшивка под названием «Ночью, когда пришел дьявол» была в свое время написана, снята на пленку и награждена премией, стало ясно лишь в январе 1960 года. Тогда, как и в мрачнейшие времена фашизма, на западногерманских синагогах стали малевать свастику, а на стенах домов в Кёльне, Мюнхене, Гамбурге и Западном Берлине появились надписи: «Евреи, вон!»

«Ночью, когда пришел дьявол» — это шаг по пути рокового сползания в прошлое. Вот какую версию событий представляет фильм. Полтора часа на экране буйствует кровожадный убийца, озверевший идиот, которого обезвреживают и в конце концов без долгих проволочек

безболезненно умерщвляют с помощью инъекции цианистого калия удалые эсэсовские офицеры. Кто же сочтет такую смерть ужасной? И вообще, что плохого в том, чтобы таких людей тихо отправлять на тот свет? Значит, не такими уж страшными были эти эсэсовцы! Хотя они и показаны в фильме отрицательными героями, но в настолько карикатурном и утрированном виде, что принимать их всерьез и уж тем более ненавидеть невозможно. Все остальные представители фашистского государства оказываются в фильме строгими и справедливыми стражами порядка, зачастую совершающими смелые, героические поступки. Они скорее заслуживают восхищения, чем презрения.

Молодой человек, который посмотрит этот фильм, не имея собственного представления о фашизме, может прийти только к следующему выводу: они вовсе не были такими плохими! А то, что сегодня иногда говорят о нацистах,— злонамеренная пропаганда...

Но давайте посмотрим, чем же было в действительности это «крупнейшее дело об убийствах в истории криминалистики».

Может ли душевнобольной не только признаться в полусотне изощренных убийств, но и описать во всех подробностях, не совершив ни одного из них? Как такое стало возможным? Ответ на это дают факты.

Статистика берлинской уголовной полиции приводит за 1941 и 1942 гг. пять нераскрытых убийств женщин — среди них одно двойное убийство — и одно покушение на убийство.

3 апреля 1941 года в лесу пригорода Берлина Кенигс-Вустерхаузен нашли труп задушенной 24-летней Кэт Мундт. На основании заключения судебно-медицинской экспертизы речь однозначно шла о половом преступлении.

Четыре недели спустя, 4 мая 1941 года, труп 61-летней торговки табачными изделиями Минны Гутерман был обнаружен с проломанным черепом в спальне своей квартиры на Ваттштрассе, 15.

Через два дня еще две смерти — супругов Уманн, владельцев расположенного на железнодорожной станции Грюнау трактира «Лесная харчевня». Здесь все свидетельствовало об убийстве с целью ограбления: вся квартира была перерыта, украдены два чемодана, полные спиртных напитков, табачных изделий и консервов.

9 марта 1942 года прохожие в Михендорфском лесу нашли сильно разложившийся труп 48-летней служащей бухгалтерии Берты Бергер. В качестве причины смерти судебный врач констатировал пролом черепа.

В начале июня произошло покушение на убийство 30-летней Терезы Поль. Поздно вечером 5 июня 1942 года она с двумя детьми в возрасте трех и четырех лет шла с железнодорожной станции Хоппегартен. В перелеске ударом сзади она была сбита с ног, при этом из рук у нее была выхвачена хозяйственная сумка. Присутствие детей и их испуганные крики, по всей видимости, помешали убийце довершить преступление — пришла к выводу следственная комиссия.

Восемь недель спустя, 3 августа, в Шарлоттенбурге на Блейбтрой-штрассе, 40, была обнаружена убитой 31-летняя иностранная работница Анна Залтыс. Она лежала одетой на кровати с электрическим проводом на шее. Возникло подозрение, что ее задушила ревнивая хозяйка, с мужем которой З. состояла в любовной связи. Женщину взяли под стражу, но через шесть недель выпустили на свободу, поскольку улик для обвинения было недостаточно.

В эти дни руководителем комиссии по расследованию убийств стал штурмбаннфюрер СС Тоготце, так как в Главном имперском управлении безопасности стремились снять со всех ответственных постов старых гражданских специалистов уголовной полиции времен Веймарской республики. Тоготце быстро присвоили звание советника уголовной полиции, но для этой должности у него, кроме нацистских убеждений, не было никаких профессиональных криминалистических знаний. К тому же ему досталось тяжелое наследство. В гитлеровском «великогерманском образцовом» государстве не должно было оставаться нераскрытых убийств, и уж во всяком случае бегавших на свободе маньяков-убийц. Таким образом, от Тоготце ожидали, что он быстро положит конец этому уголовному безобразию.

Когда он вступил в должность в «красном замке на Алексе» — так в народе называли здание берлинского управления полиции,— на его столе лежали толстые папки с делами шести до той поры нераскрытых убийств и одного покушения на убийство. Но Тоготце даже не успел прочитать дела — уже на следующий день его ожидало первое крупное испытание.

31 января 1943 года снова была поднята тревога

в комиссии по расследованию убийств. У Тоготце еще трещала голова после бурного праздника по случаю десятой годовщины захвата власти фашистами, когда на его стол легло донесение из Кепеника: «На участке 56 Кепеникского городского леса найдена задушенная неизвестная женщина средних лет».

Тоготце прочитал эти две телеграммные строки несколько раз. Как назло, снова убийство женщины! Неужто серия нераскрытых убийств женщин будет продолжаться? Но это может погубить его карьеру раньше, чем она успеет по-настоящему начаться. Его броню отменят, и Тоготце как образцовому офицеру СС придется «изъявить свою готовность отправиться на фронт...» Ну нет, это убийство он должен раскрыть во что бы то ни стало!

Однако задача Тоготце состоит не в том, чтобы ехать в Кепеникский лес, осматривать место преступления, искать следы, проводить допросы. Ему надлежит отдавать приказы и назначать нужных людей.

В этот момент в кабинет советника уголовной полиции и штурмбаннфюрера случайно забегает один из молодых комиссаров нового призыва. Его зовут Хейнц Франц, ему еще нет и тридцати лет, член партии, активный штурмовик СА, горит неукротимым стремлением сделать карьеру. Комиссар Франц, стройный человек с расчесанными на пробор белокурыми волосами, зашел к Тоготце, собственно говоря, для того, чтобы испросить три недели отпуска для прохождения очередных курсов штурмовиков СА, но советник уголовной полиции не дает сказать ему ни слова.

— Давайте, Франц, собирайте комиссию и принимайте дело по Кепенику. И горе вам, если вы его провалите, партайгеноссе. Тогда можете сразу писать рапорт об отправке на фронт,— не долго думая, говорит ему Тоготце.

Молодой комиссар еще не понимает, какой шанс представляется ему. Чтобы в неполные тридцать лет поручили расследование дела об убийстве — да о таком любой криминалист может только мечтать.

Франц механически отвечает:

— Слушаюсь, господин советник.— Потом вспоминает, что стоит перед штурмбаннфюрером СС, быстро поднимает руку в приветствии, молодцевато щелкает каблуками и выкрикивает: — Хайль Гитлер!

Четверть года спустя Франц напишет одному из своих коллег: «Это был, по всей видимости, мой звездный

час, тот визит к советнику Тоготце...»

Однако в первые дни и недели, которые последовали за 31 января 1943 года, он сомневается в успехе расследования кепеникского убийства. Дела у Франца обстоят не лучше, чем у всех его коллег, которые занимались расследованием предыдущих убийств женщин. После обычного изучения места совершения преступления и сбора данных он устанавливает, что на участке 56 убита 53-летняя пенсионерка Фрида Реснер из Кепеника, которую уже два дня разыскивали родственники. 29 января она пошла, как это делал в эту бедную углем четвертую военную зиму каждый второй житель Кепеника, в городской лес, чтобы набрать сухих сучьев для печки. Здесь ее задушили и, как можно было сделать вывод из определенных изменений в одежде, изнасиловали. Свидетелей преступления нет, поэтому нет и ни малейшей зацепки, кто бы мог быть убийцей. Правда, слабую надежду выйти на след преступника дает исчезнувшая сумка убитой. Она сделана из хорошей кожи. Убийца может попытаться ее продать, подарить или сделать из нее какой-нибудь другой предмет. Комиссар Франц ждет напрасно. На третий день после обнаружения убитой он все еще не в состоянии сделать советнику уголовной полиции утешительное сообщение, и Тоготце приходит к мысли, что поставил не на ту лошадь. Однако он плохой психолог и недооценивает напористость, цепкость и рвение молодого комиссара.

Франц буквально вгрызается в порученное ему дело, не сдается, снова и снова, все еще безрезультатно, прорабатывает протоколы предыдущего расследования, ищет новые пути. Он убежден, что убийство фрау Реснер не было заранее подготовленным преступлением, а совершено в состоянии аффекта, возможно, даже обусловлено стечением обстоятельств. Убийца и жертва, должно быть, случайно встретились в городском лесу. Из этого Франц делает вывод, что убийца фрау Реснер скорее всего живет в окрестностях городского леса, то есть в Кепенике. Поэтому он сосредоточивает дальнейшее расследование на районе Кепеник и намечает проверить всех мужчин, проживающих в Кепенике, которые уже вступали в конфликт с полицией или законом.

Это означает, что Францу нужно прочитать горы полицейских и судебных дел, то есть взяться за сизифов труд. Изучение их занимает у него целых два месяца и почти не оставляет времени для сна. В результате отбираются девяносто три следа, которые должны проверить его сотрудники. В качестве подозреваемых задерживаются двое мужчин с царапинами, бродяга, пьяный фельдфебель, возчик мусора и местный фюрер гитлерюгенда, но через несколько часов они освобождаются из-под стражи, поскольку не имеют отношения к убийству.

В эти дни Франц читает также дело, на котором стоит фамилия Бруно Людке. В нем фигурируют жестокое обращение с животными и кража лесных материалов. Этот Бруно Людке, будучи возницей, на глазах у всех стегал кнутом своих лошадей, чем вызвал возмущение кепеникских граждан. В городском лесу он имеет обыкновение загружать заготовленные другими дрова на свою повозку и продавать их где-нибудь в городе. Однако внимание молодого комиссара не задерживается на этом деле.

Обер-секретарь уголовной полиции Хейнцмюллер из кепеникской инспекции, который помогает Францу в проверке документации, тоже качает головой:

— Да какое там, этот «придурок Бруно» — как его называют в Кепенике, потому что у него с головой не все в порядке,— вполне безобидный идиот. Кроме того, его мать состояла в родстве с убитой. Ну нет, он тут явно ни при чем!

Комиссар Франц рассеянно откладывает дело в сторону. Ему приходится вернуть в регистратуру и все остальные дела, поскольку там не обнаружено никаких сведений, указывающих на убийцу фрау Реснер.

Он отбирает еще одну стопку дел: материалы о проведении предварительного расследования и дознания по другим случаям нераскрытых убийств женщин, которые были совершены за последние двадцать лет на территории, находившейся под юрисдикцией отдела берлинской полиции по расследованию убийств.

У Франца появляется мысль, что все эти убийства могут быть связаны между собой и, возможно, совершены одним-единственным преступником. Правда, все его коллеги, которые в свое время занимались этими делами, решительно отвергают такое предположение, так как способы совершения преступлений, их мотивы, детали убийств слишком отличаются друг от друга. Отсутствует, как обычно выражаются опытные криминалисты, единый «почерк», который каждый убийца, будь он хоть самым изобретательным, оставляет на месте преступления.

Франц склоняется к тому, чтобы не считаться с этим,

как ему кажется, устаревшим правилом.

Почему, собственно, не должно быть исключений? Однако такое допущение мало что ему дает, как старательно он ни штудирует многочисленные отчеты об осмотре мест преступлений, протоколы допросов и заключения экспертов. Ни в одном из них нет ни малейшего намека на связь с кепеникским убийством.

Молодой комиссар уже подумывает о том, чтобы вернуть Тоготце почетное, но непосильное задание. Погруженный в свои мысли, все еще пытаясь найти выход, он уже в который раз просматривает дела и механически снова берет в руки дело Брунс Людке. Это была случайность, но из таких, как визит к Тоготце, который Франц назвал своим звездным часом. Позже он скажет: «Это была судьба — то, что мне в руки еще раз попало дело Людке, иначе оно так бы и продолжало пылиться на полке».

18 марта 1943 года он прочитывает дело до последней страницы. Франц обращает внимание на сообщение о том, что Бруно Людке иногда приставал к женщинам на улице с грязными, непристойными выражениями. Невольно у молодого комиссара появляется мысль: «А как, собственно, обстоит дело с умственно неполноценным, который, конечно же, не имеет никакого шанса на успех у женщин, но тем не менее остается мужчиной? Не естественно ли, что такой человек пытается взять женщин силой?» Франц открывает записи о судимостях по краже лесных материалов в Кепеникском городском лесу.

Если Людке крал там дрова, он должен хорошо знать местность и бывать там достаточно часто. А что, если он был в лесу и в тот день, когда там подбирала хворост фрау Реснер? На участке 56?

И комиссар Франц начинает верить в знак судьбы. В волнении вызывает он обер-секретаря Хейнцмюллера и объясняет ему, что хотел бы попристальней взглянуть на этого Бруно Людке.

— На придурка Бруно? Да это напрасный труд! — скептически говорит Хейнцмюллер и качает головой, видя, как комиссар достает из ящика стола пистолет и наручники.

На это замечание Франц лишь безразлично пожимает плечами. Им уже полностью овладела идея, что слабоумный Бруно — разыскиваемый в течение шестнадцати месяцев преступник, совершивший несколько убийств.

Последовавшее вслед за этим задержание Бруно Людке в кепеникской прачечной, где он работал рассыльным, представлено в упомянутых ранее «документальной» повести и фильме чрезвычайно драматично. В их изложении — завязалась дикая драка, когда до Бруно Людке дошло, что два сотрудника уголовной полиции хотят забрать его с собой. Здоровый как бык Бруно кидается на Франца с такой яростью, как будто собирается его убить. Лишь применив искусный прием джиу-джитсу, комиссару удается освободиться от его смертельной хватки. С помощью этого приема он, можно сказать, молниеносно завоевывает безмерное признание и доверие убийцы, который уважает только того, кто сильнее его. Драматургический трюк, предназначенный для того, чтобы подготовить читателя к последовавшему вскоре потоку признаний.

Правда, в деле запись комиссара Франца о задержании Бруно Людке изображает эту процедуру значительно безобиднее. Там говорится лишь: «У меня создалось впечатление, что Людке должен был обязательно знать о деле Реснер. Поэтому он был подвергнут предварительному аресту и доставлен в управление полиции».

Два часа комиссар Франц в присутствии обер-секретаря Хейнцмюллера и стенографистки допрашивает Бруно Людке. Без малейшего результата! Бруно оказывается упримым, несговорчивым и решительно отвергает предположение, что это он совершил убийство на участке 56. Оба сотрудника уголовной полиции добиваются лишь признания Бруно в том, что он слышал об известном всем убийстве фрау Реснер и что ему действительно хорошо знаком городской лес, потому что он там часто собирал дрова.

С явным удовольствием Людке рассказывает о том, что ему нравятся хорошо сложенные женщины. «Такие, у которых все на месте...» — стоит дословно в протоколе. Больше говорить он отказывается. Когда расспросы ему надоедают и он чувствует голод, то говорит, не долго думая: «Если мне не дадут поесть, я вообще больше не скажу ни слова!»

Комиссар прерывает допрос и отсылает обер-секретаря Хейнцмюллера и стенографистку домой. Следующей записью в деле он объясняет эту меру: «У меня создалось впечатление, что присутствие нескольких человек сковывает Людке. Мне показалось также, что обычная форма ведения допроса неприемлема для него. Сперва нужно

было попытаться установить с ним определенный личный контакт; следовало создать некую атмосферу доверительности, чтобы иметь возможность обсудить с ним щекотливые вопросы дела».

После этого он допрашивает Бруно Людке до половины второго ночи. О чем они говорили в эти ночные часы, осталось неизвестным. Свидетелей не было, протокол не велся, и обоих участников этой чреватой последствиями беседы сегодня уже нет в живых. О ночном разговоре вообще стало известно лишь потому, что имеется запись в журнале караульной службы полицейской тюрьмы, согласно которой дежурный вахмистр в 1 час 30 минут ночи отконвоировал Людке из кабинета комиссара Франца в камеру.

На следующее утро обер-секретаря Хейнцмюллера, стенографистку, а позже и других сотрудников комиссии по расследованию убийств ожидает ряд сюрпризов.

Будучи в прекрасном расположении духа, комиссар Франц объявляет им, что убийство Реснер раскрыто.

— Каким образом? Разве Людке успел уже сделать признание? — изумленно спрашивает Хейнцмюллер.

Франц таинственно улыбается.

— Еще нет, но сегодня он признается, я в этом совершенно уверен.

Хейнцмюллер и стенографистка не успевают даже снять пальто. Комиссар Франц назначил на утро выезд следственной группы на место совершения преступления, на участок 56 Кепеникского городского леса.

По пути туда их ожидает новый сюрприз! Бруно Людке словно преобразился. За ночь его строптивое, подчеркнуто враждебное поведение исчезло, и теперь он относится к Францу как к старому доброму приятелю. Он даже обращается к нему на ты, на что обер-секретарь лишь удивленно качает головой. Еще прежде, чем они доехали до Кепеника, Людке делает в машине предсказанное Францем признание. Улыбаясь, Бруно сознается в том, что убил фрау Реснер!

Дословно его признание не известно — в протоколах оно не сохранилось. Запись в деле сообщает об этой поездке лишь следующее: «В присутствии обер-секретаря уголовной полиции Хейнцмюллера Людке признался в совершении преступления, однако заявил, что не может вспомнить точных подробностей, но будет в состоянии сделать это на месте».

На месте преступления Бруно делает признание, которое во всех деталях совпадает с делом, заведенным комиссаром Францем при обнаружении убитой. Где и как лежал труп, в каком состоянии была одежда убитой, где в кустах были спрятаны ее туфли — все это Франц и его сотрудники описали в протоколе осмотра места преступления 31 января 1943 года, что было зафиксировано в фотографиях и зарисовках. Эти детали и фигурируют в признании Бруно Людке, которое он делает в присутствии обер-секретаря Хейнцмюллера и стенографистки. Правда, не в форме связного рассказа, а в виде своеобразной игры в вопросы и ответы с комиссаром Францем.

Позже он сознается в содеянном перед остальными сотрудниками комиссии по расследованию убийств, перед советником Тоготце, перед господами из Главного имперского управления безопасности и вообще перед всяким, к кому бы Франц его ни приводил. Только об одном не говорит Бруно Людке: куда девалась сумочка фрау Реснер. Сначала он утверждает, что выбросил ее в определенном месте городского леса. Обозначенный участок обыскивают со всей тщательностью, но ничего не обнаруживают. После этого Бруно признается, что спрятал сумочку в конюшне, расположенной на земельном участке его родителей. Там производится обыск. В фильме об убийце-маньяке Людке сумочку находят в конюшне в ящике с сечкой. В действительности же уголовная полиция напрасно переворачивает вверх дном конюшню, дом и весь участок. Сумочки там нет. Когда затем комиссар Франц, усовещивая Людке, настоятельно призывает его сказать наконец, где же он оставил сумочку, Бруно начинает сердиться и бросает раздраженно: «Да не знаю я, куда она девалась!»

Среди массы материалов по делу эпизод с сумочкой просто теряется. Ни у кого не возникает мысли о том, что Бруно Людке потому ничего не может сказать о ее местонахождении, что об этом ничего не знает и комиссар Франц. Все подробности убийства изложены в деле, только о том, где оставил сумочку убийца фрау Реснер, не говорится ни в одном протоколе. Но если Бруно Людке действительно убийца, то должен знать и это, поскольку он якобы помнил куда более сложные детали преступления. В последующие месяцы Людке демонстрирует такие феноменальные способности своей памяти, что любой мастер мнемотехники позеленел бы от зависти.

Вот только куда девалась сумочка фрау Реснер — никак не может вспомнить. Это одна из важнейших косвенных улик, доказывающих, что Людке никоим образом не мог быть убийцей Реснер!

Однако такие выводы в апреле 1943 года еще никто не делает. В комиссии по расследованию убийств ни у кого нет времени для подобных критических умозаключений, поскольку Бруно Людке загружает ее сотрудников все новыми признаниями в убийствах. В течение нескольких дней он признается еще в семи убийствах, не называя, впрочем, подробностей. То, как он это делает, характеризует ценность этих признаний, и прежде всего методику, с помощью которой Бруно «подготавливается» к признаниям.

В сообщении о допросе 22 марта 1943 года говорится: «Людке напомнили о том, что он и раньше приставал к различным женщинам с безнравственными домогательствами. Его внимание было обращено на возможность того, что и в этих случаях, как и в деле Реснер, он применял силу, чтобы заставить женщин уступить его домогательствам. Людке ответил на это, что, возможно, он задушил еще нескольких женщин. Чтобы вспомнить подробности, ему необходимо, по его словам, поразмыслить в спокойной обстановке. Он пообещал сказать завтра больше».

Между этой записью в деле и следующим официальным протоколом допроса Людке о других убийствах снова проходит лишь одна ночь. Ночь, в течение которой Бруно приводят из его камеры в рабочий кабинет комиссара Франца и лишь после полуночи возвращают обратно. Никто не присутствует при этой беседе, никто не ведет протокол. Лишь записи в журнале караульной службы дежурного вахмистра в полицейской тюрьме дали возможность установить позже, что в ночь с 22 на 23 апреля 1943 года между 20 часами 30 минутами и 2 часами 10 минутами Бруно Людке был на допросе у комиссара уголовной полиции Франца.

На следующее утро Бруно Людке признается в убийстве еще двух женщин. Он не может сказать точно, где и когда, но готов показать на местах преступлений более подробно, как все произошло. На следующий день Франц вместе с сотрудниками своей комиссии везет Людке в эти места, расположенные вблизи Кенигс-Вустерхаузена и Вернсдорфа. Слово в слово, как в деле, основательно проштудированном тем временем комиссаром Францем,

Бруно рассказывает здесь, что 2 апреля 1941 года в лесу под Кенигс-Вустерхаузеном он задушил шнуром двадцатичетырехлетнюю Кэт Мундт, а затем мертвую изнасиловал. После этого он приводит комиссию в окрестности Вернсдорфа, чтобы признаться в том, что он здесь семь с половиной лет назад заколол ножом и изнасиловал шестидесятилетнюю торговку Берту Шульц. Он описывает убийство с таким количеством ужасных подробностей, показывает место преступления с таким знанием дела, что сотрудникам комиссии стоило бы, пожалуй, задуматься о том, как это возможно, чтобы слабоумный Бруно Людке, который еще вчера не был даже в состоянии назвать, где были совершены убийства, сегодня без запинки говорит о вещах, которые произошли более семи лет назад. Он так бегло отвечает на вопросы комиссара, что остальные криминалисты просто поражены феноменальной памятью умственно отсталого преступника. Они забывают даже о том, что в своем признании накануне Бруно употребил слово «задавил», то есть задушил обеих женщин, и ни слова не говорил о ноже.

В правдивости его признаний сотрудники уголовной полиции так убеждены потому, что — как отмечено и отмечается далее в делах — Людке привел комиссию точно к месту совершения преступления и его описание самого преступления полностью совпадает с данными, содержащимися в деле. Как и в случае с делом Реснер, опять никто не обращает внимания на то, что комиссар Франц уже несколько дней, а то и недель досконально знаком с этими делами, в которых содержатся карты местности и фотографии.

На обратном пути в Берлин Бруно Людке признается еще в одном «небольшом» двойном убийстве. Он утверждает, что 6 мая 1941 года заколол и ограбил супружескую чету Пауля и Гертруду Уманн, владельцев расположенной на станции Грюнау «Лесной харчевни». О том, что всего за два дня до того убил топором торговку табачными изделиями Минну Гутерман, признается несколько позже, а в тот момент не вспоминает, потому что дело Гутерман лежит в самом низу в стопке на письменном столе комиссара Франца. Тем не менее о деталях двойного убийства Людке рассказывает со всеми подробностями, — правда, после следующей ночной беседы с комиссаром Францем.

В фильме и повести «Ночью, когда пришел дьявол» дело Уманнов занимает значительное место. Согласно

фантазии автора, Бруно Людке убил эту супружескую пару сугубо по злобе, потому что хозяин якобы выкинул его из трактира во время одного из посещений «Лесной харчевни» из-за его непристойного поведения по отношению к дамам. После подробного показа хода убийства супругов-хозяев Бруно из чистой зловредности пальцем проталкивает внутрь пробки у стоящих на стойке еще не откупоренных бутылок с водкой с такой силой, что брызги взлетают высоко вверх. Не захватив сколько-нибудь существенной добычи, получивший удовлетворение от сатанинского погрома и надругательства над убитой женщиной, чудовище Людке покидает место ужасного преступления.

Этой сцене придается особое значение. С ее помощью пытаются убедить, что Бруно Людке действительно был исполнителем всех, как утверждается, восьмидесяти четырех убийств. Выдумывается даже единый метод умерщвления жертв — проламывание пальцем правой руки подъязычной кости. В этом нет ни слова правды! Ни у одной из жертв не была проломлена подъязычная кость. Так же, как не было в трактире и бутылок водки с проткнутыми внутрь пробками.

В деле Уманнов дословно говорится: «Злоумышленники забрали с собой два чемодана со спиртными напитками, консервами, сигаретами и сигарами, а также предметами одежды...»

Как и в случае с Реснер, Людке не может вспомнить, что сделал с украденными во время двойного убийства вещами, где оставил два чемодана со спиртным, табаком, консервами и одеждой. А не может потому, что и комиссар Франц ничего не знает о местонахождении чемоданов. Ведь об этом ничего не говорится в деле Уманнов! Зато там ясно и четко сказано: «Исполнение двойного убийства позволяет сделать однозначный вывод о том, что преступление было совершено не одним, а несколькими убийцами».

В «красном замке» на Александерплац это мало кого смущает. «Должно быть, коллеги тогда ошиблись!» Этими словами комиссар Франц стремится рассеять возникающие сомнения.

Бруно Людке продолжает признаваться в одном убийстве за другим. Признается он и в покушении на убийство тридцатичетырехлетней Терезы Поль 5 июня 1942 года вблизи железнодорожной станции Хоппегартен, которая, к счастью, осталась в живых. И ему верят.

Правда, во время очной ставки, последовавшей менее чем через девять месяцев после покушения, фрау Поль не узнает Бруно Людке. И это при его весьма запоминающейся внешности и после такой памятной для нее «встречи».

Несмотря на все это, комиссар Франц через несколько недель делает своему шефу, советнику уголовной полиции Тоготце, сенсационное сообщение о том, что Бруно Людке виновен в совершении убийств, не раскрытых не только за последние два года, но на его совести и все нераскрытые убийства за период с 1924 года на территории, находящейся под юрисдикцией отдела берлинской полиции по расследованию убийств.

В своих «огульных» признаниях Людке среди прочего говорит о том, что 3 мая 1926 года в Кенигсхейде задушил и изнасиловал шестнадцатилетнюю Элизабет Дойе, а затем в том же месте закопал ее труп. Однако, несмотря на самые тщательные поиски и раскопки, проведенные в Кенигсхейде, скелет убитой обнаружен не был. Да и вообще родители девушки не верили в то, что их дочь была убита.

В рапорте секретаря уголовной полиции Манке о допросе родителей Элизабет Дойе 7 апреля 1943 года однозначно констатируется: «Следует особо подчеркнуть: родители как в то время, так и сейчас считают, что в исчезновении Элизабет каким-то образом замешан работодатель девушки или его зять. Родители не исключают возможности, что их дочь стала жертвой торговцев живым товаром...» Но штурмбаннфюрера СС это ничуть не смущает. Так же, как и другие несуразности, мало сомнений вызывает у него обстоятельство, что в ходе расследования дела об убийстве проститутки Марии Йенч, в котором тоже сознался Любке, был обнаружен след женской туфли 37-го размера.

Тоготце не находит странным и то, что слабоумный Бруно Людке, судя по всему, изощреннейший убийца всех времен. За девятнадцать лет он в одном городе убил двадцать человек, не допустив при этом ни одной ошибки: нигде не оставил ни отпечатков пальцев, ни следов ног, поскольку ничего подобного не было обнаружено. Вероятно, он действовал как невидимка, потому что комиссар Франц, несмотря на все старания, не мог найти ни одного свидетеля, который бы видел Людке вблизи хотя бы одного из многочисленных мест преступлений.

Получалось, что двадцать лет подряд человек, кото-

рый едва мог писать свое имя и в сорок пять лет обладал интеллектом десятилетнего ребенка, водил за нос несколько сотен квалифицированных и знакомых со всеми тонкостями дела криминалистов!

Штурмбаннфюрер Тоготце принимает все это без малейшего сомнения, чтобы отрапортовать в Главное имперское управление безопасности, что преступник Бруно Людке, повинный в убийстве многих людей, схвачен и изобличен.

Но тут происходит нечто еще более невероятное!

До сих пор розыскной пыл комиссара уголовной полиции Хейнца Франца ограничивался столицей рейха, поскольку ему были доступны лишь дела об убийствах, совершенных в берлинском регионе. К тому же Бруно в доверительных разговорах с ним заверял, что никогда не бывал в других крупных городах Германии.

Несколько дней спустя в информационном бюллетене Имперского управления уголовной полиции от 15 апреля 1943 года появляется следующее сообщение:

«Убийство в лесу под Гентином, округ Йерихов II. Девятого апреля 1943 года в лесу, примерно в 1800 метрах западнее Гентина, на шоссе № 1 (Берлин — Магдебург), в юго-восточной части участка 69, найден труп неизвестной женщины. Труп был прикрыт мхом и сосновой хвоей и лежал лицом на влажной лесной почве. После удаления слоя мха установлено, что на шею погибшей был наложен ремень длиной 70 сантиметров, имевший три петли. Смерть наступила в результате удушения. На основании судебно-медицинского заключения следует предположить, что труп пролежал на месте обнаружения несколько недель...»

Далее следует подробное описание убитой и ее одежды, а также упоминание о том, что верхняя одежда, пальто, обувь и шляпа исчезли. Одновременно Главное имперское управление безопасности делает запрос... не мог ли Людке совершить и это убийство!

И здесь случается самое поразительное: Бруно Людке, который прежде настойчиво утверждал, что убивал только в Берлине (так как комиссар Франц еще не знал о нераскрытых убийствах женщин в других городах Германии), вдруг признается — и снова после ночной беседы с комиссаром — в убийстве под Гентином.

Протокол этого допроса от 21 апреля 1943 года начинается словами: «Приведенный на допрос Бруно Людке заявляет: «Хочу сознаться в убийстве одной женщины

вблизи Гентина. Точно указать, когда это произошло, я не могу, но это было не так давно...»

Как и в первых общих признаниях, Людке и в этом случае называет лишь немногие подробности, причем именно те, которые упомянуты в сообщении информационного бюллетеня уголовной полиции.

В протоколе добросовестно записывается, что дело происходило недалеко от автострады Берлин — Магдебург, что Бруно задушил женщину ремнем, имевшим три петли, и прикрыл труп мхом и сосновой хвоей.

Во время последующих допросов он рассказывает, что приехал из Берлина в Гентин на попутной машине. Примерно то же Людке будет неоднократно повторять и недели спустя, когда начнет признаваться в серии убийств, совершенных по всей Германии. Однако комиссар Франц ни разу не предпримет попытки найти хотя бы одного из водителей попутных машин, чтобы допросить как свидетеля.

Впрочем, один из членов комиссии по расследованию убийств спрашивает Людке о том, куда тот подевал одежду своей жертвы. Неуверенно и после неоднократных подбадриваний Бруно говорит, что спрятал ее где-то в лесу.

В это время комиссар Франц отчаянно, но безрезультатно пытается добиться того, чтобы документы дела были высланы в Берлин.

Магдебургская комиссия по расследованию убийств, которая по ходу следствия подозревает совершенно других людей, не выдает этой документации. Таким образом, показания Людке неизбежно ограничиваются данными бюллетеня германской уголовной полиции. Одна из записей в протоколе допроса дает это почувствовать более чем отчетливо. Там говорится: «Допрос прерван, поскольку еще не известно содержание дела. Людке поручено еще подумать...»

На месте происшествия, в Гентине, сообщение из Берлина о том, что убийцей якобы является Людке, вызывает безмерное удивление. Здешняя полиция уже давно взяла под стражу подозреваемого в этом убийстве человека и, собственно говоря, реконструировала картину преступления.

Убитая — некая фрау Хозанг из Браунлаге — посещала в Гентине замужнюю дочь и после этого не вернулась домой. Именно дочь подозревается в том, что она вместе со своим мужем убила опостылевшую мать. И на

то есть основания. Исчезнувшую одежду убитой обнаружили в квартире супругов. После упорного запирательства они наконец признались в плохих отношениях с матерью и в ссоре с ней во время ее пребывания в Гентине. Зять был уличен в том, что принес одежду из леса и появлялся у спрятанного подо мхом и сосновой хвоей трупа. Отягчающим обстоятельством для этой пары являлось также и сокрытие от полиции факта исчезновения женщины. Тем не менее зять поехал в Браунлаге и под предлогом, что теща остается в Гентине, забрал из квартиры все ценные вещи убитой.

И вот, когда следственная группа в Гентине уже уверена в том, что через несколько дней получит признания зятя и дочери фрау Хозанг, из Берлина поступает сообщение, что убийство совершил Людке. В Гентине возмущаются, протестуют, но безрезультатно, потому что тем временем дело Людке через обер-регирунгсрата Лоббеса — одного из высших чиновников в Имперском управлении уголовной полиции — попадает на стол Гиммлера и тем самым приобретает важное государственно-политическое значение.

В этом пятом военном году на первом месте в плане деятельности Главного имперского управления безопасности стоит так называемая программа эвтаназии. В концентрационных лагерях и тюрьмах «ликвидационные» команды уничтожили более шести миллионов человек. Оставшиеся в живых запряжены в военную промышленность и ввиду угрожающего положения на фронте не могут более подвергаться репрессиям. Однако в больницах, лечебницах и богадельнях содержатся еще сотни тысяч слабоумных, калек, эпилептиков, нервнобольных. Эти заслуживающие жалости люди должны быть по приказу Гиммлера умерщвлены, поскольку, с одной стороны, они не могут работать, а с другой — требуют ухода и затрат на свое содержание. Они представляются помешанным на войне до победного конца нацистским преступникам недостойными того, чтобы жить. Однако в больницах нельзя установить газовые камеры и печи для сжигания убитых, нельзя обнести их забором из колючей проволоки, за которыми фашисты могли бы скрытно осуществлять свои замыслы. Больных посещали и посещают родственники, любое массовое их вымирание может вызвать беспокойство среди населения. В правительственных кругах уже давно ищут возможность и повод, чтобы легализовать и оправдать в правовом и моральном

отношении убийство таких больных.

Обер-регирунгсрат Лоббес предчувствует, что в деле Людке может быть найден давно разыскиваемый повод. Душевнобольной преступник, на счету которого десятки убийств и который публично предстанет перед судом на показательном процессе как чудовище в человеческом обличье, должен будет доказать всем соотечественникам, насколько необходимо для защиты народа и рейха даровать таким недостойным жизни существам легкую, безболезненную смерть. Тогда появится предлог для введения закона, которым оправдывалось бы массовое умерщвление неизлечимо больных. Лоббес представляет свой план на рассмотрение Гиммлеру, и верховный шеф СС в восторге от идеи. Подготовка процесса против Людке становится первоочередной задачей.

Сразу все еще не раскрытые убийства в Германии были выведены из компетенции местных управлений уголовной полиции и их дальнейшее расследование поручено специальной комиссии, руководителем которой назначили, разумеется, комиссара Франца. Спецполномочия, спецмашины, спецбензин — все было предоставлено Гиммлером для специальной комиссии!

Затем начинается такая кампания по «расследованию», равную которой трудно найти в истории мировой криминалистики.

Буквально грузовиками возят в Берлин пакеты с делами по еще не раскрытым убийствам. Франц со своим «штабом» выбирает из них сотню и распоряжается сделать выписки с наиболее важными деталями. Затем он отправляется с Бруно Людке в своеобразное турне — расследовать убийства в различных городах. Как ярмарочного уродца, возят мнимого убийцу по всей Германии и всюду, где имеется еще не раскрытое преступление, выставляют его напоказ.

Бруно Людке, который еще 8 мая говорил: «Я отрицаю, что был в таких городах, как Гамбург, Бремен, Лейпциг, Штеттин или Галле. Некоторые знаю только по рассказам. Я продолжаю утверждать, что не бывал ни в одном из них...» — в последующие недели и месяцы рассказывает во всех этих городах, как он совершал здесь убийства женщин.

Но для того чтобы демонстрировать этот цирк, необходимо было постоянно поддерживать инфантильного Людке в хорошем настроении. Члены специальной комиссии ведут себя с ним, как со старым другом. Они

обращаются к нему на «ты», ходят с ним в баню, бреют его, рассказывают ему последние анекдоты. Каждый день они заверяют его, что на Рождество он снова будет дома. Они даже спят в его камере, когда ему становится там слишком скучно. Сначала в комиссию входят еще несколько сотрудников Имперского управления уголовной полиции. Однако они никак не могут привыкнуть к столь странному обращению с преступником, совершившим такое количество зверских убийств. Когда они присутствуют на допросах, Бруно невозможно заставить говорить и он с криком пытается куда-нибудь спрятаться. Комиссар Франц предлагает исключить их из состава комиссии и тут же получает разрешение продолжить расследование только со своими старыми сотрудниками. Караульному персоналу тюрем, в которых Бруно содержится во время этого турне, строго запрещается давать ему понять, что за признания в убийствах он может получить наказание. Бруно Людке ставят даже на спецдовольствие, и, наверное, самый любопытный документ в деле — заявление специальной комиссии в Главное продовольственное управление Берлина «относительно льготной выдачи карточки на табачные изделия для Людке Бруно». В нем говорится дословно: «Чтобы поддерживать его (Людке) в хорошем настроении и соответственно в состоянии, благоприятном для допросов, он должен снабжаться со стороны сотрудников комиссии в достаточном количестве продуктами питания и табаком».

За оказанное радушие Бруно Людке выказывает свою признательность и... признается еще в тридцати четырех убийствах — слово в слово так, как они описаны в делах, которые уже изучил комиссар Франц. Маршрут поездки специальной комиссии охватывает почти всю Германию: Тюрингия, Бранденбург, Померания, Бавария, Северная Германия, Шлезвиг-Гольштейн. И всюду есть города, где Бруно якобы убивал женщин: в Эрфурте и Гамбурге, в Лейпциге и Любеке, в Готе, Штеттине, Мюнхене, Галле, Биттерфельде и Дессау, а также еще в дюжине мелких населенных пунктов.

Каждую неделю комиссар уголовной полиции Франц посылает рапорты о благоприятном ходе расследования дел об убийствах в Главное имперское управление безопасности, где дальнейшую работу над делом Людке ведет обергруппенфюрер СС Небе. Когда сегодня читаешь эти сообщения, можно лишь развести в недоумении руками,

насколько примитивно, порой даже топорно был налажен этот конвейер признаний.

Сначала Людке признается без деталей, что в том или ином месте совершил убийство. Этот первый протокол регулярно заканчивается словами Людке: «Я сегодня ночью над этим еще разок подумаю, завтра скажу больше».

Во втором протоколе он называет уже детали, которые, однако, еще очень неточны и все время исправляются Францем. А в третьем или четвертом протоколе Бруно преподносит уже мельчайшие подробности!

Если в первом протоколе он, как правило, не знает даже, каким способом убил ту или иную жертву, то в последнем, проявляя феноменальные способности, вспоминает, как, например, была меблирована комната, в которой пятнадцать лет назад якобы убил женщину. Каждый цветочный горшок, каждая ваза, каждый предмет в комнате, где и как они стояли или лежали — все вдруг оживает в его памяти с поразительной точностью. В конце такого протокола стоит стереотипная фраза: «Раскрытие преступления осуществлено в результате признания Л. и выезда следственной группы на место совершения преступления, во время которого показания Л. полностью подтверждались записями в деле».

Ни разу во многих сотнях протоколов не отмечено, чтобы какой-нибудь из обнаруженных на месте преступления отпечатков пальцев принадлежал Людке. Не назван ни один свидетель, который бы видел Бруно Людке там, где было совершено убийство. Вместо этого имеются десятки показаний людей, которые однозначно заявляют, что Бруно — не тот человек, который был замечен ими поблизости места преступления. Во многих случаях Бруно Людке, если бы он действительно убивал, должен был сильно испачкать свою одежду кровью, причем последний раз всего за пару месяцев до ареста. Все его четыре пары брюк исследуются в институте судебной экспертизы. В имеющемся в деле заключении по этому поводу говорится: «При этом пятна на брюках Л. не проявили никаких реакций, в результате чего исключается наличие следов крови...»

К тому же следует отметить, что Бруно Людке во время своих бесчисленных допросов ни разу связно не рассказал, как он совершил то или иное убийство. Все беседы с ним — это запутанная игра в вопросы и ответы, в конце которой неожиданно всплывают нужные конк-

ретные данные. Создается впечатление, что их вдалбливали в Бруно с большим трудом.

Если это сопоставить с тем, что Людке вроде бы являлся единственным убийцей в истории криминалистики, который в течение двадцати лет не реже чем раз в полгода совершал убийство, не попавшись при этом, если вспомнить о том, как безукоризненно совершал он свои преступления, настолько безукоризненно, что полиция даже после его собственных признаний не могла доказать его причастность посредством так называемых объективных улик, то непонятно: из беспредельной ли наивности или из беспардонной наглости комиссар Франц ожидал, что Главное имперское управление безопасности проглотит такую «развесистую клюкву», как Бруно Людке в качестве суперубийцы всех времен, чтобы устроить над ним показательный процесс.

Если бы Франц был хотя бы заурядным специалистом, он должен был бы сказать себе, что его призрачная надежда стать в результате раскрытия рекордного количества убийств величайшим криминалистом своей эпохи лопнет однажды как мыльный пузырь, какие бы грандиозные планы ни строили на самом верху относительно его версии «слабоумного убийцы-насильника».

В Гамбурге, на последнем большом спектакле специальной комиссии, Франца ожидает свой «Ватерлоо». Предоставим слово советнику Фаульхаберу, тогдашнему начальнику гамбургской уголовной полиции, направившему конфиденциальный рапорт в Имперское управление уголовной полиции в Берлине. В нем говорится:

«Специальная комиссия берлинского управления уголовной полиции по расследованию преступлений убийцы-маньяка Людке... с 27 сентября по 4 октября 1943 года была в Гамбурге с целью выяснения, в каких местных делах об убийствах Людке может фигурировать как преступник... 45-летний Бруно Людке из Кепеника (Берлин), который прибыл вместе с комиссией, судя по всему, является не вполне вменяемым человеком. Здесь, в Гамбурге, Людке признался еще в трех убийствах. Речь идет о следующих делах:

1) в убийстве 27 июля 1940 года на сексуальной почве 36-летней Генриетты Куйер, жены солдата...

2) в убийстве 23 марта 1939 года 42-летней проститутки Августы Мар...

3) в убийстве 27 мая 1929 года 77-летней Матильды Шлерке, жены парикмахера; в свое время под подозрени-

ем находился супруг убитой, который был на двадцать лет моложе ее...

Людке был склонен также признаться в убийстве на почве сексуального извращения 19-летней Луизы Дром 30 июля 1933 года и 58-летней фрау Ханк 13 октября 1941 года, когда его привели на места совершения этих преступлений, если бы ему в этих случаях не были поставлены местными сотрудниками уголовной полиции вопросы по объективному составу преступления, на которые он не мог ответить. Сделанные Людке в Гамбурге признания вызывают у меня серьезные сомнения относительно их правильности. По-видимому, у Людке в результате продолжающихся уже более шести месяцев почти ежедневно допросов выработался своеобразный комплекс «готовности сознаваться», который, как свидетельствует опыт, приводит к тому, что в высшей степени психически неустойчивый Людке начинает делать так называемые «добровольные» признания. Возможность для этого у него имеется, так как он постепенно усвоил систему постановки вопросов сотрудниками специальной комиссии и узнает отсюда столько, что после одного-двух дней бесед и допросов может сделать на месте преступления на первый взгляд вполне правдоподобное признание. У Людке, вследствие его почти граничащего с идиотизмом уровня умственного развития, готовность делать признания заходит так далеко, что он натуральным образом начинает плакать и обращаться за помощью к членам спецкомиссии, если не может сориентироваться на месте преступления и не в состоянии дать удовлетворительные ответы, чтобы взять на себя еще одно убийство.

Кроме этих общих сомнений, то, что Людке не является убийцей в деле Генриетты Куйер, доказывает еще такой факт: настоящего преступника в свое время видели несколько вполне надежных свидетелей. Они полностью исключают возможность того, что им мог быть Людке.

Поскольку в этой связи возникли сомнения в том, что Людке вообще когда-либо бывал в Гамбурге, я использовал без ведома специальной комиссии представившуюся мне возможность доверительно побеседовать с Людке, не выдавая, с кем он имеет дело. Принимая меня за сокамерника, он снова и снова заверял, что никогда не бывал в Гамбурге. На мои дальнейшие расспросы Людке отвечал, что признался в гамбургских убийствах потому, что с ним очень хорошо обращались и обнадеживали тем, что вследствие добровольных признаний он до Рождества

окажется на свободе. Впрочем, во время этого разговора Людке утверждал также, что вообще не совершил еще ни одного убийства, о чем мне трудно судить в силу недостатка информации. Мне представляется целесообразным проведение проверки дела Людке вышестоящими и по возможности независимыми от специальной комиссии инстанциями».

Таким был официальный рапорт советника Фаульхабера в Имперское управление уголовной полиции. Более четко высказывает он свое мнение в частном письме к берлинскому коллеге. В нем говорится:

«Дорогой друг! После того как ваша специальная комиссия записала на счет «убийцы-маньяка Бруно Людке» еще три убийства — с чем я выразил свое несогласие,— я хотел бы тебя, как старого друга и ответственного руководителя отдела, заранее поставить в известность о том, что я в этот «театр» (извини за выражение) не верю.

Дорогой Вильгельм! Неужели ты всерьез веришь в то, что Людке совершил те убийства, в которых признался, с их абсолютно разными почерками и мотивами?

Я тоже был бы очень рад «спихнуть» несколько нераскрытых убийств. Но когда познакомился со способом определения виновности в совершении преступления, мне стало все ясно...»

Эти сообщения советника Фаульхабера из Гамбурга знаменуют собой конец версии душевнобольного «убийцы» Бруно Людке. Впрочем, в Берлине советник Тоготце пытается еще раз вступиться за репутацию посланной им в турне специальной комиссии. Ему удается даже добиться того, что советнику гамбургской уголовной полиции запрещают впредь делать самовольные рапорты. Но тем не менее в Главном имперском управлении безопасности настораживаются и поручают проверить достоверность признаний Бруно Людке высококвалифицированным и главное — независимым от ведомства врачам, криминалистам и сотрудникам прокуратуры.

Правда, в документальной повести, напечатанной в журнале «Мюнхнер Иллюстрирте», роль советника гамбургской уголовной полиции Фаульхабера представлена в совершенно искаженном виде. В то время как в действительности Фаульхабер, что однозначно указано в деле, замаскированный под арестанта, был подсажен на ночь в камеру Людке в гамбургской следственной тюрьме, чтобы подробно расспросить мнимого убийцу-маньяка, по «версии» журнала, он едет в Берлин, где проводит ночь с Бруно в Моабитской тюрьме. Однако здесь Фаульхабер, оказывается, узнает не о том, что Бруно еще ни разу не бывал в Гамбурге и не совершил ни одного убийства, о чем советник официально сообщает в Имперское управление полиции, а получает от Людке убедительные подтверждения того, что тот совершил все эти убийства.

Бейгер, он же Фаульхабер, спрашивает Бруно Людке:

— Так что же ты сделал?

Бруно ухмыляется:

— Боже ты мой, да шлепнул несколько баб...

Через несколько абзацев Фаульхабер спрашивает его более настойчиво:

— Скажи, ты и в самом деле совершил все те убийства, в которых признался?

Бруно скалит зубы:

— Так это еще не все, ты что думаешь... Я уложил не меньше восьмидесяти или девяноста... Такое не каждый может. Ты только посмотри, какие у меня мускулы.

— Да не выдумывай, приятель. Ты их вовсе не убивал. И признавался ты только потому, что тебе давали за это сигареты...

Бейгер снова и снова спрашивает Бруно, убивал ли тот. И каждый раз слышит один и тот же ответ: «Да...»

Вся эта сцена в повести выдумана от начала до конца!

В конце 1943 года специальная комиссия по делу Людке распускается по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера, у всех ее сотрудников берется подписка о неразглашении сведений, связанных с Людке. Франц как руководитель комиссии получает последнее задание — подготовить отчетный доклад. Он и здесь отстаивает тезис о том, что Бруно Людке виновен в совершении пятидесяти четырех убийств и в покушении на три убийства. Несколько месяцев спустя по указанию свыше комиссар уголовной полиции Франц лишается брони. Он становится солдатом и погибает за несколько дней до конца войны в боях за Берлин.

После роспуска специальной комиссии Бруно Людке переводят 11 декабря 1943 года в тюрьму при Центральном криминалистическом институте охранной полиции в Вене для проведения психиатрической экспертизы. Со всей криминалистической основательностью здесь прове-

ряют, мог ли он совершить убийства, в которых сознался. Кроме того, проводят обычные медицинские исследования: пункцию головного и спинного мозга, общий анализ крови, анализ крови на содержание алкоголя.

Между тем Бруно Людке начинает понимать, что не попадет к Рождеству домой, как постоянно заверял его комиссар Франц, если будет сознаваться в новых убийствах. Он отказывается давать показания и все чаще сопротивляется ежедневным экспериментам, применяя силу. Каждый день Бруно требует, чтобы его друг Хейнц (Франц) забрал его в Берлин. Для последнего эксперимента в Вену специально командируют двух бывших членов специальной комиссии.

В конце марта 1944 года Бруно Людке предстает перед комиссией, состоящей из сотрудников прокуратуры, РСХА, министерства юстиции и врачей. Директор Венского института, профессор Шнейдер, говорит Людке доброжелательным тоном: «Ну, Бруно, расскажи господам, что ты там такое делал с женщинами».

Однако никакая доброжелательность, к которой приходится прибегать еще раз, не в состоянии ободрить запуганного, возможно, боящегося смерти слабоумного человека, робеющего перед таким количеством незнакомых лиц.

Бруно Людке уже давно забыл то, что в толстых папках запротоколированы его собственные показания. Его память сохраняла сложные детали отдельных убийств, которые Франц вдалбливал ему каждый раз, только в течение одного допроса, и даже тогда приходилось все время исправлять допущенные им ошибки. Здесь, в Вене, Людке воспроизводит лишь путаные, бессвязные фразы, относящиеся больше к выездам на места преступлений со специальной комиссией, а не к самим, якобы им совершенным убийствам.

Опытные работники прокуратуры, суда и следственных органов быстро понимают, какую злую шутку сыграли с этим человеком, и им сразу становится ясно, что открытый судебный процесс над Людке может кончиться только грандиозным скандалом. Бруно Людке, вероятно, замечает, что в нем разочарованы, так как он не предоставил господам того, чего от него ожидали. Он впадает в ярость, начинает размахивать связанными руками и кричать: «Да все это вы и так знаете, я все рассказал Хейнцу, и он это записал. А теперь я хочу отсюда выбраться, хочу домой, и если вы меня не выпустите, я вообще ни слова больше не скажу!»

Когда он распаляется и начинает звать во весь голос комиссара Франца, два дюжих вахмистра хватают его и кладут на кожаную лежанку. Один из присутствующих врачей делает ему укол.

В этот раз шприц наполнен успокаивающим средством, однако через несколько дней, 8 апреля 1944 года, в нем будет десять кубических сантиметров раствора цианистого калия, которые и введут Бруно под каким-то предлогом.

Последний лживый протокол комиссара Франца датирован 14 апреля 1944 года. Он гласит: «По сообщению советника уголовной полиции Краузе, Людке умер 8 апреля 1944 года в 15 часов в тюрьме управления уголовной полиции после непродолжительной болезни. Имперское управление уголовной полиции ходатайствует о прекращении дела Людке».

Родственникам Бруно отказывают в выдаче тела для захоронения. Под квитанцию им выдают свидетельство о смерти в закрытом конверте, двадцать шесть рейхсмарок и пятьдесят два пфеннига наличными из тюремной кассы и некоторые предметы одежды. Дело Людке приобретает статус «секретного дела имперского значения» и исчезает в стальных шкафах министерства юстиции, пока двенадцать лет спустя не попадает темными путями в руки беззастенчивого, жаждущего наживы западногерманского журналиста Шницлера. Совершенно не считаясь с действительными фактами и извратив их до неузнаваемости, он написал повесть «Ночью, когда пришел дьявол» — страшную, вызывающую отвращение сказку о величайшем убийце-маньяке всех времен! А поскольку люди готовы платить за то, чтобы их пугали жуткими историями, он вместе с кинематографистами живо состряпал сценарий.

То, что миллионы людей немного позже увидели на экранах кинотеатров, не имеет ничего общего с «секретным делом Бруно Людке», которое, впрочем, используется в качестве вывески, чтобы придать этому поистине дьявольскому надувательству видимость документальности. Дельцы от искусства используют имя Бруно Людке и его не лишенную трагизма фигуру для создания образа убийцы-маньяка, оскорбляя чувства и нанося ущерб репутации его еще живущих в Кепенике сестер. Поэтому можно понять, почему сестры Бруно, узнав о постановке фильма, обращаются в гамбургский окружной суд с тре-

бованием запретить демонстрацию ленты. Свои услуги в качестве свидетеля им предлагает находящийся на пенсии и живущий в Гамбурге бывший советник уголовной полиции Фаульхабер.

12 февраля 1958 года, через неделю после премьерного показа фильма, открывается заседание палаты гамбургского ландгерихта по гражданским делам. Зал наполнен представителями прессы со всего мира. Ожидают, что теперь наконец будет разоблачен величайший обман в истории криминалистики. Адвокат доктор Рейзе, выступая в качестве защитника прав подавших иск сестер Бруно Людке, обосновывает требование о запрете демонстрации фильма: «Фильм представлен, как снятый на основе документов. Однако убийства, с которого начинается фильм и о котором утверждается, что его совершил Людке, в действительности не было! Бруно Людке назван в фильме — по имени и фамилии — убийцей-маньяком, но против Людке никогда не выдвигалось обвинение. Не было, естественно, и приговора. Людке был душевнобольным человеком, признания которого фальсифицированы. Он отказался от них как в разговоре со свидетелем Фаульхабером, так и во время пребывания в венской клинике. Врачи, которые обследовали его в Вене, также признали его невиновным. Обе его сестры, которые еще и сегодня живут в районе Берлина Кепеник, тяжело страдают под грузом клеветы, порочащей имя их покойного брата. Жизнь этих женщин стала невыносимой с тех пор, как фильм демонстрируется и в Западном Берлине. Дело не терпит отлагательств. Необходимо воспрепятствовать распространению таких лживых утверждений!»

В ответной речи защитник со стороны ответчика — общества по производству фильмов «Глория» — адвокат доктор Метцлер вынужден признать: «Гамбургское убийство, изображенное в фильме, является творческой вольностью авторов...»

Но затем он ходит с козыря. Метцлер якобы может доказать, что Бруно Людке был убийцей-маньяком! В качестве главного свидетеля, способного это подтвердить, он называет вдохновителя и покровителя всей аферы — бывшего штурмбаннфюрера СС Тоготце, который после 1945 года снова занял руководящий пост, уже в западноберлинской уголовной полиции, а в октябре 1959 года ушел в отставку с пенсией в размере 1400 марок в месяц. Публика в зале суда с нетерпением ожидает свидетельской дуэли Фаульхабер — Тоготце. Однако по воле судейского состава палаты это не происходит. Судьи и так знают, что придется запретить фильм, если они проведут судебное следствие, потому что уже прочитали документы дела. Но тем не менее не осмеливаются оспаривать у западногерманской фирмы право на получение ожидаемых миллионных прибылей и решить дело в пользу двух женщин, которые живут в Восточном секторе Берлина и которым дорога память о их покойном брате. Судьи пробуют выпутаться из этой неприглядной истории с помощью юридической уловки. Их решение гласит: «Требование истиц о запрещении дальнейшего проката фильма отклоняется. Обе заявительницы не могут апеллировать к статьям закона, предусматривающим ответственность за оскорбление памяти умерших. Покойный сам признался в совершении убийств и в результате этого очутился в поле зрения общественности. Тем самым ему суждено было стать действующим лицом истории, споры о судьбе которого ведутся до сих пор».

В тот же день в киноанонсах гамбургской вечерней прессы объявлялось: «Мы продолжаем показ! Вторую неделю! «Ночью, когда пришел дьявол» — секретное дело имперского значения. Триллер суперкласса!» Изготовители этой чертовщины, воистину дьявольской сделки с совестью в описании преступлений нацистов, в ближайшие месяцы положат себе в карман два миллиона марок, вырученных за прокат фильма. А режиссер картины в том же году получит на кинофестивале в Западном Берлине приз Федерального союза кинематографистов!

БРИЛЛИАНТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ГЕРМИНЫ

Берлин, апрель 1947 года. Сейчас потребуется немало фантазии, чтобы воссоздать в памяти картину этого города в те суровые дни.

Руины, кучи мусора, истощенные фигуры с ручными тележками и тачками, бесконечные очереди, группы женщин, работающих на расчистке улиц, черный рынок. Это первое, что встает перед глазами, когда вспоминаешь Берлин 1947 года. Там, где сейчас на старинной Франкфуртской аллее высятся современные дома, с обеих сторон лежали груды руин. Александерплац, одна из оживленнейших площадей нынешнего Берлина, представляла собой безотрадную картину — пустырь, окруженный выгоревшими фасадами домов; Красная ратуша упиралась в небо причудливо изломанным остовом, искореженным снарядами, а Бранденбургские ворота стояли памятником безнадежности.

Между всеми этими грудами мусора и остатками стен, на каждом свободном пятачке процветала тайная торговля всякой всячиной. На Александерплац, Потсдамской площади, у Бранденбургских ворот — всюду черный рынок. Пачка американских сигарет стоила 120 марок, буханка хлеба — 80 марок, бутылка водки из патоки — 300 марок, фунт сливочного масла — 400 марок, плитка шоколада — 120 марок. За пару ботинок просили от одной до двух тысяч марок, за мужской костюм — до пяти тысяч марок, грамм золота стоил тысячу марок, а что касается бриллиантов, то, в зависимости от их величины и качества, за карат предлагали до пятидесяти тысяч марок.

Все, что было дорого и в дефиците, продавалось и покупалось. Спички, шоколадный сироп и даже бриллианты императорского дома Гогенцоллернов.

Это произошло 14 апреля 1947 года. Вечером у руин Потсдамского вокзала мужчина лет сорока в костюме,

хоть и поношенном, но сшитом у хорошего портного, пробирался между группами уличных торговцев и искал взглядом людей в американской военной форме. Наконец он обнаружил в толпе офицера в оливково-зеленом мундире с блестящими пуговицами и золотистыми буквами «Вооруженные силы США» и приблизился к нему. Приложив ко рту ладонь, мужчина в штатском прошептал на английском языке почти без акцента:

— Не хотите ли приобрести бриллиантовое колье? Камни высшей чистоты, каждый не меньше двух карат. Колье было собственностью последней германской императрицы. Разумеется, вы можете расплатиться и сигаретами.

Однако он не успел залезть в карман, чтобы вынуть и показать завернутое в тряпку бриллиантовое колье. Откуда-то раздались пронзительные трели полицейских свистков, и, словно племя всполошенных мексиканских индейцев в прериях, толпа покупателей и продавцов галопом бросилась врассыпную.

Такие облавы почти через каждые два часа устраивались здесь, в так называемом «пупе мира», где сходились границы трех из четырех секторов, на которые был разделен Берлин, попеременно представителями каждой из военных полиций оккупационных войск одного из секторов совместно с немецкой полицией.

На этот раз была очередь американской военной полиции. Дюжина «джипов» окружила привокзальную площадь. Здоровенные парни в форме цвета хаки со стальными шлемами на головах и голубыми повязками на рукавах, на которых белели видные издалека буквы МР, выпрыгнули из «джипов» и кинулись, энергично размахивая руками, в толпу. Они хватали первого попавшегося посетителя черного рынка за шиворот, трясли и грозились забрать с собой, но затем, как правило, отпускали.

Это была испытанная тактика МР. Запуганные торговцы черного рынка в таких случаях просто бросали свой товар и клялись всеми святыми, что они оказались здесь совершенно случайно и с самыми невинными намерениями. Соответственно, полицейский не видел тогда более повода для задержания человека и отпускал его, сам же быстро наклонялся и подбирал выброшенный торговцем предмет. Таким образом, каждый оставался при своих интересах. Большого ущерба они никому не причиняли, поскольку торговцы не держали больших

партий товара при себе. С основными запасами предназначенного для продажи их ожидали за пределами досягаемости облавы жена, дочь или компаньон.

О подобных порядках человек с бриллиантовым колье в кармане совершенно не подозревал. Он не собирался бросать его и убегать. С наивной простотой непосвященного он заверил полицейского, который его задержал:

— Бриллианты являются моей законной собственностью, и я только хотел продать их кому-нибудь из господ офицеров американского оккупационного корпуса. Думаю, вы ничего не будете иметь против?

Тем не менее полицейский имел кое-что против, прежде всего потому, что продававший бриллианты не проявил никакой готовности уронить хотя бы парочку камней из своего колье. Поэтому он, соединив наручниками себя и незадачливого торговца, повел его к «джипу». Полчаса спустя человек с бриллиантами сидел в доме на Потсдамской улице, 11, в пригороде Берлина Лихтерфельде, где размещалась тогда штаб-квартира американской секретной службы Си-ай-ди.

Здесь его сначала допросили несколько мелких чиновников и записали его анкетные данные. Простодушно улыбаясь, торговец бриллиантами сообщил для протокола:

— Мое имя — принц Фердинанд Шенайх-Каролат, я являюсь пасынком последнего германского императора Вильгельма Второго.— Казалось, он был очень горд этим.

На американцев же услышанное произвело мало впечатления. Они не знали, что им делать с громоздким именем принца, и стали спорить насчет того, как им записать в протокол: «Фердинанд Шенайх», «Фердинанд Каролат» или «Фердинанд Шенайх-Каролат». Между тем принц упорно настаивал на том, чтобы его зарегистрировали в американской секретной службе полным именем с титулом, и пытался объяснить писарям-службистам, что титул, в соответствии с немецким геральдическим календарем, является неотъемлемой частью имени сына кайзера. Чиновники так ничего и не поняли, несмотря на повторные объяснения, и наконец передали его дело на рассмотрение шефу берлинского бюро Си-ай-ди.

Рэй Карлуччи, сорокалетний американец итальянского происхождения, выглядевший в своем оливково-зеле-

ном офицерском кителе как голливудский киноактер Фрэнк Синатра, был, по крайней мере, осведомлен о существовании бывшего германского кайзера. Он велел привести к себе в кабинет задержанного отпрыска императорской фамилии и внимательно выслушал историю неудавшейся продажи бриллиантового колье. После этого по-отечески снисходительно покачал головой и сказал:

— Ну хорошо, мистер Каролат, вполне вероятно, что колье принадлежит вам на законном основании — это мы проверим, однако продавать такие ценности на черном рынке неразумно хотя бы из соображений вашей же безопасности. Представьте себе, что могло быть, привлеки вы внимание каких-нибудь преступных элементов.

По-видимому, Фердинанду понравилось, как смотрел на вещи Карлуччи, поскольку он до такой степени проникся доверием к американцу, что даже поинтересовался у него возможностью продажи колье заинтересованным офицерам. При этом дал понять, что это изделие — лишь незначительная часть всех драгоценностей, которыми располагала его мать, вдовствующая императрица Гермина.

Шеф Си-ай-ди долго молчал, прежде чем ответить, а когда заговорил, вопрос, поставленный Фердинандом, так и остался без ответа.

— Скажите, мистер Каролат, каковы, собственно говоря, ваши родственные связи с Вильгельмом Вторым? Прежде вы сказали, что являетесь его пасынком. Но ведь вы даже не носите фамильного имени Гогенцоллернов, не так ли?

Фердинанд размышлял недолго.

— Моя мать в первом браке была замужем за Йоганом Георгом, принцем Шенайх-Каролатом. Это — мой отец. В 1922 году, после смерти отца, мать вышла замуж за его Императорское величество Вильгельма Второго, в результате чего я стал его пасынком.

На губах у Карлуччи появилась ироническая усмешка.

— Вы говорите, в 1922 году? Но ведь в это время Вильгельм был уже в Голландии, в Доорне. К тому моменту он не был уже германским кайзером!

— Это верно,— согласился Фердинанд.

— Почему же вы тогда говорите «его Императорское величество»?

Фердинанд, покусывая губы, уставился на толстый ковер под ногами.

— Дело в том, что в наших кругах принято обращаться к кайзеру «Императорское величество» и после его отречения от престола. Это делал даже Герман Геринг, когда посещал Вильгельма Второго в Доорне.

Карлуччи с недоверием посмотрел на Фердинанда:

— Геринг? Нацистский руководитель Геринг? Он был в Доорне у вашего кайзера? Но что хотели нацисты от старого Вильгельма?

— Герман Геринг приезжал в апреле 1933 года после памятного государственного акта в Потсдаме, когда дряхлый фельдмаршал фон Гинденбург, я бы сказал, торжественно благословил национал-социалистский рейх,— с гордостью ответил Фердинанд.

Воспоминания об этих «великих днях прусской истории» наполнили его меланхолией. Однако на Карлуччи его слова произвели мало впечатления.

— Не понимаю,— сказал он и пожал плечами,— что вдруг понадобилось нацистам от Гогенцоллернов?

— Четвертый сын его величества, принц Август Вильгельм, с 1932 года был в СА и являлся, таким образом, ветераном движения. Уже одно это было достаточной причиной для установления отношений между новым рейхом и старым императорским домом. Однако, возможно, предполагалось также, что позже, после смерти господина фельдмаршала фон Гинденбурга, кресло рейхс-президента будет предоставлено одному из Гогенцоллернов.

Карлуччи все это показалось слишком сложным. Кроме того, его больше интересовали бриллианты Фердинанда, чем политические комбинации и исторические воспоминания об отношениях нацистов к Гогенцоллернам.

— Ну ладно, оставим это,— прервал он довольно невежливо реферат Фердинанда.— Расскажите мне лучше, как ваша мать стала обладательницей бриллиантов Вильгельма. И где она находится в настоящее время?

Раздосадованный столь грубым вмешательством в излюбленную тему, Фердинанд ответил:

— Драгоценности принадлежат ей. Его Императорское величество подарили их матери. Кроме того, в качестве здравствующей поныне супруги она и без того является распорядительницей фамильного достояния.

— А где теперь ваша мать? — снова прервал Карлуччи экскурс Фердинанда в семейную историю.

Фердинанд скорбно скривил тонкогубый рот.

— У русских,— сказал он с таким страданием, будто испытывал физическую боль.

Сонное выражение на лице Карлуччи сразу исчезло.

— У русских? В Сибири, или что вы имеете в виду?

Тут Фердинанд сдавленным голосом рассказал ему историю «хождения по мукам» своей матери, вдовствующей императрицы Гермины. После смерти Вильгельма Второго она уехала из Доорна и возвратилась в замок Саабор в Верхней Силезии, который принадлежал ее первому мужу. В 1945 году, когда с победой Красной Армии в Польше началась национализация феодальных владений, она бежала в Германию и наконец осела во Франкфурте-на-Одере.

Покачивая головой, но уже со значительно большим интересом выслушал Карлуччи эту часть истории.

— Так что, теперь она живет в русской оккупационной зоне? У нее там не отобрали драгоценности?

— Пока нет, однако никогда не знаешь, чем все может кончиться. Если коммунисты узнают, какие ценности она хранит в своей убогой квартирке, недолго ей придется оставаться владелицей бриллиантов. Поэтому я стремлюсь переправить драгоценности сюда.

Тут уж Карлуччи по-настоящему навострил уши.

— Стало быть, Каролат, у вас есть связь с матерью? Вы ее уже навещали?

— Нет, туда я, конечно, не ездил. Это было бы слишком опасно для меня. Но у меня есть знакомая, которая часто ездит во Франкфурт. Так, с рюкзаком картошки под видом мешочницы — благо их теперь много, не привлекая к себе поэтому особого внимания. Через нее и поддерживаю связь с матерью.

Погруженный в свои мысли, Карлуччи взял в руку колье, которое все еще лежало на его письменном столе.

— Значит, она привезла вам это колье?

Пасынок кайзера кивнул в ответ:

— Да, его мне прислала моя мать. Я должен его продать, а на вырученные деньги приобрести где-нибудь в Германии, по возможности в Баварии, земельный участок.

Американский офицер задумчиво закивал головой. Постепенно ему стал ясен стратегический замысел вдовствующей императрицы. Недвижимость в то время в Германии, когда не были еще удовлетворены самые примитивные жизненные потребности, можно было купить буквально за хлеб с маслом. Земельные участки сбыва-

лись зачастую по цене гораздо ниже довоенной, и по сравнению с астрономическими ценами на продукты питания она выглядела смехотворной. Бриллианты же шли по предельно высоким ценам. Тысячи офицеров и солдат американских оккупационных войск сколотили на спекуляции сигаретами и продуктами весьма приличные состояния. Однако рейхсмарки для них не имели никакой ценности, поскольку они не могли перевести их в Штаты; так же мало значила для них и покупка земельных участков. Бриллианты же, золото и прочие драгоценности, напротив, ценились американцами и легче всего переправлялись за океан.

Большой спрос на бриллианты находил отражение и в цене. Один карат стоил в 1947 году на черном рынке почти в пятьдесят раз дороже, чем до войны. Квадратный метр земли, даже усадьба или поврежденный войной дом не стоили и десятой части того, что можно было бы за них запросить и получить в нормальных условиях. Одним словом, тот, кто продавал теперь бриллианты и вкладывал вырученные средства в недвижимость, делал с точки зрения дальней перспективы лучший бизнес из всех возможных в то время.

Рэй Карлуччи нервно крутил колье между тонкими холеными пальцами с ухоженными ногтями и считал отдельные звенья цепочки. Двадцать два оправленных в платину бриллианта редкой красоты, меньший весом примерно два карата, больший — от восьми до десяти карат. В уме он подсчитывал фантастическую стоимость украшения, которую оно имело в это смутное время. «Двадцать два камня общим весом не менее 100 карат — это дает при цене на черном рынке примерно пятьдесят тысяч за карат сумму в пять миллионов рейхсмарок»,— подвел итог Карлуччи. Он быстро спросил пасынка кайзера:

— Сколько вы предполагали получить за колье, мистер Каролат?

Фердинанд ответил не задумываясь:

— Полтора-два миллиона марок.

Карлуччи продолжал считать про себя. Блок сигарет по 200 штук в офицерской столовой стоил один доллар. На черном рынке за него давали тысячу рейхсмарок. Значит, это колье, которое до войны стоило не менее пятидесяти тысяч долларов, можно теперь купить за пять тысяч долларов. А если ему удастся выторговать его у Фердинанда дешевле и перепродать за двойную или

даже тройную цену, он одним махом заработает целое состояние.

Стараясь сохранить спокойный и равнодушный вид, Карлуччи обратился к Фердинанду:

— Возможно, я смог бы найти покупателя, который дал бы вам миллион...

— Не менее полутора,— потребовал Фердинанд.

— Миллион, сказал я, но сначала надо соблюсти еще одну формальность. Не подпадает ли колье под категорию военных трофеев? Не должно ли оно быть передано нашим русским союзникам? У нас могут возникнуть трудности, если они узнают об этом.

Прежде чем ответить, Фердинанд некоторое время кусал себе губы:

— Война давно закончилась, уже ведь не действует право на получение трофейного имущества. Кроме того, русские понятия не имеют о существовании этого колье. К чему такие опасения?

— Ну должен же я, по крайней мере, сделать запрос, мистер Каролат,— проговорил Карлуччи с самой любезной улыбкой, на которую был способен. Он поднялся со стула и, взяв бриллиантовое колье, направился к небольшому стенному сейфу.— А пока я должен конфисковать эти камни — формальность, необходимая для соблюдения законности. Завтра вы получите свое украшение обратно, я в этом не сомневаюсь. Во всяком случае, сейчас вы можете идти домой. Подождите, я выдам вам расписку...

Продолжая говорить, Карлуччи закрыл дверцу сейфа, вынул ключ и вернулся к столу, где на простом листке бумаги выписал не обязывающую ни к чему квитанцию. Бледный, с судорожно сжатыми руками Фердинанд, сидевший перед столом, поднялся медленно и со страдальческим выражением лица, как человек, который сидел у гроба дорогого ему существа. В это мгновение он был убежден, что не получит обратно и самого мелкого камешка из колье. В мыслях он уже видел распоряжение военной администрации о конфискации ювелирного изделия. Ему уже представлялся русский военный патруль, врывающийся во франкфуртский дом его матери и отбирающий у нее остальные фамильные драгоценности.

Ободряющие слова, сказанные на прощание Карлуччи, отвлекли Фердинанда от мрачных мыслей.

— Мистер Каролат, не смотрите на меня так печально — вы получите свою собственность обратно. Приходи-

те завтра. А теперь идите домой, вы свободны!

Фердинанд взял квитанцию о конфискации, на которой не было ни названия учреждения, ни печати. Затем повернулся и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Он уже не слышал, как Рэй Карлуччи, нажав кнопку переговорного устройства, дал указание следить за каждым шагом пасынка старого кайзера и ни в коем случае не допускать, чтобы он отправился в управление немецкой полиции.

Все опасения, возникшие у Фердинанда по поводу бриллиантового колье, были напрасными, так же как оказались ненужными и все предосторожности, которые шеф Си-ай-ди Карлуччи предпринял, чтобы воспрепятствовать преданию гласности истории о драгоценностях. У принца не было даже мысли подключать к этому делу немецкую полицию, поскольку от нее он вообще не ожидал какой-либо помощи. Карлуччи же не мог так просто присвоить колье, потому что уже слишком много людей его управления слышали о предварительном задержании мистера Фердинанда Шенайх-Каролата.

Все получилось совсем по-другому, и расстроенный Фердинанд, вероятно, охотно бы отказался от колье с двадцатью двумя камнями, если бы ему сказали, что его ожидает.

На следующий день «джип» американской военной полиции доставил его в штаб-квартиру Си-ай-ди в Лихтерфельде. Однако на этот раз Фердинанд оказался не в кабинете Рэя Карлуччи, а на заднем сиденье лимузина марки «форд», с занавешенными окнами, так что он не мог видеть, куда они ехали вместе с присоединившимся Карлуччи. Шеф Си-ай-ди сразу же извинился за эту таинственность и объяснил ее необходимостью соблюдать режим секретности. Фердинанд, не видя дороги, и не догадывался, куда они направлялись. Лишь гораздо позже принц узнал, что его доставили в Далем, пригород Берлина, в штаб-квартиру американской военной администрации, к личному адъютанту коменданта города генерала Льюсиуса Д. Клэйя. Этот офицер, носивший элегантную форму подполковника, назывался Счербинайном. Каковы, собственно, были его функции в военной администрации Берлина, осталось в ходе расследования этого дела невыясненным. Скорее всего, он был офицером связи секретной службы с военным командованием и находился в тесных, приятельских отношениях как с шефом Си-ай-ди Карлуччи, так и с Клэйем. Трясущегося от страха принца Фердинанда он встретил с изысканной приветливостью, и после получасового разговора пасынок кайзера был полностью убежден в том, что американская военная администрация одну из главных для себя задач после окончания войны видела в быстрейшем освобождении Гермины, вдовы покойного Вильгельма, «содержащейся в плену» во Франкфурте-на-Одере, и доставке ее вместе с многомиллионными драгоценностями в американскую зону оккупации Германии. Фердинанд был уже готов захлопать от восторга в ладоши при виде такой лояльности к монархическим традициям, но тут подполковник охладил его пыл.

— Принц,— сказал он с подкупающей конфиденциальностью,— к сожалению, мы, американцы, можем помочь вам в этом только советом, но ни в коем случае не делом. Политическая ситуация не позволяет нам пойти на какое-либо вмешательство. Русские как-никак наши союзники и братья по оружию, и нам не к лицу похищать из их зоны оккупации императрицу Германии. Это может привести к осложнениям.

И хотя неизвестно, стали бы советские оккупационные власти сильно огорчаться, если бы Гермина выехала из Франкфурта в западном направлении, все же принц Фердинанд опасался этого и был благодарен американским друзьям за их готовность помочь в сложившейся ситуации, по крайней мере, добрым советом. Подполковник Счербинайн настоятельно советовал принцу сначала хотя бы доставить бриллианты в Берлин, чтобы многие миллионы не попали в руки русских. А уж после этого можно было бы обстоятельно и спокойно выбрать наиболее благоприятный момент для эвакуации вдовствующей императрицы и все подготовить.

Как ни привязан был Фердинанд к матери, бриллианты были ему все же дороже ее безопасности; поэтому он быстро согласился на предложение подполковника. Договорились о следующем: подруга принца, через которую поддерживалась связь с императрицей, должна была в ближайшие дни снова отправиться во Франкфурт-на-Одере для обмена продуктов. При этом ей нужно было передать Гермине письмо от Фердинанда, в котором он предлагал матери из соображений безопасности переслать уже сейчас в Западный Берлин фамильные драгоценности. В конце концов ведь слишком опасно для почтенной дамы в такое неспокойное время путешествовать с кучей бриллиантов в сумке.

Однако, чтобы дело не выглядело так, будто у нее просто хотят выудить ценности, подполковник тут же разработал конкретный и вполне заслуживавший доверия план ее эвакуации. В соответствии с ним, Гермина в течение нескольких недель должна была прогуливаться в окрестностях Франкфурта и рассказывать об этом всем своим знакомым. В назначенный день ей нужно будет выйти на определенный заранее перекресток проселочных дорог, где ее заберет и доставит в Потсдам замаскированный автомобиль расположенной в русской зоне оккупации американской военной миссии. Из Потсдама вдовствующая императрица на поезде доберется до американского сектора Берлина.

Предусмотрительность американской военной администрации простиралась даже дальше. В это время принц еще снимал комнату во флигеле старого дома на Шлангенбадерштрассе. Этому крайне недостойному жилью подполковник предложил приличествующую происхождению принца замену. Он объявил Фердинанду, что военная администрация конфисковала для него виллу в Далеме на Мальвенштрассе, 1, куда он может сразу же переехать.

Однако принц был совсем не в восторге от этой неожиданной перспективы улучшения своего социального положения и скромно попросил о том, чтобы его и дальше оставили жить в комнатке во флигеле. Когда просьбы не помогли, он наконец признался, почему отдает предпочтение флигелю на заднем дворе: хозяйка квартиры была его любовницей, кстати говоря тайной, поскольку Фердинанд уже много лет был женат на артистке кабаре, певице, которая выступала под псевдонимом Розы Раух и исполняла шлягеры и шансоны. Чаще всего она пела песню Марлен Дитрих «Я с головы до ног настроена любить...». А так как она не только пела ее, но и действовала в соответствии с провозглашенным в ней девизом, Фердинанд расстался с ней и переселился к манекенщице по имени Вера Хербст. Она-то и выполняла как его доверенная челночные рейсы во Франкфурт-на-Одере.

Поскольку на вилле нельзя было поселиться с любовницей вместо супруги, Фердинанд предпочитал отказаться от всех удобств и почестей. Однако секретная служба Си-ай-ди не была прибежищем строгих пуритан. Въедет ли на виллу жена или любовница — полковнику было безразлично. Принцу пообещали, что на Веру Хербст будет выписан жилищным управлением ордер, и тем самым согласие Фердинанда переселиться было получено. Чего и добивались американцы.

Вера Хербст поехала во Франкфурт в канун Троицы 1947 года. Вдовствующая императрица Гермина жила в городском районе Паулиненхоф, где советская военная комендатура выделила ей небольшой домик. Хозяйство вела жившая с ней экономка. Хотя Гермине было всего шестьдесят лет, выглядела она старухой, которой далеко за семьдесят.

Вера Хербст явилась к ней в то время, когда экономка ушла за покупками. Счербинайн велел Вере передать письмо только в том случае, если мать принца Фердинанда будет одна.

Прочитав письмо, Гермина устало улыбнулась. Ей было приятно, что сын беспокоится о ней и что даже американцы проявляют заботу о ее благополучии, но план побега отклонила.

— Для таких приключений я уже слишком стара, детка. Кроме того, не испытываю здесь ни в чем недостатка, наверняка мне живется намного лучше, чем другим людям. У меня есть квартира, достаточно сытная еда и даже человек, который заботится обо мне.

— Фердинанд и мистер Счербинайн хотят, чтобы вы переехали в Западную Германию или, если пожелаете, в Швейцарию. Там вы могли бы в мире и покое встретить закат жизни,— уговаривала старую женщину Вера Хербст, ибо полагала, что Гермина вряд ли отдаст драгоценности, если ее не убедить в преимуществах переселения на Запад.

Но, очевидно, возраст, болезни и надвигающаяся смерть, которую она предчувствовала, сделали женщину невзыскательной и мудрой. Ей не хотелось и далее скитаться по свету. Поэтому она сказала:

— Передайте Фердинанду, что я от всего сердца благодарна ему за то, что он хочет для меня сделать, но предпочитаю остаться здесь, во Франкфурте.

Вера Хербст с трудом скрыла свое разочарование. Она соображала, как бы ей незаметно перевести разговор на главную тему, но так и не отваживалась прямо спросить о драгоценностях.

Неожиданно ей помогла сама Гермина.

— В своем письме,— сказала она,— Фердинанд пишет, чтобы я передала вам драгоценности. Он опасается, что русские могут конфисковать их как военные трофеи.

Хотя я и не думаю, что они их у меня отберут — при желании это можно было бы уже сделать,— все же небезопасно хранить их здесь. У меня нет сейфа и достаточно надежных замков. В дом могут проникнуть воры. Кроме того, и здоровье может подвести. Весьма сомнительно, попадут ли тогда эти ценные вещи в нужные руки. Действительно, будет лучше, если вы возьмете их с собой.

У Веры Хербст вырвался вздох облегчения, но она сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Ваш сын лишь намекнул мне, что вы, возможно, что-то дадите для передачи ему. Если желаете, я, разумеется, выполню это поручение.

Казалось, у старой женщины упал камень с сердца.

— Это было бы очень мило с вашей стороны, я была бы вам благодарна от всего сердца,— несколько экзальтированно произнесла она.— Передайте Фердинанду, чтобы он попытался на первое время депонировать драгоценности у американцев, пока не нормализуется обстановка. К тому же, когда я умру, необходимо будет решить вопрос с наследством. Гогенцоллерны также имеют притязания на эти ценности. Это необходимо будет выяснить. Разумеется, если Фердинанду что-то нужно, он, конечно, может взять для себя.

И Гермина передала любовнице своего сына все драгоценности дома Гогенцоллернов. Не взяв никакой расписки, она вручила кольца, цепочки, диадемы, браслеты и броши — всего 95 ювелирных изделий, которые стоили тогда около 80 миллионов рейхсмарок. В простом рюкзаке, спрятанные под картошкой и пакетами с мукой, были привезены они из Франкфурта-на-Одере в Западный Берлин.

Вера Хербст прибыла в Берлин вечером во вторник после Троицы «картофельным экспрессом», как называли тогда в народе поезда дальнего следования. На их вилле ее ожидал, однако, не Фердинанд, а американский подполковник Счербинайн.

— Принц должен был уехать по делам в Мюнхен, это связано с продажей колье,— сообщил ей Счербинайн и сразу же осведомился о том, привезла ли она драгоценности.

Вера Хербст вытащила из рюкзака завернутые в газетную бумагу ценные вещи и разложила на кухонном столе. Подполковник рассматривал их с благоговейным почтением, упоенно перебирая и радуясь, словно был

владельцем всех этих бриллиантов, изумрудов и рубинов.

— Не верится, что такое еще существует на свете, бормотал он мечтательно.

Когда женщина попыталась снова завернуть драгоценности в бумагу, Счербинайн схватил ее за руку:

— Оставьте, я заберу вещи с собой, пока принца нет на месте. В моем сейфе они сохранятся надежнее всего.

Необъяснимое чувство недоверия охватило Веру Хербст.

— Нет, пожалуйста, не надо. Я хотела бы передать их Фердинанду сама,— сказала она и поспешно придвинула к себе сверкающие украшения.

Счербинайн посмотрел на нее с иронической улыбкой:

— Опасаетесь, что я могу их присвоить?

— Нет, нет, не в этом дело, но императрица поручила мне передать ценности ее сыну из рук в руки. Кроме того, принц должен еще подписать перечень, который она дала мне.

Последнее Вера Хербст специально выдумала для того, чтобы сразу дать понять подполковнику: ему нечего питать иллюзий.

Счербинайн вдруг заторопился.

— Ну ладно, мне и так уже давно пора идти. Когда Каролат снова будет здесь, я обговорю остальное с ним самим.

Этой же ночью Фердинанд вернулся из Мюнхена. Он продал колье одному американскому генералу за 1,2 миллиона марок. Сделка была совершена при посредничестве Рэя Карлуччи, который — в этом можно не сомневаться — тоже не остался в накладе, иначе он вряд ли предоставил бы Фердинанду для поездки спецмашину военно-воздушных сил США.

Вне себя от счастья, что он снова при деньгах, Фердинанд подарил своей подруге несколько толстых пачек банкнот по пятьдесят марок, остальную наличность упаковал в небольшой чемоданчик из свиной кожи. Потом Вера Хербст вручила ему драгоценности, привезенные из Франкфурта, приложив составленный ею вечером перечень, и попросила его сразу же проверить по списку, все ли здесь на месте.

— Это подождет до завтра, дорогая, а сейчас давай-ка выпьем лучше шампанского. «Поммери» — настоящее французское, мне удалось выторговать его у генерала сверх оговоренной суммы,— пригласил ее Фердинанд, приходя в прекрасное настроение, и беспечно сунул дра-

гоценности вместе со списком в чемоданчик с пачками денег.

Не успели они выпить и половину бутылки, как в прихожей раздался звонок. На пороге с таинственными лицами стояли подполковник Счербинайн и Рэй Карлуччи. Они сообщили Фердинанду о том, что он немедленно должен покинуть виллу и переехать на другую квартиру. Русские, мол, узнали о поездке Веры Хербст и ее результатах, и ни в коем случае нельзя допустить огласки участия американцев в деле, поэтому необходимо, чтобы Фердинанд и Вера съехали с виллы и на ближайшее время исчезли из виду.

Пасынок кайзера пока еще не подозревал, что все это было лишь широко задуманным маневром, чтобы выудить у него бриллианты Гермины. Безропотно согласился он этой же ночью переселиться в мансарду дома на Баварской площади, которая до этого служила Си-ай-ди конспиративной квартирой. Оставаясь в наивном неведении, Фердинанд вручил набитый деньгами и бриллиантами чемоданчик Карлуччи, когда тот объяснил, что наиболее надежным местом для его хранения будет сейф секретной службы Си-ай-ди.

Фердинанд был настолько уверен в честности своих американских друзей, что даже поссорился с любовницей, когда она засомневалась в бескорыстии Счербинайна и Карлуччи.

Целую неделю просидел Фердинанд в убогой мансарде на Баварской площади, не отваживаясь выйти на улицу. Возможно, он так бы там и оставался еще неизвестно сколько, а его «закадычные друзья» тем временем исчезли бы вместе с чемоданчиком, если бы не вмешалась деятельная Вера Хербст и не принялась сама за поиски пропавших бриллиантов. Она стала подкарауливать Рэя Карлуччи перед виллой на Мальвенштрассе и однажды вечером поймала-таки его там. Не слишком распространяясь, она дала ему понять, что предаст огласке эту историю через немецкую прессу, если ее Фердинанд в течение двадцати четырех часов не получит обратно чемоданчик с бриллиантами и деньгами.

На следующее же утро в мансарде появился капрал в американской форме и сообщил, что у него задание доставить сюда чемоданчик. Не успел Фердинанд проверить содержимое, как капрал уже был за дверью.

Внешне чемоданчик выглядел нетронутым, однако его содержимое заметно убавилось: исчезли пачки денег на

сумму свыше одного миллиона рейхсмарок, а из девяноста пяти привезенных из Франкфурта ювелирных изделий не хватало двадцати семи, причем наиболее ценных.

Фердинанд от нервного потрясения упал в обморок, а Вера Хербст вне себя от ярости отправилась в американскую военную полицию и сделала заявление против подполковника Счербинайна и шефа Си-ай-ди Карлуччи, обвинив их в присвоении чужого имущества.

Расследование дела было поручено следователю по имени Майк Штраух. Его поведение и внешность соответствовали поведению и внешности комиссара уголовной полиции из американских гангстерских фильмов — здоровый как бык, грубый, постоянно орущий и с неистощимым запасом крепких выражений.

Когда Вера Хербст стала рассказывать, по какому поводу она пришла, он расстегнул китель и засунул большие пальцы за подтяжки, выставляя напоказ рукоятки двух кольтов, которые торчали у него из обеих подмышек. Не успела женщина изложить свое дело, как Штраух снисходительно махнул рукой и сказал:

— О'кей, фройляйн, суть дела я знаю.

Затем он принялся раскачиваться в кресле и рассматривать привлекательную Веру Хербст с основательностью скототорговца, оценивающего стоимость туши.

Чтобы отвлечь его от этого занятия, Вера Хербст спросила:

— Вам уже что-нибудь известно об исчезнувших драгоценностях?

Этим она вызвала гнев Штрауха, который привык к тому, что немцы, приходившие к нему, молчали до тех пор, пока их не спрашивали.

Поэтому он неодобрительно уставился на Веру.

— Не так быстро, фройляйн, здесь спрашиваю я, а не вы, ясно?

Затем он поднялся, тяжело прошел к окну и посмотрел на улицу. Шел дождь, и ветер со стуком обрушивал капли на оконное стекло. Это, судя по всему, нравилось мистеру Штрауху. Он оперся ладонью на подоконник, неотрывно глядя на игру дождевых капель.

Вера принялась нетерпеливо ерзать на стуле. Штраух повернулся к ней.

— Устраивайтесь поудобнее, наш разговор займет довольно много времени.

Затем он вернулся к столу и снова с бесстыдной ухмылкой стал рассматривать свою посетительницу.

— Разве вы не хотите узнать, как все происходило? — опять попыталась Вера положить конец тягостному молчанию.

Прежде чем ответить, Штраух закурил сигарету.

— А зачем? Это меня вовсе не интересует. Вся эта история — дело немецкой стороны. Зачем вы вообще беспокоите меня по этому поводу? Вы занимаетесь грязными делишками, а я должен теперь с ними разбираться, да?

— Но послушайте, мы не занимались никакими делишками. Мистер Карлуччи забрал к себе драгоценности, чтобы они были в сохранности, а потом исчезли самые ценные вещи.

— Прекратите здесь высказывать грязные подозрения,— резко сказал Штраух и тут же заорал: — Я сказал, вы должны немедленно прекратить! Вы ведь немка и хотите выдвинуть подозрения против заслуженного американского офицера! Вы что, не в своем уме, а?

Штраух вскочил с места и быстро зашагал вокруг стула, на котором сидела Вера Хербст.

Совершенно подавленная, та тихо проговорила:

— Я не выдвигаю подозрений против мистера Карлуччи. Я хочу это подчеркнуть. Речь идет лишь о том, что драгоценности, которые мистер Карлуччи брал на хранение, вернее, наиболее ценные из них, исчезли.

— Не говорите так напыщенно,— фыркнул Штраух. Он схватился за спинку стула и так тряхнул ее, что Вера Хербст едва не упала с сиденья. Штраух стал орать на нее, обдавая сзади своим влажным смрадным дыханием.

— Вот что я вам скажу. Я-то уж знаю, куда подевались бриллианты и все остальное. Можете в этом не сомневаться. Но тогда вы будете сидеть не здесь, а за решеткой. Вы что думаете, я такой идиот и не вижу насквозь всю вашу аферу? Лучше скажите сразу, куда вы запрятали эти побрякушки, прежде чем я сам докопаюсь до этого, иначе вам уже ничего не поможет.

Вера Хербст испуганно обернулась. Лицо Штрауха оказалось совсем рядом с ее лицом; он уставился на Веру неподвижным взглядом и был похож сейчас на статую Будды. У нее уже не хватило духу что-либо возразить на его слова.

Штраух выпрямился и попросту начал вытаскивать из-под женщины стул, так что ей пришлось встать.

— Так,— сказал он, ухмыляясь,— ну, сегодня вы пока можете идти домой. Мне еще надо кое-что выяснить. А завтра приходите сюда со своим Фердинандом, тогда посмотрим, что делать дальше. Однако лучше всего — сами принесите завтра недостающие камушки. Это может спасти вас от тюрьмы.— Штраух засмеялся так раскатисто, словно отпустил удачную шутку.

Принцу Фердинанду Шенайх-Каролату и его подруге Вере Хербст не пришлось на следующий день проделывать дорогу к офису Майка Штрауха пешком или на трамвае. Утром их с постели подняли два молодцеватых автоматчика американской военной полиции и в закрытом «джипе» доставили к этому странному следователю. Когда машина направилась в Лихтерфельде и остановилась перед домом 11 на Потсдамской улице, принц стал удивленно тереть глаза. Он снова очутился там, куда его уже привозили после первого задержания на черном рынке,— в штаб-квартире Си-ай-ди. Да и Майк Штраух оказался его старым знакомым. Он был одним из тех, кто допрашивал его в тот раз,— подчиненным шефа Си-ай-ди Рэя Карлуччи.

Только теперь Фердинанд понял, какую хорошо срежиссированную игру с ним вели. Карлуччи передал расследование в отношении выдвинутых против него обвинений своему верному служаке Майку Штрауху и тем самым заранее сделал все для того, чтобы замять эту историю. Штраух не стал долго заниматься объяснениями.

— Мы ведь с вами уже знакомы, Каролат,— начал он допрос и сразу же взял быка за рога.— Ну так что, будете вы наконец говорить правду? Где у вас бриллианты?

К такой наглости Фердинанд не был готов.

— У меня? Бриллианты? Откуда они могут быть у меня? — пролепетал он.

— Не болтайте вздор! — напустился на него Штраух.— Я хочу знать, где вы спрятали драгоценности. Я, кажется, достаточно ясно выразился.

Фердинанд только растерянно тряс головой.

Штраух в раздражении заорал на него:

— Вы что, не слышали? Признавайтесь, куда вы спрятали драгоценности. Ну, поживее!

— Я вас не понимаю,— пробормотал Фердинанд.— Для чего мне нужно было красть мои же драгоценности?

— Ну надо же,— иронически проговорил Майк Штраух и рассмеялся: — Это были, оказывается, ваши драгоценности. Ха, ха! А я информирован иначе. Так от кого ваша любовница получила эти вещи?

— От моей матери, императрицы.

— Совершенно верно, от вашей матери. Значит, кому принадлежат эти побрякушки? Ну, быстрее! Ведь вашей матери, конечно, пока она жива, во всяком случае. Или, может быть, ваша мать уступила вам право собственности?

— Нет, но она передала мне драгоценности.

— Правильно, но ведь не для того, чтобы вы торговали ими на черном рынке, Каролат!

— Да я и не собирался это делать. Я хотел их сохранить.

Штраух оскалил зубы.

— Так же, как сохранили колье, что ли? Не рассказывайте сказки.

— Но это совсем другое дело,— попытался возразить Фердинанд.— Колье я продал, чтобы на эти деньги приобрести земельный участок. По заданию моей матери.

— Этого не может быть. Вы опять лжете. Ваша мать не имела права давать такие распоряжения. Ведь драгоценности принадлежат Гогенцоллернам.

Фердинанд беспомощно пожал плечами. Штраух продолжал атаковать его:

— У вас есть брат или сестра, которые являются прямыми потомками кайзера?

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к драгоценностям?

Майк Штраух, широко расставив ноги, остановился перед Фердинандом и схватил его за плечи:

— Вы прекрасно это понимаете. Ведь вся ваша семейка унаследует драгоценности, лишь когда умрет ваша мать. С ними вам придется делиться миллионами, когда станет известно, что ваша мать отослала фамильные драгоценности вам. Так вы все еще не понимаете?

У принца к горлу подступил комок. Вихрь мыслей пронесся в голове. Он понял, на что намекал Штраух, однако отказывался всерьез принимать эти подозрения.

— Но все это нелепо,— сказал он глухо.

— Я не нахожу, что это так уж нелепо, если кто-то пытается сначала набить себе карманы ценностями, чтобы потом не делиться ими. Стало жалко чудных украшений, не так ли?

— Послушайте...— попытался урезонить его Фердинанд.

Штраух снова закричал:

— Я ничего не желаю слушать! Отвыкайте от подобного тона.

Соизвольте хотя бы понять, кем вы являетесь в моих глазах. Человеком, пытающимся получить наследство обманным путем, вором, мелким мошенником, который полагает, что может бросить тень на американского офицера.

— Но ведь я хотел вам только объяснить...

— Объяснить вы мне должны только то, где прячете бриллианты. Больше ничего.

— Вы с ума сошли, вы просто одержимы навязчивой идеей, боже мой...— запричитал Фердинанд. Его голос стал хриплым, и все, что он говорил, звучало так, словно он потерял надежду переубедить своего собеседника.

Вдруг Майк Штраух стал покладистым и по-кошачьи мягким.

— Ну признайтесь, что совершили глупость,— сказал он покровительственным тоном и похлопал Фердинанда, как старого друга, по плечу.— Выкладывайте ваши камушки и забирайте заявление, тогда на этом деле поставим крест. Ведь я не зверь какой-нибудь. Возможно, соблазн при виде такого количества бриллиантов был слишком велик, и вы просто потеряли голову. Скорее всего, так оно и было, у вас зачесались руки, когда вы увидели все это. И тогда вы подумали: если мама-императрица приедет в Берлин или даже умрет, то не миновать ссоры с другими наследниками. А тут еще и Карлуччи был настолько глуп, что взял драгоценности на хранение. Вы решили, что это вполне подходящий случай, и вы можете все свалить на придурка-янки. Наверняка так подумали. Карлуччи действительно поступил как последний придурок. Попался на удочку. Это факт. Но не тут-то было. Я-то не такой простофиля.

Как сладкоречиво ни убеждал Штраух Фердинанда, тот продолжал упрямо трясти головой.

— Мистер Штраух,— сдержанно сказал он,— я пытаюсь понять ваши действия...

— Весьма благоразумно,— иронически похвалил его Майк.

— Я пришел сюда,— продолжил Фердинанд,— так как надеялся, что вы нашли уже какой-то след.

— И я его нашел, Каролат, но он ведет к вам.

— Я...я не вор, поверьте мне. Будьте уверены...

— Я уверен лишь в том, что до сих пор вы пытались наврать мне с три короба. Итак, где же драгоценности, Каролат?

— Нет у меня их! — почти взмолился Фердинанд.

— Скажите еще, что вы можете дать честное слово прусского принца, и я тут же расплачусь от умиления,— съязвил Штраух.

Неожиданно позади Фердинанда распахнулась дверь. Он обернулся и увидел Рэя Карлуччи. Непроизвольно у принца вырвался вздох облегчения. Появилась надежда, что шеф Си-ай-ди закончит этот мучительный допрос, объяснив исчезновение драгоценностей нелепым недоразумением, ибо в руке он держал бриллиантовый браслет — одну из вещей, пропавших из чемоданчика. Но американец проговорил гнусавым, надменным голосом:

— Каролат, а почему вы, собственно говоря, тайком сбежали в британский сектор? Неужели вы думаете, что сможете там спрятаться от нас?

Фердинанд вздрогнул всем телом.

— Я не сбежал, я лишь переехал на квартиру моей жены. А где я должен был оставаться? Из виллы вы меня вышвырнули, не мог же я вечно ютиться в мансарде, поэтому и вернулся в мою старую квартиру. То есть я там только прописался, чтобы получать продуктовые карточки, а живу у фройляйн Хербст.

Небрежным движением Карлуччи бросил браслет на письменный стол Штрауха.

— Ну что ж, во всяком случае там вы хранили какое-то время якобы исчезнувшие драгоценности. Этот браслет нам еще удалось отыскать.

Пабагровев от гнева, Фердинанд в крайнем возбуждении вскочил.

— Это низость, да вы просто...

Штраух положил тяжелую руку ему на плечо и заставил снова сесть.

— Что я? — цинично спросил Карлуччи.— Не хотите ли вы сказать, что я сам принес туда браслет? Тогда обращаю ваше внимание на то, что в обыске принимал участие подполковник Счербинайн. Он видел, как я нашел браслет под диваном. Надеюсь, хотя бы против подполковника вы не будете выдвигать обвинений.

Теперь Фердинанд понял всю бесполезность усилий одолеть этот сговор. Обхватив голову руками, он не произнес больше ни слова.

— Так-то,— торжествующим тоном сказал Карлуччи.— Но я не воспользуюсь вашим молчаливым признанием. Поэтому все, что здесь было сказано, должно остаться между нами. Я не хотел бы, чтобы сын германского императорского семейства был публично заклеймен как вор. Идите домой и подумайте, как расхлебать всю эту историю. Нам будет достаточно, если вы письменно откажетесь от своего заявления в военную полицию и объясните, что драгоценности нашлись.

Это означало не что иное, как неприкрытый шантаж, с помощью которого надеялись навсегда заткнуть рот Фердинанду. Но в то мгновение он был готов смириться и уступить грубому нажиму.

В дело снова вмешалась Вера Хербст. Она помешала принцу забрать заявление из военной полиции и информировала берлинскую прессу об этой неприглядной истории. В тот же день она отправилась во Франкфурт-на-Одере, чтобы уговорить вдовствующую императрицу подать протест в американскую военную администрацию против действий Карлуччи. Но Гермина к тому времени была уже смертельно больна. Она перенесла апоплексический удар, и какие-либо волнения были ей противопоказаны. В Берлин Вера Хербст вернулась ни с чем. Ее опередила весть о смерти супруги последнего германского кайзера. Гермина умерла вечером в день отъезда Веры. Некоторые берлинские газеты поместили краткое сообщение о кончине вдовствующей императрицы. Однако более подробно они освещали историю кражи драгоценностей. Причем газеты не умолчали о том, что в деле были замешаны некоторые американские офицеры.

Секретная служба Си-ай-ди использовала, защищаясь от этих обвинений, многократно опробованную тактику. Вместо того чтобы обороняться, она перешла в наступление и обвинила Веру Хербст в убийстве Гермины по заданию ее сына. Один скандал пытались нейтрализовать еще большим скандалом.

Вера Хербст и Фердинанд были арестованы по подозрению в убийстве. Расследование дела опять было отдано в руки Майка Штрауха.

Штраух применил все средства, предназначенные для выколачивания признаний: многодневные допросы при свете мощных ламп, обещания, побои, наконец, оба подозреваемых были подвергнуты так называемому наркоанализу. Этот порицаемый в любом правовом государстве метод расследования был применен в американском военном госпитале в Лихтерфельде. Фердинанд и Вера получили инъекцию объемом в несколько кубических сантиметров пентотала. Этим способом их привели в состояние, при котором сознание как бы отключилось, но способность к реагированию сохранилась настолько, что

они могли отвечать на поставленные вопросы. Эти вопросы задавал Майк Штраух. Однако он категорически отказал в присутствии на допросе в качестве свидетеля адвоката или врача с немецкой стороны.

Результаты этого противоправного допроса никогда не стали достоянием гласности, поскольку они неожиданно оказались обесцененными другим событием. Советские оккупационные власти во Франкфурте-на-Одере на основании заключения двух врачей: доктора Тири, который лечил Гермину в последние дни, и советского военного врача — издали бюллетень о причинах смерти покойной вдовствующей императрицы Гермины. Из него однозначно следовало, что смерть наступила в результате нарушения кровообращения, вызванного апоплексическим ударом.

Таким образом, смерть никоим образом не была вызвана каким-либо внешним воздействием.

В результате этого попытки Си-ай-ди представить Веру Хербст, а с ней и принца Фердинанда в качестве убийц, чтобы тем самым отвлечь внимание общественности от пропажи драгоценностей, потерпели крах. Пришлось освободить обоих из-под стражи.

После этого Фердинанд попал в клинику, так как наркологический метод допроса вызвал у него нервное потрясение. Едва впечатлительный Каролат стал поправляться, как у его больничной койки появился Майк Штраух с новым ордером на арест. И на этот раз быкоподобный следователь нашел наконец весьма веское основание, чтобы засадить Фердинанда за решетку на долгое время. Из картотеки, которую американцы завели на бывших членов фашистских организаций, стала известна многолетняя принадлежность Фердинанда к нацистской партии. Штраух очень быстро установил, что пасынок кайзера предусмотрительно умалчивал об этом во всех заполнявшихся во время допросов в Си-ай-ди анкетах. Правда, Фердинанд оспаривал свое членство, но карточка «Центра документации», которую показал ему Майк Штраух, неопровержимо свидетельствовала о том, что Фердинанд Шенайх-Каролат вступил в гитлеровскую партию 1 августа 1932 года. Номер его партийного билета был 1261.

Наконец-то Майк Штраух достиг цели. Он сумел сдать докучливого принца британским военным властям, под юрисдикцию которых Фердинанд подпадал по месту жительства и которые сразу же взяли его под стражу,

обвиняя в сообщении неправильных данных в анкете. 30 сентября 1947 года британский военный суд приговорил принца Фердинанда Шенайх-Каролата к девяти месяцам тюрьмы.

Этих девяти месяцев, которые Фердинанд отбывал в берлинской тюрьме Тегель, было достаточно Си-ай-ди для того, чтобы замести все следы кражи драгоценностей, и ни одна полиция в мире не была уже в состоянии когда-либо отыскать бриллианты императрицы Гермины. Рэй Карлуччи, подполковник Счербинайн и их лихой детектив Майк Штраух были отосланы в Штаты, а все документальные свидетельства уничтожены.

Когда летом 1948 года Фердинанд вышел из тюрьмы и обратился с заявлением в немецкую полицию британского сектора Берлина, там лишь беспомощно пожали плечами. Какие могут быть шансы у немецких властей проникнуть в тайны Си-ай-ди? Это совершенно безнадежная затея. Заявление Фердинанда положили пылиться на полку.

Тем не менее Фердинанд, любовница которого, Вера Хербст, к тому времени эмигрировала в Южную Америку, рискнул предпринять последнюю попытку вернуть императорские бриллианты. Он написал письмо тогдашнему президенту США Гарри Трумэну: «Глубокоуважаемый господин президент! Покорнейше прошу извинить меня, Ваше превосходительство, за то, что я в минуту крайней нужды обращаюсь, преисполненный доверия, к Вам...» Затем принц на нескольких страницах пространно описал историю исчезновения фамильных драгоценностей и свои впечатления от контактов с представителями американской секретной службы и завершил письмо следующей просьбой: «Моя последняя надежда, Ваше превосходительство, поскольку все прочие инстанции оказались не в состоянии мне помочь, на Вас, и не в последнюю очередь потому, что я знаю, какое большое внимание американское правительство уделяет защите прав и свободе личности».

От мистера Трумэна Фердинанд ответа так и не дождался. Озлобленный на весь свет, он уехал из Берлина и поселился в Мюнхене, где продал остатки драгоценностей и на вырученные деньги открыл экспресс-прачечную под названием «Раз-два-три». Его жена, которая до той поры отказывалась от развода, поскольку, видимо, еще надеялась, что Фердинанд когда-нибудь снова станет сказочно богатым, теперь дала согласие на

расторжение брака. Чем быть прачкой, хоть и императорской, лучше продолжать петь в ночном кабаре «Я с головы до ног настроена любить...».

Тем закончилась история бриллиантов императрицы Гермины. Остается лишь сообщить о судьбе остальных персонажей. Подполковник Счербинайн живет в настоящее время* в Нью-Йорке на 68-й улице. В этом респектабельном районе квартирная плата так высока, что по плечу только очень состоятельным людям. Счербинайн занимает роскошную квартиру из десяти комнат, которая набита ценными произведениями искусства и изысканной мебелью. В остальном он ведет благочестивый образ жизни: выступает в качестве секретаря митрополита нью-йоркской православной церкви и ревностно помогает очищать людей от грехов.

У Рэя Карлуччи, элегантного шефа секретной службы, дом и семья остались в Блумфилде, штат Нью-Джерси. Сам он туда не вернулся. Увядшая от тоски жена и орава детей еще и сегодня ожидают, когда отец семейства вспомнит о них. Во время одного крупного процесса, связанного с контрабандой наркотиков в США, как-то упоминалось его имя. Один из свидетелей сообщил, что Карлуччи якобы осел в стране своих итальянских предков и, судя по всему, играет немаловажную роль в международной торговле наркотиками. Однако более подробные сведения о таких занятых людях получить трудно.

Майк Штраух, громогласный, импульсивный следователь берлинского бюро службы Си-ай-ди, говорят, занимает хорошо оплачиваемую должность в одном из влиятельных нью-йоркских профсоюзов, должность, которую обычно получает только тот, у кого очень много денег.

И напоследок остается ответить на вопрос: как перенесли наследники исчезнувших драгоценностей Гогенцоллернов эту потерю? Хорошо, можно даже сказать, очень хорошо. В конце 1960 года прессу обошло сообщение, что федеральное правительство возместило ущерб, причиненный дому Гогенцоллернов оккупацией, в восемь миллионов марок. Таким образом, в конечном итоге платить пришлось немецкому налогоплательщику.

А еще говорят, неправедно нажитое богатство не приносит счастья. Здесь же все, кто нагрел руки на бриллиантах Гермины, живут и процветают, как ни в чем не бывало.

---

* Имеется в виду 1971 год.

ПОЛЕТ БЕЗ ПРИЗЕМЛЕНИЯ

— Мэм, ваш багаж весит на четыре килограмма больше положенного,— сказал служащий багажного отделения аэропорта Денвера и снял два чемодана с больших весов. Привычным движением он поставил их на низкий барьер для приема багажа. Приятная пожилая дама в некоторой растерянности посмотрела на служащего. По ее реакции было видно, что она не знакома с правилами, действующими на авиатранспорте.

Служащий бросил быстрый взгляд на ярлык, висевший на чемодане, и пояснил:

— Миссис Кинг, ручная кладь пассажира не должна превышать шестидесяти фунтов, а ваши чемоданы весят почти семьдесят пять. Я буду вынужден взять с вас дополнительную плату за лишний вес. Для вас было бы лучше вынуть из чемодана что-нибудь из одежды и послать по почте. Еще есть время: самолет в Портленд отправляется только в 18.52.

Миссис Кинг пожала плечами и оглянулась, разыскивая кого-то взглядом в большом зале ожидания аэровокзала. Она надеялась, что сын, который вместе с женой привез ее сюда, поможет ей выйти из затруднения. В этот день, 1 ноября 1955 года, она впервые за свою шестидесятитрехлетнюю жизнь решила воспользоваться самолетом, да и то лишь потому, что иной возможности навестить дочь Риту, жившую на Аляске, у нее не было. Рита вышла замуж за офицера военно-воздушных сил, который уже четыре года служил в этой ледяной пустыне; молодые ожидали рождения первенца.

В зале туда и сюда, толкая друг друга, сновали люди. Возбужденные пассажиры перебегали от окошка к окошку, чтобы успеть выполнить все формальности, необходимые для полета. Перед автоматами страховых компаний, которые за несколько долларов «выплевывали» полисы страхования жизни — как сигареты, жевательную резинку или живые цветы, стояла длинная очередь. Воздуш-

ный транспорт считался самым современным и быстрым, но отнюдь не самым надежным. Не было газеты, которая хотя бы раз в неделю не сообщала о происшедшей где-нибудь авиакатастрофе. Поэтому каждый пассажир старался компенсировать неизбежный риск, застраховав свою жизнь. Это было прибыльным делом для американской индустрии страхования; она быстро автоматизировала этот процесс, чтобы выжать максимальные доходы.

Джек Грэхэм, 22-летний сын миссис Кинг от первого брака, тоже стоял в очереди к одному из таких автоматов, чтобы застраховать жизнь своей матери на сорок тысяч долларов. Дэйзи Кинг не смогла рассмотреть его в царившей сутолоке. Она повернулась к служащему авиакомпании:

— Ну, ладно, возьмите тогда доплату за лишний вес. Мой сын положил мне подарок для своей сестры ко дню рождения, и я не уверена, что почтой он придет вовремя.

— Как пожелаете, мэм.— Служащий выписал багажную квитанцию и поставил оба чемодана на электрокар, который отвез багаж на самолет ДС-6-В «Денвер — Портленд».

Этим он обрек на смерть сорок четыре человека. В коробке с подарком для дочери миссис Кинг была адская машина с часовым механизмом, установленным на девятнадцать часов.

Вскоре из громкоговорителей в зале ожидания прозвучало объявление: «Внимание! Пассажиры рейса 620 «Денвер—Портленд», вас просят собраться у входа № 3».

Тридцать девять пассажиров — двадцать восемь мужчин и одиннадцать женщин,— торопливо попрощавшись с провожающими, потянулись к взлетной полосе. Никто из них не подозревал, что это было прощание навсегда, что самолет ДС-6-В «Денвер — Портленд» никогда не прибудет в пункт назначения.

Пассажиры заняли места в 25-метровом салоне согласно купленным билетам. Каждый из них расположился в удобном кресле, которое, правда, когда был пристегнут ремень безопасности, немного напоминало электрический стул. Две симпатичные стройные стюардессы по очереди проходили по устланному ковром проходу и на маленьких подносах предлагали пассажирам аппетитно приготовленные бутерброды, салат из свежих овощей, коньяк и мятные конфеты.

В первом ряду кресел, сразу за кабиной пилотов,

сидела, прижавшись друг к другу и держась за руки, молодая пара. Пять часов назад они поженились. Их свадебное путешествие начиналось экскурсией в поднебесье.

— Ты счастлива? — спросил он, касаясь губами ее уха и пожимая ей руку.

— Даже слишком,— ответила она и потерлась носом о его щеку.

За ними сидел толстый владелец скотобойни из Чикаго вместе с обвешанной бриллиантами женой. Жена уже начала дремать, а он, какое-то время понаблюдав со снисходительной улыбкой за воркующей молодой парой, взял у стюардессы вечернюю газету, не без удовольствия окинув взглядом ее туго обтянутые юбкой бедра.

В третьем ряду сидел мужчина и углубленно изучал какие-то документы, в четвертом — пожилая женщина вязала зеленый пуловер.

Самолет ДС-6-В летел предусмотренным курсом. Погода была ясная, и через иллюминатор можно было различить внизу огни небольшого города. Двум беспокойным ребятишкам полет показался слишком скучным. Они выбрались из кресел и отправились по проходу в поисках чего-нибудь интересного. Одна из стюардесс отвела их обратно на свои места, а другая тем временем предложила пассажирам кофе.

Двое мужчин, к которым она сначала подошла с подносом, жестом поблагодарили ее и отказались. Адвокат Уокфилд не хотел прерывать беседу с мистером Кершем, чиновником министерства сельского хозяйства штата Колорадо. Оба должны были завтра предстать перед комиссией Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности — Уокфилд в качестве юрисконсульта, Керш в качестве обвиняемого. Последнему вменялись в вину связь с коммунистической партией и шпионаж в пользу русских. От исхода этого разбирательства зависела вся дальнейшая жизнь Керша. Если комиссия признает его виновным, последует не только бессрочное увольнение с государственной службы, но и неизбежный арест.

Керш был невысок и толст. Его раскрасневшееся лицо выражало волнение и страх, которые переполняли его с тех пор, как он получил повестку в зловещую комиссию Маккарти. Керш знал о судьбе многих своих коллег, которые, как и он, позволяли себе критические замечания о министре, коррупции в правящей партии,

о некомпетентности президента во внешнеполитических вопросах. Это были обычные разговоры, которые ежедневно ведутся на работе. Но недоброжелательство и интриги во многих случаях превращали их чуть ли не в государственные преступления. Если кто-нибудь по личным мотивам попадал в немилость, принимались искать повод для его увольнения. Тогда вспоминали случайно оброненные им замечания в адрес правительства, президента и проводимой им политики. Агенты главного охотника за ведьмами — сенатора Маккарти — сидели в каждом учреждении и только и ждали подобных сигналов.

Именно это и произошло с Кершем. Не требовалось большого труда, чтобы представить дело так, будто мистер Керш был врагом Америки, коммунистом, агентом Москвы... Для вызова в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности вполне достаточно было тех высказываний, которые он открыто и довольно часто делал.

Мысли Джека Керша летели быстрее самолета. Он уже видел, что стоит перед комиссией, слышал язвительный голос сенатора и чувствовал, как на него надвигаются стеклянные, мертвые глаза телекамер. Он слышал, как щелкают фотоаппараты, в ушах его звучали торопливые вопросы репортеров. Керш представил себе заголовки газет: «Высокопоставленный государственный чиновник разоблачен как агент Кремля!»

Керш сокрушенно покачал головой и попытался закурить новую сигарету, но в волнении только одну за другой ломал спички. Адвокат наклонился и протянул ему зажженную зажигалку:

— Не падайте духом, Керш! Не так страшен черт, как его малюют...

Керш сделал несколько затяжек и проговорил:

— Вы полагаете, у нас есть какие-то шансы опровергнуть всю эту бессмыслицу?! Со мной просто хотят разделаться. Комиссия Маккарти для того и создана, чтобы высвободить тепленькие места для партийных бонз-демократов. Это же коррупция в чистом виде! Если ты осмеливаешься критиковать политику правительства, значит, ты враг государству и тебя нужно отовсюду гнать... На нормальное судебное разбирательство и рассчитывать не приходится. Здесь уже не до того, когда комиссия подняла такой шум... Тот, кто хоть однажды попадет им в лапы,— конченый человек!

Как ни старался Гарри Уокфилд, ему так и не удалось разубедить своего клиента.

— Вы видите все в слишком мрачных тонах, Керш. Давайте лучше подождем, что нам покажет завтрашний день.

Бортовой громкоговоритель прервал их беседу. Второй пилот, как обычно, сообщил о прохождении маршрута:

— Мы летим на высоте шесть тысяч футов, скорость — четыреста восемьдесят километров в час. Погода ясная. Желаем вам приятного продолжения полета.

Командир самолета и его второй пилот были опытными летчиками. Оба уже налетали больше чем по миллиону километров без особых происшествий и аварий. Даже во время войны в зенитном огне над Рурской областью и Берлином они остались целы. А уж тем более теперь, когда стали «воздушными извозчиками», с ними ничего не могло случиться на такой современной машине, оснащенной по последнему слову авиационной техники.

Радист протянул пилотам по чашечке кофе взбодриться. Не заметив этого, командир толкнул его плечом — чашка упала на пол и со звоном разбилась.

— Посуда бьется к счастью, шеф,— засмеялся радист.

— А какого счастья нам еще надо, ведь мы не на войне. Что может случиться с этой колымагой?! — По широкому лицу командира расплылась добродушная улыбка.— Полет интересен только тогда, когда «устремляешься к звездам»!

Он посмотрел на небо, но вместо звезд увидел на секуритовом* стекле лишь отражение освещенных приборов.

Со скучающим видом командир зевнул...

В это время миссис Кинг в пассажирском салоне подозвала стюардессу. Она опрокинула на платье чашку с вишневым компотом. Девушка в летной форме принесла пятновыводитель, кусок полотна и склонилась над пожилой женщиной.

— Боже мой,— запричитала миссис Кинг, увидев, что усилия девушки не дают желаемого результата.— Я ведь не смогу в таком виде выйти в Портленде. Это ужасно!

---

* Секурит — вид небьющегося стекла.

Стюардесса с мягкой предупредительностью улыбнулась:

— Не волнуйтесь, мэм. Пятна скоро исчезнут. Вам только нужно на несколько минут запастись терпением...

Однако миссис Кинг оставалась безутешной. Она резко поднялась:

— Мне, наверное, лучше переодеться. Принесите, пожалуйста, мой чемодан!

Стюардесса отрицательно покачала головой, что означало вежливый, но твердый отказ. Отсек с багажом и другими грузами был закрыт снаружи и открывался из кабины пилотов только в аварийных случаях. Персоналу в целях безопасности строжайше запрещалось допускать пассажиров к багажу во время полета.

— К сожалению, это невозможно, мэм,— извиняющимся тоном проговорила стюардесса.

С недовольным видом миссис Кинг опустилась в кресло. Она сердито посмотрела на багровые пятна на своем платье, затем взглянула на ручные часы — они показывали ровно семь часов и шли на минуту вперед часового механизма адской машины в ее чемодане. Здесь секундная стрелка обежала еще круг, и тогда сработал детонатор взрывного устройства...

Фермер Клифф Брубэйкер только что покормил коров и уже собирался закончить свой рабочий день. Он закрыл на засов дверь хлева и направился к дому, где жена и дети ждали его к ужину. Как и каждый вечер в это время, он услышал гул приближающегося самолета компании «Юнайтед Эйрлайнз», который всегда пролетал над его домом в северо-западном направлении. Он посмотрел на небо и распознал темный силуэт, обозначенный с двух сторон навигационными огнями.

В ту же секунду темноту неба разорвала яркая вспышка. «Метеорит»,— подумал в первый момент Брубэйкер и на мгновение даже обрадовался, что видит такое редкое явление. Однако тут же в окнах задребезжали стекла, раздался приглушенный грохот, похожий на отдаленные раскаты грома. Падающая звезда, казалось, взорвалась, как ракета.

— Ой! — раздался голос жены, которая незаметно для фермера вышла из дома.— Смотри, Клифф, падающая звезда, видишь?!

Брубэйкер продолжал неотрывно смотреть вверх. Огненные шары медленно опускались на землю и раскалывались на бесчисленные звездочки. Между ними в воздухе протянулись огненные полосы. Это был загоревшийся при взрыве бензин; адским дождем он падал на землю.

Брубэйкер резко повернулся к жене.

— Не метеорит это,— сказал он хрипло.— Летел вечерний самолет в Портленд. Там что-то не...— Не договорив фразы, сорвался с места и побежал к дому. В гостиной он бросился к телефону и набрал первый номер, который пришел в тот момент ему в голову,— номер ближайшего поста пожарной охраны.

— Самолет разбился! — прокричал он сдавленным голосом, когда на том конце провода сняли трубку, и стал сбивчиво рассказывать, что он видел только что над своим домом.

Тем временем в комнату вошла жена, которая так и не поняла, что произошло:

— Что это было? О каком самолете ты говоришь? И кому в такое время звонишь?

Известие об ужасной авиакатастрофе за несколько минут достигло Денвера. В девятнадцать тридцать радиостанция Денвера прервала концерт танцевальной музыки. Диктор кратко сообщил о падении самолета ДС-6-В и призвал людей, проживающих вблизи места катастрофы, оказать помощь в спасательных работах. Через полчаса и остальные радио- и телестанции Америки передали информацию о случившемся.

В первую очередь, разумеется, заволновались близкие и родственники людей, летевших в самолете, а также руководство и акционеры компании «Юнайтед Эйрлайнз». Каждая такая катастрофа вызывала в последующие недели падение курса акций по крайней мере на двадцать пунктов; тому свидетельством — опыт печально знаменитой серии аварий британских самолетов «Комет». При ста тридцати миллионах акционерного капитала это означало потерю не меньше двадцати шести миллионов долларов! Для торгового баланса «Юнайтед Эйрлайнз» наступил черный день.

Поиски тел погибших и обломков самолета, а также выяснение причин катастрофы в тот же вечер начать не смогли. Их пришлось отложить на утро 2 ноября: пассажирам и экипажу помочь уже было нельзя, да и ночью такие поиски вряд ли дали бы какие-нибудь результаты. К тому же точного места падения еще не знали.

На следующее утро во дворе фермера Брубэйкера

появились инспектор местного отделения уголовной полиции, окружной прокурор, шериф и два господина в черном из авиакомпании. Мистер Брубэйкер, его жена, а затем и их дети вместе с подошедшими соседями подробно рассказали о похожем на полет метеорита падении самолета. Их показания были запротоколированы, но все это нисколько не объясняло причин катастрофы.

Стоит ли терять попусту время и выяснять, почему произошла катастрофа, размышляли члены следственной комиссии. Оставшихся в живых — только они могли бы дать нужные показания об этом — нет, самолет развалился на тысячи обломков. Но даже если после многодневных и весьма дорогостоящих поисков эти обломки соберут, разве можно будет узнать больше, чем уже и так известно,— что ДС-6-В взорвался, упал и сгорел? Возможно, эксперты и смогут определить, что взрыв вызвала какая-то неисправность бензопровода, короткое замыкание или еще что-нибудь в этом роде... Но кому это поможет? Ни погибшим, ни полиции, ни тем более авиакомпании. Уж ее-то представители совсем не были заинтересованы, чтобы подобные подробности стали предметом широкого обсуждения.

Итак, следственная комиссия ограничилась несколькими формальными допросами, и вся ее работа наверняка закончилась бы составлением ничего не говорящего протокола... если бы на этот день в Вашингтоне в комиссии Маккарти не было назначено слушание дела государственного чиновника Джека Керша.

Агент Кремля, который погиб в авиационной катастрофе буквально накануне разбирательства в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, был подозрителен вдвойне. Не видна ли тут «рука Москвы»? Может быть, это устранение сообщника, ставшего обременительным?

В тот же день сенатор Маккарти добился у федерального прокурора разрешения на участие ФБР в расследовании причин авиакатастрофы, поскольку, по американским законам, расследованием подобных инцидентов, будь то несчастный случай или преступление, занимаются местные власти, в данном случае — полиция и прокуратура штата Колорадо. Исключение могло быть только при подозрении на политический характер преступления. Для этого президент Трумэн 21 марта 1947 года издал указ, который позволял в любое время проверить политическую благонадежность каждого из двух миллионов государственных служащих. Этим занимался специальный отдел ФБР, агенты которого могли шпионить когда и за кем им вздумается, официально не возбуждая никакого дела.

Таким образом, ФБР приняло на себя дальнейшее расследование причин катастрофы ДС-6-В. То, что затем последовало, показывает, какой неограниченной, никем не контролируемой властью обладает американская федеральная полиция, когда дело касается так называемых политических преступлений...

Для начала были мобилизованы две тысячи национальных гвардейцев, чтобы оцепить место падения самолета площадью около двух квадратных километров. Затем за работу взялись топографы. По середине оцепленного района белой лентой они провели прямую линию по направлению полета. Через интервалы в триста тридцать три метра эту основную линию пересекли поперечными полосами, опять же длиной в триста тридцать три метра. В результате получилась сеть пронумерованных квадратов. Солдаты стали прочесывать эти квадраты, подбирая все, что находилось на земле и могло иметь отношение к упавшему самолету: металлические обломки, остатки багажа, части исковерканных трупов...

Каждая находка снабжалась табличкой, а место ее обнаружения после тщательных замеров фиксировалось на карте района бедствия. Все обломки самолета были доставлены в Денвер и закреплены на специально изготовленной деревянной модели ДС-6-В в натуральную величину. Целыми днями инженеры-самолетостроители пытались собрать из тысяч обломков корпус взорвавшейся машины. Останки жертв катастрофы тоже подвергли «реконструкции». Девятерых удалось опознать довольно быстро с помощью родственников и по личным вещам. У остальных тридцати пяти трупов были сняты отпечатки пальцев и проверены по огромной дактилоскопической картотеке ФБР. Это, пожалуй, самое крупное в мире собрание отпечатков пальцев возникло во время второй мировой войны, когда федеральное бюро расследований по соображениям безопасности брало отпечатки у всех, кто призывался на военную службу или работал в оборонной промышленности.

Через четыре дня в Денвере удалось почти полностью собрать фюзеляж самолета из подобранных обломков... за исключением одного-единственного фрагмента! Не могли найти той части корпуса, которая подходила бы

к рваному отверстию в правом борту — там, где располагалось багажное отделение.

Специалисты ФБР провели в лаборатории испытания металлов, взрывчатых веществ, спектрально-аналитические исследования и установили, что металл в этом месте был деформирован с гораздо большей силой, чем в других частях самолета. В результате анализа мельчайших металлических осколков фюзеляжа на их внутренней стороне был обнаружен светло-серый пороховой налет, который мог образоваться только от воздействия взрывчатого вещества. Кроме того, нашли медный уголок от чемодана, глубоко впрессованный в поверхность контейнера из нержавеющей стали. Никакой удар при падении не смог бы так глубоко вогнать один металл в другой.

Все эти улики указывали на то, что причиной катастрофы самолета был взрыв в багажном отделении. Но поскольку в этой части машины не было ни топливных баков, ни бензопровода, трагедия, судя по всему, произошла или из-за случайного взрыва какого-то опасного груза, или в результате диверсии.

Капитан Рой Мур, который в официальном сообщении был представлен как руководитель следственной группы ФБР, 7 ноября 1955 года, через шесть дней после трагического происшествия, заявил в прессе, что причиной катастрофы является диверсионный акт. Он пообещал американцам в скором времени завершить расследование этого гнусного преступления и намекнул, что федеральная полиция уже вышла на след и будет действовать без промедления.

Содержание и тон этого заявления не оставляли сомнений в том, что преступление имеет политический характер... Все американские газеты в специальных выпусках опубликовали сообщение о предполагаемой подоплеке катастрофы и распространили по всей стране сведения, которые по сути дела являлись еще строго секретной информацией ФБР. Курс ценных бумаг «Юнайтед Эйрлайнз» на бирже сразу же подскочил на восемь пунктов. Ведь жертвой коммунистических происков могла стать любая авиакомпания, поэтому не было оснований избегать полетов на самолетах «Юнайтед Эйрлайнз». Дирекция компании, разумеется, была довольна таким поворотом событий.

ФБР тем временем развернуло широкомасштабную операцию по розыску и аресту террористов и их вдохновителей. С предельной тщательностью несколько сотен

агентов до мельчайших подробностей изучали жизнь пассажиров разбившегося самолета, его экипажа, работников наземных служб и всех отправителей грузов, которые перевозились этим рейсом. Без разбора производились обыски, конфискации, аресты...

Однако не все американские газеты приняли всерьез примитивный лозунг ФБР «Во всем виноваты коммунисты!». Некоторые журналисты считали эту версию слишком недалекой и обращали внимание на другие, более очевидные мотивы, подчеркивая при этом, что американская уголовная история изобилует всякого рода махинациями в области страхования. В связи с этим они напоминали об одной похожей авиационной катастрофе, которая произошла два года назад в Канаде. Тогда три злоумышленника, чтобы получить страховку, прикрепили динамит к хвосту самолета. Взрывное устройство, реагирующее на резкое колебание температур, сработало на высоте четырех тысяч метров.

Мистер «Рой Мур», таинственный вдохновитель расследования ФБР,— за этим псевдонимом, как предположили позднее американские газеты, должно быть, скрывался сам шеф ФБР Эдгар Гувер — отверг эти утверждения журналистов как бездоказательную болтовню. На одном из совещаний он поучал: «Подобное преступление не повторят хотя бы потому, что оно закончилось неудачей. Дело тогда быстро раскрыли, и эти умники попали на электрический стул. Американский преступник не настолько глуп, чтобы повторять безнадежное дело. Нет, ребята, мы должны двигаться в другом направлении. Это политическое убийство».

Поскольку мистер «Мур» сказал такое на служебном совещании, для его подчиненных это было равносильно приказу. Поэтому следствие шло только в одном, раз и навсегда указанном направлении. И уже казалось, что вскоре такая тактика приведет к успеху.

В Денвере была арестована жена погибшего в авиакатастрофе чиновника Джека Керша; ее подвергли длительному допросу, выясняя прошлое покойного мужа, круг его друзей и политические взгляды. Миссис Лина Керш показала, что муж, действительно, часто негативно высказывался о правительстве, причем особенно неодобрительно о его внешней политике. В протоколе допроса записано: «Мой муж критиковал то, что правительство

упорствует в своей антирусской и антикитайской политике, и неоднократно говорил, будто для экономического положения Америки было бы хорошо, если бы США развивали торговлю с этими странами, вместо того чтобы тратить деньги налогоплательщиков на бесполезную гонку вооружений и пропагандистскую кампанию...»

Миссис Керш сообщила во время допроса, что муж ее был знаком с неким Ричардом Хэймзом, членом коммунистической партии, который поддерживал мужа в его взглядах. Она призналась также, что Джек Керш, после того как получил вызов в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, несколько раз встречался с Хэймзом и обсуждал с ним тактику поведения во время предстоящего слушания его дела.

Агенты ФБР взяли тем временем в оборот домашнюю прислугу семьи Кершей и узнали, что Джек Керш накануне отлета в Портленд получил перевязанный пакет и положил его в чемодан, с которым на следующий день поехал в аэропорт.

В центральной картотеке ФБР быстро узнали детали биографии Ричарда Хэймза: до 1947 года он был членом Комммунистической партии США, затем вышел из нее, когда правительство стало менять свою внешнюю политику. Хэймз в то время собирался поступать на дипломатическую службу и не без оснований опасался, что его кандидатура будет отклонена, если он останется в компартии.

Таким образом, по мнению сотрудников ФБР, круг замкнулся. Они уже более не сомневались, что Хэймз вышел из рядов компартии лишь для того, чтобы внедриться в дипломатическое ведомство. В ФБР были убеждены, что работавший в министерстве сельского хозяйства Джек Керш являлся одним из звеньев агентурной цепи. Итак, вывод был сделан: пакет, который Керш упаковал в чемодан, скорее всего являлся адской машиной с часовым механизмом.

Руководство ФБР настолько уверовало в свою версию, что затребовало телеграммой в прокуратуру Денвера ордер на арест Хэймза и даже разбудило телефонным звонком президента Соединенных Штатов, чтобы сообщить ему о предстоящем разоблачении коммунистической агентурной сети.

В этот же час перед виллой советника Ричарда Хэймза остановились четыре бронированных автомобиля ФБР. Только двое из приехавших — молодые мужчины

спортивного вида — прошли в подъезд дома, остальные же незаметно рассредоточились в саду, чтобы вести наблюдение за окнами и запасными выходами.

У обоих въездов на территорию виллы стояло в это время около двух десятков роскошных лимузинов. Ричард Хэймз устраивал один из обычных, но пышных приемов, которые были неотъемлемой частью жизни представителей дипломатического корпуса.

Хэймз был не совсем трезв, когда облаченный во фрак дворецкий разыскал его у бара в зимнем саду и, почтительно остановившись, доложил о прибытии поздних гостей.

— Что там т-такое, Бэрнз? — тяжело ворочая языком, осведомился советник.

— Мистер Хэймз,— деликатно прошептал дворецкий,— двое господ настоятельно хотят с вами поговорить. Однако ваш костюм...

— Вот пусть и приходят в другой раз,— перебил его Хэймз и повернулся к гостям.

Дворецкий подошел к нему ближе:

— Но их невозможно выпроводить. Они настаивают на том, чтобы вы их приняли...

Хэймз вышел из себя:

— В чем дело, Бэрнз?! У меня нет времени. Выкиньте этих парней на улицу, если не хотят уходить сами! — Он с улыбкой поднял бокал и выпил за здоровье дам, которые уже начали посмеиваться над бестолковым дворецким.

— К сожалению, ничего не выйдет,— прошептал Бэрнз, повернув голову немного в сторону.— Господа утверждают, что они из ФБР.

Как ни старался дворецкий говорить тихо, эти три буквы разобрали все стоявшие поблизости гости. Приподнятое настроение моментально улетучилось. Правда, Хэймз попытался рассмеяться, но получилось это как-то вымученно.

— Прошу меня простить, небольшой служебный вопрос... Я скоро вернусь,— сказал он нарочито непринужденным тоном, однако голос его звучал неуверенно.

На негнущихся ногах и с натянутой улыбкой Хэймз прошел через зал в небольшую приемную.

Молодой человек, выглядевший из-за своих модных квадратных очков как студент колледжа, поднялся из необъятного кожаного кресла и коротко сказал:

— Наденьте пальто, мы вынуждены вас забрать с собой.

— Простите, что вы сказали? — непонимающе спросил Хэймз.

Из второго кресла поднялся второй агент и зашел за спину Хэймза.

— Одевайтесь. Поедете с нами,— отрывисто и по-деловому проговорил он, мельком показав свое удостоверение.

— Но у меня гости... Я не могу сейчас уехать,— попытался протестовать дипломат.

Фэбээровцы равнодушно пожали плечами. Дворецкий принес пальто и держал его наготове перед хозяином. Агент в очках взял пальто и набросил Хэймзу на плечи, словно хотел сказать: «Пошевеливайся, у нас нет никакого желания возиться с тобой всю ночь!»

— Имейте в виду, у меня такое положение в обществе...

— Да, да... конечно,— со скучающим видом вздохнул второй агент.

Хэймз принялся надевать пальто.

— А в чем, собственно, дело? — предпринял он последнюю попытку выразить протест.

— Обо всем узнаете в управлении, пойдемте.— Не церемонясь больше, они взяли дипломата под руки и повели к выходу.

У двери в большой зал столпились гости и с вытянутыми лицами наблюдали за этой сценой.

В местном управлении ФБР Хэймз на какое-то время обрел утраченную самоуверенность.

— Это возмутительно! — начал было он бушевать.— Я дипломат, у меня служебные обязанности... Я требую, чтобы мне предоставили возможность связаться с моим адвокатом, иначе я не скажу ни слова.

Один из пяти мужчин, находившихся в комнате, подошел к нему, показал жестом, чтобы он снял пальто и ногой пододвинул стул:

— Садитесь и попридержите язык.

Хэймз сел, но тут же снова вскочил:

— Я требую адвоката...

На его плечо легла рука и с силой заставила сесть на стул.

— Сначала признайтесь, потом получите адвоката. А то он помешает вам говорить правду...

— Мне не в чем признаваться, я требую объяснений, почему меня задержали. Я же не преступник...

Человек, стоявший перед Хэймзом, уперся кулаками

в бока, слегка наклонился к нему и прокричал в лицо:

— Нет, ты не преступник! Тут ты абсолютно прав. Ты просто паршивая коммунистическая свинья! — Он отвел руку назад, явно собираясь заехать кулаком Хэймзу в лицо.

— Погоди, Дик. Дай-ка сначала я попробую...

Из-за письменного стола поднялся невысокий человек с впечатляющим орлиным носом и подошел к Хэймзу.

— Мы ни в коем случае не задержим вас больше, чем необходимо, мистер Хэймз,— сказал он с неожиданной доброжелательностью. Взяв стул, он сел напротив и, прежде чем задать вопрос, предложил сигарету:

— Я хотел бы сразу приступить к делу. Об авиакатастрофе в Денвере вы, конечно, знаете. Нам от вас нужно только одно: от кого вы получили это задание и кто за вами стоит.— Сотрудник ФБР говорил с такой подкупающей простотой, будто весь допрос был ничего не значащей формальностью.

Смысл вопроса дошел до Хэймза не сразу:

— Стоит за мной? Кто может стоять за мной? И вообще, какое отношение к авиакатастрофе...

Он не успел договорить фразу до конца. По знаку человека с орлиным носом из соседней комнаты ввели негра — слугу погибшего Джека Керша.

— Расскажите этому господину, кто вы и что вы нам сообщили,— резко приказал допрашивающий чиновник.

Негр послушно заговорил:

— Мистер Хэймз ведь хорошо меня знает! И знает, что я служу в доме мистера Керша. Уже четыре года...

— Давайте без лишних слов! Расскажите, зачем вы заходили к Хэймзу накануне гибели мистера Керша.

Негр испуганно закивал головой:

— Да, сэр. Мистер Керш послал меня к мистеру Хэймзу. Я должен был забрать пакет...

— Прекрасно... Забрали вы пакет?

— Конечно.

— Когда Хэймз вручал вам пакет, не было ли в его поведении чего-нибудь странного, необычного?

— Мне показалось, будто он хотел, чтобы этот пакет никто не видел. В комнате ведь был еще один господин, и мистер Хэймз оставил меня ждать, пока этот господин не уйдет. А потом достал пакет из стенного сейфа, который за картиной.

— Сказал ли Хэймз, что вы должны делать с пакетом?

— Нет... то есть он велел передать пакет только в руки мистеру Кершу, а не миссис Керш. И еще... я должен был об этом молчать.

Пока негр говорил, фэбээровец внимательно наблюдал за Ричардом Хэймзом. Он мог быть доволен произведенным эффектом. Хэймз не сумел скрыть ужаса, который вызвали у него показания негра. Чтобы спрятаться от злорадных взглядов человека из ФБР, он закрыл лицо руками и в отчаянии опустил голову.

В эти минуты Хэймз понял, что его дипломатической карьере пришел конец, но еще не догадывался, в каком чудовищном преступлении его на самом деле подозревают. Он не заметил, как негр вышел из комнаты. Лишь когда с ним снова заговорили, он поднял голову.

Еще дружелюбнее, чем прежде, сотрудник ФБР сказал:

— Хэймз, вы видите, что нам все известно. Но речь идет не только о вас — мы даже готовы при определенных обстоятельствах выпустить вас на свободу. Выступите в качестве свидетеля обвинения на открытом процессе, расскажите обо всем публично, скажите, кто дал вам взрывное устройство, из кого состоит ваша шпионская группа, подтвердите, что приказы вы получали из русского посольства — и через час после завершения процесса вы уже будете свободным человеком.

Хэймз опять попытался вскочить. И снова рука стоявшего за его спиной охранника придавила его к стулу.

— Да вы что, с ума сошли?! У меня никогда не было никаких дел с русским посольством.

Фэбээровец укоризненно покачал головой:

— Погодите, Хэймз. Вам нечего бояться мести своих бывших друзей... За кого вы нас принимаете? Вы, конечно же, получите другие документы и новую должность в другом городе. Ведь мы заботимся о людях, которые идут нам навстречу, даже если они этого не всегда заслуживают. Высшие государственные интересы иногда требуют такой снисходительности. В конце концов вы лишь статист в этой игре. Возможно, вы даже верите, что коммунизм — это рай земной и что ради его достижения необходимо приносить жертвы, даже если это сорок четыре ни в чем не повинных человека. Так что прощение заслужить вы можете. Но нам нужны те, кто стоит за вами.

Он говорил с почти отеческой терпеливостью, без малейшего намека на иронию.

Ричард Хэймз немного успокоился. Он понял, что его пытаются обвинить в диверсии; но каким бы ужасным ни показалось ему в первый момент это обвинение, оно было все же слишком абсурдным, чтобы воспринимать его всерьез. Пакет, который он послал своему другу, содержал письма, дневники, записи, документы, которые должны были помочь Кершу доказать комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, что он такой деятельностью не занимался, что много лет назад он вышел из компартии, да и вообще вступил в нее только из-за своего идеализма и под впечатлением побед тогдашних союзников. Он надеялся в то время, что коммунистическое мировоззрение сможет решить те проблемы, которые в мире, построенном по-капиталистически, вечно остаются нерешенными. Интересно, как они докажут, что в пакете была адская машина, даже если очень захотят этого? Ведь всякое обвинение должно подкрепляться доказательствами. Как вообще они докажут, что он был членом компартии, если все документы уничтожены, а Джек Керш мертв? Именно в этом Ричард Хэймз увидел сейчас возможность разорвать дьявольский круг, в котором оказался.

Спокойно и взвешенно он проговорил:

— Вы сильно заблуждаетесь, господа. У меня нет никакой связи ни с русским посольством, ни с коммунистической партией, ни с какой бы то ни было шпионской группой! Мой друг Керш передал мне в свое время на хранение небольшой подарок для одной своей знакомой из Портленда; о нем, разумеется, не должна была знать его жена. Поэтому-то я и сказал слуге вручить пакет только в руки мистеру Кершу. Неужели вы серьезно думаете, что я поручил бы прислуге доставить адскую машину?.. Тогда бы уж лучше я сам ее отвез...

Сотрудник ФБР несколько секунд раздумывал, поигрывая зажигалкой, а затем с сожалением сказал:

— Ну-ну... И это вся правда? Жаль, действительно, жаль! Но если я вас сейчас поймаю на лжи, позвольте уж тогда мне предположить, что и все остальное, о чем вы мне только что рассказали, тоже ложь.

Ричард Хэймз, не задумываясь, согласно кивнул. Фэбээровец поднялся со стула, подбросил зажигалку, поймал ее и подошел к двери.

Хэймз увидел, как он впустил в комнату женщину в черной вуали. Лишь когда она подошла ближе к настольной лампе, он узнал Лину Керш, вдову его погибшего друга.

Допрашивающий предложил ей стул. Когда Лина подняла вуаль, Хэймз вздрогнул — на него устремился исполненный холодной ненависти взгляд. От Лины во время допросов не ускользнуло, что ФБР считает Ричарда Хэймза убийцей ее мужа.

— Миссис Керш,— начал фэбээровец,— не поможете ли нам освежить память мистера Хэймза?

Женщина сдержанно кивнула.

Хэймз смотрел на нее во все глаза.

— Мы знаем друг друга со времен войны,— сразу начала Лина Керш.— Мистер Хэймз, мой муж и я когда-то были друзьями.

Ричард Хэймз опустил голову. В уголках его губ обозначились горькие складки.

— Тогда,— продолжала миссис Керш,— мы были очень молоды, очень романтичны, полны всяких надежд. Только что выиграли войну, а русские — наши союзники... В Нью-Йорке в то время было очень модно принадлежать к леворадикальным кругам. Мистер Хэймз был членом коммунистической партии и очень ловко сумел использовать для своих целей нашу патриотическую восторженность. Он агитировал моего мужа до тех пор, пока Джек тоже не вступил в компартию.

— Вы не знаете, занимал ли мистер Хэймз какое-нибудь заметное место в партии? Я имею в виду — был ли он активным ее членом? — спросил фэбээровец, самодовольно скрестив на груди руки.

— У меня сложилось впечатление, что он был руководителем местной организации, к которой мы относились... О, он был очень активен,— ответила Лина с неподвижным лицом.

Хэймз вышел из оцепенения. Он хотел что-то спросить у миссис Керш, но сотрудник ФБР опередил его:

— Ну так что, мистер Хэймз, как обстоит дело с остальным? И после этого я должен верить вашим словам?!

Кивком головы он распорядился увести Лину Керш, а когда дверь за ней закрылась, остановился перед Ричардом Хэймзом:

— Итак, Хэймз, не лучше ли вам принять мое предложение?

Тут Хэймз потерял самообладание и стал кричать этим пятерым, что он невиновен. Он буянил, плакал и наконец в полном изнеможении затих.

Ему дали несколько часов отдохнуть и возобновили допрос, но уже в другом помещении, без окон, и не таким дружелюбным тоном, как прежде. Вскоре непрерывные перекрестные допросы измотали его, и, будь он хоть как-то замешан в диверсии, он признался бы. Он вообще признался бы во всем, что хотели услышать от него сотрудники ФБР. Но он ничего не знал об агентах Кремля, он не знал никаких шпионских групп, он никогда в жизни не держал в руках динамитного патрона, не говоря уже об адской машине. Он просто был не в состоянии дать такие ответы, каких от него ждали.

Однако расследование не ограничивалось допросами только Ричарда Хэймза. Поиски диверсантов велись по всей стране. Во многих местах задерживали людей с прокоммунистическими взглядами, если они имели хоть какое-то отношение к разбившемуся самолету. Их допрашивали, им угрожали, иногда избивали... Поиски убийцы сорока четырех человек, летевших из Денвера в Портленд, вылились в одну из крупнейших политических акций в истории Америки. Но необходимых признаний не было...

Поэтому неудивительно, что объектом пристального внимания стали также родственники той безобидной пожилой дамы, которая первый раз в жизни села в самолет, чтобы помочь дочери на Аляске в уходе за ее первенцем. Эта дочь, жившая в «ледяной пустыне», и сын от первого брака, Джек Грэхэм, были ее единственными родственниками. Дочь сразу вычеркнули из списков подозреваемых, так как у нее не было никакой возможности подложить в самолет бомбу. Сыном занялись всерьез, и прежде всего потому, что у него была судимость за подделку документов и попытку мошенничества.

Когда сотрудники ФБР стали тщательно изучать прошлое Джека Грэхэма, то узнали о нескольких случаях манипуляций со страховками, не принесших, однако, желаемых результатов. Он, например, застраховал на большую сумму старый грузовик, который давно пора было сдать на металлолом, и однажды ночью оставил его на неогороженном железнодорожном переезде. По всей видимости, Грэхэм хотел «нагреть» страховую компанию на кругленькую сумму. Полиция в тот раз не смогла доказать наличие у него преступного замысла, и поэтому до судебного разбирательства дело не дошло. Через несколько месяцев в маленькой автомастерской Грэхэма, которую ему подарила мать, чтобы обеспечить его жизнь,

взорвалась газовая плита. При этом, по его утверждению, сгорела шкатулка с пятью тысячами долларов. Когда страховая компания поставила условием выплаты страховки тщательное расследование несчастного случая, Грэхэм неожиданно отказался от своих претензий по страховым контрактам.

С каждой страницей дела Джека Грэхэма перед агентами ФБР все отчетливее вырисовывался портрет уже далеко зашедшего по кривой дорожке молодого человека, который никогда не хотел честно трудиться и получал свои доходы, если только это не были деньги сердобольной матери, из довольно темных источников. Контрабанда алкогольных напитков, торговля наркотиками и махинации с тотализатором — это еще достаточно безобидные делишки Грэхэма. Когда ему однажды удалось устроиться на одну фабрику учетчиком, он при первой же возможности украл чековую книжку у владельца фабрики, подделал подпись и снял со счета в банке четыре тысячи двести далларов. За две тысячи он купил подержанный спортивный автомобиль, а остальное прокутил, устроив себе веселую жизнь. Когда у него в кармане не осталось ни цента, он сдался полиции. Ему дали два года тюрьмы, но отсидел он лишь два месяца, так как мать возместила ущерб и тюрьму заменили условным сроком. С тех пор Грэхэм больше не попадался в поле зрения полиции; выглядело все так, будто он взялся за ум. Он женился и устроился работать мойщиком машин в большом гараже.

20 января 1956 года Джека Грэхэма с молодой женой впервые вызвали в местное управление Федерального бюро расследований. Сотрудник сделал это ради «галочки» — ему нужно было закончить проверку всех причастных к делу лиц, и не хватало только протокола с допросом Грэхэмов.

Первым давал показания Джек Грэхэм. В ходе беседы сотрудник ФБР передал ему сумочку погибшей матери, которая была обнаружена среди обломков самолета почти неповрежденной. Чтобы Грэхэм мог подтвердить, какие предметы и документы были ему вручены, сотрудник открыл сумочку и выложил ее содержимое на письменный стол. На пол упал сложенный листок бумаги. Фэбээровец поднял его и развернул — это была квитанция за доплату, которую миссис Кинг получила перед полетом в багажном отделении. Скорее для порядка, чем подозревая что-то, сотрудник спросил:

— Что ж такое тяжелое взяла с собой ваша мать, раз ей пришлось доплачивать?

— Понятия не имею, чего она там напихала,— ответил Грэхэм.— Мать сама укладывала чемодан. Я только знаю, что она собиралась взять с собой несколько патронов для охотничьего ружья... хотела там поохотиться. И еще подарок для моей сестры.

Сотрудник удовлетворился этим объяснением, дал Грэхэму подписать протокол и отправил его из кабинета. Затем он вызвал жену Грэхэма Глорию.

Миссис Грэхэм подтвердила слова мужа о том, что Дэйзи Кинг взяла с собой охотничьи патроны и подарок для дочери. Только в одном их показания не совпадали. Глория Грэхэм сказала, будто Джек собственноручно упаковывал пакет с патронами в подвале дома.

Сотрудник ФБР удивленно посмотрел на нее:

— А вы не ошибаетесь, миссис Грэхэм?

Молодая женщина покачала головой:

— Конечно, нет, мне еще пришлось спуститься в подвал, потому что это было так долго... Джек очень тщательно упаковал патроны, чтобы чего-нибудь не случилось.

Джека Грэхэма снова вызвали и указали на это противоречие. Проводивший допрос сотрудник в данном случае заботился лишь о том, чтобы согласовать между собой оба протокола. Вся эта история и так заняла у него слишком много времени.

И здесь у Грэхэма сдали нервы — он вдруг начал кричать на жену:

— Глория, что за чушь ты тут несешь?! Ведь мать сама уложила свой чемодан! Я и в руки не брал эти патроны!

Глорию Грэхэм, в свою очередь, разозлило такое упрямство мужа, и она сердито проговорила:

— Джек! Да ты что, ведь я сама видела, как ты в подвале обматывал патроны проводом и упаковывал в плотную бумагу. Я еще спросила тебя, для чего ты положил в пакет твои старые карманные часы. Они ведь лежали сверху, на патронах!

Тут наконец до фэбээровца дошло, что с чемоданом миссис Кинг не все в порядке.

Полчаса спустя полдюжины агентов ФБР уже обыскивали дом Грэхэмов от подвала до чердака. В спальне они нашли в комоде страховые полисы, которые Джеку Грэхэму выдал автомат в кассовом зале аэропорта, а в

ящике для старого белья — коробку с подарком, купленным миссис Кинг для дочери. Наконец, в подвале сотрудники ФБР наткнулись на спрятанные в шкафчике для инструментов... охотничьи патроны! Здесь же, в углу, обнаружились еще более интересные вещи: пустая картонная коробка с надписью «Взрывоопасно — динамит!» и неполный моток провода, который используется в запальном устройстве динамитных зарядов.

Теперь уже вывод напрашивался сам собой: Джек Грэхэм смастерил в подвале адскую машину и незаметно положил ее в чемодан вместо упакованной матерью коробки с подарком.

Грэхэм с безучастным лицом наблюдал, как агенты ФБР раскладывали на столе в гостиной вещественные доказательства его ужасного преступления. Что происходило у него в душе в этот момент, понять было трудно. Лишь когда один из сотрудников спросил его: «Ну как, может, вы все-таки признаетесь, что взорвали самолет?» — он криво ухмыльнулся: «Это вам еще надо доказать!»

Хотя Грэхэм за свою двадцатидвухлетнюю жизнь уже не раз имел дело с полицией, однако с политическим отделом ему, видимо, сталкиваться не доводилось, иначе он такого бы не сказал. Он не выдержал и двенадцати часов допроса третьей степени. Доведенный до предела беспощадным светом прожекторов и физическим воздействием, Грэхэм к полуночи прекратил бессмысленное запирательство. Его запекшиеся от жары губы почти не шевелились, когда он едва слышно проговорил: «Да, это я сделал. Только оставьте меня в покое!»

Прожекторы погасли, чья-то рука вытерла губкой его лицо, ему дали кока-колы, пододвинули сигареты, помазали губы освежающей мазью и обрызгали холодной водой.

Монотонным голосом Джек Грэхэм продиктовал в микрофон свое признание. Из двадцати пяти динамитных патронов, которые используются в горном деле, старых карманных часов и шестивольтной батарейки для карманного фонарика он смастерил бомбу с часовым механизмом. Необходимые для этого сведения почерпнул в мастерской, куда специально устроился и проработал там десять дней за восемьдесят центов почасовых. Мотив преступления: ему надоело постоянно клянчить деньги у матери, настолько, по его словам, мелочной, что он больше не мог этого выносить.

Грэхэм замолчал, и, когда его спросили, было ли это единственной причиной его злодеяния, он лишь молча кивнул. Ему осталось только подписать заготовленное заявление, которым подтверждалось, что свое признание он сделал добровольно, без принуждения и насилия. После этого его по распоряжению прокурора взяли под стражу.

Злая шутка судьбы заключалась в том, что денег по страховке Грэхэм все равно не получил бы. В волнении он забыл, что страховой полис надо было подписать его матери. Без ее подписи страховой контракт не имел силы.

Процесс над Джеком Грэхэмом начался уже через две недели в суде присяжных Денвера. Когда Грэхэм узнал, что его обвиняют не в диверсии — за это его могли приговорить всего лишь к десяти годам тюремного заключения,— а в убийстве сорока четырех человек, он отказался от своего признания и заявил, будто его пытками принудили взять на себя чужую вину. Однако доказательства, которые предъявил прокурор, были настолько убедительными, что присяжным заседателям потребовалось всего семьдесят две минуты, чтобы признать Грэхэма виновным. Судья Пауэлл, председательствовавший на процессе и определявший меру наказания, ни секунды не раздумывая, приговорил его к казни на электрическом стуле.

Приведение приговора в исполнение состоялось 9 февраля 1956 года. По пути из камеры смертников в помещение, предназначенное для казни, Грэхэм дважды падал в обморок, и каждый раз врач приводил его в чувство, поскольку закон определяет, что осужденный должен подвергаться казни в здравом уме и доброй памяти, то есть психически и физически здоровым.

Казнь Джека Грэхэма продолжалась четыре минуты и тридцать семь секунд и была одной из самых длительных экзекуций на электрическом стуле. На следующий день американские газеты писали, что смерть убийцы была ужаснее, чем смерть его жертв...

УБИЙЦА ВДОВ

Королева Елизавета, по-доброму улыбаясь, взирала на безволосый круглый череп шефа истборнской полиции Ричарда Уокера. Ее изображение пересекал прибой Английского канала*, который всего в сотне метров от здания полиции омывал пляж престижного морского курорта и отражался на стекле портрета. Зеркало воды доходило до королевской диадемы с бриллиантами в сотни карат, и порой казалось, что ее величество смотрит из аквариума.

Инспектор уголовной полиции Джеймс Пью, который, сидя на стуле для посетителей, уже довольно долго наблюдал за этой игрой света, не мог сдержать улыбки. Раздавшееся покашливание заставило его снова стать серьезным. Сэр Ричард Уокер, напротив которого он сидел уже полчаса, вытирал платком со лба крупные капли пота, хотя этот пятый день августа 1956 года был необычайно холодным.

Свободной рукой Уокер отодвинул кипу газет и проговорил уставшим голосом:

— Так, давайте подведем черту, Пью. Доктор Адамс уже тридцать лет является одним из самых уважаемых людей нашего города. И мы не можем вот так, ни с того ни с сего, начинать расследование и подозревать его, врача с безупречной репутацией, в убийстве, опираясь только на сомнительную писанину скандальной прессы. Репортеры все это высосали из пальца. Доктор Адамс — один из богатейших людей Англии, у него нет нужды убивать своих пациентов. Нет, нет, меня увольте от этого!

Инспектор Пью слегка пожал плечами:

— Не думаю, сэр, что мы можем это себе позволить. Газеты публикуют одну статью за другой. Население начинает проявлять беспокойство. Об этой истории с убийствами доктора Адамса говорят уже повсюду в Истборне. В чайных салонах кумушки пересказывают сплетни об убийце вдов. Адамса они называют не иначе как «доктор Синяя Борода». У нас нет другого выхода, даже если доктор Адамс — ваш друг. Мы обязаны начать расследование!

Сэр Ричард Уокер вскочил с кожаного кресла, тяжело ступая, подошел к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. Пью показалось, что он слышит учащенное биение его сердца.

Уокер несколько минут раздумывал, затем повернулся и с решительным видом подошел к телефону. Набирая номер центральной телефонной станции, он почти торжествовал:

— А почему обязательно мы должны вести расследование? У нас есть право и возможность подключить вышестоящую инстанцию. Здесь как раз тот случай, когда мы не в состоянии справиться с таким сложным делом. Для чего у нас существует знаменитый Скотланд-Ярд? Вот пусть они и поломают себе голову над этим...

На другом конце провода отозвалась телефонистка. Уокер торопливо сделал заказ:

— Мисс, пожалуйста, Скотланд-Ярд, отдел по расследованию убийств!

Пока начальник полиции ожидал связи с Лондоном и нервно теребил телефонный шнур, инспектор упорно смотрел в пол, чтобы не показать своего разочарования. Слишком велико было его желание самому заняться этим делом, которое газеты называли «преступлением века». Может быть, это помогло бы ему стать старшим инспектором, а то и заслужить перевод в Лондон, в «Ярд»?

Герберт Хэннэм, старший офицер уголовной полиции, или — он предпочитал, чтобы его так называли,— главный инспектор, был коренастым седым мужчиной пятидесяти лет. Выглядел он как корабельный маклер, зимой и летом носил твердый черный котелок в форме дыни, любил Мэрилин Монро и неприличные анекдоты, если их рассказывали не на службе. В остальном же он был человеком, полностью лишенным чувства юмора, педантичным и, пожалуй, как никто другой из англичан, терпеть не мог английские детективные романы и бегá борзых. Целью его жизни было стать начальником уголовной полиции. И все двадцать с лишним лет службы он преследовал эту цель с ожесточенной, поначалу даже

* Второе название пролива Ла-Манш.

какой-то фантастической настойчивостью. До поста руководителя отдела по расследованию убийств ему все же удалось подняться.

В его небольшом доме на окраине города всем заправляла миниатюрная приветливая жена, которой он в конце каждого месяца вручал нераспечатанным конверт со своим жалованьем и которой беспрекословно подчинялся; такого же подчинения он требовал и от своих подчиненных. Каждое утро, когда он отправлялся в бюро, имея в запасе четверть часа, жена провожала его до садовой калитки и кричала вслед звонким, проникнутым заботой голосом: «Герберт, только не вскакивай на ходу в автобус и, пожалуйста, подними воротник, ведь такая погода...» Вот уже девятнадцать лет она проделывала это каждое утро, потому что еще не было случая, чтобы Герберт Хэннэм не пошел на работу.

В силу служебного положения Хэннэм мог выбирать из поступающих дел такое, которое обладало признаками сенсационности, и можно было ожидать громкого резонанса в прессе. У Хэннэма выработалось особое чутье на такие дела, и не в последнюю очередь поэтому он стал самым известным криминалистом Скотланд-Ярда. Этим объясняется и его желание лично взяться за расследование дела об «убийце вдов из Истборна».

Ни одно уголовное дело последних лет не привлекало к себе такого внимания, как история умерщвления вдов в курортном Истборне. С основательностью бухгалтера Хэннэм сразу же начал готовиться к расследованию. Он запросил из отдела прессы все сообщения на эту тему, по справочникам ознакомился с историей города, его обитателями и их образом жизни, изучил календарь местного дворянства и записи в поземельной книге. После этого собрал следственную группу из опытных и надежных сотрудников; своим заместителем назначил сержанта Хьюита, пожилого, умудренного многолетним опытом криминалиста.

12 августа 1956 года Хэннэм с группой выехал на место. Истборн, расположенный на южном побережье Англии, был скорее большим роскошным домом престарелых, заполненным старухами-вдовами и пенсионерами, чем курортом. Каждый четвертый житель города был старше шестидесяти пяти лет, да и приезжающие отдыхать были преимущественно пожилыми людьми. Соответственно протекала и жизнь в городе: однообразно, консервативно, без каких-либо сенсаций. Преступность

была почти нулевой — последнее преступление с применением насилия произошло здесь тридцать два года назад. Тогда 74-летний миллионер из ревности зарезал свою 19-летнюю любовницу. Прежде чем полиция начала расследование, убийца умер: от всех этих волнений у него отказало сердце.

Для такого специалиста, как главный инспектор Хэннэм, Истборн большого интереса не представлял. Здесь не было ни притонов, ни игорных и публичных домов, ни района, подобного лондонскому Сохо, где имели обыкновение собираться уголовные элементы, и поэтому полиция знала, где искать. Дело, к расследованию которого Хэннэм приступил на следующий день, было самым странным из всех, что приходилось вести знаменитому криминалисту. В то время, когда все газеты под аршинными заголовками сообщали, что 59-летний истборнский врач доктор Джон Бодкин Адамс за последние двадцать лет умертвил наркотическими инъекциями не то двадцать, не то четыреста двадцать богатых вдов, предварительно заставив их под гипнозом завещать в свою пользу не то 31 618, не то 498 741 фунт стерлингов — цифры зависели от фантазии газетчиков,— этот полноватый, невысокий человек с круглой лысой головой в дешевых очках на носу картошкой как ни в чем не бывало продолжал заниматься врачебной практикой. Более того, в приемной роскошной виллы на Тринити Триз, 6, теперь отбоя не было от пожилых дам, которые хотели стать его пациентками. Ведь у скучающих женщин появилась возможность пощекотать себе нервы, рассказывая где-нибудь за чаем: «Меня сегодня обследовал мой будущий убийца...»

Главному инспектору и его сотрудникам предстояло проверить обоснованность каждого подозрения, высказанного в многочисленных газетных статьях и сообщениях. Было изучено четыреста двадцать историй болезни умерших пациенток, произведено шестнадцать эксгумаций и просмотрено множество завещаний. Ничего, что позволило бы утверждать, будто доктор Адамс каким-то предосудительным образом способствовал смерти больных или составлению ими завещания в его пользу, обнаружено не было. Однако это не обескуражило Хэннэма. Он, как ищейка, продолжал кружить по Истборну, пока в подвалах нескольких аптек не наткнулся на рецепты на получение наркотиков, правда, выписанные шесть лет назад, но предназначались они одному человеку — мис-

сис Эдит Элис Морелл. Под всеми рецептами стояла одна и та же подпись: доктор Джон Бодкин Адамс. Казалось, Хэннэм наконец вышел на верный след.

Умершая 13 ноября 1950 года на восемьдесят девятом году жизни Эдит Морелл, вдова ливерпульского фабриканта, за несколько дней до смерти изменила завещание в пользу доктора Адамса, оставив ему свой «роллс-ройс», 6675 фунтов стерлингов наличными и шкатулку с драгоценностями. Об этом Хэннэм узнал от бывшего душеприказчика вдовы адвоката Согноу.

«Изменение в завещание было внесено под воздействием наркотиков»,— сообщила инспектору медсестра Энн Мэйсон-Эллис. В свое время она ухаживала за вдовой Морелл и показала, что по распоряжению доктора Адамса сделала пациентке семьдесят семь инъекций морфия и героина за последние пять дней ее жизни. Это подтвердила и медсестра Кэролин Рэнделл, которая тогда тоже была в составе обслуживающего вдову Морелл персонала. С ее слов Хэннэм занес в протокол, что инъекции наркотиков производились исключительно по указанию доктора Адамса. Он был единственным, кто имел ключ к шкафчику, где миссис Морелл хранила свои лекарства.

Самые важные показания Хэннэм получил от старшей медсестры Хелен Стронэк, которая присматривала за больной в ночь ее смерти. Она готова была под присягой подтвердить, что доктор Адамс дважды ночью посещал вдову и оба раза собственноручно вводил ей пять кубических сантиметров паральдегида. «Абсолютно смертельная доза»,— пояснила старшая медсестра.

Сержант Хьюит, заместитель Хэннэма, разузнал о еще двух крайне подозрительных обстоятельствах. Во-первых, по настоянию Адамса тело умершей не предали земле, как распорядилась ее семья, а кремировали. К тому же пепел был развеян над морем. Во-вторых, доктор при оформлении документов на кремирование на анкетный вопрос, получает ли лечащий врач что-нибудь по завещанию, ответил отрицательно, то есть обманул.

Казалось, неоспоримых доказательств вины Адамса хватало, однако Хэннэму этого было мало. Он вернулся на один день в Лондон, чтобы заручиться поддержкой медэкспертов. На Харли-стрит, где работали самые престижные и дорогие лондонские врачи, он нанес визиты двум специалистам по наркотикам — доктору Даутуэйту и доктору Эшби — и ознакомил их с запротоколированными показаниями медицинских сестер. Оба врача в один голос заявили, что назначение за столь короткий срок такого количества морфия и героина, не говоря уже о введении в роковую ночь десяти кубических сантиметров паральдегида, можно объяснить только одним: доктор Адамс хотел убить больную!

Тем не менее Хэннэм все еще не решался задерживать Адамса. Он готовил этот последний шаг с особой тщательностью. Видимо, надеясь обнаружить дополнительные доказательства, он попросил у мирового судьи разрешение на обыск — и 24 ноября в сопровождении сержанта Хьюита и инспектора Пью отправился в дом доктора Адамса.

Тот без всякого сопротивления позволил провести обыск. Когда в ящике письменного стола нашли нотариальный акт о вскрытии завещания, из которого следовало, что одна из умерших пациенток, выражая свою последнюю волю, оставила ему несколько тысяч фунтов стерлингов, Адамс даже признался, что за тридцать пять лет работы получил в наследство от пятнадцати других пациенток не меньше 165 000 фунтов. Он пояснил Хэннэму, что подобные акты дарения в Англии вовсе не являются чем-то необычным и свидетельствуют лишь о хорошем тоне представителей высшего общества.

Хэннэм попробовал поймать Адамса на каверзном вопросе: «А почему же тогда при кремации вы отрицали факт получения такого наследства?»

Но тот, не раздумывая ни секунды, ответил: «Потому что я не хотел обидеть родственников покойной. Если бы они узнали, что домашний врач имел какую-то часть от наследства, это, возможно, было бы им неприятно. Только поэтому!»

Через два дня после обыска Адамсу пришлось объясняться с мировым судьей, правда, по иному поводу: расследование выявило среди прочего ряд нарушений закона, которые хотя и рассматривались обыкновенно как проступки профессионального свойства, но требовали надлежащего осуждения, коль скоро о них становилось известно. Речь шла о необоснованном назначении лекарственных препаратов и небрежном оформлении историй болезни.

Но и после этого разбирательства Джон Адамс остался на свободе; ему пришлось только внести залог и расстаться с заграничным паспортом. Затем его оставили в покое до 19 декабря, на целые три недели, которые

понадобились Хэннэму, чтобы собрать дополнительный обвинительный материал.

В этот холодный зимний день Адамс вернулся после домашних визитов. Едва он запарковал перед домом черно-серый «люкс-МГ» и исчез за тяжелой входной дверью, как на Тринити Триз свернул невзрачный «остин» и тоже остановился перед домом № 6. Из машины вышли Хэннэм, Хьюит и Пью. На этот раз в кармане у Хэннэма был ордер на арест.

— Вы обвиняетесь в убийстве,— сказал главный инспектор, приступая к неизбежным при аресте формальностям.

— В убийстве? — удивленно переспросил Адамс и тут же самоуверенно добавил: — Не думаю, что вы сможете это доказать.

За убийство в то время в Англии еще полагалась смертная казнь, но Адамса, казалось, это не пугало. Он совершенно спокойно распорядился, чтобы экономка уложила в маленький саквояж полотенце, мыло, зубную щетку и пасту, надел только что снятую шляпу и сделал рукой приглашающий жест, словно говоря: «Пожалуйста, можно идти».

Главному инспектору даже пришлось поторопиться с фразой о праве задержанного отказаться давать показания.

— Мистер, я должен обратить ваше внимание на то, что вы не обязаны давать каких-либо показаний. Если же вы их дадите, то они могут быть использованы против вас во время судебного разбирательства,— поспешно проговорил Хэннэм, понимая, что все это сейчас не к месту.

Доктор Адамс не сказал больше ни слова и, похоже, не собирался защищаться от выдвинутых против него обвинений. Хэннэм вынужден был еще раз выполнить предписанные законом формальности. Когда в полицейском управлении Истборна Адамса взяли под стражу, он вторично сообщил ему о причине ареста и добавил:

— Вы не хотите возразить против этих обвинений? Все, что вы скажете, будет зафиксировано в протоколе и может быть использовано в ходе судебного разбирательства.

Он произнес эту злополучную казенную фразу запинаясь, словно плохо подготовившийся школьник; она не помогла ему избавиться от чувства какой-то неловкости.

Адамс снял очки в никелированной оправе, слегка протер их и заявил:

— Думаю, что лучше всего мне вообще ничего не говорить.

Этой линии Джон Адамс с завидным упорством придерживался и дальше. Во время длительного предварительного следствия, которое, в соответствии с английским уголовным правом, предшествовало суду присяжных, он неизменно реагировал на все лишь любезной улыбкой. По существу же дела Адамс не сказал ни единого слова.

В эти дни старший инспектор Хэннэм купался в лучах славы. Газеты, которые, не дожидаясь начала процесса, принялись вкривь и вкось толковать это дело, превозносили Хэннэма как величайшего криминалиста века. Американская кинокомпания «Уорнер бразерс» прислала ему телеграмму с предложением сыграть роль главного инспектора в фильме «Убийца вдов», который там собирались снимать; коллеги в Скотланд-Ярде с завистью пожимали ему руку, поздравляя с предстоящим повышением. А уж когда из личной канцелярии ее величества королевы Елизаветы поступили сведения о высочайшем одобрении деятельности инспектора и просочились слухи о предстоящем пожаловании ему дворянского звания, тут даже у очерствевшего на службе Герберта Хэннэма навернулись на глаза слезы умиления.

Тем временем судьба «вдовьего» врача оказалась в руках никому не известного адвоката, которому по воле случая было поручено защищать доктора Адамса. Имя Джеффри Лоуренса еще не звучало на крупных судебных процессах, тем более не был он избалован вниманием прессы. Коллеги говорили о нем: «На скрипке он играет прекрасно, а на суде — из рук вон плохо». Предшествующая адвокатская деятельность Лоуренса ограничивалась в основном бракоразводными и мелкими гражданскими процессами. Порога зала суда присяжных он еще никогда не переступал. За то, что ему выпало защищать доктора Адамса, Лоуренс должен был благодарить безнадежное положение последнего. Сэр Хартли Шоукросс, который был одним из главных обвинителей на Нюрнбергском процессе,— что принесло ему широкую известность,— и которому Адамс предложил защищать себя за гонорар в десять тысяч фунтов стерлингов, отклонил это предложение, несмотря на царское вознаграждение, заметив при этом: «Безнадежное дело. Этому человеку виселица обеспечена. Это так же точно, как дважды два — четыре. К тому же я хорошо знаю инспектора Хэннэма».

Так и получилось, что Общество правовой защиты врачей, в котором состоял Адамс, поручило его защиту Лоуренсу, поскольку претензии последнего по поводу величины гонорара были минимальными.

19 марта 1957 года в зале заседаний № 1 старинного здания лондонского суда «Олд Бэйли» начался сенсационный процесс над доктором Адамсом. Жители Лондона, а вместе с ними и половина Англии, ждали этого события с таким нетерпением, которое обычно вызывает лишь финальный кубковый матч по футболу или регата в Хенлее. Лондонцы даже забыли об исчезновении из цирка удава и трех шимпанзе за три дня до начала процесса, хотя это событие и держало в напряжении весь город.

За день до судебного разбирательства доктора Адамса перевели в лондонскую тюрьму «Брикстон». Здесь он получил тюремный номер «7889», под которым на следующее утро его отправили в здание «Олд Бэйли», в камеру № 23. Камера представляла собой каменный мешок, облицованный кафелем, площадью 12 квадратных метров; из мебели в ней находились только деревянные столик и табуретка. Сидя на ней, Адамс должен был ожидать вызова.

Настроение его отнюдь не улучшилось, когда унтерофицер охраны, знакомый с местными достопримечательностями, рассказал ему, что в этой камере сидели известнейшие английские преступники, такие, как убийца Хэйг, растворявший свои жертвы в ванне с кислотой, и осквернитель трупов Кристи, и что в расположенном прямо над камерой зале суда всех их приговорили к смертной казни через повешение.

Еще до полуночи, за двенадцать часов до начала судебного заседания, снаружи, у бокового портала здания суда, стали собираться первые любопытствующие, экипированные складными стульями и пледами. К утру их было уже несколько тысяч. Как только в половине десятого открылась тяжелая, обитая железом входная дверь, человек двадцать из них попало в зал суда. Остальные места были забронированы для представителей королевского двора и высшего общества; восемьдесят мест оставили газетчикам со всех концов света. Процесс становился событием мирового значения.

Ровно в десять тридцать доктора Адамса повели вверх по каменной лестнице из четырнадцати ступенек, которая из камеры вела прямо к «док», как называют англичане скамью подсудимых. Вступительные слова по поводу начала слушания дела прозвучали с присущей британскому судопроизводству торжественностью. После того как обвиняемый, его защитник и все присутствующие заняли свои места, в зал с достоинством прошествовал судья Девлин с белым париком на голове и ярко-красной мантией на плечах.

Вежливый доктор Адамс неторопливо поднялся и учтиво поклонился. На присяжных заседателей он произвел приятное впечатление: казалось, в нем удачно сочеталось что-то от Уинстона Черчилля и неунывающего мистера Пикквика из знаменитого романа Чарльза Диккенса.

В зал вошел один из служащих суда. Он торжественно нес перед собой длинный шест с букетом фиалок на конце. Свежие цветы для председателя суда были данью традиции, пришедшей из тех времен, когда обвиняемых доставляли из затхлых, кишевших вшами темниц.

Судья Девлин обратился к двенадцати присяжным заседателям с краткой речью, разъяснявшей их обязанности. Все они были представителями состоятельных слоев общества, так как в соответствии с указом 1825 года присяжными могли избираться только землевладельцы и главы семей, в домах которых было не меньше пятнадцати окон...

— Между судьей и присяжными заседателями,— сказал в заключение Девлин,— существует разделение труда. Вы заботитесь о фактах, я — о праве. Это означает, что мне нужно установить, имеются ли юридические предпосылки для вынесения обвиняемому приговора за совершенное убийство. Вы же должны решить, причем единогласно, доказывают ли вину подсудимого предъявленные суду обличительные материалы. Меру наказания определяю я. А теперь займите, пожалуйста, свои места.

Наконец королевский генеральный прокурор сэр Рэджинальд Буллер, являющийся к тому же депутатом палаты общин и членом правительства ее величества, поправил свеженапудренный парик и выразительным громким голосом произнес:

— Джон Бодкин Адамс, вы обвиняетесь в том, что 13 ноября 1950 года из корыстных побуждений убили Эдит Элис Морелл. Вы признаете себя виновным?

Спокойно, почти невозмутимо, Адамс поднялся с места, посмотрел, прищурившись, на прокурора и вежливо ответил:

— Я невиновен, милорд.

Это было все, что сказал провинциальный врач за семнадцать дней судебных заседаний. Он снова уселся на место и уткнулся двойным подбородком в прорезиненный воротничок, который носил по соображениям экономии. К этому времени скупость Адамса стала так же хорошо известна, как и его утонченное чревоугодие. Одна солидная газета писала, будто он настолько избаловал свое нёбо, что перед отходом ко сну клал вставную челюсть в стакан с рейнским вином.

Интерес к происходящему в зале выдавали только глаза Адамса, лицо же его все время оставалось неподвижным. Постороннему наблюдателю могло показаться, что это просто один из любопытствующих, а уж никак не человек, судьба которого здесь решалась.

Прокурор Буллер, судя по всему, всецело находился под влиянием кампании, развернутой средствами массовой информации. Он выдвигал предполагаемые доказательства, подробно описанные в газетах. Как отмечал впоследствии главный инспектор Хэннэм, прокурор одного за другим предъявлял присяжному суду свидетелей обвинения и заставлял их слово в слово повторять то, что уже давно было всем известно из газет.

Медсестра Энн Мэйсон снова поведала о том, что Адамс за последние пять дней жизни миссис Морелл назначил ей семьдесят семь уколов морфия и героина. Кэролин Рэнделл еще раз поклялась, что Адамс был единственным, кто имел ключ от шкафчика с медикаментами, а старшая медсестра Хелен Стронэк опять подтвердила, что доктор дважды собственноручно в последнюю ночь делал инъекции паральдегида. Скоропалительное изменение завещания в пользу обвиняемого, кремирование тела по его распоряжению — все это было еще раз подтверждено свидетелями. Чтобы завершить портрет местечкового врача-убийцы, королевский прокурор дополнительно предоставил возможность целому хору специально подобранных свидетелей обрисовать образ жизни подсудимого. Два десятка уважаемых граждан Истборна — соседи, пациенты, знакомые доктора — выходили на свидетельское место и рассказывали нелицеприятные вещи о его поведении и профессиональной деятельности. И хотя никто ни слова не сказал по существу дела, все было направлено на то, чтобы убедить присяжных, что этот, такой добродушный на вид, человек вполне способен на приписываемые ему преступления.

И когда поднялся невысокий, невзрачный адвокат обвиняемого, чтобы подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, зал загудел. «Какая здесь еще может быть защита?» — спрашивали одни. «Из этих показаний уже ничего не выжмешь»,— думали другие. А лицо королевского прокурора Буллера выражало самодовольство и уверенность в победе.

Первые слова Джеффри Лоуренса пока еще не смогли изменить общего настроения. Тихим голосом, почти робко, он попросил присутствующих с пониманием отнестись к его выступлению.

— Я лишь пытаюсь узнать правду. Помогите мне, пожалуйста, в этом,— обратился он к свидетелям, чтобы затем исподволь, постоянно извиняясь, заманить их в расставленные им сети.

Первой его жертвой, не заметив этого, стала старшая медсестра Хелен Стронэк, производившая впечатление чопорной старой девы. С подчеркнутой вежливостью Лоуренс спросил ее, не имеют ли обыкновение медсестры, если, конечно, они добросовестно относятся к своей работе, делать во время дежурства записи о всех происшествиях. Стронэк с готовностью подтвердила это, поскольку хотела, чтобы ее считали добросовестной медсестрой.

Лоуренс задал следующий вопрос:

— Вероятно, по ходу лечения умершей миссис Морелл вы тоже делали подобные записи?

Старшая медсестра, не подозревая опасности, подтвердила и это.

Лоуренс продолжал:

— Миссис Стронэк, прошло больше шести лет, как умерла миссис Морелл. Если я сейчас спрошу о подробностях вашей работы у постели больной в последние дни ее жизни и попрошу при этом дать точный ответ, на что вы станете больше полагаться — на вашу память или на записи, которые тогда делали?

Свидетельнице, разумеется, пришлось признать, что записи являются более достоверным источником сведений, чем воспоминания.

— В этой связи еще один, последний, вопрос,— извинился Лоуренс за свою настойчивость.— Если между фактами, которые вы воссоздаете по памяти, и отражением событий в ваших записях будут несоответствия, где в таком случае следует искать истину? В ваших записях или в вашей памяти?

На этот раз медсестра ответила не сразу: теперь она почувствовала подвох. И только после некоторых колебаний, уже не так уверенно, сказала:

— Истиной, видимо, будет то, что я тогда записала.

Как только Лоуренс добился от свидетельницы этого, казалось бы, несущественного признания, он прекратил допрос и извлек из потертого кожаного чемоданчика, в котором носил свои бумаги и завтраки, школьную тетрадь оранжевого цвета. Он раскрыл ее, показал медсестре и спросил:

— Та ли это тетрадь, в которой вы делали записи о работе у постели миссис Морелл?

Хелен Стронэк лишь кивнула головой. Лоуренс вытащил из чемоданчика одну за другой еще семь тетрадей в красных, оранжевых и синих обложках. Оказывается, он раздобыл всю историю болезни миссис Морелл, которую вели медсестры в последние месяцы ее жизни.

Эти восемь ученических тетрадей стали подлинной сенсацией процесса. Главный инспектор Хэннэм, который неделями вел поиски в аптечных архивах, регистрах завещаний и историях болезни, не придал им никакого значения, он даже ни разу не взял тетради в руки, не говоря уже о том, чтобы изучить их. А мало кому известный юрист, занимавшийся до этого лишь гражданскими исками, с их помощью построил такую тактику защиты, которая за несколько дней сделала его самым знаменитым английским адвокатом по уголовным делам. Этими тетрадями он развалил все здание солидно обоснованного обвинения в убийстве. На основании истории болезни Лоуренс неопровержимо доказал, что не только доктор Адамс, но и другие истборнские врачи еще до него назначали миссис Морелл наркотики в таких же дозах. К тому же медикаменты находились не в закрытом шкафу, ключ от которого якобы был только у доктора Адамса, а в открытом, доступном для всех выдвижном ящике стола. И, наконец, не доктор Адамс в роковую ночь сделал последний укол вдове Морелл, а дежурная медсестра Рэнделл. Она собственноручно записала это в истории болезни.

Лоуренс провел также перекрестный допрос душеприказчика вдовы Согноу, который сообщил в свое время Хэннэму о том, что миссис Морелл изменила завещание в пользу доктора Адамса. Согноу вынужден был признать, что эти изменения касались не только Адамса: сестре Рэнделл тоже причиталось триста пятьдесят фунтов стерлингов.

Полностью же подорвать доверие к показаниям медсестер адвокату удалось при помощи следующего приема. После описанного заседания суда Лоуренс поручил частному детективу проследить за женщинами и попытаться подслушать, о чем они будут говорить. На следующий день он представил присяжным заседателям результаты этих «съемок скрытой камерой». Вызванный на свидетельское место детектив показал: «Три свидетельницы по дороге домой подробно обсуждали ход суда и договорились опровергнуть на следующем заседании тот факт, что наркотики хранились в выдвижном ящике стола».

Медсестры, опустив головы, признали справедливость этих слов. В результате их показания потеряли всякую ценность для судебного разбирательства и, в соответствии с британским законодательством, были вычеркнуты из протоколов.

Едва главный инспектор Хэннэм узнал о провале трех своих главных свидетелей, как очередь дошла до него. Со своей обычной, немного старомодной вежливостью защитник Лоуренс попросил его дать показания в качестве свидетеля. Уверенный в себе, с предупредительной улыбкой на лице, Хэннэм поднялся на свидетельское место и благосклонно оглядел переполненный зал.

Адвокат неспешно взял в руки лист бумаги со своими записями, а затем тихо спросил:

— Господин свидетель, я хотел, собственно говоря, задать вам только один вопрос. Не будете ли вы так любезны ответить на него?

Хэннэм был изумлен. Только один вопрос? Да у него были готовы ответы на сотню вопросов. Он хотел рассказать о своем расследовании, о трудностях, с которыми пришлось столкнуться, о деталях предварительного следствия. Поэтому он разочарованно проговорил:

— Пожалуйста, господин адвокат, спрашивайте.

Лоуренс вышел на шаг из-за своего стола, со скучающим видом посмотрел на потолок и спросил:

— Верно ли, господин свидетель, что вы сами добились разрешения на обыск в квартире обвиняемого у истборнского мирового судьи и сами с членом вашей комиссии по расследованию убийств производили обыск?

Занервничавший было главный инспектор облегченно вздохнул. Лоуренс задал вопрос, который его больше всего беспокоил и на который он поэтому мог ответить очень обстоятельно. Ведь именно во время обыска Адамс признался ему, что получил наследство от шестнадцати

своих пациенток. Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение при мотивации обвинения.

Хэннэм, сидевший на зеленом кожаном кресле для свидетелей, оживился и, подавшись вперед, ответил:

— Разумеется, я сам произвел обыск. Это может подтвердить вам обвиняемый...

Защитник тут же поднял руку, давая понять, что не нуждается в этом дополнении.

Хэннэму стоило усилий сдержать себя. Ему хотелось рассказывать дальше о том, что произошло на вилле, но поскольку он выступал как свидетель, то должен был дожидаться следующего вопроса адвоката.

Однако Лоуренс больше никаких вопросов задавать не стал. Он поклонился председательствующему и Хэннэму:

— Я очень благодарен вам, господин свидетель. Это все, что мне хотелось узнать.

Хэннэм, судья, прокурор, присяжные заседатели и представители прессы — все в растерянности уставились на защитника, который тем временем вернулся на свое место с видом школьника, правильно ответившего на уроке. Он что, действительно больше ничего не хочет спросить — казалось, было написано на лицах у всех. Лоуренс приветливо глянул на публику и сделал Хэннэму знак, что тот может занять место в зале.

Инспектор в некотором замешательстве последовал этому указанию. Лоуренс поднялся и попросил у председателя разрешения сделать заявление.

— Пожалуйста, прошу вас...— поспешно ответил судья Девлин. Он, как и все остальные, с большим нетерпением ожидал этого.

Прежде чем говорить, адвокат достал из-под стола свой чемоданчик и вынул из него потрепанный том уголовного кодекса. Не торопясь, он отыскал нужный параграф и зачитал его:

— ...Производство обыска разрешается только местным полицейским инстанциям...

Закончив цитировать, Лоуренс передал книгу присяжным для ознакомления, а сам произнес небольшую речь:

— Господин председатель, дамы и господа присяжные заседатели, настоящим я призываю вычеркнуть свидетеля Хэннэма из свидетельских списков. Я хотел бы назвать следующие причины для этого: по закону, обыск в жилище могут производить только местные полицейские органы, в нашем случае — полиция Истборна. Как

вы только что слышали от свидетеля, он сам производил обыск у обвиняемого. Однако свидетель, насколько мне известно, является служащим лондонской полиции. Следовательно, он не имел права производить этот обыск и тем самым оказался виновным в нарушении неприкосновенности жилища. Но служащий полиции, который в ходе расследования преступного деяния сам совершает правонарушение, не может выступать перед судом в качестве свидетеля, это делает невозможным вынесение справедливого приговора...

Судья Девлин, опустив голову, наблюдал за присяжными. Они продолжали изучать текст уголовного кодекса, но, похоже, никак не могли прийти к какому-нибудь общему решению. Тогда судья встал, поправил парик и объявил:

— Ввиду наличия правовых оснований требование защиты удовлетворяется. Свидетель Хэннэм не будет более давать показания на суде!

Не сразу до всех участников процесса дошло, что же все-таки произошло: главного инспектора Скотланд-Ярда отстранили от участия в судебном расследовании, как нарушителя закона!

Сутки спустя вечерние лондонские газеты опять уверенно провозгласили: «Судьба доктора Адамса решена. Медэксперт профессор Даутуэйт настаивает на том, что Адамс хотел убить миссис Морелл».

В тот день действительно казалось, что осуждение Адамса неизбежно. Вызванный обвинением в качестве свидетеля доктор Даутуэйт недвусмысленно заявил: «Даже если в основу заключения положить только инъекции, отмеченные в истории болезни, вывод останется прежним: дозы, которые доктор Адамс, согласно записям, назначал миссис Морелл, должны были привести к ее смерти!»

Адвокат Лоуренс поначалу не смог ничего противопоставить этим аргументам. Он предложил прервать перекрестный допрос до следующего дня, чтобы выиграть время и что-нибудь придумать. Никто, правда, не верил, что можно было найти какой-то выход. Поэтому королевский прокурор согласился с предложением защиты. На следующее утро Лоуренс преподнес свой последний сюрприз. Он обратился к суду с ходатайством допросить еще одного эксперта, что в принципе допускалось британским законом и поэтому было разрешено судьей. Адвокат вызвал на свидетельское место доктора Джона Хармэна, главного врача крупной лондонской больницы

святого Томаса, научный авторитет которого был не меньшим, чем у профессора Даутуэйта.

— Говорить о смертельной дозе наркотиков, как это делает здесь доктор Даутуэйт, с научной точки зрения бессмысленно,— заявил Хармэн, чем сразу же вызвал повышенный интерес у присяжных заседателей.— Каждый человек на это реагирует по-своему. Для определения абсолютно смертельной дозы потребовались бы эксперименты на людях, что, естественно, недопустимо. Таким образом, сознающий свою ответственность врач никогда не скажет, что та или иная доза наркотика обязательно вызовет смерть человека.

С помощью нескольких веских доводов доктор Хармэн превратил заключение своего именитого коллеги в ненужный клочок бумаги. Более того, он полностью дискредитировал его, когда в заключение с едкой иронией заметил:

— Впрочем, для того чтобы исключить вывод о смерти миссис Морелл от сверхдозы наркотиков, достаточно всего лишь обратиться к медицинской науке. Если бы это было так, то больная умерла бы от паралича дыхательных органов, который характеризуется постепенным сокращением количества вдохов в минуту, вплоть до полного прекращения дыхания. Однако, согласно записям дежурной медсестры, дыхание умирающей не замедлялось, а, наоборот, стремительно учащалось и незадолго до наступления смерти достигло шестидесяти вдохов в минуту.

Показания доктора Хармэна знаменовали собой перелом в ходе процесса. Теперь было все равно, как присяжные станут оценивать оба заключения, главное, что они уже не могли, решая, виновен или невиновен подсудимый, опираться на мнения экспертов, раз те так противоречили друг другу. Им уже нельзя было с полной уверенностью, как того требовал закон, сказать, что доктор Адамс — убийца и мошенник, получавший наследства больных обманным путем.

Всего сорок минут потребовалось присяжным заседателям для принятия решения.

Стрелки старинных часов в зале суда показывали одну минуту первого, когда судья Девлин объявил:

— Джон Бодкин Адамс, вы свободны!

Маленький полноватый человек, который семнадцать дней судебного разбирательства сидел на скамье подсудимых с непроницаемым лицом, и на этот раз не обнаружил признаков особого волнения. Он со скромным видом поднялся, слегка поклонился и сказал невыразительным голосом:

— Благодарю вас, милорд!

После этого семенящей походкой направился к лестнице, ведущей вниз, в камеру.

— Я не испытывал особого беспокойства,— заявил Адамс часом позже, когда при выходе из здания суда к нему обратился корреспондент «Дейли экспресс»,— поскольку всегда верил в силу молитвы и в британское правосудие. Приговор был победой справедливости над злонамеренными слухами и клеветой.

Он говорил эти слова тем самым снисходительно-отеческим тоном, который настолько умиротворяюще действовал на больных граждан Истборна, что, по его же собственному признанию, шестнадцать из них уделили ему особое внимание при составлении завещаний.

Была ли уравновешенность его высказываний отражением чистой совести? Действительно ли этот чудаковатый провинциальный врач был лишь жертвой погони за сенсацией нескольких беззастенчивых журналистов и честолюбивого инспектора уголовной полиции? Или все-таки под маской добродушного сельского дядюшки прятался дьявольски хитрый преступник высшей пробы?

За годы, прошедшие после процесса, ответы на эти вопросы найдены не были — «преступление века» так и осталось нераскрытым. Джон Бодкин Адамс бросил врачебную практику и жил на проценты от своего состояния. Правда, один раз он еще привлек внимание газет, которые в свое время называли его величайшим убийцей в истории криминалистики.

Летом 1959 года многие газеты поместили фотографию, на которой он был запечатлен во время своего свадебного путешествия под руку с вдовой ирландского миллионера Айрис Миллз. Может быть, Адамс сделал для себя выводы из процесса и не стал добиваться от своей пациентки наследства, а просто женился на ней?

Не так благополучно закончилась эта история для главного инспектора Хэннэма. С высоты сладостных грез стать шефом Скотланд-Ярда и получить дворянский титул из рук королевы он был низвергнут в пропасть убогого захолустья. Его перевели в Галифакс и дали отдаленный участок. Британское полицейское руководство не могло простить ему такой дискредитации знаменитого Скотланд-Ярда.

БИЛЕТ В НИКУДА

> В Нью-Йорке ежегодно исчезает десять тысяч человек. Безмолвно и бесследно. И ничего не остается, что могло бы объяснить это их путешествие в никуда,— ни вскрика, ни капли крови, ни мотива, ни малейшего повода...
>
> «Ди Вельт», Гамбург, 7 апреля 1957 года.

В 1956 году, как показывает статистика нью-йоркской полиции, 10 167 человек отправились или вынуждены были отправиться в эту загадочную поездку в никуда. Судьба 10 166 из них не известна до сих пор. И лишь одно имя, появившись сначала в бульварных листках, стало через год газетной сенсацией Америки: Хесус де Галиндес!

12 марта 1956 года в 21.42 этот внешне непримечательный Хесус де Галиндес сел на станции метро «Коламбус сэкл» в поезд, следующий до Бронкса. Один его знакомый случайно видел, как де Галиндес входил в последний вагон. Он заметил также, что в потоке пассажиров за Галиндесом незаметно следовали два молодых человека и в вагоне сели справа и слева от него. Свидетель позже подчеркнул, что эти двое мужчин выглядели, как латиноамериканцы. Через двенадцать часов в одном из отделений нью-йоркской полиции появился книгоиздатель Валанкес и сообщил о бесследном исчезновении Хесуса де Галиндеса.

Сотрудник полиции, который принимал заявление у Валанкеса, отрицательно покачал головой:

— Исчез вчера вечером? Это еще ни о чем не говорит. В Нью-Йорке тысячи людей по каким-то причинам не приходят ночевать домой. Может, ваш знакомый лежит пьяный в каком-нибудь борделе? Подождите еще пару дней. Если уж он и тогда не объявится, подадите письменное заявление.

Книгоиздателя Валанкеса такая постановка вопроса не устраивала.

— Это исключено. Мой друг не пьет и не шатается по борделям. Сегодня в десять часов утра он должен был отдать мне рукопись одной книги. Она была почти готова. Вчера вечером мы договорились внести кое-какие изменения, и Галиндес за ночь собирался все закончить.

Полицейский по-прежнему не проявлял особого служебного рвения:

— Ну хорошо, мистер Валанкес, ведь ваш автор мог передумать. Писатели — народ ненадежный. Возможно, у него появилась какая-то новая идея по поводу своей книги, и он с этим закопался.

Книгоиздатель с трудом сдержался:

— Послушайте, я же знаю его немного лучше, чем вы. Ничего он не закопался. Его похитили. Они гонялись за его рукописью. Галиндес уже несколько недель опасался нападения. Он много раз говорил мне, что за ним следят. Каждый его шаг контролировался. Поверьте мне: Галиндес стал жертвой преступления. Если вы сейчас же не объявите розыск... Его жизни угрожает опасность. Правда, если его уже не убили...

Полицейский наморщил лоб:

— Что это за книга такая загадочная, которую Галиндес написал?

— Книга о Доминиканской Республике. Называется «Эра Трухильо»!

— И из-за этого нужно похищать человека? Что-то я в толк не возьму. Ведь в Америке пишется столько книг!..

— Вы что, не читаете газет? И ничего не слышали о политической обстановке в этой стране? Да все газеты полны этим!

— В газетах, мистер, много чего пишут! Если всему верить...

Валанкес был близок к отчаянию:

— Послушайте, мистер, мой друг семнадцать лет жил в этой стране. Он был домашним учителем у президента Трухильо. Ему пришлось бежать, так как его хотели арестовать. Книга, которую он написал, объясняет подоплеку и причины его бегства. Неужели вы не понимаете, что на Гаити заинтересованы, чтобы эта книга не появилась?!

Сотрудник полиции, который, судя по недоверчивому выражению его лица, так ничего и не понял, решил, однако, чтобы избавиться от докучливого посетителя, принять у него заявление. Он взял бланк, вставил его в пищущую машинку и стал задавать обычные в таких случаях вопросы:

— Полное имя пропавшего?

— Хесус де Галиндес.

— Год рождения?

— Ему сейчас пятьдесят два. Точной даты рождения я не знаю.

— Последнее место жительства?
— Бронкс, Четырнадцатая улица, отель «Майами».
— Профессия?
— Доцент испанского языка и культуры в Колумбийском университете. В свободное время — писатель.
— Гражданство?
— Галиндес — эмигрант. До этого жил в Испании. Уже в начале борьбы за свободу ему пришлось эмигрировать, потому что он был противником Франко.

Полицейский перестал стучать на машинке и с упреком сказал:

— Вы же мне перед этим говорили, что он семнадцать лет прожил в Доминиканской Республике.
— Борьба за свободу в Испании, мистер, началась в 1936 году. На Гаити Галиндес эмигрировал потому, что там говорят по-испански. Сначала он был учителем в католической миссии, а потом домашним учителем в семье президента страны.
— Почему же он переехал в Америку?
— В 1953 году ему пришлось бежать, так как его должны были арестовать. Галиндес слишком много знал о коррупции в правительстве. И критиковал это.
— Итак, вы считаете, что его похитили по политическим мотивам?
— Да.
— Подозреваете ли вы кого-нибудь конкретно?
— Нет.
-- Занимался ли пропавший здесь, в Америке, политической деятельностью?
— Он был членом Доминиканского революционного комитета.
— Что это за организация?
— Объединение эмигрантов из Доминиканской Республики. Они в Америке борются с режимом Трухильо.
— Нечего людям делать. Ну, хорошо... Можете ли вы еще что-нибудь добавить?

Книгоиздатель больше ничего добавлять не хотел. Он, видимо, понял, что на помощь этого медлительного тугодума-полицейского рассчитывать не стоит.

Через четырнадцать дней Валанкес получил короткое официальное письмо, в котором лаконично сообщалось следующее: «Теперешнее местонахождение не имеющего подданства Хесуса де Галиндеса не установлено. Доказательств того, что он стал жертвой преступления, тоже не обнаружено. К сожалению, больше ничего сообщить Вам не можем».

Сеньор Ансельмо Валанкес, столь обеспокоенный исчезновением Галиндеса, прежде чем основать в Нью-Йорке книжно-журнальное издательство, был владельцем крупнейшего газетного концерна в Доминиканской Республике. В результате экспроприации собственности, которую осуществлял «благодетель и попечитель нации» — так называл себя Трухильо,— концерн Валанкеса тоже попал в руки семьи диктатора. Критическая статья в одной из популярных газет послужила диктатору поводом, чтобы в 1950 году упрятать издателя Валанкеса в тюрьму за «подстрекательские интриги». Назначенный правительством адвокат посоветовал арестованному Валанкесу добровольно передать свою собственность семье Трухильо; он даже принес с собой в камеру составленную заранее дарственную, на которой нужно было только поставить подпись. Валанкес последовал доброжелательному совету адвоката, подписал бумагу и за это получил разрешение выехать из страны.

Все это объясняет то рвение, с каким Валанкес продолжал почти безнадежные поиски местонахождения Галиндеса. Делал он это не только из-за беспокойства о своем единомышленнике. Валанкес питал себя иллюзией, что сможет в одиночку свалить ненавистного Трухильо и его коррумпированную клику, если ему удастся установить ответственность последнего за похищение Галиндеса и публично, со всеми подробностями, разоблачить его.

Итак, Валанкес повел собственное расследование, чтобы перед всем миром выставить диктатора как убийцу и мародера и вынудить его покинуть политическую сцену. С помощью Доминиканского революционного комитета он смог установить связь с одним человеком, который долгое время работал на острове Гаити специальным агентом пресловутой «Юнайтед фрут компани» и хорошо ориентировался в международной агентурной сети. Валанкес заплатил за выполнение своего поручения двадцать тысяч долларов, и, похоже, этот денежный вклад принес дивиденды: осенью Ансельмо Валанкес сообщил американской прессе, что готов раскрыть тайну сенсационного исчезновения Хесуса де Галиндеса. Он пригласил ведущих репортеров крупных изданий на пресс-конференцию в высококлассный нью-йоркский отель «Хилтон» — как это водится, когда хотят заинтересовать известных представителей газетного мира. Меры предо-

сторожности накануне конференции заставляли вспомнить о мрачных временах разгула гангстеризма в Америке. Отель «Хилтон», особенно зал, в котором должна была состояться встреча с журналистами, заполнили специально нанятые на этот вечер охранники. Фотографирование и киносъемки были строго запрещены; при входе в зал всех тщательно, вплоть до нижнего белья, обыскивали — проверяли, нет ли оружия или запрятанного портативного магнитофона.

Человек, который занимался делом об исчезновении Хесуса де Галиндеса и теперь хотел рассказать о мотивах и тайных пружинах этого преступления, сидел в чем-то вроде будки из пуленепробиваемого стекла. Его имя хранилось в глубочайшей тайне. Валанкес, правда, представил его Майком Мортоном, но сразу же добавил, что, по соображениям личной безопасности, речь идет о псевдониме. Эффектным, под стать обстановке, было и выступление этого таинственного Майка Мортона.

Свое сообщение он начал в типичной для американских репортеров манере рубахи-парня: «Ребята, не называйте моей фамилии, не фотографируйте и не рисуйте меня. Если узнают, кто я такой — мне несдобровать. Последние месяцы я не спускал глаз с семейства Трухильо. Другие до меня это тоже делали. Многие из них уже погибли — были расстреляны, повешены, утоплены в море, взорваны, забиты до смерти плетьми, отравлены, а то и просто пристукнуты. Мне бы не хотелось быть следующим среди тех, кто приказал долго жить. Думаю, вы это понимаете. То, что я вам расскажу,— это история бандитского синдиката, на счету которого по меньшей мере двести пятьдесят убийств, похищения людей, взятки, ограбления банков, жестокие пытки, шпионаж, доносы, лжесвидетельства... Я понимаю, вы прекрасно знакомы со всеми этими делами в своей собственной стране. Однако прошу вас отметить одну особенность: верховодит этим синдикатом не какой-то босс-мафиози, а руководитель государства, с которым Соединенные Штаты поддерживают дипломатические отношения и которому наше правительство в качестве помощи ежегодно отстегивает восемьсот миллионов долларов».

Такая манера изложения очень понравилась репортерам, ведь им самим ничего не надо было выдумывать и дописывать. Достаточно только застенографировать и продиктовать затем текст редакционной машинистке. Определенно, этот Майк Мортон был симпатичным малым.

В одном Майк Мортон, или как его там на самом деле, явно превосходил американскую полицию: в усердии и находчивости. Когда он получил от Доминиканского революционного комитета задание разыскать Галиндеса, он сказал себе, что из поезда нью-йоркского метро человек не может исчезнуть бесследно, словно раствориться. Мертвый или живой, он ведь должен был каким-то образом покинуть последний вагон поезда на Бронкс. Поскольку это происходило в районе десяти часов вечера, когда движение еще довольно оживленное, кто-то обязательно его видел. Поэтому Мортон начал с того, что опросил начальников всех станций метро на линии между остановками «Коламбус сэкл» и «Бронкс»; он хотел узнать, не приходилось ли им видеть, чтобы 12 марта между 21.40 и 22.20 на их станции кого-нибудь выносили, вытаскивали или выводили из вагона. Мортону долго не везло. Только на предпоследней станции ее начальник вспомнил: «Подождите-ка, в это время одному мужчине стало плохо. Два его друга помогли ему выйти из вагона. Один еще попросил разрешения позвонить по моему служебному телефону. Потом больного забрала «скорая помощь». Начальник станции даже описал Мортону в общих чертах помогавших мужчин: «Они, похоже, иностранцы, может, испанцы или итальянцы. Во всяком случае что-то в этом роде».

Майк Мортон понял, что взял верный след. Чтобы исключить всякую случайность, он навел справки в окрестных больницах. Ни одна из них 12 марта вечером не посылала машину скорой помощи к станции метро. О дальнейшем своем поиске Мортон рассказывал так: «Сидел я у себя в бюро и ломал голову над тем, куда можно было бы отвезти Галиндеса на «скорой помощи». В порт? На какой-нибудь аэродром? Или его труп давно уже закопали? Тут как раз зазвонил телефон. Кто-то, не представившись и даже не дав мне раскрыть рта, сказал: «Вы вчера беседовали с людьми из Доминиканского революционного комитета? Или это не так?..»

Я улучил момент и спросил: «А кто вы, собственно, такой?» На другом конце провода ответили: «Это к делу не относится. Мы полагаем, в ваших же интересах не особенно усердствовать... Ведь вы ищете Хесуса Галиндеса, так? Держитесь от этого подальше. Вы все равно его не найдете».

Я воздержался от дальнейших попыток узнать его имя и спросил самым безразличным тоном: «Чего вы еще хотите?»

«Еще обращаю ваше внимание на одну маленькую деталь. Вам наверняка кое-что рассказывали о 247 убитых, правда? Так вот, если вы не захотите прислушаться к нашему доброму совету, станете 248-м!»

Мортон сделал паузу, чтобы дать репортерам возможность дословно записать весь эпизод с анонимным телефонным звонком. А затем продолжил: «Однако, как видите, с 248-м трупом дело обстоит не так серьезно, как полагал мистер, звонивший по телефону. Во всяком случае, несмотря на гуманное предостережение, я пока еще жив».

Небрежным жестом Мортон прервал веселый смех газетчиков: «Итак, к делу. Как уже было сказано, я предполагал, что скорее всего Галиндеса вывезли из страны. Если бы его убили в Америке, то труп рано или поздно был бы найден. А пока он числится среди исчезнувших, никто не сможет доказать, что он стал жертвой преступления. В последующие дни я обшарил четыре аэродрома, и в конце концов мне повезло. Я наткнулся на беспризорную, почти не используемую взлетную полосу, заросшую бурьяном и кустарником. На обочине ее в какой-то лачуге ютился ночной сторож. Его звали Хоукинс, Джон Берри Хоукинс. Ветхий старик, хитрый и изворотливый. Он сразу смекнул, что мне от него что-то нужно. Я, не долго думая, сунул ему двадцатидолларовую бумажку и спросил напрямую:

— Кого-нибудь привозили сюда на «скорой помощи»? Поздно вечером, после десяти? Это было в середине марта.

Старик сначала как следует рассмотрел купюру и только потом сказал:

— Это должно было бы быть довольно поздно, иначе я об этом ничего не мог бы знать. Днем меня здесь не бывает. Я ведь ночной сторож...

Его манера ходить вокруг да около разозлила меня.

— Ну так что,— прервал я его,— была «скорая помощь» или нет?

Он многозначительно улыбнулся:

— Вполне возможно, однако я стар, и память иногда подводит меня.

Я освежил его память второй двадцаткой. На этот раз он довольно улыбнулся:

— Да, это было 12 марта... Приехала «скорая помощь». Два типа — говорили они не по-нашему — вытащили из нее мужчину, который, видно, плохо держался на ногах. Они сказали мне, что он болен раком и его надо везти во Флориду на операцию...

Тут старик замолчал и выразительно зашуршал долларовыми бумажками. Я выделил ему еще десять долларов.

— Ну, что там дальше было с этим раковым больным? — подстегнул я его, опасаясь, что он вообще перестанет говорить.

— Все прошло очень быстро,— проворчал он.— На площадке уже с полчаса стоял двухмоторный «бичкрафт» с включенными двигателями. Эти два иностранца считай что перетащили больного из «скорой помощи» в самолет. Я еще подумал, живой ли он вообще. Ну вот, так все и кончилось: «скорая помощь» рванула с полосы, а «бичкрафт» поднялся в небо. И больше я вам при всем моем желании ничего рассказать не смогу, даже если вы выложите мне еще пятьдесят долларов.

Мне было достаточно. Ночной сторож больше и не мог знать. Подобного рода пассажиры в большинстве своем не отличаются разговорчивостью».

В этом месте один из журналистов спросил:

— А старого Хоукинса за это время убили, не так ли, мистер Мортон? Мне помнится, об этом было сообщение...

Мортон скромно улыбнулся:

— Тогда вы знаете больше, чем я. Мне лишь известно, что на следующее утро его нашел мертвым на краю взлетной полосы какой-то фермер. Врач установил, что причиной смерти была остановка сердца.

— Вскрытие, однако, показало, что сердце у него было вполне здоровым,— выкрикнул на это журналист.

— Наверно, это так, но есть такие яды, что и здоровое сердце не выдерживает. К тому же некоторые из них потом нельзя обнаружить.— Мортон опять улыбнулся.

— Значит, Хоукинса все-таки убили?

— Возможно, но доказать это я не могу, а поэтому и не хочу утверждать, что это так. Мне не хотелось бы предвосхищать результаты расследования, которое ведет полиция,— язвительно заметил Мортон, намекая на то, что отдел нью-йоркской полиции по убийствам за целый месяц так и не смог выяснить, от чего умер ночной сторож на аэродроме.

Теперь выступление Мортона было прервано игрой в вопросы и ответы.

— Кому нужно было убивать старого Хоукинса?

И зачем? Ведь никто не знал, чтó вы там вынюхивали?

— Вы забываете о телефонном звонке в мое бюро. С меня же не спускали глаз. В тот день, когда я носился по аэродромам, у меня на хвосте сидел какой-то «бьюик».

— Почему убили не вас, а ночного сторожа? Ведь это принесло бы им гораздо больше пользы.

— Думаю, этим господам известно, что я постоянно ношу под мышкой девятимиллиметровый пистолет и хорошо им владею. Так что беспомощного вахтера просто легче отправить на тот свет...

— Зачем же его нужно было убивать? Ведь все, что знал, он вам уже рассказал. Это же просто бессмысленно.

— Вы находите? А я так не думаю. Живи сейчас Хоукинс, он был бы здесь и подтвердил мой рассказ. Тогда вы отнеслись бы ко мне с бóльшим доверием и не задавали бы столько вопросов. Разве это не повод для убийства? Они же в то время еще не знали, как далеко я зайду в своем расследовании.

Короче говоря, несмотря на жесткий «перекрестный допрос», газетчикам не удалось запутать Мортона. Прежде чем рассказывать дальше, он вынул из папки несколько нью-йоркских газет, прижал их изнутри к стеклу своей будки и, показывая на них, спросил:

— Вы помните эти ограбления двух банков два года назад?

Репортеры сидели слишком далеко и не могли ничего разглядеть. Однако когда они подались вперед, четыре охранника у будки вскочили со своих мест и направили на журналистов снятые с предохранителей кольты. Один из них хрипло и коротко сказал:

— Оставаться на местах!

Мортон извинился:

— Прошу прощения, я об этом совсем не подумал. Тогда я лучше расскажу вам, о чем идет речь. В мае 1955 года на Гаити, в Сантьяго-де-лос-Кабальерос, вооруженные бандиты ограбили филиал Канадского королевского банка, а через два дня — расчетную контору «Юнайтед фрут компани». Тогда об этом сообщалось со всеми подробностями, и вы должны это хорошо помнить.— Разочарованные репортеры рассаживались по местам. Конечно, они прекрасно знали всю эту историю. В руки грабителей, так и оставшихся неизвестными, попало тогда более миллиона долларов.— Вы также хорошо знаете, что преступники до сих пор не найдены.

Доминиканская полиция не в состоянии этого сделать, хотя имеются фотографии бандитов, известны номера их машин и калибр оружия, которое они применяли. Ведь и банк, и расчетная контора застраховались, установив у себя скрытые кинокамеры.

— Вот так застраховались! — весело выкрикнул один из репортеров.

— Погодите веселиться, лучше подумайте вот над чем. Если при наличии таких явных следов преступников не могут найти, значит — дело дохлое! Во всяком случае «Юнайтед фрут» и Канадский банк это быстро поняли и втайне от доминиканской полиции поручили расследование своим собственным специальным агентам. Я был одним из них.

— И что же ваши супердетективы выяснили?

— А то, что грабителями являлись личные телохранители президента страны, а их ангелом-хранителем был брат его превосходительства — генерал-майор Вергилио Трухильо!

Несколько секунд потрясенный зал молчал, а затем на человека в стеклянной будке обрушился град вопросов:

— Где доказательства?

— У вас есть свидетели?

— Почему до сих пор об этом молчали?

— Знает ли об этом правительство?

Мортон театральным жестом поднял руку:

— Подождите, не все сразу. Протоколы с показаниями свидетелей до поры до времени хранятся в банковском сейфе. Их фотокопии вы получите сразу же после пресс-конференции. Они также будут направлены в госдепартамент и ФБР. А молчал я так долго вот почему: одного того, что брат диктатора бандит, недостаточно, чтобы требовать его свержения...

Как бы подчеркивая напряженное ожидание собравшихся, Мортон закурил сигарету и лишь после этого продолжил:

— И потом, не забывайте, что страна, в которой все это происходит, является членом ООН. А президент Трухильо — антикоммунист! При любом голосовании Доминиканская Республика неизменно выступает против русских на стороне Соединенных Штатов. Мы заключили с ней военные соглашения, которые позволяют нашей армии строить на ее территории ракетные базы, радиолокационные станции, стоянки подводных лодок...

В первом ряду поднялся маленький толстяк, демонстративно засунул блокнот в карман и запальчиво крикнул Мортону:

— Мистер, хватит с нас этих политических трактатов. Если вы не можете ничего выдвинуть против Трухильо, то перестаньте устраивать здесь цирк. Я лично не собираюсь попусту тратить время.

Два находящихся поблизости охранника, не говоря ни слова, запихнули астматического толстяка обратно в кресло, а затем не очень вежливо пояснили, что до окончания пресс-конференции из зала никто не выйдет.

Мортон любезно улыбнулся ему:

— Оставайтесь, думаю, вы не пожалеете. Еще будет кое-что интересное.

Положительно нельзя было обижаться на этого типично американского спецагента за то, что он не давал испортить свой спектакль.

Возможность попасть на первые страницы американских газет представилась ему единственный раз в жизни, и он должен был использовать ее в полной мере.

Волей-неволей толстяк-газетчик снова раскрыл блокнот и лишь раздраженно проговорил:

— Хотя бы на пять строчек набралось...

Майк Мортон продолжил свой рассказ:

— Теперь, когда вам в общих чертах известны трудности, с которыми мне пришлось столкнуться при выполнении моего задания, я хотел бы остановиться на самом расследовании дела Галиндеса. Как я говорил, мне было ясно, что Галиндеса, живого или мертвого, в Штатах я уже не найду. «Бичкрафт», на котором его вывезли из Нью-Йорка, без дополнительной заправки до Гаити долететь не мог. Это я вычитал из одного ежегодника по самолетостроению. Значит, ему надо было где-то на нашей территории садиться, чтобы заправиться горючим. Кратчайший маршрут из Нью-Йорка на Гаити проходит через Каролину, и я рассчитывал, что самолет должен был приземлиться в районе Майами. Там тоже хватает частных взлетных площадок, на которых можно — не привлекая постороннего внимания — сделать промежуточную посадку. Поэтому первым делом я отправился в Майами.

Оставим теперь в стороне подробности театрализованной пресс-конференции в нью-йоркском «Хилтоне». История эта и без того богата на сенсации и неожиданности. Воспользуемся детальным описанием дела Галиндеса в американской прессе и пройдем по его следам.

В ста двадцати милях севернее Майами располагался маленький частный аэропорт «Лантана». На его кочковатом летном поле приземлялись и взлетали самолеты американских миллионеров, которые отдыхали на своих виллах, расположенных в окрестностях. Все заботы по аэродрому лежали на плечах 47-летнего негра Джона Лейфа. Он был заправщиком, механиком и блюстителем порядка в одном лице. Майк Мортон наткнулся на него совершенно случайно после недельных поисков на полуострове. Сидя как-то в открытой закусочной, он прочитал в местной газете объявление о том, что требуется заправщик в аэропорт «Лантана». Болтливая официантка, у которой Мортон под предлогом поиска работы поинтересовался подробностями, рассказала, что прежний заправщик Джон Лейф вдруг разбогател и собрался на покой. Для Мортона это послужило поводом еще раз наведаться в аэропорт «Лантана». Он уже посещал это маленькое взлетное поле в первый день своих поисков во Флориде. Тогда заправщик категорически заявил, что за последние недели в «Лантане» ни разу не приземлялся самолет типа «бичкрафт». Теперь Мортон стал догадываться о причинах подобного заявления негра: похитители Галиндеса хорошо заплатили ему за то, чтобы он держал рот на замке.

Во время второго визита Мортон представился сотрудником ФБР и, заморочив заправщику голову своим удостоверением детектива, сказал без обиняков:

— Послушай, ты мне здесь наврал с три короба. А я за это время нашел трех свидетелей, которые хорошо помнят, как ты заправлял «бичкрафт». Если ты сейчас же не скажешь мне всей правды, тебе придется пойти со мной, понятно?

Запуганный Лейф, заикаясь, залепетал:

— Да, да, мистер... это же совсем другое дело, я теперь понимаю... В тот день, когда вы ко мне приходили, я себя неважно чувствовал. Я еще подумал, что ему за дело до того, какие здесь заправляются самолеты. Да... Вам бы сразу сказать, что вы из ФБР. Я все рассказал бы, само собой...

Мортон напористо, как настоящий комиссар ФБР, прервал его:

— Кончай ты свои басни. Я уверен, они заткнули

тебе рот двумя-тремя бумажками. Сколько хоть они тебе дали?

Захваченный врасплох негр покорно кивнул:

— Да, мистер, пилот дал мне три тысячи долларов.— И плаксиво добавил: — Я так и знал, что рано или поздно заявится полиция. С самого начала было видно, что дело это темное. Ну а что мне оставалось делать? Пилот вылез из кабины с пистолетом в руке и стал мне угрожать.

— А как звали пилота? Ведь ты обязан был занести в книгу учета его фамилию и номер летного свидетельства.

Негр, словно присягая, поднял руку:

— Я так и хотел сделать, да этот тип запретил. И все время размахивал кольтом перед моим носом. Так что я даже самолета толком не смог разглядеть.

— Ну хотя бы внешность пилота ты можешь мне описать? Или из-за трех тысяч ты и это забыл?

На этот раз заправщик ответил уверенно:

— Молодой стройный мужчина. Очень нервный. Мне только бросилось в глаза, что у него были очки с толстыми стеклами.

Мортона такое описание разочаровало.

— Что мне проку от этого? Ведь летные очки носят все пилоты на таких небольших самолетах. А еще что-нибудь ты не приметил, чтобы его можно было опознать?

— Нет, мистер, это не обычные летные очки. На нем были такие, которые носят при сильной близорукости — очень толстые... как линзы...

Близорукий пилот! Мортон насторожился. За это можно ухватиться. Ведь здоровые глаза — непременное условие для получения свидетельства на управление самолетом. Человек, летающий в очках,— явление исключительное.

Этой информацией негра Мортон остался доволен. Найти американского летчика, страдающего близорукостью, было не так уж трудно. Поэтому он отказался от дальнейшего уточнения внешности пилота и только спросил у заправщика:

— Ты не видел в самолете еще кого-нибудь кроме пилота?

Он сказал это уже дружелюбно, и негр облегченно вздохнул:

— Да, печальная такая картина... Был там еще один человек, пристегнутый к носилкам. Лежал совсем без движения, будто под наркозом. Бледное такое лицо, щеки ввалились...

Мортон достал из кармана пиджака фотографию — групповой снимок, на котором Хесус де Галиндес был запечатлен среди своих студентов — и показал ее Джону Лейфу:

— Тот, который лежал на носилках, здесь есть?

Заправщик взял фотографию двумя руками, долго ее рассматривал, а потом ткнул замасленным указательным пальцем правой руки в Галиндеса:

— Вот он, третий в нижнем ряду... наверно, он. Да, да, точно — он, я уверен.

Мортон заставил негра еще раз внимательно посмотреть на фотографию, но тот стоял на своем:

— Третий в нижнем ряду — это он.

— Вы готовы подтвердить ваши показания письменно и повторить их в случае необходимости под присягой перед судом? — официально, как и положено сотруднику ФБР, задал последний вопрос Мортон.

Джон Лейф с благоговением кивнул и посмотрел мнимому представителю секретной службы прямо в глаза:

— Это мой долг, мистер! И присягнуть я тоже смогу. Все так, как я сказал: на фотографии тот человек, который был в самолете.

47-летнему заправщику Джону Лейфу уже не пришлось давать показаний ни в ФБР, ни под присягой перед судом. Он умер неестественной смертью через два часа после беседы с агентом Майком Мортоном.

«Жертва трагического несчастного случая на рабочем месте»,— гласила утренняя газета. «Вчера в полдень частный самолет произвел посадку в аэропорту «Лантана», чтобы отремонтировать поврежденный пропеллер. Заправщик Джон Лейф, негр сорока семи лет, холостой, хорошо знакомый с такого рода поломками, попытался устранить повреждение. Однако когда он ремонтировал испорченный пропеллер, тот внезапно заработал и оторвал несчастной жертве руки и голову. Джон Лейф скончался на месте».

Так утверждалось в сообщении полиции, переданном для прессы. Откуда прибыла роковая машина и кто был ее пилотом — этого журналисты у полиции узнать не смогли.

О внезапной смерти своего второго свидетеля Майку Мортону стало известно вечером следующего дня, когда он сидел в баре отеля «Харагуа» — самого дорогого

и респектабельного отеля в доминиканской столице Сьюдад-Трухильо*. Сразу же после посещения аэропорта «Лантана» он вылетел регулярным рейсом компании «Пан-Америка» из Майами в островную республику. Рядом с ним у стойки бара на высоком, обтянутом зеленой кожей, табурете сидел сухопарый веснушчатый мужчина лет сорока. Он помешивал соломинкой лед в стакане с виски и молча поглядывал на читающего газету Мортона. Мужчину с веснушками звали Норман Куртис, он был капитаном канадской конной полиции. Отдел по борьбе с тяжкими уголовными преступлениями направил его в Сьюдад-Трухильо со специальным заданием — расследовать нападение неизвестных бандитов на доминиканский филиал Канадского королевского банка.

Для правительства Доминиканской Республики, которое, по понятным причинам, препятствовало расследованию, он, разумеется, был всего лишь чиновником, приехавшим для организации контроля и оказания помощи в работе филиала. Майк Мортон, в это время занимавшийся расчетной конторой «Юнайтед фрут компани», тоже приехал в Сьюдад-Трухильо не как частный детектив, а как инженер по ирригации. Насколько диктатор ценил дружбу и финансовую поддержку американского правительства в политических и военных вопросах, настолько же не любил, когда ему пытались оказать содействие в расследовании преступлений, организованных его братом. Поэтому Трухильо отклонил предложение канадских и американских полицейских ведомств прислать своих сотрудников для совместной работы. Отклонил вежливо, но категорично, мотивируя это тем, что доминиканская полиция лучше знакома с условиями в стране и быстрее, чем кто бы то ни было, разберется с этими досадными происшествиями.

Совместная нелегальная работа сблизила Мортона и Куртиса и сделала их друзьями. Поэтому вполне естественно, что сразу же по возвращении из Америки Майк Мортон обратился к Куртису за помощью в розыске Хесуса де Галиндеса.

— Пошло бы все это в задницу! — выругался Мортон без оглядки на благопристойную публику в баре и скомкал газету.— Не успел я найти двух важнейших свидетелей, как эти гангстеры уже убрали их. И полиция с прокуратурой не смогли им помешать...

— Или не захотели,— с улыбкой добавил Куртис и поднял свой стакан.— Давай выпьем за твой успех!

— Успех? Какой успех!? Два свидетеля на кладбище?

— Пусть покоятся с миром. То, что хотел от них узнать, ты ведь узнал.

— Ну, ты как ребенок, Куртис! Если бандиты будут продолжать в том же духе, я могу даже день предсказать, когда наступит мой черед.

Куртис улыбнулся, словно от хорошего анекдота:

— Это точно, больше недели я тебе не дам, если будешь вести себя так неосмотрительно.

— А чего же ты хочешь? Я ведь не могу нанять кучу охранников.

— Позанимайся-ка несколько дней ирригационными проблемами своей «Юнайтед фрут». А остальное предоставь мне. Есть у меня несколько проверенных офицеров из ВВС Трухильо... Уж они-то выведают, кто этот близорукий летчик.

Норман Куртис отодвинул недопитый стакан и слез с табурета:

— Пообещай мне это, Майк.

Мортон без особого энтузиазма протянул ему руку:

— Ладно, если здесь, внизу, виски и женщин будет достаточно, я согласен пару дней посидеть в отеле, но не больше.

Канадец дружески похлопал американца по плечу:

— О'кей, Майк. Только слишком не напивайся.

Через два дня сразу после обеда в номере Майка зазвонил телефон. Это был Норман Куртис.

— Майк, ты не пьян? — осведомился он.

— Для такого времени еще нет... или уже нет. Как тебе больше нравится...

— Тогда послушай меня. Быстренько одевайся и спускайся в бар.

Майк Мортон лежал в постели. Рядом спала девушка с кожей шоколадного цвета. Напоминание о последней ночи в баре.

— Прямо сейчас? Слушай, Куртис, а часок подождать ты не можешь? — спросил Мортон, накручивая на палец локон кудрявых волос девушки.

— Я его нашел,— донеслось из трубки.

Мортон оставил локон в покое:

* С 1936 по 1961 год столица Доминиканской Республики Санто-Доминго официально именовалась Сьюдад-Трухильо. Ciudad — город *(исп.)*.

— Кого ты нашел?

— Твоего близорукого пилота с «бичкрафта».

У Майка перехватило дыхание. Он накрыл девушку стеганым одеялом и вскочил с кровати:

— Понял, через десять минут буду внизу.

Человека, который на «бичкрафте» переправил Хесуса де Галиндеса из Соединенных Штатов на Гаити, звали Мэрфи, Джерри Тэд Мэрфи. Ему был сорок один год, он дважды разводился и неоднократно лечился от пагубного пристрастия к наркотикам.

Во время второй мировой войны Мэрфи после краткого курса обучения стал летать и дослужился до командира Б-27, прозванного «летающей крепостью». При высадке союзников во Франции его сбили, и с тяжелым ранением он попал в госпиталь, где несколько месяцев подряд получал инъекции морфия из-за непереносимых болей.

После выписки из лазарета Мэрфи стал законченным наркоманом. Однако, несмотря на это, пытался опять найти работу летчика. В заявлениях он умалчивал о болезни глаз — прямом следствии регулярного употребления наркотиков. Но обмануть врачей на медкомиссии ему не удавалось, и его заявления отклонялись, во всяком случае солидными авиакомпаниями. Однако в Америке множество и несолидных фирм, которым нет дела до состояния здоровья их служащих. Главное — чтобы они умели управлять самолетом. Эти авиакомпании занимаются контрабандой: нелегально перевозят людей, оружие, наркотики, алкоголь. Джерри Мэрфи не спрашивал, что находится в самолете позади него. Его интересовали только штурвал и приборы. Летать для него означало жить. Если он не будет летать, жизнь для него закончится. Вот так и свел его случай с двумя господами из доминиканского посольства в Вашингтоне, которые поинтересовались, не хочет ли он сделать спецрейс за десять тысяч долларов. Для Мэрфи десять тысяч долларов были возможностью еще на пару лет продлить свою невеселую жизнь. И он принял предложение.

— И ты все это разузнал за два дня? — спросил Мортон своего канадского друга, сидя рядом с ним перед стойкой бара.

Куртис только стряхнул пепел с сигареты, словно хотел сказать: подожди, это только начало.

— Но от кого? Кто тебе рассказал?

— Как от кого? Здесь ведь не столько аэродромов, как

в Штатах. Пары телефонных разговоров хватило, чтобы выяснить, что «бичкрафт» № 68100 приземлялся в Монте-Кристи.

— В Монте-Кристи? Но ведь это две сотни миль отсюда.

— Именно, Майк. Поэтому мне и понадобилось два дня.

— Ну, хорошо, тогда выкладывай все. Не заставляй меня дергаться еще два дня.

Их разговор прервала стройная шоколадная дама в облегающем кожаном платье. Плавно покачивая бедрами, она пересекла пустой бар и подошла к мужчинам. В ее руке издали был заметен ключ от номера гостиницы. Она непринужденно улыбнулась Мортону и коротко кивнула Куртису, как бы извиняясь за свое появление, а затем с обезоруживающей непосредственностью проговорила:

— Твой ключ. Я не хотела его оставлять у портье. Кровать я застелила. Горничной ни к чему знать, что у тебя так рано уже были посетители.

Мортон выдавил улыбку:

— Ты просто прелесть. И такая заботливая...

Молодая женщина выжидающе взглянула на Куртиса, будто надеялась, что он ей представится. Капитан, казалось, был не против пригласить ее выпить. Правой рукой он уже вытаскивал из-под стойки высокий табурет.

Но тут вмешался Мортон:

— Знаешь что, ты лучше иди пока погуляй. Мне еще здесь надо уладить кое-какие дела.

Он демонстративно повернулся к стойке бара, показывая, что больше не собирается злоупотреблять вниманием дамы.

Она послушно ответила:

— Хорошо, после полуночи ты найдешь меня во «Фламинго»...

Куртис открыто разглядывал ее, пока она не покинула бар, и только после этого обратился к Мортону:

— Значит, ты все-таки был в городе. Я же тебе сказал не выходить из отеля!

— Брось! Я ее здесь подцепил, в баре. На это ведь запрета не было.

Канадец воздержался от дальнейших упреков, но по его лицу было видно, что ему не по душе ночное приключение Мортона с гостиничной проституткой. Конечно, меньше всего при этом он думал о моральных принципах.

— Ну, что дальше? Что ты выяснил в Монте-Кристи? — Мортон попытался вернуть беседу в прежнее русло.

— Майк, твое знакомство мне не нравится!

— Выбор был небогат. Одинокие дамы в барах встречаются редко.

— Вот именно! Таких, как эта, разбирают уже у гардероба,— озабоченно сказал Куртис.— Боюсь, тебе ее подставили.

Раздраженный упреками, Мортон пробурчал:

— Скорее всего. Но согласись, гораздо приятнее, когда тебя опекает такая штучка, а не дышит в затылок какой-нибудь бандит с автоматом. Даже если она на самом деле из секретной службы, роль свою она играла здорово.

— Не сходи с ума, Майк! Если тебя уже и в отеле пасут, ты же ничего не сможешь сделать.

— Тогда расскажи, наконец, что было в Монте-Кристи, чтобы нам не терять время на твои проповеди.

Куртису надоела перебранка, и он начал рассказывать:

— «Бичкрафт» еще стоит в Монте-Кристи. Мэрфи доставил туда Галиндеса, и на этом его задание было выполнено. В Монте носилки погрузили в армейский самолет, которым управлял личный пилот Трухильо Октавио де ла Маза.

Мортон недоверчиво покачал коротко остриженной головой:

— Об этом что, говорят на аэродроме или, может, что-нибудь такое есть в газетах? У меня сегодня еще не было времени их почитать.

Куртис не обратил внимания на иронию в словах Мортона:

— Похищенного человека, да еще в бессознательном состоянии, в пакет не завернешь. На таком аэродроме всегда есть десятки людей, которые могли это видеть. Нужно было лишь немного походить вокруг — и все дела.

Мортон, все еще несколько раздраженный, проворчал:

— Ну хорошо, предположим, все действительно так, как ты говоришь. Тогда куда сейчас запрятали Галиндеса? И жив ли он вообще?

— Галиндес сейчас здесь, в городе. В порту на «Президенте Трухильо» — это личная яхта главы государства.

— Об этом тоже на аэродроме говорили?

— Кончай ты свои подколки! Я ведь тебе не басни рассказываю. Я знаком с Октавио де ла Мазой. Ведь это он мне тогда подсказал, что за нападением на банк стоит брат президента.

Мортон ухмыльнулся:

— Извини, Куртис, я здесь чего-то не понимаю. Неужели ты считаешь, что Трухильо настолько глуп, чтобы взять к себе в пилоты человека, не лояльного к режиму... Знаешь, моей фантазии для этого не хватает...

— А де ла Маза и не является политическим противником Трухильо. Он вообще равнодушен к политике. Тут дело в личных мотивах. Ты знаешь сына президента?

— Красавчика Рафаэля Трухильо? У которого были неприятности с Ким Новак и Жужой Габор? Так его ж вся Америка знает. Редко какой журнал о нем не пишет...

— Так вот этот лихой Рафаэль взял и соблазнил красивую и тогда еще непорочную сестричку летчика, а потом бросил ее с незаконнорожденным ребенком. По старым доминиканским обычаям такой позор можно смыть только кровью обидчика.

Ироничная улыбка исчезла с лица Мортона.

— Значит, ла Маза настроен против семьи Трухильо. Что-то я туго соображаю... Так это же находка для нас — этот капитан-летчик...

— Тут ты совершенно прав,— согласился Куртис.

— Гм, а как мы выйдем на него?

— Я уже делаю это. У тебя же будет другая задача.

— Какая?

— Джерри Мэрфи! Ты должен с ним поговорить. Он ведь американец, как и ты. Убеди его вернуться в Америку и дать показания в качестве свидетеля.

— Он что, хочет здесь остаться?

— Ты его можешь за это упрекнуть? Десять тысяч у него в кармане, к тому же гарантирована работа в личной авиации Трухильо... Он будет вторым пилотом у ла Мазы.

— Как же мне заставить его отказаться от всего этого?

— А ты ему объясни, что долго он здесь не протянет. Его жизнь все время будет висеть на волоске, ведь Трухильо не любит оставлять свидетелей своих преступлений.

— Хорошо, с мистером Мэрфи я поговорю,— проговорил Майк Мортон.

Куртис, взглянув на свои часы, сказал:

— Вот и отлично, через полчаса Мэрфи будет здесь. Я пригласил его в бар.

В мягком разноцветном отблеске неоновых ламп увядшее лицо Мэрфи выглядело не таким серым и изнуренным, как при дневном свете. Одетый с головы до ног во все новое, он, казалось, сошел со страниц какого-нибудь американского иллюстрированного журнала мод. Мэрфи носил очки с толстыми стеклами без оправы и на первый взгляд производил впечатление состоятельного адвоката или сенатора. Его немного пошатывало, так как уже успел выпить. В Сьюдад-Трухильо у него еще не было связей с торговцами наркотиками, поэтому для поддержания жизненного тонуса использовал крепкие спиртные напитки. Однако пьяным на сей раз отнюдь не был. Зайдя в бар, он пожал руку Куртису и сдержанно кивнул Мортону.

— Добрый день, мистер Мэрфи,— приветливо поздоровался Мортон, но в ответ натолкнулся на холодную настороженность. С самого начала оба почувствовали взаимную антипатию.

Мэрфи сразу же повернулся к бармену, который возился с бутылками, готовясь к вечерней работе.

— Эй! — вместо приветствия крикнул ему Мэрфи и заказал большую рюмку кальвадоса, который он оценил, будучи во время войны во Франции, и пить который стало в Америке модным благодаря Ремарку и его роману «Триумфальная арка». Но, как выяснилось, на Доминиканскую Республику мода не распространилась, так как бармен лишь беспомощно пожал плечами. Название «кальвадос» было ему незнакомо, во всяком случае если говорить о названии алкогольного напитка.

Мэрфи вполголоса выругался, схватил, не долго думая, стакан Куртиса и одним торопливым глотком осушил его. Куртис сделал знак бармену и заказал три полных стакана.

— Только, пожалуйста, без содовой,— уточнил Мэрфи, и на его лице впервые появилось какое-то подобие дружелюбной улыбки.

Куртис по-товарищески положил ему правую руку на плечо, а левой указал на Мортона:

— Это тот человек, Тэд, о котором я вам рассказывал. Майк Мортон, мой давнишний друг, а с этого момента — если хотите — и ваш тоже.

— О'кей,— сказал Мэрфи, хотя нельзя было понять, то ли он согласен принять предлагаемую дружбу, то ли это «о'кей» сказано просто так, как обычно люди говорят «добрый день», «бог в помощь», «как дела»... И только когда на стойке появился полный стакан виски, он продолжил: — Да... прекрасная страна... Приятные, дружелюбные люди. Только кабаки никуда не годятся.

Он взял стакан и выцедил его до последней капли.

— На самом деле, мне здесь очень нравится. Вот только кабаки... но к этому нужно привыкнуть.

Майк Мортон тем временем напряженно искал повод, чтобы направить разговор в нужное русло. И наконец, не найдя ничего подходящего, сделал то, что меньше всего надо было делать,— сразу раскрыл все карты:

— Вы, значит, перевозили Галиндеса, мистер Мэрфи?

Это прозвучало совсем безобидно, так, между прочим, как будто спрашивают прибывшего, хорошо ли он долетел. Тем не менее Мэрфи тотчас разозлился и напустился на Куртиса:

— Откуда он знает об этом?

Куртис попытался его урезонить:

— От меня, Тэд. Я ему все рассказал. Что в этом такого? Вы же сами еще позавчера не знали, кто был этот человек. А мой друг просто хотел дать вам пару дельных советов... как ваш соотечественник. Об этой истории теперь уже многие знают.

Мэрфи в возбуждении схватил канадца за лацканы пиджака:

— Кто еще об этом знает, а?

— Да вся Америка, Тэд,— бросил Мортон, вытащил из кармана сложенную газету и развернул ее. Это была «Нью-Йорк геральд трибюн».— «Похищение людей! Исчез профессор Галиндес!» — зачитал Мортон заголовки и протянул газету летчику. Мэрфи поднес ее вплотную к глазам и стал медленно читать сантиметровые буквы.

— Послушайте, Тэд. Вы здесь в опасности. За всей этой историей стоит доминиканское правительство. Вы — единственный свидетель, который может это доказать. Ведь именно вы переправили сюда Галиндеса. Если все всплывет, будет международный политический скандал. Трухильо себе этого позволить не может, значит, он будет стремиться заткнуть вам рот. Вы должны немедленно возвращаться в Америку. Поедемте со мной! Мы вылетим завтра же утром, пока к делу не подключились влиятельные силы.

Мортон использовал все свое красноречие, но летчик, похоже, его не слышал. Он не отрываясь смотрел в газету и вдруг в ужасе воскликнул:

— Похищение людей?! Ведь за это полагается газовая камера! Они меня казнят.

Он опустил газету и уставился в пустоту. Сквозь стекла очков были видны его широко раскрытые глаза с мертвенно-застывшими зрачками.

Куртис забрал у него газету:

— Вы не совершали никакого похищения, Тэд. Ведь вы даже не знали, кто был в самолете.

Тэд Мэрфи продолжал, не двигаясь, стоять между двумя детективами.

— Тэд, дайте возможность прокуратуре использовать вас как свидетеля обвинения,— продолжал уговаривать Мортон.— В этом качестве вы освобождаетесь от уголовного преследования. Так гласит закон: вас нельзя привлекать к ответственности, а тем более судить. Но другие — настоящие преступники — отправятся в газовую камеру. Тэд, нечего раздумывать! Это ваш единственный шанс. Здесь вас просто уберут, как это делали раньше с сотнями других — тех, кто кое-что знал о подобных преступлениях. Вся семья Трухильо — банда убийц! У них на совести свыше двухсот пятидесяти жертв!

Тэд Мэрфи, казалось, очнулся от глубокого сна:

— Но ведь они пообещали взять меня на работу в СДА*. Мне же ничего не надо, только летать. Зачем им меня убивать?

Мортон начинал терять терпение. Ему стоило больших усилий сдержать себя.

— Тэд, поймите же! Вас впутали в грязную историю, которая выльется в международный скандал, если станет известна ее подоплека. Трухильо использует все средства, чтобы избежать этого. Вам не на что надеяться.

Теперь Мэрфи посмотрел на Мортона, как смотрит отец на несовершеннолетнего сына, когда тот рассказывает ему небылицы о школе.

— Вы что, не понимаете, Тэд? Вашей жизни угрожает большая опасность, если вы не покинете эту страну.

Улыбнувшись со снисходительной любезностью, Тэд взял свой стакан со стойки, допил его и поставил обрат

* СДА — Compania Dominicana de Aviacion. Эта авиакомпания принадлежала семейству Трухильо.

но. Затем неожиданно протянул Мортону руку. Сначала показалось, что он хотел поблагодарить его за добрый совет, однако он тут же повернулся к Куртису и тоже пожал ему руку, сказав при этом:

— До свидания, мистер Куртис. Насколько мне приятно было встретиться с вами, настолько же мне не понравился ваш друг. Он слишком много болтает всякой чепухи.

И, не проронив больше ни слова и даже не расплатившись за выпитое, Мэрфи вышел из бара.

Первым пришел в себя Норман Куртис:

— Ну что ж, тогда нам поможет ла Маза. Если Мэрфи будет у него вторым пилотом, ла Мазе придется переправить его в Штаты.

— Не забывай, что для ла Мазы главное — личные счеты с красавчиком Рафаэлем. Ему сейчас не до нас.

— А ты думаешь, ему не будет приятно насолить всему семейству Трухильо? Ведь они там все повязаны, надо только ему объяснить это. Мы должны убедить его выступить в роли свидетеля. Тогда Мэрфи за соучастие в похищении пойдет на скамью подсудимых, а ла Маза будет свидетелем обвинения. Так даже лучше!

— Лучше?! Боже правый! Да мне просто смешно! — вырвалось вдруг у Мортона, и он рассмеялся, как будто услышал от Куртиса превосходную шутку.— Разве это не парадокс? Мы хотим покончить с целым синдикатом убийц, сильнее которого, наверно, сейчас и нет. К тому же этот синдикат единственный в своем роде — это правительство страны, официально признанное почти всем миром, его представитель сидит в ООН... А мы, маленькие люди, хотим его прихлопнуть. Разве не смешно? Просто глупо...

Смех Мортона вспугнул бармена, который находился в задней комнате, и он, удивленный, выскочил оттуда к стойке бара. Куртис тут же протянул ему пустые стаканы и, после того как бармен наполнил их, отослал его обратно.

— Он что, понимает по-английски? — спросил Мортон, перестав смеяться.

— Только «спасибо», «пожалуйста» да названия напитков.

— В общем, так. Я вижу, дело постепенно запутывается. Как насчет того, чтобы упаковать чемоданы и рвануть отсюда? Мне эта история все больше не по душе...

— Не паникуй, Майк. Матерые бандиты тоже делают

ошибки, на которых потом и попадаются. Вспомни Аль-Капоне. На его счету было больше двухсот убийств, но ни одно не удалось доказать. А поймали его на злостном неплатеже налогов. Из-за этого он попал в тюрьму и умер там от воспаления легких.

— Что твой Аль-Капоне по сравнению с Трухильо?! Жалкий карманный воришка...

Куртис взял со стойки вновь наполненные стаканы и протянул один из них Мортону:

— За твое здоровье, Майк. Чтоб его хватило на Трухильо! А ла Мазу я тебе обеспечу.

Капитан авиации Октавио де ла Маза был типичным представителем доминиканского офицерского корпуса: высокий, элегантный, с приятной внешностью. Даже Голливуд не смог бы подобрать для необычайно тщеславного генералиссимуса Трухильо более привлекательного личного пилота. В темно-синей летной форме, украшенной золотыми галунами и дюжиной орденов, он выглядел, как персидский шах. Однако, когда он снимал униформу и надевал простой гражданский костюм, только маникюр отличал его от двух миллионов обобранных и закрепощенных крестьян и рабочих плантаций сахарного тростника, среди которых он вырос.

Когда Норман Куртис ввел его в изысканные гостиничные апартаменты Майка Мортона, ла Маза в смущении принялся на пороге вытирать от пыли свои совершенно чистые ботинки.

«Какой симпатичный, скромный парень!» — было первой мыслью Майка. Он сразу же приступил к делу:

— Мистер Куртис сказал, для чего мы к вам обратились?

Ла Маза ответил без колебаний; говорил он на ломаном, но хорошо понятном английском:

— Да, мистер Мортон. Капитан Куртис объяснил мне, что вас интересует. Я охотно вам помогу, чем смогу, конечно. Только вот... есть одна трудность: моя старая мать и моя сестра с ребенком. Я не могу оставить их в Санто-Доминго. Трухильо сразу же арестует их и отомстит мне... А то я давно бы уже удрал отсюда. Мне так здесь все опротивело! Я бы никогда не пошел в воздушные силы, если бы знал, что нами командуют такие преступники.

Майк бросил вопросительный взгляд на Куртиса, который стоял у окна. Капитан кивнул ему и обратился к ла Мазе:

— Мистер Мортон может вам в этом помочь. Он оформит в американском посольстве визу для посещения родственников в Штатах. А когда ваши мать и сестра окажутся там, уже никто не сможет отправить их обратно.

— Конечно! Мы сделаем это хоть сегодня. Вам только нужно побыстрее передать мне паспорта ваших родных.

Ла Маза нерешительно поднял руку:

— Хорошо, мистер Мортон. Тогда не могли бы они уехать до того... я имею в виду, до того, как все это начнется?

Мортон встал, подошел к письменному столу и достал из среднего ящика расписание полетов. Перелистав несколько страниц, он сказал:

— Ваши мать и сестра могли бы улететь уже завтра днем. В четырнадцать пятьдесят есть самолет на Нью-Йорк через Майами.

— Уже завтра?! Они же не успеют собраться!

— И не надо. Если власти что-нибудь пронюхают, они постараются им помешать. Лучше вы своим родственникам ничего пока не говорите.

Ла Маза насторожился:

— Как? Вы боитесь, что здесь уже кое-что подозревают?

Куртис попытался развеять возникшие у летчика опасения:

— Нет, конечно, нет. Однако мы должны принять все возможные меры предосторожности. Нужно избежать неоправданного риска, и в отношении вас тоже.

Это, похоже, убедило летчика. Больше никаких возражений у него не было. Весь дальнейший разговор касался только технической стороны побега ла Мазы в Соединенные Штаты. Поскольку Мэрфи назначили к нему вторым пилотом, он должен был провести с ним испытательный полет и заставить его сесть в Майами, даже, если понадобится, применив силу.

Когда ла Маза был уже на пороге, Мортон вдруг сказал:

— Вот еще что... Было бы неплохо раздобыть какую-нибудь информацию о судьбе Галиндеса: жив ли он еще, где его держат, что с ним собираются делать... Есть у вас такая возможность? Мой друг говорил, что вы знаете, где сейчас Галиндес.

Летчик помедлил с ответом:

— С аэродрома Галиндес был доставлен на яхту «Президент Трухильо», это я знаю... А вот там ли он сейчас...

— Вы можете попасть на яхту?

Ла Маза в сомнении развел руками:

— Попытаюсь, может, получится.

— На всякий случай, попробуйте. И тогда посмотрите, можно ли освободить Галиндеса, а если можно, то как.

Ла Маза энергично затряс головой:

— Исключено. Это было бы равносильно самоубийству.

Мортон хотел в чем-то убедить летчика, но Куртис тут же остановил его:

— Мы не самоубийцы, Майк. Оставь это. Достаточно, что мы добудем доказательства похищения. Обойдемся без геройства! Стоимость похорон в гонорар не входит.

На этом разговор закончился.

В этот же день капитану Октавио де ла Мазе удалось побывать на яхте «Президент Трухильо». Один его приятель из судовой команды тайком провел его в машинное отделение.

Хесус де Галиндес лежал, привязанный к деревянным нарам. Дверцы топки были раскрыты. В помещении стояла жара градусов под шестьдесят. Галиндес был еще жив, но уже не мог произнести ни слова. Длящиеся часами допросы, пытки и немилосердная жара совершенно измотали его.

От экипажа ла Маза узнал: Галиндес признался в том, что написал книгу по поручению Доминиканского революционного комитета, действующего в Соединенных Штатах, что она искажает факты и была написана под диктовку комитета. Она, мол, сплошь состоит из клеветы на режим Трухильо. Все утверждения о преступлениях, якобы совершенных правительством, построены на песке и не соответствуют его, Галиндеса, убеждениям. Он лишь под давлением поставил свою фамилию под рукописью.

Этой же ночью ла Маза снова появился в номере Майка Мортона. Бледный, растерянный и напуганный, он сразу же начал рассказывать о посещении «Президента Трухильо». Он был настолько взволнован, что даже не заметил, как Мортон отчаянно жестикулировал, призывая его замолчать. В ванной комнате находилась шоколадная дама, которая вечером опять появилась в баре.

Поэтому ла Маза опешил, когда Мортон ему сказал:

— Дружище, кто вы, собственно, такой? Вы что, пьяны? И кто вам нужен? Я вас вижу в первый раз! Сделайте милость, оставьте мой номер!

И только когда Мортон на обратной стороне сигаретной пачки написал: «Успокойтесь наконец и исчезните отсюда, я не один!» — капитан разобрался в ситуации и, прикинувшись пьяным, пробормотал:

— Значит, вам меня не жалко, да? Ну хорошо же, вот я сейчас пойду и пожалуюсь директору...

С этими словами он поспешно удалился.

Теперь уже любовные ласки шоколадной девушки, как усердно ни старалась она отвлечь его от досадного ночного недоразумения, доставляли Мортону мало радости. Если шлюха в его постели действительно шпик секретной службы, то он совершил величайшую, можно сказать, смертельно опасную глупость, что снова подцепил ее. Ведь узнай Трухильо, что Мортон выведал, где и в каком состоянии находится Галиндес, он сделает все, чтобы убрать свидетеля. На языке секретной службы диктатора это означало верную смерть.

Норман Куртис советовал своему отчаявшемуся другу:

— Немедленно свяжись с американским посольством! Скажи послу прямо, чем ты здесь занимаешься и какая опасность тебе угрожает. Если Трухильо будет знать, что посольство держит тебя под своей защитой, он остережется тебя хватать. Вряд ли он рискнет убивать в своей стране американского гражданина. Это привело бы к дипломатическим осложнениям. Да и пресса поднимет шум, что тоже не в интересах Трухильо.

— А если американское посольство откажется предоставить мне дипломатическое прикрытие, так как в Вашингтоне не захотят портить отношения с Трухильо из-за какого-то Майка Мортона? Ведь военно-морская база на этом благословенном острове стоит все-таки немного дороже жизни мелкого частного детектива.

— Тогда, Майк, ты должен как можно скорее исчезнуть отсюда!

Майк кивнул:

— Мне тоже кажется это самым разумным. Но только с ла Мазой и Мэрфи. С пустыми руками я не вернусь.

Опасения американского детектива, что посольство

откажет ему в защите, имели под собой почву.

Посол Ричард Стефенс, которому он обрисовал свое положение, без всяких околичностей отклонил его просьбу:

— Вы не принадлежите к дипломатическому корпусу, вы просто частное лицо. Все, что вы тут делаете,— ваши личные проблемы. Если вы пошли против закона, значит, должны отвечать. Не ждите, что мы дадим вам дипломатическое прикрытие. Это было бы нарушением дипломатических соглашений и поставило бы правительство Соединенных Штатов в весьма затруднительное положение.

Мортон вспылил:

— Сэр! А если бандиты похищают человека, которому Соединенные Штаты официально предоставили политическое убежище, мучают и убивают его — это соответствует дипломатическим соглашениям?

— Это всего лишь рассказанная вами история, которая пока не имеет никаких доказательств.

— В таком случае, сэр, дайте мне возможность предоставить вам доказательства.

Посол поднялся из-за своего массивного письменного стола:

— Обратитесь, как и положено в таких случаях, в полицию этой страны. Больше мне вам сказать нечего.

Мортон рассмеялся:

— Сэр! Вы просто образец доверчивости. На самом деле, пускай полиция расследует, действительно ли глава их государства похищает и убивает людей! У вас отменное чувство юмора. Но это юмор висельника!

Таким образом, сэру Ричарду Стефенсу не пришлось искать предлога, чтобы закончить беседу. Мортон покинул помпезный кабинет по собственной инициативе, при этом так хлопнув дверью, что по длинным коридорам разнеслось эхо.

У Мортона возник новый план. «Юнайтед фрут компани», при которой он официально числился инженером-ирригатором, держала для своих руководящих сотрудников роскошную яхту «Анчоа» — судно с отличными мореходными качествами: оно делало тридцать пять морских миль в час и лишь немногие быстроходные катера доминиканской береговой охраны могли помериться с ним силой. Мортону уже приходила в голову мысль использовать «Анчоа», если понадобится срочно исчезнуть из Санто-Доминго. Но тогда он от нее отказался, поскольку как раз в это время яхту поставили в сухой док для покраски. Теперь же ремонт представился Мортону весьма благоприятным обстоятельством для тайного отъезда. Если Трухильо захочет сорвать побег детектива, то наверняка возьмет под наблюдение аэродромы, вокзалы, причалы, но вряд ли обратит внимание на поставленную в док яхту. В этом Мортон увидел свой шанс.

Когда он вышел из американского посольства и сел в такси, собираясь ехать на верфь, то заметил через заднее стекло, как из ряда припаркованных машин выехал автомобиль американской марки, в котором сидело четверо мужчин мощного телосложения и с такими серьезными лицами, какие бывают только у агентов секретной службы, когда они стараются не бросаться в глаза. В таких лицах Мортон в силу своей професии разбирался хорошо. Слежка его не пугала. Он к ней уже привык. К тому же ему пришло в голову, что секретные агенты наверняка доложили своему начальству о посещении Майком Мортоном американского посольства и это, видимо, удержит их пока от каких-либо опрометчивых действий у всех на виду. Не могли же они так быстро узнать, что посол ради сохранения американо-доминиканских отношений отказал ему в защите.

Такси ехало вперед, и Мортон, сунув водителю крупную купюру, сказал:

— Перед следующим универмагом поезжайте помедленнее, чтобы я смог на ходу сойти, не свернув себе шеи.

Возле универсального магазина «Алькazар», крупнейшего в Санто-Доминго торгового центра, принадлежавшего семье Трухильо, таксист притормозил. Мортон выскочил из машины и через несколько секунд затерялся в толпе посетителей.

Доехав на лифте до самого верха, он по лестнице спустился на второй этаж, затем, попеременно пользуясь лифтом, эскалатором и лестницей, убедился, что хвоста за ним не было. В примерочной кабине отдела готового мужского платья он снял свой заметный светлый дождевик и вышел из универмага опять через главный вход, в то время как его преследователи ждали у заднего выхода.

На верфи ему тоже повезло. Яхту еще не начинали красить. Она стояла на катках на стапелях, ведущих в воду. Канатная лебедка была установлена рядом, а рабочих, которые выказали готовность за соответствующую

мзду приложить к ней руки, Мортон нашел быстро. Договорились о спуске на воду в пять часов утра на следующий день. Ночь он собирался использовать для того, чтобы уговорить Мэрфи, ла Мазу и Нормана Куртиса бежать вместе с ним. Что касается Мэрфи, то в крайнем случае необходимость этого мероприятия ему можно будет растолковать при помощи пистолета.

Близорукий американский летчик снимал жилье в многоквартирном доме в самом престижном районе Сьюдад-Трухильо. Прежде чем подняться на третий этаж, где жил Мэрфи, Мортон позвонил в его квартиру из ближайшего автомата. Возможно, агентам Трухильо пришла мысль подождать его у Мэрфи и они оставили там для его встречи нескольких господ с серьезными лицами. Он не хотел попадаться в западню, как новичок. На телефонный звонок в квартире Мэрфи никто не ответил.

Мортон вышел из телефонной будки и праздной походкой обогнул недавно построенный дом, чтобы удостовериться, что поблизости нет шпиков, а затем направился к подъезду. На лестнице никого не было. Возле двери с табличкой «Мэрфи» Мортон остановился. Он не стал сразу звонить, а сначала прислушался: нет ли в квартире какого-нибудь шума? Несколько минут простоял он так перед дверью. Из-за нее не доносилось ни звука. Наконец он позвонил. Четыре раза... Ни малейшего шороха. Мортон подождал еще несколько минут и только потом достал из кармана универсальную отмычку. Пары умелых движений хватило, чтобы дверь распахнулась. Вытащив пистолет, Мортон вошел в прихожую и открыл следующую дверь — в комнату.

Помещение производило такое впечатление, словно здесь буйствовала целая банда взломщиков: все шкафы раскрыты, ящики выдвинуты, а их содержимое в беспорядке валялось на полу — белье, костюмы, обувь, продукты, пачки сигарет, пустые и полные бутылки... На маленьком столике — остатки трапезы. Все выглядело так, как будто хозяина внезапно застали за едой и увели. Мортон, не входя в комнату, закрыл дверь. Ему стало ясно: ждать возвращения Мэрфи уже не имело смысла. Все говорило о том, что его арестовали, а квартиру обыскали сотрудники тайной полиции.

Неудачей закончились и попытки Мортона найти Нормана Куртиса и капитана ла Мазу. Канадец за час до

его посещения поспешно ушел из своего пансионата, а ла Маза после ночного посещения отеля «Харагуа» так и не появился в квартире своей матери.

К себе в отель Мортон идти не рискнул. Он боялся, что там его поджидает тайная полиция. Однако оставлять на произвол судьбы свой багаж, особенно записи по делу Галиндеса, ему не хотелось. Поэтому он позвонил из автомата портье и осведомился, не спрашивал ли кто-нибудь о нем.

— Уже полчаса в вашем номере вас ждет мистер Куртис,— ответил портье и соединил его с телефоном в номере.

Трубку поднял Норман Куртис. Было слышно, как он вздохнул, услышав голос Мортона:

— Майк! Слава богу, что ты позвонил,— с облегчением проговорил Куртис.— Мне срочно надо тебе...

— Слушай меня,— прервал его Мортон.— Немедленно уходи из отеля. Возьми мой чемодан и выкрути патрон из настольной лампы. Я там спрятал пару страниц с записями и микропленку. И сразу приходи в универмаг «Альказар». Встретимся в дендрарии на крыше. Но только смотри, не приведи хвоста!

Куртис не стал спрашивать о причинах такой спешки. Он лишь уточнил:

— Не в дендрарии, Майк, а перед американским посольством. Через полчаса жди меня там.

Широкая оживленная улица деловой части города, где располагалось посольство, была, пожалуй, самым безопасным местом для встречи. У входа на суверенную территорию Соединенных Штатов охранники Трухильо вряд ли отважатся похитить или убить его, рассуждал Мортон, прохаживаясь взад и вперед перед ступеньками главного входа, словно в ожидании какой-нибудь девушки.

Норман Куртис пришел вовремя, но без чемодана Мортона:

— Это было бы слишком заметно, Майк. Я оставил его в бюро регистрации. Если он действительно тебе нужен, можешь отправить за ним посыльного.

— А записи и пленка?

— У меня.— Куртис незаметно сунул Мортону маленький пакетик.

— Спасибо. А теперь слушай. Я только что побывал в квартире Мэрфи. Его, видимо, уже забрали. В комнате

все перевернуто вверх дном, а сам Мэрфи бесследно исчез.

На канадца, похоже, это сообщение не произвело особого впечатления.

— Все может быть,— только и сказал он.— Но тебе сейчас не об этом надо думать. Ты должен немедленно скрыться... или будешь следующим.

Мортон согласно кивнул:

— Это мне тоже ясно. Но без ла Мазы я не уеду.

— Именно без ла Мазы, Майк!

— Об этом не может быть и речи! Без ла Мазы, Мортон, я не уеду.

— Послушай, Майк. Ла Маза уже не сможет с тобой поехать.

— Уже не сможет?! Что это значит?

— Он мертв, Майк.

Куртис вытащил из кармана газету, развернул ее и показал отмеченное крестиком сообщение с заголовком: «Смерть в автокатастрофе».

Мортон попытался прочесть заметку, но его испанского было явно недостаточно, чтобы в ней разобраться.

— Что здесь написано? Я не настолько хорошо владею испанским...

«Сегодня, рано утром, на обрывистом берегу возле Матадеро в автомобильной катастрофе погиб капитан авиации Октавио де ла Маза. На повороте, где шоссе вплотную подходит к обрыву, капитан не справился с управлением. Его машина протаранила защитное ограждение и с сорокаметровой высоты упала в море. Обломки ее прибило к берегу, однако тело капитана до сих пор не найдено».

Мортон в сомнении и даже с недоверием посмотрел на Куртиса, взял у него газету и растерянно уставился на скупые строчки сообщения.

— Тело, конечно, и не найдут,— сказал Куртис и посмотрел на элегантный американский лимузин, который остановился перед зданием посольства.— Возле Матадеро находится мясокомбинат, который ежедневно сбрасывает в море отходы. Поэтому там полно прожорливых акул.

Мортон содрогнулся от мысли, что и его может ожидать подобная участь.

— Простейший и самый надежный способ замести следы убийства,— добавил Куртис.

Тем временем из американского лимузина вышел

посол Соединенных Штатов. Мортон, увидев его, склонился в легком поклоне.

— Доброе утро, ваше превосходительство,— проговорил он не без налета иронии.

— Доброе утро, мистер,— ответил на приветствие его превосходительство с таким же любезным равнодушием, с каким через несколько шагов поздоровался со встречавшей его экономкой посольства.

Мортон посмотрел ему вслед:

— Хорошо бы до конца жизни не видеть его!.. Но придется, видно, им еще заняться.

— На что ты надеешься? Он же тебе ясно дал понять, что и пальцем не шевельнет...

— Он обязан выяснить, что случилось с Мэрфи. Как-никак Мэрфи — американский гражданин.

— Ну что ж, попробуй... А теперь наконец скажи, чего ты хочешь от меня. Не можем же мы здесь вечно стоять.

— Теперь, собственно говоря, в этом нет смысла. Ла Маза, до того как его убили, приходил ко мне ночью в отель.

— Ла Маза был ночью у тебя?

Мортон закурил сигарету и только потом стал рассказывать Куртису, из-за чего летчик так неожиданно появился в его гостиничном номере.

— В таком случае мне ясно, почему он исчез. Они следили за ним и схватили, когда он выходил из твоего отеля,— сказал Куртис, выслушав Мортона.— Ведь в это время никто не мешал затащить его в машину и там убить. А до того обрывистого берега не будет и десяти миль.

— Я уверен, что и наши дни сочтены,— проговорил Мортон. В его голосе сквозил страх. Он бросил сигарету на мостовую и затоптал ее.

— Норман, я хочу хоть завещание в посольстве оставить. Завтра утром, если нас, конечно, до этого не схватят, мы постараемся исчезнуть отсюда. В гавани наготове стоит яхта. Когда проскочим трехмильную зону, передадим по радио сигнал бедствия. Там уже патрулируют корабли с нашей военно-морской базы. Только сначала надо выбраться из этого проклятого Санто-Доминго!

Его превосходительство посол Ричард Стефенс, уступив наконец настоятельным просьбам Мортона, согласился разузнать у доминиканских полицейских властей,

где находится исчезнувший из своей квартиры американский пилот Джерри Тэд Мэрфи. Целых два часа названивал он разным мелким чинам, пока в конце концов не связался с шефом службы безопасности полковником Сезаром Оливией.

Беседа с ним длилась всего несколько минут. В явном замешательстве посол положил трубку и растерянно обратился к Мортону, который все это время не покидал кабинета:

— Ну и втянули вы меня в историю!

— Я? — удивленно спросил Мортон.

— Мэрфи арестован как участник антиправительственного заговора. Он готовил покушение на Трухильо!

Мортону показалось, что он ослышался:

— Что готовил? Покушение на Трухильо?! Да нет же, все как раз наоборот!

Посол успокаивающе поднял руки:

— Я только передаю то, что мне было сказано. Мэрфи, должно быть, оставил соответствующие показания.

Мортон в возбуждении вскочил с огромного кресла для посетителей:

— Оставил показания? Значит, его тоже убили?!

Стефенс откинулся на резную спинку своего кожаного кресла, словно опасался нападения:

— Мэрфи испугался неминуемой смертной казни, которая полагается за такие преступления, и повесился в камере. Так мне было сказано. А перед этим сделал письменное признание. Фотокопию нам могут предоставить. Официальный представитель посольства осмотрит труп и ознакомится с заключением тюремного врача. Против этого я ничего не имею.

Воздев руки к портрету первого президента Соединенных Штатов, который висел на стене над креслом посла, Мортон с ироническим пафосом продекламировал:

— Великая Америка, что с тобой происходит, если такие мерзавцы осмеливаются столь беспардонно врать твоему послу?!

Он оперся обеими руками о стол и наклонился к послу:

— Ваше превосходительство, и вы все это терпите? Куда идут те многие миллионы, которые мы ежегодно выделяем этому карликовому государству?!

Как ни горячо наседал Мортон, Стефенс лишь невозмутимо покачал головой:

— Я не могу вам помочь, Мортон. На этом посту

я чересчур заметен, чтобы позволить себе какие-то самостоятельные действия. Мне надо сначала поставить в известность Вашингтон и испросить соответствующих указаний.

— Ради бога, только не это! Это слишком долго! — Мортон театральным жестом схватился за голову и повалился в кресло.

Удивленный посол вышел из-за стола, достал из стенного шкафа бутылку и стаканы, налил виски и один стакан поставил перед Мортоном. Потом с неожиданным дружелюбием сказал:

— Значит, так. Посла из игры мы сейчас выводим. Что я могу сделать для вас как земляк?

Мортон чуть не поперхнулся и отставил недопитый стакан. Почти испуганно он спросил:

— Вы хотите для меня что-нибудь сделать? Значит, начинаете наконец понимать, что здесь творится?

Стефенс вдруг заинтересовался кусочком пробки, который плавал в его стакане. Не глядя на Мортона, он проговорил:

— Мне вы можете не рассказывать, что происходит в стране Трухильо. Но Вашингтон по различным соображениям заинтересован в дружественных отношениях с правительством страны.

— Знаю... Чтобы защищать западную свободу от красной опасности. Честно говоря, я не питаю ни малейшей симпатии к коммунистам, но неужели нам нужны такие отпетые негодяи, чтобы защищать свои идеалы? Ведь от этого больше вреда, чем пользы. В стране есть достойные, вызывающие доверие люди, не то что Трухильо, и было бы разумнее их привлечь на нашу сторону. Среди офицеров, например, найдутся подходящие кандидатуры...

— Для этого еще не созрели условия, Мортон. Семья Трухильо уже двадцать пять лет у власти, и все нити у нее в руках. Если преждевременно провести маленькую революцию, она может вызвать всенародное восстание; население острова ничего так страстно не желает, как конца эры Трухильо. Однако при этом власть могут захватить коммунисты. Значит, пока нам придется мириться с Трухильо и ждать, когда в офицерском корпусе вырастут люди, на которых можно будет положиться.

Мортон вылил в рот остатки виски и со стоном проговорил:

— Сэр, все это прекрасно, но я не могу так долго

ждать! Завтра, рано утром, мне надо убраться отсюда, и вы должны мне в этом помочь.

Посол покачал головой:

— Дипломатического иммунитета я вам предоставить не могу, если вы на это намекаете, Мортон. Да это и бесполезно. Тайная полиция все равно снимет вас и с самолета, и с корабля. Здесь дипломатические привилегии всего лишь пустой звук.

Мортон улыбнулся:

— Спасибо, ваше превосходительство, мои желания гораздо скромнее: приютите меня в посольстве до четырех утра, потом разрешите воспользоваться посольской машиной и передайте, пожалуйста, командованию военно-морской базы, что между шестью и семью часами яхта «Анчоа» за трехмильной зоной будет передавать сигнал бедствия. Они могли бы послать для оказания помощи эсминец, а он доставил бы меня в Пуэрто-Рико.

От последней фразы посол чуть не лишился дара речи:

— В Пуэрто-Рико?! Почему уж не сразу в Майами или даже Нью-Йорк? Послушайте, Мортон, я не могу брать на себя такую ответственность.

— Ваше превосходительство, в Пуэрто-Рико находится ближайшая отсюда американская военно-морская база. Каждое утро туда идет патрульный корабль. Что в этом такого, если он подберет несчастную жертву кораблекрушения? Только договоритесь с ними о конкретном месте встречи в море.

Посол Стефенс озабоченно почесал лысину:

— А чем я это обосную, Мортон? Вы ведь американец, путешествующий частным образом. Вам не полагается кататься на эсминцах.

— Зато мне полагается защита от убийц. Ваше превосходительство, если меня убьют, у вас как у дипломата могут возникнуть очень большие осложнения! Скажите им просто, что я путешествую с тайной дипломатической миссией. Это всегда впечатляет и к тому же не поддается проверке.

Фортуна, пожалуй, в этот момент была особенно благосклонна к Мортону. Посол США, столь неприступный до сих пор, после продолжительного размышления взял наконец телефонную трубку и связался с комендантом военно-морской базы.

Первые слова Нормана Куртиса, когда он на следующее утро у ворот посольства садился в черный «кадиллак», были:

— Давай, жми! Надо убираться! Я уверен, что люди из тайной полиции всю ночь провели перед посольством.

Мортон и без того не собирался придерживаться предписанных в столице ограничений скорости, однако посол Стефенс выделил ему для побега не самую новую машину из богатого автопарка посольства. Когда они выехали на широкое скоростное шоссе, ведущее из центра города в порт, Мортон увидел в зеркале заднего обзора маленькую черную точку, которая увеличивалась с пугающей быстротой.

Продолжая управлять машиной одной рукой, он вытащил из кобуры под мышкой пистолет и протянул его Куртису:

— Попробуй-ка этим их отцепить. В «бардачке» есть две запасные обоймы.

Однако Куртис вернул ему пистолет и достал из карманов полдюжины «лимонок»:

— Спрячь свой револьвер, я захватил кое-что получше.

При помощи тонкого нейлонового шнура он сделал связку из трех гранат.

Мортон все время поглядывал в зеркало. Автомобиль, который их преследовал, был уже метрах в ста; в нем сидело пять человек.

— Настоящая карательная команда... Целых пять человек!

— Майк, убери немного газ! Подпусти их поближе...

Когда Мортон чуть сбавил скорость, Куртис опустил переднее правое стекло, выдернул чеку и с гранатами в руке высунулся по грудь из машины.

В автомобиле преследователей тоже опустилось переднее правое стекло и показался тонкий автоматный ствол.

В тот момент, когда Куртис швырнул назад связку, хлестнули три очереди из автомата.

Сначала Мортон услышал звон стекла, рассыпавшегося под градом пуль, и лишь потом удаляющийся глухой грохот, как будто из багажника на бетонное покрытие шоссе вывалилась пустая канистра из-под бензина. В зеркало он успел увидеть кувыркающийся в воздухе капот, катящееся вдоль дороги колесо и груду покореженного металла, над которой поднималось облако густого темного дыма.

Когда Мортон повернул голову направо, то увидел, что Куртис продолжал по-прежнему висеть, наполовину высунувшись из кабины. Схватив правой рукой за пиджак, он втянул друга внутрь. Туловище Куртиса безжизненно обмякло на сиденье, голова упала на правое плечо Мортона. Ярко-красный ручеек крови струился по лицу. Куртис был мертв.

В укромном месте, на территории какой-то новостройки, в полумиле от верфи, Мортон остановил «кадиллак». На широкое заднее сиденье положил тело убитого канадца. Погладил бледное лицо товарища с застывающей уже струйкой крови — торопливый жест благодарности за спасенную жизнь. И, забрав оставшиеся гранаты, которые все еще лежали на коврике «кадиллака», оставил машину.

По дороге Мортон влился в ранний поток первых портовых рабочих и без каких-либо происшествий добрался до дока, где стояла «Анчоа». Руки он держал в карманах плаща: в левом были спрятаны «лимонки», в правом — снятый с предохранителя пистолет. Сквозь нагромождение лодочных корпусов и ремонтного оборудования он прокрался к месту, где вчера видел «Анчоа». Площадка была пуста.

Рядом валялись отброшенные в сторону катки. Мортон испугался: неужели западня. Но тут же увидел, что у лебедки пустой барабан. Толстый стальной трос тянулся между рельсами стапелей и уходил к воротам дока.

Возле больших раздвижных дверей Мортон натолкнулся на рабочего, с которым договаривался накануне.

— Ну как, «Анчоа» уже на воде? — спросил он.

— Да, сэр,— ответил мужчина и показал на изгиб гавани.— Она у второго пирса. Пабло уже разогрел двигатели. Надеюсь, вам это будет кстати.

Насколько кстати это было Мортону — ему оставалось лишь вскочить на яхту и отчалить,— рабочий увидел только тогда, когда развернул полученную от него крупную купюру. «Анчоа» тем временем уже вышла из гавани и взяла курс в открытое море.

Через час на горизонте показался стройный силуэт американского эсминца. От посла Стефенса Мортон получил приказ ни в коем случае не передавать в эфир сигнал бедствия. Такие радиосигналы подняли бы по тревоге береговую охрану Трухильо, и ее катера могли бы в последний момент каким-нибудь образом помешать побегу. Поэтому было оговорено точное место встречи

в нейтральных водах: тридцать пять морских миль юго-восточнее Сьюдад-Трухильо, курс — сто сорок пять градусов зюйд-зюйд-ост, время — шесть часов десять минут. В шесть часов пятнадцать минут на палубу «Анчоа» был спущен забортный трап.

Мортон покинул яхту и в сопровождении морского лейтенанта прибыл в каюту капитана корабля, где удостоверил свою личность письмом посла.

На яхте тем временем матросы устанавливали магнитную мину с дистанционным взрывателем. «Анчоа» будет потоплена, чтобы не дать доминиканскому правительству основания говорить, будто американские ВМС вмешиваются во внутренние дела страны.

Собравшиеся перед стеклянной будкой в нью-йоркском отеле «Хилтон» газетные репортеры и редакторы наградили заслуженными аплодисментами Майка Мортона за его сообщение об этих драматических событиях и не пожалели типографской краски для разоблачения скандальной подоплеки дела Галиндеса. Неискушенный читатель готов был поверить, что американской прессе под силу своими требованиями заставить правительство в Вашингтоне разорвать наконец дипломатические отношения с погрязшим в пороках режимом Трухильо. Давно испытанная игра в поддавки с самой свободной из всех демократий в который раз удалась на славу: недостатки были вскрыты. Пресса, свободная и независимая, какая есть, конечно же, только в Америке, показала их и потребовала от имени общественности принятия мер, а правительство в Вашингтоне, которое, само собой, не имело обо всем этом ни малейшего представления, пообещало предпринять решительные шаги к устранению этих недостатков.

Именно так и было в случае с Галиндесом.

Неделю спустя государственный департамент распространил через прессу следующее заявление: «Правительство Соединенных Штатов направило сегодня министерству иностранных дел Доминиканской Республики решительную ноту протеста, в которой предложено дать разъяснения по поводу судьбы похищенного из Соединенных Штатов профессора Хесуса де Галиндеса, и потребовало строго наказать участников этого преступления».

В тот же день в парламенте сенаторы Морзе и Портен потребовали немедленной отмены дипломатического им-

мунитета доминиканского генерального консула в Нью-Йорке Эспальета. Они же предложили создать сенатскую комиссию для расследования дела Галиндеса и на ее заседании заслушать под присягой Эспальета по поводу обвинений Майка Мортона.

О том, что правдолюбивые сенаторы выдвинули свое требование лишь тогда, когда доминиканский консул был уже отозван со своего поста и покинул США, государственный департамент, разумеется, умолчал. Но таковы правила игры в свободную демократию.

Решительная нота протеста американского правительства — если она вообще была направлена,— похоже, не особенно обеспокоила Трухильо. Он оставил ее без ответа, объявил американского посла персоной нон грата и потребовал его замены. Вашингтон, даже не поинтересовавшись причиной такого недружелюбного дипломатического акта, срочно отозвал сэра Стефенса.

Все «решительные» меры американского правительства по делу Галиндеса свелись к тому, что сына кровавого диктатора исключили из военной академии в Форт-Ливенуорсе и лишили права носить форму американского офицера.

Дело Галиндеса зашло в тупик, как и сотни других подобных скандальных дел. Его книга «Эра Трухильо» так и не увидела свет, поскольку вместе с автором исчез и единственный экземпляр рукописи. Столь геройски проявивший себя Майк Мортон постарался больше не напоминать о себе. Он отхватил свой гонорар и свою долю газетной славы и наверняка радовался, что еще жив.

Хесус де Галиндес так и остался одним из тех 10 167 человек, которые бесследно исчезли в Нью-Йорке в 1956 году.

«Для того чтобы свалить Трухильо, еще не созрели условия»,— сказал Майку Мортону посол Стефенс в 1956 году. Спустя пять лет наступил момент, когда правительство США смогло избавиться от союзника, ставшего обременительным из-за своих преступлений, не потеряв при этом контроля над политикой важного в военном отношении островного государства. Среди офицеров появилось достаточно проамерикански настроенных и одновременно враждебных Трухильо людей, для того чтобы американская секретная служба могла позволить себе отдать приказ о государственном перевороте.

30 мая 1961 года 69-летний Рафаэль Трухильо был убит во время поездки в свой родной город Сан-Кристобальд, куда отправился навестить мать. Роскошный американский лимузин, которым управлял капитан службы безопасности, был блокирован на открытом шоссе несколькими легковыми автомобилями. Когда Трухильо вышел из машины, чтобы разобраться в причине задержки, его уложили очередью из автомата. Покушение было организовано группой из семи офицеров-заговорщиков, под руководством генерала Хуана Томаса Диаза, который получил военное образование в Уэст-Пойнте...

КТО УБИЙЦА?

Череп лежал на полированной поверхности стола в зале заседаний мюнстерского суда присяжных. Сотня пар глаз напряженно следила за зловещим предметом и элегантным мужчиной с проседью в волосах, который стоял шагах в трех перед судейским столом и смущенно откашливался. Это был 58-летний профессор Вальтер Шпехт; в прошлом он руководил отделом экспертизы уголовного розыска Баварии, а с недавних пор возглавлял ведущую лабораторию одного федерального ведомства, название которого на суде было рекомендовано не упоминать.

Профессор криминалистики, выглядевший скорее бонвиваном, чем ученым, был самой одиозной фигурой сенсационного повторного процесса, который начался в Мюнстере 3 мая 1961 года и к которому многие дни было приковано внимание западногерманской прессы. Более трех лет тому назад экспертное заключение доктора Шпехта послужило основанием для того, чтобы признать 32-летнюю вдову Марию Рорбах виновной в убийстве мужа и приговорить ее к пожизненному заключению.

При вынесении приговора суд констатировал, что Мария Рорбах в ночь с 9 на 10 апреля 1957 года отравила своего опостылевшего мужа, который был на шестнадцать лет старше ее, затем оглушила его и, наконец, ударом по голове убила. Распилив труп на пять частей, она завернула их в куски старого шерстяного одеяла и утопила перевязанные свертки в водоемах в разных районах Мюнстера. Голову же перед этим, как утверждал суд, сожгла в кухонной печи.

Именно эта голова, которая сейчас лежала на судебном столе, и привела в конце концов к отмене действующего приговора.

Доктор Кёстерс, председатель суда присяжных, который приступил к повторному рассмотрению этого дела,

указал карандашом на череп и не без иронии спросил:

— Ну что, господин профессор, вы и теперь остаетесь при мнении, что обвиняемая сожгла голову в кухонной печи?

Импозантный профессор дрожащими руками пригладил волосы на висках; уголки рта его нервно дрогнули, и он раздраженно проговорил:

— Я больше вообще ничего не буду говорить.

По-другому он и не мог ответить. В течение многих часов добрый десяток авторитетных ученых, которых одного за другим приглашал адвокат обвиняемой доктор Грос, буквально не оставили камня на камне от экспертного заключения, сыгравшего решающую роль при вынесении первоначального приговора. 5 июня, на восемнадцатый день судебного заседания, профессор Хайнрих Кайзер, директор института спектрохимии и прикладной спектроскопии, не совсем по-научному, но зато очень понятно обобщил мнения своих коллег:

— Заключение экспертизы, о котором идет речь, содержит столько ошибок и упущений, показывает такое невежество и настолько противоречит всем данным современной науки, что в глазах серьезного ученого не может обладать хоть какой-нибудь доказательной силой. Автор его не имеет ни малейшего представления о современных методах исследования и анализа. Он даже не владеет элементарнейшими научными понятиями, использует бессмысленные, не существующие в научном обиходе выражения и, по-видимому, вообще не обладает необходимым научным аппаратом.

После такого разноса профессор Шпехт, подготовивший по поручению прокуратуры это никуда не годное заключение и получивший, кстати, за него гонорар в 3500 марок, только и смог сказать:

— Я отказываюсь отвечать на эти выпады, пусть за меня говорит мой тридцатилетний стаж работы судебным экспертом.

На следующий день скандальное событие было предано огласке западногерманской прессой. Требовали судебной реформы, пересмотра роли экспертизы в судебном производстве и особенно упирали на то, что такие шарлатаны, как профессор Шпехт, не должны по тридцать лет служить в судебной экспертизе. Однако весь этот крик и шум только способствовали сокрытию подлинных причин неприятного юридического инцидента.

Трудно поверить, что такой человек, как профессор

Шпехт, который больше десяти лет руководил криминалистическим отделом уголовной полиции всей Баварии, выступал на сотнях процессов как представитель обвинения, то есть как представитель государства, и, наконец, был выдвинут на пост заведующего центральной лабораторией засекреченного федерального ведомства, не владеет элементарными навыками своей профессии и не обладает необходимым научным аппаратом. Такому дилетанту никогда бы не доверили играть решающую роль на подобном судебном процессе.

Осечка, которая по чистой случайности произошла с экспертом Шпехтом, указала еще на одну неблаговидную сторону существующей судебной системы: продажность ученых, находящихся на службе у правосудия. Шпехт, как это будет видно дальше, свалил вину на Марию Рорбах не из-за своей профессиональной некомпетентности, а потому, что так требовала прокуратура. Мария Рорбах была изобличена как убийца мужа, так как в высших политических кругах были заинтересованы в том, чтобы скрыть настоящего преступника.

Что же предшествовало процессу над Марией Рорбах?

28 марта 1957 года при работах по углублению фарватера канала Дортмунд—Эмс землечерпалка вместе с песком и илом вытащила на поверхность обезглавленное тело раздетого мужчины. Туловище неизвестного было обмотано тонким стальным тросом, концы которого, залитые бетоном, находились в банках из-под английских консервов, очевидно, для того, чтобы помешать трупу всплыть.

Следственная группа, занявшаяся изучением ужасной находки, несмотря на отсутствие головы, так и не найденной впоследствии, смогла быстро установить личность убитого. За две недели до этого в мюнстерскую полицию поступило сообщение о бесследном исчезновении 47-летнего предпринимателя-строителя Эриха Бёле. За ним числилось немало преступлений против несовершеннолетних на почве гомосексуализма, и поэтому полиция имела его отпечатки пальцев. Они совпадали с папиллярными линиями на пальцах убитого, выловленного в канале Дортмунд — Эмс.

Проверка привычек и знакомств предпринимателя вскоре навела криминалистов на след в те круги, где нужно было искать убийцу, но, как тут же выяснилось, искать его там не полагалось. Большинство из его друзей,

которые знали, что Бёле — гомосексуалист, дали показания о его постоянных связях с подверженными таким же наклонностям офицерами Британского королевского полка конной артиллерии, расквартированного в Мюнстере.

Однако служебные полномочия не позволяли мюнстерским сыщикам самовольно проводить расследование среди офицеров полка. Для этого они должны были через министерство внутренних дел получить согласие британской военной администрации.

Но такого согласия они не получили. Только через четыре года, когда скандал, связанный с процессом над Марией Рорбах, достиг своего апогея, тогдашний федеральный министр внутренних дел Шрёдер сообщил в ответ на запрос оппозиции, что в интересах безопасности расположенных в Германии британских войск дальнейшее расследование проводилось английской военной полицией: оказывается, Бёле находился на службе у британской разведки. Однако, к сожалению, и английские полицейские не смогли ничего выяснить о смерти Бёле. Как заверил обеспокоенную оппозицию Шрёдер, по их мнению, его вообще никто не убивал: он просто пьяным упал в канал и угодил головой под гребной винт.

Итак, мюнстерская комиссия по расследованию убийств вынуждена была передать все документы по делу Бёле британской военной полиции. Но не прошло и двух недель, как комиссия была поднята на ноги находкой еще одного трупа. На озере Аа под Мюнстером, вблизи Золотого моста, прибило к берегу перевязанный сверток, обернутый половиной старого шерстяного одеяла. Дети позвали сторожа, который граблями вытащил узел на берег, развязал его и в ужасе выронил. В пакете были верхняя часть тела и руки мужчины. Немного позже на этом же озере школьники вытащили из прибрежных зарослей еще один сверток. Там находилась нижняя часть мужского тела; она тоже была завернута в половину старого шерстяного одеяла и перевязана брючным ремнем. Части тела и части одеяла совпадали. Однако голову, как и на канале Дортмунд — Эмс, так и не нашли.

Обер-комиссару Йохуму, возглавлявшему комиссию по расследованию убийств, снова пришлось заняться установлением личности убитого, и, как и в первый раз, он быстро справился с задачей. Правда, теперь ему помогли не сведения о пропавших, а кожаный ремень, которым был перевязан один из свертков. Убийца, или

убийцы, не знал, а может, не обратил внимания на то, что у жертвы была привычка писать фамилию и адрес на одежде, в том числе и на ремне от брюк. И хотя вода размыла сделанную химическим карандашом надпись, Йохум все-таки смог, вооружившись лупой, разобрать семь букв: Герм....бах. Стол прописки помог ему полностью восстановить имя и фамилию. В Мюнстере полиции были известны только два человека, в имени и фамилии которых содержались эти семь букв. Обоих звали Герман Рорбах. Один из них умер месяц назад в возрасте 72 лет, другой — 43-летний маляр, проживал по Керсенброкштрассе, 17, и имел молодую, 27-летнюю, жену Марию Рорбах.

До сих пор обер-комиссару Йохуму не приходило в голову, что между ужасными находками, разделенными двумя неделями, может быть какая-нибудь связь, однако, когда он получил информацию из стола прописки, ему это сразу стало ясно. Маляр Герман Рорбах был уже известен комиссару по делу Бёле. Там он фигурировал как интимный друг секретного агента-гомосексуалиста и даже был коротко допрошен Йохумом. Напуганный Рорбах произнес фразу, на которую он тогда не обратил внимания и которая теперь получала чуть ли не пророческое звучание.

«Если Эрих погиб, то хотел бы я знать, что ожидает меня»,— проговорил в каком-то душевном оцепенении Герман Рорбах и с испугом посмотрел на него, как будто хотел сказать: «Не могли бы вы защитить меня от этого?»

Обер-комиссар тогда только улыбнулся; у него даже мысли не закралось, что предчувствия этого человека так скоро оправдаются.

В то время, как Йохум размышлял над странным пророчеством, автомобиль комиссии по расследованию убийств, в котором он ехал, остановился перед домом № 17 по Керсенброкштрассе.

Дверь в квартиру Рорбахов была открыта: Мария Рорбах как раз поднималась по лестнице из подвала с двумя ведрами угля.

— Вы — фрау Рорбах? — обратился к ней Йохум, а его помощники, Шнайдер и Хайнце, уже бегло осматривали маленькую кухню, которая находилась рядом с входной дверью.

Мария Рорбах, казалось, не очень удивилась, увидев

жетон уголовной полиции, который Йохум, не говоря ни слова, сунул ей под нос.

Обер-комиссар Йохум полагался не только и не столько на вещественные улики. Его коньком была психология. Одно из главных убеждений комиссара состояло в том, что такие, казалось бы, несущественные детали, как выражение испуга на лице или дрожание рук во время прикуривания, могут сказать больше, чем любой след ноги или отпечаток пальца. Поэтому он очень внимательно наблюдал за маленькой одутловатой женщиной, которая стояла сейчас перед ним. Однако, когда он ей представился, руки ее оставались совершенно спокойными, а выражение лица было скорее скучающим, чем испуганным.

— Пойдемте в дом,— сказала она и сунула ему в руку ведро с углем. Неловко неся ведро, он последовал за ней на кухню.

— А где, собственно, ваш муж? — как бы между прочим поинтересовался Йохум, будто осведомлялся о хорошем знакомом.

— Работает,— ответила женщина и стала складывать уголь в ящик для дров.

— Давно его нет дома?

— Ушел позавчера, рано утром.

— Где же он работает, что его так долго нет?

Мария Рорбах, все еще занятая выгрузкой угля, передернула плечами:

— Где-нибудь за городом, где есть что красить. У него нет постоянного места работы.

Йохум оглядел кухню. На шкафчике лежала газета, которую еще не раскрывали.

— Вы сегодняшних газет не читали?

Женщина покачала головой:

— Все как-то руки не доходят...— Она подошла к водопроводному крану и смыла с рук угольную пыль.— Чего вы все-таки хотите?

— На теле вашего мужа были какие-нибудь приметы? Родимое пятно или что-нибудь в этом роде?

— Да, у него на спине был шрам. А почему вы об этом спрашиваете? С ним что-то случилось?

Она с недоверием посмотрела на обер-комиссара широко раскрытыми глазами:

— Мертв? Как мертв? Он же был здоров...

— Мы еще точно ничего не знаем. Его труп нашли в озере...

— Он мертв?! Нет, нет! — жалобно воскликнула она, внезапно выбежала из кухни и тут же вернулась с маленьким, лет четырех, мальчиком. При виде трех незнакомых мужчин он испуганно прижался к матери. Мария Рорбах, как бы защищая, обняла его за плечи.

— Норберт, говорят, наш папа умер,— сказала она бесцветным голосом и нежно погладила сына по голове.

Позже, на первом процессе, обер-комиссар Йохум сказал об этих минутах: «Я могу только отметить, что реакция фрау Рорбах была очень сдержанной. Даже слез не показалось на ее глазах».

Несмотря на эту, на его взгляд, чересчур сдержанную реакцию, у Йохума при первой встрече с Марией Рорбах еще не появилось подозрения против нее. Он вежливо пригласил ее проследовать за ним в полицейское управление, чтобы там в качестве самого близкого умершему человека дать показания о его биографических данных и круге знакомых.

В то время, когда Мария Рорбах в служебном кабинете мюнстерской комиссии по расследованию убийств рассказывала о своей супружеской жизни с Германом Рорбахом, не умолчав при этом, что от их брака, кстати незарегистрированного, осталось только название и в последнее время она изменяла мужу с сержантом британских оккупационных войск, перед одним из универмагов в центре города толпилось сотни две людей. В витрине сотрудники комиссии по расследованию убийств вывесили куски одеяла, которыми были обернуты найденные части трупа. Большой яркий плакат с заголовком «Убийство!» сообщал любопытным об известных на тот момент подробностях находки на озере Аа и просил население оказать помощь в раскрытии преступления.

Призыв этот уже в первый день принес успех. Еще во время допроса Марии Рорбах в комиссии появилась некая фрау Матильда Шотт с Керсенброкштрассе. Она жила в доме № 12 и была подругой Марии Рорбах. Дружба неделю назад прервалась, так как Матильда пустила по кругу какую-то сплетню о семейной жизни Рорбахов.

Заметно взволнованная и заранее убежденная в важности своих показаний, переступила Матильда Шотт порог приемной комиссии по расследованию убийств, где в этот момент Хайнце печатал на машинке отчет о первом посещении квартиры Рорбахов.

— Это ведь вы вывесили одеяла... с того убийства.

Я эти одеяла знаю. Они принадлежат моей знакомой, фрау Марии Рорбах, с Керсенброкштрассе, 17. Вас это интересует?

Криминалист вначале хотел было рассердиться на женщину, которая так бесцеремонно ворвалась в помещение и помешала ему печатать. Хайнце привык, что посетители в полиции говорят только тогда, когда их спрашивают. Однако фамилия «Рорбах» сразу заставила его забыть о словах, которыми он собирался отчитать вошедшую. Ведь до сих пор фамилия убитого нигде не упоминалась. Не было ее и на плакате, выставленном в витрине универмага. Если женщина назвала эту фамилию, значит, ее сведения могут быть очень важными.

— Одну минутку, я позову шефа,— сказал Хайнце и, поднявшись из-за машинки, вышел в соседнюю комнату. Там он знаком поманил обер-комиссара: — Зайдите, пожалуйста, здесь женщина, с которой вам надо бы поговорить.

— У меня сейчас нет времени, разберитесь с ней сами.

— Я думаю, это очень важно,— и Хайнце бросил многозначительный взгляд на Марию Рорбах, которая сидела спиной к нему.

В дверях он шепнул Йохуму:

— Одеяла, которые мы вывесили, принадлежат Рорбах!

Когда Йохум вернулся в свой кабинет, Мария Рорбах стояла у окна и смотрела на улицу. Она повернулась:

— Могу я наконец уйти? Малыш один, у меня много работы по хозяйству...

— Еще нет, фрау Рорбах, мы только кое-что проверим. А пока вы должны побыть у нас.

— Что все это значит? Ведь не можете вы держать меня здесь весь день?!

В дверь постучали. Вошел полицейский в форме. Йохум приказал:

— Отведите фрау Рорбах в помещение для задержанных, пусть немного подождет.

— Но я не могу ждать,— попыталась протестовать Мария Рорбах.

Йохум дружески кивнул ей:

— Долго это не продлится. Через час вы наверняка уйдете.

Прошло больше четырех лет, прежде чем Марии Рорбах позволили уйти. Пятьдесят один месяц пришлось

провести ей в различных помещениях с решетчатыми окнами.

В вечерних газетах появились первые сообщения о находке трупа. Но на Керсенброкштрассе уже знали больше. Матильда Шотт принесла известие, что Мария Рорбах арестована, так как убила своего мужа.

Это возбудило фантазию обывателей Керсенброкштрассе. Каждый хотел принять участие в раскрытии преступления, у каждого вдруг появились какие-то подозрения, никто не хотел отставать от Матильды Шотт.

Сотрудники комиссии могли бы заполнить сотни страниц показаниями жителей улицы и соседей по дому.

Мария Рорбах в присутствии жильцов била своего мужа, бросалась на него с раскаленным утюгом; в сочельник после какой-то ссоры она выгнала его из дому; зарплату, которую он приносил, она забирала до последней марки, не оставляла ему даже на карманные расходы; в присутствии мужа принимала своего любовника, английского военнослужащего Дональда Райена.

Лучшей подруге было что рассказать: «Уже ребенком ее поместили в исправительный дом, потому что она воровала. Потом, когда она работала, ее ловили на кражах и увольняли. Она все время врет своему мужу и наставляет ему рога».

Кто лжет, изменяет мужу и ворует, тот способен и на убийство. В таком мнении утвердились обыватели Керсенброкштрассе.

Бесспорно, с ее прошлым, отягощенным мелкой преступностью, Марии Рорбах не на что было рассчитывать в Мюнстере, резиденции епископа. Внебрачный ребенок, она действительно в девять лет была направлена в исправительное заведение, но не потому, что воровала: ее отчим, пьяница и дебошир, постоянно колотил мать, девочку же он силой склонил к сожительству.

После исправительного учреждения Мария работала домашней прислугой. Везде ее хвалили за прилежание и чистоплотность, но каждый раз через несколько месяцев увольняли, так как она не могла устоять перед домогательствами хозяев-мужчин. Тем не менее хозяйки позднее, на процессе, утверждали, что во время ее работы в их домах ничего не пропадало.

В 1950 году Мария вышла замуж по расчету за маляра Германа Рорбаха, который, будучи на шестнадцать лет старше ее, даже внешне не подходил ей и производил

впечатление человека почти слабоумного.

С тех пор, где бы ни жили супруги Рорбах, везде это сопровождалось скандалами с домовладельцами и соседями, причем первую скрипку всегда играла фрау Рорбах; порой дело доходило даже до драк. Сам Рорбах запомнился соседям добродушным глуповатым человеком, которого третировала жена и который во всем со всеми соглашался, только бы его оставили в покое.

За несколько месяцев до смерти Германа Рорбаха в квартиру на Керсенброкштрассе почти ежедневно стал наведываться английский сержант Райен. Два раза в неделю, когда в казармах давали увольнительную до утра, Райен ночевал в супружеской постели. Отодвинутый в сторону — в прямом и переносном смысле,— Рорбах не протестовал; он только высказывал пожелание — люди ведь все видят,— чтобы эти визиты не превратились в привычку. Тон общения в семье Рорбахов был соответствующий. Соседки сообщали, что Мария величала мужа не иначе как «придурок», «мокрая курица» и «свинья».

Для мюнстерских истовых католиков всего этого было вполне достаточно, чтобы увидеть в арестованной Марии Рорбах убийцу мужа. Тот, кто родился вне брака, воспитывался в исправительной колонии для несовершеннолетних и имел судимость, кто живет животными инстинктами и выходит замуж по расчету, чтобы потом обманывать мужа с оккупантом, кто в воскресенье не ходит в костел и никогда не исповедуется — именно такой человек и способен на убийство.

В общем, обер-комиссар Йохум и его коллеги нашли благодатную почву для дальнейшего расследования, а вернее сказать, для сбора сведений.

Живший напротив молочник, который ежедневно ранним утром забирал фляги с молоком, оставленные у дверей его лавки работниками молокозавода, сообщил Йохуму — и подписался под этим в протоколе,— что утром, после той ночи, когда, по предположению полиции, был убит Герман Рорбах, он видел, как из печной трубы дома № 17 поднимался густой дым.

Служащий, который снимал показания газовых счетчиков на Керсенброкштрассе, услышав о наблюдениях торговца молоком, явился к Йохуму и посоветовал ему поинтересоваться расходом газа в квартире Рорбахов. Когда это сделали, то выяснилось, что за последнее время Мария Рорбах израсходовала газа на четырнадцать кубометров больше, чем обычно за такой срок.

Вывод напрашивался сам: Мария Рорбах, расчленив труп в квартире, сожгла не найденную полицией голову и одежду в кухонной печи, а неизбежные при этом следы крови смыла горячей водой.

Во всяком случае, мюнстерские сыщики именно так реконструировали события и продолжали держать Марию Рорбах под арестом.

Однако самую важную улику для получения ордера на арест предоставила некая Эльфрида Мастерс, бывшая закадычная подруга Марии, а в описываемое время — жена английского капрала из Королевского полка конной артиллерии.

Мария и Эльфрида, которая прежде носила фамилию Доннер, были знакомы много лет, еще со времен исправительной колонии в Мариенберге, и продолжали дружить после освобождения. Эльфрида и познакомила Марию с Дональдом Райеном, ставшим впоследствии, как говорится, другом семьи. Правда, на этом их тесная дружба закончилась, так как ревнивая Эльфрида, которая привела симпатичного Дональда как своего дружка, слишком поздно заметила, что он стал проявлять благосклонность к другой.

Теперь, скромно одетая во все черное, Эльфрида появилась в кабинете Йохума и со слезами на глазах сказала:

— Нет, нет, господин комиссар, я все еще никак не могу поверить, что из-за этого вертопраха Мария убила своего верного и заботливого Германа.

Такой уверенности в тот момент не было даже у комиссии по расследованию убийств. Поэтому комиссар Йохум с некоторой долей удивления спросил:

— А откуда вы, собственно, знаете, что фрау Рорбах убила своего мужа?

Эльфрида пару раз сглотнула, будто не решаясь говорить, а потом неожиданно легко сказала:

— Так от нее же самой, господин комиссар. Не так давно она говорила, что убьет Германа.

Йохум испуганно задержал дыхание:

— Когда она вам это говорила?

— Осенью.

— При каких обстоятельствах?

— Ах, да не было никакого особенного повода. Мы сидели в ее кухне на кушетке и болтали обо всем понемногу. И тут она вдруг начала говорить об этом.

Обер-комиссар в сомнении покачал головой:

— Однако, фрау Мастерс, о планах убийства нельзя говорить просто так, как о погоде или ценах на мясо. Какой-то повод все-таки был, не так ли?

— Да нет же, она часто говорила, что хочет отравить мужа.

— Что значит — отравить? Чем же она хотела его отравить?

— Сильным снотворным, оно у нее постоянно хранится в кухонном шкафчике.

Йохум с недоверием посмотрел на странную подругу Марии Рорбах. Правда, последнее утверждение соответствовало истине — при обыске квартиры на кухне действительно были найдены таблетки снотворного, но не сильнодействующего и, следовательно, не представлявшего опасности для жизни человека. Соседи к тому же сообщили, что Герман Рорбах каждый вечер принимал эти таблетки, поскольку плохо засыпал.

Так что «отравление снотворным» не вписывалось в схему Йохума.

— Но что она собиралась делать с трупом? Об этом вам фрау Рорбах ничего не говорила? Ведь все быстро обнаружилось бы...

Эльфрида Мастерс уверенно ответила:

— Конечно, я понимаю... «Я распилю его на куски и вывезу на велосипеде» — так она мне сказала.

Это уже больше понравилось Йохуму:

— Я вас правильно понял? Она говорила, что собирается распилить его?

— Слово в слово.

— Но разве она не боялась, что преступление раскроют? Да и распиленный труп легко опознать, если найти голову.

— Голову? Так ведь она хотела ее сжечь. Именно так и говорила...

Йохум с мягкой укоризной поднял правый указательный палец:

— Фрау Мастерс, если Мария Рорбах вам об этом говорила и вы понимали, что она не шутит, то вас могут наказать за то, что вы не сообщили об этом куда следует. Или вы не воспринимали эти разговоры всерьез?

Эльфрида Мастерс на мгновение испуганно сжалась, но тут же сообразила, что обер-комиссар перекинул ей спасительный мостик:

— Но ведь Мария об этом так часто говорила, господин комиссар, что к этому уже нельзя было относиться серьезно.

Йохум остался доволен показаниями. После того как он подсказал Эльфриде, что такие отвлеченные разговоры она вовсе и не должна была принимать на веру, он сразу же занес в протокол, что «свидетельница Мастерс слышала, как обвиняемая Рорбах совершенно серьезно и правдоподобно говорила о том, что убьет своего мужа».

Слово «правдоподобно» Йохум даже подчеркнул, хотя любому было ясно, что бывшую подругу преступница вряд ли стала бы подробно знакомить со своими планами.

Однако судебному следователю мюнстерского окружного суда такая мысль в голову не пришла. Он без слов подписал ордер на арест Марии Рорбах на том основании, что она подозревается в коварном убийстве мужа из низменных побуждений.

Через два дня после находки трупа на озере Аа возмущенная общественность узнала, что ужасное преступление раскрыто.

«Убийцей является собственная супруга — беспринципная и аморальная особа»,— с отвращением констатировала пресса. Мотив преступления определялся так: «Мария Рорбах, будучи на шестнадцать лет моложе, хотела устранить своего скромного и добропорядочного мужа, чтобы получить возможность без помех предаваться разврату».

Благочестивым гражданам Мюнстера все стало ясно. В таких случаях они не знали жалости; их даже не интересовало, призналась ли преступница в содеянном, испытывает ли она чувство раскаяния, а уж о том, что маляра мог убить другой человек, никто и не заикался.

Такие вопросы не возникали. Пока. Это прекрасно понимали обер-комиссар Йохум и сотрудники британской военной полиции, которая неожиданно проявила живой интерес к ходу расследования. Как только стало известно, что Мария Рорбах убила мужа, Йохума вызвали для доклада в управление военной администрации. Там остались довольны тем, что немецкая комиссия по расследованию убийств так быстро смогла раскрыть преступление, но настоятельно порекомендовали поскорее представить общественности признание обвиняемой или хотя бы неопровержимые доказательства ее вины.

Позднее, на процессе против Марии Рорбах, адвокат подсудимой настойчиво расспрашивал обер-комиссара Йохума о подробностях этой беседы. Однако глава комиссии был крайне немногословен:

— Британские военные власти интересовались делом Рорбах настолько, насколько это могло помочь им в расследовании дела Бёле. Больше по этому поводу я ничего сказать не могу.

— Ну и как, помогло это британским властям? — продолжал наседать на него адвокат.

Обер-комиссар беспомощно глянул на прокурора:

— Не могу сказать, я не информирован о работе английских коллег.

— Однако вы признаёте, что между делом Бёле и делом Рорбах существует связь и что, вероятно, оба убийства совершены одним преступником или одной преступной группой?

Прокурор Розендаль, который на обоих процессах представлял обвинение и который сразу после ареста Марии Рорбах подключился к следствию, тут же пришел на выручку попавшему в щекотливое положение Йохуму.

— Высокий суд! — вмешался он в ход событий.— Мы рассматриваем здесь только дело Рорбах, и не больше. Привлечение к дознанию других дел, как этого хочет защита, уведет судебное расследование в сторону и затянет процесс. Мы не должны здесь разбираться с делом Бёле. К чему эти вопросы? Я ходатайствую, чтобы свидетеля избавили от необходимости отвечать на вопросы защиты о деле Бёле и о связанном с ним расследовании английской полиции.

Суд, не долго думая, согласился с этой точкой зрения.

Но не так просто давалось все обер-комиссару в начале расследования. Всего несколько дней мог он отделываться простым утверждением, что Мария Рорбах убийца, поскольку, мол, об этом говорят все улики. Газетные репортеры вскоре захотели подробнее узнать об уликах, а военная администрация, начальство и прокуратура требовали бесспорных доказательств.

Самым лучшим доказательством в глазах общественности всегда было признание обвиняемого. Да и полиции оно экономило много трудов и сил. Есть одна старая истина, известная всем криминалистам: арестованный более всего расположен к признанию в первые дни ареста. Если же упустить время и дать ему возможность обдумать свои показания, то очень нелегко будет заставить его сознаться.

Поэтому во время предварительного ареста Марии Рорбах мюнстерская комиссия по расследованию убийств стремилась любой ценой добиться признания.

Ставку сделали не на трудоемкую работу по сбору фактов и улик, а на то, чтобы, выражаясь профессиональным языком, расколоть подозреваемую. С этой целью обер-комиссар Йохум поручил вести допросы двум наиболее настырным дознавателям — секретарям комиссии Шнайдеру и Хайнце. Один из допросов, который они начали 17 апреля 1957 года в восемь часов утра, длился двадцать два часа и закончился около шести часов утра 18 апреля. За все это время у Марии Рорбах было только несколько коротких пауз для приема пищи. И даже в эти редкие перерывы ей не давали покоя: кто-нибудь из сотрудников комиссии обязательно принимался стучать по пробельным клавишам пишущей машинки.

В полночь Мария была уже доведена до полного нервного истощения. «Не мучайте меня больше, не мучайте!» — взмолилась она наконец и, бросившись на колени, попыталась целовать ноги допрашивающих.

Однако следователи прекратили допрос только тогда, когда она забилась в угол и, закрыв лицо руками, обессилев, опустилась на колени, отказавшись отвечать.

Признания от Марии Рорбах они так и не получили, несмотря на неоднократное повторение подобных мучительных допросов и другие жестокие методы и приемы. Каждый раз женщина отрицала свое причастие к убийству мужа.

В этой безвыходной для комиссии ситуации на помощь пришла прокуратура. Государственный прокурор Розендаль поручил дальнейшее расследование известному в Западной Германии ученому-криминалисту профессору Вальтеру Шпехту.

Тогдашний руководитель окружного отдела криминалистики в Мюнхене при помощи экспертизы представил такие доказательства, основанные на косвенных уликах, которых, пожалуй, не было во всей истории криминалистики и которые заставили бы побледнеть от зависти искушенных авторов хитроумных детективных романов. Используя методы фотометрии, спектрального анализа и сложнейшие измерения при помощи ультразвука, корифей научной экспертизы, как фокусник, раздобыл недостающие улики из содержимого внутренностей всплывшего трупа маляра, а также из щелей в полу и печной трубы кухни Рорбахов.

Как утверждается в 350-страничном экспертном заключении профессора Шпехта, обвиняемая в течение трех месяцев безуспешно пыталась отравить мужа антикрысиным препаратом «Целиопаста», содержащим таллий. Эти сведения Шпехт получил при исследовании частей трупа: гистологический анализ установил наличие в клетках сульфата таллия, который является составной частью повсеместно используемого крысиного яда «Целиопаста».

И хотя в квартире Рорбахов не обнаружили этого препарата, а полиции так и не удалось найти свидетеля, который бы подтвердил, что Мария Рорбах когда-либо его покупала, необычайно находчивый профессор Шпехт обнаружил сульфат таллия в печной трубе на кухне — хотя и с неодинаковой концентрацией в различных слоях сажи.

Из этого он сделал следующий вывод: Мария Рорбах незаметно запаслась «Целиопастой» и в течение довольно длительного времени, примерно месяца три, давала мужу вместе с едой. Паста, чтобы ее нельзя было использовать как орудие убийства, имеет предостерегающую окраску и при попадании в пищу окрашивает ее в ярко-голубой цвет. Шпехт тут же обнаружил в кишечнике убитого Германа Рорбаха характерные ворсинки, которые однозначно указывали на употребление им чая из цветков мальвы*. А этот чай, как известно, содержит естественные красители синевато-лилового цвета, что позволяло преступнице безбоязненно подмешивать в него «Целиопасту».

Итак, круг почти замкнулся. Герман Рорбах получал от жены вместе с чаем из цветков мальвы «Целиопасту» — вначале Мария именно таким способом хотела избавиться от него. Когда же ей это не удалось, она просто убила его ударом по голове, труп расчленила, а голову сожгла в кухонной печи, чтобы мертвого нельзя было опознать. Доказательства? Сажа с сульфатом таллия! Для тех, кто еще продолжал сомневаться, Шпехт «выудил» из сажи частицы брома, серебра и ртути, которые, конечно же, являлись остатками сожженного зубного протеза убитого. Попутно профессор обнаружил несколько человеческих волос; некоторые из них были даже расплющены, вероятно, при ударе по голове — так с солидной осторожностью предположил Шпехт.

И все-таки в цепи доказательств отсутствовало одно звено. Если Мария Рорбах расчленяла труп в кухне, то

* В Западной Европе этот чай используют как лекарственное средство при заболеваниях желудочно-кишечного тракта.

там обязательно должны были остаться следы крови. Комиссия обследовала каждую щель — при этом использовались самые новейшие вспомогательные средства,— но ни малейшего пятнышка крови не обнаружила. Гипотеза о том, что Мария якобы смыла кровь горячей водой, с точки зрения криминалистики никуда не годилась. От горячей воды кровь сворачивается и не смывается, а, наоборот, консервируется и сохраняется годами.

В общем, профессору Шпехту снова пришлось взяться за работу и облазить всю кухню с кварцевой лампой. Целых две недели понадобилось ему, чтобы найти и выпилить доску, на которой обнаружились следы крови первой группы. Теперь возникла новая проблема: эта группа крови была и у убитого Германа Рорбаха, и у его жены. Марии Рорбах достаточно было сказать, к примеру, что у нее на кухне пошла носом кровь, и попробуй потом что-нибудь докажи... И действительно, на приведенную из камеры предварительного заключения женщину следы крови на половой доске не произвели особого впечатления: «Вполне возможно, что там кровь. В прошлом году у меня на кухне был выкидыш. Спросите у моего врача, он может это подтвердить».

Да, нервного обер-комиссара Йохума такое, пожалуй, могло обескуражить, но только не профессора Шпехта. В своей мюнхенской лаборатории он исследовал выпиленную доску при помощи специально разработанной методики. Результаты этих дополнительных усилий стали «революционными» в судебной экспертизе. Благодаря своему особому подходу к анализу частиц крови на половой доске, Шпехт смог обнаружить там следы титана, бария, свинца и других элементов обычной малярной краски. А так как убитый Герман Рорбах был маляром и постоянно имел дело с этой краской, то, естественно, ее элементы буквально впитались в его плоть и кровь.

Мог ли теперь кто-нибудь сомневаться в том, что труп Германа Рорбаха был распилен на кухне в его собственной квартире? Теперь, когда по методу профессора Шпехта кровь можно различать не только по группам, но и по профессиональным признакам? Так в судебной медицине и криминалистике был сделан огромный шаг вперед: стало возможным по крови убитого определять его профессию.

Поистине, профессор Шпехт потрудился на славу и с лихвой отработал свой 3,5-тысячный гонорар. Агата Кристи за такую идею заплатила бы ему вдесятеро

больше. И уж конечно, под впечатлением такого обилия наукообразных доказательств общественное мнение осудило Марию Рорбах задолго до того, как 13 марта 1958 года в Мюнстере начался судебный процесс. Газеты заранее со всеми подробностями опубликовали результаты изысканий профессора Шпехта. Вопреки всем процессуальным нормам прокурор Розендаль за несколько дней до начала судебного заседания передал репортерам копию обвинительного заключения, которое в основном опиралось на выводы Шпехта. Свидетели обвинения, уже знавшие из газет, какое ужасное преступление совершила подсудимая, входили в зал, полные решимости помочь правосудию примерно наказать потерявшую человеческий облик убийцу. 19 апреля, после двадцати дней слушания дела, суд присяжных заседателей под председательством советника окружного суда доктора Хойкампа вынес ожидаемый всеми приговор окончательно сломленной и потерявшей способность сопротивляться Марии Рорбах: виновна в убийстве мужа, наказание — пожизненное заключение!

Но уже тогда, когда никто еще толком не знал, какая игра идет за кулисами процесса над Марией Рорбах, в западногерманской прессе появились голоса, в которых прозвучали озабоченность по поводу ее осуждения и намек на зловещий характер спектакля, идущего на судебных подмостках. Гамбургский журнал «Шпигель», например, в статье «Искали и нашли» писал: «Присяжный суд Хойкампа, по закону призванный все сомнительные моменты толковать в интересах подсудимой, ведет себя по отношению к заранее опороченной Марии Рорбах так, будто обвинительное заключение, опубликованное перед началом процесса в мюнстерских газетах, является не гипотезой, требующей объективной проверки, а истиной в последней инстанции. За все двадцать дней судебного разбирательства суд присяжных так и не нашел ни убедительных мотивов, ни непосредственных свидетелей преступления. Не было представлено ни одной конкретной, полноценной улики. В то же время все, что ставило под сомнение созданную следствием модель преступления, просто отметалось в сторону. Рорбах осуждена потому, что ее хотели видеть убийцей, а не потому, что ее преступление было доказано».

Для Марии Рорбах это судебное решение было почти роковым. Законодательство Западной Германии не предусматривало подачу апелляции, если приговор был выне-

сен судом присяжных заседателей. Факты, установленные таким судом, уже не пересматривались. Единственное, что могла сделать защита,— это обратиться в Верховный федеральный суд в Карлсруэ и обжаловать решение суда. Но это позволялось делать только в тех случаях, когда в ходе судебного расследования допускались процессуальные ошибки или неправильно применялся закон. И хотя адвокат Грос использовал эту возможность, Верховный суд не принял его ходатайства. Итак, даже самая высокая судебная инстанция ФРГ признала, что приговор Марии Рорбах был справедливым.

Один-единственный, крошечный, шанс остался у Марии и ее защитника: возобновление судебного производства по вновь открывшимся обстоятельствам; шанс ничтожный, потому что до этого времени в Западной Германии из десяти тысяч приговоров только один пересматривался в результате повторного судопроизводства. Так как судьбу ходатайства о возобновлении судебного производства решал тот же суд, который выносил приговор обвиняемой, доктору Гросу необходимо было доказать, что во время судебного разбирательства допускалось неправильное толкование обстоятельств дела — или из-за лжесвидетельства, или же по вине судебных экспертов.

Адвокату помог непредвиденный случай. Необычайно сухое лето 1959 года высушило воронки от бомб второй мировой войны, обычно заполненные грунтовыми водами. На дне одной из них был найден череп. Судебные медики по послеоперационному рентгеновскому снимку быстро установили, что это голова Германа Рорбаха: ему дважды делали операцию на челюсти, причем из верхней даже выпилили кусок кости. Но как быть с заключением доктора Шпехта? Ведь главный судебный эксперт первого процесса над Марией Рорбах с «научной точностью» доказал, что обвиняемая сожгла голову убитого мужа в кухонной печи! Новые обстоятельства перечеркивали заключение судебно-медицинской экспертизы, которое легло в основу приговора.

Тем не менее одного этого факта было недостаточно, чтобы настаивать на возобновлении судебного производства. Поэтому Гросу пришлось пункт за пунктом, с той же скрупулезностью, какой отличалось экспертное заключение Шпехта, опровергать его выводы — работа на уровне докторской диссертации.

Многие месяцы изучал доктор Грос соответствующую медицинскую литературу, чтобы получить необходимые специальные знания. Затем недели ушли на переписку с полицейскими властями по поводу разрешения на выдачу черепа: он хотел передать его специалистам для экспертизы. А когда наконец, несмотря на всю бюрократическую волокиту, разрешение было получено, федеральное управление по уголовным делам в Висбадене не дало согласия на экспертизу. Доктору Гросу объяснили, что для этого нужно специальное определение суда, а его мог вынести только суд присяжных Мюнстера, который и вел процесс Марии Рорбах. Председатель же суда Хойкамп отклонил соответствующую просьбу адвоката: суд-де не вносил предложения о возобновлении производства и поэтому не собирается делать никаких определений, связанных с проведением нового расследования.

После многомесячной беготни по замкнутому кругу доктор Грос обратился за помощью в Бонн, в министерство юстиции. Но и здесь к его просьбе отнеслись равнодушно. Министр отказал в личной встрече и коротким, в пять строк, письменным ответом порекомендовал решать вопрос в общепринятом порядке через соответствующие компетентные органы. Но как раз эти органы и делали все возможное, чтобы не допустить нового расследования.

Почти полгода потратил доктор Грос на то, чтобы заинтересовать делом Рорбах — особенно спорной экспертизой по нему — авторитетных и не находящихся на государственной службе, следовательно независимых, ученых-криминалистов и привлечь их к проведению повторной экспертизы. Дело осложнялось тем, что его клиентка была бедна; вся ее собственность — домашнее имущество — была уже заложена в счет погашения судебных издержек. Мария Рорбах не могла, как прокуратура, выплачивать специалистам тысячные гонорары. Однако еще сложнее было уговорить ученых мужей выступить в суде против прокуратуры, представляющей интересы государства...

Тем не менее упорному адвокату все-таки удалось найти человека, способного решить поставленную им задачу. Это был 52-летний директор Дортмундского института спектрохимии и прикладной спектроскопии профессор Хайнрих Кайзер. Первой же, предварительной, экспертизой он опроверг вывод Шпехта о происхождении сульфата таллия в печной трубе, который заставил

присяжных поверить, будто Мария Рорбах сожгла голову мужа в кухонной печи. Без особого труда Кайзер доказал, что сульфат таллия содержится в обычном угле и поэтому его можно обнаружить в любой печной трубе.

Впрочем, адвокат Грос позаботился о том, чтобы подкрепить это заключение красноречивыми примерами. При помощи трубочистов он раздобыл для анализа сажу из ста двадцати печей и каминов, выказав при этом незаурядное чувство юмора — среди прочих, пробы взяли из дымоходов квартир профессора Шпехта, председателя суда Хойкампа и прокурора Розендаля. Результаты анализов были впечатляющими: во всех пробах содержался таллий, а в саже из камина профессора Шпехта его было даже в четыре раза больше, чем в печной трубе Рорбахов.

В ходатайстве о возобновлении судебного производства доктор Грос, указывая на это обстоятельство, саркастически замечал, что он вовсе не собирается делать вывод, будто профессор Шпехт постоянно сжигает в своем камине человеческие головы.

Теперь наконец 99-страничное ходатайство было удовлетворено мюнстерским судом, да и то, наверное, только потому, что председатель Хойкамп лежал в больнице и не мог повлиять на события.

Итак, 3 мая 1961 года начинается повторное судебное разбирательство по делу Марии Рорбах под председательством директора окружного суда Кёстерса. Сама Мария с безучастным видом сидит на скамье подсудимых. Четырехлетнее тюремное заключение сделало ее замкнутой. Она, похоже, уже не верит, что выйдет на свободу.

Прокурор Розендаль решительно, как и на первом процессе, обвиняет ее в убийстве мужа. Он буквально упивается собой, рисуя мрачными красками ее прошлое, хотя это не имеет никакого отношения к обвинению. Она была в исправительной колонии, воровала, обманывала, изменяла мужу — все это и привело ее к убийству. Именно такой вывод он настойчиво навязывает новым присяжным заседателям. Затем в течение нескольких дней Розендаль пропускает перед судом череду из сотни свидетелей обвинения. Эти люди и на первом процессе ничего толком не могли рассказать о самом преступлении: все разговоры крутились вокруг репутации и образа жизни подсудимой. Теперь же они ведут себя осмотрительнее.

Из газет свидетели уже знают, что дело может кончиться оправдательным приговором, так как экспертиза, мол, была не на высоте, и Мария после суда, вероятно, выйдет на свободу. Это их сдерживает, заставляет осторожно подбирать слова.

Соседка, которая три года назад под присягой показала, что в сочельник Мария избила мужа и выгнала его из дому, теперь утверждает, что сама этого не видела, а знает лишь со слов одного из жильцов.

Эльфрида Мастерс, которая в полиции и на суде клятвенно заверяла: «Герман Рорбах был убит именно так, как перед этим при мне планировала Мария»,— не может теперь вспомнить ни одной детали того разговора и к тому же заявляет, будто вообще давала показания только потому, что была зла на подругу.

На первом процессе она утверждала, что Мария хотела убить мужа, чтобы иметь возможность выйти замуж за английского сержанта Дональда Райена. Теперь же признается:

— У Марии, собственно говоря, не было никаких оснований убивать мужа. Он предоставлял ей полную свободу, приносил в дом все деньги и даже терпел ее связь с англичанином. Мария как женщина его не интересовала, ведь его больше занимали мужчины...

Когда председательствующий указывает Эльфриде Мастерс, что в таком случае она на первом процессе лжесвидетельствовала и может за это понести наказание, она разражается слезами и, всхлипывая, восклицает:

— Но комиссар Йохум мне все время говорил, чтобы я давала именно такие показания, иначе, мол, присяжные не смогут разобраться в убийстве Рорбаха.

Фрау Матильда Шотт, которая первой бросила тень подозрения на Марию Рорбах, показав, что пресловутое одеяло принадлежит ей, тоже вынуждена выйти на свидетельское место и, присягая, поднять руку. Но прежде чем заученно произнести «Клянусь перед богом...», она снова ее опускает и, потупив глаза, говорит:

— Я хотела бы, господин советник, сначала кое-что добавить, мне это только потом пришло в голову...— И тихим голосом рассказывает, что одеяло, которое она продала обвиняемой, в последнее время забирал ее муж, когда уезжал из города подрабатывать.

Адвокат Грос взволнованно вскакивает:

— Однако, свидетельница, почему же вы на первом процессе этого не сказали? Ведь вы уже тогда знали! Вы

дали ложные показания и умолчали об известных вам фактах по делу. Это же преступление!

Свидетельница не осмеливается поднять на него взгляд:

— Комиссар Йохум мне тогда сказал, что об этом не надо говорить, потому что я не видела, взял ли господин Рорбах одеяло в последний раз.

Председатель суда откашливается, прокурор Розендаль старательно перебирает свои бумаги.

Следующий в парадном шествии свидетелей обвинения — молочник Йоханес Ровэдер. Это он утром, на следующий день после убийства, увидел, как из трубы квартиры Рорбахов поднимался густой дым. Его показания существенно помогли профессору Шпехту в утверждении, что Мария Рорбах сожгла голову мужа в печи.

Не обращая внимания на напряженную обстановку в зале суда, Ровэдер обстоятельно и красочно описывает свои трубные наблюдения, имевшие место утром 11 апреля 1957 года. Он так уверен в правоте своего дела, что по-дружески, с ободряющей улыбкой кивает доктору Гросу, когда тот обращается к председателю суда с просьбой задать свидетелю несколько вопросов.

— Господин Ровэдер, вы только что рассказывали, что в то утро, когда наблюдали за трубами, солнце уже стояло над крышами и в его лучах особенно отчетливо были видны темные клубы дыма.

Ровэдер, продолжая улыбаться, складывает руки на животе:

— Да, само собой разумеется, господин адвокат. Если бы солнце не светило, дым не привлек бы моего внимания. Я как раз встал и выглянул посмотреть, какая погода.

Доктор Грос опирается спиной о барьер, огораживающий скамью подсудимых, бросает взгляд в записную книжку и обращается к свидетелю:

— Вы и сегодня помните, который был час, когда вы смотрели на солнце?

— Помню, помню, господин адвокат. Было ровно пять часов. Именно в пять всегда приезжает машина с молокозавода.

— Следовательно, вы исключаете, что могло быть более позднее время?

— Исключаю, господин адвокат. Молоковоз приезжает всегда в пять.

Доктор Грос наклоняется вперед:

— Ну да, вы и в прошлый раз это подтвердили под присягой.

— Да, подтвердил. Так и есть.

— Ну-ну, господин Ровэдер, а что вы скажете, если я сейчас докажу, что солнце 11 апреля 1957 года взошло в пять часов сорок три минуты, следовательно, в пять часов было еще совсем темно и вы не могли видеть никакого дыма?

— Это неправда! Видел я и солнце, и дым! — восклицает Ровэдер, краснея как рак.

В этот момент в зал входят два метеоролога, которых доктор Грос пригласил в качестве свидетелей, и подтверждают его слова: действительно, в Мюнстере 11 апреля солнце всегда всходит в пять часов сорок три минуты.

Председатель суда вынимает из кармана небольшую записную книжку-календарь и находит 11 апреля.

— Восход солнца: пять часов сорок три минуты,— читает он вслух и качает головой.

Так, час за часом, в течение четырех дней проходят через зал заседаний сто двенадцать свидетелей. Обвинению от их показаний мало проку. Это в основном различные мнения и соображения по поводу убийства, иногда повторение неизвестно чьих рассказов, но только не факты. Те немногие свидетели, которые на первом процессе давали конкретные показания, теперь, под перекрестным допросом, путаются в противоречиях или же уличаются во лжи другими свидетелями.

Однако самая сложная проблема у доктора Гроса еще впереди — опровержение результатов первой экспертизы. Он понимает, что профессор Шпехт, считающийся корифеем судебной медицины, будет бороться за свой научный авторитет до конца и не уступит ни в чем, если ему не предъявить исчерпывающих, научно обоснованных доказательств его ошибок. Есть и еще одна опасность: с именем Шпехта в определенной степени связан престиж всей официальной западногерманской юстиции. Поэтому прокуратура и суд сделают все возможное, чтобы поддержать профессора.

Первым на свидетельское место адвокат Грос вызывает доктора Кайзера, тем самым вводя в бой главное орудие.

— Господин профессор,— обращается он к моложавому черноволосому ученому,— недавно я присутствовал при разговоре, в котором вы выразились следующим образом: «Если бы кто-нибудь из моих ассистентов напи-

сал докторскую работу по экспертизе на таком уровне, как экспертное заключение профессора Шпехта на процессе Марии Рорбах, я бы выгнал его с работы». Господин профессор, вы и сейчас придерживаетесь такого мнения?

В судебном зале напряженная тишина. Ни звука, ни покашливания — ничего. Все ждут ответа и смотрят на скамью свидетелей, где, уставившись в пол и не проявляя ни малейших признаков внутреннего волнения, сидит профессор Шпехт. Уже один этот вопрос защитника ставит под сомнение всю его репутацию.

Профессор Кайзер снимает очки в роговой оправе и в поисках поддержки смотрит на председательствующего. Он не готов к такой жесткой постановке вопроса.

Директор окружного суда приходит ему на помощь:

— Мы можем сформулировать вопрос так: как вы думаете, господин профессор, правильно ли проведена экспертиза коллегой Шпехтом?

Снова тишина в зале.

Доктор Грос нервно вертит в руках металлический карандаш. От ответа профессора зависит исход судебного разбирательства. Если Кайзер из чувства профессиональной солидарности сейчас не выскажет своего мнения, как это он открыто делал перед началом процесса, Шпехт сразу получит моральное преимущество.

— Я хочу, чтобы меня правильно поняли,— после некоторого колебания начинает Кайзер.— Мое высказывание относилось к экспертному заключению, а не к его автору. Здесь, в этом зале, я счел бы неуместным выражаться подобным образом. Но если говорить о содержании этого высказывания, то оно точно отражает мое мнение.

Такой ответ, несмотря на сдержанность формулировки, означает для профессора Шпехта катастрофу. Присутствующих в зале, как и читателей газет, мало интересует развернувшаяся затем научная дискуссия по поводу сульфата таллия, каких-то ворсинок и спор трюфелей, которая так увлекает профессоров. Да они мало что и понимают в этом. Им достаточно скандала: один профессор задает трепку другому за плохую экспертизу.

В последующие дни работы суда адвокат обвиняемой так наседает на эксперта прокуратуры, что порой дело доходит до смешного, взрывом хохота встречает зал оглашение результатов исследования сажи из камина профессора Шпехта. Но особенно веселятся присутствующие, когда приглашенные защитой специалисты анализируют «открытие» Шпехтом метода исследования состава крови по профессиональным признакам.

Профессор Йан ван Калкер, голландский гематолог не скрывая иронии, говорит:

— Налицо явный прогресс в проблеме изучения групп крови. Одно то, что коллеге Шпехту удалось выявить такие группы, как «кровь политика», «кровь бизнесмена», «кровь пекаря», «кровь маляра», а может быть, и «кровь эксперта», заслуживает Нобелевской премии. Естественно, я поторопился узнать, как стало возможным это эпохальное открытие. Увы, должен признать, что коллега Шпехт во время своих исследований стал жертвой элементарной ошибки: он или его ассистент не обратили внимания на то, что доска, в трещинах которой обнаружили кровь, была покрыта эмалевой краской. При изъятии частиц крови заодно, видимо по недосмотру, соскоблили и краску. Вот так и попали элементы краски в подготовленный для анализа препарат крови.

Если опровержение гематолога было, пожалуй, самым веселым эпизодом повторного процесса Марии Рорбах, то обсуждение вопроса о ворсинках мальвы, которые Шпехт обнаружил в кишечнике маляра и которые якобы свидетельствовали о том, что его хотели отравить «Целио-пастой», направляет наконец судебное следствие на все еще не раскрытые причины и мотивы убийства Германа Рорбаха.

Вот профессор-ботаник Шратц задает вопрос уже полностью растерявшемуся Шпехту:

— Коллега, ради всего святого, скажите мне, с чего вы взяли, что у убитого в толстом кишечнике были ворсинки мальвы? Ведь то, что вы обнаружили,— это споры трюфелей!

Шпехт возмущенно вскакивает:

— Я еще на первом заседании говорил, что часть исследований проводил мой ассистент Грабовски. Не мог же я один все сделать.

Доктор Грос не дает Шпехту свалить всю вину на ассистента:

— Однако заключение подписали вы и суду его представили как результат своей работы. Значит, и ответственность за него несете тоже вы!

Шпехт устало сдается:

— Однако ошибку все-таки допустил Грабовски, а не я. Это он принял споры трюфелей за ворсинки мальвы,

при чем тут я? Выходит, уже и на своих ассистентов положиться нельзя!

Вот так сразу какой-то ассистент становится виноватым в том, что профессор Шпехт представил ошибочное заключение. Однако на первом процессе, развивая свою теорию о роли цветочного чая в отравлении Рорбаха «Целиопастой», чтобы доказать виновность подозреваемой, он под присягой заверял, что все необходимые для экспертизы исследования проводил сам.

Точку в дискуссии о том, кто же все-таки перепутал споры трюфелей с ворсинками мальвы — профессор Шпехт или ассистент Грабовски, ставит доктор Грос:

— Господин председатель, оставим в стороне вопрос о том, кто в этом виноват. Сейчас, как мне кажется, гораздо важнее другое. Мы установили наконец, что в толстом кишечнике маляра были споры трюфелей, а не ворсинки мальвы. Это может означать только одно: Герман Рорбах перед смертью ел трюфели. Они, как известно, стоят больших денег; обычно их используют в качестве приправы для некоторых деликатесов, которые привычны на столе людей богатых, но вовсе не маляров. Однако где мог Герман Рорбах незадолго до смерти так изысканно отобедать? Я спрашиваю об этом вас, господа судьи, и особенно господ из комиссии по расследованию убийств. Вы задумывались над этим? Или, может быть, проводили какое-нибудь расследование в этом направлении?

Все взоры устремляются на трех сотрудников комиссии, которые сидят на задней скамейке для свидетелей.

Обер-комиссар Йохум медленно поднимается, но председатель суда делает ему знак сесть на место:

— Господин адвокат, комиссия по расследованию убийств только сейчас узнала, что убитый ел трюфели. Как же они могли установить четыре года назад, откуда у него взялись эти трюфели? Вы уж слишком многого требуете.

Но адвокат не сдается:

— Господин директор окружного суда, комиссия уже тогда была на правильном пути. Герман Рорбах был интимным другом убитого незадолго до него Эриха Бёле. Бёле, а вместе с ним и Рорбах часто бывали в офицерской столовой полка конной артиллерии и встречались там с офицерами с такими же наклонностями, что и у них. В меню этой столовой каждый день был какой-

нибудь деликатес с трюфелями. Там и поел последний раз Рорбах... со своим убийцей. Рорбаха убили потому, что он знал, как и почему умер его друг Бёле.

Адвоката возбужденно перебивает прокурор Розендаль:

— Господин председатель, я решительно протестую против подобных измышлений защитника. Все это гипотеза, которую нечем доказать!

И прокурор Розендаль прав. Утверждение доктора Гроса уже ничем нельзя доказать. Именно для этого и осудили Марию Рорбах, чему содействовал профессор Шпехт, так удачно и своевременно «перепутавший» споры трюфелей с ворсинками мальвы.

Сейчас, четыре года спустя после убийства Эриха Бёле и Германа Рорбаха, которых связывали с представителями британских оккупационных сил какие-то темные отношения, от преступлений не осталось и следа. Прокуратура и полиция Мюнстера хорошо знали, что делали, когда усаживали на скамью подсудимых столь подходившую на роль убийцы Марию Рорбах и уличали ее в убийстве при помощи липовой экспертизы и запуганных свидетелей. Теперь ее придется освободить? Ну и что? Цель-то достигнута!

Поэтому председатель суда успокаивающе поднимает руки. Теперь он может быть объективным:

— Тем не менее, господин прокурор, защита права, указывая на допущенные во время расследования ошибки. Ведь их действительно слишком много...

Таким же доброжелательным, умиротворяющим жестом он отклоняет попытку развернуть дебаты по поводу истинной подоплеки обоих убийств:

— Я благодарю вас, господин адвокат, за ваши сведения. Жаль, что у суда присяжных нет возможности исправить ошибки, допущенные в ходе предварительного следствия. Нам остается только истолковать эти упущения в пользу вашей подзащитной.

Тех сведений, что представил адвокат, уже больше чем достаточно, чтобы прекратить процесс. И прокурор Розендаль, вначале не жалевший мрачных красок для воссоздания облика мужеубийцы Марии Рорбах, предлагает на предпоследнем заседании вынести оправдательный приговор из-за недостатка улик.

Тем самым он лишает аудитории адвоката, которому в своем заключительном выступлении, быть может лучшем в его жизни, ничего другого не остается, как тоже

потребовать оправдательного приговора.

Присутствующие еще несколько минут заинтересованно слушают, как он, возвысив голос, говорит: «Я не защищаю, а обвиняю! Я обвиняю все то, что позволило немецкому суду совершить такую чудовищную несправедливость...» — однако затем самые нетерпеливые начинают на цыпочках покидать зал. Для них процесс потерял всякую привлекательность.

Чтение приговора во второй половине следующего дня — уже простая формальность.

«Именем народа! Оправдать обвиняемую в связи с отменой приговора от 19 апреля 1958 года. Все судебные издержки отнести на государственный счет».

Директор окружного суда Кёстерс деловито зачитывает казенные формулировки приговора, перечисляет еще раз ошибки экспертизы и упущения первого разбирательства. Его слова сопровождаются шумом ярмарочных аттракционов, которые начинают работать на площади перед зданием суда. В открытые окна врываются звуки шарманки и пронзительные крики людей, веселящихся на каруселях и в «пещере ужасов». В этот день в Мюнстере открывается ярмарка. Кого теперь интересует какой-то юридический скандал?

Так и заканчивается дело Popбах под ярмарочные крики и ликование развлекающейся толпы. Советника окружного суда Хойкампа, который на первом процессе вынес пресловутый приговор, через год сделают директором окружного суда, обер-комиссар Йохум станет главным комиссаром, а опозоренный профессор Шпехт так и останется, как ни в чем не бывало, шефом научно-исследовательской лаборатории одного федерального ведомства, название которого ему рекомендовали не упоминать. И никого все это сейчас не волнует — ярмарка ведь...

МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ: КОМПАНИЯ «АТТИЛА»

Большой зал вуппертальского окружного суда 13 мая 1958 года был, как никогда, заполнен представителями прессы, экспертами, публикой и полицейскими. В последнюю минуту пришлось вызвать по тревоге резервную команду полиции, чтобы восстановить тишину и порядок перед оглашением приговора, поскольку во время борьбы за места в зале дело доходило до рукоприкладства. У подножия длинного судейского стола сидели десятка два репортеров с фотовспышками наготове.

Такое напряженное ожидание было вызвано предстоящим приговором судейской коллегии по уголовным делам. Судьи могли появиться в зале в любое мгновение. Речь шла не о смертном приговоре или пожизненном заключении. Приговорить должны были к нескольким месяцам, в крайнем случае — году тюремного заключения, если судьи признают виновными троих подсудимых, которые сидели на своих местах, пожалуй, единственные во всем зале с безучастными, равнодушными лицами. Они не совершили ни убийства, ни ограбления, ни другого тяжкого преступления, по которым здесь обычно выносились приговоры. Тем не менее публика, пресса, радио и телевидение уже целых три недели проявляли к этому процессу такое пристальное внимание, как будто речь шла о нашумевшем зверском убийстве! Однако дело было, пожалуй, более сенсационным: три недели подряд в этом зале с пристрастием обсуждались вопросы колдовства, волшебства, мистификаций, происходивших в наш просвещенный атомный век, век освоения космоса. «Чудотворцы» сидели на скамье подсудимых: 39-летний доктор Ашофф, 36-летний доктор Корталь — оба практикующие врачи из Вупперталя — и 47-летний пенсионер Адольф Пэзлер, который помогал им в чудотворстве посредством волшебного прута — разновидности рудоискательной лозы, указывающей ее обладателю подземные источники и клады. Более пяти лет эти трое на свой

манер занимались «врачеванием» многих тысяч пациентов. Они называли себя «лучеборцами» и утверждали, что причиной всех болезней являются так называемые земные лучи. Другими словами, ставили диагноз с помощью волшебного прута. Распознав таким способом болезнь, чудо-врачеватели посылали на квартиры больных своего ассистента Пэзлера с лучеподавляющим прибором, где он локализовал вредоносное земное излучение и переставлял мягкую мебель таким образом, чтобы она была выведена из зоны облучения. Если пострадавший от земного излучения был достаточно платежеспособным, он напоследок получал портативный экранирующий прибор.

А два дипломированных врача-кудесника продолжали внедрять свой метод в практику. Из пальца заболевшего они брали немного крови и капали на лист обычной промокательной бумаги. В шкафу, где якобы находилось двадцать тысяч гомеопатических лечебных препаратов собственного изготовления, выбирали несколько бутылочек, ставили рядом с промокательной бумагой, пропитанной каплями крови, и с помощью волшебного прута или маятника определяли необходимое целительное средство. Естественно, все делалось не за счет больничной кассы, а за приличный гонорар. Двадцать марок стоил диагноз, от сорока до ста — выбранный препарат и от восьмидесяти до двухсот марок — сконструированный пенсионером Пэзлером экранирующий прибор, снабженный ярлыком «ИМПЕРАТОР, официально зарегистрирован и защищается законом». Прибор состоял из фанерного ящика, небольшого деревянного бруска и двух проволочных колец.

И вот теперь коллегия вуппертальского суда должна была дать ответ на вопросы, о которых ожесточенно спорили защита и прокуратура, университетские профессора и привлеченные эксперты по рудо- и кладоискательству, пациенты и публика. Были ли эти трое на скамье подсудимых пионерами нового научно-медицинского направления? Принесли ли их действия пользу страждущему человечеству, вселяя надежду, как самонадеянно говорили они в свою защиту, или они были современными шарлатанами? Не была ли их терапия фокусничеством и наукообразным блефом, а их волшебные пруты, маятники и лучеподавляющие приборы — чистым надувательством, с помощью которых они добивались, как было сказано в обвинительном заключении, облегчения кошельков суеверных пациентов, а отнюдь не улучшения их здоровья?

Значение приговора суда в данном случае выходило далеко за рамки вуппертальского процесса. Обвиняемые были всего лишь тремя из многих сотен или даже тысяч «чудотворцев», которые уже много лет лечили в Западной Германии больных «по-своему» и, в отличие от обычных врачей, зарабатывали огромные деньги. Да и примитивные лучеподавляющие и экранирующие приборы вовсе не были изобретением вуппертальского пенсионера Пэзлера; некоторые аппараты такого типа уже производились промышленностью, некоторые из них «изобретатели» запатентовали и получали миллионные прибыли. Вот лишь один пример из западногерманской прессы.

Приборостроительная компания «Филакс» из Хагена в Вестфалии пустила в продажу прибор для экранирования земных лучей, который известный физик, один из создателей электронного микроскопа, профессор Брухе кратко и точно назвал «современным амулетом». В стандартном исполнении он стоил сто двадцать марок. В 1957 году фирма продала семь тысяч таких приборов на 840 тысяч марок. Поэтому исход процесса вызывал столь большой интерес. Если бы процесс закончился оправдательным приговором, то ненаучная, шарлатанская терапия «подавления земных лучей» стала бы неуязвимой для закона, а реакция общественности на подобное решение суда в то время, когда газеты пестрели статьями о лучевом поражении, вызываемом атомными и водородными бомбами, была совершенно очевидна. Терапия, основанная на защите от земного излучения, и лучеподавляющие приборы просто прижали бы к стене традиционную медицину!

Правда, было непонятно, почему процесс и все, что происходило вокруг него, воспринимались с каким-то удивлением, как будто теория земных лучей и магия волшебного прута были порождением послевоенного времени или атомного века. Влияние на человека земных лучей, мистика вокруг «лозоходства» стары так же, как суеверие и упование на чудо людей ограниченных или отчаявшихся. История культа волшебного прута уходит корнями в доисторические времена. Человек древности искал объяснений непонятных ему явлений природы. Для этого он выдумал духов и заселил ими землю, сыном

которой считал себя и плоды которой позволяли ему жить. Древние греки почитали богиню Деметру как первородную силу земли. Человек верил в эту силу и, чтобы отыскать ее, выдумал волшебный прут. Поэтому использование волшебного прута или лозы никогда не было ограничено какой-то определенной, например медицинской, деятельностью. Уже в 1700 году некий господин Йоханнес Готфрид Цайдлерс описал возможности использования волшебного прута и назвал некоторые его свойства: «Отыскивание рудных жил, подземных источников, вражеских мин, незнакомых ходов и троп, зарытых сокровищ, потерявшегося скота и заблудившихся людей». С его помощью можно якобы определить, жив человек или мертв, здоров или болен, а также узнать, кому нужна невеста. Волшебный прут позволяет проверить подлинность того или иного святого и узнать, где похоронен Мартин Лютер. Кроме того, посредством чудо-лозы можно обнаружить местонахождение противника и ловить сбежавших воров и убийц.

Да, даже воров и убийц пытались уличать с помощью волшебного прута! 5 июля 1692 года в Лионе были убиты виноторговец и его жена, при этом преступник не оставил никаких следов. Неподалеку от места преступления жил богатый крестьянин И. Аймар, который, по слухам, умел обращаться с волшебной лозой. Полиция обратилась к нему за содействием. Аймар с готовностью согласился и отправился на поиски убийцы. Он шел по следу многие мили по суше и воде и наконец обнаружил преступника. И хотя обвиняемый упорно отрицал обвинение в убийстве, его приговорили к смертной казни без права на помилование.

Впрочем, потом возникли сомнения в обоснованности приговора, и именно в связи с этим история с вуппертальским процессом может показаться особенно интересной. Дело в том, что Аймара подвергли официальной проверке, поскольку странный способ раскрытия преступления вызвал беспокойство у населения. В землю закопали кусок металла и сосуд с водой, и Аймар с тем же прутом, с которым выследил убийцу, должен был их обнаружить. Однако он ничего не нашел. Наконец, ему предоставили возможность «раскрыть» несколько краж, причем преступники, совершившие их, давно были за решеткой. Аймар указал на добропорядочных граждан, разумеется, совершенно невиновных. Так, уже в 1692 году начали сомневаться в искусстве лозоходцев.

Двести тридцать девять лет спустя, 7 октября 1931 года, берлинская газета «Берлинер локальанцайгер» сообщила о сенсационной находке большого золотого клада в бельгийском местечке Хеннегау, рядом с французской границей, лозоходцем аббатом Леграном, директором коллежа в Аррасе. После многонедельных поисков он обнаружил на поле одного бельгийского крестьянина потайной подземный ход, который вел, пересекая границу, от французского монастыря Сизуэн к развалинам другого, бельгийского, монастыря. По заверениям аббата, он был набит несметными сокровищами. Предполагаемая стоимость зарытого клада оценивалась Леграном в сто миллионов. Жителей окрестных деревень охватила настоящая золотая лихорадка, и все, у кого только были лопаты, шли туда и копали в надежде отрыть эти миллионы. Между Францией и Бельгией дело дошло до серьезных дипломатических осложнений, поскольку каждая из стран заявляла свои права на золото. Бельгия была особенно заинтересована в кладе, так как в Брюсселе очень надеялись использовать эту сотню миллионов для покрытия бюджетного дефицита. До войны, правда, дело не дошло, потому что вместо вожделенных миллионов нашли всего несколько древних дукатов. Позже выяснилось, что эти монеты были заранее украдены какими-то шутниками из собрания Брюссельского музея и тайно зарыты у монастыря во время лозохождения упомянутого священника, когда спор за право обладания сказочными богатствами достиг апогея. Так что преподобный аббат Легран со своим волшебным прутом, алчущие золота крестьяне и мировая пресса попались на удочку.

В октябре 1932 года газета «Берлинер локальанцайгер» сообщила еще одну историю, связанную с волшебным прутом. На шоссе, ведущем из Бремена в Бремерхафен, рядом с километровым столбом 23/9 перевернулась автомашина; оба человека, ехавшие в ней, получили тяжелые ранения. За год до этого на том же месте произошли два аналогичных несчастных случая, в результате одного из них погиб известный исследователь Азии Герман Тринклер. После третьего несчастного случая в полицию явился лозоходец, Карл Верс, положил на стол небольшой деревянный ящичек, который назвал «лучезащитным аппаратом», и сделал в высшей степени сенсационное заявление.

Когда произошли две первые автокатастрофы у стол-

ба 23/9, Верс взял свою лозу и обследовал этот участок шоссе на наличие каких-либо земных лучей, вызывающих несчастные случаи. И надо же, волшебный прут своим интенсивным раскачиванием указал на мощное земное излучение, которое якобы и сбрасывало автомашины с шоссе. Тайно Карл Верс вмонтировал в дорожное полотно «лучезащитный аппарат» собственной конструкции, и с того времени здесь больше не было ни одного несчастного случая. 2 октября 1932 года по каким-то причинам Верс изъял свой аппарат, и на следующий же день перевернулась автомашина.

В Бремене ему, казалось, поверили. Пригласили некоего профессора Райхе, который должен был сделать заключение о возможности применения аппарата на дорогах. Однако профессор не стал утруждать себя изучением уровня земного излучения у километрового столба 23/9. Он просто велел изготовить одиннадцать ящичков, внешне абсолютно идентичных «лучезащитному аппарату» Карла Верса. К этим одиннадцати имитациям профессор присоединил прибор Верса, поставив все в один ряд, и попросил лозоходца с помощью его волшебного прута отыскать среди них аппарат, поглощающий земные лучи. И Верс умудрился не угадать одиннадцать раз! Так была опровергнута занимательная гипотеза о земном излучении на бременском шоссе. Если Карл Верс вначале надеялся, что ему поручат оборудовать германские шоссе его лучепоглощающими приборами, дабы они предотвращали дорожные происшествия, то теперь ему оставалось лишь радоваться, что не угодил в тюрьму.

И тем не менее появлялись новые истории о чудесах с волшебной лозой. Газета «Дойче цайтунг» сообщила 2 июля 1932 года: «Наконец-то найдено надежное средство для обнаружения лучей, вызывающих рак». Несчастные больные, которых лозоходцы уже давно пытались убедить, что рак является следствием вполне определенного земного излучения, узнали из этого сообщения, что в Германии два доктора, Махт и Рамбо, сконструировали «Гельтифо» для защиты от канцерогенных лучей — якобы последнее слово в медицинской науке и технике. «Дойче цайтунг» поведала, что «Гельтифо» работает с так называемыми ионизационными камерами, однако выразила сожаление, что по патентно-правовым соображениям не может более подробно описать прибор.

До нас не дошли сведения о том, сколько заработали на этом господа Махт и Рамбо. Однако можно с уверенностью сказать: аппарат был чистым надувательством. Тем не менее два доктора-шарлатана не только брали деньги у своих пациентов за диагнозы, поставленные с помощью волшебного прута, но и делали вид, будто они — открыватели всей премудрости, связанной с земным излучением.

Насколько распространенными были подобные взгляды в те годы, показывает репортаж в газете «Дортмундер генеральанцайгер» от 19 октября 1930 года. В этом репортаже волшебному пруту предрекалось такое блестящее будущее, что неискушенному читателю впору было поверить в возможность изменения картины мира с помощью лозоходства.

Под заголовком «На 900 метров в глубь родной земли», набранном аршинными буквами, читателю втолковывалось, причем людьми, перед фамилиями которых стояли титулы профессоров и докторов наук, что Германия с помощью волшебной лозы могла бы стать за короткое время богатейшей страной на планете. «Действительно ли мы стоим на сокрытых миллионах?» — риторически вопрошала газета и перечисляла, что ожидает немцев, если они поверят в силу волшебного прута: «Нефть под Ганновером, золото в Верхней Франконии, серебро в Рудных горах, железо в Восточной Пруссии, каменный уголь в Лаузице».

Некий доктор Вилли Шарф пообещал даже дукаты из немецкого золота и годовую добычу серебра в три с половиной миллиона унций. В сто пятьдесят тысяч тонн оценивал он годовую добычу нефти.

Наконец, доктор Рихард Байтль решил воскресить веру в немецкие сокровища, известные по легендам и сказаниям: «Если верить в народные сказания, то в земле Германии лежат миллионы в виде золота и богатых руд. Чего только не было зарыто и потеряно во время Тридцатилетней войны. В 1813 году французы под командованием маршала Сира доверили земле полевую казну. Случайные находки и письменные свидетельства напоминают о сокровищах Нибелунгов. Так же часто всплывают из глубины веков сведения о каком-либо богатом, ушедшем под землю городе, о редких сокровищах недр...»

Сегодня можно лишь улыбнуться, услышав подобные сообщения, тогда же в них верили. Газеты преподносили их с такой же серьезностью, с какой сообщали о новостях политики, экономики или культуры.

Только учитывая эту обстановку, и можно объяснить

то, что разыгралось в 1932 году в австрийском городке Аурольцмюнстере вокруг полуразрушенного древнего замка.

История криминалистики богата примерами сенсационного мошенничества. Однако одним из самых беспримерных случаев надувательства являются события в Аурольцмюнстере. Сообщения о них обошли мировую прессу, но вскоре история была внезапно забыта. Она не стала предметом судебного разбирательства, так как широкой общественности не надо было знать, что в результате этой аферы на миллионные суммы были одурачены кайзер Вильгельм II, Рупрехт Баварский, Тереза фон Коннерсройт, Адольф Гитлер, руководитель «Стального шлема» Зельдте, архиаббат Петрус Клотц Зальцбургский, епископ Вайтц Фельдкирхский, доктор Игнац Зайпель и еще несколько могущественных в финансовом отношении тогдашних общественных деятелей. Правда, один из потерпевших, зальцбургский художник Алоиз Вах, написал об этом книгу и сам издал ее в 1933 году, но она до сих пор так и не появилась на прилавках книжных магазинов. Как только книга была отпечатана, ее на корню скупили и пустили под нож по указанию Адольфа Гитлера, ставшего к тому времени главой государства. Один из немногих чудом сохранившихся экземпляров книги вместе с появившимся в журнале «Архив криминологии» психопатографическим исследованием этого дела помогли восстановить события.

Замок Аурольцмюнстер строился восемнадцать лет — с 1694 по 1712 год. Прежде чем он был завершен, умер его первоначальный владелец, граф фон дер Валь. В рыцарском зале замка, который полагалось называть дворцом, ему был установлен памятник. Наследником замка стал граф Арко-Валли, который в нем не жил, а лишь использовал в качестве фамильного музея.

Все новые и новые поколения графов Арко наследовали замок, но он так и остался не у дел. Наконец в 1918 году последний графский отпрыск продал картины, мебель, инвентарь замка и постепенно, превращая все в деньги, демонтировал мраморные лестницы, паркетные полы и потолочные балки. В 1925 году случилось нечто примечательное. Почтмейстер в отставке Карл Шапеллер, родившийся 18 июля 1875 года в аурольцмюнстерском приюте для бедных и признанный позже судом невменяемым, купил у потерявшего от изумления дар речи графа Арко замок-развалюху за двести пятьдесят тысяч золотых шиллингов. Лишь семь лет спустя всплыло, что почтмейстер был всего лишь подставным лицом церкви, так как деньги для покупки замка ему дали прелат Инсбрука доктор Шепфер и настоятель Зальцбургского кафедрального собора Эттер.

Почему представители высшего духовенства отдали такую кучу денег? В Инфиртеле — местности на севере Австрии в долине реки Инн — из поколения в поколение передавалась легенда, что где-то в окрестностях Аурольцмюнстера вместе со своими сказочными богатствами похоронен король Аттила, предводитель гуннов, после того как он в 451 году был наголову разбит римским полководцем Аэцием. И поскольку легенда говорила, что Аттила погребен в замке под названием «Дворец на Тисе», а Аурольцмюнстер сначала назывался дворцом, и к тому же расположен на речушке под названием Тисса, то сделали вывод, что Аттила мог обрести вечный покой только под замком Аурольцмюнстер. Получается, что церковные сановники Зальцбурга и Инсбрука положили глаз на богатства Аттилы и решили овладеть замком с помощью подставного лица. Семь долгих лет ничего не происходило, так как бывший владелец, граф Арко-Валли, оговорил в договоре право обратной покупки, от которого отказался лишь в 1932 году. Зато потом внезапно, буквально с места в карьер, в Аурольцмюнстере началась крупномасштабная кампания — искали склеп и сокровищницу Аттилы!

Для участия в поисках был привлечен «специалист» с волшебным прутом, земляк и бывший коллега нового владельца замка Карла Шапеллера, которого звали Биндербергер и о котором каждый в Инфиртеле знал, что тот подрабатывал, определяя с помощью медного прута местонахождение водоносных жил для зажиточных крестьян. Когда хитрый господин Биндербергер узнал от своего приятеля Шапеллера, чего ожидает от покупки замка Аурольцмюнстер высшее духовенство, он вдруг с удивлением обнаружил, что его медный прут в любом месте всегда отклоняется в одном направлении: в сторону Аурольцмюнстера.

Столь ловко обращавшийся с волшебным прутом почтмейстер Биндербергер был членом зарегистрированного общества «Объединение по исследованию лозоходства», правление которого находилось в Мюнхене. На очередном заседании объединения он сделал сообщение о постоянном «пеленговании» золота и подробно обсудил эту

проблему с председателем общества доктором Ветцелем, журналистом и главным редактором издания лозоходцев «Природа и культура».

Этот доктор Ветцель затем и стал координатором и организатором мероприятий по поискам сокровищ Аттилы. Он навел исторические справки, съездил в Зальцбург и Инсбрук, переговорил с прелатом и настоятелем собора и узнал от них легенду, согласно которой король Аттила якобы похоронен в окрестностях Аурольцмюнстера.

2 февраля 1932 года доктор Ветцель вместе со своим «коллегой» Биндербергером прибыл в Аурольцмюнстер, чтобы провести переговоры с владельцем замка Шапеллером о более тщательном обследовании земельного участка, на котором стоял замок.

После этого доктор Ветцель написал доклад на восемь страниц, в котором изложил план крупномасштабных поисков захоронения короля Аттилы. Он упомянул о начальных периодах в истории человечества, о нескольких всемирных потопах, об Атлантиде, главной святыне доисторической эпохи, о погрузившихся в пучину городах, о захоронениях готов и гуннов и об Аттиле, самом богатом правителе этой земли. У людей из Аурольцмюнстера головы пошли кругом, они твердо уверовали в сокровища гуннов, их охватило единственное желание: быстрее разыскать золото Аттилы!

Прежде, однако, необходимо было выполнить некоторые неизбежные формальности. Сначала в Аурольцмюнстере основали «Австрийское отделение общества лозоходцев». Ведение дел взял на себя доктор Ветцель, почетными сопредседателями стали прелат Шепфер и настоятель собора Эттер. Фирма приобрела благозвучную, солидную вывеску!

Обратились в археологический институт при Венском университете, чтобы получить научное обоснование задуманного предприятия. Ректор института профессор Эггер лишь улыбнулся, узнав о проекте раскопок захоронения короля Аттилы. Ему давно было известно: на территории Австрии за последние десятилетия уже тысячи раз объявлялось, что найден могильник Аттилы, однако ни разу такие сообщения не подтверждались. Тем не менее профессор Эггер дал свое научное благословение и этой, очередной попытке найти место захоронения легендарного короля гуннов. Он не рассчитывал на обнаружение в Аурольцмюнстере золота и бриллиантов, но надеялся,

что в ходе раскопок могут быть найдены предметы старины, которые в любом случае пригодятся археологическому институту. Он даже вызвался предоставить в распоряжение «Австрийского отделения общества лозоходцев» научного консультанта, однако доктор Ветцель вежливо отклонил это предложение.

Итак, научное обоснование было получено, и доктор Ветцель мог запускать рекламную кампанию! В своей газете «Природа и культура» он опубликовал несколько статей о методике поисков захоронения Аттилы, затем засыпал всю венскую прессу сообщениями о предстоящих раскопках могильника в Аурольцмюнстере.

Газеты публиковали эти сообщения не без критических комментариев. Историографы, краеведы, геологи в острых научных спорах высказывали свое мнение и не скупились на скепсис и сомнения. Однако это придало делу лишь дополнительную остроту. Аурольцмюнстер и поиски королевского захоронения были у всех на устах. Пропагандистская шумиха достигла своей цели. То, что специалисты не верили в успех этого предприятия, мало беспокоило доктора Ветцеля, который, кстати, настолько выдвинулся на первый план, что его уже считали идейным вдохновителем предприятия. Скепсис и недоверие ничуть не нарушали его планов. Ведь если бы весь мир был твердо уверен, что Аттила с сокровищами покоится в Аурольцмюнстере, то его находка теряла бы неожиданность, сенсационность. Лишь столкновение мнений делало проект интригующе привлекательным.

Итак, первый шаг был сделан. Теперь осталось превратить общий интерес в звонкую монету. Нужно было найти обладающих финансовыми возможностями людей, которые могли рискнуть состоянием в надежде стать совладельцами воображаемых золота и бриллиантов канувшей в Лету империи гуннов.

Проект, который представил доктор Ветцель, был психологически продуман и скомпонован по всем правилам драматургического искусства. В качестве первого действующего лица выступал искушенный в лозоходстве почтмейстер Биндербергер. Оставалось только устранить препятствие по части трудового законодательства, так как на основной работе как почтмейстеру городка Шердинг ему надлежало сортировать письма и посылки, а не разыскивать зарытые клады.

Стало быть, для выполнения новой «работы» Биндербергера нужно было временно освободить от должности

на почте. Эту задачу взял на себя почетный сопредседатель объединения лозоходцев прелат Шепфер. В министерстве связи в Вене он выхлопотал для Биндербергера бессрочный отпуск. Чтобы полностью бросить профессию почтмейстера, у кладоискателя еще не хватало твердой веры в свое искусство.

Получив оплачиваемый отпуск, Биндербергер переселился в замок Аурольцмюнстер и вплотную занялся новым делом. Об успехе, которого он там достиг, рассказывает в своей книге художник Алоиз Вах: «Кладоискатель живет в замке и всецело отдается своим занятиям. Во время бесконечных обходов территории замка обычно равномерное колебание его волшебного прута в одном месте, вблизи бывшей конюшни, вдруг стало беспокойным, запутанным, чрезвычайно сильным. Излучение было настолько мощным, что вызвало у кладоискателя перенапряжение, слабость, тошноту, и его здесь же, на месте, несколько раз вырвало. Заключение о том, что неожиданное поведение волшебного прута указывает на захоронение легендарного короля гуннов, сформировалось как бы само по себе. Кладоискатель констатировал наличие тройного гроба: внутреннего — золотого, среднего — серебряного и наружного — железного. Скелет в гробу, контуры которого четко обрисовывались волшебным прутом, принадлежал человеку невысокому, приземистому. Перед гробом кладоискатель увидел длинный и узкий сундук: двести на шестьдесят сантиметров. В склепе, который почти полностью заполняли гроб и сундук, повидимому, больше ничего не было.

Повторные обследования этого участка территории давали в результате ту же самую картину; волшебный прут отчетливо показывал границы предполагаемых внутренних пространств. Выдвинутая кладоискателем и квалифицированная главным редактором естественнонаучного журнала как совершенно надежная гипотеза относительно различных металлов и строения гроба повергала в изумление...»

Это сообщение о первом обследовании, проведенном Биндербергером в замке Аурольцмюнстер, на следующий день обошло венскую прессу и было сразу же подхвачено другими газетами в Австрии и за границей. В то время, когда трюкачество с магическим прутом воспринималось повсеместно как серьезная наука, сведения эти упали на благодатную почву. Все, что происходило впоследствии в ветхом замке в излучине Инна и под ним, находило

теперь отражение в газетных статьях всех ведущих стран мира. Особое внимание привлекло недомогание кладоискателя Биндербергера во время обнаружения захоронения короля Аттилы. Доктор Ветцель, энергичный руководитель предприятия, выступил с сенсационным заявлением для прессы: «Недомогание Биндербергера возникло в результате внезапного проникновения в область излучения захоронения гуннов, с которым организм кладоискателя в силу его конституции был не в состоянии справиться — как с полностью противоположным ему спектром колебаний, который и свалил его с ног».

По-видимому, публику это высоконаучное объяснение тоже «свалило с ног», потому что периодически появлявшиеся возражения сомневающихся постепенно стихли. Доктор Ветцель объяснил в одном из интервью Венскому радио природу возникновения «противоположных колебаний», справиться с которыми было не по силам почтмейстеру Биндербергеру.

«После разложения трупа специфическая энергия, которая была первоначально в теле, остается в месте захоронения вместе с прахом. Разновидности этой энергии в форме жажды крови, стремления к богатству и чувственным наслаждениям создают своего рода силовое поле, которое становится ощутимым, когда через антенну, в данном случае — магический прут, усиливается и вступает в контакт с магнитным полем человека».

Многие из слушателей помнили еще по урокам истории в школе, что гунны были особенно кровожадным, алчным и сладострастным народом; становилось понятно, почему специфическое излучение короля гуннов Аттилы могло вывести из равновесия добропорядочного почтмейстера. А то, что Аттилу похоронили в железно-серебряно-золотом гробу,— так это самое меньшее, чего можно было от гуннов ожидать.

Доктор Ветцель предпринял еще один тонкий психологический маневр. В ведомстве по охране памятников в Вене он получил разрешение на производство археологических, а не кладоискательских раскопок. С хитрым подмигиванием он объяснил этот шаг представителям прессы: «При археологических раскопках в соответствии с австрийским законодательством доля государства в обнаруженных ценностях незначительна; если же раскопки ведутся с целью обнаружения клада, то родное государство забирает себе три четверти найденного при этом».

Репортеры быстро, как и полагается газетчикам, со-

образили, что могила Аттилы в Аурольцмюнстере таит в себе, судя по всему, несметные богатства. Иначе зачем было участникам предприятия отказываться от государственной поддержки? Так в каждом новом сообщении все отчетливее формировалось мнение, что в Аурольцмюнстере сокрыты просто невообразимые сокровища. Одновременно в заинтересованных кругах пробуждалось стремление принять участие в многообещающем проекте. Однако официально доктор Ветцель в своих выступлениях ни слова не сказал о богатствах, которые были якобы погребены вместе с Аттилой.

Здесь слово взяли историки-исследователи. «Предположение о том, что на этом месте мог быть расположен опорный пункт гуннов, не лишено оснований...» — писали они в научных обзорах газет. Некий профессор С. из университета в Гисене утверждал: «Прежде чем продвижение гуннов в Галлию было остановлено римлянами на Каталаунских полях в 451 году, они по пути с востока на запад, судя по всему, на какое-то время останавливались в местности между Шердингом и Аурольцмюнстером. Обширная равнинная долина с предлежащими высотами была для конных армий самым подходящим местом, которое к тому же было расположено стратегически в высшей степени благоприятно. С запада его защищал Инн, с севера — Дунай, с юга — холмы и леса, а против болотной местности с плавнями лежала свободная равнина!»

Краеведы тоже не остались в долгу и стали указывать на следы пребывания гуннов в некоторых названиях.

Вдова умершего за несколько лет до этих событий поэта Андреаса Лхотцки, жившего в этой местности, предоставила прессе последнее неопубликованное произведение покойного мужа. Оно называлось «Смерть Аттилы», и действие его разыгрывалось... в Инфиртеле! Даже кузнец из Аурольцмюнстера обратился в печать с вещественными доказательствами. «В своей деревенской кузнице он нашел несколько подков малого размера, которые внешне точно соответствовали описанию подков для лошадей у гуннов, которое дается в учебнике ковочных работ, выпущенном Венской ветеринарной академией»,— писали на следующий день газеты.

Доктор Ветцель удовлетворенно потирал руки. Кто же мог после этого еще сомневаться в том, что гунны обитали в Инфиртеле и похоронили там своего короля вместе со всей челядью?

Между тем почтмейстер Биндербергер продолжал старательно обследовать своим волшебным прутом местность, обнаруживая склеп за склепом, гроб за гробом, и постепенно с помощью колышков и линий обозначил план города-храма, который, картографически зафиксированный доктором Ветцелем, тут же был опубликован в журнале «Природа и культура». Чего только не открыл под землей Биндербергер с помощью изогнутого куска медной проволоки! Могила Аттилы была лишь незначительным фрагментом. Медная рамка кладоискателя обозначила громадные помещения, имевшие форму трапеции. Здесь были даже гигантские балдахины из чистого золота, железные шкатулки, полные алмазов, и гробы с прахом придворных. Поразительно легко кладоискатель обнаружил трапециевидный подвал длиной одиннадцать метров, наполненный измельченным металлом. По сыпучести металлической массы доктор Ветцель определил чистое золото и заявил: «Это ответ на вопрос, почему магический прут даже на удалении в семьдесят километров упорно показывал на Аурольцмюнстер. Лучистая энергия колоссальной массы золота притягивала прут подобно магнитному полюсу!»

Доктор Ветцель и владелец замка Шапеллер в эти дни были заняты исключительно подсчетами стоимости обнаруженных сокровищ, что сделать было нелегко. Результат получался слишком фантастическим! Поэтому доктор Ветцель удовлетворился обобщенным заявлением: «В австрийских шиллингах выразить стоимость находящихся под замком Аурольцмюнстер ценностей не представляется возможным. Однако только золота будет достаточно, чтобы перевернуть вверх дном любой банк мира, даже «Банк де Франс», который, как известно, располагает крупнейшим золотым запасом».

Сегодня очевидно, что все эти откровения, обрушившиеся тогда на публику, были слишком фантастичны и сенсационны, чтобы их принимать всерьез. Но не следует забывать, в какое время происходили описываемые события. Всего за несколько месяцев до этого одна из германских газет опубликовала мнения нескольких профессоров и докторов наук, согласно которым в недрах земли Германии сокрыты неисчислимые богатства в виде золота, серебра, нефти и т. д., которые рано или поздно будут найдены и использованы в народном хозяйстве. А ведь Аурольцмюнстер был расположен менее чем в пя-

тидесяти километрах от немецкой границы! В те годы западный мир потрясал экономический кризис. Чудо, неважно какого характера — политического, экономического или исторического,— было надеждой, за которую цеплялись люди. Появление такого гигантского клада из глубины веков, которые считались золотыми, казалось подарком небес!

Только этим можно объяснить все, что последовало дальше: доктор Ветцель и его «Австрийское отделение общества лозоходцев» объявили о начале раскопок, кичливо подчеркнув при этом, что проблема финансирования будет решаться с помощью собственного, только что основанного, банка; однако связями с церковью и прессой организаторы тонко намекали, что определенные доли участия принадлежат конкретным лицам.

Какие суммы и какими лицами были предоставлены, установить сегодня вряд ли возможно, так как все кредиторы некоторое время спустя были заинтересованы лишь в том, чтобы общественность не узнала о их участии в этом деле.

Об этом аспекте предприятия в рапорте, увидевшем свет в 1955 году на страницах журнала «Архив криминологии», говорится следующее: «Шапеллером и Ветцелем была составлена обширная «секретная программа» для привлечения заинтересованных сторон, с которой были строго конфиденциально ознакомлены лишь избранные лица. В этой программе предусматривались совершенно новый порядок общественного устройства, изменение жизненного стандарта, новая религиозная и государственная организация общества и интенсивное строительство, а также были обещаны колоссальные прибыли. Общее руководство должен был осуществлять Шапеллер как «регент дарящей силы». Его пасынок должен был стать «кайзером», а доктор Ветцель — генеральным директором объединения «Урания-Верке». Была составлена религиозная и социальная программа «нового порядка», которую представили на рассмотрение лишь «заинтересованным лицам». За счет чрезвычайно изощренной пропаганды, демонстраций таинственных магических сил и заверений доктора Ветцеля относительно научной состоятельности проекта предприятие завоевало много сторонников, в результате чего было собрано несколько миллионов золотых шиллингов. Как было доказано документально, в это дело вложили капиталы: гамбургский судовладелец Зломан — 250 000 рейхсмарок, жена одного мюнхенского дантиста — 400 000 рейхсмарок (за счет продажи унаследованной аптеки), некий князь Вендт Эйленбургский — 280 000 золотых шиллингов. Были получены значительные взносы от известного пивовара К., владельцев фабрик и заводов и многих других...»

Наконец, Вильгельм II, германский экс-кайзер, живший в Голландии в изгнании, однако далеко не обнищавший, выделил Аурольцмюнстерской кладоискательской компании миллион рейхсмарок на проведение раскопок. Эта связь осуществлялась, судя по всему, через представителей клерикальных кругов в руководстве «общества лозоходцев».

Восьмидесятилетний прелат доктор Шепфер обратился с ходатайством по этому делу к бенедиктинскому архиаббату Петрусу Клотцу Зальцбургскому, который был лично знаком с кайзером. Согласно другой версии, вложившая в дело четыреста тысяч марок жена мюнхенского врача была знакома с лейб-медиком Вильгельма II и через него способствовала, чтобы все еще мечтавший о возвращении на трон Гогенцоллерн внес в это предприятие свою лепту. Возможно, она обещала, что его сделают вместо пасынка владельца замка кайзером «аурольцмюнстерской социально-этической монархии».

Как бы там ни было, седобородый Вильгельм выписал чек на 480 000 марок, который его казначей, тайный советник Нитц, выплатил распорядителю предприятия доктору Ветцелю. Что касается оставшихся 520 000 марок, то или Вильгельм отказался их платить, потому что стал относиться к этой затее с недоверием, или они потерялись во время долгого пути из Голландии в Аурольцмюнстер — об этом еще до сих пор спорят и обвиняют друг друга оставшиеся в живых участники компании «Аттила». Однако в то время особой нужды во втором взносе Вильгельма II уже не было: в Аурольцмюнстер стал стекаться поток денег из других карманов. Принц Рупрехт Баварский вложил в дело 200 000 марок. Руководитель «Стального шлема» Зельтде выделил из партийной кассы 150 000 марок. Тереза фон Коннерсройт, епископ Вайтц Фельдкирхский, политический деятель доктор Игнац Зайпель — буквально все толстосумы решили раскошелиться на благо культурно-исторического чуда в Аурольцмюнстере. Вернее, они делали это не ради культурно-исторического значения предприятия, а скорее потому, что его руководитель доктор Ветцель от имени правления компании гарантировал от двухсот до

трехсот процентов прибыли и соответствующую долю при разделе добытых сокровищ.

Венцом всего дела стало участие в нем Адольфа Гитлера и НСДАП — Национал-социалистской рабочей партии Германии — в качестве компаньона «социально-этической монархии». Эту удивительную сделку владелец замка Шапеллер провернул собственноручно. В начале 1932 года он жил дверь в дверь с Гитлером в одном мюнхенском пансионате и интересовался теорией и практикой основания нового рейха. В тот же период владелец замка познакомился с соратником Гитлера, начальником штаба СА Рэмом.

К нему и обратился Шапеллер. Ему не требовались деньги — их было уже предостаточно. Ему нужна была поддержка совсем иного рода. В Аурольцмюнстере беспокоились по поводу охраны несметных богатств. Впрочем, кладоискатель Биндербергер считал, что для этой цели хватит добровольной пожарной команды городка, однако перед лицом миллионных ценностей, которые были вовлечены в игру, это казалось недостаточным даже благочестивому прелату Шепферу. Тут Карл Шапеллер вспомнил о своем знакомстве с шефом СА. Он, не долго думая, отправился в Мюнхен и предложил Рэму задействовать для охраны сокровищ роту штурмовиков. Рэм устроил Шапеллеру встречу с Гитлером, во время которой владелец замка подробно изложил свой план и искусно вплел в разговор новый, истинный третий рейх, которого можно было бы достигнуть с помощью несметных сокровищ гуннов. Это и было как раз той мыслью, которая пробудила интерес Гитлера к компании «Аттила». Он разрешил выделить полк СА в качестве охранного подразделения и один миллион марок из партийной кассы «коричневых».

Не испытывая недостатка в деньгах и добрых пожеланиях, компания начала раскопки, как нарочно, 1 апреля 1932 года.

О ходе раскопок рассказано в книге Алоиза Ваха «Правда о замке Аурольцмюнстер»: «Проходили недели. Во дворе замка, в полутора метрах от места, где были отмечены предполагаемые сокровища гуннов, соорудили небольшой барак. Шахта должна была уходить на большую глубину, но уже на отметке полутора метров стала просачиваться вода. Пришлось приспособить мотопомпу для откачивания грунтовых вод. Раскопки, производимые горнорабочими, продвигались очень медленно. Параметры раскопок, два метра на метр пятьдесят, были рассчитаны таким образом, чтобы гроб Аттилы, размеры которого точно указал кладоискатель, при поднятии из земли мог бы сохранить свое положение. Работа была чрезвычайно рискованной, опасность обвала возрастала. Постоянно устанавливали крепеж, что при непрерывно сочащейся воде было очень сложным делом. Грунтовые воды, подпитываемые из замкового пруда, стекали ручейками по стенам. Но шахта, несмотря ни на что, становилась все глубже».

Да, шахта уходила все глубже, дошла до десяти метров, но ни малейших следов гроба Аттилы, не говоря уже о гигантских склепах, золотых балдахинах и столбах, не было. На-гора выдавались только мергель, глина и грунтовые воды!

Вверху, в замке, несмотря на все это, не унывали. Прессе объясняли, что горизонтальное положение города-храма совпадает с точностью до сантиметра с тем, как его обозначил кладоискатель. Лишь глубину невозможно определить точно. Необходимо копать дальше.

Вместо обещанных золотых слитков и ящиков с алмазами репортеров потчевали новыми сенсациями. Кладоискатель Биндербергер нашел еще один некрополь гуннов, который был построен в форме упоминаемого в древнем эпосе «Эдда» дерева Иггдразил и состоял из громадных алтарей, лестниц, гробниц, золотых колонн и невообразимых сокровищ.

Что касается использования сокровищ, которые рано или поздно будут извлечены, то над этим уже ломали голову во время напряженных заседаний. Владелец замка Шапеллер великодушно заявил: «Хотя я и являюсь законным владельцем, однако не могу согласиться с тем, чтобы богатства нашей матушки-земли принадлежали одному человеку. Нельзя признать справедливым право собственности на них, дающее возможность неограниченного личного пользования».

Шапеллер высказал намерение заниматься раскопками ценностей только в содружестве с другими людьми и предложил основать орден, которому предстояло бы «выполнить этически великое дело обращения клада на всенародное благо».

Прессе был представлен проект гигантского мавзолея, в котором предполагалось установить гроб Аттилы после извлечения его из земли. Будущий автор книги «Правда о замке Аурольцмюнстер», зальцбургский ху-

дожник и архитектор Алоиз Вах, тоже был привлечен к работе. Он создал предварительный проект нового замка. Правое крыло его предназначалось для сокровищницы, левое намечалось сделать отелем экстра-класса для туристов со всего мира, которые уже заявляли о своей готовности приехать.

И действительно, были уже наняты маляры и каменщики для выполнения реставрационных работ. А в это время во дворе замка четверо горнорабочих продолжали бодро рыть землю в поисках гроба Аттилы и сокровищ его ушедшего королевства; правда, теперь они уже копали не вглубь, а по горизонтали. Прокладывали штольни, брали пробы грунта — и опять ничего, кроме мергеля, глины и грунтовых вод.

Венское радио и австрийская пресса тем временем сообщали: «Раскопки сокровищ гуннов в замке Аурольцмюнстер продвигаются в соответствии с намеченным планом».

Шла неделя за неделей, а результатов по-прежнему не было. Лишь кладоискатель Биндербергер заставлял говорить о себе все снова и снова. С поистине пчелиным усердием он обследовал весь замок и прилегающие территории. В последнее время он стал надевать какую-то античную маску, чтобы лучше сконцентрироваться, и после каждого «похода» возвращался с новым известием об очередных сокровищах, так что пресса в конце концов устала сообщать об этом. Теперь речь уже шла не об одном городе-храме, а о нескольких. Во дворе замка эти города — а их было три — аккуратно разметили колышками и меловыми штрихами. Все они имели одну и ту же горизонтальную проекцию, только каждый расположенный ниже город был больше по размерам.

Доктор Ветцель объяснял со знающим видом: «Это позволяет сделать вывод о том, что между отдельными наслоениями лежат тысячелетия развития. Более примитивные формы нижних построек подтверждают это — со временем гунны научились строить лучше, искуснее». Постепенно дело дошло до того, что в Аурольцмюнстере и вокруг него стали говорить только о захоронениях гуннов и городах-храмах. То, что еще якобы скрывалось в земле, было, по мнению организаторов раскопок, легендарным исчезнувшим городом, о котором упоминал еще Платон. Фантазия этих людей поистине не знала границ. Кладоискатель Биндербергер ежедневно получал письма со всего мира с предложениями начать поиски

предполагаемых сокровищ в разных уголках планеты. Но он сохранял верность замку Аурольцмюнстер и продолжал искать города-храмы гуннов.

Наконец еще одну сенсацию выдал хозяин замка Карл Шапеллер. Он выложил перед репортерами старый, пожелтевший от времени фолиант с названием «Тайная наука». Шапеллер достал его в одной мюнхенской библиотеке. На странице 31 этой книги содержалось потрясающее открытие: пророчество Парацельса, датированное 1451 годом! С благоговейным трепетом хозяин замка процитировал то, что предсказал тогда великий врач, естествоиспытатель и философ Парацельс, обращаясь к потомкам незадолго до своей смерти: «Три крупных клада спрятаны глубоко в земле, и один из них находится между Швабией и Баварией. Я не буду называть место, так как хочу избежать большого зла и пролития крови. В том кладе среди других благородных камней лежит карбункул, который ценнее всех царств мира».

Не моргнув глазом, Шапеллер сделал из этого вывод, что «расположенный между Швабией и Баварией клад» может быть только тем, который покоится под Аурольцмюнстером, и что наряду с несметными богатствами в золоте и алмазах там зарыт ценнейший карбункул. Таким образом, даже мудрый Парацельс был привлечен в качестве главного свидетеля в деле об аурольцмюнстерских сокровищах.

Однако все новые сенсационные сообщения долго не могли скрывать отсутствие результатов поисков. Тем временем наступил август; уже пятый месяц в Аурольцмюнстере без малейшего успеха рыли землю. Множились слухи, что владелец замка и кладоискатель — душевнобольные, а коммерческий директор — мошенник.

Впрочем, наиболее предусмотрительные из кредиторов свои доли участия в «сокровищах гуннов» обратили в векселя еще в то время, когда весь мир верил в успех предприятия. Сроки платежей по этим векселям истекли, и их предъявили к оплате. Хотя на раскопки были собраны миллионы, а поверхностный ремонт замка, сооружение шахты и наем горнорабочих стоили, в крайнем случае, всего несколько сотен тысяч марок или шиллингов, коммерческий директор тем не менее не стал погашать задолженности по векселям. Вместо этого он попытался уговорить сомневавшихся и даже опротестовал векселя. Один газетный репортер, замаскировавшись под горнора-

бочего, несколько дней принимал участие в раскопках, чтобы без помех разузнать, что же там действительно происходит. Он-то и разрушил сказочное здание, построенное на призрачных золотых балдахинах и столбах.

В газете «Винер-Цайтунг» этот репортер описал примитивные раскопочные работы и привел высказывания горнорабочих, которые назвали все это мошенничеством чистейшей воды. От него общественность узнала, что векселя были опротестованы, что у владельца замка и кладоискателя не все в порядке с головой и что вся история с Аттилой была гениально задуманным грандиозным надувательством.

Об этом и раньше, хотя не с такой категоричностью, время от времени писали газеты, впрочем, без каких-либо последствий. Возможно, и на этот раз сообщение не приняли бы всерьез, если бы в конце августа 1932 года не наступил крах компании «Аттила». Обрушилась штольня проложенной безо всяких предосторожностей шахты, и один из горнорабочих погиб. Тут уж пришлось вмешаться полиции и официально запретить раскопки. Кредиторы Аурольцмюнстера спустились с небес на землю и потребовали обратно свои миллионы, которые к тому времени уже давно были присвоены, разбазарены или растрачены каким-нибудь другим способом.

«Австрийское отделение общества лозоходцев» вынуждено было объявить о своем банкротстве.

Через несколько недель замок Аурольцмюнстер был заявлен на продажу с аукциона, однако не нашлось никого, кто захотел бы дать за него хотя бы шиллинг. Вильгельм II удовлетворился несколькими комодами из оставшейся в замке старинной мебели; князь Вендт Эйленбургский выразил свое требование о возврате двухсот сорока тысяч шиллингов в виде бог знает которой по счету закладной на имущество замка; другие кредиторы, включая Гитлера, Рупрехта Баварского и руководителя «Стального шлема» Зельдте, воздержались от предъявления претензий по долговым обязательствам. Они поняли, что потерянных денег не вернуть, и были озабочены лишь тем, чтобы не стать посмешищем в глазах общественности.

В газетном мире на удивление быстро смолкли разговоры об Аурольцмюнстере. Уголовное дело, по которому к ответственности в первую очередь следовало бы привлечь владельца замка Шапеллера, вообще не возбуждалось, поскольку в прокуратуре не сомневались, что мед-

эксперты, как это, оказывается, уже было в 1920 году, снова признают Шапеллера невменяемым.

Поэтому конец компании «Аттила» освещен в документах лишь немногими свидетельствами. В психопатологическом исследовании случая, опубликованном в журнале «Архив криминологии» в июле 1955 года, по этому поводу говорится следующее: «Шапеллер до своей смерти, последовавшей 17 июля 1949 года, жил в опустевшем замке Аурольцмюнстер, который никто не хотел покупать. Биндербергер попал в сумасшедший дом. Доктор Ветцель поначалу пытался агитировать в газетах за продолжение раскопок и призывал к «выдержке», но затем вернулся в Мюнхен, поссорившись с обманутым Шапеллером. В конце концов история замка Аурольцмюнстер была отодвинута на задний план политическими событиями и предана забвению».

Психиатрическая оценка случая содержит следующие заслуживающие внимания заключения: «Против Шапеллера в 1920 году было выдвинуто обвинение в растрате, но он был признан невменяемым. Согласно документам, речь шла о шизофрении. Позже он неоднократно упоминал об этом медицинском заключении, пытаясь манипулировать им. Правда, по документам нельзя сказать, правильным ли был этот диагноз. Тем не менее экспансивные навязчивые идеи Шапеллера ясно свидетельствуют о том, что он был душевнобольным и его действия в значительной степени определялись бредовыми представлениями и маниакальными приступами.

Кладоискатель Биндербергер вскоре после прекращения раскопок попал в психиатрическую лечебницу, где и умер через несколько лет. Биндербергер был известным и к тому же убежденным в своих способностях лозоходцем. Можно предположить, что в результате душевного распада его прежние научные убеждения выродились в иллюзорные представления, и это сделало его жертвой манипуляций мошенников.

Однако наиболее подозрительной фигурой в этой истории является доктор Ветцель, в значительной степени способствовавший созданию и финансированию сомнительной компании «Аттила». Был ли Ветцель просто шарлатаном и мошенником, который использовал бредовые идеи Шапеллера и готовность окружающего мира поверить в мистическую чепуху, чтобы обогатиться? Хотя многое говорит в пользу именно этого предположения, не следует все же упускать из виду, что, несмотря на

стремление к наживе, доктор Ветцель верил — по крайней мере временами — в фантастические представления владельца замка Шапеллера...»

Таким образом, проблема правовой оценки кладоискательства и тех правонарушений, которые с ним связаны, остается открытой. Можно ли уличить кладоискателя или того, кто извлекает пользу из его действий, в том, что они знали о фактической несостоятельности подобных манипуляций, т. е. обманывали окружающих умышленно? Вряд ли, потому что любой лозоходец будет клятвенно заверять, что он верит в свое искусство, и в большинстве случаев так оно и есть!

Однако вернемся к доктору Ветцелю, единственному, кто без какого-либо имущественного, морального или душевного ущерба пережил крушение компании «Аттила». Он вернулся в Мюнхен целым, невредимым и, судя по всему, с набитыми карманами — по крайней мере, так утверждали обобранные кредиторы. Позже Ветцель категорически отрицал это. В финансовых делах Аурольцмюнстера не обнаружили и вряд ли когда-нибудь обнаружат серьезные злоупотребления, и Ветцель довольно искусно открестился от всего, что было связано с компанией «Аттила». То, что доктор прежде научно обосновывал и оправдывал со всей силой своей риторики и при помощи авторитета председателя объединения кладоискателей и лозоходцев, он затем в присущей ему же мистически-витиеватой манере предавал анафеме. В продолжавшем выходить как ни в чем не бывало журнале «Природа и культура» он писал среди прочего: «Я стал жертвой вампира, который, как мне казалось, был человеком, воплощавшим одновременно добро и зло и стремившимся за счет высвобождения обрести покой... Всем своим «я» мне суждено было погрузиться в храм всех демонов Аурольцмюнстера... Меня околдовала сатанинская химера... Шапеллер — это обманутый, он также был одержим сатанинской идеей, освещен тысячью огнями, отражен в тысяче зеркал; наполненный вещими ликами, он в то же время был одурманен фантомами и лишен своей человеческой сущности...»

И именно этот доктор Ветцель двадцать два года спустя, когда директор института судебно-медицинской экспертизы Боннского университета доктор Прокоп в научной работе дал оценку дела Аурольцмюнстерского замка, осмелился подать жалобу в мюнхенский окружной

суд с требованием запретить публикацию. Лишь узнав из встречной жалобы, что доктор Прокоп собрал в Аурольцмюнстере обличительный материал, подтверждающий его высказывания, Ветцель забрал жалобу.

Экскурс, который мы здесь проделали, снова возвращает нас в зал вуппертальского суда присяжных, где завершается процесс над чудо-врачами, поскольку последнее звено в этой цепи событий — доктор Ветцель — имеет непосредственное отношение к процессу. Ведь это он был инициатором и изобретателем прибора для защиты от земного излучения, названного им «регулятором эфира». Поэтому его пригласили на процесс в качестве эксперта, и он использовал благоприятную возможность и богатый опыт в кладоискательстве и лозоходстве, чтобы представить лечебные методы обвиняемых в частности, а также теорию и практику «волшебного прута» в целом как самую современную и единственно истинную науку. Впрочем, о том, что в этой наисовременнейшей из всех наук Ветцель потерпел крах еще четверть века назад, публика из его заключения не узнала. Тем не менее он поклялся на Библии «не говорить ничего, кроме правды, ничего не прибавляя и ничего не умалчивая ради выяснения правды».

Часы в зале суда показывали 16.31, когда в зал вошли судьи и председатель принялся быстро и привычно читать приговор.

«Именем народа! Я объявляю следующий приговор коллегии окружного суда. Обвиняемые Ашофф и Корталь являются виновными в многократном мошенничестве, обвиняемый Пэзлер — в пособничестве мошенничеству, а также в нарушении закона о врачебной практике. Подсудимые приговариваются: Ашофф и Корталь к одному году тюрьмы и денежному штрафу в одну тысячу марок, обвиняемый Пэзлер к девяти месяцам тюрьмы и денежному штрафу в девятьсот марок. Судебные издержки взыскиваются с обвиняемых».

Председателю пришлось довольно долго стучать карандашом по столу, чтобы успокоить волнение в зале. Возгласы одобрения и возмущения смешались в единый нарастающий гул. Нельзя было разобрать, какая из сторон шумит громче. Голос председателя слабел, и доносились лишь отдельные обрывки фраз из обоснования приговора.

«Обвиняемые безответственным образом использова-

ли в корыстных целях мистически-оккультные склонности людей, поэтому, если останутся без наказания их действия, нельзя будет осудить какого-либо цыгана, который гадает на кофейной гуще или читает судьбу по линиям на ладони. Волшебные пруты и экранирующие приборы, которыми они пользовались, с физической точни зрения являются абсолютной бессмыслицей — не существует никакого вредного для здоровья земного излучения, и до сих пор еще никто не смог объяснить, что такое вообще земное излучение и в чем заключается его вредоносное воздействие».

Тут голос судьи стал громче: «Обвиняемые своими невероятными методами не только причинили значительный финансовый ущерб, но и подвергли величайшей опасности жизнь и здоровье своих пациентов, поскольку воспрепятствовали им воспользоваться надлежащей врачебной помощью. В одном случае, как было доказано, на них лежит вина в смерти пациентки. Семидесятидвухлетняя больная раком женщина покончила жизнь самоубийством, после того как открыла прибор, который был продан ей как абсолютно надежное лечебное средство за сто двадцать марок. Кусочек проволоки, катушка и коробка для бутербродов — вот что, оказывается, было универсальным средством, исцеляющим от самой страшной из болезней...»

УБИЙСТВО В ГОЛЛИВУДЕ

Голливуд... Он был в свое время синонимом богатства, счастья и вечной молодости. В представлении миллионов людей — это сказочные виллы, умопомрачительно дорогие ночные рестораны и сверкающие хромированным покрытием лимузины. Двести пятьдесят кинокомпаний почти тридцать лет снабжали бесчисленных обывателей иллюзиями беззаботной жизни, получая при этом миллиардные прибыли. За вполне доступную плату Джоны и Клары могли тут же, в кинотеатре за углом, сидя в скрипучих креслах, забыть обо всех печалях своей бесцветной жизни.

Однако затем пришло телевидение и стало поставлять иллюзии прямо на дом, избавив мечтателей от необходимости куда-то ходить, а Голливуд — от прибылей.

В 1958 году Голливуд находился в трагическом положении стареющей кинозвезды, которая пытается сохранить свою увядающую красоту при помощи тройного слоя косметики. Еще сияли неоновые рекламы роскошных магазинов, премьерных кинотеатров и ночных баров, еще скользили «кадиллаки» и «пакарды» по почти бесконечной ленте знаменитого Сансет-бульвара, однако весь этот блеск уже не мог скрыть, что в ресторанах и магазинах мало посетителей, а роскошные автомобили — вышедших из моды, устаревших моделей. Этой весной Голливуд походил на декорации уже отснятого фильма.

Вечер страстной пятницы... Сансет-бульвар заполнен сотнями людей, приехавших из провинции. Автобусные компании предоставили дополнительные машины для возросшего, как всегда в праздничные дни, потока туристов, и с раннего утра автобусы возят по знаменитому предместью Лос-Анджелеса экскурсионные группы.

Фермеров, рабочих-нефтяников и мелких бизнесменов из Айдахо, Висконсина и Теннесси столица кино и виллы звезд все еще очаровывают своей недосягаемостью. Они выкладывают по пятьдесят долларов за эк-

скурсию по Голливуду, за надежду увидеть живьем Мэрилин Монро, Фрэнка Синатру или Марлона Брандо.

Во второй половине дня автобус подъезжает к Беверли-Хиллз, где расположены виллы самых знаменитых киноактеров, и экскурсовод с многозначительной миной поясняет, где кто живет.

— Да, леди и джентльмены, здесь действительно собралась великая Америка, которую знает весь мир. Видите вон тот плавательный бассейн? В хорошую погоду там купается Джейн Мэнсфилд...

Люди из провинции послушно поворачивают головы и дивятся широкому зеленому газону с безлюдным бассейном посредине. Джейн Мэнсфилд нет и следа. Но они украдкой посматривают на затянутое небо, как бы в надежде, что случайный солнечный луч соблазнит даму с самым большим в Америке бюстом и она отправится купаться.

Но экскурсовод снова завладел их вниманием:

— Вилла на той стороне принадлежит Фрэнку Синатре, у него турне по Европе. А позади, видите, теннисный корт, на котором обычно тренируется Марлон Брандо. Как вы знаете, Марлон сейчас снимается в Японии. Будем надеяться, что, когда вы в следующий раз приедете к нам на экскурсию, вам повезет больше. Леди и джентльмены, слева виден великолепный дом Ланы Тёрнер.

Все головы, как по команде, повернулись в другую сторону, и перед удивленными взорами предстало удлиненное здание, окна которого были закрыты зелеными ставнями. Вилла выглядела как только что отреставрированный охотничий замок.

Человек с микрофоном дал людям в автобусе время поискать глазами самую скандально известную актрису Голливуда.

— «Милашка в свитере» с ангельскими глазами, какой вы, леди и джентльмены, знаете ее по десятку знаменитых фильмов, сейчас снимается в киностудии Голдвина-Майера в фильме «Пейтон Плэйс», сценарий которого написан по известному роману. Впрочем, зачем я вам об этом говорю? Все вы читаете газеты и знаете о головокружительной артистической карьере нашей крошки в пуловере. Лана идет по стопам Греты Гарбо и Грэйс Келли, поэтому вам, леди и джентльмены, не стоит расстраиваться из-за того, что у нее не нашлось времени

показаться вам и перемолвиться парой словечек, как это, видимо, обещали в экскурсионном бюро.

И прежде чем туристы успели выразить свое разочарование, автобус покатил дальше по роскошным улицам мимо домов очередных знаменитостей.

В конце экскурсии их высадили возле одного из дорогих ночных ресторанов, где они два часа провели в надежде сфотографировать кого-нибудь из великих.

Ждали они напрасно, и вместо Ланы Тёрнер и Джейн Мэнсфилд им пришлось довольствоваться убогим стриптиз-шоу, которое заказало для них экскурсионное агентство. Так и не увидев в Голливуде ничего, кроме декораций, садились они в автобусы, которые везли их обратно — в Айдахо, Висконсин, Теннесси...

Туристы, поздно вечером в страстную пятницу 1958 года покидавшие Голливуд, лишились не только встречи с кинозвездами... Если бы они в этот день остались у дома Ланы Тёрнер, то смогли бы стать свидетелями скандальной истории, которая ославила столицу кинематографа куда больше, чем все бракоразводные процессы до и после этого.

Было чуть за полночь, когда полицейская машина и следующая за ней «скорая помощь» с включенными мигалками и сиренами подъехали к вилле Ланы Тёрнер. Им пришлось притормозить метрах в пятидесяти от дома, поскольку обычно тихая улица была заполнена людьми, которых с трудом сдерживала дюжина полицейских. Лишь двигаясь со скоростью пешехода, полицейский автомобиль смог пробраться сквозь толпу к воротам виллы. Но здесь Клинтону Андерсону, шефу полиции Голливуда, все же пришлось выйти из машины: проезжая часть была буквально забита элегантными лимузинами.

Шериф в недоумении повертел головой. Его подняли по тревоге, так как поступило сообщение, что в доме кинозвезды произошло убийство. Но наплыв автомобилей больше напоминал обычную вечеринку.

На какое-то мгновение Андерсону подумалось, что это просто не совсем обычная, шутливая форма приглашения шерифа в качестве почетного гостя. От этих киношников можно было ожидать всего.

Поморщившись, Андерсон спросил у своего помощника Тании:

— Ну, что скажете, Боб? Это похоже на что угодно, только не на убийство. Может, Джайслер сыграл с нами шутку?

Телефонный звонок, который вынудил шефа полиции поспешить на виллу Тёрнер, был от известнейшего в Голливуде и во всей Америке адвоката Джерри Джайслера.

Боб Танни пожал плечами:

— Не могу себе такого представить, шеф. Джайслер сам был у телефона. Его голос я знаю. Такие глупости не в его духе.

— Ладно, Боб, сходите в таком случае туда, посмотрите на месте. Не хотелось бы попадаться на чьи-то дурацкие шутки.

Не успел помощник пройти несколько шагов по асфальтированной дорожке к дому, как столкнулся со знакомым репортером.

— Привет, Боб. Что, проспали? Самое время вам заявиться: еще час — и могли бы все узнать из газет.

Танни не отреагировал на насмешку:

— Что здесь, Дик? Мне позвонили всего десять минут назад. Что там случилось у «милашки в свитере»?

Прозвище «милашка в свитере» очень точно указывало на причину успешной карьеры Ланы Тёрнер. Именно тогда, когда ее как «девушку в пуловере» заметили в одном из ночных ресторанов и пригласили сниматься в кино, закончилась эпоха плоскогрудных красавиц и на экране появились первые королевы бюста. Она была предшественницей широкоэкранных сверхразмерных звезд Джейн Мэнсфилд, Мэрилин Монро, Софи Лорен, Джины Лоллобриджиды и остальных, последовавших за ними.

У Дика Ригли, внука крупнейшего в мире фабриканта жевательной резинки и репортера скандальной хроники нескольких американских бульварных газет, не было времени на долгие разговоры. Он торопился в редакцию — наборщики ждали его репортаж. Каждые полчаса, выигранные при публикации сенсационного материала, означали увеличение тиража его газеты и уменьшение — у конкурентов. Поэтому Ригли только выкрикнул на ходу:

— Поднимись наверх, и все увидишь сам!

Вилла была двухэтажной. Внизу, вокруг каминного зала, располагались несколько спален, гостиная и кабинет. На верхнем этаже, куда вела подвесная лестница — так было задумано архитекторами,— находились различные спальные и ванные комнаты; там жили Лана Тёрнер, Чэрил Крэйн, ее четырнадцатилетняя дочь от третьего брака, и очередной любовник или, такое тоже бывало, муж.

Отдуваясь и не переставая удивленно осматриваться, инспектор и его помощник взобрались по подвесной лестнице. Мимо них стремительно проскакивали обвешанные аппаратурой фоторепортеры и поспешно покидали дом.

В будуаре перед спальней кинозвезды Андерсон наткнулся на настоящую пресс-конференцию, где присутствовали практически все репортеры скандальной хроники, известные в Голливуде. Ему с трудом удалось обратить на себя внимание и пробиться к центру комнаты, наподобие восточной молельни, отделанной многочисленными коврами.

Мрачный спектакль, который здесь разыгрывался, заставил содрогнуться даже видавшего виды шерифа.

У входа в роскошную спальню из розового дерева лежал молодой черноволосый человек южного типа; его сорочка была закатана вверх и открывала на всеобщее обозрение покрытый волосами живот. Над пупком зияла колотая или резаная рана почти трехсантиметровой длины. Кровотечение уже прекратилось. О характере и происхождении раны красноречиво говорил двадцатисантиметровый нож, который лежал в нескольких шагах на антикварном комоде.

Полураздетый мужчина на леопардовой шкуре, без сомнения, был уже мертв. Шериф это понял с первого взгляда по судорожно застывшим чертам лица. Он, должно быть, умер более двух часов назад, если судить по наступившему трупному окоченению. Несмотря на изменившиеся черты, лицо сразу показалось Андерсону знакомым. Долго ему вспоминать не понадобилось. Слишком часто за последние недели это правильное, красивое лицо встречалось на разворотах газет и журналов, чтобы его не узнать. Это был последний любовник Ланы Тёрнер Джонни Стомпанато, хорошо известный полиции гангстер из банды Мики Коэна.

Из спальни, как бы в дополнение к жутковатой картине, неслись истерические рыдания Ланы Тёрнер. Она сидела на обитом шелком пуфике перед большим туалетным столиком, спрятав лицо в шелковой шали. Рядом стояла ее четырнадцатилетняя дочь, которой на вид, правда, было все восемнадцать, и, успокаивая мать, гладила ее по голове. Полные чувственные губы были плотно сжаты, словно она боялась вымолвить что-нибудь необдуманное, глаза смотрели в пустоту; казалось, она не воспринимает происходящего вокруг. У дальней стены

взад и вперед взволнованно ходила Милдред Тёрнер, пятидесятивосьмилетняя мать кинозвезды. Она натирала себе виски французскими духами: очевидно, страдала мигренью. На подоконнике, высоко задрав штанины, примостился долговязый антрепренер Ланы Тёрнер Гленн Роуз. Он курил сигарету и, похоже, совсем не был смущен случившимся.

Если бы шериф не был уверен, что сегодня страстная пятница и у него, как у Христа в этот день предпасхальной трезвости, еще не было во рту ни капли спиртного, он, наверное, подумал бы, что находится в голливудской студии во время перерыва между съемками детективного фильма.

Знакомый, с характерными интонациями, голос прервал его размышления:

— Ничего нельзя было сделать, шериф. Когда мы его обнаружили, он был уже мертв.

Андерсон неуклюже повернулся к говорившему.

Посреди будуара, оттянув большими пальцами подтяжки, стоял шестидесятилетний Джереми Джайслер, самый высокооплачиваемый и самый ловкий адвокат от Сан-Франциско до Нью-Йорка.

— Что означает «когда мы его обнаружили», мистер Джайслер? — спросил, не здороваясь, Андерсон.— Вы были здесь, когда это произошло? — Он кивнул в сторону трупа.

— Миссис Тёрнер мне сразу же позвонила, и я через десять минут приехал.

Шериф откашлялся и раздраженно проворчал:

— Было бы лучше, если бы миссис Тёрнер сначала позвонила мне.

Адвокат сделал вид, что не понимает, о чем говорит шериф:

— Одну минутку, сэр, я сейчас закончу с прессой, и мы сможем с вами поговорить.

Джайслер оставил шефа полиции стоять одного, а сам обратился к газетчикам. Однако тут же снова повернулся к нему, когда увидел, что Андерсон со словами «Ну, а я пока допрошу миссис Тёрнер» собирается войти в спальню.

— Миссис Тёрнер поручила мне давать всю необходимую информацию,— резко сказал Джайслер и уже любезнее добавил: — Через секунду я буду в вашем распоряжении.

Клинтон Андерсон саркастически усмехнулся:

— Однако следственную группу по убийствам я все-таки вызову. Полагаю, что расследование тем не менее проводить надо.

Против этого Джереми Джайслер ничего не возразил и снова повернулся к репортерам:

— Итак, джентльмены, как все здесь получилось, вы теперь знаете. Надеюсь, ваши сообщения будут объективными. На мой взгляд, речь идет об убийстве при необходимой самозащите. Чтобы защитить свою мать от нападения Стомпанато, который, кстати, девушке тоже угрожал, Черил его заколола. Думаю, мы убедим самых строгих судей в Америке, что лучше было убить этого человека, чем погибнуть от его руки. Я благодарю вас, джентльмены, за внимание...

Лишь после того, как адвокат выпроводил репортеров за дверь будуара, шериф насмешливо спросил:

— С каких это пор, мистер Джайслер, вы стали выступать с адвокатской речью до проведения судебного расследования?

Джайслер весело рассмеялся:

— Мы ведь даже не поздоровались, Андерсон. Как у вас дела? Вы злитесь, что я побеспокоил вас в такое позднее время? Мне жаль...

— А для чего вы меня побеспокоили? — язвительно спросил Андерсон.— Вы, кажется, сами уже все расследовали.

Его раздражала заносчивая манера адвоката, который обходился с ним, как со своим служащим. Он уже давно понял, что Джайслер только тогда поставил его в известность, когда обговорил все показания с участниками случившегося и проинформировал прессу.

Что здесь теперь расследовать? Джайслер давно перемешал все карты и так распределил козыри, что полиции осталось только проиграть.

— Я лишь констатировал, что произошло, мистер Андерсон, точно так же, как это сделали бы и вы.

— Конечно, мистер Джайслер. Ну а теперь, может быть, вы и меня просветите, что же здесь все-таки случилось.

— Непременно, сэр.— Джайслер подошел к двери спальни и знаком подозвал Черил.— Черил, расскажи шерифу, как было дело.

Бесцветным голосом, опустив голову, девочка-акселератка рассказала историю смерти гангстера Стомпанато так, как об этом заранее было договорено с адвокатом

Джайслером и антрепренером Гленном Роузом,— историю, которая, разойдясь несколькими часами позже по всему миру, заполнив собой все газеты и получив затем клятвенное подтверждение на суде, так никого до сих пор и не убедила.

— Я сидела в своей комнате перед телевизором. Джонни Стомпанато, с которым мама дружила уже несколько месяцев, пришел в девять часов и поздоровался со мной. Они собирались еще пойти на какой-то прием. А я смотрела детектив... Джонни пошел к маме — она еще одевалась. Около половины десятого я услышала громкий разговор. Они опять начали ругаться, как это часто бывало в последние дни. Фильм по телевизору был не очень интересный, и я подошла к маминой двери, чтобы подслушать. Вдруг Джонни закричал как сумасшедший: «Если ты меня сейчас выставишь, я тебе отомщу! Весь твой капитал — твое лицо! Я тебе его так бритвой разделаю!..»

Тут адвокат прервал рассказ:

— Он именно так сказал, Черил? «Весь твой капитал — твое лицо» и «...бритвой разделаю»?

Девушка послушно кивнула:

— Точно так он и сказал, сэр.

Шериф Андерсон закатил глаза:

— Послушайте, Джайслер, вам не надо заставлять ее повторять. Я все равно не смогу сейчас ничего проверить. Главное, чтобы она так же браво, без запинки давала показания на суде.

Адвокат воздержался от колкого замечания:

— Рассказывай дальше, Чэрил.

— Так вот, когда я это услышала, то испугалась за маму. Я побежала на кухню и взяла с холодильника нож.

— Зачем? — прервал ее на этот раз уже шериф.— Что ты хотела делать с этим ножом? Ведь достаточно было просто зайти к матери в комнату. Стомпанато наверняка бы ей ничего не сделал.

Джайслер недовольно бросил шерифу:

— Сэр, не прерывайте же ее! Она еще слишком возбуждена, чтобы выдерживать перекрестный допрос.

Задетый инспектор проворчал:

— Ну ладно, давай, рассказывай, как тебя там научили.

Чэрил в нерешительности посмотрела на адвоката. Тот успокаивающе кивнул:

— Рассказывай дальше!

— Когда я пришла сюда, в будуар, дверь в спальню была закрыта, но я услышала, как мама закричала: «Оставь меня! Я хочу, чтобы ты ушел и оставил меня в покое!» Я открыла дверь и увидела, что Джонни держит маму двумя руками за горло и душит. Тут мне уже стало все равно, что будет... Взяла и ткнула его ножом, который держала в руке.

Шериф выжидающе взглянул на девушку, как будто все еще надеялся на более подробное объяснение. Но она молчала, и Андерсон, повернувшись к убитому, показал на его обнаженный живот:

— Ты ударила его ножом в живот? Но как это возможно, если он душил твою мать, схватив руками за горло?

Здесь решительно вмешался Джайслер:

— Все детали так точно она вспомнить не может. Но миссис Тёрнер вам это расскажет. Когда Чэрил ворвалась в комнату, чтобы заступиться за мать, она в испуге кричала: «Мама, мама!» Стомпанато, который стоял спиной к двери, отпустил Лану, повернулся и увидел, что Чэрил с ножом. Он попытался защититься... Тут все и случилось!

— Ах вот оно что,— с издевкой пробурчал Андерсон.— Итак, Стомпанато сам наткнулся на нож и сделал харакири. Я вас правильно понял?

Джайслер, не моргнув глазом, сказал:

— Да, я тоже думаю, что судебный следователь, в крайнем случае, определит это как нанесение увечий по неосторожности. Убийство, случившееся в процессе необходимой самообороны, законом оправдывается. Уже одно это дает основание закрыть дело.

Слова «уже одно это дает основание» заставили Клинтона Андерсона насторожиться.

— А какие еще могут быть основания, чтобы прекратить дело, мистер Джайслер? — с подозрением спросил он.

Разглядывая свои ногти, Джайслер ответил:

— Вы забыли, что Чэрил всего четырнадцать лет, и за преступление, которое она совершила, по калифорнийским законам, ее еще нельзя привлекать к ответственности!

Шериф Андерсон оценивающим взглядом окинул смущенно стоявшую дочь кинозвезды. Он бы ей дал девятнадцать, а то и все двадцать.

— Ей всего четырнадцать лет?

— Всего четырнадцать, шериф. Судебный следователь это легко установит.

Андерсон покачал головой, подумал и подошел к телу убитого любовника. Он долго его рассматривал, что заметно разволновало адвоката.

Колотая рана, белоснежная свежевыглаженная рубашка, леопардовая шкура, на которой не было ни малейшего пятнышка крови,— все свидетельствовало против рассказа девушки.

Если бы дело было так, как его хотела представить Чэрил, то на одежде Стомпанато имелись бы соответствующие следы. Однако сорочка и брюки не были ни повреждены, ни запачканы кровью. У Андерсона появилась уверенность, что они были надеты на Джонни уже после смерти. Мертвое тело, похоже, аккуратно уложили на леопардовую шкуру, так как на ней не было заметно никаких складок.

Андерсон достал карандаш из кармана своего фирменного кителя и протянул его Чэрил:

— Вот, покажи-ка мне, как ты его заколола.

— Протестую! — тотчас воскликнул Джайслер и, как бы защищая девушку, стал перед ней.— Это жестоко. Чэрил вообще сейчас нельзя допрашивать, разве вы не видите?! Я решительнейшим образом протестую против таких методов расследования. Она искренне призналась во всем. Пока этого вам должно быть достаточно.

Шериф спрятал карандаш обратно:

— Ну хорошо, Джайслер, если вы так заботитесь о ребенке, не могли бы тогда вы мне объяснить, как это получилось, что нигде нет ни малейшего следа крови. Если судить по ране, рубашка и шкура должны быть в крови. Что вы скажете по этому поводу?

— Я не судебный эксперт, шериф.

— Я тоже, Джайслер, однако ответ мне известен: Стомпанато убили не здесь, а в другом месте комнаты...— Андерсон сделал паузу и подошел к пышной кровати, покрытой шелковым стеганым одеялом нежно-зеленого цвета.— Например, здесь, когда он раздетый лежал в постели и, возможно, отсыпался после пьянки. Если его в таком положении убили, а уж потом перенесли на шкуру, то, естественно, следов крови на ней не будет.

Шеф полиции решительно сдернул одеяло с кровати в надежде обнаружить там пятна крови. Постельное белье было белоснежным...

— Ну как, нашли кровь? — с иронией спросил Джайслер.

Шериф опустил одеяло и разочарованно проговорил:

— Кровать за это время можно было застелить свежим бельем. Похоже, так оно и есть.

— Шериф, зачем вам нужно обязательно усложнять всю эту историю?! Я ведь уже и прессе растолковал, как все произошло... Вы что, непременно хотите этот трагический случай еще больше драматизировать?

На этот раз в словах адвоката прозвучала не ирония, а скрытая угроза.

— Я должен получить доказательства вины преступницы, сэр.

— Но у вас же есть ее признание, шериф. Это самое убедительное из всех доказательств!

Андерсон бросил на адвоката взгляд, которым будто говорил: «Кончай ты это, с меня хватит! Хорошо говорить о признании четырнадцатилетней девочки, зная, что она за свое преступление не несет ответственности. Меня ты на этом не проведешь!»

Антрепренер Ланы Тёрнер, который до сих пор безучастно сидел на подоконнике, решил наконец прервать свое молчаливое наблюдение за спорящими. С надменной небрежностью он обратился к Андерсону:

— Сэр, меня удивляет предубежденность нашей полиции. Кто вам дал право передергивать факты и превращать столь трагическое происшествие в скандальную историю? Почему вы так хотите, чтобы мужчина был убит именно в постели миссис Тёрнер? Может, вам платит какой-нибудь грязный журнальчик, а?

Андерсон с трудом сдержался. Он с удовольствием дал бы этому фату по физиономии, но знал, что с ним опасно связываться, так как за его спиной стояли могущественные кинокомпании. Поэтому он только осторожно ответил:

— Я вовсе не хочу ничего передергивать.

— Нет, вы хотите поднять шумиху вокруг опрометчивого поступка молоденькой девушки, продиктованного отчаянием и страхом за жизнь своей матери. Разве не так?

— Послушайте, молодой человек. Я не репортер, а полицейский. Я пытаюсь выяснить, что здесь произошло, и больше ничего!..

— Но ведь вам уже все рассказали.

Отповедь Андерсона прозвучала резче, чем ему хотелось:

— Выслушивание заученных на память историй не

есть установление фактов. Обстоятельства противоречат этому мнимому признанию. Если Стомпанато был зарезан спящим в постели — значит, никакой ссоры между ним и миссис Тёрнер не могло быть и Чэрил не могла слышать никаких криков. Следовательно, девушка не приходила в спальню и не убивала Стомпанато. Неужели это так трудно понять?

Гленн Роуз хватанул воздух ртом:

— Итак, вы утверждаете, что миссис Тёрнер совершила коварное убийство, да? — Он в возбуждении повернулся к адвокату: — Мистер Джайслер, вы это слышали?

Адвокату подобное кликушество антрепренера показалось излишним, и коротким взглядом он призвал его замолчать. Затем обратился к шерифу:

— Мистер Андерсон, вы установили, что Стомпанато был убит в постели?

— Еще нет, однако...

— Вы это только предполагаете?

— Да, но...

— Вы только что сами дали понять, что ваша задача устанавливать факты, а не высказывать предположения.

Андерсон прикусил губу:

— Не цепляйтесь к словам, Джайслер.

— И тем не менее я вынужден выступить против вашего участия в расследовании этого дела. Я немедленно свяжусь с управлением полиции.

Джайслер оставил шерифа стоять, как нашкодившего школьника, а сам вышел в соседнюю комнату и позвонил прямо на дом начальнику управления полиции Лос-Анджелеса.

Через пять минут Джайслер пригласил шерифа к телефону. От своего высшего начальства Андерсон получил приказ, не откладывая, передать дело уголовной полиции Лос-Анджелеса и немедленно связаться с лейтенантом Тэйлором.

Таким образом, Андерсон вместе со своим помощником вынужден был покинуть виллу ни с чем. Следственная группа из Лос-Анджелеса прибыла только утром. В распоряжении Джайслера оставалась целая ночь, чтобы устранить последние следы, которые могли бы поставить под сомнение версию Чэрил.

Кто же такой этот всесильный Джереми Джайслер, который руководил высшими полицейскими чинами как служащими собственной конторы?

Адвокат, мастерски владеющий своим ремеслом и, как циркач, жонглирующий параграфами законов? Однако таких юристов в Америке тысячи, и только это не позволило бы ему стать адвокатом кинозвезд. Джайслер выделялся среди коллег не только изворотливостью; прежде всего — он знал больше других. Его тридцатипятилетняя адвокатская карьера, которую он начал провинциальным нотариусом в Атланте, проходила под девизом: «Джайслер отмоет любую репутацию». Сначала он занимался делами о неплатеже налогов, что, по статистике, является самым распространенным преступлением в Соединенных Штатах. В это время он свел знакомство сперва с мелкими жуликами, затем — с более крупными и наконец — с настоящими финансовыми акулами. Здесь он получил знания о махинациях в мире большого бизнеса, представителей которого породнила неутолимая жажда денег и власти. Джайслер вел их дела и поэтому многое узнавал: кто кому дал взятку, какой сенатор от какого стального магната зависит, кто из главарей мафии «сделал» такого-то шефа полиции... Зачастую понять, кто является владельцем сталеплавильных заводов, а кто боссом гангстеров, можно было только из документов, которые Джайслер хранил в своем офисе. В начале карьеры он брался за дела крупных мафиози и спасал их от электрического стула, который грозил им за контрабанду спиртного, торговлю наркотиками, а нередко — за убийства и бандитизм. Шло время, и они стали уважаемыми в обществе людьми — членами наблюдательных советов и управлений трестов, владельцами контрольных пакетов акций кинокомпаний, судовладельческих фирм и газетных концернов. На бирже никто не спрашивал, откуда у них деньги, когда они по сниженному курсу скупали акции. А в Америке тот, кто владеет контрольным пакетом акций промышленных трестов и газетных концернов, держит в своих руках и политику, и экономику, и суд, и полицию... Ни ФБР, ни какие-либо другие правительственные органы никогда не проверяют, в чьих сейфах скапливаются акции, до тех пор, пока их владелец исправно платит налоги. Джайслер из года в год, от процесса к процессу все больше узнавал о тайных пружинах власти и умело использовал эти знания. Так он сам стал одним из сильных мира сего. В этом был секрет его карьеры, во многом такой же, как у его клиентов.

Перед историей с Ланой Тёрнер Джайслер спас от электрического стула влиятельнейшего продюсера, генерального директора компании «Парамаунт» Уолтера

Уэнджера. Уэнджер, женатый в пятый или шестой раз, застрелил антрепренера своей жены, потому что застал их в недвусмысленной ситуации. Тогда Джайслер не успел так своевременно прибыть на место происшествия, как позднее в случае с плейбоем Ланы Тёрнер, и поэтому не смог замести следы убийства, чтобы придать судебному расследованию выгодное для него направление. Уэнджер был арестован и обвинен в убийстве. Казалось, его судьба решена. Джайслер взялся защищать Уэнджера уже в ходе процесса, когда другой адвокат сложил свои полномочия, так как потерял всякую надежду выиграть дело. И хотя преступление Уэнджера было установлено и прокурор настаивал на смертной казни, Джайслер потребовал оправдательного приговора, поскольку обвиняемый, мол, действовал в пределах необходимой самообороны. Веселое оживление в зале, вызванное этим абсурдным заявлением, постепенно затихло, когда адвокат начал обосновывать свою точку зрения. Убитый раньше принадлежал к одной из гангстерских группировок и был не раз замешан в историях с убийствами. Правда, ни разу не удалось доказать его непосредственное участие в этих убийствах, однако он был хорошо известен как отъявленный головорез, который ляжет спать скорее без пижамы, чем без своего кольта. Джайслер предъявил ошарашенным присяжным две связки папок с протоколами судебных заседаний, на которых в убийстве обвинялся сам убитый, и только благодаря адвокатским уловкам Джайслера избежал длительного срока заключения.

Теперь, когда его клиент был мертв — что освобождало адвоката от предписанного служебным долгом обета молчания,— Джайслер мог, ничего не опасаясь, раскрыть подлинное лицо убитого. В своей речи он сказал: «Дамы и господа присяжные заседатели! В данной ситуации мой подзащитный был поставлен в безвыходное положение. Он вынужден был считаться с тем, что его противник, матерый гангстер, снова схватится за оружие, как уже не раз бывало в его бурной жизни. И он его опередил. Он выстрелил первым, чтобы самому не оказаться убитым. Он только спасал свою жизнь!»

Однако лиса Джайслер полагался не только на свою защитительную речь, он «содействовал» судебному расследованию и по-другому. Трое из присяжных заседателей были когда-то его клиентами. Эти бизнесмены составляли балансы своих предприятий таким образом,

чтобы утаить от финансовых органов часть доходов. Джайслер спас их от длительного тюремного заключения, которое предусматривает американское законодательство за подобный обман. Утром, когда присяжные заседатели удалились на совещание для вынесения приговора по делу Уолтера Уэнджера, трое из них получили анонимные письма с угрозами разоблачить их собственную преступную деятельность, если они вынесут обвинительный приговор. При тайном голосовании, которое решало, признать Уэнджера виновным или нет, три голоса были против; они-то и спасли продюсера от смертного приговора. Благодаря беззастенчивым махинациям своего защитника, Уолтер Уэнджер отделался всего лишь четырьмя месяцами заключения за превышение пределов необходимой самообороны.

Когда вечером в страстную пятницу антрепренер Гленн Роуз узнал о неприятности на вилле Ланы Тёрнер, именно Джереми Джайслера выбрал наблюдательный совет «Метро Голдвин — Майер корпорэйшн» для деликатного поручения, связанного с убийством Стомпанато. Руководителей этой крупнейшей американской кинокомпании меньше всего волновала судьба одной из звезд — под угрозой был их бизнес: Лана Тёрнер играла главную роль в фильме «Пейтон Плэйс», на который ушло семь миллионов долларов. Это была экранизация романа о жизни маленького провинциального городка, как бы подсмотренной в замочную скважину. Под покровом внешней благопристойности обывательскую среду, как раковая опухоль, разъедали всевозможные пороки. Некая добропорядочная домохозяйка, постоянно подслушивая и подсматривая за соседями, решила описать все, что таким образом узнала, и предложила результаты своего писательского труда в качестве дневника одному издательству. Роман, состряпанный редакторами по горячим следам, в течение нескольких месяцев стал бестселлером; его тираж достиг шести миллионов экземпляров. Причиной такого успеха были не литературные качества книги, а обилие в ней скабрезностей и непристойностей. Экранизируя эту печатную порнографию, «Метро Голдвин — Майер корпорэйшн» надеялась на финансовый успех, особенно необходимый и желанный перед угрозой наступающего телевидения...

Председатель наблюдательного совета Льюис Б. Майер пригласил на главную роль Лану Тёрнер не столько из-за ее артистического дарования, сколько из-за того,

что именно она, как никто другой, олицетворяла противоречивую сущность американских моральных ценностей. Будучи в течение двадцати лет известнейшей, и в скандальном плане тоже, кинозвездой, Лана постоянно попадала на первые страницы популярных газет и журналов из-за своих бракоразводных процессов и историй с любовниками. Ее называли «женщиной с невинными глазами и кучей пороков», а Эльза Максвелл, пользующаяся особой любовью у сплетниц, писала: «Рядом с мужчинами, окружавшими Лану, Иностранный легион выглядел бы безобидным союзом бойскаутов».

Лана Тёрнер никогда не думала не гадала, что придет время и ее имя станет красоваться на афишах. Она родилась 8 февраля 1920 года в штате Айдахо. Отец занимался контрабандой алкогольных напитков. С десяти лет Лана воспитывалась в детском приюте: отца убили во время его подпольных операций, а мать была слишком охоча до легкой жизни и развлечений, чтобы возиться с ребенком. Годы, проведенные в детском приюте, были самыми тяжелыми в жизни Ланы. В четырнадцать лет она удрала оттуда и стала зарабатывать на жизнь стриптизом в ночных клубах Лос-Анджелеса. Там через два года ее нашел Льюис Б. Майер и взял сниматься в кино. В то время, после эпохи Греты Гарбо, Лилиан Харвей и Марлен Дитрих, публика требовала чего-нибудь более «существенного».

В шестнадцатилетней девушке с роскошными формами Майер предугадал нового идола женской красоты и сделал из Ланы первую пышногрудую королеву американского кино. Успех показал, что он не ошибся. Хотя Лана Тёрнер как актриса не могла предъявить ничего, кроме соблазнительных округлостей, миллионы кинозрителей пленились «милашкой в свитере». Слава, достигнутая столь быстро, еще быстрее изменила ее личную жизнь. Она сама как-то сказала по этому поводу: «Уж больно я люблю ночные клубы, заводную музыку, яркий свет и особенно мужчин». Когда ее любовные связи стали в Америке главной темой дня, а газеты начали писать о ее похождениях больше, чем о киноролях, ее «создатель» и проявляющий отеческую заботу друг Льюис Б. Майер настоял, чтобы она превратилась в скромную домохозяйку и любящую мать.

Лана и здесь выказала завидное усердие: пять раз выходила она замуж и, как требовалось, в 1943 году произвела на свет девочку Чэрил. Биржевой маклер Стив

Крэйн подарил ей свое имя и шесть месяцев вольной холостяцкой жизни. Однако ни ребенок, ни пятикратное замужество не могли сдержать необузданного нрава Ланы. После пятого развода она сказала: «Я больше никогда не смогу полюбить мужчину...» — и тотчас последовала целая серия любовных интриг, за которую пресса прозвала ее «современной Мессалиной». Все эти годы воспитанием бедной Чэрил занимались няни да служанки. Время от времени ей позволялось пару дней пожить с матерью, но и тогда она не чувствовала материнской ласки. На бесконечных вечеринках и приемах ее, как красивую куклу, передавали из рук в руки, затем она послушно делала книксен и исчезала, чтобы не мешать компании, собравшейся у матери.

В конце концов, когда Чэрил исполнилось одиннадцать лет, ее отдали в интернат. Три последующих года она не видела матери.

А тем временем Лана в своем моральном падении опустилась на самое дно. Пресытившись доступными в ее среде удовольствиями, она стала искать знакомств в уголовном мире. Из ночи в ночь слонялась она по известным своей дурной славой полуподпольным ресторанам, пока не познакомилась наконец с Мики Коэном, главарем банды, которая занималась торговлей наркотиками и содержала в Калифорнии игорные притоны и бордели. Телохранителем у Коэна был 26-летний сицилиец Джонни Стомпанато. Все в Голливуде знали, за счет чего он живет: влюбляя в себя состоятельных женщин, он выведывал их сокровенные тайны, а затем шантажировал их. Лана Тёрнер вскоре тоже узнала об этом, что, однако, не помешало ей завязать с ним близкие отношения. В первый же вечер знакомства она незаметно сунула ему записку с номером телефона и приглашением: «Позвони мне, я хочу тебя поцеловать». Любовная связь с отпетым гангстером взбудоражила весь Голливуд. Но Лану это нисколько не волновало.

«Что из того, что он гангстер? Зато он бесподобный любовник»,— с улыбкой пояснила она репортеру, который спросил о ее отношениях со Стомпанато.

Из-за скандала, вызванного предосудительным знакомством Ланы с преступным миром, ее имя снова появилось у всех на устах, а «Метро Голдвин — Майер корпорэйшн» опять проявила к ней интерес. Для скандального фильма нужна была скандальная кинозвезда. На экран надо было выплеснуть что-то из ряда вон выходя-

щее, шокирующее, чтобы добиться кассового успеха.

Вот так Лана Тёрнер получила главную роль в фильме «Пейтон Плэйс» и контракт на двести тысяч долларов.

Опытный киноделец Льюис Б. Майер не прогадал. За последние несколько лет в Америке не было такого прибыльного фильма, как «Пейтон Плэйс». Количество зрителей на тридцать процентов превысило самые смелые прогнозы; только в Соединенных Штатах любители кино, чтобы посмотреть картину, выложили 21 миллион долларов. Более того, фильмы прошлых лет с участием Ланы Тёрнер пошли в повторном прокате и принесли больше прибыли, чем при первом показе.

Однако за все это «Метро Голдвин — Майер корпорэйшн» должна была благодарить адвоката Джереми Джайслера.

Сегодня в Америке никто не сомневается, что гангстера Джонни Стомпанато убила Лана Тёрнер. Убила из ревности, когда до нее дошло, что, пока она была занята в киностудии, он обучал искусству любви ее уже оперившуюся дочь. Через год в переписке убитого обнаружили любовное письмо четырнадцатилетней девушки, которое не оставляет никаких сомнений в характере ее взаимоотношений с любовником матери. Вот это письмо: «Джонни, любимый! Когда ты снова придешь ко мне? Мои волосы уже отросли и достают до плеч. Ты ведь так хотел? Сегодня я их завила и связала в пучок по-французски, как тебе нравится. Все, что я делаю,— это только для тебя. Приходи скорей. Я люблю тебя и не могу без тебя жить. Всегда твоя Чэрил».

Убежденность в том, что Лана Тёрнер является убийцей Стомпанато, высказал также гражданский суд Лос-Анджелеса, когда в него обратились родственники убитого с иском к кинозвезде. Суд определил, что актриса должна выплатить пятьдесят тысяч долларов, так как «ответчица была виновна в неестественной смерти Стомпанато».

Однако через несколько недель после убийства совсем другой суд под председательством почтенного судьи Алана Т. Линча решал, могла ли убить Стомпанато дочь Ланы Чэрил. От этого зависело, будет ли отправлена в исправительное учреждение четырнадцатилетняя девушка, которая по возрасту не подлежала наказанию за убийство. Линч так определил позицию суда: «Стомпанато был убит обвиняемой, в этом суд убежден. Но он также убежден и в правоте адвоката Джайслера: то, что

произошло вечером страстной пятницы в доме Ланы Тёрнер, было необходимой самообороной».

Джереми Джайслер оправдал оказанное доверие. Суд разыграл те козыри, которые он выдернул, когда перемешивал карты на месте преступления. В выигрыше оказалась «Метро Голдвин — Майер корпорэйшн», которая потеряла бы свою прибыль в 21 миллион долларов, если бы Лану Тёрнер отправили на электрический стул или в газовую камеру. А что касается четырнадцатилетней девочки, то какое дело владельцам акций до того, что она всю жизнь должна будет покрывать мать-убийцу. Доллар — вот закон, которому подчиняется все. Когда Чарли Чаплин, измученный этой моралью, покидал Голливуд в поисках новой родины, он сказал: «Прощай, мир размалеванных мертвецов, я попытаюсь снова вернуться к жизни...»

СМЕРТЬ МАРИИ РОЗАЛИИ НИТРИБИТТ

О смерти салонной проститутки Марии Розалии Нитрибитт, прозванной Розмари, стало известно утром 2 ноября 1957 года из помещенного в газетах сообщения полиции. «Убита Белокурая Розмари!» — гласили заголовки, а под ними можно было прочитать: «24-летняя звезда ночной жизни Франкфурта по прозвищу Белокурая Розмари найдена задушенной в своей новой шикарной квартире по Штифтштрассе, 36. Полиция полагает, что преступление было совершено три дня назад. Эта миловидная женщина, называвшая себя в телефонном справочнике манекенщицей, разъезжала в черном спортивном «мерседесе» с красной кожаной обивкой и в ночное время принимала у себя мужчин».

Никто и не подозревал, что с этого короткого, в несколько строк, сообщения начнется одно из самых сенсационных в истории западногерманской криминалистики уголовных дел, грозящее крупнейшим скандалом, что сотни богатейших и авторитетнейших промышленников, бизнесменов и дипломатов на долгие месяцы лишатся сна, что федеральному правительству придется вмешиваться в съемки фильма о жизни и смерти Марии Нитрибитт, что один из иллюстрированных журналов, который объявит о собственном расследовании убийства, уже через несколько номеров вынужден будет прекратить публикации об этом.

Даже пятеро сотрудников франкфуртской комиссии по расследованию убийств во главе с обер-комиссаром Мёршелем, съевшим зубы на подобных преступлениях, поначалу не увидели в этом деле ничего, кроме обыкновенного убийства проститутки; в этом году они уже работали над тремя такими убийствами, причем одно из них раскрыли.

Тревогу подняла приходящая уборщица Марии Нитрибитт, 52-летняя безработная актриса Эрна Крюгер. Из ее слов выяснилось следующее.

В пятницу, 1 ноября, за несколько минут до пяти часов вечера, Эрна Крюгер позвонила в дверь просторной квартиры в доме на Штифтштрассе, 36, куда год назад въехала Нитрибитт. Делала она это не без некоторого колебания. Дело в том, что во вторник, 29 октября, Нитрибитт ее уволила. Эрна, вытирая пыль, разбила вазу, и по этому поводу между ней и ее чрезвычайно скупой работодательницей произошла крупная ссора.

Однако Крюгер не хотела терять хорошо оплачиваемого места и поэтому через три дня с новой вазой и букетом цветов пришла к Нитрибитт извиняться. Она трижды позвонила, но Рози, как накоротке звала Эрна Марию Нитрибитт, так и не открыла. Из квартиты доносился только жалобный скулеж белого пуделя Шовинга. Эрну охватила необъяснимая тревога. Трудно было поверить, чтобы Рози, которая баловала пуделя, как ребенка, и днем без него никогда не выходила из дому, вдруг оставила его взаперти.

Однако полная уверенность, что произошло нечто из ряда вон выходящее, появилась у Эрны тогда, когда в нише возле двери она увидела три бутылки с молоком и три пакета с булочками. Марии Нитрибитт каждое утро прямо на квартиру доставляли бутылку молока и свежие булочки. Значит, уже три дня она не входила в квартиру или не покидала ее.

Эрна Крюгер знала об образе жизни хозяйки квартиры, да Нитрибитт и не собиралась скрывать от нее своего ремесла. Эрна не раз предостерегала ее: «Будь осторожна с этими мужиками. Ты ведь даже толком не знаешь, кого тащищь к себе в квартиру».

Рози только смеялась над ее опасениями и хвасталась, что ее клиентура состоит из богатейших мужчин Германии.

Когда из-за двери опять раздался жалобный вой пуделя, Эрна больше уже не могла оставаться в бездействии. Она поспешно спустилась вниз и у парадных дверей столкнулась с молодым человеком, который жил двумя этажами ниже Рози. В возбуждении она сообщила ему о своих наблюдениях. Молодой человек попытался ее успокоить, а затем, отправив Эрну присматривать за дверью квартиры Нитрибитт, позвонил в полицейский участок.

Полчаса спустя прибыла радиофицированная патрульная машина и привезла слесаря. Через минуту дверь была взломана. В конце длинного, восьмиметрового кори-

дора находилась дверь в жилые комнаты. Она была полуоткрыта. Неприятный сладковатый запах ударил в нос вошедшим полицейским.

Старший патруля шесть лет служил в армии и хорошо знал этот запах по войне. Так пахли разлагающиеся трупы.

Чтобы разобраться, что же произошло в комнате, полицейскому пришлось включить свет: плотные шторы на окнах были задернуты. Его цепкий взгляд лишь скользнул по комнате, обставленной стилизованной под старину мебелью. На кушетке лежало безжизненное тело женщины.

Она была одета в костюм; правая рука вытянулась в сторону маленького столика, на котором стоял белый телефонный аппарат.

Полицейский снова прикрыл дверь — так, как она была, когда он вошел в квартиру. В круг его обязанностей проведение расследования не входило. Женщина, которая лежала на кушетке, была, бесспорно, мертва. Как и почему она умерла, убийство это или самоубийство — все это будет выяснять уголовная полиция.

На лестничной площадке старший патрульный в качестве часового оставил своего коллегу. Эрне Крюгер он лишь сказал: «Останьтесь здесь с вахмистром и подождите, пока приедет уголовная полиция. Вы будете нужны как свидетель» — и загромыхал в своих тяжелых ботинках вниз по лестнице.

Когда после шести часов на Штифтштрассе наконец появились оба «фольксвагена» комиссии по расследованию убийств, перед входом в дом уже собралось более сотни любопытствующих и репортеров. Два полицейских с трудом сдерживали их попытки проникнуть на лестницу.

Маленький нервный обер-комиссар Мёршель буквально проложил дорогу через толпу для себя и своих коллег, нагруженных сумками и фотоаппаратурой. Уже на нижней лестничной площадке Мёршель почувствовал неприятный сладковатый запах. Принюхиваясь, потянул носом. «Наверняка уже несколько дней»,— сказал он идущему следом обер-комиссару Брайтеру. При этом с сомнением покачал головой, что, видимо, должно было означать: трудно будет работать.

Комиссия по расследованию убийств состояла из пяти человек: руководителя комиссии обер-комиссара Мёршеля, его заместителя обер-комиссара Брайтера,

двух более молодых криминалистов и полицейского врача доктора Вегенера.

Когда все пятеро вошли в комнату, где лежал труп, у них заняло дыхание от необычайной духоты и удушливого запаха разложения. Брайтер подскочил к шторе, отдернул ее и открыл широкую створку окна. Доктор Вегенер отыскал вентиль центрального отопления и полностью закрутил его.

Обер-комиссар Мёршель между тем склонился над мертвым телом, потеряв, правда, при этом шляпу, которую по старой привычке сдвинул на затылок. Один из молодых сотрудников поспешно поднял ее, вынес в коридор и аккуратно повесил на крючок вешалки. Он и не предполагал, какую путаницу внесет этим в расследование. Когда через полтора часа шеф комиссии покидал квартиру, оставив подчиненных заниматься осмотром, то забыл о своей шляпе. Дальше все получилось, как в комедийном детективе: головной убор комиссара Мёршеля попал в список предметов, найденных на месте преступления, и на первом этапе расследования стал объектом следственных действий.

«Ее, должно быть, оставил последний посетитель Нитрибитт, который, вероятно, и является убийцей»,— сделал вывод сообразительный комиссар Брайтер. Он велел сфотографировать шляпу своего начальника, похожую, кстати, на сотни других, и передал снимок прессе, чтобы при помощи общественности получить какие-нибудь сведения о владельце шляпы. Позднее, если бы мог, он с удовольствием надавал бы себе за это по физиономии.

На следующий день в комиссию поступило 256 сообщений. За два дня, не покладая рук, полицейские проверили 116 из них, и только тогда законному владельцу головного убора пришло в голову, что шляпа, с которой возятся коллеги, его собственная.

Промашка со шляпой обер-комиссара была далеко не единственной ошибкой сотрудников комиссии во время осмотра места преступления. Чтобы установить время смерти, необходимо было зафиксировать температуру воздуха в комнате. Степень разложения трупа в соотнесении с царящей в помещении жарой позволяла судебному врачу точно установить, когда наступила смерть обнаруженной женщины.

Однако первое, что сделал обер-комиссар Брайтер, это широко открыл окно комнаты и впустил холодный ноябрьский воздух. Прошел почти час, пока он сообра-

зил, что надо измерить температуру. Кроме того, пока полицейские осматривали квартиру, Эрна Крюгер опустошила бутылки с молоком и пакеты с булочками, оставленные, по ее словам, возле двери. Как она выразилась, выпить молоко и съесть булочки ее заставило волнение. Таким образом, теперь уже не было точных доказательств, указывавших на то, что прошло три дня со дня смерти Нитрибитт. Ведь пустые бутылки она могла выставить перед дверью сама — даже утром 1 ноября. О том, что домработница по каким-то причинам могла давать ложные показания, в тот момент никто не подумал. Поэтому обер-комиссар не придал всей этой истории большого значения. Тем не менее в дальнейшем расследовании убийства Марии Нитрибитт эта ошибка сыграла, пожалуй, решающую роль.

Осмотр места преступления проходил в обычном порядке. Труп Нитрибитт и обстановка в комнате, как и требуется, были сфотографированы с разных точек обзора. Обер-комиссар Мёршель сразу же сделал соответствующие выводы. Убитая была полностью одета, в костюме — значит, речь шла не о половом преступлении. Дорогой персидский ковер, который лежал на полу перед кушеткой, был сдвинут в сторону, а кресло в стиле чиппендель* опрокинуто — следовательно, между убийцей и его жертвой произошла ожесточенная схватка. Об этом также говорили открытая рана на затылке убитой и протянутая к телефону рука.

После фотографов за дело взялись специалисты по отпечаткам пальцев. Они добыли богатые трофеи, и среди них те, которые впоследствии стали важнейшими уликами. На кухне криминалисты обнаружили рюмку и бутылку из-под спиртного иностранного производства. В то время как на рюмке отчетливо просматривались отпечатки пальцев того, кто из нее пил, на бутылке не было ни малейшего следа. Скорее всего, ее поверхность тщательно протерли.

Роскошь, хотя и с налетом безвкусицы, с которой была обставлена квартира, привела Брайтера к мысли, что преступник пошел на убийство ради находящихся здесь ценностей. Но шеф тут же заставил его усомниться в правильности подобного вывода. Без долгих поисков обер-комиссар Мёршель снял с полки для пластинок шкатулку с тремя золотыми браслетами и кучей дорогих

* Стиль английской мебели XVIII века.

колец. Поначалу на Брайтера это не произвело особого впечатления:

— Если был опытный преступник, то он знал, что сбывать драгоценности слишком опасно, да и получить за них он мог разве что десятую часть реальной стоимости. Нет, этот тип искал наличные!

В ответ Мёршель показал ему сумочку из крокодиловой кожи — она сама стоила около тысячи марок — и, открыв ее, вытащил целую кипу мятых банкнот разного достоинства.

— Почему же он тогда это оставил? Ведь здесь не меньше трех тысяч марок!

— Может, в спешке не обратил на нее внимания. Кому придет в голову, что в дамской сумочке могут быть такие деньги?

— Ну нет, Брайтер, у преступника было достаточно времени, чтобы обыскать всю квартиру. А сумочка к тому же лежала прямо вот здесь, в кресле...

— Возможно, он нашел что-нибудь настолько ценное, что больше уже ничего и не искал. Здесь прямо-таки пахнет деньгами.

Мёршель покачал головой и передал сумочку на хранение одному из сотрудников. Он хорошо знал своего заместителя и понимал, что, если Брайтер что-нибудь возьмет в голову, его уже трудно будет переубедить.

Пока Брайтер, явно обиженный, молча продолжал обследовать комнату, Мёршель решил осмотреть всю квартиру. Комнаты располагались так, что он сразу попал в спальню. Открыв дверь, обер-комиссар застыл в удивлении: огромная французская кровать стояла посредине и занимала больше половины всей комнаты. Она была застелена голубым парчовым покрывалом, и казалось, что ею уже много дней не пользовались.

Справа от кровати, на невысокой тумбочке, рядом с белым телефоном, стояла фотография в дорогой, отделанной красным сафьяном, рамке. Этот снимок с изображением мужчины сразу же заинтересовал Мёршеля. Лицо казалось знакомым, хотя он и не мог вспомнить, откуда его знает. Чтобы внимательнее рассмотреть, обер-комиссар направился к тумбочке, но был остановлен яростным собачьим лаем. Белый пудель забился под кровать и, увидев приближающиеся ноги, начал возбужденно тявкать.

Мёршель нагнулся, вытащил пса из-под кровати и, держа на руках, попытался успокоить его, а затем вынес

в коридор и отдал дежурившему там полицейскому.

Вернувшись в спальню, обер-комиссар обследовал пол в поисках следов, которые подсказали бы, как долго оставался пудель закрытым в комнате.

Однако, как ни старался, он не обнаружил ни малейшей лужицы, оставленной собакой. Не придавая еще этому курьезному факту особого значения, Мёршель продолжил осмотр спальни. Фотография на ночной тумбочке приковала его внимание. Он был уверен, что знает человека на снимке, но никак не мог вспомнить, кто он такой. Наверняка кто-нибудь из тех, кого видел на страницах газет,— спортсмен, киноактер или политик... Но именно в этот момент в голову ничего не приходило. Несколькими минутами позже он все же установил его личность: в выдвижном ящике тумбочки лежал маленький изящный блокнот-календарь с десятком фамилий, половина из которых часто появлялась в газетах. Среди них — и фамилия мужчины на фотографии.

Эта маленькая, неприметная записная книжка, снимок в дорогой рамке и еще несколько десятков найденных в спальне фотографий мужчин, как говорится, в расцвете лет — все это превращало смерть проститутки Нитрибитт из заурядного убийства в скандальную историю с сильным общественно-политическим привкусом.

Невзрачный внешне, обер-комиссар был неглупым и честолюбивым человеком. Он обладал хорошим политическим чутьем и достаточной дальновидностью, чтобы сразу сообразить, какие взрывоопасные материалы оказались в его руках. Если правильно их использовать, то они помогут ему подняться по служебной лестнице — до главного инспектора, до шефа уголовной полиции, а то и до министра... С другой стороны, если сделать ошибку, проболтаться где-нибудь, допустить сюда прессу, общественность, то можно поплатиться карьерой.

Поэтому из записной книжки, снимка с ночной тумбочки и найденных фотографий Мёршель сделал что-то вроде государственной тайны. Он всего лишь проинформировал своего заместителя, что изъял в спальне записную книжку, снимок в дорогой сафьяновой рамке и картонную коробку с двадцатью пятью фотографиями, предположительно, знакомых убитой.

Медлительному Брайтеру было достаточно, чтобы найденные вещи заносились в протокол, а остальное... Он даже рад был, что шеф взял на себя часть работы.

— Ну что, вы пока обойдетесь без меня? Я хочу

подскочить в управление: директор Кальк ждет доклада,— сказал Мёршель и неожиданно для всех, распрощавшись, поспешно покинул квартиру.

Брайтер только позже понял, почему его начальник так торопился к директору Кальку, шефу уголовной полиции Франкфурта. А в этот вечер, 1 ноября, он лишь угрюмо пробурчал:

— Чего ему надо от старика? Да и того наверняка уже нет на месте...

Однако спешащий руководитель комиссии был остановлен Эрной Крюгер, в нетерпении ожидавшей на лестничной площадке. Вне себя от возмущения, она преградила ему дорогу:

— Послушайте-ка, господин комиссар! Это же ни на что не похоже! Вы уже больше часа заставляете меня торчать на этой холодной лестнице. Знаете, это уж слишком...

Мёршель остановился:

— Извините, а кто вы, собственно, такая?

— Благодаря мне открылось убийство фройляйн Нитрибитт,— сказал Эрна Крюгер с такой гордостью, будто совершила патриотический поступок.

Яркие вспышки заставили обер-комиссара обернуться. На ступенях ведущей вниз лестницы расположились с полдюжины фоторепортеров; они не могли упустить случая запечатлеть на пленке шефа комиссии по расследованию убийств вместе с той, которая одно из убийств обнаружила. Закрывая лицо руками, Мёршель раздраженно напустился на них:

— Пожалуйста, господа, немедленно прекратите снимать! Или я прикажу конфисковать все ваши пленки.

Газетчики, не обращая внимания на его слова, продолжали щелкать затворами фотоаппаратов; они убрались с лестницы только тогда, когда дежуривший перед квартирой вахмистр применил силу и вытолкал их вниз, выбив при этом из рук одного репортера фотокамеру. Мёршель тем временем взял под руку домработницу и провел в маленькую кухню квартиры Нитрибитт.

— Так это вы обнаружили убитую? — удивленно спросил он.

Эрна Крюгер утвердительно кивнула, оживилась и рассказала, почему пришла сюда, сколько раз звонила в дверь, как сразу стала подозревать что-то ужасное и что неоднократно предостерегала Нитрибитт не приво-

дить незнакомых мужчин в квартиру.

Прежде чем задать женщине вопрос, обер-комиссар плотно закрыл дверь на кухню:

— Вы хорошо знали убитую?

— Еще бы, я ведь почти каждый день здесь бывала.

— Вы что, ее родственница?

— Я поддерживаю порядок в ее квартире, уже больше года.

Мёршель вытащил из кармана записную книжку:

— Ох, извините, пожалуйста, назовите мне вашу фамилию и адрес.

Эрна Крюгер с готовностью сообщила фамилию, возраст и адрес и пустилась болтать:

— Собственно говоря, господин комиссар, у меня не было особой нужды работать приходящей прислугой. В общем-то, по профессии я актриса, но вы ведь, наверно, знаете, какое сейчас в театре царит убожество. Берут на работу только молодых девиц...

Вежливо кивая головой, Мёршель тем не менее решил прервать этот поток слов:

— Фрау Крюгер, вы еще будете подробно допрошены, а сейчас ответьте мне всего лишь на несколько вопросов, так сказать, информационного характера.

— Пожалуйста,— разочарованно протянула Эрна Крюгер.

Обер-комиссар пригласил ее сесть на стул, а сам примостился на краю кухонного стола:

— Фрау Крюгер, когда вы в последний раз видели убитую, то есть фройляйн Нитрибитт?

— Во вторник... значит, двадцать девятого.

— Не помните, в котором часу?

— Очень даже точно помню. Я была здесь ровно в одиннадцать, как всегда. Раньше одиннадцати мне не разрешалось приходить, потому что Рози всегда поздно вставала. Я наводила порядок, чистила пылесосом ковры, вытирала в гостиной пыль. В тот день, в три, Рози отправила меня домой, потому что у нее был гость. Пришел Польмальчик...

— Польмальчик? Это еще кто такой?

— Хм, как бы лучше сказать... Очень близкий знакомый, вот... Ее друг, но не любовник, господин комиссар.

— Ну хорошо! Вы знаете его полное имя, место проживания?

— Его зовут Хайнц Польман. Это, собственно, все,

что я о нем знаю. Живет он здесь, во Франкфурте, но на какой улице, сказать не могу.

Мёршель в записной книжке после фамилии «Польман» поставил большой вопросительный знак:

— Так, хорошо, мы с ним разберемся; значит, вы ушли, потому что пришел этот господин Польман?

— Нет, господин комиссар, не потому, что пришел Польмальчик... Розмари ждала какого-то другого гостя. Она даже Польмальчику сказала, что у нее мало времени.

— Вы не знаете, кто был этот другой гость, которого она ждала?

— Нет. Очевидно, один из обычных посетителей. Он позвонил в два часа, и я слышала, как она сказала: «...но не больше чем на час».

— У нее было что-то еще намечено?

— Понятия не имею.

— Итак, вы ушли в три часа.

— Да.

— И со вторника больше здесь не были?

— Не была.

— Но ведь вы сказали, что почти каждый день сюда приходили?

Эрна Крюгер покопалась в хозяйственной сумке и извлекла оттуда два свертка в папиросной бумаге. Осторожно развернув их, она положила на стол букет из трех гвоздик и поставила круглую вазу из дымчатого стекла. И только после этого рассказала о ссоре из-за разбитой вазы и своем внезапном увольнении.

— Она всегда так делала, когда злилась. Но на этот раз мне было очень обидно, поэтому на следующий день я не пришла. Я даже собиралась подыскать новое место, но потом мне стало жаль этого. Вот я и купила вазу и цветы.

— Чтобы помириться?

— Ну да, что-то вроде этого.

— И пришли сюда сегодня вечером?

— Да, в пять часов.

Мёршель поднялся и несколько раз прошелся по кухне. Когда он остановился, в его руках была фотография в сафьяновой рамке.

— Вы знаете этого человека, фрау Крюгер?

Домработница лишь мельком глянула на снимок:

— Это барон.

— Какой барон? Его фамилия?

Эрна Крюгер пожала плечами:

— Этого я вам не могу сказать. Она звала его просто бароном. Какой-то богатый фабрикант из Эссена. Больше я ничего не знаю. Рози хвалилась, будто он самый богатый человек в Европе.

— Она давно была с ним знакома?

— Когда я начала вести хозяйство Рози, он уже к ней ходил.

— И вы никогда не слышали его фамилии?

— Меня это особенно не интересовало. Здесь бывает столько людей, что и захочешь — не запомнишь всех по фамилиям.

Обер-комиссар несколько мгновений пытливо всматривался в ее лицо, как будто хотел прочитать на нем, правду ли она ему говорила. Затем показал ей остальные конфискованные фотографии:

— А этих людей вы знаете?

— В общем, видела, но фамилий не знаю.

— Они тоже числятся среди друзей фройляйн Нитрибитт?

— Иначе зачем ей было бы хранить их фотографии.

Мёршель, как игральные карты, собрал со стола фотографии и спрятал в карман. Казалось, на этом он собирался закончить беседу. Эрна Крюгер тоже поднялась и взяла со стола гвоздики и вазу:

— Да... по-моему, все, что могла, я уже вам рассказала.

— Одну минутку, фрау Крюгер. Я хочу обратить ваше внимание на то, что все, о чем мы здесь с вами говорили, должно остаться между нами. В противном случае вы можете помешать следствию и невольно оказать содействие преступнику.

Хотя обер-комиссар старался придать своим словам особую значимость, они, похоже, не произвели на женщину должного впечатления. Она лишь равнодушно, без малейших признаков испуга сказала:

— Да с кем мне об этом говорить? Кого это интересует, кроме полиции? — Она упаковала вазу и завявшие уже гвоздики обратно в сумку: — Я могу идти, господин комиссар?

Неожиданно для нее Мёршель отрицательно покачал головой:

— К сожалению, нет, фрау Крюгер. Я вынужден вас попросить поехать со мной в управление.

— Сейчас? Но ведь мне еще надо сделать покупки. В управление я могу прийти и завтра утром.— Эрна

Крюгер явно разозлилась.— Я ведь ничего нового вам сказать не могу, только то, что вы уже и так знаете.

Она направилась к двери, как будто считала вопрос о приглашении в управление закрытым.

Обер-комиссар удержал ее за руку:

— Подождите, фрау Крюгер. Я уверен, что вы, если захотите, можете рассказать гораздо больше.

— Что это значит? Вы думаете, я вас обманываю?

— По крайней мере, вы мне не сказали правды по поводу того, почему Нитрибитт вас выставила. Разбитая ваза, как мне кажется, не может быть причиной для этого.

— Вы просто не знаете Рози. Она из-за каждого пустяка грозила увольнением. Я к этому уже привыкла.

— Если вы к этому привыкли, почему же тогда не пришли к ней на следующий день?

Эрна Крюгер с подозрением посмотрела на полицейского и сделала несколько шагов назад в кухню. Она решительно поставила на стол сумку и, переведя дух, разразилась гневной тирадой:

— Ага, так вот оно что! Теперь вы хотите состряпать на меня дело, будто я подралась с Рози...

Мёршель, который оставался стоять у двери, снова плотно закрыл ее:

— Я хочу узнать у вас только одно: почему вы не пришли на следующий день?

— Почему, почему... Если бы я знала, какой вы устроите здесь спектакль, то уж наверняка пришла бы в среду.

— Фрау Крюгер, отвечайте, пожалуйста, по существу вопроса.

— Боже милостивый, да я же вам уже несколько раз говорила... Я искала новое место.

Мёршель вернулся на середину кухни, сел на маленькую табуретку и снизу вверх посмотрел ей в лицо:

— Честно говоря, фрау Крюгер, я вас не понимаю. Ведь ничего особенного между вами и фройляйн Нитрибитт не произошло. Ну, подумаешь, повздорили из-за разбитой вазы. Пустяк. Нитрибитт вас выставила — тоже дело привычное, по вашим же словам. Почему же все-таки вы решили искать новое место?

Эрна Крюгер, будто в изнеможении, опустилась на стул и хлопнула себя ладонью по лбу, как бы говоря этим жестом: «Вы, видно, совсем ничего не понимаете?»

Мёршель не дал ей времени на размышления:

— Ну? Так почему же вы вдруг решили отказаться от такого хорошего места? Вам же наверняка здесь было очень неплохо.

— Да, конечно. Я вовсе не собиралась отказываться от этого места. Просто я разозлилась, потому что Рози всегда себя так нахально ведет, когда ее что-нибудь раздражает...

Раздосадованную женщину как будто прорвало. Она задрожала, заплакала и больше не могла выдавить из себя ни слова.

Мёршель поиграл вилкой, лежавшей на столе:

— Итак, вы утверждаете, что не собирались искать новое место?

Громко всхлипывая, Эрна Крюгер возразила:

— Нет, я хотела уйти.

— Тогда назовите адреса людей, которым вы предлагали свои услуги.

— Но ведь я только собиралась это сделать. Я еще никому ничего не предлагала. Я лишь думала об этом.

— Три дня?

Эрна Крюгер потеряла всякую способность спорить. Она уронила голову на стол и безудержно разрыдалась.

Обер-комиссар изменил тактику. Он встал, подошел к ней и успокаивающе положил руку на плечо:

— Ну что ж, фрау Крюгер, теперь давайте поговорим начистоту. Я ведь могу себе представить, как все было. То, что вы придумали с разбитой вазой,— всего лишь отговорка, не так ли?

Эрна Крюгер выпрямилась. Она достала маленький шелковый носовой платок и вытерла слезы. Однако возражать Мёршелю не стала. Снисходительно, словно отец, который хочет заставить дочь признаться в своем первом неверном шаге, он попытался обрисовать домработнице, как она могла убить Нитрибитт.

— У фройляйн Нитрибитт всегда дома было много денег, а также драгоценностей, так? Вы у нее зарабатывали хорошо, но далеко не столько, чтобы позволить себе покупать такие дорогие вещи. Вот вы и взяли незаметно деньги или какое-нибудь колечко. Однако во вторник Нитрибитт это заметила и призвала вас к ответу; дело дошло до ссоры с рукоприкладством, вы схватили вазу и ударили ее. Ну что, фрау Крюгер, разве все было не так? А эту историю с вазой, которую вы мне рассказывали, вы придумали уже потом.

Эрна Крюгер неподвижным взглядом, словно загипнотизированная, уставилась на Мёршеля. Обер-комиссар по-дружески ей кивнул:

— Признавайтесь лучше сразу, фрау Крюгер. Через день-другой мы все равно разберемся с этим делом. А до тех пор у вас не будет ни секунды покоя. Послушайте, тут, рядом, мои коллеги снимают отпечатки пальцев, которые оставлены в квартире. Они обследуют и предмет, которым была убита Нитрибитт. Они найдут на нем кровь и, конечно же, отпечатки ваших пальцев. Ну что, вы и теперь будете лгать?

Неподвижный взгляд Эрны Крюгер был по-прежнему устремлен на Мёршеля. Ее губы дрожали, но она не проронила ни слова.

— Фрау Крюгер, если вы сейчас мне скажете правду, все будет выглядеть совсем по-другому. Все увидят, что вы проявили благоразумие и раскаялись. Тогда можно будет иначе рассматривать это преступление в суде — возможно, как убийство в состоянии аффекта. Я уверен, что у вас безупречная репутация,— это будет принято во внимание в качестве смягчающего обстоятельства. Да и Нитрибитт не была ангелом. Присяжные это тоже учтут в вашу пользу.

Мёршель хорошо знал свое дело. Его слова были проникнуты сочувствием и пониманием. Они звучали так убедительно, что, казалось, женщине ничего другого не оставалось, как сказать: «Да, так все и было!»

Эрна Крюгер вдруг, словно очнувшись от кошмарного сна, энергично затрясла головой:

— Да что вы здесь такое рассказываете?! Я не могла ее убить. Ведь пришел Польмальчик. Он оставался с ней, как бы я могла... Да нет же, это не я!

Обер-комиссар доброжелательно посмотрел на нее:

— Фрау Крюгер, вы это себе внушили. Вы хотели бы, чтобы так было, но на самом деле этого Польмана нет. Завтра утром мы пригласим всех мужчин с такой фамилией, которые живут во Франкфурте, и тогда выяснится, что никто из них не знает Нитрибитт, а уж тем более не был у нее. Ладно, давайте лучше поедем в управление и там продолжим беседу.

Сломленная Эрна Крюгер покорно вышла вслед за Мёршелем из кухни. Будто в полусне спустилась она вместе с ним по лестнице мимо все еще поджидавших фоторепортеров. Похоже, она даже не замечала, что ее фотографируют и что люди, собравшиеся внизу, перед домом, говорят друг другу: «Они уже взяли убийцу. Это домработница!»

Как потом признавался ловкий обер-комиссар Мёршель, именно этого он и добивался. Предварительное задержание Эрны Крюгер должно было остановить слухи о какой-то таинственной подоплеке убийства Нитрибитт, показать общественности, что это дело такое же, как и сотни других, и помочь публике побыстрее забыть о нем.

Домработницу в тот же вечер отпустили домой, естественно, после обстоятельного допроса. Одной из причин ее освобождения было небольшое расследование, которое провел обер-комиссар Брайтер среди жильцов дома № 36 по Штифтштрассе. Всем он задавал один и тот же вопрос: «Когда в последний раз вы видели Нитрибитт?»

46-летняя секретарша, живущая на втором этаже, сообщила, что видела ее вечером 29 октября между 16.30 и 17.30 возле дома, перед парадным входом. Более точное время она назвать не могла.

Этому соответствовали и показания продавщицы расположенного в доме мясного магазина. У нее 29 октября между 16.30 и 17.00 Нитрибитт покупала печень для своего пуделя Шовинга.

Два наборщика из типографии, как раз напротив дома № 36, в один голос заявили, что видели, как 29 октября между 21.30 и 22.00 она выходила из дому.

Очень важные показания дала женщина, проживающая под квартирой Нитрибитт: «Это было в среду, 30 октября, где-то между 13.30 и 14.00. Я услышала из квартиры надо мной громкий мужской голос, затем пронзительный крик и глухой стук падения. Я не обратила на это особого внимания, поскольку у Нитрибитт довольно часто буянят».

Наконец, истопник дома рассказал обер-комиссару, что он видел, как во вторник, 29 октября, примерно в 15.30 черноволосый мужчина лет тридцати пяти, которого он неоднократно встречал раньше с Нитрибитт, поспешно покинул ее квартиру и уехал на легковой автомашине, стоявшей до этого во дворе дома. По его описанию, этот человек походил на близкого друга Нитрибитт, о котором говорила домработница Крюгер. На допросе она описала его внешность так: «Высокий, широкоплечий, черные волосы, примерно тридцать пять лет».

Все эти показания тем не менее не продвинули франкфуртскую комиссию по расследованию убийств вперед: они не позволяли ни установить точное время преступления, ни получить более конкретные сведения о предполагаемом убийце.

— Слабо, очень слабо, слабее некуда,— саркастически прокомментировал обер-комиссар Брайтер полученные в первый день результаты, когда в полночь докладывал о них шефу франкфуртской уголовной полиции Альберту Кальку.— Может, вам виден какой-нибудь просвет? Мне — нет.

48-летний директор бегло пролистал отчеты и протоколы допросов и только потом ответил Брайтеру:

— Да, пожалуй, немного. Но ведь для вас, Брайтер, это не в диковинку. Убийцы очень редко оставляют на месте преступления свои визитные карточки. Значит, так, начните все сначала и выявите круг знакомых Нитрибитт.

— Господи помилуй! — простонал Брайтер.— У этой дамы, наверное, сотни знакомых. С кого же мне начинать?

— Ну, это ваше дело, Брайтер. Вы же у нас старая ищейка. Если у дамы так много знакомых, значит, она сама повсюду известна. Прочешите для начала ночные бары и все такое...

— Постойте-ка,— вдруг повернулся Брайтер к своему коллеге Мёршелю.— Вы же нашли записную книжку. И ящик фотографий. Давайте с них и начнем.

Обер-комиссар Мёршель в смущении посмотрел на директора:

— Не думаю, Брайтер, что это будет правильно. В книжечке фамилии таких людей, которым не очень-то улыбается перспектива быть допрошенными в полиции.

— Так...— только и сказал Брайтер и выжидающе посмотрел на директора. А он еще удивлялся, почему это его высшее начальство жертвует сном ради какой-то малозначительной истории с убийством. Раньше ведь за ним такого не водилось. В лучшем случае Кальк позволял себе ознакомиться с отчетом, но, как правило, в детали не вникал. Он подключался только к крупным делам, о которых много писали в газетах. Коллеги злословили, будто он делает это лишь для того, чтобы его фамилия почаще упоминалась прессой.

Теперь Брайтер начинал понимать, что за историей с Нитрибитт скрывалось нечто большее, чем казалось на первый взгляд.

Кальк будто прочитал его мысли:

— Давайте-ка обойдемся пока без записной книжки,

Брайтер. Если она нам понадобится, хотя я так не думаю, мы в любой момент сможем к ней вернуться.

И, словно в подтверждение сказанного, он достал из папки маленькую книжицу и запер ее в ящик своего письменного стола.

Именно в этот момент в голову обер-комиссара Брайтера пришла хитроумная, но опасная своими возможными последствиями идея. Если он не может выйти на людей из записной книжки, пусть тогда они сами к нему приходят. Он решил предоставить нескольким хорошо знакомым ему репортерам доверительную информацию о таинственной записной книжке. Достаточно будет всего нескольких слов о том, что на квартире убитой обнаружена книжечка с фамилиями и адресами ее клиентов. Это их подстегнет. Они придут сами, без посторонней помощи, только бы не получать компрометирующей повестки из полиции.

Брайтер был прямо-таки восхищен своей затеей, но вслух только сказал:

— Ну что ж, ладно, пусть будет так. Нам остается лишь надеяться на удачу.

Директор Кальк неожиданно зевнул и демонстративно посмотрел на золотые ручные часы:

— Думаю, на сегодня хватит, обсудим все остальное завтра рано утром. Но в любом случае мы должны разыскать этого Польмана. Брайтер, может, вы возьмете это на себя?

Обер-комиссар прилежно записал фамилию в свой толстый потрепанный блокнот:

— Все будет в порядке, господин директор. Завтра утром я свяжусь со столом прописки, и они мне «выберут» всех Польманов.

Но на следующее утро обер-комиссару Брайтеру заниматься этим уже не пришлось. Первым посетителем, который появился в управлении полиции 2 ноября 1957 года, был 36-летний торговый агент Хайнц Кристиан Польман.

— Кто занимается убийством Нитрибитт? — спросил он у полицейского на входе. Вахмистру пришлось трижды справляться по телефону, прежде чем он смог ответить. Об этом случае пока еще мало кто знал.

— Идите наверх, на третий этаж, в комнату № 356 к обер-комиссару Брайтеру.

Обер-комиссар уставился на вошедшего Польмана,

как на привидение, и недоверчиво проговорил:

— Это действительно вы?

— То есть как,— неуверенно спросил Польман,— вы что, меня ждали?

Брайтер принужденно улыбнулся:

— Как раз нет. Однако если бы вы не пришли, через несколько часов я определенно был бы у вас. Но сначала присядьте.

Польман опустился на предложенный стул, высоко подтянув тщательно отутюженные брюки. Пока он не начал объяснять причины своего прихода, Брайтер взял телефонную трубку и, набирая номер, сказал:

— Извините, я хотел бы поставить в известность своего шефа. Полагаю, ему надо присутствовать при нашем разговоре.

— Пожалуйста, ничего не имею против,— негромко ответил Польман и вытащил из кармана портсигар. Брайтер, сообщая коллеге Мёршелю, что прибыл господин Польман, пододвинул к нему пепельницу.

— Так,— начал беседу Брайтер,— он сейчас будет. А пока, господин Польман, расскажите, с чем пришли.

Прежде чем начать, Польман раздавил только что раскуренную сигарету:

— Ну... вы ведь и так догадываетесь, как я понял. Пришел я по поводу смерти фройляйн Нитрибитт... прочитал сегодня утром сообщение в газете. А поскольку я с ней близко знаком, то счел за лучшее немедленно прийти к вам. Мне кажется, я мог бы оказать помощь в расследовании. Я ее давно знаю...

Его прервал скрип открываемой двери. Вошел обер-комиссар Мёршель. Польман повернулся к нему и поднялся со стула, когда тот, подойдя ближе, представился.

Брайтер, поясняя, сказал Мёршелю:

— Господин Польман — хороший знакомый убитой Нитрибитт. Он утром прочитал газетное сообщение и сразу же пришел к нам, так как считает, что его показания об убитой могут помочь следствию.

— Очень любезно с вашей стороны,— непринужденно проговорил Мёршель и предложил Польману опять занять свое место. Сам же сел немного в стороне, чтобы иметь возможность незаметно наблюдать за посетителем.

— Я принял очень близко к сердцу смерть фройляйн Нитрибитт,— продолжил свой рассказ Польман в какой-то торжественной, чуть ли не ритуальной манере, которая

совсем не подходила к его мужественному, даже немного грубоватому лицу.

Брайтер с трудом сохранял любезное выражение лица. Этот человек ему не нравился. Он был слишком патетичен, слишком красив, слишком мягок и чем-то напоминал мужчин, которые отираются в тех барах, где не жалуют женщин.

И он не ошибся. Когда позже, в ходе разговора, Мёршель спросил Польмана, не был ли он в любовной связи с Нитрибитт, тот откровенно признался, что женщины его не интересуют.

Беседа продолжалась почти час; Польман рассказал, что с Нитрибитт он познакомился чуть больше года назад совершенно случайно на какой-то бензозаправке и с тех пор их связывали доверительные, товарищеские отношения. Он не умолчал и о том, что знал о профессии Нитрибитт и был посвящен в ее дела.

В этом месте в разговор впервые вмешался Мёршель и спросил, хорошо ли он знает клиентов убитой. Едва только стало ясно, что Польману известны фамилии большинства из них, Мёршель сразу же перевел беседу в другое русло:

— Скажите, господин Польман, когда вы в последний раз виделись с фройляйн Нитрибитт?

Ответ разочаровал шефа комиссии по убийствам. Показания Польмана полностью совпадали с тем, что говорила домработница Крюгер. 29 октября около трех часов дня он пришел в квартиру Нитрибитт и застал еще конец ссоры из-за разбитой вазы; он даже слышал, как Нитрибитт отказала фрау Крюгер в месте. Слово в слово, будто они сговорились, он повторил показания домработницы.

— Хорошо, господин Польман, а что произошло потом, когда фрау Крюгер ушла? — спросил Брайтер, как только Польман сделал паузу, чтобы закурить новую сигарету — уже шестую, как отметил про себя обер-комиссар Мёршель.

— Вы хотите знать все до деталей?

— По возможности, да. Насколько вы, конечно, помните.

— Хорошо... Так вот, когда фрау Крюгер ушла, Рози сказала: «Налей-ка нам выпить, Польмальчик». Она всегда называла меня Польмальчиком.

Брайтер перебил его:

— Не обязательно так подробно, господин Польман.

Рассказывайте только о том, что представляется важным в связи с последующими событиями.

— Именно так и есть, господин комиссар! То, что Рози по собственной инициативе предложила выпить, — необычно. Она ведь была почти патологически скупа, и ее приходилось всегда долго упрашивать, если у меня вдруг появлялось такое желание.

— Ну, хорошо. Она неожиданно предложила вам выпить. Почему?

— Она сказала, что ей надо выпить, потому что последние дни для нее были сплошной нервотрепкой.

— Она имела в виду нервотрепку из-за Крюгер?

— Нет, об этом она тут же забыла.

— Так что же это была за нервотрепка?

В этом уже было что-то необычное. Прежде чем ответить, Польман потушил недокуренную сигарету и сразу же закурил новую.

Мёршель отметил это про себя и оценивающе посмотрел на кучу окурков в пепельнице.

— О том, что ее так раздражало в последнее время, она мне, разумеется, не сказала. Думаю, это было не столько раздражение, сколько страх. Еще за несколько дней до этого Рози мне позвонила и сказала, что ей нужно очень срочно поговорить со мной, поскольку, мол, она опасается за свою жизнь.

— Ах, вон оно что! — помимо воли вырвалось у Брайтера.

— Да, именно так она сказала. Я не принял это всерьез, точно так же, как и вы сейчас. Все это было на нее совсем не похоже.

— Кто же угрожал ее жизни? Она хоть что-нибудь сказала вам об этом?

— Нет. Тогда она только попросила, чтобы я налил выпить. Это было шотландское виски. Когда мы выпили первую рюмку, зазвонил телефон. Как я понял из разговора, к ней хотел прийти один из постоянных посетителей.

Мёршель снова прервал рассказ Польмана:

— Она вам не сказала, кто звонил?

— Сказала. Это был Фельдман. Насколько я знаю, очень богатый фабрикант. Поэтому она и не смогла отказать.

Брайтер собрался задать пару вопросов об этом богатом фабриканте, но Мёршель опередил его:

— Ну и как, пришел он, этот Фельдман?

— Да, появился минут через десять. Мне пришлось спрятаться на кухне, чтобы он не заметил, что до него еще кто-то был. Анонимность клиентов была высшим профессиональным правилом Рози. Поэтому-то она и не сказала мне, кого так опасалась.

— Но, наверное, не этого Фельдмана? Иначе она не позволила бы ему прийти или не отпустила бы вас.

— По всей вероятности, это так, господин комиссар.

Обер-комиссару Мёршелю не очень-то понравилось, что Польман видел Фельдмана на квартире у Нитрибитт. Фельдман во Франкфурте был известным, уважаемым человеком.

— Вы сказали, что Нитрибитт отослала вас на кухню, чтобы Фельдман не заметил, что до его появления в квартире уже был мужчина. Ну и как же вы потом смогли незаметно уйти? Ведь стук двери должен был вас выдать.

— На этот счет у нас все было оговорено. Ведь довольно часто случалось, что к Рози приходили посетители, когда я был у нее. Она просто кричала из гостиной: «Эрна, если ты идешь, то не забудь, пожалуйста, взять хлеба». Для меня это было сигналом уходить, а клиент, услышав стук двери, думал, что ушла домработница.

Обер-комиссар Брайтер с ухмылкой покачал головой и не смог удержаться, чтобы не спросить:

— А вы не знаете, сколько господа кавалеры платили за такой визит?

Польман опустил голову, как будто этот вопрос для него был особенно мучительным, но потом сказал:

— От пятисот до тысячи марок. Но некоторые дарили также украшения или что-нибудь из одежды. Все это было очень индивидуально.

Брайтер воздержался от дальнейших вопросов. Вместо него спросил Мёршель:

— Сколько было времени, когда вы ушли?

Польман немного подумал:

— Так, пришел я в три часа... Скорее всего, около половины четвертого, может, чуть раньше.

— И что вы делали потом?

— Поехал домой на своей машине.

— Какая у вас машина?

— «Форд-50», модель «комби».

— Какого цвета?

— Светло-серого,— Польман показал на окно.— Можете проверить. Он стоит внизу, перед управлением.

Мёршель слегка улыбнулся:

— В этом нет необходимости, мы вам и так верим. Но хотелось бы, чтобы вы точнее указали, когда были дома. Может ли кто-нибудь это подтвердить?

В первый момент показалось, что Польман собирается протестовать против превращения беседы в допрос. Однако он тут же овладел собой:

— Самое позднее — в четыре часа. Я еще по пути купил сигарет и вечернюю газету, но приехал наверняка не позднее четырех часов.

— Кто-нибудь видел, как вы приехали?

— Не могу сказать. Я, во всяком случае, никого не встретил.

— Вы что же, весь оставшийся вечер так ни с кем больше и не виделись?

— Только со своим квартирантом; он пришел домой в восемь часов.

— Следовательно, никто не может подтвердить, что вы делали с трех часов дня до восьми часов вечера?

Польман раздраженно ответил:

— Если вы имеете в виду, что у меня нет алиби, то вы правы. Но смею вас заверить, что, будь я убийцей, я бы здесь не сидел!

Брайтер встретил выпад Польмана приветливой улыбкой:

— Правильно, господин Польман, вы бы тогда сидели в камере предварительного заключения. Так что ничего такого у господина комиссара и в мыслях не было. Просто мы должны проверить всех знакомых Нитрибитт, чтобы, по возможности, исключить тех, кто не имеет никакого отношения к убийству.

Все с той же приветливостью Брайтер, однако, показал своим следующим вопросом, что по-прежнему не снимает с Польмана подозрений:

— Вы сказали, господин Польман, что Нитрибитт хотела срочно с вами поговорить. Почему же тогда вы не пришли к ней на следующий день?

Вопрос пришелся мимо цели. На этот раз улыбнулся Польман:

— Потому что 30 октября в 6.30 я улетел в Гамбург и вернулся только вчера в 22.10. Я работаю представителем одной гамбургской фирмы и часто выезжаю туда по делам.

Польман вытащил из кармана пиджака проспект своей фирмы и положил его на стол перед Брайтером:

— Здесь адрес фирмы. Вы можете проверить то, что

я сказал. Кроме того, моя фамилия значится в списках пассажиров авиарейсов.

Брайтер отодвинул проспект:

— Да мы и так вам верим, господин Польман. Но что делать, такая у нас работа. Вы же понимаете, полиции приходится все проверять и перепроверять.

Прежде чем Польман успел забрать проспект, к столу подошел Мёршель и взял его:

— О, я знаю эту фирму... Давно вы там работаете?

— Больше трех лет.

Мёршель протянул проспект Польману — название и адрес фирмы он уже запомнил.

Брайтер выжидающе посмотрел на шефа и, увидев, что у Мёршеля больше нет вопросов, закончил разговор:

— Спасибо, господин Польман. Ваш визит, безусловно, поможет нам в расследовании. Примите за это нашу искреннюю признательность!

Он протянул Польману руку и попрощался. Мёршель лишь сдержанно кивнул, но, когда Польман уже стоял у двери, сказал:

— Надеюсь, господин Польман, если появятся еще вопросы, вы не откажете в любезности снова посетить нас?

Польман холодно кивнул:

— С удовольствием, насколько мне позволят дела.

С этими словами он покинул кабинет.

— Зачем вам тратить на него время? Ведь его участие в преступлении исключается,— сказал Мёршелю Брайтер. Он не понимал, чего еще хочет шеф от этого свидетеля.

— Это почему же? — спросил Мёршель.

— Потому, что Нитрибитт, по показаниям соседки снизу, убили не раньше 30 октября. Или вы думаете, что он рассказывает басни? Это было бы очень глупо с его стороны.

Вошедший в кабинет директор Кальк избавил Мёршеля от необходимости отвечать. По переговорному устройству он слышал весь разговор с Польманом.

— Нитрибитт убили не 30-го, а 29 октября, между пятнадцатью и шестнадцатью часами. Вот заключение доктора Вегенера по результатам вскрытия,— сказал Кальк и передал Мёршелю двухстраничный протокол института судебной медицины.

Прежде чем Мёршель начал читать текст, директор распорядился:

— Итак, принимайтесь за Польмана; проверьте, на что он живет, сколько зарабатывал в последние годы, нет ли у него долгов, ну и все такое прочее... Постарайтесь раздобыть стоящий обвинительный материал. А Польмана допрашивать... По всем другим направлениям следствие можно прекратить...

Брайтер не поверил своим ушам:

— Вы что, серьезно полагаете, что другими версиями не следует заниматься?

— Вы считаете, Брайтер, у вас будет мало работы с этим парнем?

Обер-комиссар решился еще на одно, последнее, возражение:

— Но, господин директор, если с Польманом мы попадем впросак, то потеряем все другие следы. Преступник выиграет время и спрячет все концы в воду.

Кальк ничего не ответил и только, выходя из кабинета, бросил Мёршелю:

— Вы знаете, что делать; будем действовать, как договорились. А пока никаких сообщений прессе.

Брайтер в ярости прикусил губу. Когда дверь за Кальком захлопнулась, его прорвало:

— Кто здесь сумасшедший — я или он? Нельзя же так однобоко вести расследование! Кому это непонятно?!

Было похоже, что обер-комиссар Брайтер со своими опасениями оказался прав. Информация о таинственной записной книжке Нитрибитт, которую он на следующий день сообщил нескольким газетчикам, вызвала громкий скандал. Все газеты с жадностью набросились на этот лакомый кусок и под аршинными заголовками рассказали о том, что во франкфуртской квартире Нитрибитт перебывала вся верхушка западногерманского общества. Для фантазии газетных писак было мало дюжины фамилий, которые имелись в записной книжке на самом деле; они собирались уже составлять списки из сотен известных в стране людей. Имя Нитрибитт моментально обросло самыми невероятными историями. При помощи спрятанной в цветочной вазе кинокамеры и встроенного в кровать магнитофона она якобы запечатлевала для истории свои забавы со знаменитыми людьми, а потом этим же их шантажировала. Некоторые газеты попытались даже придать скандалу политическую окраску: Нитрибитт-де была высококлассной коммунистической шпионкой и в своей французской кровати выведывала

у влиятельных сластолюбцев государственные тайны.

Итак, скандал разразился, несмотря на то что директор Кальк, закадычный друг тогдашнего министра внýтренних дел Шрёдера, приложил все силы — кстати, исходя не только из личных побуждений,— чтобы его предотвратить.

Позднее один западногерманский институт, изучающий общественное мнение, задался целью подсчитать все публикации о деле Нитрибитт. Получился внушительный результат — более трех тысяч сообщений и статей в иллюстрированных журналах, еженедельниках и газетах.

Не было другой такой фамилии, которая бы в то время так часто повторялась прессой, как фамилия Нитрибитт!..

Однако вернемся к франкфуртской комиссии по расследованию убийств. Для задерганных криминалистов скандальная шумиха в прессе имела прямо-таки катастрофические последствия. После первого сообщения кабинет обер-комиссара Брайтера в течение недели посетило около трехсот видных представителей деловых и политических кругов. Добровольно оставив в гаражах свои сверкающие хромированными поверхностями автомобили, чтобы их не могли опознать по номерам, они на трамвае приезжали в управление полиции, давали в убого обставленном служебном кабинете показания о своих отношениях с убитой Нитрибитт и, заламывая руки, просили сохранить это в тайне.

До сих пор ни одна из фамилий тех мужчин, которые посетили тогда полицию, не известна. Ни один из высокопоставленных любителей «клубнички» не был разоблачен. Для сотрудников комиссии эти массовые допросы означали беспрестанную писанину, которая отодвинула в сторону всю остальную работу. Поиски убийцы утонули в бумажном море свидетельских показаний. Но ведь эти показания, записанные пока только со слов, нужно было когда-то проверять... Теперь уже все были убеждены, что убийцу или его нанимателя надо искать в кругу этих людей. Однако до тех пор, пока эти высокопоставленные мужи являлись только свидетелями, полиция имела право не раскрывать их фамилий и мест работы. А что, если на одного из них падет подозрение в убийстве Нитрибитт или его уличат как убийцу?..

Так далеко дело не пошло. Показания и алиби трехсот одиннадцати ценных для общества людей проверять не понадобилось, фамилии их не были преданы огласке. Нашелся человек, который взял подозрение в убийстве Нитрибитт на себя. Он позволил продержать себя целый год в предварительном заключении и устроить над собой суд, после того как ему гарантировали за это соответствующий гонорар и оправдательный приговор за недостаточностью улик. Это был... Хайнц Польман — близкий друг Нитрибитт! Джентльменское соглашение между Польманом и уголовной полицией Франкфурта стало невероятнейшим скандалом, в сравнении с которым само дело Нитрибитт выглядело просто детской игрой.

Подробно неизвестно, как и на каких условиях Польман согласился взять на себя роль убийцы. Протокол на своеобразных торгах между ним, директором Кальком и гамбургским адвокатом Мюллером не велся, и свидетелей тоже не было. Сами же участники по понятным причинам молчат до сих пор. Однако последующие события и особенно процесс против Польмана, который прошел через два года и закончился оправдательным приговором из-за недостатка доказательств, не оставляют сомнений в том, что именно таким неприглядным способом дело Нитрибитт было положено под сукно.

А события развивались следующим образом.

12 ноября 1957 года, на одиннадцатый день после того, как стало известно об убийстве Нитрибитт, обер-комиссара Мёршеля временно отстранили от должности, а его подчиненных переключили на другое нераскрытое убийство. Официально было объявлено, что у него нервный срыв из-за перегруженности работой. На суде, однако, Мёршель опроверг такое толкование своего отстранения.

Под присягой он заявил: «Директор Кальк требовал от меня ареста Польмана и дал указание прекратить отработку других версий. Я не согласился с этим. Собранный против Польмана обвинительный материал был настолько легковесен, что на суде мы выставили бы себя на посмешище. Разработку других версий я считал настоятельной необходимостью. Я был убежден, что Польман не убийца. Из-за этих разногласий меня и отстранили от работы».

Выведя комиссию по расследованию убийств из игры, директор Кальк продолжил расследование сам. Помогал ему главный комиссар Радои из политической полиции Франкфурта, который слыл надежным человеком и был

специально откомандирован в уголовную полицию для работы по делу Нитрибитт.

Все дальнейшие следственные действия были направлены исключительно на Польмана. И все же прошло немногим больше трех месяцев, прежде чем газеты смогли сообщить об аресте «убийцы Нитрибитт». Хайнц Польман был задержан 5 февраля 1958 года.

Пресс-бюро управления полиции распространило сообщение о причинах ареста Польмана, состоявшее из шести пунктов. Вот они:

«1. Непосредственно перед убийством Нитрибитт Польман находился в стесненном финансовом положении. Сразу после преступления он израсходовал почти двадцать тысяч марок.

2. Арестованный не смог объяснить, откуда у него эти деньги. Вместе с тем доказано, что он знал, где у себя в квартире Розмари Нитрибитт в тот момент хранила очень большую сумму наличными. Польман знал также о запланированной Нитрибитт покупке кольца и уговорил свою подругу повременить с ней. Таким образом он хотел помешать ей истратить наличные деньги.

3. Свидетели показывают, что в то время, когда было совершено преступление, видели Польмана в районе Штифтштрассе; он был взволнован и обливался потом, на губе имел повреждение, которое, вероятно, получил во время стычки перед убийством.

4. Нитрибитт мог убить только тот, кто был с ней близко знаком, хорошо знал ее образ жизни, привычки, особенности квартиры. После того как соответствующие этим признакам люди были тщательно проверены, все, кроме Польмана, оказались вне подозрения.

5. Польман дал ложные показания об одежде, которая была на нем в день убийства. Он пытался удалить со своих серых брюк пятна крови. Правдоподобных объяснений по поводу этих пятен он дать не смог.

6. На месте преступления найдены отпечатки его пальцев».

В дополнение было сказано, что Польман до сих пор не сознался и отказывается до суда давать какие-либо показания.

Через одиннадцать месяцев Польман был освобожден из предварительного заключения. Должно быть, общественность уже готовили к безрезультатному исходу предстоящего процесса. Судья окружного суда, проверяющий законность арестов обвиняемых, неожиданно постановил: «Против обвиняемого в деле нет достаточных улик». Мёршель, бывший руководитель комиссии по расследованию убийств, пришел к этому выводу еще год назад. Гораздо интереснее был второй пункт судебного постановления об освобождении из-под ареста: «Является недопустимым, что убийство такое длительное время остается нераскрытым».

Арестовывая Польмана, уголовная полиция добивалась только одного: устранения всех следов, ведущих к настоящему убийце. Года для этого хватило. Если теперь кому-нибудь захотелось бы распутать весь клубок дела Нитрибитт, он не нашел бы конца нити.

«Мавр» Польман сделал свое дело, теперь ему было позволено уйти.

Польман в тот же день улетел в Гамбург, встретился там с адвокатом Мюллером и договорился с ним о стоимости своего молчания. Подробности этой беседы стали известны только полтора года спустя во время судебного расследования во Франкфурте. О процессе, который начался 19 июня 1960 года и больше напоминал оперетту, нежели заседание суда присяжных, западногерманский журнал «Штерн» писал:

«Самым решительным на этом странном процессе является не прокурор, как следовало бы ожидать, а обвиняемый Польман... Он руководит ходом процесса, как будто оправдательный приговор уже у него в кармане. Внешне он выглядит так, словно в следственной тюрьме у него была камера с балконом на юг. Когда ему стало жарко в зале суда, он безапелляционно обратился к председательствующему: «Господин советник, вы не будете против, если я сниму ботинки?» Он не просит, а требует или ставит в известность».

Советник участкового суда Дрейзель, который вел разбирательство, ничего не имел против того, чтобы Польман уже в начале процесса уютно, по-домашнему, устроился бы без ботинок. Он даже разрешил обвиняемому давать показания сидя, в то время как прокурор должен был читать обвинительное заключение стоя. Если репортеры покидали зал, чтобы по телефону проинформировать свои редакции о ходе процесса, Польман тотчас обращался с жалобой к председателю суда: «Это меня нервирует, неужели нельзя прекратить беготню туда-сюда?»

И председатель послушно требовал у журналистов максимально избегать ненужных хождений.

Какую роль играл Польман на проходящем процессе, стало особенно хорошо видно во время выездного заседания суда, которое состоялось на его квартире и которое должно было прояснить, мог ли Польман прятать накопленные им двадцать тысяч марок под обувным шкафчиком. Полиция настолько плотно оцепила район улицы, где жил Польман, что ни его защитник, ни даже председатель суда не смогли проникнуть через кордон. Напрасно пытался втолковать советник Дрейзель, что он председатель суда и ему непременно нужно пройти в дом. «Это каждый может сказать»,— ответил ему один из бравых полицейских и дал понять, что не намерен продолжать дискуссию. К счастью, вскоре появился господин Польман, лицо которого было хорошо знакомо полицейским по газетам. Он покровительственно похлопал одного из них по плечу: «Вы что, ребята? Ведь это мой председатель, мне без него нельзя. Пропустите-ка его».

Только так и смог председатель суда присяжных попасть в квартиру Польмана на выездное заседание суда.

Внешне же процесс больше всего напоминал фарс, который, собственно говоря, не имел никакого отношения к обвинению в убийстве.

«29 октября, между 15.00 и 16.30, Польман ударом по голове оглушил Нитрибитт, задушил ее и ограбил» — все еще гласило вымученное директором Кальком заключение, хотя уже в ходе предварительного дознания многие свидетели опровергали это утверждение. Оно по-прежнему опиралось на рассказ домработницы Эрны Крюгер о трех бутылках с молоком и трех пакетах с булочками, которые стояли перед квартирой Нитрибитт. Но ведь комиссия по расследованию убийств обнаружила только пустые бутылки и пакеты, потому что Эрна Крюгер якобы от волнения все это съела и выпила! Два адвоката Польмана, которых он смог нанять на полученные за молчание деньги, легко поставили под сомнение предполагаемое время смерти Нитрибитт. Они представили суду целый ряд свидетелей, которые еще обер-комиссару Брайтеру давали показания о том, что видели Розмари Нитрибитт живой — и поздно вечером 29 октября, и даже днем 30-го. Полицейский врач Вегенер, который производил вскрытие трупа, вынужден был признать, что высокая температура в комнате убитой могла значительно ускорить процесс разложения. К тому же, при экспертизе учитывались температурные замеры, сделанные Брайтером после того, как комната целый час оставалась с открытым окном. Все это тоже опровергало утверждение о смерти Нитрибитт 29 октября.

После этого и без того шаткий карточный домик обвинения рухнул. Если Нитрибитт была убита не днем 29 октября, то Польман оказывался вне подозрений. Ведь только на это время у него не было алиби. Следующие два дня он провел в Гамбурге — это доказывали регистрационные списки авиапассажиров и допросы деловых людей, с которыми он там встречался.

Все дальнейшие заседания суда уже не имели особого значения для исхода процесса.

Правда, один раз напряженность в зале возникла, когда председатель спросил Польмана, откуда у него появились деньги, на которые он купил новую автомашину и несколько дорогих костюмов.

Сначала, в полиции, Польман утверждал, что скопил их, пряча под обувным шкафчиком. Это была очевидная ложь. Он не мог, работая торговым агентом и ведя разгульный образ жизни, собрать двадцать тысяч. Значит, деньги происходили из других, скрытых, источников, о которых Польман не хотел говорить. Какого рода эти источники, можно было догадаться по его предыдущим судимостям: он уже десять раз представал перед судом за мошенничество, кражи и растраты.

Вместо того чтобы просто отказаться отвечать на вопрос председателя, Польман начал настолько глупо и неправдоподобно изворачиваться, что непосвященные присяжные заседатели и присутствующие в зале сделали вывод, будто он украл их у Нитрибитт. В этой, пожалуй, единственной за весь процесс щекотливой ситуации Польмана выручил прокурор Зоммер. Хотя он и представлял обвинение и должен был изобличать Польмана как убийцу, он задал ему вопрос, который полностью освобождал его от обвинения: «Господин Польман, правда ли, что вы получили за молчание четверть миллиона марок от лиц, которые, вероятно, каким-то образом связаны с убийством?»

Большего для Польмана не могли сделать даже оба его адвоката. Он признательно улыбнулся прокурору и утвердительно кивнул головой.

Если до этого момента среди присутствующих и были наивные люди, полагавшие, будто убийство Нитрибитт не раскрыто из-за ошибок и упущений в ходе расследова-

ния, то теперь и им стало ясно, что вся история с судебным процессом служила лишь тому, чтобы оставить в тени истинные причины и обстоятельства этого преступления.

Какой гонорар получил или должен был получить Польман за свою роль — об этом на процессе сказано не было. Правда, одна газета писала: «Польман затребовал за молчание миллион» — и многословно сообщала подробности: «После того как Польмана освободили из предварительного заключения и один из журналов начал печатать серию статей, которые должны были вскрыть подоплеку убийства, родственники некоего именитого клиента Нитрибитт испугались разоблачения. Поэтому они поручили одному гамбургскому адвокату предпринять соответствующие шаги. Адвокат встретился с Польманом. Говорят, будто тот потребовал миллион марок. В ходе дальнейших переговоров сошлись на двухстах пятидесяти тысячах».

Упомянутый гамбургский адвокат по фамилии Мюллер выступил на предпоследнем судебном заседании в качестве свидетеля защиты и под присягой подтвердил, что вел такие переговоры с Польманом. Однако он говорил не о «деньгах за молчание», а о «приобретении за деньги прав личности». Предложение дать показания о сумме выплаченных денег и фамилии своего доверителя адвокат тактично отклонил, ссылаясь на профессиональный долг хранить тайну клиента.

Когда же председатель наивно спросил обвиняемого, не может ли он сказать, сколько получил денег и кто ему заплатил, Польман проявил такую же тактичную сдержанность. «Я не хотел бы отвечать на этот вопрос»,— только и сказал он.

12 июля 1960 года судебный спектакль закончился. Как и было обещано Польману, его оправдали за недостаточностью улик. Свершилось это «во имя народа» и... за государственный счет.

СВОБОДНЫХ МЕСТ В ТЮРЬМЕ НЕ БЫЛО...

Там, где дорога на Париж делает большой крюк и откуда открывается чудесный вид на долину Соны, стоит полицейская префектура маленького городка Монтежур. Ее можно легко узнать по выцветшему, потрепанному триколору* и пышным усам префекта Клода Бродекена — оба они любят день-деньской торчать на виду, свесившись из окна служебного кабинета. В Монтежуре насчитывается около трех тысяч жителей — трудолюбивых крестьян и виноделов; все они на «ты» со стражем закона и позволяют ему вести за счет государства приятную безмятежную жизнь. Преступность в Монтежуре была — до недавнего времени — почти нулевая, так что тюрьма на три камеры чаще всего пустовала.

Поэтому префект Бродекен почти испугался, когда к нему пришли возбужденные обитатели местечка и потребовали немедленного полицейского вмешательства: в дом пастора проникли воры и похитили большой вещевой мешок с разными деликатесами и сорок тысяч франков добровольных пожертвований, собранных прихожанами. За всю четырехсотпятидесятилетнюю историю городка такого позорного случая еще не было. Общину охватил праведный гнев. Почти весь приход явился к префекту требовать возмездия за «богохульство».

Согласно инструкции, префект Бродекен должен был лишь обеспечить охрану места преступления и вызвать из города уголовную полицию для расследования происшествия. Однако, взглянув на часы, он стал прикидывать, стоит ли ему теперь тратить драгоценное время на выполнение этих формальностей.

Была уже половина пятого. Пока дадут связь с городом — будет пять, и в канцелярии полиции останется один секретарь, от которого мало толку. Бродекен уже не первый год был на службе и знал, как точно в городских

* Трехцветный французский государственный флаг.

учреждениях заканчивают работу. Значит, сообщение будет принято к делопроизводству в лучшем случае только завтра утром. Пока следователь получит командировочное удостоверение, аванс на дорожные расходы, пока выполнит все остальные формальности — пройдет полдня. Следовательно, в Перреон он сможет выехать только дневным поездом, а от Перреона до Монтежура ему еще придется идти пешком одиннадцать километров, потому что по средам послеобеденный автобус не ходит. Получается, что городской следователь появится лишь на следующий день часам к пяти — это уже конец рабочего дня. И опять жди утра!

Тщательно все взвесив, Бродекен решил взять расследование преступления в свои руки; его даже не пугала сверхурочная работа. Среди местных жителей взломщика вряд ли стоило искать. В городке, пожалуй, не нашлось бы такого прожженного безбожника, который отважился бы обчистить кладовку пастора и украсть добровольные пожертвования прихожан. Еды у них и так хватало, а деньги гораздо легче было бы стянуть во время мессы. Поэтому речь могла идти только о чужаке. С момента взлома не прошло еще и часа; ближайшая станция находится в одиннадцати километрах — это не меньше двух часов ходьбы. Бродекен решил, что, если повезет, он успеет еще изловить вора. Поспешно вернувшись в префектуру, он вывел из гаража мотоцикл.

За три километра до Перреона, когда как раз кончался бензин, он наткнулся на бородатого старика в обтрепанной одежде, который сидел на краю лужка и безмятежно поглощал деликатесы из пасторской кладовки. Но только он с наслаждением сделал большой глоток божоле, как в его грудь неожиданно уткнулся пистолет префекта. Клод Бродекен по натуре был человеком миролюбивым, однако наглая невозмутимость, с какой старик опустошал бутылку, пока не заметил его, вывела префекта из равновесия.

— Ах ты, подонок несчастный! — вскричал он и, схватив старика за лацканы изношенного пиджака, рывком поставил на ноги. Тряся его как грушу, он продолжал бушевать: — Совести у тебя нет! Залезть в дом к господину пастору?! Сколько стóит Монтежур,— такого свинства еще не было... Чтоб тебя черти разодрали!

Старик равнодушно пожал плечами.

— Переживет его преподобие, здесь вон еще сколько всего...— сказал он смиренно и нагнулся, чтобы собрать

разбросанные вокруг банки с паштетом из гусиной печени, колбасы и куски ветчины.

Бродекен вырвал из его рук мешок и, показывая пистолетом на раздувшийся карман брюк, спросил:

— Ну, что там у тебя еще? Давай-ка выкладывай!

Старик со вздохом полез в карман и вытащил толстенную пачку франков.

— Слава богу! — с облегчением пробормотал префект и побыстрее спрятал деньги в карман мундира. С его души свалился камень: общественные деньги были спасены.

Доставка задержанного была связана с определенными трудностями. Мешок Бродекен повесил на руль, правой рукой катил мотоцикл, а левой, в которой держал пистолет, подталкивал перед собой бродягу. Обратная дорога в Монтежур шла по холмам и казалась бесконечной. Уже через два километра префект с трудом переводил дыхание. На лбу крупными каплями выступил пот, и даже расстегнув ворот мундира, он не почувствовал ни малейшего облегчения. О том, чтобы вовремя закончить работу, нечего было и мечтать. Не долго думая, префект изменил тактику и заставил бродягу толкать мотоцикл. Однако, не пройдя и ста метров, старик выбился из сил.

— Месье,— задыхаясь, сказал он,— это уж больно строгое наказание... Мне ведь шестьдесят два года. И ничего такого страшного я не натворил, чтобы из меня тянуть последние жилы. Я буду жаловаться министру юстиции. Применение насилия к арестованным строжайше запрещено законом. Я в этом хорошо разбираюсь, и мне не хотелось бы доставлять вам неприятности...

Так что префекту Бродекену ничего другого не оставалось, как самому, отдуваясь и проклиная все на свете, тащить мотоцикл до Монтежура.

В городке обессилевшего префекта встречали как героя. Весь Монтежур был преисполнен благодарности: да, на французскую полицию можно положиться! К тому же жители не могли скрыть своей радости — наконец-то в их скучной деревенской жизни появилось хоть какое-то развлечение. Самый настоящий взломщик! Это почти праздник. Перед префектурой собрались сотни крестьян; они болтали, спорили о том, что еще может быть на совести у этого типа. То один, то другой вспоминал, как в последние месяцы у него что-то там пропадало... Теперь все сваливали на задержанного бродягу, который

в это время, ни о чем таком не подозревая, сидел в канцелярии префектуры на первом допросе.

— Фамилия? — начал энергично Бродекен, вставив в заезженную пишущую машинку бланк протокола допроса.

— Пьер Батист Розуа, родился 18 января 1894 года в Марманде, последнее местопроживание — Пон-л'Эвек,— зачастил бродяга в ответ, показывая этим, что хорошо знаком с формальностями допроса в полиции.

— Профессия? — продолжал спрашивать Бродекен.

— Никакой,— с готовностью ответил Розуа и начал вертеть ручку, которая лежала перед ним на столе.

— Никакой? Как это?.. Вы же должны были на что-то жить? — Теперь, во время официального допроса, префект старался обращаться, как положено, на «вы».

— Так ведь мой отец, месье, был бедным поденщиком, у него не было ни денег, ни терпения, чтобы дать мне какую-нибудь профессию. Пока я ходил в школу, то помогал ему в имении, где он работал. Однако у меня там не было будущего. Поэтому в четырнадцать лет я удрал. С тех пор и кочую... летом, по крайней мере.

— А зимой?

— В основном сижу в тюрьме. Там тепло и маломальски кормят. В Пон-л'Эвеке, во всяком случае, вполне сносно...

— Итак, у вас есть судимости,— прервал словесный поток старика Бродекен и начал стучать на машинке.

— Да уж хватает... По-моему, тридцать одна, но за точность не ручаюсь. В моем возрасте уже трудно полагаться на память. Да ведь можно по документам точно сосчитать...

Префект оторвался от машинки и недоверчиво покачал головой:

— Тридцать одна судимость?! Не может быть!

— Может, может,— с живостью подтвердил Пьер Розуа,— подсчитайте сами: мне шестьдесят два, а зимой я все время на квартире... Все сходится.

Бродекен тихо присвистнул и с подвохом спросил:

— И что, тоже за кражу?

— Тоже за кражу,— утвердительно повторил Розуа и с сожалением пожал плечами, как будто хотел сказать: а что оставалось делать.

Префект прокрутил валик пишущей машинки на одну строчку назад. Он раньше уже напечатал «имеет судимость», а теперь добавил «за такое же преступление». Затем прищелкнул языком:

— Это вам дорого обойдется, Розуа. Повторные кражи?.. Судья будет беспощаден.

— Но ведь больше пяти месяцев не дадут? — озабоченно осведомился бродяга и принялся на пальцах считать, сможет ли он к весне выйти из тюрьмы.

— Посмотрим, посмотрим,— с ноткой торжественности в голосе проговорил Бродекен; он был явно горд, что занимается преступлением, которое предполагает столь строгое наказание. Префект облокотился двумя руками на стол и пригладил усы:

— Так, а теперь давайте обратимся к обстоятельствам дела. Почему вы, Розуа, вломились в дом господина пастора? Рассказывайте все, как было, и, пожалуйста, без уверток, я же все равно выведу вас на чистую воду.

— А что здесь выводить на чистую воду, месье? Его преподобие был как раз в ризнице, дверь в дом стояла открытой... Я собирался возвращаться в Пон-л'Эвек, и мне на проезд нужны были деньги. Осень в этом году очень ранняя — уже слишком холодно, чтобы ночевать под открытым небом. Мне пора на зимнюю квартиру...

— Почему же вы к господину пастору?..

— Именно поэтому, я ведь уже сказал. На дорогу мне нужно было что-нибудь из продуктов. Пешком ведь до Пон-л'Эвека недели четыре добираться...

Бродекен сильно стукнул кулаком по столу, так что из чернильницы выплеснулись чернила:

— Черт побери! Что вы заладили с этим вашим Пон-л'Эвеком?!

Розуа испуганно вздрогнул:

— Последние годы я все время зимовал в Пон-л'Эвеке. Там можно жить. У директора Билла доброе сердце, вы понимаете?

Префект Бродекен в отчаянии посмотрел на потолок прокуренной канцелярии:

— Ну, теперь вы мне будете рассказывать, что специально совершали в этом Пон-л'Эвеке преступления, чтобы попасть в тамошнюю тюрьму!

— Во всяком случае, я всегда старался так делать,— скромно ответил Розуа и уставился в пол.

Бродекен что-то отстучал на машинке:

— На этот раз вы наверняка перезимуете у нас, это я вам гарантирую. Ну а теперь давайте рассказывайте

наконец, что вы украли у господина пастора!

Дальнейший допрос прошел без каких-либо отступлений. Только когда Розуа подписал протокол и префект Бродекен достал из письменного стола ключи от тюрьмы, старик робко поднял руку и осведомился:

— Месье, пожалуйста, ведь Пон-л'Эвек мое последнее местожительство... Нельзя ли меня перевести туда?

— Место преступления, мой дорогой,— Монтежур. Этого достаточно, чтобы оставить вас здесь.— И, отклонив все дальнейшие возражения, Бродекен доставил старика через дорогу, в местную тюрьму.

Тюрьма, а скорее — обыкновенная кутузка, раньше была коровником, и только недавно, за неимением лучшего, его переделали в тюрьму. Две оштукатуренные стены, возведенные при этом, разделили все помещение на три камеры. На окна, которые и так были слишком узкими, чтобы в них пролезть, местный кузнец нацепил толстенные решетки. Меблировка напоминала о средневековых темницах: в каждой камере было по два тюфяка с соломой, по табурету и колченогому столу, да еще по доильному ведру для естественных надобностей. Печки в наличии не было.

Мысль о том, что ему придется провести здесь зиму, заставила Розуа содрогнуться от ужаса.

Три дня и три ночи просидел Розуа в камере, ни разу не потревоженный префектом. Только деревенский ночной сторож приносил арестованному более чем скудную еду. Утром четвертого дня в окна префектуры ворвался ужасный шум, исходивший из коровника. Розуа разбил в щепки стол и табурет, расколотил табуретной ножкой стекло в зарешеченном окне и выбросил на улицу обломки тюремного инвентаря. При этом он так бушевал и кричал, что префект бежал через улицу, словно в местечке была объявлена пожарная тревога.

Розуа потребовал встречи с министром юстиции. Бродекен струсил и забрал бродягу с собой в префектуру. Пытаясь утихомирить Розуа, он стал объяснять ему, что обработка материала по делу требует времени: нужно написать в трех экземплярах протоколы, допросить всех свидетелей, да еще подготовить отдельный отчет о происшедшем. Этого требует инструкция. Но уже сегодня документы будут представлены в Перреон, судебному следователю. А там вскоре состоится суд, и Розуа переведут в городскую тюрьму.

— Суд и всю эту чепуху можете оставить для себя! — со злостью выпалил Пьер Розуа.— Я хочу, чтобы меня судили не в Перреоне, а в Пон-л'Эвеке, черт вас возьми!

Префект Бродекен взвился: сколько можно слушать об этом проклятом Пон-л'Эвеке!

— Я же тебе уже десять раз говорил, что тебя будут судить там, где совершено преступление! Так предписывает закон. А французский законопорядок — это тебе не бродячий цирк, который выступает там, где ему захочется!

Розуа покачал седой головой:

— Законы я знаю, можешь меня не учить. Там записано, что преступника, если он совершил преступления в нескольких местах, судят там, где совершено наиболее тяжкое. А самое тяжкое я совершил именно в Пон-л'Эвеке.

Бродекен прищурился и, перегнувшись через стол, схватил старика за грудь. Подтянув его вплотную к себе, он, как дворовый пес, почуявший поблизости бездомного кота, зло прорычал:

— Та-ак, значит, у тебя за душой еще что-то есть, каналья! То-то я думаю... Ну что ж, давай выкладывай, что ты еще украл! Ну, говори!

— Я убийца, даже вдвойне убийца! В Пон-л'Эвеке я прикончил двух человек, вот так!

Он вырвался из рук префекта, вскочил и гордо выпрямился, будто только что сообщил, что президент посвятил его в кавалеры ордена Почетного легиона.

Бродекен на мгновение лишился дара речи, но тут же догадался о цели подобного признания: бродяга непременно хотел вернуться в Пон-л'Эвек! В чем тут было дело — Бродекен еще не понимал. Но если старик берет на себя даже двойное убийство, видимо, для этого есть какие-то веские причины. Надо было бы в этом разобраться. Во всяком случае, он хотел поломать планы старика. Его нужно оставить сидеть в коровнике, пока не поумнеет. Бродекен мог еще четыре недели держать протоколы в своем письменном столе, до тех пор, пока не начнутся рождественские праздники, и тогда судебное разбирательство в этом году уже не смогло бы состояться.

Бродекен невозмутимо откинулся в кресле, взял тоненькую папку с документами и перелистал их. Со следующим вопросом он не торопился:

— Итак, ты хочешь иметь двойное убийство! Хм...

Ну, тогда расскажи-ка мне, кого ты убил, когда, почему и при каких обстоятельствах. Ты же все это должен знать, раз ты убийца, не так ли, Розуа? Или тебе отказала память?

Пьер Розуа, казалось, только этого и ждал. Он затараторил, как будто рассказывал выученный наизусть рождественский стишок:

— Это была супружеская пара — Пеллегрены. Убийство я совершил 27 апреля прошлого года. В Пон-л'Эвеке у Пеллегренов был трактир. Я их не переваривал. Они всегда задирали перед нами нос, им не нравилось, видите ли, если к ним заходили осужденные. Они продавали нам кальвадос только тогда, когда в трактире не было никого из посетителей. Страшные люди...

— Так, ну и дальше, что случилось с Пеллегренами? — перебил его префект. Он уже слушал с вниманием.

— Сначала ничего... 27 апреля меня выпустили из тюрьмы. Где-то в середине дня... в «Отель де Пари» я перекусил, а потом пришли несколько моих друзей, и мы решили это дело обмыть. Засиделись до десяти часов вечера. Я уже собирался идти переночевать в тюрьму, но тут увидел, что в трактире у Пеллегренов горит свет. Гюстав еще домывал посуду, а Луиза, его старуха, закрывала ставни. Значит, у них уже никого нет, подумал я, и Гюстав нальет по-быстрому стаканчик кальвадоса, особенно если оказать ему любезность и угостить. Знаете, Гюстав был в общем-то мужик ничего, и, если появлялась возможность пропустить по одной, он никогда не говорил «нет». Вот только она, Луиза, была бестией... Собственно говоря, именно из-за нее все и получилось.

— Да, всякое бывает,— опять прервал его префект, ерзая в кресле от нетерпения.— Давай уже переходи к убийству!

— Сейчас, осталось совсем немного...— обнадежил его старик и нагло потянулся к пачке сигарет, которая открытой лежала на столе у Бродекена. Обстоятельно, со знанием дела раскурив сигарету, он продолжил: — Как я и рассчитывал, Гюстав сразу потянулся за бутылкой, но Луиза разоралась: «Этот приблудный пес ни капли не получит! Ты что, хочешь совсем отвадить приличных клиентов?!» А меня обозвала разбойником и каторжником... Она была самой базарной бабой во всем Пон-л'Эвеке, это я вам точно говорю...

— Понимаю, понимаю, но что же произошло дальше?

— Да, так вот, как потом все получилось — я толком и не знаю... Луиза схватила меня за шиворот и стала выталкивать вон, а я уцепился за печку... Тут мне под руку подвернулся угольный совок, и, когда Луиза ко всему еще отвесила мне оплеуху, я ей ответил... совком. Гюстав бросился защищать жену. Все это так меня взбесило, что я и ему со злости влепил. Вот так и получилось два покойника. А ведь этого у меня и в мыслях не было. Что теперь оставалось делать? Я затащил трупы за стойку и закрыл дверь на улицу. В это время кто-то прошел мимо трактира. Заметил он меня или нет — я не понял. Во всяком случае, надо было поскорее сматываться. Я прихватил только пару бутылок кальвадоса и что было в кассе. Там не набралось и десяти тысяч франков. Курам на смех... Я хотел сразу пойти на вокзал — в одиннадцать был поезд на Кан, но тут же передумал. Если убийство откроется быстро, то в первую очередь убийцу будут искать на вокзале. Поэтому сперва я позаботился, чтобы не оставить явных следов, а потом оттащил трупы в маленький автофургон, который стоял во дворе трактира, и вывез их в березовый лесок. Вот... в леске и закопал, среди только что посаженных березок... В газете я потом прочитал, что трупы нашла там полицейская собака. У меня не было времени закопать поглубже... Первый утренний поезд в Кан шел очень рано, а я хотел обязательно на него успеть.

Префекту стало как-то не по себе. Не мог же старик все это сочинить, подумал он и покачал головой. Но зачем ему вдруг признаваться в убийстве, если против него не было никаких подозрений?

Бродекен не мог решить, стоит ли верить в эту странную историю. Чтобы собраться с мыслями, он закурил сигарету, не переставая наблюдать за бродягой. Тот, как и прежде, с беспечным видом сидел перед ним, и его хитрые глаза, казалось, спрашивали: «Ну что теперь? У тебя, похоже, язык отнялся?»

Префект откашлялся и с угрозой проговорил:

— Какое-то странное получилось признание, Розуа. Предупреждаю: если ты меня хочешь провести, это выйдет тебе боком. К твоему взлому прибавится еще и дезинформация полиции, и ты получишь на год больше. И отбывать наказание будешь здесь, в Монтежуре, в коровнике. Уж я об этом позабочусь!

Старик только пренебрежительно усмехнулся:

— Если вы мне не верите, то возьмите и проверьте.

Пошлите запрос в Пон-л'Эвек... Я бы мог вам еще сотню всяких подробностей порассказать.

Теперь уже Бродекен взялся за бродягу всерьез. Он заставил его четыре раза повторить от начала до конца всю историю о якобы совершенном им двойном убийстве. Однако Розуа не дал себя запутать в противоречиях. Более того, он нарисовал схемы места преступления и места захоронения трупов хозяев трактира. Пожалуй, и криминалист не смог бы сделать это более точно и наглядно. Теперь уже почти не оставалось сомнений, что оба убийства совершил Розуа. Префекта полиции Монтежура даже дрожь пробрала. Об убийствах он знал только из детективных романов да из кинофильмов, которые раз в месяц смотрел в Перреоне. Во всей округе со времен войны не было ни одного убийства. Ему стало даже немного жутко видеть перед собой настоящего, хладнокровного «двойного» убийцу, несмотря на то что за окном был ясный день, а убийца имел вид безобидного человека.

Четыре часа понадобилось Бродекену, чтобы со всеми подробностями запротоколировать ужасное признание. Затем, снова заперев Розуа в коровнике, он поспешил на мотоцикле в Перреон — передать документы в прокуратуру. Пусть они проверяют признание, а потом делают со стариком что захотят. У Бродекена уже прошло желание оставить Розуа на зимовку в тюрьме-коровнике Монтежура.

Две недели спустя Бродекена вызвали в прокуратуру Перреона. Главный прокурор, шеф полиции и даже бургомистр в знак признательности жали ему руку, обещали скорое повышение по службе и хвалили его криминалистические способности. Главный прокурор сообщил, что Пьер Батист Розуа действительно тот убийца Пеллегренов из Пон-л'Эвека, которого уже полтора года безуспешно разыскивали по всей Франции. Протоколы допроса доказали это однозначно; показания Розуа до мельчайших деталей совпадают с протоколами осмотра места происшествия; его схема ничем не отличается от той, которую составила комиссия по расследованию убийств сразу после преступления. И именно там, где отметил Розуа, ищейка нашла трупы. Это мог знать только один человек — убийца Пеллегренов!

Французской провинциальной полиции, над которой, кстати, довольно часто подтрунивали, Бродекен оказал исключительную услугу. Господин бургомистр одобрительно похлопал его по плечу и заверил, что теперь во всей стране о деревенских полицейских будут говорить только с глубочайшим уважением. Когда тюремная машина забирала «двойного» убийцу из коровника Монтежура, чтобы перевезти в Пон-л'Эвек, Бродекен растроганно пожал ему руку и незаметно сунул в карман пиджака пачку «Галуаз».

В конце концов, ведь именно ему префект был обязан теперешней славой и предстоящим повышением по службе; поэтому он как бы просил у старика прощения за то, что вначале усомнился в правдивости его признания.

А тем временем Пьер Батист Розуа, радостно насвистывая, уже сидел в полицейском автомобиле, который отправлялся на север, в Нормандию, в его любимый Пон-л'Эвек. Он добился поставленной цели — снова будет зимовать в своей тюрьме.

Бродекен из окна префектуры проводил взглядом отъезжающую машину, пока ее не закрыло огромное облако пыли, и покачал головой. Простой деревенский полицейский никак не мог понять, почему отпетый убийца, которого полтора года безрезультатно разыскивала полиция, вдруг решил признаться, хотя его об этом не спрашивали, а поначалу даже и слушать не хотели.

Несмотря на то что в Монтежуре вскоре каждый ребенок знал историю убийцы Розуа, в Лионе о нем почти никто не слышал, не говоря уже о Париже. Местные газеты поместили фотографию префекта, в Перреоне опубликовали интервью с ним, но крупные газеты полностью проигнорировали это событие. В Монтежуре же по-прежнему все только и говорили о «двойном» убийце и каждый день спрашивали у Бродекена: «Ну как, Клод? Старика уже судили? Нашлись у него смягчающие обстоятельства, или его отправили на гильотину?»

Даже если бы сам префект и не интересовался исходом дела, земляки все равно заставили бы его разузнать об этом. Первое, и пока единственное, уголовное происшествие в забытом богом местечке на Соне никого не оставило равнодушным — каждый хотел знать, чем же все закончится.

Префект вынужден был день за днем просматривать почти половину всех французских газет, но так ничего в них и не нашел. Наконец он направил в прокуратуру Перреона запрос, в котором просил уведомить о ходе расследования данного уголовного дела. Запрос остался без ответа.

Тогда Клод Бродекен еще раз сел за свою дребезжащую пишущую машинку, разложил оставшиеся у него документы и напечатал новый запрос, но уже в прокуратуру Пон-л'Эвека. В нем префект просил сообщить ему, чем закончилось дело убийцы и вора Пьера Батиста Розуа.

Ответ из Пон-л'Эвека произвел в Монтежуре впечатление разорвавшейся бомбы: «Производство по указанному в запросе делу прекращено. Как установлено местной прокуратурой, обвиняемый не имеет никакого отношения к упомянутому убийству. Настоящий убийца супругов Пеллегрен уже арестован в Швейцарии и в скором времени будет передан французским властям. Обвиняемый Розуа сделал ложное признание из тщеславных побуждений. С учетом смягчающих обстоятельств он приговорен к пяти месяцам тюремного заключения за дезинформацию полиции и повторные кражи. Приговор вступил в силу, и осужденный отбывает срок наказания в Пон-л'Эвеке. Прокурор Боту».

Не веря своим глазам, Бродекен раз за разом перечитывал ответ. Такого никак не могло быть, чтобы тот, кто знал об убийстве все до мельчайших подробностей и даже рисовал схемы места преступления, в то же время не имел к этому убийству никакого отношения. Тут что-то не так!

В эту секунду простой деревенский префект принял решение, которое повлекло за собой крупнейший юридический скандал в послевоенной Франции и прославило на весь свет никому доселе не известный небольшой городок Пон-л'Эвек. Однако Бродекен, собираясь в Пон-л'Эвек, чтобы самому на месте разобраться во всем, пока ни о чем таком не подозревал. Он приехал в город и остановился в «Отель де Пари», который находился как раз против административного здания тюрьмы. Было уже за восемь вечера, и о каких-нибудь служебных делах не стоило и думать. Бродекен отправился к себе в номер, помыл руки и спустился поужинать в ресторан. Вскоре его начал раздражать сильный шум, доносившийся из соседнего помещения. Несколько подвыпивших мужчин веселились там в свое удовольствие. Один из голосов, настолько громкий, что перекрывал все остальные, показался Бродекену знакомым, но он никак не мог вспомнить, кому этот голос принадлежит.

В тот момент, когда официант подавал Бродекену заказанное им седло барашка, дверь соседней комнаты

открылась и из нее, спотыкаясь, вышли двое пьяных пожилых мужчин. От неожиданности префект выронил вилку — одним из выпивох был... Пьер Батист Розуа!

Не заметив Бродекена, он протащил своего собутыльника через весь зал ресторана до дверей отеля и исчез вместе с ним за тяжелой входной портьерой. Это настолько ошарашило Бродекена, что он даже не сообразил окликнуть Розуа, а тот был слишком пьян, чтобы узнать префекта в гражданском костюме. Способность говорить вернулась к Бродекену, только когда официант, кашлянув, обеспокоенно спросил:

— В чем дело, месье, вам нехорошо? Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Нет, нет, все в порядке,— ответил префект.— Хотя... не откажите в любезности, скажите, кто эти два господина, которые только что... э-э, так сказать, вышли отсюда?

Официант посмотрел на портьеру, сдержанно улыбнулся и тихо проговорил:

— Если вы имеете в виду того господина, который выглядел немного... уставшим, то это месье Билла, директор тюрьмы.

— А другой? Кто был другой?

— Месье Розуа, полагаю... близкий друг месье Билла.

— А остальные господа в соседней комнате тоже близкие друзья месье Билла?

— Думаю, что да... Во всяком случае, они довольно часто бывают здесь вместе с ним.

Любопытство клиента показалось официанту подозрительным, и он поторопился оставить его в одиночестве.

Факты, с которыми Клод Бродекен неожиданно столкнулся, породили у него лишь смутную догадку. Но неделю спустя уже вся Франция, да и не только она, узнала о пикантной ситуации, которая сложилась в тюрьме Пон-л'Эвека и вокруг нее. В этом небольшом нормандском городе нашла воплощение идея веселой тюрьмы из оперетты «Летучая мышь». То, что во всем мире разыгрывается на театральной сцене, здесь происходило в действительности в течение многих лет. Более сотни заключенных — семьдесят один мужчина и тридцать пять женщин — жили в режиме самоуправления, который позволял им делать все, что угодно. Запрет был только один: никому не разрешалось бежать из тюрьмы! Столь многообразна была жизнь в этой веселой тюрьме,

по силам изобразить, пожалуй, только авторам оперетт и романистам... Мы же ограничимся сухим рассказом о суде над Фернаном Билла, последним директором этого увеселительного заведения с решетками на окнах.

Процесс состоялся летом 1957 года в присяжном суде города Кан под председательством Рене Шоссери-Лапре. В качестве свидетелей были вызваны двадцать пять мужчин и десять женщин — бывших заключенных тюрьмы в Пон-л'Эвеке. Они появились в сопровождении отряда вооруженных до зубов полицейских, и этот факт заставил одного из журналистов написать: «В этом как раз и состоит главная проблема данного уголовного дела: подсудимый перевернул весь тюремный порядок с ног на голову, но при этом добился того, что из его тюрьмы не бежал ни один заключенный и все они честно, до конца искупили свою вину в соответствии с вынесенным судом наказанием. Теперь государство определило такой способ обращения с преступниками как преступление, а человека, который его внедрял в жизнь, хочет упрятать за решетку. Но вот в чем загвоздка — эта официальная справедливая законность нуждается в вооруженных полицейских больше, чем заключенные... Что же это тогда за справедливая законность?»

Однако подобные глубокомысленные размышления суду присяжных были ни к чему. Состав преступления с юридической точки зрения был налицо; речь шла только о том, какую определить меру наказания. Бывшие заключенные Пон-л'Эвека, немного смущенные, сидели на скамье свидетелей, и, когда обвиняемого провели мимо них в большой зал судебных заседаний, некоторые посмотрели на него с грустью и сочувствием. Даже в глазах уличного грабителя Жоржа Гнудде, который получил семь лет и которому так не повезло — через два месяца его пребывания в Пон-л'Эвеке тюрьму закрыли,— заметно было искреннее сострадание.

Но больше всех переживал Пьер Батист Розуа. Когда Билла проходил мимо него, по щекам старика катились крупные слезы. Он чувствовал свою ответственность за то, что после отзыва месье Билла из Пон-л'Эвека там воцарился строгий порядок. Если бы он не вылез в Монтежуре с этой глупой историей и двойном убийстве, двери кутузки в Пон-л'Эвеке еще долго стояли бы открытыми...

В дополнение ко всем несчастьям его вызвали в зал первым, и председатель суда с завидным упорством стал расспрашивать о всех деталях его пребывания в Монтежуре. Разумеется, у присутствующих рассказ Розуа вызвал заметное оживление и даже приступы веселья, но, когда он смотрел на скамью подсудимых, ему от стыда хотелось провалиться сквозь землю. Больше тридцати раз стоял он перед судьей, но никогда еще не принимал этого так близко к сердцу, как сейчас.

Наконец, председатель суда сказал:

— Ну и еще один вопрос к вам, свидетель Розуа. Как вы, собственно, узнали об этой истории с убийством супругов Пеллегрен? Почитать ваши показания в Монтежуре — так и действительно поверишь, что вы убийца. Где же вы смогли разузнать обо всех этих подробностях?

Старый Пьер Батист в смущении опустил голову, чтобы скрыть хитрую усмешку — при всей серьезности ситуации он не смог сдержаться от нее,— и начал рассказывать:

— Вы, видно, знаете, господин судья, что нам, малоимущим заключенным, приходилось зарабатывать карманные деньги за стенами тюрьмы. Чтоб каждый вечер сидеть в ресторане, надо ведь было кое-что в кармане иметь... Ну вот, а месье Билла был так любезен, что пристроил меня временно работать в прокуратуру кем-то вроде писаря. Сам писарь вообще-то заболел гриппом, а так как месье Билла знал, что у меня хороший почерк — ведь зимой в управлении тюрьмы я приводил в порядок все бумаги, которые набегали за лето,— то он поручил мне помочь новому прокурору, господину Поносье. Это было как раз в то время, когда супругов Пеллегрен убили в их собственном трактире. Господин Поносье должен был составлять протоколы полицейского расследования, но он доверил это мне. Вот так я и узнал о многих деталях убийства. Потом это мне очень пригодилось.

Они меня там, в деревне, заперли в какой-то жуткий коровник. А мне уж больно хотелось назад, в Пон-л'Эвек. Вот я и признался по собственной инициативе в двойном убийстве. Детали я отлично знал из протоколов. Мне только нужно было, чтобы их опять запротоколировали. А когда проверили мои показания, то все совпало — слово в слово. Я думаю, в Монтежуре даже гордились тем, что наконец-то и у них нашелся настоящий убийца. Мне, во всяком случае, так показалось.

Председателю тоже пришлось сделать усилие, чтобы сдержать улыбку.

— Ну хорошо, свидетель, можете быть свободны,— сказал он быстро, чтобы не выдать себя.

Розуа только вздохнул, когда двое конвойных, которые постоянно находились рядом с ним, вывели его из зала. По крайней мере, ему не нужно было больше смотреть в печальные глаза обвиняемого — директора тюрьмы.

Следующим вызвали Рене Гренвиля, специалиста по подделке векселей. Он тоже вытирал слезы, когда подходил к свидетельскому месту.

— Свидетель Гренвиль,— начал допрос судья,— как долго вы были заключенным в Пон-л'Эвеке?

— Два года,— учтиво ответил Гренвиль,— из-за досадной ошибки одного вашего коллеги. Я до сих пор не пойму, за что меня посадили...

— Оставим это,— махнул рукой председатель суда,— меня сейчас интересует обстановка в тюрьме, а не ваше уголовное дело. Итак, какое положение в тюрьме занимали непосредственно вы?

В поисках подходящих слов Гренвиль помедлил с ответом:

— Непосредственно я был заключенным, но месье Билла вскоре проникся ко мне доверием...

— Господин свидетель, не могли бы вы выражаться поточнее? — потребовал председатель суда.

— Ну, в общем... я был, так сказать, его заместителем, если угодно... Месье поручил мне заниматься административными вопросами: пропускной режим, обеспечение продуктами кухни, проверка счетов, ну и всякие там происшествия...

— И вы, заключенный, выписывали отпускные свидетельства и увольнительные вашим, так сказать, сокамерникам? Неужели директор не опасался злоупотреблений, которые при этом могли быть? — допытывался председатель.

— Я ведь уже сказал, что месье Билла проникся ко мне доверием,— ответил задетый Гренвиль.— К тому же ничего такого никогда не случалось. Все шло своим заведенным порядком.

— А как же тогда быть с заключенным Лаграндом, которого освободили на три месяца раньше с фальшивым постановлением об амнистии?

— Это единственное исключение, господин председатель. По семейным обстоятельствам... Жена Лагранда собиралась с одним типом ехать в Тунис: не могла больше выносить одиночества. Вот мы и отпустили его раньше времени — ведь это было бы не по справедливости: из-за каких-то трех месяцев рушить многолетнюю счастливую семейную жизнь. Он получил соответствующие документы...

— Вы имеете в виду фальшивые документы, свидетель? Ведь постановление об амнистии должна выдавать прокуратура, не так ли, Гренвиль?

— Там только печать была не прокурорская, господин председатель. А само постановление Розуа взял, как положено, в канцелярии прокуратуры. Только печати не хватало...

Для председателя суда это уже было чересчур:

— Бог мой! Так ведь печать — это же самое главное! Постановление в канцелярии можно было выписать без всяких проблем, тем более что Розуа работал там писарем. А вот печать хранится у прокурора. Он бы сразу заметил, что дело здесь нечисто.

— Ну-у, печать Андре сварганил просто классно, один к одному. Ее вообще нельзя было отличить от настоящей.

— Андре, Андре?..— заинтересовался судья.— Это уж не тот ли...

— Фальшивомонетчик,— пришел на помощь Гренвиль,— который из сотенных купюр делал тысячные. Да, это он. Гений, скажу я вам... Ржавым гвоздем из крышки консервной банки делал такую государственную печать, что сам шеф канцелярии президента не разобрал бы, что к чему...

— Скажите, свидетель Гренвиль,— прервал председатель его дифирамбы фальшивомонетчику Андре,— обвиняемый знал обо всех этих делах? Может быть, он получал за это деньги или что-нибудь еще?

— Да что вы, господин председатель! Помилуйте! — В ужасе от такого страшного подозрения Гренвиль ударил себя в грудь.— Не хватало еще нам докучать месье Билла всеми этими мелочами. Он ведь испытывал прямо-таки отвращение ко всякой писанине, так что мы сами все делали.

— И его подпись тоже?

— Иногда, господин председатель. Только чтобы избавить месье Билла от угрызений совести.

Председатель, вероятно, уже понял, что у свидетеля не вытянешь ни слова против обвиняемого. Его терпение иссякло:

— Спасибо, достаточно.— И он сделал знак полицейским у входа пригласить в зал следующего свидетеля.

Ввели Хьюго Алена — высокого, худого как щепка бродягу, внешним видом напоминавшего огородное пугало. Он загромыхал прежде, чем председатель суда успел задать ему вопрос:

— Я вот что вам скажу, господин советник!.. Всего этого свинства не случилось бы, если бы у нас не появился этот чванливый сброд из Довиля и не разложил бы нашу мораль. Нам напихали всяких там фальшивомонетчиков, брачных аферистов, махинаторов с поддельными бумажками — тьфу, черт! А ведь раньше у нас была солидная тюрьма — только бродяги, неплательщики, браконьеры, ну, в крайнем случае, мелкие взломщики. Месье Билла знал, что на всех можно положиться. Не чаще двух раз в неделю мы ходили на рынок, в пивную, а ровно в десять часов отправлялись на боковую. Чтобы у нас кто-нибудь отсутствовал всю ночь — такого ни разу не было. Мы всегда были там почти как дома... Я, в основном, приходил в ноябре, как и Розуа. И когда директор мне говорил: «Ну что, Ален, опять сдрейфил?» — я сразу чувствовал, что вернулся домой. Летом, оно, конечно, хорошо побродить... Но когда время подходит к рождественским праздникам, хочется, чтобы снова была крыша над головой и несколько человек вокруг тебя. В Пон-л'Эвеке мы жили одной семьей. Особенно здорово было в сочельник, когда мы пели рождественские песни, а потом, ночью, вместе с директором шли в церковь. А с тех пор, как у нас ошиваются эти гангстеры из Довиля, стали петь только непристойные песни. А бабы... те совсем стыд потеряли...

Председателю суда показалось, что он ослышался:

— Что вы сказали? Женщины во всем этом тоже принимали участие?

— Еще бы! — возмущенно фыркнул Ален.— Месье Билла был слишком добр. Он не мог сказать «нет», даже когда эти бандиты поздно ночью приводили своих потаскушек из Довиля. Ну, там были и штучки, должен вам сказать... Раздевались и танцевали себе голые на столах. Даже в душ ходили вместе с мужиками. Все хотели нашего брата совратить, но мы гордость еще до конца не потеряли. Чего они только не вытворяли. Я...

Тут вдруг Ален запнулся. Он увидел, что среди присяжных заседателей находятся три почтенные пожилые дамы. Они сидели с каменными лицами и застывшими

глазами смотрели сквозь свидетеля.

— Я... я не знаю, следует ли мне рассказывать дальше,— неуверенно проговорил он.— Все это в общем-то довольно неприлично.

— Свидетель! — напустился на него молодой прокурор.— Вы должны здесь говорить только правду и не имеете права о чем-либо умалчивать. Вам же в самом начале об этом говорили... Так что, пожалуйста, без церемоний!..

Покашливание председателя суда заставило его замолчать.

— Господин прокурор,— сказал судья,— я думаю, того, что нам уже успел рассказать свидетель, вполне достаточно, чтобы представить картину происходивших событий. Нам, пожалуй, не обязательно знать все до последних мелочей.

Прокурор, похоже, с большим удовольствием послушал бы, что же именно вытворяли дамы в тюрьме. Поэтому он разочарованно проговорил:

— Пожалуйста, господин председатель, если вы считаете, что полученных сведений достаточно, чтобы определить меру наказания подсудимому. В случае необходимости мы ведь можем не оглашать некоторые детали дела по соображениям нравственного порядка. Решение зависит от вас.

Председатель глянул на шокированных женщин, сидящих на скамье присяжных заседателей:

— Я думаю, дамы и господа присяжные заседатели получили уже достаточно информации. Давайте тогда продолжим.— Он повернулся к обвиняемому Билла.— Обвиняемый, у меня есть еще вопрос по этой теме к вам: вы знали обо всем этом непотребстве?

Билла, густо покраснев, утвердительно кивнул головой, а затем тихо добавил:

— Но ведь это случилось всего один-два раза. Потом я категорически запретил своим людям подобные вещи.

— Как бы не так! Один-два раза!..— возмущенно вмешался Ален.— Шесть раз это было — не меньше... Могу поклясться! Ну а потом, когда месье Билла запретил это в тюрьме, все происходило в «Отель де Пари». В тюрьму они приходили только на следующий день, не раньше десяти часов утра.

— Так что же, заключенные могли отсутствовать всю ночь? — спросил пораженный председатель суда.

— Конечно. У кого в кармане было полно денег, тот

мог заплатить за дорогой номер в отеле... Зачем ему ночевать-то все время в камере. Это удел таких бедолаг, как мы. А месье Билла этого просто не видел. Ведь он приходил на службу в полдень.

Председатель суда в растерянности всплеснул руками:

— Выходит, у вас там любой, когда ему заблагорассудится, мог взять и убежать?

Ален энергично затряс головой:

— Вы же видите, господин председатель, никто из этих паразитов ничего такого не сделал. Так хорошо, как в Пон-л'Эвеке, им бы уже нигде не было. Рано или поздно они все равно попались бы, поэтому никто не хотел рисковать. Кто хоть раз побывал у нас, у того пропадало желание бежать. Они же жили, как в раю, эти тунеядцы... Давали нам пару франков на выпивку, и мы должны были за это их обхаживать. Жан Манги, вот был тип, самый гонористый во всей этой шайке из Довиля... Так он весь день не вылезал из своего дорогого халата и только командовал, как будто он — месье Билла. Когда он принимал солнечные ванны на тюремном дворе, я должен был тащить туда директорскую кушетку и шелковое стеганое одеяло. Он устраивал себе ежедневные солнечные ванны, чтобы после заключения его бледное лицо не бросалось людям в глаза. Это повредило бы его профессиональной деятельности, как-то сказал он мне. Он ведь был гостиничным вором...

Я, правда, пожаловался месье Билла на эти великосветские замашки, но он, как всегда, по своей доброте рассудил, что человека и так судьба обидела — он вынужден против своей воли сидеть в тюрьме. Так пусть уж у него будет какое-то облегчение. Особенно, мол, у бедняги Манги, которому досталось гораздо больше, чем нам, бродягам. Он должен был оттрубить пять лет, а это-таки, действительно, судьба обидела... Директор в этом знал толк, ведь во время войны он три года провел в немецком плену. Почему бы и не позволить парню немного отвлечься?

К тому же месье Билла всегда говорил, что хочет из уголовников сделать снова нормальных, порядочных людей. А этого можно добиться только снисхождением и любовью. Плохое обращение вызовет новую ненависть и неверие в справедливость, тогда уже никакие наказания не помогут. Так думал директор.

Я его никогда не понимал... По мне, так с этими

заносчивыми обезьянами из Довиля надо было бы совсем по-другому обращаться. Но директором был Билла, у него был опыт — он ведь уже семнадцать лет работал в этой системе. Так что в подобных вопросах он должен был хорошо разбираться. А вообще-то директор Билла — прекрасный человек, вот только слишком снисходительный,— закончил свое выступление Ален и еще раз с благодарностью посмотрел на обвиняемого.

Теперь за него взялся прокурор. Он все-таки нашел возможность еще раз, уже подробно, остановиться на сценах совместного купания заключенных и девиц из Довиля. Но напоследок спросил о другом:

— Получал ли обвиняемый от заключенных какое-нибудь денежное вознаграждение за те недопустимые послабления, которые он разрешал?

Свидетель Ален решительно отверг это:

— Да нет же, господин прокурор! Месье Билла не получил ни франка. Ну разве что приглашали его в «Отель де Пари» на устриц да на бутылку перно... Но не больше. Да и то сказать, месье Билла, видно, соглашался потому, что такие деликатесы были ему не по карману. Ведь управление юстиции платило ему жалкие гроши.

— Об этом я вас не спрашивал,— раздраженно пробурчал прокурор и зарылся в свои бумаги.

Завершением и одновременно кульминацией процесса был допрос магазинного взломщика и вора Эжена Бруасьера. Приговоренный к четырем годам тюремного заключения за многочисленные взломы и ограбления магазинов, Бруасьер провел три года в милом Пон-л'Эвеке и был посвящен во все тонкости тюремных традиций. Тот, кто, увидев впервые Эжена Бруасьера, стал бы читать его «послужной» список, сразу бы понял, что он плохо знает людей. Даже в не слишком элегантной арестантской одежде, в которой Бруасьер вошел в зал, он выглядел истинным джентльменом. Его голова с черными, седеющими на висках волосами имела благородные очертания и придавала ему вид парижского аристократа. Небольшие изящные руки своей нервной подвижностью напоминали руки пианиста. Прежде чем начать «покупать при помощи фомки», как не без юмора охарактеризовал свой род занятий сам Бруасьер, он долго тренировал руки карманными кражами.

Столкнувшись в дверях судебного зала с бродягой, он, словно великий князь, скользнул по нему высокомерным взглядом. Несмотря на то что они провели под

одной крышей многие месяцы, взломщик по-прежнему сохранял ярко выраженное чувство превосходства.

Высокий суд Бруасьер удостоил легким поклоном. Он с готовностью откликнулся на просьбу председателя суда охарактеризовать в общих чертах жизнь в тюрьме Пон-л'Эвека.

— Это было гуманно и соответствовало достоинству индивидуума, созданного богом. За все следует благодарить месье Билла. У него довольно значительные заслуги в деле перевоспитания доверенных ему питомцев,— высокопарно начал Бруасьер.

— В таком случае дайте, пожалуйста, суду описание того, как в тюрьме обычно протекал ваш день,— сказал председатель. Он старался подражать высокому слогу свидетеля.

Бруасьер опять сделал легкий поклон:

— Извольте, господин председатель, это много времени не займет. В десять часов — подъем. Завтракал я всегда в отеле, но большинство заключенных это делали на месте. До обеда разгоняли скуку покером. Причем начинал игру тот, кто накануне вечером платил в отеле или в одной из пивных, куда заключенные регулярно наведывались.

— Утверждают, что обвиняемый тоже принимал участие в карточной игре,— прервал его председатель.

— Иногда, господин судья. Но если месье проигрывал, ему не надо было платить. Это за него делал кто-нибудь из заключенных. У месье Билла ведь большого дохода не было...

— Он выпивал с вами на выигранные деньги? — заинтересовался прокурор.

— Если ему позволяло время. Он был достаточно любезен, чтобы не обижать нас и не лишать выпивки.

Прокурор что-то усердно записывал.

В это время спросил председатель суда:

— В последний год вы реже стали участвовать в этих пирушках, не так ли, свидетель? Почему?

— Да просто потому, что все это стало слишком однообразным: сидеть каждый вечер в пивной, видеть перед собой одни и те же лица и слушать сотни раз уже слышанные шутки. Я предпочитал ходить в кинотеатр на рыночной площади. Но, к сожалению, в Пон-л'Эвеке показывали только старые фильмы, и к тому же не очень содержательные... Позже я стал заказывать «тачку» и ездил погудеть в Довиль. Там есть несколько симпатичных

баров почти международного уровня, с приличной публикой...

— А откуда у вас были деньги на посещение этих международных баров, господин свидетель? Там же, видно, весьма приличные цены? — спросил судья, чтобы направить допрос в другое русло.

Бруасьер понимающе улыбнулся, но ответил довольно уклончиво:

— Сначала у меня было кое-что в банке... из того, о чем полиция не узнала, когда меня в последний раз арестовала...

— А потом? Вы ведь накануне перевода из Пон-л'Эвека чуть ли не каждую ночь проводили в Довиле.

— Ну это, я бы сказал, было в определенной степени официально, по поручению полиции. В данном случае мои расходы оплачивал секретарь уголовной полиции Флобер.

Немного поколебавшись, председатель задал следующий вопрос:

— Хорошо, господин свидетель, давайте уж тогда мы сразу разберемся и с этим моментом. Расскажите-ка нам, какая тут связь с арестованным секретарем уголовной полиции.

Бруасьеру, похоже, это требование пришлось не по вкусу:

— Вы гораздо лучше узнаете обо всем из документов, господин председатель. Разве здесь это так уж необходимо?

— К сожалению, да,— сочувствующим тоном сказал судья. Это означало: я бы с удовольствием отказался от этого, но увы... Вслух же он добавил: — Присяжные заседатели, Бруасьер, не знают документов, и поэтому их надо проинформировать. Итак, прошу вас!

Глубоко вздохнув, Бруасьер начал свой рассказ о таинственной и странной ночной жизни одного из французских заключенных:

— В Довиле, в баре «Голливуд», однажды ночью я неожиданно встретил секретаря уголовной полиции Флобера. Мы познакомились с ним при обстоятельствах, предшествовавших моему последнему осуждению.

— Флобер задержал свидетеля после ограбления им магазина меховых изделий,— пояснил председатель суда присяжным скупые слова Бруасьера.

— Да, можно и так сказать... Мне, конечно, очень не

по нутру была эта внезапная встреча: ведь Флобер должен был знать, что я сижу в Пон-л'Эвеке, а мне не хотелось доставлять неприятности месье Билла. Однако господин секретарь просто развлекался в баре и не задавал никаких вопросов. Мы выпили с ним несколько аперитивов и коктейлей и почувствовали друг к другу какое-то расположение...

— И сразу перешли к делу, не так ли, Бруасьер?

— Ну, не за первым же коктейлем... но потом — да.

— Он делал вам какие-нибудь предложения?

— Да, уже потом...

— Он предлагал ограбить какой-то конкретный магазин?

Бруасьер, как бы защищаясь, поднял руки:

— Помилуйте, господин председатель, так вопрос не стоял. Я не хочу, чтобы это дело получило такую интерпретацию. Я действовал по заданию полиции и даже под ее контролем. Месье Флобер был все время рядом, когда я выполнял его поручения, и следил, чтобы не произошло каких-нибудь неприятных неожиданностей. Кроме того, я ведь за все время ничего не украл. Владельцы магазинов, товары из которых я... ну, можно сказать, эвакуировал, были с самого начала в курсе дела, так как они сами давали задание месье Флоберу. Я полагаю, что потом они почти все получили назад.

Председатель суда с пониманием кивнул, но присяжные и несколько сот человек в переполненном зале затаили дыхание и в недоумении уставились на взломщика.

— Бруасьер, объясните, пожалуйста, дамам и господам присяжным заседателям, что за всем этим кроется, а то ваши намеки никто не понимает.

Теперь, когда напряженное внимание всех присутствующих сконцентрировалось на нем, Бруасьер наконец-то почувствовал себя в своей стихии:

— Пожалуйста, господин председатель. Причины здесь больше экономического характера. Состояние рынка в Довиле не из лучших. Большие роскошные магазины, которые годами ориентировались на иностранных туристов, начали терять свои позиции. В страну все меньше и меньше приезжает иностранцев, так как они стали предпочитать Италию, Испанию, Грецию... К этому добавлю, что с тех пор как я начал работать в городе на свой страх и риск, страховые компании подняли размеры взносов при страховании от взломов и краж на сто процентов. Так как я долгое время был нетрудоспособным, краж и взломов стало гораздо меньше, и деловые люди, считай, просто так, ни за что, платили высокие страховые взносы. В своей нужде они обратились к секретарю уголовной полиции Флоберу. Он, мол, должен позаботиться о том, чтобы их магазины снова обкрадывали и взламывали, потому что для них это самая быстрая и самая надежная форма товарооборота. Ну вот, когда Флобер меня так нежданно-негаданно встретил, он предложил мне осуществить эти, такие желательные, взломы. Конец вы знаете: под контролем Флобера я начал лазить по магазинам. Эти взломы надо было выполнять профессионально, чтобы страховые компании, которые возмещали нанесенный ущерб, ничего не заподозрили. Вещи, взятые из магазинов, мы отвозили на полицейский склад, где они лежали, пока их владелец не получал компенсацию за ущерб, а вся история не забывалась. Тогда обворованные получали свои товары назад и могли на распродаже пустить их по сниженным ценам. За работу месье Флобер платил мне пятнадцать процентов от общей стоимости товаров, которые я вывозил. Сколько получал он? К сожалению, он меня об этом не считал нужным информировать.

Бруасьер мог быть доволен своим выступлением. Стены судебного зала дрожали от непрерывного хохота, и председатель суда вынужден был при помощи отряда полиции очистить помещение. Только после этого он смог продолжить допрос:

— Господин свидетель, все это нас интересует постольку поскольку. Важно другое — какую сумму получал обвиняемый от вас или от секретаря Флобера за то, что выпускал вас ночью из тюрьмы. Насколько Билла был замешан в этой истории?

Как и все свидетели перед ним, Эжен Бруасьер в возмущении энергично затряс головой:

— Ни гроша он не получал, месье председатель. Клянусь, как-то я принес ему коробку сигар, но, естественно, не сказал, откуда она. Я убежден, что, если бы до него дошли слухи, чем я занимаюсь в Довиле, он ни на одну ночь не выпустил бы меня. Он разрешал мне уходить просто в силу своей человечности. Нет, чего-нибудь такого месье Билла не потерпел бы. Он стремился лишь к тому, чтобы любовью и добротой сделать из нас порядочных людей.

Фернан Билла, самый человечный из всех директоров тюрем, тронутый привязанностью и верностью своих

питомцев, вытер слезы. В заключительном слове прерывающимся голосом он сказал:

— Посмотрите, господин председатель, возможно, я был слишком мягок, уступчив, но вы должны согласиться, что мои методы, основанные на человечном отношении к преступившим закон, все же оправдали себя. Насколько испорченными пришли они в мою тюрьму и какими приличными людьми становятся... Все, заметьте, все заступились за меня, за директора своей тюрьмы. Где, спрашиваю вас, найдете вы другую такую тюрьму, заключенные которой были бы так преданы своему директору?!

Верность и привязанность его заключенных, однако, не смогли уберечь Фернана Билла от того, чтобы самому стать заключенным. Суд присяжных города Кан приговорил его к трем годам тюремного заключения и штрафу в пятьдесят тысяч франков. При этом принималось во внимание смягчающее вину обстоятельство: от своих преступлений он никаких материальных выгод не имел.

Самым досадным для Билла было то, что эти три года он должен был провести в заведении, которое отличалось от его «дома» в Пон-л'Эвеке, как день от ночи.

ДЕЛО ЧЕССМЭНА

Если вечером, с наступлением темноты, выехать из Сан-Франциско по большой автостраде, а затем свернуть на Лос-Анджелес, то вскоре в ночном небе можно увидеть яркое зарево, которое обычно сопутствует крупному городу или огромному луна-парку. Но еще несколько миль пути — и зарево распадается на тысячу отдельных огней. Особенно выделяются ослепительно белые конуса прожекторов. Бесконечный ряд тусклых желтоватых точек, расположенных по пять, одна над другой,— это лампочки более чем девятисот камер тюрьмы Сан-Квентина.

Каждый вечер ровно в десять тридцать гаснут огни камер. Только прожекторы продолжают гореть, и в их свете серые стены тюрьмы возносятся в небо подобно крепости-призраку. Несколько прожекторов постоянно ощупывают фасад северного блока как бы в поисках беглецов. Когда они освещают крышу корпуса, видна труба вентиляционной шахты газовой камеры. Заметная издали, она, как монумент смерти, возвышается над всем тюремным комплексом.

Одиннадцать лет, десять месяцев и семь дней провел под этой шахтой известнейший американский преступник, пресловутый Кэрил Чессмэн, помещенный в «Death Row»* — изолированный этаж для приговоренных к смерти. Восемь раз за почти двенадцать лет в белой рубашке и белых тиковых штанах, без пояса, босиком, как предписано санитарными требованиями к процедуре смертной казни, доставляли его в камеру ожидания, от которой всего тринадцать шагов до выкрашенной в ядовито-зеленый цвет газовой камеры. И восемь раз директор тюрьмы после телефонного разговора сообщал ему, что казнь откладывается на какое-то время.

Все восемь раз Чессмэн пережил муки человека, стоящего на пороге смерти; можно сказать, он восемь раз

* Ряд смерти (*англ.*).

умирал. Эти изуверские методы американской юстиции мобилизовали мировую общественность. Во Франции солидная «Монд» назвала дело Чессмэна «показателем абсурдности американской правовой системы». В Женеве студенты собрали девять тысяч подписей в защиту Чессмэна и отправили их тогдашнему президенту Эйзенхауэру. Стокгольмская газета «Экспрессен» послала Эйзенхауэру петицию о помиловании, которую подписали 90 тысяч шведов. Британская «Гардиан» писала в передовой статье: «Правопорядок, из-за проволочек которого терпит 12-летние мучения Чессмэн в камере смертников, в основе своей должен иметь какой-то серьезный изъян»; и, наконец, даже официальный орган Ватикана «Оссерваторе романо» принял участие в кампании протеста: «Человеческое сердце не в состоянии поверить, что жизнь приговоренного к смерти снова и снова продлевается только для того, чтобы потом загасить ее пламя смертоносным газом. Никакой закон не вправе требовать двенадцатилетней отсрочки исполнения смертного приговора. Как может американский народ мириться с подобными действиями своих органов юстиции?»

Однако, несмотря на столь сильное возмущение в мире и даже демонстрации протеста перед американскими посольствами в Риме, Париже, Лондоне, Стокгольме и Монреале, высшая судебная палата в Калифорнии, словно из садистского упрямства, в девятый раз назначила срок казни Чессмэна.

2 мая 1960 года, ровно через пять минут после полуночи, Чессмэна, приговоренного к смерти 25 июня 1948 года, снова приводят в помещение, расположенное рядом с газовой камерой. Он должен полностью раздеться, два сержанта из службы охраны ощупывают его в поисках запрятанного яда или еще какого-нибудь орудия самоубийства. Затем один из них говорит: «Зубы!»

Чессмэн вытаскивает зубной протез, сержант упаковывает его в пластиковый мешок и прикрепляет к нему регистрационный номер — предписанные меры предосторожности, которые должны помешать осужденному вскрыть себе вены этим протезом или каким-нибудь другим способом самостоятельно отправиться на тот свет, прежде чем палач приложит к этому руку. Американская юстиция хочет непременно сама, соблюдая все предписания, привести в исполнение вынесенный ею приговор. И вот Чессмэн облачается в приготовленную заранее тиковую одежду. Широкий кожаный пояс, которым в газовой камере привязывают к специальному стулу, охватывает его талию. На запястьях защелкиваются наручники. Наконец, в камеру входит врач и проверяет физическое и психическое состояние Чессмэна, как того требует закон, когда человека отправляет на смерть. Если бы восьмикратный перенос казни свел Чессмэна с ума, или после одиннадцати лет и десяти месяцев в тюрьме он приобрел бы рак или туберкулез, или, наконец, по пути в камеру сломал бы ногу, он мог бы снова спокойно снять тиковую одежду. Экзекуция была бы перенесена в девятый раз.

Кэрил Чессмэн, однако, в прекрасной форме, заверяет тюремный врач и заносит это в протокол.

Теперь наступает очередь директора тюрьмы Фрэда Диксона исполнить свои протокольные обязанности. Он вынимает из ящика стола запечатанный конверт с составленным им самим письмом, вскрывает его и будничным тоном зачитывает Чессмэну:

«По делу штата Калифорния против Кэрила Чессмэна.

Многоуважаемый сэр!

Сегодня я получил от достойного сэра Чарльза Фрике, члена Верховного суда округа Лос-Анджелес, подписанный 25 апреля 1960 года приказ о предании вас смерти. Время казни назначено на сегодня, 2 мая 1960 года, на 10 часов утра. Прошу вас принять это к сведению. Преданный вам Ричард Б. Диксон, директор».

Чессмэн уже не слушает формальную, исполненную бюрократического цинизма речь. Он лишь молча кивает головой и протягивает руки двум выступившим из-за спины директора подручным палача. Они хватают его за локти и ведут к двери тамбура газовой камеры. Дверной проем настолько широк, что все трое могут идти рядом — слева и справа подручные, посредине Чессмэн. Переступая порог, они поддерживают его под руки и почти вносят в зеленую комнату, через большое окно которой отчетливо видна зловещая стеклянная кабина — именно в ней и будет происходить экзекуция. Они делают это автоматически, по привычке, так как люди, которые проходят через эту дверь, почти всегда слабеют, делая свои последние шаги.

Однако до момента исполнения приговора еще больше девяти часов. Перед Чессмэном будут казнить какого-то бандита. После этого должно пройти три часа, чтобы через вентиляционную шахту камера очистилась от опасных паров синильной кислоты. Создатели инструкций по

проведению смертной казни скрупулезнейшим образом позаботились о том, чтобы ни в коем случае не испортить здоровье приговоренных до срока смерти, определенного судом.

Эти девять часов — последний шанс Чессмэна. Юридические средства, при помощи которых он и его адвокат в течение прошедших двенадцати лет препятствовали исполнению приговора, полностью исчерпаны. Все ходатайства отклонены. Теперь ему остается надеяться только на указ губернатора штата Калифорния о помиловании. Эти последние часы Чессмэн проводит за казенным столом. Напротив сидит директор тюрьмы, за спиной, словно отлитые из металла, стоят два постовых с автоматами и следят, чтобы Чессмэн не причинил какого-нибудь вреда директору.

На столе — телефон. Уже восемь раз успевал он позвонить прежде, чем Чессмэна отправляли в газовую камеру. Восемь раз сообщал ему директор, что казнь перенесена, и восемь раз Чессмэна отводили обратно в его камеру.

Позвонит ли телефон в девятый раз? Директора тюрьмы Диксона, похоже, этот вопрос мало волнует. Он увлечен детективом Агаты Кристи. И только взгляд Чессмэна прикован к телефону.

Кампания резкой критики, которой отреагировала в это время мировая пресса на двенадцатилетнее истязание американского смертника № 1, отражала только одну сторону скандала вокруг Чессмэна. Другая сторона, не менее скандальная, но далеко не так подробно описанная, касалась полицейского и судебного расследования, которое предшествовало всему этому.

Кем, собственно говоря, был этот столь печально прославившийся Кэрил Чессмэн?

Сначала — одним из тех сотен тысяч подростков, связанных с уголовным миром, которые в своей совокупности представляют для Америки неразрешимую проблему. Довольно интеллигентный юноша, он был, однако, сыном родителей, которые не имели средств для того, чтобы дать ему приличное образование. Его отец, рабочий-оформитель, получал небольшое жалованье на одной из киностудий Голливуда. Когда Кэрилу исполнилось шесть лет, мать попала в автомобильную катастрофу и с тех пор осталась парализованной. Все, что с большим трудом зарабатывал отец, поглощала болезнь матери. Так что сын уже с отрочества вынужден был подрабатывать. Как и где — отец об этом не спрашивал, не говоря уже о государстве и его учреждениях.

Полностью предоставленный самому себе, Кэрил примкнул к гэнгу — группе молодых преступников. Этот путь Чессмэна предопределила социальная среда, в которой он рос. Все началось с мелких краж продуктов, затем пошли взломы и, наконец, разбойные нападения. Как в нормальном обществе юноши становятся слесарями, каменщиками, продавцами, так и Кэрил в эти годы учился профессии преступника. И не втайне, не скрываясь от полиции и органов власти, а чуть ли не под их руководством.

В 1935 году, когда Чессмэну еще не было и пятнадцати лет, его впервые поймала полиция на автомобильной краже и посадила на год в так называемое исправительное учреждение. Правда, исправлялись здесь только те недостатки, которые мешали обитателям этого учреждения стать профессиональными преступниками. Заведение входило в состав тюрьмы для матерых уголовников. Обязанности воспитателей выполняли осужденные на пожизненное заключение, которые таким образом помогали государству сэкономить на штатных педагогах.

В книге «Камера смерти 2455», которую Чессмэн написал за годы пребывания в Сан-Квентине, он так говорит об этом периоде своей жизни: «Здесь я по-настоящему научился обращаться с кольтом, кистенем и автогеном. Заодно мне привили ненависть к общественному порядку, блюстители которого были насквозь продажны. В тюрьме мы могли иметь все — хорошую еду, женщин, сигареты, наркотики, свободный выход... Были бы только деньги, чтобы подкупить надзирателей. Никто из них не обращался с нами, как с преступниками, если мы проявляли готовность в достаточной мере снабжать их долларами. Здесь я впервые узнал разницу между честным гражданином и преступником. Уважаемый гражданин — это тот, у кого много долларов, а преступник — тот, кто, делая доллары, попадался».

С такими взглядами Чессмэн через год был выпущен на свободу. Пять месяцев спустя он вернулся в исправительное учреждение. За серию взломов сигаретных автоматов он снова год пробыл за решеткой. На этот раз полученных навыков ему хватило на два года. Он занялся грабежами, в девятнадцать лет был арестован и приговорен к шестнадцати годам тюремного заключения. Через семь лет его наказание заменили условным, но не потому,

что он очень хорошо себя вел или полностью исправился. Просто администрация тюрем в Америке в большинстве случаев вынуждена досрочно выпускать осужденных к длительному заключению — в тюрьмах не хватает мест, чтобы они отсиживали свой срок наказания полностью.

Итак, Чессмэн вышел на свободу уже настоящим преступником-профессионалом, заматеревшим и жестоким. Он даже не пытался начать нормальную жизнь. Еще в тюрьме он связался с гангстерской группировкой, которая занималась поборами и шантажом в среде букмекеров и прочих дельцов нелегального тотализатора. Через день после освобождения Чессмэн стал «работать» с этими преступниками.

В то время, когда Чессмэн в Лос-Анджелесе и его окрестностях облегчал кошельки и бумажники подпольных букмекеров, иногда грабя попутно ювелирные магазины и универмаги, в районе Голливуда произошло несколько чрезвычайно жестоких половых преступлений. Даже в американской, столь бурной, уголовной истории трудно было отыскать что-нибудь подобное. Влюбленные парочки, которые уединялись в укромных уголках на голливудских холмах, подвергались нападению бандита: он появлялся на сером «форде» и, благодаря красной фаре, обычно используемой в качестве опознавательного знака оперативными полицейскими машинами, выдавал себя за полицейский патруль. Под угрозой пистолета сорок пятого калибра он сначала отбирал бумажники у мужчин, а затем затаскивал женщин в автомобиль и зверски насиловал их.

«Деятельность» преступника, которого тут же окрестили «Красным фонарем», длилась уже несколько месяцев. Это до крайности взволновалс пуританское население Калифорнии, вызвало шквал нареканий в адрес полиции и повлекло за собой неприятные политические последствия.

В Калифорнии предстояли выборы губернатора. Все руководящие посты в штате, включая и должность начальника полиции, занимали представители Республиканской партии. Возмущение явной беспомощностью полиции вскоре стало сопровождаться критикой работы всего правительства республиканцев. Оппозиция демократов умело использовала это обстоятельство в предвыборной борьбе и превратила поимку «Красного фонаря» в проблему политического выживания Республиканской партии. Только его арест мог позволить республиканцам надеяться на успех в выборах.

Понятно, что партийные боссы оказывали давление на начальника полиции, а тот, в свою очередь, подгонял подчиненных быстрее покончить с «Красным фонарем» любыми средствами и методами. Повышение по службе и крупные денежные премии были гарантированы. Неудивительно, что все полицейские Лос-Анджелеса и Голливуда только тем и занимались, что охотились за серым «фордом» с красной фарой-искателем.

Под подозрение, будто он «Красный фонарь», гангстер Чессмэн попал в пятницу 23 января 1948 года. Вечером радиофицированная машина с молодыми полицейскими Рердоном и Мэем неторопливо проезжала по голливудской Вермон-авеню в южном направлении. Светящиеся часы на приборном щитке показывали 19.40, когда Рердон, сидящий за рулем, обратил внимание на встречный «форд» с приметами, которые уже несколько недель изо дня в день передавали по полицейской системе связи.

Рердон тотчас развернулся и пустился вдогонку. Уже у следующего перекрестка он был вынужден резко затормозить: подозрительный «форд» остановился у автозаправочной станции. Патрульная машина осторожно подъехала туда же. Мэй включил переговорное устройство и передал в центр связи закодированное сообщение.

Несколькими секундами позже в центре связи полицейский склонился над планом города и отметил флажком местонахождение серого «форда». Второй полицейский, который слышал сообщение по громкоговорителю, передал его по внутреннему телефону начальнику уголовного отдела. И уже через несколько мгновений вокруг серого «форда» стала стягиваться сеть преследователей.

Тем временем на автозаправке патрульная машина предпринимала безуспешные попытки подобраться к серому «форду». Ей мешали другие автомобили, припаркованные на стоянке. Когда же наконец полицейские продвинулись на пару метров вперед, Мэй увидел, что «форд» покидает бензоколонку, так и не заправившись. Очевидно, двое мужчин в машине — их сейчас удалось разглядеть — заметили слежку. Теперь уже и Мэй был уверен, что перед ними разыскиваемый насильник. Не думая о поиске каких-то особых предлогов — ведь «форд» не нарушил правил движения и не превысил скорости, — Мэй сразу же включил сирену и красную

фару, чтобы получить «зеленую улицу». Рердон, ловко маневрируя автомобилем, выбрался из череды ожидавших у автозаправки машин и нажал на газ. Всем стало ясно, что полиция начала преследование. Мужчины в сером «форде» это тоже поняли. Тут же взревел их мотор. Машина выскочила на встречную полосу и попыталась скрыться.

Будто обезумев, водитель «форда» гнал машину в потоке встречных автомобилей, буквально в миллиметрах проскакивая мимо них и стараясь протиснуться в любую щель, только бы оторваться от преследователей. Однако тем самым он освобождал дорогу патрульной машине, и та метр за метром настигала его.

На углу Шестой улицы и Шаттон-плэйс Рердон приблизился к «форду» метров на двадцать. Поток встречных машин здесь ослабел, и улица была почти пуста. Мэй опустил боковое стекло, высунул автомат и собрался стрелять по покрышкам «форда». В этот момент его водитель внезапно крутанул руль, и машина буквально на двух колесах свернула на Шестую улицу, выскочив при этом на тротуар и пролетев в сантиметре от угла дома. Впереди, метрах в ста, дорогу перегородил грузовик. Казалось, все кончено, но тут «форд», затормозив на полном ходу, развернулся вокруг своей оси (сделал Power slide, как называют этот рискованный маневр профессиональные автогонщики) и благодаря этому снова получил перед собой свободное пространство. В этот миг, когда «форд» уже выскакивал на Вермон-авеню, Рердон направил полицейскую машину влево, прямо настречу ему. Мэй, видя неизбежность столкновения, соскользнул с сиденья вниз — укрыться за распределительным щитком. Рердон, однако, не потерял самообладания и избежал лобового столкновения, направив патрульную машину так, что она ударила «форд» по касательной в переднее левое крыло.

При столкновении оба автомобиля отшвырнуло в стороны, и они остановились. Из полицейской машины выскочил Мэй со взведенным автоматом, из «форда» — его водитель и пустился бежать.

«Стой!» — крикнул вдогонку беглецу Мэй, но тот даже не обернулся. Он бежал зигзагами, как заяц. Первая очередь из автомата Мэя щелкнула по оштукатуренной стене дома, вторая, похоже, попала в цель. Споткнувшись, бегущий растянулся во весь рост и остался лежать. Второй мужчина из «форда», напуганный выстрелами,

сразу же отказался от намерения бежать, поднял, не дожидаясь команды, руки и позволил Рердону надеть на себя наручники.

Между тем Мэй занялся человеком, лежащим на улице. Он взял его за волнистые каштановые волосы, поднял голову и повернул, чтобы рассмотреть. Он увидел молодое, вытянутое лицо и умные, насмешливые глаза.

— Ездить вы еще умеете, а вот стрелять... здесь вам надо подучиться,— нахально заявил молодой человек озадаченному полицейскому, который боялся найти его мертвым.

— Кончай выступать,— грубо оборвал парня Мэй, рывком поднял его на ноги и надел наручники. Прежде чем вести пойманного к машине, Мэй наклонился и поднял с земли пистолет.— Это твоя пушка? — спросил он пряча оружие.

— Шутить изволите? Если бы у меня была эта штуковина, я бы здесь сейчас не стоял.

— По-твоему, эта железяка прямо с неба упала, так что ли? Пока довезем тебя до участка, придумай что-нибудь получше,— с издевкой сказал Мэй и стволом автомата подтолкнул парня к патрульной машине.

Уголовный инспектор Гузен, к которому оба арестованных были приведены на первый допрос, разложил на письменном столе предметы, изъятые Рердоном и Мэем при задержании: карманный фонарь цилиндрической формы, кучку смятых долларовых бумажек, четыре таблички с автомобильными номерами и пистолет сорок пятого калибра.

Гузен шутя покрутил оружие на указательном пальце, глянул на парней и спросил:

— Ну и кому из вас он принадлежит?

Ответа не последовало. Две пары невинных глаз смотрели на него непонимающе, будто он задал вопрос на малайском языке.

Допрос был прерван появлением обоих патрульных полицейских. Они затащили в комнату два больших узла с новенькими мужскими костюмами и сложили их на полу возле стола.

— Сэр, мы нашли это в багажнике «форда»,— пояснил Рердон, указывая на необычную поклажу.

Гузен с недоверием покачал головой, но расспрашивать полицейских не стал, а только приказал им забрать с собой в караульное помещение пассажира задержанного «форда».

Когда все трое ушли, он обратился к водителю:

— Ваша фамилия?

— Чессмэн.

— Имя?

— Кэрил Уиттер.

— Где и когда вы родились?

— 27 мая 1921 года, Сен-Джозеф, штат Мичиган.

— Как звать отца?

— Уиттер Чессмэн.

— Его профессия?

— Раньше он был ассистентом режиссера на киностудии «Парамаунт», а теперь всего лишь перетаскивает декорации.

— Как зовут вашу мать?

— Хилли Л. Чессмэн, урожденная Браун.

— Она работает?

— Нет, она парализована.

— Хм. Раньше вы привлекались к суду?

Так же стереотипно, как он перед этим отвечал на вопросы, Чессмэн перечислил свои судимости. Гузен напечатал это в протоколе допроса, а затем внезапно отодвинул пишущую машинку в сторону и достал из ящика стола пачку дорогих сигарет. Вытолкнув щелчком указательного пальца сигарету, он предложил ее Чессмэну.

— Ага, сначала мягко стелем...— проговорил Чессмэн и небрежно взял сигарету.

Инспектор дал ему огня:

— Зачем мне без нужды усложнять вам жизнь? Будете вести себя разумно, и я отнесусь к вам по-хорошему.

Чессмэн проследил за дымком своей сигареты:

— Оставьте ваши басни, инспектор, для кого-нибудь другого. За что вы меня сюда притащили?

— Похоже, Чессмэн, вы очень торопитесь! Особенно если судить по той спешке, с которой вы пытались удрать от патрульной машины.

Вопросы инспектора начинали действовать Чессмэну на нервы.

— Чего вы от меня хотите? — резко прервал он Гузена.

— Хочу знать, почему вы так испугались красной фары? Для этого должна быть какая-то причина. Не станет же невиновный человек удирать от первого встреченного полицейского патруля.

Чессмэн ткнул сигаретой в протокол допроса, который торчал в пишущей машинке:

— Прочитайте, инспектор, еще раз мои показания о прежних судимостях. Ведь у меня условно-досрочное освобождение. Во время испытательного срока мне запрещено общение с бывшими осужденными. Джонни тоже вышел из тюрьмы, и у него за кормой еще больше, чем у меня. После вашего задержания мне опять придется сесть в тюрьму. Теперь вы, наверно, понимаете, почему я так торопился.

Инспектор едва заметно покачал головой:

— Я вам не верю, Чессмэн. Полицейский патруль не проверяет автомобилистов на предмет их судимости и не спрашивает об их условно-досрочном освобождении. Вы же это знаете наверняка. Я вам не поверю, даже если вы станете уверять, будто удирали из-за того, что ваш багажник был набит крадеными костюмами и поэтому вы испугались.

Чессмэн только бросил короткий взгляд на кучу одежды возле стола и, не обращая внимания на намек, деланно безразличным тоном спросил:

— Ну и из-за чего же, по вашему мнению, я хотел смыться?

— Потому что вы — «Красный фонарь», Чессмэн!

На какое-то мгновение Чессмэн лишился дара речи, но затем громко рассмеялся:

— У вас странные шутки, инспектор. Неужели я — этот жалкий сексуальный ублюдок? Посмотрите на меня внимательно. Я что, так выгляжу, что мне нужно пушкой заставлять женщин?.. Да я могу иметь баб столько, сколько захочу!

И, как бы демонстрируя инспектору, какие шансы он имеет у женщин, Чессмэн встал со стула, выпрямился во весь рост и, как боксер-профессионал, постучал кулаком в грудь.

Теперь опешил Гузен, глядя на высоченного Чессмэна,— но не потому, что убедился в его неотразимости для женщин, а потому, что во всех показаниях жертв «Красного фонаря» рост преступника определялся 160—170 сантиметрами. В Чессмэне же, на его взгляд, было не меньше 185 сантиметров, а мощное телосложение явно не соответствовало конституции насильника, каким его описывали свидетели.

Тем не менее инспектор сказал:

— Сядьте на место. Психиатр объяснит, зачем вам

это было нужно. Может, у вас какое-нибудь извращение. Кто знает?..

Пожав плечами, Чессмэн вернулся на место:

— Это несерьезно, инспектор. Чтобы я насиловал женщин... Да я вам про баб такого могу порассказать...

Чесмэн все еще не осознавал, в какую скверную историю втягивал его инспектор. За изнасилование в Калифорнии полагалась смертная казнь! Он смеялся над подозрениями Гузена, не подозревая, что тот уже накинул ему на шею петлю.

Однако опытный инспектор понимал, что гангстера такого калибра, как Чессмэн, голыми руками не возьмешь. Поэтому, не долго думая, он прекратил допрос.

— Ну хорошо, Чессмэн, давайте подождем. Вы так и так останетесь под арестом, пока судья будет решать, отменять или нет ваше условно-досрочное освобождение. А за это время все прояснится.

Гузен нажал на кнопку звонка, и полицейский вывел Чессмэна из комнаты.

Когда дверь за ними закрылась, инспектор взял дело «Красного фонаря» и перечитал места с описанием внешности бандита. Рост 160—170 сантиметров, худощавый, смуглый, темные, почти черные, волосы, редкие зубы, похож на итальянца — так в один голос заявляли жертвы и свидетели.

Чессмэн же был высокого роста, широкоплеч, имел спортивную фигуру и отличные зубы, другими словами — никакого сходства с «Красным фонарем».

К тому же Гузен хорошо знал насильников: в Нью-Йорке он долго работал в отделе по борьбе с половыми преступлениями. Все мужчины, которые, подобно «Красному фонарю», удовлетворяли свою извращенную страсть, запугивая женщин оружием, представляли собой совершенно определенный тип трусливого психопата, обиженного богом и людьми. Человек, который только что перед ним сидел, был кем угодно, только не сексуальным психопатом.

Да, похоже, инспектор Гузен совсем не был убежден в том, что этот Чессмэн и есть «Красный фонарь».

В кабинет зашел помощник инспектора и прервал его размышления.

— Сэр, задержанный «форд» уже здесь,— доложил он.

Инспектор захлопнул папку и поднялся из-за стола:

— Спасибо, Глен, пойду посмотрю на него.

Вокруг слегка покореженного серого «форда» усердно копошились сотрудники отдела криминалистической экспертизы. При свете трех переносных осветительных ламп они снимали отпечатки пальцев с приборного щитка, орудуя пинцетами и лупами.

— Обратите внимание на сиденья. Ищите следы крови,— сказал Гузен, немного понаблюдав за их работой. Он вспомнил, что две последние жертвы «Красного фонаря» — 27-летняя Регина Джонсон и 17-летняя Мэри-Алиса Меза — получили повреждения, когда преступник насиловал их в своем автомобиле.

Два криминалиста начали демонтировать сиденья и вытаскивать их из «форда», а Гузен подошел к ветровому стеклу и стал осматривать фару-искатель, установленную слева от места водителя. Сначала ничего особенного он не обнаружил. Фара была обычной конструкции — такие есть чуть ли не на каждой второй машине,— с белым стеклом. Однако, присмотревшись внимательнее, Гузен насторожился. В свете своего карманного фонаря он рассмотрел какие-то царапины на поверхности хромированного держателя фары. Верхняя крепежная гайка имела такой вид, будто ее часто откручивали гаечным ключом. Нижней гайки вообще не было.

Какую-то долю секунды Гузен раздумывал, а потом резко повернулся на каблуках и бегом бросился в свой кабинет. Там он подскочил к письменному столу и стал копаться в папках и бумагах, которые в беспорядке лежали на нем. Наконец он разыскал маленькую картонную коробку с предметами, изъятыми из карманов Чессмэна при задержании.

Бумажник, кошелек, пилочка для ногтей, спички... Однако все это Гузена не интересовало. Лишь высыпав на стол содержимое коробки, он нашел то, что так лихорадочно искал: хромированную гайку диаметром около сантиметра.

Она как раз подходила к нижнему болту держателя фары!

Теперь инспектор был убежден, что у него в руках «Красный фонарь». Значит, Чессмэн постоянно разбирал фару-искатель, чтобы для своих ночных нападений поменять белое стекло на красное.

Но эти рассуждения Гузена были только гипотезой. В цепи доказательств не хватало самого важного звена — красного стекла! Если Чессмэн станет утверждать, что разбирал фару, чтобы поменять разбитую лам-

почку или еще для чего-нибудь, то гайка, найденная в его карманах, ничего не докажет.

Новые разочарования инспектору приготовили эксперты-криминалисты, которые искали следы крови на обшивке сидений «форда». Химические пробы с бензидином, который выявляет даже застиранные брызги крови, дали отрицательную реакцию. Но Гузен так просто не собирался отказываться от уже выработанной гипотезы. Этой же ночью он хотел получить решающие доказательства виновности Чессмэна: его должны опознать последние две жертвы.

С лихорадочной поспешностью он заказал две автомашины, одна из которых, по возможности, должна была быть серым «фордом». Правда, получил он голубой, но теперь это его уже не могло остановить. «Ночью такие цвета трудно отличить»,— ответил он на возражения помощника.

Полчаса спустя обе машины покинули двор полицейского управления Лос-Анджелеса и помчались по направлению к Голливуду. В голубом «форде» рядом с водителем сидел Чессмэн со связанными руками и ногами, позади — два крепких полицейских с автоматами на изготовку. Позади следовал другой автомобиль с конвоем из вооруженных до зубов полицейских.

Было уже почти три часа утра, когда инспектор Гузен забарабанил в дверь маленького одноквартирного домика на Сьерра-Бонита-авеню в западной части Голливуда. Открыла стареющая женщина с бигуди на голове и в коекак наброшенном халате.

Гузен не дал ей раскрыть рта:

— Мадам, нам надо немедленно поговорить с вашей дочерью Мэри. Мы поймали бандита, который напал на нее прошлой неделей. Разбудите ее побыстрее. Она должна его опознать. И поторопитесь, пожалуйста, у нас мало времени.

Рут Меза, мать семнадцатилетней Мэри-Алисы, испуганно возразила:

— Сэр, ведь сейчас ночь! Моя дочь больна, она еще полностью не оправилась от шока. Не знаю, будет ли это правильно...

Но Гузен уже впал в азарт:

— Сейчас как раз самый удобный момент. Она только посмотрит на парня и все...

Шум разбудил дочь, и она тоже подошла к двери.

Инспектор бесцеремонно взял ее за руку и через

палисадник повел к улице. Полицейские с автоматами за это время вышли из машины и посадили Чессмэна на место водителя.

Прежде чем подойти с Мэри к «форду», Гузен сказал ей:

— Вам не надо бояться, Мэри. У него связаны руки и ноги, так что он с вами больше ничего не сделает. Вы нам только должны сказать, он ли это.

Вопреки общеизвестным требованиям, чтобы опознание подозреваемого происходило в группе лиц, без каких-либо подсказок со стороны полиции, Гузен, так сказать, на блюдечке преподнес Мэри-Алисе Чессмэна в качестве «Красного фонаря». Необычайно впечатлительная и робкая семнадцатилетняя девушка, выросшая в монастырском интернате и пережившая глубокий шок после нападения насильника, не отважилась как следует рассмотреть Чессмэна. Остановившись в двух шагах от «форда», она затравленно обернулась к инспектору в поисках защиты и тихо проговорила: «Да, я думаю, это он. Я его узнала».

Почти так же проходила очная ставка и с другой потерпевшей, двадцатисемилетней Региной Джонсон. Две недели назад она попала в руки «Красного фонаря», когда вместе со своим приятелем отправилась на вечернюю прогулку в район окрестных холмов.

После того, как Гузен ей объявил, что «Красный фонарь» схвачен и уже опознан одной из жертв, она, не колеблясь, сказала: «Да, думаю, что это он».

Правда, в ночь преступления при описании внешности бандита она давала не столь уверенные показания и даже сомневалась, сможет ли его узнать: ночь была очень темная, к тому же преступник повязал лицо платком, да и сильный страх мешал его разглядеть.

Тем не менее ее последнее показание было воспринято следствием как доказательство.

Когда Чессмэн и после этих ночных очных ставок не выказал готовности в чем-либо признаваться, он тем самым лишил себя «хорошего» отношения инспектора Гузена. Дальнейшие допросы проходили уже в не в служебном кабинете, а в маленькой комнате без окон, с низким потолком и к тому же с тремя большими радиаторами центрального отопления, которые включались на полную мощность. Через час меняя друг друга, Чессмэна допрашивали Гузен и еще трое сотрудников уголовной полиции. Все это время в комнате стояла жара, дохо-

дившая до шестидесяти градусов. Так как одни радиаторы не могли поддерживать такую температуру, под потолком включали четыре прожектора, лучи которых были сосредоточены на том месте, где сидел Чессмэн. Инспектор Гузен и задающий вопросы помощник располагались в неосвещенной части комнаты и освежались прохладительными напитками.

Впрочем, с Чессмэном они обращались корректно: не били, не топтали ногами, не использовали каких-либо средств воздействия на психику. Позже они могли с чистой совестью присягнуть на суде, что не применяли насильственных методов, чтобы заставить Чессмэна признаться. Какова была температура во время допросов, как освещалась комната и сколько часов ежедневно длился допрос — об этом судья их не спрашивал, да и в уголовно-процессуальном кодексе на этот счет никаких указаний нет.

Гузен и его люди могли не утруждать себя жестокими приемами, обычно используемыми американскими полицейскими при подобных допросах. Пытка, которую они применили к Чессмэну, до сих пор действовала безотказно. Допрашиваемый рано или поздно понимал, чего от него хотят, или же, сломленный, вешался в собственной камере.

Обе возможности устраивали Гузена, поскольку самоубийство в глазах общественности тоже являлось своеобразным признанием вины.

На третий день следствия, после шестидесятичасового допроса, в течение которого Чессмэн не смог поспать больше двух часов подряд, он сделал требуемое признание.

«Да, я — «Красный фонарь»! Только отвяжитесь от меня!» — крикнул он Гузену. Покорно ответил односложными «да» и «нет» на все вопросы, заданные ему повторно, специально для записи признания на магнитофон. Но подробно не описал совершенные им преступления. Отказался он и подписать протокол допроса, подготовленный Гузеном, в котором все приписанные ему преступления «Красного фонаря» были представлены во всех деталях. Несмотря на это, уголовная полиция в тот же день сообщила прессе, что изнасилования были совершены Чессмэном и он во всем полностью признался. Общественность была успокоена, а авторитет правящей партии накануне начинающейся предвыборной борьбы — восстановлен.

Процесс «Штат Калифорния против Кэрила Чессмэна» начался 29 апреля 1948 года в отделанном дубом зале заседаний Верховного окружного суда Лос-Анджелеса. Помещение, рассчитанное на двести человек, было заполнено едва наполовину. Дело Чессмэна тогда еще не стало мировой сенсацией, и о нем знали только в Калифорнии. Его «преступления» затерялись в водовороте повседневной суеты или же были отодвинуты на задний план новыми. Злоумышленник, поджегший за последние две недели многие киностудии в Голливуде, послевоенные события в Европе, многочисленные разводы кинозвезд — вот что было в центре внимания газет и журналов. Процесс не обещал чего-нибудь неожиданного. Пресса, как о решенном деле, говорила о смертном приговоре Чессмэну еще до того, как прокурор подготовил обвинительное заключение. В такой атмосфере, с соблюдением всех необходимых формальностей,началось слушание дела.

«Дамы и господа! Суд идет!» — выкрикнул в зал секретарь суда и подал знак присутствующим подняться со своих мест. Семенящими шагами вошел судья Чарльз В. Фрике, маленький невзрачный человек в очках без оправы на остром носу. Ему было уже под семьдесят, и он слыл одним из умнейших судей Калифорнии. Преступники, дела которых он разбирал, боялись его и считали самым строгим и безжалостным судьей в стране. Никто в Соединенных Штатах не вынес столько смертных приговоров, сколько это сделал Чарльз Фрике.

«Заседание открыто!» — опять прокричал секретарь присутствующим, когда Фрике взобрался на помост, и скупым жестом дал понять, что нужно сесть и прекратить разговоры.

В зал вызвали обвиняемого. Судья Фрике зачитал анкетные данные Чессмэна и затем обратился к подсудимому:

— Кэрил Чессмэн, вы ознакомлены с обвинением, выдвинутым против вас?

— Да, ваша честь, — ответил Чессмэн с почтительной сдержанностью, которую в качестве тактического приема выработали у него предыдущие судимости.

— Прежде чем я спрошу, признаете ли вы себя виновным, я должен вам разъяснить, какие последствия для вас это будет иметь. Если вы признаете себя виновным, то судья вынесет вам приговор. Если же вы скажете «не виновен», то тогда двенадцать присяжных заседателей должны будут определить, виновны вы или не виновны.

— Не виновен, ваша честь,— громко и отчетливо проговорил Чессмэн.

— В таком случае назовите мне фамилию адвоката, который будет вас защищать.

— Я буду сам себя защищать, ваша честь.

После такого заявления среди присутствующих пробежал шепот удивления. Даже прокурор в недоумении оторвался от своих бумаг.

Взять свою защиту в собственные руки — это была, пожалуй, самая большая ошибка Чессмэна. В истории американского судебного производства не было больше процесса, где обвиняемый, которому угрожал бы смертный приговор, отказался от помощи опытного юриста.

«Он рассчитывает на сочувствие присяжных»,— писали судебные репортеры в своих первых сообщениях. «Кто в таком процессе хочет быть своим собственным адвокатом, рассчитывает на идиотов»,— писал позднее сам Чессмэн в очередной книге «Моя борьба за жизнь».

Но судья Фрике лишь сказал:

— Очень хорошо. Конституция такое позволяет.

После чего продолжил заседание, огласив обвинительное заключение.

Затем неожиданно поднялся государственный обвинитель Миллер-Леви и подошел к подиуму судьи. Он был по крайней мере на голову ниже Чессмэна, носил очки в массивной роговой оправе и одевался с безукоризненной элегантностью.

Слегка поклонившись, он обратился к судье Фрике:

— Ваша честь, хотя защита интересов подсудимого не входит в мои обязанности, я все же прошу вас официально назначить адвоката обвиняемому для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

Это произвело сильное впечатление на присяжных заседателей. Прокурор, который во вред своим интересам так заботится о подсудимом, казался им верхом непредубежденности и объективности.

Таким элегантным приемом представитель обвинения записал в свой актив первое важное очко и одновременно ослабил защиту Чессмэна. Судья Фрике удовлетворил просьбу прокурора и назначил подсудимому в качестве юридического помощника референдара суда Ола Мэтьюза, неопытного молодого человека, который только что закончил юридический факультет и еще учился практической юриспруденции в судебной палате. Это был коварный ход обвинения и суда — подставить Чессмэну

человека, который действовал бы в интересах суда.

Какую помощь мог оказать судебный референдар обвиняемому, стало ясно при выборе присяжных заседателей. Сто восемь мужчин и женщин Лос-Анджелеса были занесены в список присяжных на этот процесс. В соответствии с американским законом, адвокат, как и прокурор, имеет право выбрать из этого списка двенадцать подходящих, по его мнению, кандидатур. В спорных случаях вопрос решается председателем суда, в который эти присяжные избраны.

Референдар Ол Мэтьюз безропотно стерпел то, что прокурор в качестве присяжных выбрал женщин, имеющих дочерей в возрасте жертв «Красного фонаря», и даже не выразил протеста, когда представитель обвинения открыто оказывал давление на присяжных, крича им: «Подумайте, что случится с вашими дочерьми, если этот человек, там, на скамье подсудимых, когда-то выйдет на свободу. В ваших силах обезвредить чудовище. В таком деле вы не должны бояться применить высшую меру наказания, предусмотренную нашим законом,— смертную казнь!»

Это требование присяжным заседателям прокурор Миллер-Леви предъявил не только в конце процесса в своей обвинительной речи, но и в самом начале, когда им еще не было выдвинуто никаких доказательств виновности Чессмэна в приписываемых ему преступлениях.

Референдар Мэтьюз ни слова не сказал Чессмэну о том, что он имеет право и должен протестовать против науськиваний прокурора и отклонить состав присяжных. А когда Чессмэн сам попросил слова, заставил его сесть и объяснил, что лучше не шуметь и не злить председательствующего.

Последующие два дня были посвящены уголовному прошлому Чессмэна. Вся бесконечная цепь его преступлений была восстановлена прокурором до мельчайшей [illegible].

Чессмэн ничего не отрицал. Казалось, он даже гордился тем, что является профессиональным преступником, поскольку с готовностью рассказывал о своих бесчисленных бандитских похождениях. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у присяжных заседателей.

Однако Чессмэн, хвастаясь своими уголовными «достижениями», преследовал совсем другую цель: убедить присяжных, что такой крутой парень, как он, не может

быть презренным насильником. Но добился он как раз противоположного — напугал добропорядочных домохозяек, сидящих на скамье присяжных. Они увидели в нем выродка, недочеловека, способного на любую низость. Их уже не интересовало, почему и как он стал преступником.

Прокурору Миллеру-Леви, чтобы добиться своей цели, оставалось только не мешать подсудимому говорить. Юридический консультант Чессмэна при всем этом сидел молча, даже не пытаясь объяснить своему подопечному, насколько он вредит самому себе такой защитой. Любой другой адвокат давно бы заставил Чессмэна замолчать и выступил бы сам. Ол Мэтьюз молчал.

В качестве главных свидетелей обвинения прокурор вызвал в суд обеих женщин, которые в ночь задержания Чессмэна опознали его как «Красного фонаря». Других потерпевших он не пригласил, так как опасался, что они не узнают в подсудимом насильника и поэтому из свидетелей обвинения превратятся в свидетелей защиты.

Чессмэн этих женщин разыскать не мог: полиция отказалась назвать ему их фамилии. А собственное следствие, сидя в тюрьме, не организуешь. Его консультант имел право только советовать, но не проводить расследование. Это еще раз показало, насколько безрассудным было решение Чессмэна отказаться от адвоката.

Впервые зал заседаний заполнился до последнего места, когда в качестве свидетеля была вызвана семнадцатилетняя Мэри-Алиса Меза.

Прокурор Миллер-Леви с особым тщанием подготовил ее допрос и персонально пригласил представителей всех калифорнийских газет, хотя до этого дня дело ограничивалось только краткими сообщениями о ходе процесса.

Тихим прерывающимся голосом, часто не в силах сдержать слезы, юная Мэри-Алиса рассказала суду о той страшной ночи. 21 января 1948 года она и ее друг Фрэнк Халберт после посещения танцевального бара поехали к холмам на окраине Голливуда. Они сидели на заднем сиденье автомобиля ее друга, когда подъехала машина и остановилась в нескольких метрах позади. Приятель Мэри сначала подумал, что это полицейская патрульная машина, так как у нее была красная фара. Но тут вдруг к ним подошел мужчина в маске, рывком открыл их дверцу и, угрожая пистолетом, потребовал у Фрэнка бумажник.

Когда, сообщив это, Мэри замолчала, вмешался Миллер-Леви:

— Что же произошло потом? Вы должны рассказать нам всю правду. Вы ведь давали клятву!

Еще тише, чем прежде, так, что многие сидящие в зале почти ничего не могли разобрать, Мэри рассказала, что бандит забрал у ее друга бумажник и мелочь и приказал ему уезжать. Тот уехал. Ее же бандит притащил в свой автомобиль и под пистолетом заставил раздеться.

Понизив голос, прокурор стал выяснять самые интимные подробности совершенного преступления. Для семнадцатилетней девушки с монастырским воспитанием это был сущий ад — во всеуслышание рассказывать обо всем том ужасе, который она пережила. Почти шепотом, постоянно запинаясь от стыда и отвращения, отвечала она на безжалостные вопросы Миллера-Леви.

На лицах присяжных заседателей застыло выражение омерзения, возмущения и ненависти, ненависти к этому типу, который сидел напротив, на скамье подсудимых. Они смотрели на его выступающий подбородок, говорящий о жестокости, видели цинично-презрительную складку возле губ, вспоминали все его предшествующие прегрешения, и им было ясно, что он способен на все, даже на это гнусное преступление.

Чессмэн съежился под их взглядами. Он почувствовал, как на него накатывается волна ненависти, и молча опустил голову. На скамье присяжных это восприняли как безмолвное признание вины.

Прокурор полностью использовал подходящий момент. Доведя девушку до рыданий — ведь это помогало ему воздействовать на присяжных — и сделав большую паузу, он громко, на весь зал, спросил:

— Мисс Меза, вы можете здесь, в этом зале, указать на человека, который вечером вытащил вас из машины вашего друга и затолкнул в свою?

Не поднимая головы, девушка лишь протянула руку в направлении скамьи подсудимых:

— Да, это вон тот мужчина в синем полосатом костюме.

— Который теперь смотрит в пол, потому что боится смотреть вам в лицо?

— Да.

Она не могла сказать по-другому, эта вконец запуганная Мэри-Алиса Меза. Ведь инспектор Гузен показы-

вал ей Чессмэна как «Красного фонаря». И именно его она здесь видела. Как выглядел в действительности тот мужчина, который на нее тогда напал, она толком не разглядела. В те ужасные минуты он казался девушке призраком, а не человеком из плоти и крови. Ей было не до того, чтобы разбирать, какое у него лицо, одежда, рост...

Присяжным, правда, подобные соображения в голову не приходили. Для них имело силу только одно: «Да, это вон тот мужчина в синем полосатом костюме».

Не столь драматично, скорее, даже по-деловому прошел допрос второй потерпевшей, которая была менее впечатлительной и, похоже, уже успокоилась после пережитого ею нападения «Красного фонаря». Но и она без колебаний указала на Чессмэна и повторила то, что сказал ей полицейский инспектор: «Это «Красный фонарь»!»

Американское законодательство предоставляет право адвокатам по уголовным делам подвергать перекрестному допросу свидетелей обвинения после дачи ими показаний в суде. Поскольку Чессмэн защищал себя сам, он и обеих потерпевших должен был допрашивать сам. Однако когда он поднялся со своего места, чтобы задать первый вопрос, среди присяжных заседателей и в зале пробежал шепот возмущения. То, что он после всего рассказанного решился мучить свои жертвы какими-то вопросами, характеризовало его особенно отвратительно.

Первый вопрос Чессмэна был Мэри-Алисе:

— Вы помните, как вы описывали преступника, когда делали заявление в полицию?

Девушка растерянно пожала плечами:

— Я не знаю, уже столько времени прошло...

А описала она его так: «Невысокий, как большинство мужчин, узкоплечий, выглядит, как итальянец».

Чессмэн выпрямился во весь рост и расправил плечи:

— Мисс, разве я невысокий, как большинство мужчин? Разве у меня узкие плечи и я похож на итальянца? Неужели я говорю с итальянским акцентом, как вы утверждали в полиции? Вы не ошибаетесь? Подумайте как следует, мисс!

Беспомощно и испуганно смотрела Мэри на скамью подсудимых, и уже казалось, что она собирается изменить свои показания.

Но в этот момент вмешался прокурор:

— Однако, дамы и господа! Это же разные вещи. Одно дело — описать кого-нибудь, другое — его узнать.

Попробуйте сами это сделать. Вспомните какого-нибудь малознакомого человека — ведь вы его при встрече всегда узнаёте. А теперь попытайтесь описать его внешность на бумаге: лицо, фигуру и так далее. Вы сразу поймете, насколько это тяжело, почти невозможно. Кроме того, не забывайте, что обе потерпевшие в день дачи показаний были крайне взволнованы. Однако несомненно, обе эти женщины, вызывающие у нас столь глубокое сочувствие, запечатлели в своей памяти и до конца жизни не забудут облик преступника, который с ними так ужасно обошелся!

Присяжные заседатели и присутствующие понимающе кивали и бросали сочувствующие взгляды на пострадавших.

Чессмэн, видимо, заметил, что к нему мало кто прислушивается. И следующий вопрос задал более жестко, агрессивно, даже с каким-то высокомерием:

— Вы также рассказывали полиции, что якобы у бандита, который на вас напал, над правым глазом был большой, бросающийся в глаза шрам — единственное вам хорошо запомнившееся. Это так?

— Да, я помню. Я говорила это.

Чессмэн повернулся к судье:

— Ваша честь, можно свидетельнице подойти поближе и осмотреть мое лицо?

Мэри, сидевшая на свидетельской скамье, вздрогнула и, как бы защищаясь, подняла руки:

— Я же вас видела только один раз. Да и то мельком. Мне показалось, что у вас был шрам над глазом. Но, возможно, я ошиблась. Во всяком случае, тогда мне так показалось.

У Чессмэна шрама над глазом не было. Любой в зале мог это видеть, но все смотрели на испуганную свидетельницу.

Прокурор и в этом случае быстро нашел выход из щекотливой ситуации:

— Ваша честь, даже если сейчас у обвиняемого на лице нет никакого шрама, что это доказывает? Это могла быть ссадина после драки, которая уже зажила. А может быть, свидетельница на самом деле ошиблась. Что это меняет? В ее памяти остался общий вид негодяя, и она его до сегодняшнего дня не забыла. Ведь она его уверенно опознала. Вот что главное!

Этим маневром прокурор обогнул еще одно опасное препятствие на пути обвинения. Судья Фрике оставил без

внимания вопрос о шраме, отметив лишь его незначительность для суда.

Разочарованный Чессмэн, видимо, понял, что взялся за безнадежное дело. Больше вопросов свидетельнице он не задавал и даже отказался от допроса второй потерпевшей, Регины Джонсон. Сделал он это по совету своего помощника-юриста, который также порекомендовал ему выйти на свидетельское место и под присягой заверить суд в своей невиновности.

Чессмэн из-за этого совета попал впросак. Он заявил ходатайство, чтобы его заслушали как свидетеля. Судья Фрике удовлетворил просьбу и пригласил пройти на свидетельское место.

Обвиняемый воспринял это как исключительный шанс для себя. Впервые он покинул клетку подсудимого. Его освободили от наручников, и он подошел к месту свидетелей с таким видом, будто собирался в пух и прах разбить все доводы обвинения. Гордо вскинув голову, он поправил галстук и приветливо улыбнулся женщинам на скамье присяжных.

Чессмэн всегда был тщеславен, как павлин. Он и здесь не сомневался в своем влиянии на женщин. Как селадон, начал он давать показания после присяги:

— Если вы внимательно посмотрите на меня, дорогие дамы, то у вас обязательно возникнут сомнения в том, действительно ли я и есть тот самый «Красный фонарь»...

Судья Фрике сразу же прервал его:

— Чессмэн, вы должны не выступать с адвокатской речью, а давать показания по собственному делу.

Чессмэн попробовал еще раз:

— Обстоятельства моего ареста, дорогие дамы, могут создать впечатление, будто я — «Красный фонарь»...

— Вы — свидетель и не должны высказывать своих суждений. Придерживайтесь только фактов.

Чессмэн слегка поклонился судье:

— Итак, «форд», в котором меня арестовали, вообще мне не принадлежит. Я пользовался им впервые, его одолжил мне мой друг. До автозаправочной станции он сидел со мной в машине. Он ее украл, так как мы вечером собирались на дело: хотели избавить торговца готовым платьем Вэйлера от нескольких костюмов и к тому времени уже сделали это, как вы знаете. На обратном пути мой приятель обнаружил, что за нами следует патрульная машина. Он попросил меня подъехать к бензоколонке, выскочил из машины и затерялся в толпе.

В этом месте судья Фрике прервал Чессмэна:

— Это означает, что в «форде» вас было трое?

— Да, ваша честь. Я, Джонни и мой друг — как мы уехали от Вэйлера. Костюмы были спрятаны в багажнике.

— Как фамилия вашего приятеля, который якобы сбежал на автозаправочной станции?

Чессмэн помедлил с ответом, потом отрицательно покачал головой:

— Мне бы не хотелось его называть. Мой друг условно-досрочно освобожден, и ему придется опять отправляться в тюрьму, если на него повесят эту историю с костюмами. Возможно даже, что он и есть «Красный фонарь» и в таком случае пойдет в газовую камеру. Мне бы не хотелось содействовать этому.

— Если вы не сможете или не захотите назвать его имени, Чессмэн, то в газовую камеру пойдете вы. Разве этого не достаточно для того, чтобы открыть нам его фамилию, если вы, конечно, ее знаете?

Энергично тряхнув головой, Чессмэн ответил:

— Ваша честь, это все равно ничего не изменит в моем положении. В нашей среде предателей приговаривают к смерти. Так что, в конце концов, какая мне разница — пойду ли я в газовую камеру или меня прикончат где-нибудь на улице. Я все-таки надеюсь, что вы убедитесь — я не «Красный фонарь».

Прокурор, казалось, только и ждал этих слов. Из коробки, в которой лежали вещественные доказательства, собранные полицией, он извлек небольшую шестиугольную гайку и, держа ее большим и указательным пальцами, протянул Чессмэну:

— Чессмэн, объясните тогда, пожалуйста, присяжным заседателям, как эта крепежная гайка от фары-искателя попала в ваш карман. Вы же ехали в тот день на этом «форде» впервые, как вы нас хотите убедить.

— Это я могу объяснить очень просто, сэр. Во время нашего визита в магазин готового платья мой друг никак не мог подобрать ключ. В дверной нише было темно, и я посветил ему фарой-искателем «форда», который стоял напротив магазина. Но когда я поворачивал фару, от держателя отскочила гайка — резьба была порядком разболтана. Я ее поднял и до времени положил в карман. Жаль, потом у меня не было возможности прикрутить ее на место.

Прокурор рассмеялся, как от хорошей шутки:

— Знаете, Чессмэн, я ожидал, что вы расскажете что-нибудь в таком духе.

Чессмэн лишь бросил на него короткий пренебрежительно-сочувственный взгляд:

— Ну и зачем же вы тогда спрашивали меня об этом, сэр? Вы можете доказать что-нибудь другое?

Прокурор Миллер не мог доказать ничего другого, так же как и опровергнуть рассказ Чессмэна о его безымянном друге, который будто бы украл серый «форд» и, вероятно, был «Красным фонарем». Но ему и не нужно было этого делать. Нахальная, вызывающая манера, с которой Чессмэн пикировался с прокурором, настолько возмутила присяжных заседателей, что они больше не верили ни единому его слову.

После этого Миллер-Леви уже не утруждал себя опровержением рассказа Чессмэна. Он лишь старался представить обвиняемого человеком, стоящим вне общества, этаким чудовищем, которое надо умертвить, потому что изменить себя он уже не сможет. Речь теперь шла не о праве и законе, а о том, чтобы заставить присяжных заседателей отбросить всякие сомнения и отправить Чессмэна на смерть независимо от того, совершал он приписываемые ему преступления или нет.

В заключительной речи Миллер-Леви с циничной откровенностью требовал у присяжных:

— Посмотрите правде в глаза! Тюремное заключение, каким бы длительным оно ни было, ничего не значит для Чессмэна и только заберет наши деньги. А он втихомолку лишь посмеется над нами. Подумайте о том, насколько беззубым является сам институт лишения свободы. Различные амнистии, помилования, пересмотры приговоров, политические изменения... Подумайте и о том, что этот обвиняемый знает все ходы и выходы. Тогда вы поймете ту огромную опасность, которая таится даже в пожизненном заключении Чессмэна: наступит день, и он вновь окажется среди людей. Есть только одно место, которое может его надежно обезопасить,— газовая камера! Он выступил против порядков нашего общества, нашего народа и поэтому должен быть уничтожен.

Чессмэн в своем выступлении требовал оправдательного приговора:

— Я не «Красный фонарь», значит, тех преступлений, в которых меня обвиняют, не совершал. Все остальное вас не должно сейчас беспокоить. Я не пытаюсь вам доказать, что я милый, непорочный мальчик. Нет, я профессиональный преступник, и грабеж — моя специальность с юных лет. Но за это меня всегда наказывали, согласно закону. Однако в данном случае я невиновен. Прокурор не обвиняет меня за то, что я обчистил магазин с одеждой; для него это несущественно. Меня надо уничтожить, чтобы скрыть несостоятельность полиции. Для этого как раз годится профессиональный преступник. Ведь, в представлении наших граждан, подобный тип находится вне закона. Моральные устои этого общества не могут допустить даже мысли, что столь отвратительные преступления совершил законопослушный гражданин, пусть и с больной психикой. Ну подумайте сами: стали бы вы — если были бы закоренелым преступником, знающим всё и вся,— из-за пары долларов и мимолетного наслаждения идти на преступление, за которое полагается смертная казнь? Женщин, готовых на все ради денег, в нашей высокоморальной стране гораздо больше, чем об этом открыто говорят. И я могу требовать для себя только оправдательного заключения, а не мягкого приговора, что вы хотели, наверно, услышать.

Судья Фрике назначил день оглашения приговора на 11 июня 1948 года. Провожая присяжных заседателей в совещательную комнату, он напутствовал их поучением, что было антизаконно, поскольку склоняло их в сторону обвинения. Он же умышленно исказил сущность тех статей уголовного кодекса, которые предстояло использовать. «Если вы,— сказал он,— решите, что подсудимый в этих двух случаях виновен в грабеже и изнасиловании, то должны вынести ему смертный приговор». Хотя на самом деле, в соответствии с законом, у присяжных был выбор между смертной казнью и пожизненным заключением без права амнистии.

Когда, однако, приговор был вынесен, его не смогли огласить.

По калифорнийским законам, приговор присяжных оглашается председателем суда лишь тогда, когда имеется напечатанная стенограмма всего судебного разбирательства.

Но за два дня до назначенного срока чтения приговора умер уже тяжело болевший во время процесса судебный стенографист Эрнест Перри. Он оставил суду триста страниц стенограммы протокола, которые не успел расшифровать и в которых даже калифорнийская ассоциация судебных стенографистов не смогла разобраться.

Прокурор Миллер-Леви и здесь нашел выход, который позволил обойтись без нового судебного разбирательства, как того в подобных случаях требует закон. Он поручил брату своей жены, сведущему в стенографии, разобраться с этими тремястами страницами и даже выхлопотал ему у своего начальства гонорар в пять тысяч долларов.

Этот новый толкователь стенограммы судебного протокола прежде неоднократно лечился от алкоголизма. Кстати, через два месяца он тоже умер от delirium tremels*. В подготовленном им протоколе уже при беглом прочтении было обнаружено 220 мест, которые не соответствовали действительному ходу процесса. Однако все это не помешало судье Фрике, пусть и с четырнадцатидневным опозданием, огласить приговор 25 июня 1948 года.

Без долгих церемоний он зачитал, что Чессмэн, как и ожидалось, приговорен к смертной казни. «На основании приговора суд принял постановление, что вы, Кэрил Чессмэн, шерифом округа Лос-Анджелес передаетесь директору тюрьмы штата Калифорния в Сан-Квентине с тем, чтобы он посредством ядовитого газа предал вас смерти в соответствии с законом».

В тот же день Чессмэн был препровожден в камеру № 2455 тюрьмы Сан-Квентина. Дело «Красного фонаря» было закончено и никогда больше не рассматривалось американским судом.

Однако началось «Дело Чессмэна».

Почти двенадцать лет боролся Чессмэн в камере № 2455 против незаконного смертного приговора. Он проделал почти немыслимую работу: чтобы иметь возможность опротестовать приговор, проштудировал весь 2400-страничный протокол судебного разбирательства и написал семь апелляций, шесть жалоб в контрольные инстанции, девять прошений об отсрочке казни, четыре ходатайства о новом судебном следствии, четыре заявления с просьбой о внесении апелляции и пять прошений о пересмотре дела в суде более высокой инстанции. Ко всем этим прошениям и заявлениям Чессмэн прилагал подробное описание фактической стороны дела, как это предписывалось в случае обжалования приговора. Кроме того, он дважды делал заявление с требованием пересмотреть и исправить протокол судебного заседания. Все

* Белая горячка *(лат.)*.

написанное им содержало более 450 тысяч слов. Над составлением всех этих бумаг он трудился в общей сложности не менее трех тысяч часов. Десять тысяч часов он потратил на приобретение необходимых правовых знаний: прочитал две тысячи книг и журналов по юриспруденции и сделал при этом восемьсот страниц выписок.

Для работы с его заявлениями и ходатайствами американские органы юстиции за одиннадцать лет привлекли четырнадцать адвокатов, заплатив им гонорар в 734 тысячи долларов. Небольшая часть этой суммы, используй ее юный Чессмэн на приобретение профессии, могла бы в свое время сделать его полезным обществу человеком. Ведь способностей у него хватало. За время заключения он изучил три языка, написал четыре автобиографических романа, первый из которых — «Камера смерти 2455» — имел широкий успех и определенно высокий литературный уровень.

Однако все его усилия, направленные против несправедливого приговора, были напрасными. Ему, правда, восемь раз давали отсрочку исполнения приговора, но просьбу о пересмотре дела постоянно отклоняли.

Незадолго до назначения девятого срока казни в одной из передовиц «Нью-Йорк таймс» появилась примечательная фраза: «...мы все равно отправим его на тот свет, и не потому, что этим можно исправить или устрашить другого Чессмэна, а потому, что для иного пути у нас не хватает социального воображения».

9 часов 50 минут, утро 2 мая 1960 года. Телефон на столе в соседнем с газовой камерой помещении по-прежнему молчит. Зашедший в комнату врач будит своим приходом заснувшего над детективом директора тюрьмы Диксона. Он, зевая, смотрит на стенные часы и говорит Чессмэну: «Так... Приготовьтесь!»

Чессмэн отрывает взгляд от телефона, на который с отчаянной надеждой смотрел всю ночь. Через большое окно в стене он видит, что помещение, в котором стоит похожая на водолазный колокол камера, заполнено людьми. Пятьдесят девять репортеров пришли посмотреть на его смерть. На похоронах Рузвельта было всего сорок пять, вспомнил он когда-то прочитанное в газете. Они столпились возле высоких, по грудь, перил, которые на расстоянии вытянутой руки опоясывали газовую камеру с окнами из пуленепробиваемого стекла. Скрываясь за занавесом, ждет палач. Только директор тюрьмы знает

его фамилию. Сто долларов получает он за то, что передвигает рычаг — тогда пять шариков цианистого калия падают в сосуд с серной кислотой, установленный под стулом приговоренного к смерти.

Ровно в десять часов Чессмэна вводят в камеру, и два помощника палача пристегивают его к стулу. На грудь прикрепляют стетоскоп. К нему подключают шланг, который через стенку камеры выходит наружу и позволяет врачу следить за работой сердца осужденного.

Десять часов три минуты. Толстая, двадцатисантиметровая стальная дверь закрывается. Директор тюрьмы смотрит на свои часы и поднимает правую руку.

Палач за занавесом нажимает на рычаг.

Пятьдесят девять репортеров, подталкивая друг друга, придвигаются поближе к окнам из пуленепробиваемого стекла. Каждое движение Чессмэна, малейшее подрагивание его лица им хорошо видны. Снаружи, перед воротами тюрьмы, в эти секунды толкутся еще сотни газетчиков, чтобы первыми узнать для своих газет достоверные подробности казни.

В средние века казнили публично на рыночных площадях. Экзекуция была своеобразным народным праздником, в котором принимал участие весь город. По дороге к месту казни на оживленных перекрестках осужденного жгли раскаленными щипцами, чтобы повеселить зрителей. 2 мая 1960 года крупнейшие газеты Америки распространили миллионными тиражами фотографии и сообщения о подробностях смерти в газовой камере. Вечером в кинотеатрах повторно пустили старый художественный фильм, эпизоды которого несколько лет назад были сняты в тюрьме Сан-Квентина. Крупный план позволял зрителям лучше прочувствовать весь процесс умирания человека. От мастерски сыгранного предсмертного страха до падения ядовитых шариков в серную кислоту и клубов смертоносного газа — все было воплощено на экране в высшей степени профессионально. Любой, если хотел, мог так же, как когда-то на рыночной площади, посмотреть на казнь человека. Давно уже в кинотеатрах не было столько посетителей, сколько 2 мая 1960 года.

Американской юстиции удалось превратить средневековые обычаи в ужасную реальность сегодняшних дней.

Через час после казни в кабинете директора тюрьмы Диксона появилась адвокат Розалия Ашер, которая в последние два года — когда дело Чессмэна приобрело мировую известность — оказывала ему юридическую помощь в борьбе против смертного приговора, и вручила адресованное ему письмо с пометкой: «Передать после моей смерти». В письме стояла фамилия человека, который, как показывал Чессмэн на процессе, в вечер ареста находился в сером «форде» и скрылся на автозаправочной станции, когда заметил, что их преследует полиция. Звали его Джо Терранова.

По настоянию адвоката и директора тюрьмы ФБР предприняло розыск Террановы.

2 июля 1960 года, через два месяца после казни Чессмэна, он был арестован в штате Техас, в Эль-Пасо, где скрывался последние два года в пансионате «Красная роза» под именем Джек Смит, так как его разыскивала полиция за убийство и ограбление кассира одной букмекерской конторы.

За это преступление он и предстал перед судом, в январе 1961 года был приговорен к смерти и через четыре недели казнен. Прокурор отказался включить в его обвинительный список половые преступления «Красного фонаря». На суде лишь говорилось о том, что Терранова ранее был неоднократно судим за половые преступления и что более десяти лет тому назад он совершал ограбления в сером «форде», который выдавал за полицейскую патрульную машину, приспособив для этого красную фару.

Сообщения американских газет о том, что те преступления, из-за которых был казнен Чессмэн, вероятнее всего, совершил Терранова, представитель ФБР охарактеризовал как «вымыслы, не имеющие под собой никакой реальной основы».

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО НА ШТАРНБЕРГСКОМ ОЗЕРЕ

Если бы кто-нибудь задался целью собрать все, что было написано весной 1962 года в западногерманских газетах и журналах об этом уголовном деле, получилось бы собрание сочинений в нескольких томах.

«Уголовное дело АК 1/62 против Веры Брюне и Йоханнеса Фербаха» — так на скупом ведомственном языке назывался процесс, проходивший в мюнхенском присяжном суде. А что же говорила пресса? «Процесс века» — это, пожалуй, одно из наиболее скромных определений, которыми пестрели первые полосы газет; все другие текущие события отошли на задний план. Газетная шумиха привлекла толпы людей, которые, прихватив термосы и шерстяные одеяла, начали еще ночью устраивать причудливые бивуаки перед помпезным зданием мюнхенского дворца правосудия в надежде получить на следующее утро место в зале заседаний. В эти недели на процесс Брюне ходили так же, как на премьеру какой-нибудь оперы.

Многочасовое стояние в очередях, скандалы и даже потасовки за место в судебном зале оправдали себя. Каждый день слушания дела вскрывал новые интимные подробности жизни «высшего света», в которые обычно простых баварских бюргеров не посвящали. Свидетелями здесь выступали не какие-то там Майеры и Леманы, а граф Ингенхайм-Молитор и Эльфрида фон Дуйсберг, и по профессии они были не рабочими, продавцами или домашними хозяйками, как простые смертные, а по меньшей мере гинекологами, композиторами и главными редакторами. Сам Хайнц Рюман* собственной персоной присутствовал в зале и сидел в первом ряду; в деле был замешан Харальд Бёмельт — известный сочинитель популярных песенок; да и сама ставшая уже почти легендарной главная обвиняемая дважды разводилась...

* Популярный немецкий артист театра и кино.

Первым ее мужем был известный актер, вторым — композитор, который многие годы писал музыку для фильмов компании УФА*. Привлекали и названия мест, о которых говорили на суде,— они менялись, как в калейдоскопе: итальянская Ривьера, испанская Коста-Брава, Штарнбергское озеро, Танжер...

То, о чем шла речь на процессе о двойном убийстве, известно до сих пор разве что из грошовых псевдоэротических романов. Обсмаковали и супружескую жизнь втроем, и растление пятнадцатилетних сыновей и дочерей, и похотливое подглядывание за их забавами из дорогого шкафа в стиле Ренессанса... Даже «синдикат лесбиянок», который был каким-то образом причастен к двойному убийству, не обошли вниманием. Ничего не упустили из «bavarian way of high life»**.

Столкнувшись с шокирующими подробностями «dolce vita»*** своих сограждан, люди реагировали по-разному: одни в смущении краснели, другие скабрезно ухмылялись, кто-то возмущался, а некоторые в растерянности разводили руками. Но в одном все были одинаковы: и те, которые с большими трудностями пробивались в зал заседаний, и те, кто знал о ходе судебного расследования из многостраничных отчетов в газетах,— все забывали о том, что происходило вокруг... По этому поводу западногерманская газета «Вельт ам зонтаг» даже поместила карикатуру: немецкий Михель в спальном колпаке изучает отчет о процессе Брюне, а за его спиной Аденауэр, Штраус и Эрхард довольно потирают руки.

Причиной этого широко разрекламированного процесса послужило зверское убийство прежде мало кому известного мюнхенского врача доктора Отто Прауна и его экономки и сожительницы Эльфриды Клоо. По мнению прокуратуры, это преступление, по наущению скандально известной любительницы широко пожить Веры Брюне, совершил ее любовник Йохан Фербах, для того чтобы Брюне получила в наследство сказочный замок стоимостью в миллион марок, который завещал ей врач за оказанные ему дружеские услуги. Фербах пошел на убийство якобы после того, как Брюне пообещала

* UFA (Universum — Film-Aktiengesellschaft) — одна из крупнейших кинокомпаний Германии в 1917—1945 гг. Была создана вновь в 1956 г.

** Образ жизни баварского высшего общества *(англ.)*.

*** Сладкая жизнь *(ит.)*.

провести с ним всю оставшуюся жизнь в этом испанском замке.

Создавалось впечатление, что мотивы преступления были заимствованы из расхожего детективного романа, а вся история двойного убийства вышла прямо из-под пера какого-нибудь Эдгара Уоллеса. В этом уголовном деле присутствовал почти весь детективный набор: миллионное наследство, пороки, страсти, «высшее общество» и, конечно же, окруженные таинственным ореолом персоны. Впрочем, самой загадочной фигурой был именно убитый.

До своей смерти 65-летний доктор Праун вел внешне неприметную жизнь обывателя. В Мюнхене, на Линдвурмштрассе, у него был кабинет, где он принимал больных. Круг его пациентов ограничивался всего несколькими сотнями человек, преимущественно представителями низших слоев общества; поэтому не было никаких оснований предполагать, что он обладает таким состоянием, из-за которого его стоило бы убивать. Правда, немного удивляло, что, несмотря на неважное положение дел, он позволял себе держать не только ассистентку за восемьсот марок в месяц, но и секретаря, который, собственно говоря, не имел никакого отношения к медицине и выполнял функции разнорабочего.

Сразу после убийства Прауна неожиданно выяснилось, что он был миллионером. В Пёкинге, расположенном на берегу Штарнбергского озера, на так называемом Министерском холме, он имел комфортабельную виллу, стоившую не менее семисот пятидесяти тысяч марок; в Мюнхене ему принадлежали два больших жилых дома, которые он сдавал внаем; на вилле, в потайном ящике антикварного комода, были найдены акции на сумму, по курсовой стоимости, сто пятьдесят тысяч марок; и наконец, на Средиземноморском побережье Испании он владел крупным земельным участком площадью семьдесят тысяч квадратных метров с прекрасным замком из двадцати пяти комнат. Элегантный «мерседес» и изысканная коллекция произведений искусства дополняли его внушительное наследство.

Откуда могло взяться миллионное состояние у врача, лечащего бедняков? Вскоре выяснилось, что Праун вел двойную жизнь, и его врачебная практика была только ширмой, за которой он занимался какими-то темными делами. Он постоянно разъезжал по свету: бывал в Италии и Швейцарии, регулярно навещал Испанию и Северную Африку. Да и его личная жизнь совсем не соответствовала образу жизни малоимущего врача. Подобно великосветскому бонвивану, он содержал дорогостоящих любовниц из мюнхенского артистического квартала Швабинг, насколько привлекательных, настолько же и прихотливых. Последней такой светской дамой была обвиняемая Вера Брюне.

Свидетели, хорошо знавшие Прауна, на допросах во время следствия сообщили, что в последнее время врач опасался за свою жизнь и всегда носил с собой три пистолета. Одному из близких друзей он даже поручил в случае своей неожиданной смерти отдать его тело на вскрытие.

И вот в пасхальные праздники 1960 года случилось то, чего уже многие месяцы боялся Праун и что только два года спустя стало предметом разбирательства в мюнхенском присяжном суде.

Во вторник после Пасхи, 19 апреля 1960 года, ассистентка Рената Майер всю первую половину дня напрасно прождала своего шефа в мюнхенском врачебном кабинете. Много раз безрезультатно звонила она в Пёкинг, чтобы узнать, где находится доктор Праун. Наконец, уже после обеда, она связалась с полицией, так как стала опасаться, что Праун попал в автомобильную катастрофу. Пришлось ждать два часа, прежде чем ей сообщили, что о несчастном случае с доктором Прауном сведений не поступало. Она поблагодарила полицейского, говорившего с ней по телефону, и уже собиралась положить трубку, как вдруг он сказал: «Подождите, пожалуйста, у телефона, я соединю вас с уголовной полицией».

Прошло немного времени, и старший инспектор уголовной полиции Котт, представившись, спросил: «Скажите, почему вы решили, что доктор Праун может стать жертвой несчастного случая?»

Позже, на судебном процессе, Рената Майер скажет: «Когда этот старший инспектор говорил со мной, мне показалось, что он что-то знает о докторе. Он задавал такие странные вопросы... Например, знаю ли я, где доктор Праун провел Пасху, договаривался ли он с кем-нибудь о встрече, хорошо ли я знаю круг знакомых доктора Прауна. В общем, все выглядело так, будто он хотел выяснить, что мне известно о повседневной жизни доктора. Это меня еще больше обеспокоило. Я подумала, что полиция что-то знает об исчезновении доктора и хочет от меня это скрыть».

Поздно вечером встревоженная Рената Майер пришла на квартиру к секретарю доктора Хансу-Йоахиму Фогелю, заставила его взять свой «фольксваген» и поехать вместе с ней в Пёкинг. В одиннадцать часов они уже были перед виллой. В гостиной, против ожидания, горел свет. Ассистентка разозлилась:

— Ну это уже ни на что не похоже! Быть дома и не подойти к телефону?! Поехали обратно! Кто знает, с кем он там...

Однако секретарь Фогель решил выяснить все до конца. Он несколько раз позвонил в садовую калитку, а когда никто не отозвался, перелез через забор.

Фогель подошел к террасе, открыл большую двустворчатую дверь, которая совершенно неожиданно оказалась незапертой изнутри, и сразу же почувствовал, как он потом сказал фрау Майер, шедший из дома запах разложения. Он вернулся к забору и предупредил Ренату Майер:

— Оставайся пока здесь, думаю, это не для тебя.

Фогель возвратился на виллу, но уже через две минуты выскочил оттуда и взволнованно проговорил:

— Там случилось что-то ужасное! Прауна и его экономку застрелили! Нам надо вызвать полицию!

Два года спустя, когда Фогелю пришлось рассказывать на суде о том, что он обнаружил на вилле, защитник обвиняемой Веры Брюне спросил его:

— Господин Фогель, значит, вы находились на вилле не более двух минут. Как же вы могли установить за такое короткое время, что в доме двое убитых? Ведь труп фрау Клоо лежал в подвальном помещении. Вы что же, заходили в подвал?

Фогель отрицательно покачал головой:

— Когда я увидел в холле мертвого доктора Прауна, я так испугался, что сразу бросился из дома, чтобы вызвать полицию.

— Тогда я должен напомнить вам показания свидетельницы Майер. Фрау Майер сказала буквально следующее: «Господин Фогель сразу же вернулся назад и сказал мне: «Прауна и его экономку застрелили!» Это так? Вы это говорили?

— Может, и говорил...— уклончиво ответил Фогель.

— Я хотел бы знать это точно, господин свидетель. Говорили ли вы именно эту фразу фрау Майер?

— Ну, если фрау Майер это так хорошо помнит,

наверно, так и было,— осторожно проговорил наконец Фогель.

Защитник доктор Мозер торжествующе вскочил со стула:

—В таком случае, господин свидетель, объясните мне, пожалуйста, откуда вы узнали, что экономка Эльфрида Клоо тоже мертва?

Секретарь Фогель помедлил с ответом:

— Узнал!.. Бог ты мой, да не знал я этого точно... Я предположил... Если бы она была жива, то уже давно сообщила бы о смерти доктора в полицию. Поэтому и предположил, что ее тоже убили.

— Довольно странное предположение, господин свидетель,— с иронией проговорил доктор Мозер.— Если уж вы такой любитель выдвигать подобные гипотезы, то не легче ли было предположить, что фрау Клоо сама убила доктора и именно поэтому не вызвала полицию?

Фогель с сомнением посмотрел на адвоката:

— А с чего бы это фрау Клоо стала убивать...

— Да потому что она знала об отношениях доктора Прауна и Веры Брюне и, должно быть, боялась после семнадцатилетней совместной жизни с Прауном остаться ни с чем. Разве это не мотив для убийства?

— Возможно, но я об этом...— До конца Фогель предложения не договорил. Он хотел сказать: «Но я об этом ничего не знал», однако тут же вспомнил о своих показаниях во время предварительного следствия. Тогда он рассказывал, как доктор Праун неоднократно жаловался, что экономка устраивает ему сцены ревности из-за Веры Брюне. Поэтому он оборвал фразу и только заметил: — Никакого другого объяснения, господин адвокат, я вам дать не могу. Я просто предположил, что фрау Клоо тоже мертва, и все...

В зале суда послышался недовольный ропот. Допрос, который устроил свидетелю защитник, мало интересовал публику, жаждавшую новых пикантных подробностей. Всем хотелось узнать еще что-нибудь эдакое из бурной сексуальной жизни Веры Брюне.

Однако ропот тотчас затих, когда доктор Мозер сказал:

— Тогда я могу объяснить вам это, господин свидетель. Скажите, правда ли, что на определенном этапе предварительного следствия вы сами попали под подозрение в совершении этого двойного убийства?

Фогель молча кивнул и в поисках помощи посмотрел на прокурора.

Почти юный прокурор Рует нерешительно поднялся, как будто хотел еще дождаться следующего вопроса защитника.

Доктор Мозер воспользовался воцарившейся в зале напряженной тишиной и сказал, обращаясь больше к публике, чем к суду:

— Допустим, что это подозрение было небезосновательным. Тогда мы без труда можем объяснить, откуда вы знали о смерти Эльфриды Клоо, даже не видя ее трупа. Ведь убийце известно, где находится его жертва!

Высокий пронзительный голос прокурора перекрыл его последние слова:

— Господин адвокат, свидетель стоит вне всяких подозрений! Я заявляю это как представитель органов, которые вели предварительное следствие. Я попросил бы вас не задавать вопросов, которые дискредитируют свидетеля.

Протестуя против ограничения своего права задавать вопросы, защитник Мозер с театральным жестом обратился к председательствующему на суде доктору Зайберту:

— Господин директор окружного суда! Я категорически возражаю против подобного вмешательства прокуратуры! Для меня и сегодня в этом деле свидетель Фогель крайне подозрителен. Что говорит о предполагаемой виновности моей подзащитной? Только то, что у нее на время преступления нет алиби. А как с этим обстоит дело у свидетеля? Он до сего дня не сказал ничего вразумительного о том, где находился в ночь убийства! Поэтому я имею полное право задавать ему вопросы, предполагающие его собственное участие в преступлении.

Два господина в черных мантиях, как боевые петухи, стояли друг против друга.

Зал заметно воодушевился. Что ни день, то новая сенсация — нет, все-таки не зря ночью простояли в очереди!..

Председатель суда успокаивающе поднял руки и, гася возникшее в зале возбуждение, миролюбиво проговорил:

— Господин защитник, господин прокурор! Пожалуйста, ведите себя спокойнее. Взаимными упреками и криком мы ведь ничего не добьемся.— И в непринужденной манере он прекратил спор: — Доктор Мозер, вы имеете полное право считать, что господин Фогель убийца. По мне, так можете и меня подозревать — на этом процессе, похоже, все возможно. Но я должен обратить

ваше внимание и внимание господина свидетеля на следующее обстоятельство: если правдивый ответ на какой-нибудь вопрос может навлечь на свидетеля обвинение в противоправных деяниях, он имеет право отказаться отвечать на такой вопрос. Так гласит параграф 55 Уголовно-процессуального кодекса.

Этой любезной ссылкой на Уголовно-процессуальный кодекс тут же воспользовался свидетель. Как только адвокат Мозер попытался расспросить его о том, где же он находился в ночь убийства, Фогель со вздохом сказал:

— Я бы хотел воспользоваться своим правом не отвечать на этот вопрос.

По залу прошелестел многозначительный шепот, а на разрумянившемся лице адвоката Мозера появилась довольная улыбка. Большего ему и не надо было: теперь присяжные должны были сделать вывод, что, раз у свидетеля нет алиби на ночь убийства, значит, его тоже нельзя сбрасывать со счетов как преступника. Уже одного того, что у них появятся сомнения в виновности обвиняемой, будет вполне достаточно. Обычно в таких случаях дело заканчивается оправдательным приговором за недостаточностью доказательств.

Но прокурор тут же почувствовал опасность, грозящую обвинению. Он вскочил и протянул руку в сторону заколебавшихся присяжных заседателей:

— Уважаемые господа судьи! Не поддавайтесь, пожалуйста, на эти уловки защиты! Если свидетель Фогель не хочет здесь говорить о том, где он был в ночь убийства, это совсем не означает, что он обязательно должен быть замешан в этом преступлении. Его нежелание сознаться в каком-то противоправном поступке не является основанием для обвинения его в двойном убийстве. Ведь кроме убийства есть тысячи всяких противоправных деяний, которые может совершать человек, особенно ночью. Подумайте хотя бы о супружеских изменах, о которых уже так много говорилось на этом процессе. Правда, молодой и симпатичный господин Фогель пока не женат, но кто может поручиться, что он не влюблен в какую-нибудь замужнюю женщину и именно эту ночь не провел с ней? Поэтому он и не может правдиво ответить на вопрос защиты. Я очень прошу вас, имейте, пожалуйста, это в виду.

Шансы снова уравнялись. Нависшая над обвинением опасность, которая могла направить судебное расследование в нежелательном для прокуратуры направлении, пока была устранена.

Правда, шестеро простодушных баварцев — присяжных заседателей — выглядели несколько растерянными; похоже, что в этом деле они понимали теперь еще меньше, чем прежде.

Сто пятьдесят человек, присутствовавших в зале суда, были безмерно разочарованы. Они еще могли смириться с тем, что свидетель Фогель не захотел признаваться в убийстве, но то, что он умолчал о пикантных подробностях супружеской измены, не имело прощения. Теперь на него просто перестали обращать внимание, и это было самое худшее, что могло случиться с участником процесса Брюне. Дальнейшие показания Фогеля сопровождались постоянным кашлем и громкими зевками.

Но вопрос оставался: действительно, откуда Фогель узнал, что Эльфрида Клоо была мертва, если он во вторник после Пасхи 1960 года покидал виллу доктора Прауна, даже не заглянув в подвал, где лежал труп экономки? Может, знал об этом, потому что был убийцей? Но каковы могли быть мотивы убийства? К миллионному наследству он не имел никакого отношения, так что смерть врача вроде бы не сулила ему никаких выгод. На все эти вопросы ни суд, ни пресса ответить не могли.

Действительно ли врача убили из-за его богатого наследства, как пытался доказать мюнхенский присяжный суд? Газеты именно так и утверждали. Два крупных иллюстрированных журнала за несколько месяцев до судебного процесса даже предприняли на свой страх и риск криминальное расследование и, на первый взгляд, убедительно доказали, что Вера Брюне и Йохан Фербах застрелили доктора Прауна, потому что он незадолго до смерти якобы собирался продать свои испанские владения, которые перед этим завещал Брюне. Таким образом, сказочный замок на Коста-Брава ускользал из рук мюнхенской кокотки.

Однако обвиняемые с первого же дня отрицали свое причастие к убийству. Журналы, так же как и прокуратура, не смогли привести никаких доказательств, кроме так называемых психологических косвенных улик. Не было ни свидетелей, которые видели бы их на месте преступления, ни следов на вилле, которые указывали бы на то, что выстрелы произвел кто-то из них двоих. Тот же, кто, не поддавшись газетной шумихе, внимательно следил за судебным процессом и проявлял интерес не к скандальным похождениям Веры Брюне, а к таинственной жизни

доктора Прауна, мог найти десятки указаний на совсем другого преступника и совсем другие мотивы преступления.

Прежде всего чрезвычайно странным выглядело в деле об убийстве доктора Прауна поведение полиции после того, как было обнаружено преступление.

Когда, незадолго до двенадцати часов ночи, секретарь убитого врача Ханс-Йоахим Фогель и ассистентка Рената Майер сообщили в отделение уголовной полиции в Фюрстенфельдбруке о своей ужасной находке на вилле в Пёкинге, дежурный тотчас доложил об этом руководителю отделения, инспектору Георгу Котту. Инспектор, который еще днем так живо интересовался отсутствием доктора Прауна, теперь, ночью, узнав, что врач и его экономка лежат убитыми на вилле, проявил к этому полное равнодушие. Вместо того чтобы сразу же начать расследование, он передал, что Майер и Фогель могут идти домой.

Позже, когда его спросили, почему он сразу не допросил Фогеля, последовало весьма сомнительное объяснение: «Мне не хотелось обрекать людей на бессонную ночь».

Только на следующее утро, на обычном текущем совещании, он поручил обер-мейстеру* Карлу Родатусу съездить с двумя сотрудниками в Пёкинг.

«Доктор Праун у себя на вилле застрелил экономку, а потом застрелился сам»,— сказал Котт Родатусу и распорядился подготовить лишь короткий отчет, который нужен был, чтобы не задерживать похороны.

Ни мюнхенский присяжный суд, ни «детективы» из журналов не поинтересовались, откуда в то время инспектор уже знал, что произошло на вилле Прауна. Никому и в голову не пришло, что, возможно, ночью Котт получил от вышестоящих инстанций указание без лишнего шума представить этот случай как самоубийство.

Направленный в Пёкинг обер-мейстер Родатус, в соответствии с приказом своего начальства, провел поверхностный осмотр виллы, не имея и в мыслях, что надо искать следы преступников. Распухший, начинающий разлагаться труп врача лежал в холле, недалеко от входной двери. Одежда убитого — он был в пальто, а рядом, на полу, валялась шляпа — и положение тела говорили о том, что Прауна застрелили сразу после того, как он

* Одно из званий младшего командного состава полиции.

вошел в дом. Он даже не успел снять пальто и шляпу. Убитую экономку нашли в подвальном помещении: она лежала на каменном полу возле домашнего бара. На ее теле не было заметно признаков разложения и даже частично сохранилось трупное окоченение.

Осмотрев место происшествия, Родатус написал отчет на пяти страницах, в котором отметил: «Я считаю, что оба эти человека мертвы уже несколько дней. На затылке женщины я обнаружил след от выстрела, произведенного с близкого расстояния. У трупа мужчины тоже на затылке, правда несколько выше, имеется выходное пулевое отверстие. Следовательно, доктор Праун, после того как сзади, с близкого расстояния, убил экономку, выстрелил себе в рот. Этот выстрел повлек за собой немедленную смерть».

В своем отчете Родатус даже и не пытался обосновать причины мнимого самоубийства врача. А ведь любой дилетант сразу же наткнулся бы на то, что этот трагический и, конечно же, обдуманный поступок доктор Праун совершил в верхней одежде, на ходу... Родатус не обратил никакого внимания на тот факт, что рядом с убитым на полу стоял портфель, набитый продуктами. Получается, что Праун, решив свести счеты с жизнью, прежде накупил еды... Не смутило обер-мейстера и то, что в холле нашли две гильзы, а пулю — одну. В столовой, на сервировочном столике, стояли две коньячные рюмки, два стакана для виски и две початые бутылки со спиртным; это указывало, что незадолго до кровавых событий здесь выпивали четыре человека. Бравого обер-мейстера это нисколько не озадачило. Он даже не удосужился отправить на дактилоскопическую экспертизу посуду из-под спиртного и револьвер, который лежал на полу в холле. Вместо этого он взял револьвер и пристрелил запертую в кухне изголодавшуюся овчарку врача.

После того как «обследование», уничтожившее почти все важнейшие следы, было закончено, Родатус позвонил частнопрактикующему врачу, жившему в Пёкинге, пригласил его на виллу и поручил выписать свидетельство о смерти. Он настаивал, чтобы в качестве причины смерти было указано «самоубийство». Врач от этого отказался и соглашался только на «предположительно, самоубийство». Разгорелся ожесточенный спор. Родатус стоял на своем.

Тогда врач потребовал, чтобы труп подвергли судебно-медицинской экспертизе. Только после этого Родатус

вынужден был согласиться на «предположительное» самоубийство.

В это время на виллу прибыли инспектор Котт и 23-летний сын убитого, врач-ассистент Гюнтер Праун.

Родатус кратко сообщил о результатах своего осмотра и как бы между прочим спросил сына:

— Вы полагаете, самоубийство возможно, господин доктор?

— Да, да, все в порядке, Родатус. Я уже говорил об этом с господином Прауном-младшим, пока мы сюда ехали,— ответил Котт, не дав сыну покойного даже рта открыть. И старший инспектор, как будто ему удалось удачно завершить какую-то сделку, схватил одну из бутылок, наполнил стоявшие на сервировочном столике стаканы и рюмки, на которых, по всей вероятности, еще сохранились отпечатки пальцев убийцы, и предложил присутствующим выпить.

Насколько небрежно был произведен осмотр места преступления, показали слова, произнесенные Родатусом, когда он прощался с Прауном-младшим:

— Господин доктор, я здесь не нашел еще одной револьверной пули... Если она вам вдруг попадется, занесите ее при случае мне...

Два года спустя, когда скандальные методы работы сотрудников полиции стали предметом обсуждения на суде, газеты метали громы и молнии в адрес Родатуса за его глупость и некомпетентность. Но никто из репортеров не спросил, в чем причина этой некомпетентности.

Хотя «Зюддойче цайтунг» с иронией писала: «Убийца, приезжай в Баварию! В Пёкинге, на Штарнбергском озере, можешь убивать в свое удовольствие. Тебе даже не надо будет скрывать следы преступления. За тебя это официально сделает местная полиция...» И все-таки ни в одном сообщении не было даже намеков на то, почему же полиция «официально» уничтожила следы убийцы доктора Прауна.

Западногерманский «Курьер» отважился на несколько вопросов: «Неужели Родатус, проводивший расследование, действительно так глуп? Ничего подобного! Он много лет работает в баварской полиции и зарекомендовал себя как отличный криминалист. Почему же он схалтурил на пёкингской вилле? В этом как раз и состоит одна из мистификаций странного мюнхенского процесса — свалить всю вину на беззащитного Родатуса. Но

ведь его руководителем был Георг Котт. Почему же Котт не подвергся опале? Почему он, ответственный за уничтожение следов убийцы, назначен старшим инспектором в Ингольштадт?» Сам «Курьер», правда, на эти вопросы не ответил.

Другим газетам тоже было о чем спросить: «Почему сын убитого вначале с готовностью принял участие в этом спектакле с самоубийством, который разыгрывался полицией? Ведь уже через несколько дней в мюнхенской прокуратуре он заявил, что не знает другого человека, который так цеплялся бы за жизнь, как его отец, и что он полностью исключает возможность самоубийства».

В среду, после того как полиция закончила свое сомнительное расследование, Праун-младший решил обыскать виллу отца. Врач-миллионер при жизни не оказывал никакой материальной поддержки сыну. Худо-бедно тот должен был перебиваться на должности врача-ассистента в одной из городских больниц, с завистью наблюдая за жизнью своего «папочки» и мечтая о том дне, когда все имущество отца станет принадлежать ему. Взаимопонимания между сыном и отцом никогда не было. И сына вовсе не интересовало, как умер отец. Убийство или самоубийство — какая разница, главное, чтобы ему досталось наследство.

После двухдневных поисков он нашел наконец в антикварном секретере с дюжиной потайных ящичков завещание, которое его неприятно удивило. Значительную часть состояния доктор Праун оставил своей последней любовнице Вере Брюне.

В тот же день — похороны еще не состоялись — Праун-младший появился в мюнхенской прокуратуре и высказал предположение, что отца убили. Он попросил перед погребением произвести вскрытие трупа. К тому же Гюнтер Праун заявил, что у него есть все основания подозревать последнюю любовницу отца Веру Брюне — по его мнению, она приложила руку к неожиданной смерти Прауна-старшего. В качестве доказательства он предъявил найденное им завещание, в котором Брюне фигурировала как наследница испанского замка. Прокурор Рует, который в 1962 году на процессе пытался доказать суду, что именно это наследство толкнуло Веру Брюне на убийство, в апреле 1960 года сомневался даже в том, что Прауна убили.

«Вы все-таки похороните сначала отца. Эксгумацию

и экспертизу мы сделаем в любой момент, если в этом будет необходимость»,— успокоил он сына и... тем самым создал серьезные помехи на пути расследования двойного убийства.

Книготорговец Норберт фон Шоллер, 56-летний приятель доктора Прауна, которому тот поручил в случае неожиданной смерти передать свое тело на медэкспертизу, с большим трудом смог добиться только того, чтобы его выслушали.

На суде он сказал об этом: «У меня было такое ощущение, что для прокуратуры и полиции самоубийство доктора Прауна дело решенное. Меня не хотели даже принимать, а когда я наконец получил возможность изложить свою просьбу, чиновник едва слушал меня, занятый чтением какого-то документа. Заносить в протокол мои показания он, видимо, счел излишним».

Когда доктор Праун-младший понял, что своими силами не сможет выяснить обстоятельства смерти отца, он поручил мюнхенскому адвокату доктору Киттелю разобраться в вопросе наследства и предоставил ему все полномочия для обвинения Веры Брюне в убийстве. В качестве главной улики Гюнтер Праун передал адвокату письмо, якобы не замеченное полицией, которое убийца оставил на вилле.

Это письмо на голубой авиапочтовой бумаге, подписанное доктором Прауном, было будто бы написано им за полгода до смерти в Испании и адресовано экономке Эльфриде Клоо в Пёкинг. Оно гласило: «Коста-Брава, 28.09.1959. Дорогая Фридель! Предъявителем этого письма является господин доктор Шмитц из Рейнской области, о котором я тебе уже рассказывал. Он очень важный для меня человек здесь, в Испании. Поэтому будь с ним особенно приветлива. Я ему сказал, что ты моя жена, и рассказал о нашем прекрасном доме в Пёкинге. Покажи ему все. Кстати, у него есть великолепная идея по поводу подвального этажа. Приготовь ему чего-нибудь повкуснее — он любитель хорошо поесть. Между прочим, у доктора Шмитца очень милая жена, которая сопровождает его во всех поездках. Она тебе определенно понравится. Надеюсь, у тебя все в порядке. Всего тебе хорошего, целую, твой Отто».

Это письмо, такое безобидное и ни о чем не говорящее, впоследствии сыграло в деле зловещую роль. Гюнтер Праун построил на нем обвинение Веры Брюне в убийстве. Он утверждал, что упомянутый в письме доктор

Шмитц был знакомым Брюне, который хотел купить испанский замок. Вера, чтобы не остаться без наследства, решила помешать продаже замка, разработала план убийства и подыскала послушного ей убийцу. Дальнейшие события, согласно версии Прауна, развивались следующим образом: Вера Брюне сама напечатала на машинке «голубое письмо», подделала подпись и таким образом снабдила убийцу своего рода пропуском на виллу, куда экономка чужого никогда бы не пустила.

В 1960 году эту весьма путаную гипотезу прокурор Рует даже и не пытался использовать для обвинения Веры Брюне; считалось, что она не может быть достаточно серьезным доказательством ее вины.

Почему доктора Прауна нужно было убивать непременно на вилле? Ведь его испанское имение и многочисленные заграничные поездки были гораздо удобнее в этом смысле. А уж если убийца действительно таким образом попал на виллу, то почему он, как нарочно, оставил на месте преступления письмо? С другой стороны, если преступник на самом деле был так глуп или забывчив, то почему Карл Родатус, который ликвидировал все прочие следы убийства, не забрал этого письма? И наконец, зачем Вере Брюне вдруг понадобилось ставить на письме дату семимесячной давности? Все эти несуразности так никто толком объяснить и не смог.

Хотя прокурор Рует в апреле 1960 года и отказался возбуждать уголовное дело об убийстве, полиции тем не менее все-таки пришлось проверить сведения, представленные адвокатом Киттелем. Это может показаться шуткой, но заняться этим делом поручили... бравому обермейстеру Карлу Родатусу.

Как и в печально знаменательный вторник после Пасхи на пёкингской вилле, Родатус предпринял все, чтобы сделать невозможным раскрытие убийства. Он не только полтора года препятствовал вскрытию трупа, но даже установил контакт с Верой Брюне: пришел с документами на ее мюнхенскую квартиру и рассказал, что ее обвиняют в убийстве доктора Прауна и адвокат сына собрал уже против нее кое-какой материал. Более того, он порекомендовал ей на всякий случай позаботиться об алиби на ночь убийства и надавал еще кучу всяких полезных советов. Для того чтобы фрау Брюне, которая, кстати, очень скоро стала называть полицейского «милый Карлос», смогла в спокойной обстановке изучить выдвинутое против нее обвинение, Родатус оставил у нее на два дня все документы.

Однако вскоре слухи об этих сверхдоверительных отношениях между Родатусом и Брюне достигли ушей бдительного адвоката Киттеля, и разразился скандал.

Доктор Киттель подал жалобу в органы надзора, и Родатуса пришлось отстранить от дела. Адвокат передал соответствующую информацию журналу «Штерн», и теперь, когда общественности стали известны обстоятельства расследования, уже нельзя было дальше скрывать, что существует подозрение в убийстве доктора Прауна.

28 сентября 1961 года на маленьком кладбище в Пёкинге выкопали гробы с останками доктора Прауна и Эльфриды Клоо и передали на исследование в институт судебной медицины при Мюнхенском университете.

При вскрытии в черепной коробке доктора сразу же обнаружили ту вторую пулю, которую так «усердно» искал на вилле Родатус. Экспертиза установила, что эта пуля первой попала в доктора и была выпущена сзади, с расстояния в несколько метров. Второй же выстрел, в рот, от которого осталось выходное отверстие на затылке, был произведен в непосредственной близости. Поскольку человек не может выстрелить в себя сзади, да еще с расстояния в несколько метров, это доказывало, что доктора Прауна убили. Второй выстрел убийца сделал лишь для того, чтобы довести дело до конца.

Все юридические нелепицы, допущенные ранее полицией и прокуратурой в этом уголовном деле, оказались детскими шалостями по сравнению с тем, что теперь началось. Если до сих пор тайные силы, стоявшие за всей этой историей, пытались лишь скрыть факт убийства, то теперь необходимо было найти подходящего убийцу и провести над ним судебный процесс без риска обнаружить истинные причины убийства...

Направление было уже указано сыном убитого, который через два дня после обнаружения преступления обвинил Верю Брюне в убийстве своего отца. На этот раз для ведения секретного — что было особо подчеркнуто — расследования в мюнхенской уголовной полиции создали специальную комиссию во главе с неким советником по уголовным делам, имя которого до сих пор упорно замалчивается.

Вера Брюне, известная своим аморальным образом жизни куртизанка из мюнхенского артистического квартала Швабинг, как нельзя лучше подходила на роль подозреваемой в убийстве. Ее сомнительная репутация

была очень удобна для того, чтобы настроить против нее общественность и в первую очередь присяжных заседателей. К тому же ей можно было инкриминировать весьма правдоподобный мотив для убийства: в соответствии с завещанием покойного, после его смерти она получала миллионное наследство — замок в Испании. Специальная комиссия очень быстро установила, что любвеобильный мюнхенский врач использовал свой сказочный замок в качестве своеобразного «векселя любви» и еще до Брюне несколько раз завещал его другим любовницам за уступчивость перед его сексуальными домогательствами. Когда очередная любовница надоедала жизнелюбивому доктору, он шел к нотариусу и вычеркивал ее из завещания.

Во всяком случае, так утверждал семейный адвокат Праунов доктор Киттель. Он сообщил специальной комиссии, что на его памяти доктор Праун не менее четырнадцати раз вносил подобные изменения в завещание. Почему же он не мог сделать того же и с Верой Брюне? А поскольку сын врача на этом настаивал, комиссия вскоре нашла подходящую свидетельницу. Это была непосредственная предшественница Веры Брюне по завещанию — фрау Катя Хинце, теща популярного композитора Харальда Бёмельта.

Фрау Катя была не той женщиной, которая могла без зависти смотреть, как ее сопернице достается такой лакомый кусок. Поэтому она с готовностью дала показания: «Да она уже давно надоела Отто. Спросите-ка моего зятя, он это точно знает. Он разговаривал с доктором Прауном незадолго до его смерти».

Композитор Бёмельт подтвердил это: «Да, я встретил Прауна 1 апреля 1960 года в Мюнхене. Он высказался в том смысле, что хочет расстаться с Брюне, потому что боится, будто она хочет его отравить. Он сказал мне, что собирается продать дом в Испании, чтобы побыстрее избавиться от нее».

Правда, позднее, на процессе, защитник Брюне пригласил свидетеля, который сумел доказать, что наследник Праун-младший дал взятку Бёмельту, чтобы тот дал такие показания.

Другой свидетель сообщил, что 1 апреля 1960 года, то есть в тот день, когда Праун-старший якобы рассказывал Бёмельту о продаже замка, врача вообще не было в Германии.

Тогда Харальд Бёмельт решил подправить свои показания: «Возможно, это было в какой-то из дней до или после 1 апреля». Эти слова он подтвердил под присягой. Естественно, доктор Праун-младший, боровшийся на процессе за миллионы своего отца, с возмущением отверг обвинение в том, что он дал взятку Бёмельту.

Какими методами вела расследование специальная комиссия, очень хорошо показывает пример с превращением пресловутого «голубого письма» в доказательство преступных намерений Веры Брюне.

Само по себе существование напечатанного на машинке письма еще ни о чем не говорило. Необходимо было доказать, что написал его не доктор Праун за полгода до своей смерти, чтобы рекомендовать экономке реально существующего доктора Шмитца, а подделала Вера Брюне, стремясь обеспечить своему сообщнику доступ на виллу.

Итак, в распоряжении комиссии находились две пишущие машинки: одна — принадлежавшая покойному доктору Прауну, при помощи которой он сам вел личную и деловую переписку, вторая — машинка молодой студентки, которая несколько лет снимала комнату у Брюне и не раз давала пользоваться машинкой своей хозяйке. Обе машинки — по воле случая и та и другая производства фирмы «Ремингтон» — сразу же конфисковала комиссия, чтобы установить, на какой из них было отпечатано «голубое письмо».

Два эксперта из федерального бюро криминалистики быстро определили, что речь идет о машинке квартирантки Брюне. На первый взгляд, появилась серьезная улика. Но... письмо в действительности было отпечатано 28 сентября 1959 года, то есть почти за семь месяцев до убийства. В этом эксперты были непоколебимы, поскольку анализ печатной краски показал, что ей не меньше полугода.

Но зачем же Вере Брюне понадобилось полгода назад делать «пропуск» для убийцы, если она еще не знала, что Праун лишит ее наследства? Да и к тому же всегда был риск, что недоверчивая экономка могла не впустить на пёкингскую виллу псевдо-Шмитца.

Указанное противоречие так никогда и не было разрешено, хотя пресса старательно искала и, похоже, находила объяснение этому: вероятнее всего, озабоченная сбором улик против Веры Брюне комиссия сама сфабриковала из письма важнейшее доказательство каким-нибудь простым и в то же время надежным способом — напри-

мер, поменяв местами машинки — они ведь были одинаковые — или образцы текстов... Полиция и прокуратура утверждали к тому же, что подпись «Отто», написанная от руки в конце письма, тоже была поставлена не врачом, а подделана Верой Брюне. Однако доказать это не удалось. Эксперты-графологи заключили, что имя из четырех букв, во-первых, не дает достаточных оснований для аргументированных выводов о подделке подписи, во-вторых, не исключает возможности, что письмо подписано действительно самим Прауном... Но если он его подписал, тогда и отпечатать должен был на своей машинке. Другими словами, почерковедческая экспертиза поставила под большое сомнение доказательную ценность письма.

Тем не менее мюнхенская специальная комиссия использовала это более чем спорное «голубое письмо» для того, чтобы получить у судебного следователя ордер на арест Веры Брюне. 3 октября 1961 года она была арестована по подозрению в убийстве. Но если для ареста хватило письма, то для судебного процесса полиции нужно было раздобыть сообщника-убийцу, который под видом доктора Шмитца в святой четверг 1960 года проник на виллу и убил доктора Прауна и его экономку. Ясно было, что без этого сообщника все обвинение просто развалится.

Не прошло и двух недель, как комиссия разыскала старого знакомого Брюне, который казался крайне подозрительным, поскольку купил у нее старый «фольксваген», подаренный доктором Прауном. Это был Йохан Фербах, обыкновенный слесарь-монтажник сорока восьми лет, проживающий в Бонне. 14 октября, через одиннадцать дней после ареста Брюне, его задержали, сначала даже без ордера, так как для его получения не было ни малейших оснований. Сотрудники, которые вытащили его утром из постели, не рискнули объявить ему о причине ареста. Они наврали, будто он купил краденую машину у женщины, которая якобы является шефом международной воровской банды, и, чтобы выйти на ее след, им нужно получить от него кое-какие сведения.

Искренне желая помочь полиции, Фербах рассказал все, что знал о Вере Брюне:

— Я познакомился с ней в сорок четвертом, в Бонне, после налета американской авиации. Она с матерью жила на той же улице, что и я. В их дом попала бомба, и все жильцы оказались в подвале, под обломками. Я участвовал в спасательных работах и откопал Веру Брюне... спас ее и ее мать. Через несколько месяцев она отплатила мне тем же... Я ведь сбежал из вермахта, когда стало ясно, что война проиграна. Ее тогда эвакуировали в один замок в Рейнской области, там она меня и прятала до конца войны.

Простодушно и совершенно не подозревая, что своими показаниями роет себе яму, он рассказал о том, какая замечательная женщина эта Вера Брюне — о такой можно только мечтать.

В той же простодушной манере сотрудник полиции спросил:

— Да-а, господин Фербах, вы, наверно, за такую женщину пошли бы на все, если бы она предложила вам... ну, скажем, жениться на ней и вместе уехать в какой-нибудь прекрасный замок, например, в Испании? Без забот, без этой каждодневной скучной работы...

Такой наивный вопрос даже развеселил Фербаха:

— Ну, знаете... А вы бы что, отказались с такой женщиной, как Брюне, да в испанском замке... В конце концов, я же не монах. Боюсь только, что она найдет себе кого-нибудь получше, чем мы.

Он рассмеялся, так как не мог и предположить, что через несколько месяцев в присяжном суде ему напомнят, как в полиции он сознался, что находится в полном подчинении у Веры Брюне и готов на все, если она выйдет за него замуж и уедет с ним в Испанию.

Йохан Фербах даже не удивился, когда полицейский его спросил:

— Господин Фербах, что вы делали 14 апреля прошлого года?

Как и тысячи других людей, которых вдруг спрашивают, что они делали такого-то числа полтора года назад, он пожал плечами и ответил:

— Понятия не имею, господин комиссар. Не могу я этого сегодня вспомнить. Надо бы поспрашивать друзей, может, с кем в скат играл...

Однако Йохану Фербаху уже не довелось спросить своих друзей, не играл ли он случайно с ними в скат в тот день, когда на Штарнбергском озере застрелили доктора Прауна и Эльфриду Клоо. По завершении многочасового допроса ему объявили, что он арестован за соучастие в убийстве. В обосновании ордера на арест было написано: «Обвиняемый признался, что он согласился бы на любое требование Брюне, если она выйдет за него замуж

и возьмет с собой в Испанию. Вместе с тем он не смог предъявить алиби на ночь преступления. К тому же обвиняемый испытывает чувство глубокой признательности к Брюне, так как в конце войны она спасла его от расстрела по приговору военно-полевого суда за дезертирство. Весьма вероятно, что он совершил преступление по наущению Брюне, так как хотел доказать ей свою благодарность и надеялся уехать с ней в Испанию...»

Для специальной комиссии убедительнейшим доказательством участия Фербаха в убийстве являлся тот факт, что арестованный был уроженцем Рейнской области. Ведь в роковом «голубом письме» очень кстати стояло: «Предъявителем этого письма является господин доктор Шмитц из Рейнской области...» Предъявленное обвинение заставило Фербаха только в недоумении покрутить головой. Ему не хватало фантазии представить, какой хитроумный план задуман, чтобы изобличить его как «двойного» убийцу. Он полагал, что это какая-то ошибка, его с кем-то перепутали и все выяснится, как только проведут очную ставку с Верой Брюне и свидетелями.

Однако до начала судебного процесса Фербаха ни разу не допросили и не провели ни одной очной ставки ни с Верой Брюне, ни с кем-нибудь из свидетелей обвинения. Чтобы добиться вынесения Фербаху обвинительного приговора, специальная комиссия прибегла позднее к методу, который раньше с успехом применялся в концлагерях и застенках гестапо.

Но пока с этим можно было подождать. Йохан Фербах играл лишь второстепенную роль в драме, которую здесь инсценировали. А вот Вера Брюне и за решеткой оставалась главным действующим лицом, привлекавшим всеобщее внимание. Поэтому первым делом надо было доказать ее участие в преступлении. Собранных улик хватило только для ордера на арест, но для осуждения за убийство на открытом судебном процессе их было явно недостаточно. Сотрудники комиссии это прекрасно понимали. Им нужно было признание. От Брюне его ждать не приходилось, значит, следовало найти какой-нибудь другой способ убедить общественность, что Вера Брюне убийца.

С этой целью был разработан поистине дьявольский план. Брюне имела 21-летнюю дочь Сильвию Косси, которая носила фамилию первого мужа Веры, мюнхенского актера Ханса Косси. Девушка была копией матери:

красивая, испорченная, жадная до удовольствий, богатства и авантюр, воспитанная в той же среде «высшего общества». Однако с момента ареста матери ей стало не хватать средств, чтобы вести привычный образ жизни. С тех пор как газеты стали упоминать фамилию Брюне в связи с двойным убийством, от нее отвернулись состоятельные поклонники и друзья. Правда, отец выделял ей ежемесячно двести марок, но этих денег едва хватало на самое необходимое. Чтобы получить от Сильвии показания против матери, надо было посулить ей что-нибудь очень привлекательное и доходное, например карьеру кинозвезды, убедить ее, что предстоящий процесс можно удачно использовать, чтобы обратить на себя внимание: ее фотографии появятся в газетах, имя будет у всех на устах... Если дочь, поддавшись на такие уговоры, подтвердит, что мать призналась ей в своем преступлении, это уже будет достаточным основанием для начала процесса.

Видимо, примерно так должны были рассуждать сотрудники комиссии, когда принимали решение сделать Сильвию Косси главным свидетелем обвинения.

Разумеется, предложить девушке подобное, как говорится, прямо в лоб уголовная полиция не могла: это было бы слишком глупо и шито белыми нитками. Поэтому использовали двух журналистов «без комплексов», которые за сенсационный репортаж могли сделать для прокуратуры все, что угодно. Это были репортер «Штерна» Нильс фон дер Хейде и его коллега из журнала «Квик» Фред Ирт — оба молодые, честолюбивые, из тех, которые долго не разбираются, соответствует ли действительности то, что им рассказывают. Главное — чтобы история была достаточно привлекательной для читателей и подняла тираж их журналов. С этого они жили и ради этого могли поступиться совестью.

В середине октября 1961 года, через несколько дней после ареста Фербаха, шеф специальной комиссии пригласил к себе сначала фон дер Хейде, а на следующий день — Ирта. Он предложил им ознакомиться с материалами по делу Брюне — Праун и попросил оказать содействие полиции в расследовании.

Позже, на судебном процессе, фон дер Хейде вынужден был, по настоянию защитника Веры Брюне, дать показания о том, какого рода содействие имелось в виду.

Судья его спросил:

— Вы оказывали давление на фройляйн Косси, гово-

ря: «Ты должна сказать, что мать призналась тебе в преступлении, иначе тебя привлекут за соучастие»?

Хейде попытался уклониться от прямого ответа:

— Не помню, чтобы я такое говорил.

Тут подключился защитник:

— Вам же в полиции дали понять, что Сильвия Косси должна знать о преступлении матери и за соучастие может попасть за решетку, не так ли?

— Ну, так прямо мне этого не сказали, я, скорее, сам предположил.

— И поделились своими предположениями с фройляйн Косси?

— Да,— ответил фон дер Хейде,— во время нашего первого разговора...

— Значит, вы все-таки оказывали на нее давление! — заявил адвокат.

— Не знаю... Возможно, что фройляйн Косси восприняла это именно так.

— Тогда повторите нам дословно, что же все-таки вы сказали фройляйн Косси.

— Я сказал: «Если вы не признаетесь, то отправитесь в тюрьму вслед за вашей матерью».

— И что же, фройляйн Косси после этого согласилась пойти в полицию?

— Ну, в общем, да, она решила это сделать.

Трудно сказать, насколько повлиял на Сильвию Косси этот первый разговор с фон дер Хейде, но, как бы там ни было, 8 ноября 1961 года она пришла в специальную комиссию и рассказала, что ее мать 8 июля 1961 года во время разговора о происшествии в Пёкинге призналась ей, что убийство совершила она с Фербахом.

Понятно, что уголовной полиции этого было мало. Столь кратких показаний для суда явно не хватало. И полицейские передали двум журналистам следственные документы, чтобы те подробно ознакомили Сильвию Косси с официальной версией преступления. Поэтому вскоре Косси уже смогла рассказать о деталях двойного убийства, о которых она якобы узнала от матери. По ее показаниям, Вера Брюне вместе с Фербахом 14 апреля 1960 года приехали на «фольксвагене» в Пёкинг. В то время как Брюне осталась ждать перед виллой, Фербах отправился к дому и предъявил экономке известное «голубое письмо», после чего Эльфрида Клоо впустила его внутрь. В подвале он застрелил экономку, а затем в столовой дождался возвращения из Мюнхена доктора

Прауна и, как только тот вошел в дом, выстрелил в него. Праун тут же рухнул на пол. Чтобы быть уверенным в его смерти, Фербах с близкого расстояния сделал еще один выстрел.

Сотрудники специальной комиссии были довольны своим главным свидетелем: показания Сильвии Косси полностью подтверждали их версию убийства. Чтобы застраховать себя от всяких случайностей, они заставили девушку повторить ее показания перед судебным следователем. Теперь, если она вдруг вздумает отказаться на суде от своих слов, ее можно будет привлечь к ответственности за дачу ложных показаний судебному следователю.

Для того чтобы и общественность наконец узнала об успехе уголовной полиции, журналы «Штерн» и «Квик» опубликовали серию статей о преступлении, в которых ход событий излагался в соответствии с документами расследования. Ничего не подозревающий читатель, естественно, поверил, что благодаря следственной работе уголовной полиции удалось однозначно установить, будто Вера Брюне и Йохан Фербах совершили двойное убийство. Лишь немногие догадывались, какая игра ведется за закрытыми дверями служебных кабинетов.

Правда, оставалось еще навесить убийство на сидящего в одиночке слесаря-монтажника Йохана Фербаха. У него не было бесхарактерной дочери, подходящей для такого дела, поэтому к игре подключили имевшего семь судимостей мошенника и афериста Зигфрида Шрамма, который уже много раз выступал в роли полицейской подсадной утки, покупая себе таким образом досрочное освобождение.

После того как комиссия подробно ознакомила Шрамма с показаниями Сильвии Косси и содержанием журнальных статей, он перед самым Рождеством был направлен в камеру Фербаха. Удивленному Фербаху сказали, будто это сделано из гуманных побуждений, чтобы он, мол, не проводил праздничные дни в одиночестве. Полицейский шпик времени даром не терял и вскоре преподнес комиссии недостающее признание Фербаха. В отличие от Сильвии Косси, он с бахвальством, весьма многословно и подробно рассказал судебному следователю, как Фербах возле маленькой рождественской елочки признался в том, что Вера Брюне поручила ему убить доктора Прауна и его экономку.

«Сначала Фербах сказал только, что вот уже несколь-

ко недель не может спать, потому что во сне его преследуют кошмарные сцены убийства. Я ему ответил, что это, наверно, ужасно, ходить с таким камнем на душе, и посоветовал облегчить совесть чистосердечным признанием — тогда и сон вернется, и на душе станет спокойнее... Фербах на это сказал, что, если бы речь шла о нем одном, он бы давно уже это сделал, но в деле замешана женщина, которую он безумно любит и ради которой готов на все... Он, мол, не может ее предать. До тех пор, пока она не сознается в убийстве, он тоже будет молчать. Я рассказал Фербаху, что во время моего последнего допроса слышал, будто дочка Брюне пришла в полицию и показала, что мать призналась ей в убийстве. Однако Фербах все никак не мог решиться на признание. Только когда в камеру зашел вахмистр и на полчаса зажег свечи на рождественской елке, в Фербахе что-то сломалось. На глазах у него появились слезы, и я почувствовал, что ему нужен кто-то, кто выслушал бы его исповедь.

Я никогда в жизни не забуду его тихого, дрожащего голоса, когда он рассказывал мне, как застрелил доктора Прауна. Я это запомнил почти дословно. Вот что он сказал: «С фрау Клоо у меня не было никаких хлопот. Первый же выстрел уложил ее наповал, это было сразу видно... А когда в дом вошел Праун, я стрелял от двери столовой и рука от волнения дрогнула. Пуля попала ему в голову, но не убила. Он свалился, его шляпа упала на пол... Когда он попытался встать, мне стало совсем не по себе. Пришлось еще раз выстрелить. Второй выстрел был смертельным. После этих жутких секунд я настолько растерялся, что совсем забыл о письме, которое мне дала Брюне, чтобы попасть на виллу, и которое надо было обязательно забрать с собой. Я выбежал из дома, и уже никакая сила не могла меня заставить туда вернуться...»

Да, не всякий писатель смог бы так душещипательно изложить признание, сделанное в тюремной камере...

Такие показания вполне устраивали полицию: теперь можно было готовить обвинительное заключение и направлять дело в суд. Общественное мнение осудило обоих подозреваемых еще до того, как начался процесс. Журналы «Штерн» и «Квик» провели своеобразный судебный процесс на своих страницах: из номера в номер они публиковали материалы, которые демонстрировали миллионам людей, как Вера Брюне и Йохан Фербах убивали свои жертвы, хотя к этому времени подозреваемым даже не было предъявлено обвинение. Поскольку

представленные полицией улики не всем журналистам показались достаточно убедительными, «Квик» придумал еще одно, дополнительное, доказательство, которое у многих вызвало возмущение. Западноберлинский «Курьер» язвительно писал по этому поводу: «Один шустрый мюнхенский журнал отличился тем, что устранил последние сомнения в виновности подозреваемых, даже если они у кого-то из читателей и оставались. В одном из последних номеров были опубликованы портреты Брюне и Фербаха, разрисованные всякими стрелками, эллипсами, скобками и цифрами. В комментарии объясняется, что прочитала редакция на этих двух лицах.

Например, прекрасный цвет лица Веры Брюне, оказывается, свидетельствует не о триумфе современной косметики, а о неспособности обвиняемой к глубоким переживаниям. Промежуток между бровями и висками выдает холодную расчетливость, выступающая верхняя губа — властолюбие и эгоизм. Форма крыльев носа говорит о ее чувственности. Торчащие уши Фербаха являются для редакции этого скорого на выводы журнала доказательством эмоциональной глухоты и бесхарактерности. Взгляд его выдает затаенную хитрость, а верхняя часть лба свидетельствует о недостаточной нравственной силе. Итак, теперь всем и каждому вручен надежный способ, как разоблачить предполагаемого преступника... Журнал вершит правосудие. Дожили!..»

Даже западногерманский совет журналистов презрительно отозвался об этой публикации и выступил с протестом: «Германский совет журналистов порицает корреспонденции по делу об убийстве доктора Прауна, появившиеся в журналах «Штерн» и «Квик», так как они тенденциозно приписывают преступление людям, вину которых суд еще не установил. Эти корреспонденции оскорбляют человеческое достоинство и препятствуют суду в поисках истины и вынесении справедливого приговора...»

Однако этот протест никак не повлиял на упомянутые журналы, и они продолжали раздувать на своих страницах шумиху вокруг дела Брюне, невзирая на то, оскорбляет это человеческое достоинство или нет. Миллионы людей их читали и верили, что убийцы найдены. Застраховав себя таким образом, власти 25 апреля 1962 года начали судебный процесс.

Как ни старались уголовная полиция и прокуратура

тщательно подготовить процесс и заранее затушевать все спорные обстоятельства, от внимательного наблюдателя не ускользнуло, что на суде больше скрывают, чем вскрывают, и прокуратура озабочена скорее защитой подлинных виновников преступления, чем их обвинением.

Уже само обвинительное заключение объемом всего каких-нибудь четырнадцать страниц выглядело на фоне длительного судебного расследования, как мышь перед слоном. Его вещественное содержание можно было без труда рассмотреть за полдня. Однако суду присяжных для этого понадобилось шесть недель.

«Игра в убийцу» — так озаглавила одна солидная штутгартская газета свой комментарий из зала суда. Слушание дела сравнивалось с игрой, которой любили развлекаться «добропорядочные» англичане. «Сыщик» стоял перед дверью в комнату, где в окружении веселой компании находился «убийца», и ждал, пока в помещении погасят свет. Наконец ему подавали сигнал, он входил в комнату и искал «убийцу». Начиналось взаимное ощупывание участников и участниц игры, которое забавляло присутствующих приятными эротическими неожиданностями, и, если свет оставался выключенным достаточно долго, мало кто спрашивал, нашел «сыщик» «убийцу» или нет.

Трудно было бы найти этому судебному процессу более точное сравнение. Здесь по целым неделям обсуждали, сколько мужчин числилось у Брюне в поклонниках, каковы были сексуальные пристрастия убитого, какой характер носили отношения подсудимой с некоторыми из ее подруг... Естественно, что при этом многие противоречия и несуразности обвинительного заключения остались незамеченными. Хотя карточный домик доказательств, выстроенный прокуратурой, и без того едва не разваливался, так как фундаментом его были мнимые признания обвиняемых и пресловутое «голубое письмо», о котором даже эксперты не могли точно сказать, написано ли оно самим убитым или подделано подозреваемыми. Когда очередь дошла до Сильвии Косси, ее появление напоминало выход великосветской дамы или театральной звезды. Элегантно одетая, будто только что из модного магазина, вошла она в судебный зал, где ее встретили фотовспышками два десятка допущенных на процесс репортеров. На ней был облегающий французский костюм, ярко-желтый головной платок и, конечно же, солнцезащитные очки в модной оправе. Уверенность, с кото-

рой она вступила в зал, выдавала многочасовую тренировку перед зеркалом.

На скамье подсудимых в это утро находился лишь один человек. Веру Брюне в зал не привели, чтобы присутствие матери не мешало Сильвии Косси повторить показания, сделанные ею судебному следователю. Покачивая бедрами, Сильвия подошла к свидетельскому месту, сняла платок и очки и тихим хрипловатым голосом назвала свою фамилию и имя. На вопрос председателя о профессии она уверенно ответила: «Студентка».

Доктор Зайберт, председательствующий на процессе, возвышенным тоном призвал ее говорить только правду и не давать показаний, которые противоречили бы ее совести. Он знал, что присяжным заседателям понравится, если судья настоятельно напомнит о совести девушке, которая, как ожидалось, будет обвинять свою мать в убийстве. Правда, при этом доктор Зайберт забыл обратить внимание свидетельницы на то, что она, как дочь обвиняемой, может отказаться давать показания. Он был уверен, что в данном случае это ни к чему. Адвокату Мозеру пришлось ему об этом напомнить.

— Верно, чуть не забыл,— с улыбкой сказал доктор Зайберт и подтвердил, что, если свидетельница не хочет, она может не давать показаний. Однако тут же добавил, что ей в таком случае придется нести ответственность за показания, которые она дала раньше судебному следователю.

Сильвия Косси заявила коротко и решительно:

— Я дам показания.

Председатель суда и прокурор Рует, как показалось, с облегчением откинулись на спинки кресел. Все же остальные подались вперед, чтобы не пропустить ни одного слова.

Прежде чем дать слово Сильвии Косси, доктор Зайберт велел секретарю суда зачитать протокол с ее показаниями, которые она ранее дала судебному следователю.

— Здесь все правильно? Вы это говорили тогда? — спросил он девушку, когда секретарь закончил читать и положил папку с протоколами на стол.

— В общем, да... Однако то, что здесь читали, это не мои формулировки,— с некоторым стеснением сказала свидетельница.

Доктор Зайберт занервничал:

— Но смысл передан правильно?

— Я не могу этого точно вспомнить, тогда я очень плохо себя чувствовала...

Зал начинал волноваться.

— Что вы хотите этим сказать? Уж не собираетесь ли вы отказаться от своих показаний, данных во время предварительного следствия? — коварно спросил председательствующий.

— Да! Все, что я тогда говорила,— ложь, вымысел.

Сильвия Косси проговорила это смело и достаточно громко, чтобы ее услышали во всем зале, и впервые посмотрела председателю в глаза.

Доктор Зайберт уже не мог больше сдержаться:

— Это неслыханно! Вы рассказали полиции и судебному следователю, как ваша мать призналась вам в убийстве, а теперь оказывается, что все это вымысел?! Нормальному человеку такое трудно понять!

Возмущенный доктор Зайберт схватил толстый том подшитых документов и раскрыл его на том месте, где находился многостраничный протокол показаний свидетельницы.

Однако это вовсе не запугало Сильвию. Она сдержанно ответила:

— Нормальный человек и не попадет в такое положение, в котором я тогда находилась.

Новый сенсационный поворот в деле вызвал протест в зале. Присутствующие почувствовали, что их ожидания, подогретые прессой, обмануты. Если дочь отказывается от своих слов, то как же теперь прокуратура сможет доказать вину подозреваемых? Нечего и думать, что остальных улик будет достаточно. Даже любому непрофессионалу из сидящих в зале это стало ясно.

Почти два часа разбирался доктор Зайберт со свидетельницей по поводу деталей и подробностей, изложенных в показаниях судебному следователю; при этом он раз за разом непонимающе приговаривал: «Да не может это все быть вымыслом!..» На что Сильвия Косси с неизменной твердостью отвечала: «Я все это выдумала».

Затем она начала описывать, как дошла до того, что рассказала полиции и судебному следователю о признании матери в двойном убийстве.

— Эти оба журналиста все время давили на меня... мол, я должна пойти в полицию и сказать, что мать призналась мне в преступлении.

Доктор Зайберт снова взял себя в руки и снисходительно произнес:

— Ну что ж, прекрасно, фройляйн Косси! Итак, репортеры на вас наседали — им нужна была сенсация для своих журналов. Но ведь не могли они вам столько всего понарассказать... всех этих деталей, мелочей, которые потом с ваших слов были занесены в протокол. Такое просто невозможно!

Сильвия Косси энергично кивнула:

— Именно так все и было! Господин фон дер Хейде все время приходил с новой информацией, которую он получал в полиции. Сначала я ему сказала: «Моя мать не могла такого сделать», но господин фон дер Хейде был так настойчив, что в конце концов я и сама поверила, будто мать преступница. Вот тогда он мне и посоветовал: «Сильвия, вы должны пойти в полицию, иначе вас обвинят в укрывательстве и тоже посадят!» Мне больше не с кем было посоветоваться, вот я и пошла туда.

Несмотря на то что при этих словах в зале и в ложе прессы воцарилась гнетущая тишина, председатель, подчеркивая свои слова театральным жестом, проговорил:

— Фройляйн Косси, неужели вы думаете, что в этом зале вам кто-нибудь поверит? Поверит в то, что вы выдали полиции родную мать только потому, что вас уговорили репортеры? Не знаю, как кто, а я не поверю. Вымыслом, скорее, является эта только что рассказанная вами история, а не прошлые ваши показания.

— Нет, все было так, как я вам сейчас говорила. К тому же господин фон дер Хейде сказал мне, что мои показания изобличат только Фербаха, а не мою мать. Ведь это он убил двух человек. Матери, мол, от этого ничего не будет.

Зайберт немного наклонился вперед:

— И вы в это поверили?

— Тогда — да, я ведь была в полной растерянности,— беспомощно проговорила Сильвия.

В этот момент к допросу свидетельницы впервые подключился прокурор Рует и с подчеркнутым миролюбием спросил:

— Значит, только потому, что вы были в растерянности, вы согласились с журналистами и показали в полиции, что ваша мать призналась вам в убийстве? Я вас правильно понял?

Сильвия Косси, не замечая расставленной западни, простодушно ответила:

— Да, я совершенно не владела собой...

Довольно улыбаясь, прокурор сел на место. Он был

рад, что свидетельница не проболталась насчет других мотивов ее признания. Тот факт, что она изобличила свою мать только из-за нервного срыва, вряд ли мог повлиять на решение присяжных заседателей.

Казалось, и защитники обоих обвиняемых тоже были удовлетворены такой мотивацией. Хотя, конечно, им не мешало бы поинтересоваться, какую материальную помощь оказывали журналисты свидетельнице и какие обещания по поводу карьеры кинозвезды ей делали... Но адвокаты опасались, что выяснение этих обстоятельств может представить Сильвию Косси в невыгодном свете, и тогда в ее отказ от прежних показаний мало кто поверит.

И тут неожиданно поднял руку обвиняемый Фербах. Он попросил разрешения задать свидетельнице вопрос. От своего защитника Фербах знал, почему Сильвия пошла в полицию и обвинила мать в преступлении. Ему были чужды какие-то тактические соображения,— он боролся за свою свободу. Поэтому он в возбуждении воскликнул:

— Вы ведь получили деньги от репортеров, не так ли, фройляйн Косси?!

Сильвия в смущении опустила глаза:

— Нет, денег я не получала.

— Но они вам их посулили?

— Господин фон дер Хейде сказал мне только, что я получу гонорар за представленную информацию, когда статьи будут опубликованы.

Прокурор Рует мгновенно вмешался в происходящее — нельзя было допустить, чтобы сложилось впечатление, будто репортеры дали Сильвии Косси взятку за ее показания:

— Уважаемые господа судьи, денежные предложения делались свидетельнице совсем с другой стороны. Это было связано вовсе не с ее показаниями, а только с сенсационным характером данного уголовного дела. Многие люди хотели бы нажить на этом капитал и готовы были хорошо заплатить свидетельнице за сведения о ее матери.— После этой общей справки для присяжных заседателей Рует повернулся к Сильвии.— Разве вам не предлагали сняться в фильме о жизни обвиняемой в роли ее дочери, то есть сыграть саму себя?

— Да, такое было,— сказала Сильвия и тут же добавила извиняющимся тоном,— но денег за это я не получала.

Здесь наконец в эту игру в вопросы и ответы решил вмешаться защитник обвиняемой Брюне доктор Мозер:

— Я попрошу высокий суд обратить внимание на одно обстоятельство: судебные репортажи могут быть опубликованы, а фильм — показан лишь тогда, когда обвиняемую признают виновной в убийстве. Только в этом случае с юридической точки зрения разрешается раскрывать подлинных участников событий без их согласия на это. Если же вы оправдаете мою подзащитную, издателей журналов ждет целая серия разорительных судебных процессов по обвинению в оскорблении чести и достоинства, а планы кинокомпании вообще не осуществятся, потому что мы этому помешаем. Мне меньше всего хотелось бы сейчас говорить о требованиях возмещения ущерба, которые, конечно же, предъявит фрау Брюне. Неужели вы не понимаете, что репортеры и киношники интересуются не любыми сведениями о жизни моей подзащитной? Они хотят иметь твердую гарантию, что фрау Брюне будет осуждена за убийство. Поэтому свидетельницу вынудили пойти в полицию и рассказать небылицу о признании матери, и именно за это ей делают всякие выгодные предложения!

Председатель суда с иронией возразил:

— Господин защитник, видно, эти репортеры и менеджеры слишком наивные люди! Нет бы им сразу предложить свидетельнице такую сумму, чтобы она здесь, на суде, не отказывалась от прежних показаний? Раз уж молодая дама пошла на такой гешефт...

Доктор Мозер не обратил внимания на заносчивый тон председателя:

— Эти люди не наивны, а коварны, господин председатель. Чтобы избежать осечки на процессе, они планировали сорвать выступление свидетельницы в суде.— Он повернулся к дочери обвиняемой.— Фройляйн Косси, вам предлагали на время судебного процесса покинуть Мюнхен?

— Да, «Штерн» предложил мне на период судебного разбирательства поехать в Южную Америку.

— Что же вы должны были делать в Южной Америке?

— Написать репортаж.

— Вы когда-нибудь писали газетные статьи?

— Нет, не приходилось...

— Вы считаете, что у вас есть журналистские способности?

— Нет, но ведь со мной должен был поехать господин фон дер Хейде.

Адвокат вынул из папки какой-то документ и протянул его председателю суда:

— Вот контракт на поездку в Южную Америку, подписанный главным редактором журнала «Штерн».

Доктор Зайберт лишь мельком глянул на бумагу:

— Почему же тогда свидетельница находится здесь?

— Потому что я призвал к ее совести и объяснил, что ее показания судебному следователю являются доказательством вины матери и из-за них мать посадят в тюрьму. Вот поэтому-то она и отказалась от поездки.

Доктор Зайберт бросил вопросительный взгляд на прокурора, как будто ожидая, что тот опровергнет утверждения адвоката.

Рует молчал, и председатель бесцветным голосом произнес:

— Если больше вопросов нет, мы можем закончить допрос свидетельницы.

В зал возвратили обвиняемую Брюне. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, ее должны были ознакомить с содержанием показаний, сделанных в ее отсутствие. Доктор Зайберт, видимо уверенный, что Сильвия Косси повторит свои обвинения против матери, отдал распоряжение записать ее допрос на магнитофон. Однако по непонятным причинам записи не получилось. Из громкоговорителя вырывался только оглушающий визг и свист.

Гораздо удачнее для обвинения вышло все на следующий день со вторым главным свидетелем, многократно судимым аферистом Зигфридом Шраммом.

Прежде чем он вошел в зал, председатель суда призвал обвиняемого Фербаха держать себя в руках во время дачи показаний свидетелем Шраммом. Он даже пригрозил удалить его из зала, если тот будет мешать допросу.

Слесарь-монтажник на это только безразлично пожал плечами:

— Пожалуйста, если обвинение держится только на этом субъекте... Мне его бояться нечего...

Полицейский подручный, необычайно взволнованный, в солнцезащитных очках на пол-лица, неуверенно подошел к свидетельскому месту и сообщил краткие сведения о себе, умолчав, правда, о предыдущих судимостях. Когда защитник Фербаха адвокат Пэлька спросил его об

этом, председатель суда указал, что вопросы следует задавать после того, как свидетель даст показания. Очевидно, он хотел помешать тому, чтобы выступление сомнительного свидетеля с самого начала было встречено с недоверием.

Первые же слова Шрамма вызвали новые затруднения в ходе разбирательства. Вопреки всем уговорам он заявил, что никаких показаний давать не будет: «Увы, у меня есть все основания опасаться, что защита будет задавать мне столько компрометирующих вопросов, что после этого процесса я стыда не оберусь».

И только после того как доктор Зайберт заверил его, что на подобные вопросы отвечать не обязательно, и разрешил советоваться со своим адвокатом, Шрамм согласился участвовать в перекрестном допросе.

Добросовестно, как и в полиции, он повторил впечатляющую историю о признании Фербаха в новогодний вечер перед рождественской елочкой. Прокурор мог спокойно раскрашивать обложку папки с документами, лежавшую перед ним, так как свидетель прилежно вызубрил свои показания. Руету оставалось только констатировать, что все сказанное Шраммом полностью совпадает с результатами расследования специальной комиссии.

Чтобы не задавать «компрометирующих» вопросов, адвокат Пэлька просто «раскрыл» уголовное прошлое Шрамма. Он зачитал судебный приговор по его последнему делу: «Шрамм относится к типу так называемого преступника-интеллигента, который, используя свое интеллектуальное превосходство, эксплуатирует близких ему людей с целью извлечения личной выгоды. Шрамм чрезвычайно лжив и изобретателен, когда дело касается защиты его интересов...»

Более точную характеристику этому странному главному свидетелю трудно было дать. Около десятка заключенных, сидевших со Шраммом и Фербахом в одной тюрьме, рассказали о том, как он выполнял роль полицейского шпика.

Тюремный парикмахер Фердинанд Надлер под присягой сообщил:

— Когда я брил Шрамма, он сказал мне, что сразу после процесса его выпустят на свободу, если он даст показания против Фербаха. Он просил меня, чтобы я повлиял на других заключенных: пусть, мол, они тоже свидетельствуют против Фербаха. Полиция за это будет им признательна.

Другие заключенные в один голос заявляли: «Шрамм был известен всей тюрьме как полицейский шпик».

И все-таки адвокат Пэлька задал вопрос Шрамму:

— Свидетель Шрамм, скажите, два года назад в зальцбургской следственной тюрьме вы обвиняли в убийстве заключенного Риделя, который, как потом выяснилось, был невиновен?

Шрамм возмущенно вскинулся:

— Нет, никогда!..— В этот момент его адвокат, который все время стоял рядом, остановил его и что-то прошептал на ухо. Шрамм продолжил: — В своих показаниях я только пересказал то, о чем говорили в тюрьме...— Адвокат опять прервал его и снова что-то прошептал. Шрамм послушно проговорил: — Я отказываюсь отвечать на вопросы, связанные с этими обстоятельствами.

И тем не менее в конце заседания судья Зайберт заставил полицейского шпика Шрамма поднять руку и поклясться именем бога, что Йохан Фербах признался ему, будто по поручению Веры Брюне убил доктора Прауна и его экономку.

Все остальные свидетели, которых еще вызывали по настоянию защиты, поскольку они находились в каких-либо отношениях с убитым или обвиняемой Верой Брюне, никакого влияния на ход процесса уже не оказали. Большинство из них вскоре замолкали и с заметным облегчением вздыхали, когда доктор Зайберт напоминал им об их праве отказаться от дачи свидетельских показаний... Это были преимущественно женатые мужчины, которые состояли в любовной связи с Верой Брюне и теперь боялись разоблачения.

Лишь один из них выпадал из общего ряда. Он появился в судебном зале на шестнадцатый день слушания дела: массивный, лет под пятьдесят, в строгой одежде, с выразительным лицом, отчасти спрятанным за солнцезащитными очками. В руках свидетель держал тонкую папку, которую взял с собой, видимо, только для того, чтобы скрыться за ней от фоторепортеров.

Когда председатель попросил его снять очки, как требовал этого у всех других свидетелей, он категорически отклонил просьбу:

— Я буду в них!

Свидетель тут же заявил протест по поводу фотографирования своей персоны. Он не просил, а,скорее, требовал.

Прежде чем начать допрос свидетеля, председатель

смущенно откашлялся, наклонился влево, в сторону прокурора, и вполголоса спросил:

— Господин прокурор, свидетелю предстоит дать показания о личности убитого и его деятельности. Может быть, допрос следует провести при закрытых дверях... В соответствии со сто семьдесят вторым параграфом закона о судоустройстве.

Параграф 172 позволял проводить слушание дела при закрытых дверях в том случае, если в процессе разбирательства затрагивались вопросы интимной жизни или возникала угроза общественному порядку и государственной безопасности.

Адвокат Мозер с улыбкой сказал:

— Однако, господин председатель, ведь на протяжении всего процесса вы не проявляли такой заботы о нравственности... Ну, видимо, сейчас нас познакомят с какой-то уж больно ужасной историей.

— Речь идет не о нравственности, господин защитник, а о чем-то более...

Председатель еще не успел до конца объяснить, почему он хочет провести допрос свидетеля при закрытых дверях, как его перебил прокурор Рует:

— Минуточку, господин адвокат, давайте же сначала узнаем, собирается ли свидетель вообще давать показания.

Это звучало так, как будто он уже знал, что свидетель откажется выступать в суде.

Таинственный свидетель тотчас закивал головой:

— Я не буду давать показаний, господин Мозер.

Возмущенный адвокат приподнялся:

— Это решает суд, а не вы, господин свидетель!

Мужчина едва заметным поклоном извинился за свое самоуправство.

Наконец прокурор Рует решил внести ясность:

— Я полагаю, господин защитник, что в данном случае речь идет о делах, которыми занимался доктор Праун и о которых известно свидетелю.

Только теперь адвокат Мозер сообразил, что имеют в виду председатель суда и прокурор. Больше вопросов он не задавал. Председатель Зайберт успокоился и обратился к свидетелю:

— Дайте только ваши анкетные данные для внесения в судебный протокол. Так положено...

Невнятно и с большой неохотой свидетель сообщил суду свою фамилию, адрес и род занятий:

— Ханс-Йоахим Зайденшнур, сорок девять лет, проживаю в Мюнхене, торговый агент.

Фамилия эта, похоже, никому не была знакома и не предвещала публике новых сенсаций и развлечений. Никто и не подозревал, сколько интересного мог бы рассказать свидетель, если бы суд заставил его отвечать на вопросы защитника.

Но у доктора Зайберта такого намерения не было. Как уже много раз до этого, он помог свидетелю отказаться от дачи показаний ссылкой на соответствующий параграф Уголовно-процессуального кодекса, после чего Ханс-Йоахим Зайденшнур быстрым шагом покинул зал заседаний. Проходя мимо ложи прессы, он прикрыл лицо папкой.

Зайденшнур находился в судебном зале всего минут десять, и вряд ли кто-нибудь его запомнил. Тем не менее этот мужчина был, пожалуй, единственным свидетелем, который мог бы коренным образом изменить ход процесса. Он прекрасно знал о двойной жизни убитого и о том, чем тот занимался. Он мог рассказать о причинах, из-за которых доктор Праун лишился жизни, и о тех кругах, где следовало бы искать убийцу.

Кем же был этот элегантный господин Зайденшнур? Присяжные заседатели, собственно говоря, могли бы выяснить это и без его показаний.

Статья в журнале «Шпигель», появившаяся 28 июня 1961 года, то есть еще за год до процесса Брюне, давала исчерпывающую информацию по этому поводу: «Американский концерн по продаже оружия «International Armament Corporation», который сокращенно называют «Interarmco», несколько недель назад направил своего немецкого агента Ханса-Йоахима Зайденшнура в Гамбург к Отто Шлютеру, частному торговцу оружием, с предложением о закупке партии оружия для Анголы. Внушительный список, предложенный Шлютером,— он содержал среди прочего свыше десяти тысяч старых немецких карабинов «98 к» (производства 1944 года) и две тысячи автоматов — вместе с данными о стремительно растущих ценах Зайденшнур еще ночью передал по телефону своему шефу, 34-летнему американцу Сэмюелю Каммингсу. Уже через несколько дней в Антверпене старое оружие вермахта было принято на борт для отправки в «кофейную» колонию Португалии и продажи там по непомерно высоким ценам... »

В общем и целом статья в «Шпигеле» достаточно ясно

показала, в каком бизнесе принимал участие молчаливый свидетель Зайденшнур. Он не мог не знать, каким путем доктор Праун приобрел миллионное состояние и сказочный замок на испанском побережье. Доктор тоже занимался продажей оружия! Этот факт был известен председателю суда и прокурору, и они постарались (кстати, не без успеха) скрыть от общественности эту сторону жизни Прауна. Видимо, здесь затрагивались интересы кого-то из представителей правящих кругов.

Те, кто знал подоплеку происходящих событий, понимали также, почему убийство доктора Прауна нужно было непременно представить как самоубийство. И служащие полицейского участка в Фюрстенфельдбруке постарались в пасхальный вторник 1960 года замести следы преступления, иначе полиции пришлось бы заняться коллегами доктора по бизнесу и искать убийцу среди них.

Один из таких следов был обнаружен сразу же на месте преступления. В кармане брюк убитого находился пистолет, который доктор Праун всегда носил с собой из-за постоянного страха за свою жизнь. Экспертиза установила, что речь идет об оружии типа «Baby Buster», изготовленном по спецзаказу на оружейной фабрике «Вальтер» в Ульме; в оружейные магазины оно не поступало. Запрос, посланный на фабрику в Ульм, сразу бы объяснил, откуда у Прауна столь редкий пистолет с богатой, отделанной слоновой костью рукояткой: сто пятьдесят таких пистолетов было изготовлено по заказу короля международных торговцев оружием, президента «Interarmco» Каммингса, который затем разослал их своим партнерам по бизнесу в качестве рекламных подарков. Обер-мейстер Родатус благоразумно отказался от мысли послать запрос, чтобы не пришлось потом заносить в протокол, что доктор Праун имел тесные деловые контакты с американским спекулянтом оружием...

В 1960 году компания «Interarmco» образовала немецкий филиал в Мюнхене. Его руководителем и стал господин Зайденшнур, которого впоследствии защита пригласила на процесс Брюне с тем, чтобы он рассказал о своих деловых отношениях с убитым доктором Прауном... Как представитель могущественного концерна, он должен был, по словам журнала «Шпигель», «парализовать деятельность в Западной Германии мелких торговцев, паразитирующих на поставках оружия».

Одним из таких «мелких паразитов» был мюнхенский врач доктор Праун. Он уже заработал на своем бизнесе

миллионы. И мог еще заработать: оружие требовалось везде — в Анголе, Алжире, Конго, Южной Африке... Казалось, для спекулянтов оружием наступили золотые времена. И в этот момент доктора Прауна вывели из игры. Нетрудно догадаться, что он отказался отдать международному синдикату грабительский процент со своей прибыли. Поэтому по приказу Каммингса он должен был исчезнуть...

Однако оставался еще один свидетель, который — если бы его удалось под присягой заставить давать показания — мог бы пролить свет на всю эту историю: обер-мейстер Родатус. Хотя он и предпринял попытку представить убийство как самоубийство, это было сделано настолько по-дилетантски, что у непредвзятого наблюдателя напрашивался только один вывод: Родатус прекрасно знал, что делал. И хотя председатель суда в начале процесса с возмущением сказал, что полиция, мол, не удосужилась провести даже самых необходимых следственных мероприятий, это был всего лишь тактический маневр, чтобы избежать упреков со стороны населения. Доктор Зайберт, бесспорно, знал, почему обычно надежный специалист по убийствам Родатус так безнадежно схалтурил в данном случае.

Тем не менее адвокат Мозер потребовал провести допрос обер-мейстера Родатуса в качестве свидетеля защиты. Однако публика напрасно в предвкушении новой сенсации ждала его появления в зале суда.

Председатель суда со своего места объявил:

— Свидетель Родатус не в состоянии дать показания. Он лежит в больнице с нервным истощением.

Когда же доктор Мозер стал настаивать на том, чтобы провести допрос в больнице, Зайберт раздраженно ответил:

— Но для чего вам это?! Это все равно ничего не даст. Родатус страдает от душевной травмы и находится в подавленном состоянии. Есть угроза его психическому здоровью, и, в конце концов, его семья против, поскольку не исключена опасность самоубийства.

Объяснять, почему допрос угрожает психическому здоровью сотрудника уголовной полиции, доктор Зайберт не стал.

Упорный адвокат Мозер не сдавался и захотел узнать, в какой больнице находится Родатус. Он потребовал официального медицинского подтверждения нервного истощения обер-мейстера.

На этот раз доктору Зайберту пришлось сделать сенсационное признание: Родатус под чужой фамилией лежит в одной из престижных частных клиник под Мюнхеном и с помощью медикаментов погружен на две недели в лечебный сон. Есть опасение, что после пробуждения он многое забудет, в том числе и события, связанные с убийством.

Если бы подобное объяснение не прозвучало в суде, а затем на страницах многих газет, то во все это трудно было бы поверить. Поскольку оба защитника продолжали настаивать на допросе Родатуса и даже потребовали отложить процесс, обер-мейстер на следующий день был разбужен для ответов на вопросы адвокатов. При этом присутствовали только секретарь суда, прокурор, лечащий врач и оба защитника.

Однако странное лечение сном истощенной нервной системы свидетеля уже оказало свое воздействие. Родатус помнил только то, что и без того стояло в протоколе. Лишь в одном он отклонился: стал оспаривать, что на месте преступления находилось оставленное преступником «голубое письмо». Это означало, что одна из немногих улик, на которых прокуратура строила свое обвинение, теряла доказательную силу.

Но у прокурора Руета объяснение было под рукой: Родатус наделал в своей работе столько ошибок, что вполне можно допустить еще одну — он просто не заметил письма.

Так же бесцеремонно обошелся бравый прокурор Рует в своей обвинительной речи со всеми другими противоречиями, всплывшими в ходе судебного расследования. Пресловутое «голубое письмо», сказочный замок в Испании, отсутствие алиби у обвиняемых и особенно мнимые признания, полученные при помощи Сильвии Косси и полицейского шпика Шрамма,— все это, по его мнению, неопровержимо доказывало вину подозреваемых. Отказ Сильвии Косси от своих показаний вовсе не смутил его, так же как и общеизвестная лживость Шрамма. Он потребовал для обоих обвиняемых пожизненного заключения.

Адвокаты, естественно, настаивали на оправдательном приговоре. Шаткое здание обвинения предоставляло им хорошую возможность для критики аргументации прокурора. Как доктор Мозер, так и доктор Пэлька указали на таинственную двойную жизнь убитого, на его опасный бизнес, связанный со спекуляцией оружием.

Однако они делали это настолько осторожно, что казалось, будто сами боятся слишком прямо указывать на истинные причины преступления, чтобы не разделить судьбу доктора Прауна.

Доктор Мозер ограничился напоминанием о том, что Праун постоянно боялся за свою жизнь, и виновата в этом была не фрау Брюне, а совсем другие силы, о которых, к сожалению, на этом процессе ничего не было сказано.

Доктор Пэлька сказал:

— Можно не сомневаться, что свое миллионное состояние убитый заработал отнюдь не врачебной практикой. К сожалению, за пять недель слушания дела об источниках его богатства не было сказано ни слова. Я убежден, что он играл видную роль в международной торговле оружием, а мы все знаем, с какими опасностями связан этот род деятельности. Мне нет нужды напоминать вам о многочисленных покушениях на торговцев оружием, которые происходят у нас в последние годы прямо под носом у полиции... Доктор Праун постоянно имел при себе несколько пистолетов, так как опасался за свою жизнь. Неужели вы всерьез думаете, что он боялся обвиняемых и хотел от них защититься? Если бы он боялся Веры Брюне, то вряд ли завещал бы ей замок в Испании.

Но похоже было, что все усилия адвокатов не поколебали табу вокруг политической подоплеки двойного убийства.

4 июня 1962 года председатель суда доктор Зайберт провозгласил:

— Оба обвиняемых приговариваются к пожизненному заключению за двойное убийство.

С обоснованием приговора доктор Зайберт себя особенно не утруждал. Коротко и ясно он заявил:

— Доказательный материал по делу настолько обширен, что при чтении приговора изложить его не представляется возможным.

На другой день одна из гамбургских газет написала: «Это самое необычное обоснование приговора за всю историю немецкой криминалистики».

Подробное обоснование обвинительного приговора доктор Зайберт отложил до письменного оформления всех документов процесса, и оно последовало лишь через несколько недель фактически при закрытых дверях, поскольку его получили только непосредственно пострадавшие — приговоренные к пожизненному заключению Вера Брюне и Йохан Фербах.

Зловещая концовка: западноберлинская кинокомпания, которая собиралась снять фильм о жизни Веры Брюне, пригласила на главные роли Лану Тёрнер и ее дочь Чэрил Крэйн — они в свое время тоже были замешаны в скандальной истории с убийством.

БОСТОНСКИЙ ДУШИТЕЛЬ

Первое убийство произошло в четверг, 14 июня 1962 года, когда американский астронавт № 1, встреченный многотысячными толпами ликующих бостонцев, прибыл в родной город, чтобы принять участие в торжественном приеме в аэроклубе «Новая Англия». Среди восторженно кричащих людей, стоявших в центре города вдоль Бэк-бей, была и 55-летняя Анна Слизерс, текстильщица с фабрики обивочной ткани. Из-за экономического спада дела на фабрике шли неважно; Анна работала три дня в неделю, и в этот четверг у нее был выходной. Поприветствовав астронавта, она сделала кое-какие покупки и около шести часов вечера вернулась домой, на Гэйнзбороу-стрит, 77. Она жила здесь одна с тех пор, как 25-летний сын Джурис ушел от нее из-за постоянных ссор.

Вечером Джурис собирался зайти к ней, чтобы в очередной раз обсудить вопросы, касающиеся раздела совместно нажитого имущества. Все дальнейшие события этого вечера известны только из показаний сына — других свидетелей случившегося не было.

За несколько минут до семи часов Джурис Слизерс припарковал свою подержанную и еще не оплаченную полностью автомашину перед домом матери, поднялся по лестнице и постучал в дверь ее квартиры. Когда ему никто не открыл, он, наклонившись к замочной скважине, прислушался, но не услышал ничего, что говорило бы о присутствии матери. Раздраженный тем, что ее нет в условленное время, он вернулся на улицу, сел в свой автомобиль и стал наблюдать за входом в дом. При этом он с удивлением обнаружил, что фасад здания покрыт строительными лесами. Он ждал почти час и за это время выкурил четырнадцать сигарет — окурки потом нашла полиция перед дверцей автомобиля. Несмотря на то что мать так и не появилась, без четверти восемь он еще раз поднялся к квартире и снова постучал. Не получив ответа, Джурис отошел на несколько шагов и с разбегу всем телом навалился на дверную филёнку. Дверь резко распахнулась, и Слизерс буквально влетел в квартиру, опрокинув стул, который почему-то стоял в прихожей. Сначала он мать не нашел, но зато увидел, что в гостиной, так же как и в спальне, все шкафы и комоды стоят раскрытыми, а их содержимое в беспорядке валяется на полу. Это заставило его предположить, что в отсутствие матери в квартиру, возможно по строительным лесам, проник взломщик и в поисках ценных вещей все перерыл. В кухне он обнаружил свою мать: она лежала на пороге в ванную комнату в спальном халате. Пояс от халата был завязан у нее на шее. Наклонившись, он сразу понял, что она мертва.

По телефону, который стоял в гостиной, Слизерс сообщил о случившемся в полицию. Дежурному, принимавшему у него сообщение, он сказал: «Моя мать покончила жизнь самоубийством, повесившись на дверной ручке в ванной комнате». То же самое услышали от него и полицейские, которые через пять минут приехали на патрульной машине. Он даже объяснил им мотивы самоубийства: «Мы уже давно жили с ней в ссоре, поэтому три недели назад я переехал. Сегодня я хотел договориться, чтобы она отдала мне мебель, за которую я платил. Должно быть, это ее так разволновало, что она покончила с жизнью. Мне кажется, она специально это сделала, чтобы доказать, будто я виноват во всех ее несчастьях!»

В полуторамиллионном Бостоне ежедневно происходили десятки самоубийств, особенно теперь, когда росла безработица. Поэтому у полицейских не было никаких оснований не доверять словам Джуриса Слизерса. Когда же старший патруля Бенсон с сомнением заметил: «Если она повесилась на ручке, то почему лежит на полу? Вы что, ее сняли?» — Джурис дал вполне правдоподобное объяснение: «Видно, под тяжестью тела пояс не выдержал и соскользнул с ручки. Во всяком случае, я ее нашел в таком положении».

Довольные, что им не надо больше разбираться с этим случаем, полицейские констатировали самоубийство. Они только напомнили Слизерсу, что в соответствии с существующими правилами ему необходимо вызвать врача и получить от него свидетельство о смерти матери.

Так и осталось бы убийство Анны Слизерс заурядным самоубийством, если бы в машине группы отдела убийств

не услышали приказ, переданный полицейскому патрулю. Группа занималась теми случаями, когда смерть наступала при неясных обстоятельствах, и поэтому ее сотрудники отправились на Гэйнзбороу-стрит. Они появились в квартире, когда патрульные полицейские уже собирались уходить.

Раздосадованный вмешательством незваных конкурентов в свою работу, старший патруля Бенсон бранчливо заметил:

— Ну зачем еще тут отдел убийств? Все же и так ясно. Обычное самоубийство... Вам что, обязательно нужно всюду совать свой нос?

Соперничество между простыми патрульными полицейскими и сотрудниками отдела убийств вызывалось не столько разницей в окладах, сколько престижными соображениями. В то время как рутинной работой полицейских в форме никто не интересовался, деятельности отдела убийств почти ежедневно посвящались длинные статьи в газетах, а фамилии сотрудников упоминались чуть ли не чаще фамилий голливудских кинозвезд. Это и служило в первую очередь причиной раздора между коллегами.

Лейтенант Дрисколл и инспектор Меллон и сейчас вели себя так, чтобы подчеркнуть разницу в положении.

— Где покойница? — бросил Меллон, демонстративно не обращая внимания на объяснение Бенсона; в это время Дрисколл уже осматривал гостиную.

— В кухне лежит,— пробурчал Бенсон и остался в комнате, когда Меллон, а за ним и Дрисколл отправились на кухню.

Оба патрульных полицейских уселись в гостиной; чем дольше длился осмотр в кухне и допрос сына, тем мрачнее становились их лица.

Минут через пятнадцать инспектор Меллон вернулся в гостиную. Он остановился в дверях, уперся руками в бока и набросился на полицейских:

— Ну что, вы называете это самоубийством?! Женщина задушена и к тому же, возможно, изнасилована! — Тяжело ступая, с видом большого начальника, он прошел через комнату к телефону и набрал семизначный номер, не переставая при этом распекать полицейских: — Хотел бы я знать, за что вам платят деньги. Вы только и можете, что кататься на патрульной машине... — Понизив голос, уже в трубку он сказал: — Это инспектор Меллон, дайте мне, пожалуйста, шефа отдела убийств!

Через полчаса квартиру уже оккупировали около десятка криминалистов, каждый из которых выполнял предписанные ему в таких случаях функции. Были сфотографированы все помещения и сняты отпечатки пальцев. Полицейский врач тщательно осмотрел тело покойной; показания сына и обоих патрульных были запротоколированы; затем опросили всех без исключения жильцов дома — могло быть, что кто-нибудь из них видел убийцу. Каждый предмет в квартире был описан.

Сына покойной подвергли изнурительному перекрестному допросу, который продолжался в течение всей многочасовой процедуры осмотра места происшествия. Снова и снова приходилось ему рассказывать, для чего и как попал он в квартиру, какие у него были отношения с матерью, из-за чего он с ней ссорился и почему в конце концов ушел из дому. В пять часов утра, когда первый этап расследования закончился, сотрудники отдела убийств уже не сомневались, что не было ни взломщика, ни насильника — Анну Слизерс, по их мнению, убил ее собственный сын Джурис.

Инспектор Меллон так ему открыто и сказал:

— Рассказывайте что хотите, но мать убили вы! Она не хотела вам отдавать мебель, вот вы ее и задушили. Весь беспорядок здесь, в квартире, положение тела покойной, ее одежда — все это вами подстроено, чтобы ввести нас в заблуждение.

Джурис Слизерс сидел на кушетке в гостиной, полностью измотанный, но все еще не готовый сделать признание. Он слезливо и нечленораздельно причитал:

— Это был не я. Я не мог убить свою собственную мать. Это был не я...

Его арестовали по подозрению в убийстве и три дня и три ночи почти беспрерывно допрашивали. Но он стоял на своем: «Это был не я. Я не убивал свою мать...»

В понедельник, 18 июня, Джуриса Слизерса пришлось освободить из-под ареста. Одних подозрений было недостаточно, чтобы продлить ордер. А доказательств того, что он убийца, найти не удалось.

Однако для сотрудников отдела убийств, как, впрочем, и для жильцов дома № 77 по Гэйнзбороу-стрит, Джурис оставался единственным подозреваемым — человеком, который, скорее всего, из-за нескольких полированных досок смог задушить свою мать. Это подозрение держалось шестнадцать дней — до 30 июня 1962 года.

В эту удушливую субботу, вечером, стало известно

о втором убийстве, которое произошло всего в нескольких милях от Гэйнзбороу-стрит, в доме № 19 на Коммонуэлз-авеню. Владелец дома Томас Брюс обнаружил 68-летнюю медицинскую сестру Нину Николс задушенной на полу ее спальни. Преступник, после того как убил ее, обмотал шею жертвы двумя нейлоновыми чулками и завязал их бантом. В квартире все было перевернуто вверх дном. Следы преступления говорили о том, что убийца был не только взломщиком, грабителем, но и насильником. Большего бостонскому отделу убийств установить не удалось. Расследование не дало никаких результатов. На этот раз подчиненным инспектора Меллона арестовывать было некого. Им оставалось только тешить себя весьма шаткой гипотезой: если все-таки Анну Слизерс убил ее сын, то он мог также задушить и Нину Николс, чтобы снять с себя подозрение в убийстве матери.

Однако эта гипотеза просуществовала всего два дня. Уже в понедельник, 2 июля, вечерние газеты сообщили о третьем убийстве. В пригородном местечке Линн жильцы дома № 73 по Ньюхолл-стрит заставили привратника подобрать ключ и открыть дверь квартиры 65-летней Хелен Блэйк, поскольку с субботы ее никто не видел и поэтому возникло опасение, что с ней что-то случилось. Задушенная миссис Блэйк лежала в кровати. На ней была только пижамная куртка, шею обвивал нейлоновый чулок, завязанный бантом на затылке. С пальцев ее правой руки были содраны два кольца с бриллиантами, которые она носила не снимая. По всем остальным признакам убийство походило на два предыдущих. Шкафы и комоды были раскрыты и обысканы; так же, как и тогда, не удалось обнаружить ни намека на то, что преступник проник в квартиру с применением силы. Окна и двери стояли закрытыми, без малейших следов взлома. Значит, пожилая дама сама, добровольно, открыла дверь убийце. Однако Хелен Блэйк — по профессии, кстати, тоже медсестра — тридцать пять лет, с момента своего развода, была решительной противницей мужского пола и с его представителями отношений не поддерживала. Казалось невероятным, чтобы она, будучи в одной пижаме, могла впустить в квартиру незнакомого мужчину. Поэтому лейтенант Эндрю Тьюни, руководитель отдела по расследованию убийств Эссекса, в ведении которого находился Линн, не верил, что убийцей мог быть мужчина. Это доставило немало неприятностей

подругам и знакомым женщинам Хелен Блэйк: им всем пришлось отвечать на неудобные вопросы об их образе жизни и наличии у них алиби. Но все поиски Тьюни в этом направлении оказались безрезультатными. Он не смог найти ни одной женщины, которая была бы способна на такое преступление, не говоря уже о том, чтобы доказать виновность какой-нибудь из них.

Только бостонские газеты извлекли выгоду из смерти Хелен Блэйк. Если первые два убийства затерялись среди криминальных событий крупного города — по статистическим данным, в 1962 году в Бостоне было совершено 71 убийство,— то третье удушение в течение трех недель вызвало уже аршинные заголовки в газетах. Вырисовывалась серия убийств, нераскрытых и щекочущих нервы своей чудовищностью. Ни один главный редактор не мог упустить такого случая.

3 июля во всех утренних газетах можно было прочесть: «Бостонский Душитель бродит вокруг!», «Бостонский Душитель прикончил свою третью жертву!», «Бостонский Душитель охотится за пожилыми женщинами!». Так появилась леденящая душу легенда о Бостонском Душителе.

Первыми пришли в ужас сотрудники отдела по расследованию убийств. Опытные криминалисты понимали, что теперь их ожидает волна подобных преступлений. Ничто так не подстегивает извращенную и неустойчивую фантазию преступника, как сенсационные заголовки в газетах. И предчувствия криминалистов вскоре оправдались. Еще девять женщин были убиты подобным зверским способом. Сенсационные газетные сообщения стали своеобразной инструкцией для убийц!

28 июля задушенной в собственной квартире обнаружили 85-летнюю Мэри Маллен, 19 августа — 75-летнюю Иду Эрга и 20 августа — 67-летнюю Джейн Салливан.

Бостон охватила паника. «Со времен Джека-Потрошителя, который семьдесят пять лет назад на освещенных газовыми фонарями улицах лондонского Уайтчэпела убил и изуродовал до неузнаваемости семерых женщин, ни одним городом не овладевал такой страх»,— писала «Бостон геральд трибюн» и следующим образом рисовала жизнь города: «Когда на город опускаются сумерки, все женщины, пугливо озираясь, торопятся домой. Странную картину на улицах представляют собой немощные пожилые дамы с огромными собаками, рвущимися с поводков. В Бостоне и окрестностях теперь нельзя купить

большой собаки. Торговцы собаками вынуждены отказывать сотням пожилых женщин. В это трудно поверить, рассказывает один торговец, но он обменял несколько десятков безродных бульдогов на очень дорогих пекинесов, да ему еще и приплатили за это... Другие вооружаются газовыми баллончиками и пистолетами, полицейскими свистками и дубинками, укладываются спать с топорами и лопатами, дни напролет обучаются дзюдо и каратэ. Если кому-то вдруг захочется посетить незамужнюю женщину, он обязательно наткнется на закрытую дверь».

Телефонный аппарат специальной «комиссии по Душителю», которую к тому времени создал начальник полицейского управления Макнамара, не смолкал ни днем ни ночью. Тысячи людей сообщали о своих подозрениях; их приходилось проверять, но все это в конце концов оказывалось ложной тревогой. Трагические несчастные случаи как следствие всеобщего панического настроения служили дополнительным материалом для газет, которые изо дня в день публиковали всякие истории, связанные с ужасным Душителем.

В Броктоне, одном из районов города, некая пожилая девица в ожидании своей сестры открыла дверь, но когда вместо сестры на пороге показался какой-то мужчина, с ней от страха случился сердечный приступ, и она тут же умерла. Мужчина был представителем читательского кружка и хотел предложить ей новые книги. Какой-то священник лишился зрения, потому что одна из прихожанок брызнула ему в лицо слезоточивым газом из баллончика, когда он хотел ее навестить: некоторые бостонские газеты пустили слух, что Душитель использует одежду священнослужителя и благодаря этому получает доступ в жилища своих жертв.

Не менее растерянной выглядела и «комиссия по Душителю» с ее попытками схватить убийцу или убийц. Когда традиционные методы расследования оказались бессильными, она обратилась к ясновидящим и другим сомнительным личностям, которые утверждали, что преступника можно разыскать при помощи телепатии и впавшего в транс медиума. Такими нелепыми способами было установлено семьсот тринадцать человек; психиатры приложили невероятные усилия, пытаясь при помощи психотропных средств найти среди них убийцу. Затем за этих людей взялись антропологи, графологи, судебно-медицинские эксперты... И все безрезультатно.

Одна крупная электротехническая фирма предоставила в распоряжение комиссии новейшую компьютерную систему. Программу составили лучшие программисты на основе подробнейших данных по сходным преступлениям, представленных полицией; через несколько минут машина выдала список всех подозреваемых. Он содержал... тридцать пять тысяч фамилий! Предпринятые вслед за этим розыски вызвали полный хаос в полицейском аппарате. Отпуска сотрудников были отменены. Все они выполняли задание специальной комиссии по проверке тридцати пяти тысяч мужчин, из которых почти десять тысяч в возрасте от восемнадцати до сорока лет в течение последних двух лет были пациентами психиатрических клиник и, по утверждениям врачей, страдали манией преследования, спровоцированной враждебными взаимоотношениями с матерью. Ведь именно такой тип преступника «вычислил» компьютер: «параноик, средних лет, ненавидит всех пожилых женщин, потому что ненавидел свою мать; он убил шесть пожилых женщин только потому, что они символизировали для него ненавистную мать».

Как тут не вспомнить Зигмунда Фрейда! Неизбежным следствием этой многонедельной охоты за ненавидящим свою мать Бостонским Душителем явилось то, что все остальные преступники могли безнаказанно мошенничать, воровать, грабить, убивать, поскольку на них у бостонской полиции не хватало уже ни времени, ни людей.

«В эти недели Бостон походил на город, который мог придумать какой-нибудь сумасшедший драматург для пьесы театра абсурда»,— писал один известный американский публицист о событиях в Бостоне.

Незадолго до конца 1962 года, 5 декабря, теория о Душителе, убивающем из-за ненависти к своей матери, приказала долго жить. В эту среду, во второй половине дня, в доме № 315 по Хандингтон-авеню — всего в двух кварталах от места первого убийства — была найдена мертвой двадцатилетняя студентка-негритянка Софи Кларк. Однокурсница обнаружила ее лежащей на ковре посреди комнаты — девушку задушили тремя нейлоновыми чулками. Шея убитой была настолько туго стянута, что чулки врезались в тело. Все говорило о том, что Софи Кларк изнасиловали. В остальном же это преступление походило на предыдущие убийства пожилых женщин. Так же были выдвинуты все ящики и распахнуты все шкафы и так же преступник не оставил никаких следов

насильственного вторжения в квартиру, хотя Софи Кларк, охваченная всеобщим страхом перед Душителем, поставила на дверь двойной замок и никогда не открывала незнакомым людям. Правда, на этот раз сотрудники отдела по расследованию убийств нашли свидетельницу, которая утверждала, что видела убийцу.

Живущая в соседнем доме 29-летняя миссис Марчелла дала следующие показания: «После обеда, минут в двадцать третьего, в мою дверь постучали. Так как муж был дома, я открыла; передо мной стоял мужчина лет тридцати, среднего роста, одетый в спецовку. Он сказал, будто его послал владелец дома, чтобы выяснить, не нужно ли покрасить в квартире стены. Он сразу же оттеснил меня в квартиру и остановился только в кухне. Однако как только я сказала, что сейчас не время этим заниматься, поскольку мой муж спит и не следует его будить, он тут же проговорил: «Ах, видно, я ошибся, наверно, имелась в виду квартира в конце коридора» — и поспешно удалился. В коридоре он еще столкнулся к моим сыном, который возвращался с улицы...»

Пятилетний сын подтвердил показания матери, а домовладелец заявил, что проверять квартиры он никого не посылал. И все же кроме расплывчатого описания мужчины, который зашел в квартиру с непонятными намерениями, седьмое убийство для расследования ничего не дало; хуже того, преступление против молодой девушки привело полицию в полное замешательство. Начальник управления Макнамара спрятался за призывом ко всем женщинам города всегда держать двери закрытыми и никому без тщательной проверки не открывать. Это было признанием собственного бессилия!

Волна убийств неудержимо катилась дальше. В новогодний вечер она накрыла привлекательную 23-летнюю секретаршу Патрицию Байсетт, 8 мая 1963 года — ее ровесницу, студентку Беверли Сэменс; правда, 8 сентября 1963 года очередной жертвой стала уже 58-летняя Эвелин Корбин, но выглядела она не старше сорока лет. 28 ноября, когда в Белом доме был установлен гроб с телом убитого президента Кеннеди и вся Америка у телевизоров следила за траурной церемонией, погибла 23-летняя студентка художественного колледжа Джоанна Грэфф и, наконец, 4 января 1964 года — совсем юная, девятнадцатилетняя, Мэри Салливан.

Бостонская полиция давно уже сложила оружие и занималась только тем, что регистрировала очередное убийство и готовила снимки и протоколы осмотра мест похожих друг на друга преступлений. Впрочем, полицейские не переставали клевать на нелепые фантазии всяких ясновидцев, гадалок, доносчиков, что только распыляло их силы. Паника, которая охватила город после первых шести убийств, сменилась теперь тупой апатией. Одинокие женщины больше уже не закрывались и не обзаводились злыми собаками и револьверами — они просто шли в церковь и молились.

Только последнее убийство самой младшей из жертв — Мэри Салливан — заставило людей и руководство города в страхе очнуться от этой летаргии. Газеты впервые опубликовали сделанную полицией фотографию изувеченного трупа. На снимке было видно, что преступник прислонил к ногам мертвой девушки красочную открытку с надписью «С Новым годом!». Это циничное надругательство над мертвой стало последней каплей. Паника, страх и апатия уступили место возмущению беспомощностью полиции. Тысячи женщин прошли колоннами через город и устроили демонстрацию перед зданием управления полиции с требованием отставки Макнамары. Когда полицейские попытались рассеять митингующих и даже применили против женщин дубинки, волнение переросло в открытый бунт. Везде, где только появлялись полицейские, на них набрасывались с руганью и побоями. Всеобщее возмущение уже нельзя было унять. Вечером по телевидению и радио выступил Генеральный прокурор США Эдвард В. Брок и объявил, что расследованием всех преступлений Бостонского Душителя с этого момента займется высший правоохранительный орган страны — Генеральная прокуратура — и будет вести его до тех пор, пока не схватит злодея. Он пообещал создать комиссию из самых квалифицированных криминалистов Америки и объявил, что за поимку убийцы назначено вознаграждение из расчета по десять тысяч долларов за каждое преступление.

Это честное признание своей ответственности главным юристом страны успокоило людей, но все старания новой следственной комиссии привели только к одному: убийство Мэри Салливан стало последним в этой зловещей серии. Комиссия из сорока человек под руководством Эндрю Тьюни, бывшего сотрудника ФБР, имела время собрать все следственные материалы по предыдущим двенадцати убийствам, но с новым преступлением подобного рода ей иметь дела уже не пришлось. Бостон-

ский Душитель исчез так же внезапно, как и появился. Однако население Бостона и за это было благодарно Генеральному прокурору и его людям, при этом мало кто заметил, что расследование специальной комиссии Генеральной прокуратуры было таким же безуспешным, как и расследование столь поносимых бостонских властей. Через шесть месяцев эту комиссию без лишнего шума распустили под издевательские насмешки бостонских полицейских — ведь они получили публичный нагоняй, хотя свою работу делали ничуть не хуже их знаменитых коллег.

Уголовное дело «Бостонский Душитель» отправилось пылиться на полки, но жители Бостона по-прежнему не могли забыть этого кошмара. Газеты, правда, ограничились несколькими заключительными статьями, в которых журналисты ломали себе голову над тем, почему преступник так внезапно прекратил убивать.

В одной из статей говорилось: «Его желание убивать приобрело такую форму, которую могло удовлетворить только самоуничтожение. Поэтому после убийства Мэри Салливан, которое вызвало наибольшую сенсацию и возмущение, он покончил с собой». Другая газета писала: «Каждое удушение было результатом обострения психопатического состояния человека, обремененного Эдиповым комплексом. Благодаря убийствам он вылечился и теперь ведет нормальный образ жизни».

Газеты, поддерживающие правящую партию, дали более популярное объяснение: «Вмешательство Генеральной прокуратуры дало ему понять, что рано или поздно его схватят. Испугавшись этого, он перестал убивать».

В любом случае никто не хотел отказываться от такой удобной легенды об одном Бостонском Душителе. Но разительное отличие двенадцати жертв по возрасту даже для дилетанта делало очевидным, что речь идет по крайней мере о двух преступниках, если не о четырех, восьми или всех двенадцати, которые занимались плагиатом, вдохновляясь описанием убийств в газетах. Известные ученые-криминалисты впоследствии единодушно поддержали такую точку зрения.

Итак, с роспуском осенью 1964 года специальной комиссии Генеральной прокуратуры уголовное дело по Бостонскому Душителю так и осталось незаконченным. Но позорная история, связанная с ним, только началась.

16 февраля 1965 года к зданию бостонского управления полиции подъехал огромный лимузин марки «студебеккер». Из него вышел 32-летний мужчина со спортивной выправкой, фамилия и фотографии которого месяцами не сходили со страниц газет всего западного мира. Это был Ли Бэйли, звезда американского адвокатского мира, который заставил говорить о себе после нескольких сенсационных процессов над убийцами. В Бостоне, его родном городе, он был популярнее любой кинозвезды. Прохожие сразу узнали его, проводили взглядами, пока он не исчез за дверями полицейского управления, и столпились вокруг автомобиля, который поражал своими размерами даже американцев с их гигантоманией. Сиденья лимузина были обтянуты мехом норки, в нем имелись беспроволочный телефон, телевизор и диктофон. За баранкой в белой ливрее сидел шофер с бульдожьим лицом; он выглядел как отпетый негодяй из какого-нибудь криминального телесериала. Звали его Джимми Логан, и он был первым подзащитным Ли Бэйли. Выступая адвокатом на совершенно безнадежном процессе, где Логан обвинялся в убийстве банковского кассира, Бэйли не только спас его от электрического стула, но даже добился оправдательного приговора. И это несмотря на то, что Логан в полиции признался в убийстве!

При помощи своих уловок, которые впоследствии принесли ему широкую известность и миллионное состояние, он перевернул право и правосудие с ног на голову и показал присяжным заседателям, что при получении признания от Джимми Логана полиция нарушила закон.

Когда Логана арестовали, к нему в камеру под видом преступника подсадили одного детектива, который расспросил его о подробностях убийства и скрытно записал весь разговор на магнитофон. Затем на официальном допросе полицейские прокрутили Логану пленку, и он, поняв, что отпираться бессмысленно, признался в преступлении. Он придерживался своего признания, пока суд не назначил ему защитником Ли Бэйли, которому с его честолюбивыми планами было совершенно безразлично, совершал убийство его подзащитный или нет. Он уговорил Джимми Логана отказаться от признания, «подмазал» детектива, которого подсаживали к Логану в камеру, и заставил его выступить на суде в качестве свидетеля защиты. По американским законам, арестованному перед допросом необходимо объявить, что

все, что он будет говорить, может быть использовано против него во время суда. Эта формальность детективом, естественно, не была соблюдена, следовательно, признание Логана являлось незаконным и суд не имел права использовать его в качестве свидетельства виновности обвиняемого. Из-за этой чисто формальной ошибки Логана вынуждены были оправдать, хотя все в зале суда знали, что он убийца.

«Ли Бэйли спас от электрического стула заведомого убийцу!» — с подобных газетных заголовков началась адвокатская карьера Бэйли. Этот эпизод помогает понять роль и место Бэйли в истории с Бостонским Душителем. Он был человеком, который мог пренебречь законом и моралью, если они стояли на его пути к славе и богатству.

В то время как кучка ротозеев внизу, на улице, дивилась на известного им по газетам Джимми Логана — Бэйли использовал его в качестве шофера и талисмана в память о своем первом успехе,— суперадвокат поднялся на шестой этаж, где располагался отдел по расследованию убийств.

— Привет, ребята, как дела? Может, для меня есть какое-нибудь стоящее дельце? — С этими словами он вошел в кабинет руководителя отдела лейтенанта Донована, который как раз собрал своих людей на совещание.

Неожиданное появление Бэйли весьма удивило присутствующих, и Донован неуверенно покачал головой:

— Нет, сэр, для вас — нет. Несколько обормотов избили до смерти молодого негра, который куда-то там пожаловался на их жестокое обращение. Полагаю, что вы...

Бэйли с безразличием махнул рукой:

— Ну, тогда у меня есть кое-что для вас, такое, о чем вы и мечтать не смеете. Есть возможность взять Бостонского Душителя!

Шесть человек, которые только что озабоченно обсуждали, как проводить расследование по убийству негритянского юноши, забыли обо всем. Сначала они подумали, что это неудачная шутка, и попробовали подковырнуть адвоката:

— Бэйли, может, он у вас внизу, в машине, или стоит за дверью? Тогда давайте его сюда!

Не обращая на это внимания, Бэйли невозмутимо сказал Доновану:

— Этот парень с сексуальными заскоками, а в

остальном — вполне нормальный. То, что он до сих пор рассказывал мне об убийствах, звучит довольно правдоподобно, но я должен посмотреть протоколы, чтобы убедиться, что он не врет. Мне не хотелось бы подсовывать вам какого-нибудь фантазера.

Руководитель отдела по расследованию убийств отвел глаза:

— Сожалею, мистер Бэйли, но сделать этого я не имею права, да и не могу. Все документы еще находятся в Генеральной прокуратуре.

Ли Бэйли нервно зашагал взад-вперед по комнате:

— Вы же работали первыми по этим делам. У вас ведь должны были остаться какие-то данные. Фотокопии или вторые экземпляры протоколов. Для начала мне и этого было бы достаточно.

Он вытащил из кармана жилета золотой портсигар и протянул полицейским. На крышке сияли инициалы «Л. Б.», обрамленные бриллиантами. Каждый из сотрудников взял по сигарете, но ни один не закурил, а аккуратно спрятал ее в свою пачку как сувенир. Сигареты Ли Бэйли были почти так же знамениты, как и он сам. Над длинным фильтром стояли те же инициалы «Л. Б.», отпечатанные на тонкой папиросной бумаге золотыми буквами. Они изготавливались табачной фирмой «Пэлл Мэлл» специально для адвоката, которая взамен получила разрешение использовать этот факт в своей телерекламе: «Даже Ли Бэйли курит «Пэлл Мэлл» из-за их известного всему миру аромата. Курите и вы только «Пэлл Мэлл», тогда вам гарантирован такой же успех!»

Лейтенант положил свою сигарету на чернильный прибор:

— Назовите нам этого человека, мистер Бэйли! Мы возьмем его и вытащим из него все, если он Душитель...

— Я приведу его вам только тогда, когда буду уверен, что это он,— решительно заявил Бэйли, не оставляя сомнения в том, что на другое он не согласится.

Один из сотрудников за спиной Бэйли проговорил:

— Сэр, если у вас есть опасения насчет назначенного вознаграждения, то мы на него не претендуем. В этом смысле можете быть спокойны...

Бэйли даже не повернулся. Совокупная награда в сто двадцать тысяч долларов, обещанная Генеральной прокуратурой за раскрытие двенадцати убийств, его мало интересовала. Бостонский Душитель был нужен ему для дел совсем иного масштаба.

— Ну так что, Донован? Достанете мне документы?

Шеф отдела по расследованию убийств с сожалением пожал плечами:

— Не могу. Если я затребую их в Генеральной прокуратуре, то мне нужно будет как-то обосновать это, ну, скажем, тем, что у нас появился подозреваемый, да и тогда я вряд ли их получу. Расследование этих убийств передано специальной комиссии Генеральной прокуратуры, и теперь это уже не наше дело.

Бэйли недовольно наморщил лоб:

— Специальную комиссию давно похоронили. Вы просто не хотите мне помочь.

— Вы недооцениваете ситуацию, Бэйли. В этом году в Массачусетсе выборы. Брок хотел бы остаться Генеральным прокурором. Уже одно то, что он с такой помпой взялся за это дело...

— Но покончить с Душителем он все-таки не смог.

— Однако убийства прекратились. Уже прошло больше года, и ни одной женщины не убили. Люди за это благодарны ему.

— Да-а, тогда, действительно, вы можете испортить ему все планы.

Донован снисходительно улыбнулся:

— Вовсе нет. Когда Брок разнюхает, что мы взяли след, он сразу же снова сколотит свою комиссию. Он ведь только этого и ждет. Если он окончательно освободит Бостон от этого изверга, это будет лучшей агитацией за него на выборах. Понимаете?

Ли Бэйли с многозначительной неторопливостью застегнул пальто и затушил сигарету в пепельнице Донована:

— Я не в состоянии учитывать все эти маневры. Я хочу только знать, действительно ли человек, которого я имею в виду, является Душителем или нет. Ну что ж, в таком случае я пойду прямо к Броку и удостоверюсь в этом.

И, сделав вид, что окончательно решился, он направился к двери. Донован внезапно выскочил из-за стола и поспешил за ним:

— Подождите, Бэйли! Вероятно, мы все-таки имеем одну возможность. У нас же остались машинописные копии наших следственных протоколов, которые, пожалуй, могли бы вам помочь...

Бэйли ухмыльнулся:

— Уж не хотите ли вы стать Генеральным прокурором, Донован?

— Глупости. Политика меня вообще не интересует.— Донован схватил Бэйли за руку и потянул к столу, возле которого сидели остальные сотрудники отдела убийств.— Поймите же вы! Вот эти люди больше года гонялись за Душителем, вкалывали по двадцать и больше часов в сутки. Их неделями не видели в семьях. Это их надо благодарить за то, что убийства наконец прекратились, а не тех канцелярских крыс, которые только и делали, что изучали документы. Если вы знаете, кто Душитель, тогда помогите им, а не тем, кто хочет на этом заработать политический капитал.

Ли Бэйли дружески кивнул:

— Ну, хорошо, ребята, моя поддержка вам обеспечена. Но пока об этом рано говорить. Сначала я должен узнать детали этих преступлений, чтобы разобраться, правду этот парень говорит или нет. Ли Бэйли не может позволить, чтобы его разыграл какой-то шутник. Помогите сначала мне, а потом и я вам помогу.

Бэйли добился от отдела по расследованию убийств того, чего хотел добиться. На основе оставшихся копий следственных протоколов лейтенант Донован составил ему общий список признаков, которые были характерны для всех двенадцати преступлений и о которых не писали газеты. Более того, Донован предоставил ему сведения, крайне важные для его скрытых замыслов:

— Обратитесь к лейтенанту Эндрю Тьюни из отдела по расследованию убийств Эссекса. Он был руководителем специальной комиссии Генеральной прокуратуры и имел возможность ознакомиться со всеми документами.

Бэйли сделал вид, что это его мало интересует:

— Зачем? Генеральная прокуратура, чего доброго, узнает об этом и подложит вам свинью.

Донован отрицательно покачал головой:

— От Тьюни Брок наверняка ничего больше не узнает. Он зол на все полицейское руководство. Они освободили его от должности шефа отдела по расследованию убийств Эссекса, потому что он не смог добиться результатов, работая в специальной комиссии Генеральной прокуратуры. Так и так он собирается уходить из полиции.

Ли Бэйли и виду не подал, как кстати пришлась ему эта информация о разозлившемся Тьюни.

— Может быть, как-нибудь позже... На первых порах мне хватит и вашей помощи,— безразлично сказал он

и с доброжелательной улыбкой попрощался: — Когда разберусь со своим парнем, я вам сообщу.

Он сразу направился в Эссекс, на квартиру к Эндрю Тьюни, где без долгих разговоров предложил смещенному руководителю эссекского отдела по расследованию убийств оставить службу в полиции и перейти работать к нему в качестве шефа созданного им частного сыскного бюро.

— У меня же нет высшего юридического образования, зачем я вам нужен? — с сомнением спросил Тьюни.

— Я ведь ищу не референта папки носить, а толкового сыщика!

— Для чего?

— Чтобы расследовать одно преступление... вроде дела Шеппарда,— приоткрыл тайну Бэйли и протянул ему руку.— Ну что, по рукам? Ежемесячно вы будете получать две тысячи долларов!

Но не только две тысячи долларов склонили Эндрю Тьюни пойти на службу к Бэйли. Больше всего его привлекла возможность заниматься расследованием преступления, похожего на дело Шеппарда. Этот криминальный случай долгие годы занимал Америку и стал важнейшим событием в адвокатской карьере Бэйли. Не было в стране ни одной газеты или журнала, которые не посвящали бы этому делу целые полосы.

Эта история началась одиннадцать лет назад в Кливленде, в штате Огайо. В пригородном местечке Бей-Виллидж, которое лежало прямо на берегу озера Эри, в роскошной вилле жил модный тридцатидвухлетний врач доктор Сэмюель Шеппард с женой Мэрилин. Как и положено представителям «высшего света», они часто устраивали приемы и дружеские вечеринки. В ночь с 3 на 4 июля 1954 года, после одного их таких приемов, на котором присутствовал бургомистр Джон Спенсер Хаук, Мэрилин Шеппард была убита. Первым об этом узнал бургомистр Хаук. Утром, перед самым восходом солнца, его разбудил телефонный звонок. Звонил Сэм Шеппард: «Спенсер, немедленно приезжай! Похоже, убили Мэрилин!»

Бургомистр Хаук в спешке разбудил жену, и они вдвоем поехали на виллу врача. В холле они наткнулись на Сэма Шеппарда. По пояс голый, в насквозь промокших полотняных штанах, он стонал в кресле. Лицо его распухло, как будто кто-то основательно его избил. Когда бургомистр спросил, что же все-таки произошло, Шеппард сказал: «Да ты сам посмотри! Я толком ничего и не знаю! Ночью я заснул на кушетке в гостиной и вдруг сквозь сон услышал какие-то громкие крики. Я вбежал по лестнице в спальню к Мэрилин. Но она лежала в кровати уже без признаков жизни, а все лицо ее было в кровоточащих ранах. Когда я над ней наклонился, кто-то ударил меня по затылку тяжелым предметом. Я чуть не потерял сознание, но потом побежал за незнакомцем вниз, к берегу озера. Там меня в темноте опять ударили... Пришел в себя я только через несколько минут на мелководье, по грудь в воде...»

Бургомистр Хаук поднялся в спальню и убедился в том, о чем рассказывал ему друг. Мэрилин Шеппард была убита. На ее лице имелось множество кровоточащих резаных ран; кровать и стены комнаты были забрызганы кровью. Все указывало на то, что в спальне происходила ожесточенная борьба.

По непонятным причинам бургомистр Хаук вызвал сначала не полицию, а братьев Сэма Шеппарда — Ричарда и Стефана. Они тоже были врачами и владели клиникой в Бей-Вью, другом пригородном местечке, расположенном ближе к Кливленду. В то время как Стефан сразу взбежал в спальню, Ричард задержался возле брата, который, очевидно, получил серьезные повреждения, и осмотрел его. Находящаяся тут же, в холле, жена бургомистра слышала, как Ричард Шеппард вдруг спросил брата: «Сэм, ты в этом деле не замешан?» Что ответил на это Сэм Шеппард, она не расслышала, но ей показалось, что он покачал головой.

Брат Стефан тем временем убедился, что его невестка мертва, и вызвал полицию.

Однако прежде чем приехали сотрудники отдела по расследованию убийств, братья отвезли Сэма Шеппарда в свою клинику, в Бей-Вью.

В дальнейшем это обстоятельство сыграло важную роль. Благодаря тому что Сэм Шеппард находился в частной клинике, он смог в течение многих дней уклоняться от допросов в полиции под тем предлогом, что якобы получил тяжелые повреждения. Поэтому о происшедших событиях сотрудники отдела убийств знали только от бургомистра и братьев Сэма Шеппарда. Все это навело коронера* Сэмюеля Джирбера на подозрение, что убий-

* Специальный судья, в обязанности которого входит выяснение причины смерти, происшедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах.

ство произошло совсем иначе, нежели его хотят представить, и что убийцей является сам Шеппард. Слухи из окружения Шеппардов укрепили это подозрение. Оказывается, их брак был совсем не таким счастливым, как после убийства пытался утверждать Сэм Шеппард. Мэрилин поддерживала любовные отношения с бургомистром Хауком, а сам Шеппард уже много лет состоял в интимной связи со своей ассистенткой Сьюзен Хэйес.

В то время как отдел по расследованию убийств в своем расследовании никак не мог продвинуться вперед, за дело взялась местная печать. Целеустремленно и обстоятельно рассказывали газеты об аморальном образе жизни супружеской пары. Общественность, и особенно ее женская половина, была возмущена поведением Сэма Шеппарда. А когда его ассистентка на допросе в полиции призналась, что является любовницей Сэма Шеппарда и ждет от него ребенка, выразительница общественного мнения «Кливленд пресс» пригрозила скандалом и потребовала: «Почему Сэм Шеппард все еще прячется в клинике своих братьев? Любой другой гражданин нашего города, против которого было бы выдвинуто такое подозрение — но не было бы таких хороших отношений с властями,— давно бы уже сидел под арестом в следственной тюрьме. Сэм Шеппард — единственный человек, который мог желать смерти своей жены, так как хотел жениться на другой, более молодой. Он водит полицию за нос при помощи своих братьев и влиятельных друзей. Сколько же это будет продолжаться и когда наконец доктор Сэм Шеппард окажется за решеткой?»

Под воздействием этой массированной кампании в прессе Шеппарда 30 июля арестовали, и через одиннадцать недель он предстал перед судом по обвинению в убийстве. Два месяца и два дня тянулся сенсационный процесс под председательством престарелого судьи Эдварда Блайзена; правда, он занимался не столько выяснением обстоятельств убийства, сколько обсуждением царивших на вилле Шеппардов нравов. Из-за тактики братьев и неуклюжего предварительного следствия судебное расследование так и не продвинулось вперед; процесс лишь послужил толчком для всплеска благочестивых настроений среди населения. Заранее осужденный общественным мнением за свой аморальный образ жизни, Сэм Шеппард был признан присяжными заседателями виновным в убийстве второй степени, то есть в умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств;

такое решение суду далось нелегко — присяжные перед его вынесением заседали сто два часа. Судья не решился отправить на электрический стул обвиняемого, виновность которого так и не была доказана, впрочем, как и невиновность... Он приговорил Шеппарда к пожизненному заключению.

Шеппард отсидел восемь лет. И тут ему была оказана юридическая помощь, хотя выглядела она весьма странно и неожиданно. Ариана Теббенйоханс, 57-летняя миллионерша, которая совсем недавно развелась с мужем, на пляже в Канне прочитала в каком-то иллюстрированном журнале сентиментальную историю о «деле Шеппарда» и заинтересовалась заключенным на цветной фотографии. Она послала Шеппарду письмо, в котором заверила, что убеждена в его невиновности, и обещала использовать свои миллионы, чтобы добиться пересмотра его дела. Шеппард ответил и смиренно поблагодарил за надежду и неожиданное участие в его судьбе. Завязалась переписка... В конце концов из огайской тюрьмы пришло страстное объяснение в любви: «Я люблю вас больше жизни! Вы вернули смысл моему существованию. Если бы я мог, я бы женился на вас, не сходя с места. Пусть даже в тюрьме». К письму прилагался железный крестик, изготовленный из тюремной ложки.

В конце 1962 года фрау Теббенйоханс прилетела в Огайо, наняла адвоката Ли Бэйли, чтобы добиться повторного судебного процесса, и вскоре достигла первого успеха. 23 января 1963 года она посетила в тюрьме Сэма Шеппарда. После четырехчасовой беседы в пустом помещении для свиданий она заявила собравшимся у ворот тюрьмы репортерам: «Теперь я абсолютно убеждена в невиновности Сэма. Поэтому рассматриваю нашу сегодняшнюю встречу как помолвку». Не только кливлендские, но и все американские газеты сообщили об этом под сенсационными заголовками с общим девизом «Любовь разорвет тюремные оковы!».

Любовь, которая должна была разорвать тюремные оковы, сразу же обошлась Ариане Теббенйоханс в четыре миллиона долларов, которые она предоставила в распоряжение Ли Бэйли, чтобы, как это делается в предвыборной президентской кампании, повернуть общественное мнение Огайо и особенно Кливленда в пользу несчастного и невиновного доктора Сэма Шеппарда. Прежде элегантная белокурая миллионерша стала носить дешевые платья, завязывать волосы в узел и выступать на

бесчисленных собраниях различных женских обществ как борец за справедливость и милосердие. Тексты ее речей по заданию Бэйли готовили проповедники и писатели. В специальной литературе Бэйли разыскал десятки примеров таких уголовных дел, когда невинно осужденные, изнуренные многолетним заключением, кончали жизнь самоубийством. Бэйли направил к прежним друзьям и знакомым Шеппардов самых дорогих частных детективов с целью собрать все сведения, слухи, предположения, которые при помощи подкупленных журналистов можно было бы использовать для того, чтобы расшатать сохранившееся еще у людей убеждение, будто Шеппард убил свою жену.

Самым отвратительным образом обошелся Бэйли с бывшей любовницей Сэма Шеппарда, его прежней ассистенткой Сьюзен Хэйес. Он откопал где-то сомнительных свидетелей, обвинивших ее в лживости и даче ложных показаний, организовал травлю ее анонимными письмами с угрозами, в которых ее поносили как убийцу жены доктора Шеппарда; дело зашло так далеко, что она предприняла попытку самоубийства, которую находившиеся на содержании у Бэйли журналисты тут же представили как доказательство ее вины.

Когда руководство тюрьмы запретило Ариане Теббенйоханс из-за поднятой ею шумихи вокруг Шеппарда дальнейшие свидания, Бэйли вместе с ней в рождественский сочельник 1963 года организовал шествие к стенам тюрьмы. В одной тонкой власянице она устроила у ворот тюрьмы «пикет любви» и на пронзительном холоде молилась об освобождении Шеппарда до тех пор, пока, обессилев, не потеряла сознание. Все это, естественно, происходило перед фото- и телекамерами.

В июле 1964 года кампания за освобождение доктора Сэма Шеппарда, организованная Бэйли, принесла первый крупный успех. Под давлением радикально изменившегося общественного мнения кливлендский суд принял решение условно-досрочно освободить врача под залог в сто тысяч долларов, которые, само собой разумеется, тут же предоставила фрау Теббенйоханс. 16 июля 1964 года, почти через десять лет после осуждения, Шеппард покинул тюрьму, чтобы уже больше туда никогда не возвращаться, хотя приговор суда и не был отменен. Три дня спустя фрау Теббенйоханс демонстративно отпраздновала бракосочетание с Шеппардом в чикагском отеле «Хилтон».

Правда, медовый месяц им испортили. Прокуратура заявила протест в связи с освобождением Шеппарда и потребовала его немедленного возвращения под арест. Бэйли направил в Верховный федеральный суд ходатайство о пересмотре дела, обосновав это новыми показаниями судебно-медицинского эксперта, который в свое время производил вскрытие трупа Мэрилин Шеппард. Тогда он почему-то умолчал о некоторых своих соображениях, по поводу которых теперь сделал письменное заявление: «Убийство Мэрилин Шеппард было произведено с бессмысленной жестокостью и неистовством; это позволяет говорить о том, что убийцей являлась ревнивая женщина, охваченная слепой яростью». Цель этого заключения, сделанного по заказу Бэйли, была очевидна. Несмотря на то что никакой фамилии при этом не упоминалось, вывод напрашивался один: убийцей Мэрилин Шеппард являлась разочаровавшаяся в своих ожиданиях любовница Сэма Шеппарда Сьюзен Хэйес. Иначе зачем бы ей было пытаться покончить с собой?

Последнюю помощь адвокату Бэйли, сам того не желая, оказал судья Блайзен, который приговорил Шеппарда к пожизненному заключению. Дожив почти до восьмидесяти лет, он умер и тем самым позволил выжиге Бэйли сделать решающий ход. Хелен Томсон, журналистка, которую Бэйли нанял на время кампании за отмену приговора Шеппарду, вдруг вспомнила, как судья Блайзен в 1954 году, в день начала процесса, сказал ей: «Для меня Шеппард виновен уже потому, что он грешник!» Журналистка заявила, что готова под присягой подтвердить это на повторном процессе. Таким образом Ли Бэйли получил весомый аргумент за возобновление судебного расследования: оказывается, судья еще до начала слушания дела имел предвзятое мнение, поэтому суд над Шеппардом был неправый.

В июне 1966 года на основании ходатайства Бэйли Верховный суд отменил обвинительный приговор Сэму Шеппарду и назначил повторное рассмотрение дела в кливлендском суде присяжных. 17 ноября был оглашен новый приговор: «Рассмотрев обстоятельства дела... мы пришли к выводу, что обвиняемый невиновен...»

Через десять дней, к началу рождественской распродажи, на прилавках американских книжных магазинов появился новый бестселлер. Книга называлась «Терпи и побеждай» и была написана Сэмом и Арианой Шеппард. Ее расхватали за несколько дней, и в течение года

она вышла тиражом в семь миллионов экземпляров. Согласно договору, пятьдесят процентов гонорара — счет шел на миллионы — получил адвокат Ли Бэйли.

Сразу после кливлендского суда, который вынес Шеппарду оправдательный приговор, Бэйли вызвали телеграммой в Бостон и предложили заняться новым сенсационным делом об убийстве. 33-летний Джордж Нассар, сын богатого бостонского фабриканта пищевых консервов, совершил абсолютно бессмысленное убийство заправщика бензоколонки. Без каких-либо видимых причин он ударил ножом в спину совершенно незнакомого ему мужчину, когда тот заправлял машину бензином; однако этого ему показалось мало, и он еще всадил в него четыре пули.

Нассар, правда, сбежал с места преступления, но через несколько часов его арестовали и предъявили обвинение в убийстве. В этот момент в дело вмешался Бэйли и предотвратил угрозу судебного процесса под тем предлогом, что его подзащитный является душевнобольным и поэтому не в состоянии участвовать в судебном разбирательстве. Джорджа Нассара поместили в психиатрическую больницу Бриджуотер для наблюдения за его психическим состоянием.

Вот здесь и начинается история, которая побудила Ли Бэйли посетить бостонский отдел по расследованию убийств и в конце концов предложить Эндрю Тьюни стать шефом его сыскного бюро. Лишь после того как Тьюни согласился с предложением и выразил готовность на него работать, Бэйли перешел к делу:

— Я защищаю Джорджа Нассара, который в Андовере убил заправщика бензоколонки.

Тьюни знал об этом случае:

— И в чем я могу вам здесь помочь? С преступлением все ясно. Вопрос только в том, сумасшедший он или нет.

— Вот именно,— сказал Бэйли.— Он сидит под наблюдением в Бриджуотере. Не думаю, что его сочтут душевнобольным. Он так же нормален, как и мы с вами.

— Тогда чего вы хотите добиться? — недовольно проговорил Тьюни, так как не видел в деле Нассара ничего привлекательного.

— Абсолютно ничего. Нассар здесь ни при чем. Главное в том, что рассказал сокамерник Нассара...

— И что же он рассказал? — уже с интересом спросил Тьюни.

— То, что он Бостонский Душитель.

Тьюни расхохотался:

— В Бриджуотере сидит семьсот сумасшедших, и каждый второй из них готов в любой момент сказать, что он Бостонский Душитель, только бы на него обратили внимание...

— Может быть, и так, но человек, который сидит с Нассаром, кажется мне очень подходящим для этого.

Тьюни начал догадываться, куда клонит Бэйли. Он пытливо посмотрел на него, но затем недоверчиво покачал головой:

— За прошлые годы мы проверили несколько тысяч пациентов в психушках и не нашли ни одного подходящего...

— Мой парень сидит в Бриджуотере всего несколько недель. И до этого ни разу не был ни в одной клинике. Так что вы никак не могли его проверять.

— Как его зовут?

Вместо ответа Ли Бэйли достал из своего портфеля скоросшиватель, на обложке которого стояло: «Альберт де Салво, монтер отопительного оборудования, 29 лет, женат, двое детей, проживает: Молден, Флоренс-стрит, 11; обвиняется в грабеже, нарушении неприкосновенности жилища и оскорблении». Он передал тоненькую папку Тьюни:

— Прочтите сначала это, а потом мы продолжим разговор.

Тьюни взял папку и, пожав плечами, раскрыл ее. Однако когда он углубился в чтение небольшого, страниц на двадцать, отчета о расследовании, то понял, откуда у Бэйли такой интерес к этому Альберту де Салво.

Человек с именем на итальянский манер в течение четырех лет посетил около четырехсот молодых женщин, в основном во второй половине дня; он представлялся мастером по ремонту сантехники и отопительного оборудования. Во время работы он заводил беседы о всякой всячине, но в конце концов всегда говорил: «Знаете, я по совместительству работаю вербовщиком в одном агентстве, которому для работы в качестве манекенщиц нужны молодые женщины. У вас же очень привлекательная фигура, не хотите туда устроиться? За час агентство будет платить вам сорок долларов, это был бы хороший приработок».

Большинство женщин выказывали интерес к этому предложению и поэтому позволяли мнимому вербовщику

сделать необходимые замеры. Он добровольно обмерял и записывал съемы груди, талии, длину ног и после этого бесследно исчезал. И лишь когда из агентства не приходило никакого извещения, женщины начинали понимать, что их дурачил какой-то мошенник со странностями. Только однажды, 27 октября 1964 года, через девять месяцев после последнего убийства Душителя, де Салво повел себя по-другому: после своих обычных побасенок и обмеров он украл из открытой дамской сумочки сто долларов. Но женщина это заметила и стала звать на помощь. Де Салво навалился на нее, зажал рот и привязал к кровати подвернувшимся под руку бельем. Прежде чем покинуть квартиру, он сказал: «А теперь десять минут полежите тихо, и тогда с вами ничего не случится,— и извиняющимся тоном добавил: — простите меня, это не входило в мои планы».

Однако женщина тут же стала громко звать на помощь, благодаря чему за злоумышленником погнались жильцы дома, и он в конце концов был задержан. В полиции, конечно, сразу же прикинули, не может ли он быть разыскиваемым Бостонским Душителем, но подозрение вскоре отпало. Все в нем не соответствовало той характеристике, которую давали убийце психиатры и компьютер. Ни разу, за исключением последнего случая, он не применял насилия; не был он также одержим ни Эдиповым комплексом, ни ненавистью к женщинам. Наоборот, он прямо-таки боготворил мать, молодую жену и детей. Свои необычные поступки де Салво объяснил очень просто. В одной телевизионной передаче он увидел, как какой-то мужчина при помощи таких уловок обкрадывал квартиры. Поскольку его доход был очень небольшим, он решил последовать этому примеру, и в большинстве случаев ему удавалось незаметно прихватить с собой небольшие суммы денег или какое-нибудь украшение.

Таким образом, Альберта де Салво вернули в разряд обычных уголовных преступников и только из-за последнего случая обвинили в грабеже, нарушении неприкосновенности жилища и оскорблении.

На этом месте Эндрю Тьюни прервал чтение отчета и сказал Бэйли:

— Точно, я вспомнил, мы им тоже занимались. Кажется, он был последним подозреваемым, которого мы проверяли. После этого специальную комиссию распустили. Но, бог свидетель, он был чист. Мы досконально проверили его алиби. Во время убийств он всегда был

дома или на работе. Мы не нашли ни малейших оснований для подозрений.

Бэйли оставил это возражение без внимания и только сказал:

— Прежде дочитайте до конца...

Изменения в поведении Альберта де Салво начались тогда, когда он, сидя в следственной тюрьме, узнал, что от него отреклась жена. Чтобы избавиться от сплетен соседей, она вместе с детьми уехала к сестре в Денвер и написала ему в тюрьму, что собирается подать на развод. Подкованные в юридических вопросах сокамерники научили его: если он хочет помешать разводу, надо, чтобы суд признал его душевнобольным. Тогда жена не сможет выдвинуть в качестве причины развода его преступления — ведь они были совершены им в невменяемом состоянии.

Эти аргументы убедили Альберта де Салво, и он начал прикидываться сумасшедшим, чтобы не потерять жену и детей. Уже на следующую ночь поднял на ноги охрану, нафантазировал, что его жена находится в камере, ругается и дерется с ним, и пригрозил, если ее немедленно не удалят, он ее задушит. Каждую ночь он устраивал подобный театр и так вошел в роль душевнобольного, что в конце концов убедил тюремного врача. 14 января его перевели в Бриджуотер для исследования психического состояния.

Здесь он начал разыгрывать новый спектакль, видимо имея в виду более высокую квалификацию местных врачей: теперь он стал Бостонским Душителем. Узнав во время проверки его специальной комиссией кое-какие подробности об убийствах и приукрасив их, стал рассказывать свои истории каждому, кто хотел его слушать. Одним из таких слушателей оказался Нассар, который и передал содержание рассказов Альберта де Салво своему адвокату.

Когда Тьюни закончил читать отчет, Бэйли с нетерпением спросил:

— Ну, что вы думаете по этому поводу?

— Ничего. Он не имеет абсолютно никакого отношения к убийствам. Это мы установили совершенно точно.

Адвокат опять полез в портфель и достал катушку с магнитофонной пленкой:

— У вас есть магнитофон?

Тьюни вытащил из шкафа магнитофон и поставил на стол.

Бэйли вставил катушку и, прежде чем включить магнитофон, сказал:

— Я записал его признание. Послушайте. Думаю, потом вы измените свое мнение.

Когда прокрутилось около половины пленки, Тьюни подошел к магнитофону и нажал на клавишу с надписью «Стоп»:

— Вы могли бы с этим и не начинать. Все рассказанное он узнал из газетных сообщений и из допросов, которые мы с ним проводили. Если бы он действительно был Душителем, то должен был бы рассказывать совсем другие вещи... Гораздо более ужасные и отвратительные, о которых не говорилось в прессе и о которых он не мог узнать от нас.

Бэйли беспечно проговорил:

— Ну хорошо, согласен, признание не совсем полное. Но он признается гораздо в большем и будет твердо держаться своих показаний даже в суде. Это я вам гарантирую.

Тьюни все еще сопротивлялся:

— Не верю я в это...

Теперь уже Бэйли перестал скрывать свои подлинные намерения. Он напрямую сказал Тьюни:

— У вас есть копии всех следственных протоколов по убийствам. Дайте их мне и положитесь на меня. Сейчас на вас поставили крест. Но если вы схватите Душителя, вас полностью реабилитируют.

— Если он во время суда откажется от своих показаний, да еще расскажет, как в действительности было слеплено его признание, тогда уж со мной точно все будет кончено.

— Вы останетесь шефом моего сыскного бюро. И он не откажется от показаний. Он одержим идеей быть Бостонским Душителем. Я ему гарантировал, что его признают невменяемым, и пообещал: как только мы опубликуем его признание, у него будет столько денег, что всей его семье хватит до конца дней. Сейчас все зависит только от него.

После затянувшейся паузы Тьюни проговорил:

— Могу себе представить... Действительно, вы своего добьетесь. В это ведь с большой охотой поверят, так как у всех пока еще остался страх — а вдруг эти ужасные убийства опять начнутся. Однако я слишком многим рискую...

Бэйли сочувственно улыбнулся:

— Так ли уж велик ваш риск? Восемьсот долларов месячного оклада в полиции... Вы будете получать такую пенсию, если останетесь работать у меня. Кроме того, я ведь вас ни во что не собираюсь впутывать. Официально вы станете получать от меня поручения, только когда я опубликую признание де Салво. Сейчас же лишь помогите дополнить его показания. И еще: если вы раскроете это дело в качестве моего служащего, а не полицейского, вам будет причитаться значительная часть вознаграждения.

Эндрю Тьюни второй раз за этот день протянул руку адвокату. Дьявольская сделка была заключена — серия ужасных убийств превратилась в выгодное дело с миллионными прибылями.

Несколько недель Ли Бэйли вел в Бриджуотере многочасовые беседы с Альбертом де Салво. И вот в воскресенье, 7 марта, жену заключенного, которая жила в доме своей сестры, позвали к телефону.

— Миссис де Салво, меня зовут Ли Бэйли. Я адвокат вашего мужа,— представился говоривший. Его голос звучал решительно и властно.— В ваших интересах и в интересах ваших детей сегодня же уехать от сестры и скрыться где-нибудь в Америке под чужой фамилией, потому что на следующей неделе репортеры и журналисты будут днем и ночью вас разыскивать, чтобы сфотографировать или взять интервью. Ваш муж — Бостонский Душитель. Он признался мне в этом несколько недель назад, и теперь все сомнения отпали. Для вас это, конечно, ужасно, но, может быть, вас несколько утешит, если я скажу, что он не преступник, а просто несчастный больной человек.

Когда женщина положила трубку, ее била крупная дрожь. Альберт — Бостонский Душитель? Она не хотела в это верить. Через несколько часов пришел рассыльный с почты. Он принес две тысячи долларов, которые Бэйли перевел телеграфом, чтобы на первое время у нее были деньги.

В понедельник, 8 марта, в десять часов утра Бэйли снова появился в бостонском отделе по расследованию убийств. На этот раз он принес магнитофон и стопку катушек. И в то время, когда лейтенант Донован и его люди слушали теперь уже полное признание Бостонского Душителя, продавцы газет разносили по улицам Бостона сенсационную весть: преступления Душителя раскрыты! Однако фамилия его еще не была названа. Даже сотруд-

никам отдела по расследованию убийств Бэйли прокручивал пленки на разных скоростях, чтобы они не могли узнать голоса Альберта де Салво. Причина была одна: Бэйли требовал заверений в том, что его подзащитного признают душевнобольным.

На это же нацеливало и признание, беззастенчиво сфабрикованное Бэйли, в котором де Салво с подачи адвоката говорил: «Я вынужден был совершать эти убийства не потому, что хотел, а потому что какая-то непонятная сила внутри меня заставляла это делать. Я знаю, что болен и, пока буду жить, уже не смогу вернуться в этот прекрасный мир. Однако я хочу сделать все, чтобы помочь врачам и специалистам разобраться в моей болезни, дабы что-нибудь подобное больше никогда не повторилось. Я обязан помочь человечеству и науке, тогда, может быть, это хоть как-то оправдает меня перед моими жертвами».

Прокурор Бостона Боттомли после прослушивания анонимного признания сказал Бэйли: «Я считаю, что это трагедия. По-другому назвать нельзя. Да, это случилось, и ничего уже не изменишь. Но я приложу все свои силы, чтобы медицина дала нам объяснение этого. Тогда только будет реабилитировано человеческое общество, ведь Душитель тоже к нему принадлежит...» Только после этого Бэйли раскрыл властям и прессе фамилию Альберта де Салво.

Однако все эти махинации служили лишь прелюдией к тому невероятному надувательству, которое было связано с легендой об этом изверге — о Бостонском Душителе.

В то время как толпы профессоров и докторов, психиатров и невропатологов набросились на Альберта де Салво, чтобы найти в его душе и мозге «массового» убийцу, Ли Бэйли вдали от этого шума завершал последний и важнейший для него этап операции «Бостонский Душитель». Команда из скорых на перо репортеров под псевдонимом «Герольд Франк» подготовила на основе представленных Эндрю Тьюни документов книгу в четыреста страниц, где якобы описывалась жизнь убийцы. Она должна была попасть на книжный рынок раньше, чем суд успеет обстоятельно, во всех деталях разобраться с признанием Альберта де Салво и вскрыть обман.

И замысел удался! В июне 1966 года «Бостонский Душитель» появился на книжных прилавках, через две

недели он попал в списки американских бестселлеров, а до конца года его тираж превысил четыре с половиной миллиона экземпляров. Процесс же над Альбертом де Салво состоялся лишь в середине января 1967 года и закончился констатацией объективного факта: де Салво не является Бостонским Душителем! Его осудили не за убийства бостонских женщин, а за разбойное нападение... Он был приговорен к пожизненному содержанию в психиатрической лечебнице. Сообщение об этом заняло в газетах едва ли больше тридцати строк.

ozon.ru
выбирайте
1087553342